

ЛЕНИНГРАДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени А. С. Пушкина

**СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИИ:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ
В ИСТОРИИ РОССИИ**

**Материалы XV Всероссийской научной конференции,
15 марта 2024 г.**

Выпуск 15

Текстовое электронное издание

Санкт-Петербург
2024

УДК 94(470-25):[94(47):353]
ББК 63.3(2-2Мос)+63.3(2-8)
С81

Редакционная коллегия: проф. В. А. Веремченко,
доц. В. О. Левашко,
С. В. Степанов (отв. ред.),
С. В. Зайцева (ред.)

С81 **Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России:** материалы XV Всероссийской научной конференции, 15 марта, 2024 г. / ответственный редактор С. В. Степанов. – Вып. 15. – Санкт-Петербург: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2024. – 1 CD-ROM. – Систем. требования: ПК (AMD, Intel, 1,5 ГГц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM; Adobe Acrobat Reader. – Загл. с титул. экрана. – Текст: электронный.
ISBN 978-5-8290-2182-5

В сборнике представлены доклады юбилейной XV Всероссийской научной конференции «Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России», на которой рассматривались общие проблемы региональной и социальной истории, вопросы повседневности отдельных социальных групп, а также политической, экономической, культурной жизни России. Среди авторов – ученые, преподаватели, специалисты в области гуманитарных наук, сотрудники библиотек и архивов, а также начинающие молодые исследователи.

Материалы сборника могут представлять интерес для преподавателей вузов, учителей, научных работников, аспирантов и всех интересующихся российской историей.

УДК 94(470-25):[94(47):353]
ББК 63.3(2-2Мос)+63.3(2-8)

© Авторы, 2024
© Ленинградский государственный
университет (ЛГУ)
имени А. С. Пушкина, 2024

ISBN 978-5-8290-2182-5

Содержание

Вступительное слово ответственного редактора	14
--	----

КРАЕВЕДЕНИЕ: ИСТОРИЯ, ТЕОРИЯ, ПРАКТИКА

<i>О. Г. Морозова</i> К истории музейного дела в российской провинции в начале XX в.: М. К. Тенишева и музей «Русская старина» в Смоленске	16
<i>Е. В. Суровцева</i> Наименования советских лагерей и их производные как часть лексико-семантического поля «географическое название» (на материале житий новомучеников и исповедников XX в. Московской епархии)	20
<i>В. С. Бычкова</i> Лексические средства вербализации оценки провинциалки как источник аксиологических характеристик представителя региона	23
<i>А. С. Rogozina</i> Проблемы и перспективы региональной истории в современной историографии	27
<i>Н. К. Соловьева</i> Опыт социально-культурной деятельности муниципальных библиотек Ленинградской области	30
<i>М. П. Андреева</i> Конференции Лужского общества краеведов: опыт организации и значение	36
<i>С. А. Низов</i> Игровые практики в познании краеведения	44
<i>О. В. Молодцова</i> Актуальные проблемы популяризации изучения местной истории среди молодежи в Ленинградской области и пути их преодоления	48

СОЦИАЛЬНЫЕ ГРУППЫ И ПОВСЕДНЕВНОСТЬ

<i>К. Н. Бабуков</i> Инкорпорация крымских татар в Российскую империю на рубеже XVIII–XIX вв.	56
<i>И. П. Горелов, А. Л. Никифоров</i> Гвардия – шутит: юмор, как атрибут повседневной службы в столичной императорской гвардии России	60
<i>А. Ю. Емельянов</i> К истории села Анненского Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии	64
<i>О. А. Асанидзе</i> История Приморских сёл во второй половине XIX в.	70
<i>А. А. Смурова</i> Проституция среди женской домашней прислуги в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.	77
<i>Н. Р. Губарева</i> Дворовые промыслы в северных волостях Санкт-Петербургского уезда в конце XIX в.	82

<i>А. Н. Гребенкин, А. А. Ларин</i> Организация охраны российских императоров и членов их семьи во время поездок в конце XIX в.	86
<i>Ф. А. Фокин</i> Морские путешествия моряков Морского гвардейского экипажа в годы правления императора-миротворца Александра III	91
<i>Д. С. Косоротов</i> Первая кольцевая автогонка России в материалах спортивной периодики.....	94
<i>А. О. Волгушева</i> Взаимоотношение творческой интеллигенции с Петроградским отделением профсоюза работников искусств в годы военного коммунизма	98
<i>И. И. Цупка</i> Рабочая повседневность ленинградцев в период с 1944 по 1950-е гг.	102
<i>Т. В. Власов</i> Проблема взаимоотношения советской власти и интеллигенции в 1960–1970-х гг.: историография вопроса.....	107
<i>И. В. Богдашина</i> Дневники врача Зинаиды Сергеевны Седельниковой как источник по реконструкции нестоличной повседневности: социальный оптимизм и надежда на лучшее будущее.....	111
<i>В. Л. Вайнгорт</i> Культурное влияние Ленинграда и Таллина на групповую ментальность строителей Прибалтийской ГРЭС в городе Нарва	116
<i>М. С. Хангалова</i> Представление социокультурного портрета региона средствами документальной фотографии (на примере Самарской области).....	121

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

<i>А. В. Евстигнеев</i> Договорные грамоты Великого Новгорода о Совете господ.....	130
<i>С. А. Чернышев</i> Интеграция татарских ханств Поволжья и Западной Сибири в символическое прошлое и настоящее Московского царства: первые идеи столичных чиновников.....	133
<i>А. Г. Нечаев</i> Общая характеристика судебной системы на территории Выборгской губернии в первой половине XIX в.	136
<i>Е. В. Дорджиева</i> Власть в системе политических представлений калмыков в XVIII – начале XX в.....	140
<i>Н. А. Кондалова</i> Надзор за деятельностью местных органов власти Пензенской губернии в первой половине XIX в.	145
<i>В. В. Кугай</i> Взаимовыгодное сотрудничество Волховстроя с петроградской промышленностью в начале 1920-х гг.	149
<i>Н. Г. Дашкевич</i> Отношение крестьян Ленинградской области к Конституции 1936 г. как фактор взаимодействия власти и общества на местах.....	154

<i>А. А. Кузнецова</i>	
Проявления инакомыслия в советском обществе в эпоху 1960–1980-х гг. на примере Ханты-Мансийского автономного округа.....	158
<i>В. Р. Султангулов</i>	
Полномочия Республики Башкортостан в области межрегиональных и международных отношений в 1990-е гг. в контексте отношений с федеральным центром.....	162
<i>В. В. Евпалов</i>	
Муниципальная реформа российской провинции 1995 г. (по материалам Самарской области).....	166

ЭКОНОМИКА И ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ЖИЗНЬ

<i>Ю. С. Муренкова</i>	
Торговый средневековый Смоленск: археологические находки послевоенного периода.....	172
<i>К. Е. Николаенко</i>	
Ключевые аспекты хозяйственной деятельности новгородских горожанок XII–XIV вв.....	174
<i>Н. В. Никитина</i>	
Императорские визиты и проблема строительства дорожной сети в Смоленской губернии в XVIII – первой трети XIX в.	179
<i>Л. А. Подолянец</i>	
Становление предпринимательства в лесной отрасли в Санкт-Петербургской губернии в XIX–XX вв. (на примере семьи крестьян Васильевых)	186
<i>А. Ю. Соболев</i>	
Усадебная жизнь на рубеже XIX–XX вв. на примере семьи Геймбюргер.....	190
<i>А. А. Аганов</i>	
Деятельность Таганрогского института научной организации производства (по архивным материалам).....	194

ИСТОРИЯ СПОРТА, МЕДИЦИНЫ И БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТИ

<i>В. А. Полудень</i>	
Меры социальной помощи военным инвалидам и ветеранам в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в.: анализ нормативных документов	199
<i>С. А. Баша</i>	
Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1892–1896 гг. (на основе данных статистики)	203
<i>М. А. Ланда</i>	
«Деятельная работа русского общества»: Выборгское местное управление Российского общества Красного Креста.....	209
<i>В. А. Веремько</i>	
Организация стоматологической помощи школьникам в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в.....	214

ИСТОРИЯ ДЕТСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ

<i>Е. А. Меркулова</i> Открытие начальных школ Министерства народного просвещения на территории Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии (1868–1917 гг.)	220
<i>В. В. Шишелова</i> Женское образование в среде горских евреев в XIX в.	224
<i>Е. А. Шапкина</i> Повседневная жизнь петербургских детей в мемуарах второй половины XIX – начала XX в.	227
<i>О. С. Багрова</i> Обряды и магические действия сельских повивальных бабок в конце XIX – начале XX в. (на примере Тобольской и Иркутской губерний)	232
<i>Я. М. Цыганова</i> Городские стипендии в учебных заведениях Самары в конце XIX – начале XX в. как коммеморативные практики.....	237
<i>В. В. Карпова</i> «Учитель должен всегда учиться»: вопрос об удовлетворении духовных потребностей народного учителя на I Всероссийском съезде представителей Обществ вспомоществования учащихся	243
<i>К. М. Матвиенко</i> «Потешные» полки в Павловске в начале XX в.	249
<i>С. В. Степанов</i> Частная благотворительность петербургской интеллигенции в развитии народного образования и просвещения в Сиверской дачной местности Петербургской губернии в начале XX в.	254
<i>М. Е. Бурканова, С. В. Зайцева</i> Мурзинская колония глухонемых в 1900–1918 гг.	260
<i>Л. А. Веденёв</i> Положение детей на территории оккупированной финнами Карело-Финской ССР в 1941–1944 гг.	265
<i>Ю. В. Сутула</i> Особенности издания юбилейной университетской литературы: тенденции прошлого и настоящего	270

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

<i>О. Ю. Латышев, П. А. Латышева, М. Э. Радаэлли, М. Луизетто</i> Вклад Антонио Ринальди в архитектурное наследие Ораниенбаума и Царского Села.....	276
<i>Н. М. Петухова, Д. Г. Жоркина</i> Анализ исторических построек начала XX в. с замкнутыми дворовыми пространствами в г. Тамбове	281

РЕГИОНАЛЬНАЯ БИОГРАФИКА И МЕСТА ПАМЯТИ

<i>А. А. Латина</i> Ефросинья Старицкая как пример провинциальной святой (по материалам русских летописей).....	287
<i>И. Ф. Миненко</i> Вклад Н. Д. Диковского в становление и развитие агробиологической промышленности Курского края: конец XIX – начало XX в.	291
<i>К. С. Барабанова</i> Человек-самолет, человек-пароход и человек-аэропорт: Ф. К. Салманов, В. И. Муравленко и Ю. Г. Эрвье в роли мест памяти нефтяной целины	297
<i>М. С. Трегубова</i> Культ пригородов Петербурга в частной и творческой жизни Александра Николаевича Бенуа	301
<i>Е. В. Фальков, Р. А. Яковец</i> История церкви Алексея человека Божьего в начале XX в.....	304

КУЛЬТУРА И НАУКА

<i>С. Г. Галаганова</i> Вечные социальные смыслы гражданской лирики Пушкина.....	310
<i>А. В. Трунцова</i> Семиотический модус балета в химкинском тексте провинциальной культуры	313
<i>О. В. Ершова</i> Артист Иван Пустошкин-Борецкий	318
<i>Е. М. Дележа</i> Культурная жизнь Забайкалья в начале XIX в.	322
<i>Т. Е. Лямина</i> Деятельность Пролеткульта в Смоленске в первые годы советской власти	328
<i>Р. А. Жумаев</i> Лекционная работа в Саратовском государственном художественном музее им. А. Н. Радищева в 1945–1960-е гг.	332
<i>И. В. Зайцев, С. И. Подольский</i> Жизненный путь выдающегося металлурга И. П. Бардина	337
<i>С. Л. Егорова</i> Языковед В. И. Лыткин (1895–1981): между Москвой и Сыктывкарсом (по документам личного архивного фонда А. Е. Ванеева)	343
<i>Л. Н. Семенова, С. Д. Лабонина</i> Деятельность учреждений культурно-досугового типа в г. Гатчине Ленинградской области (1970–1980-е гг.).....	347

ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

<i>Н. Д. Чекулаев, М.-П. Б. Абдусаламов</i> К вопросу об историографии Терского казачества на Северном Кавказе (XVIII – нач. XX в.).....	353
<i>Р. А. Адам</i> Русский флот: переход от парусного к паровому	357

<i>А. В. Похилюк</i>	
Взаимодействие центральных и местных органов власти по жизнеобеспечению населения блокадного Ленинграда.....	362
<i>В. О. Левашко</i>	
Демобилизация 1945–1948 гг. в Ленинградской области: проблемы и решения.....	366
Сведения об авторах	374

Contents

Introductory Statement by the Executive Editor	14
--	----

LOCAL STUDIES: HISTORY, THEORY, PRACTICE

<i>O. G. Morozova</i> On the history of museum affairs in the Russian province at the beginning of the twentieth century: M. K. Tenishev and the Russian Antiquity Museum in Smolensk	16
<i>E. V. Surovtseva</i> Names of Soviet camps and their derivatives as part of the lexical-semantic field “geographical name” (based on the lives of the new martyrs and confessors of the 20 th century of the Moscow Diocese)	20
<i>V. S. Bychkova</i> Lexical means of verbalization of a provincial woman’s assessment as a source of axiological characteristics of a representative of the region.....	23
<i>A. S. Rogozina</i> Problems and prospects of regional history in modern historiography	27
<i>N. K. Solovyova</i> Experience of socio-cultural activities of municipal libraries of the Leningrad region.....	30
<i>M. P. Andreeva</i> Conferences of the Luga Society of Local Lore: experience of organization and significance	36
<i>S. A. Nizov</i> Game practices in knowledge of local history	44
<i>O. V. Molodtsova</i> Current problems of popularizing the study of local history among young people in the Leningrad region and ways to overcome them	48

SOCIAL GROUPS AND DAILY ROUTINES

<i>K. N. Babukov</i> Incorporation of the Crimean Tatars into the Russian Empire at the turn of the 18 th – 19 th centuries	56
<i>I. P. Gorelov, A. L. Nikiforov</i> The Guard jokes: humor as an attribute of everyday service in the capital's Imperial Guard of Russia	60
<i>A. Y. Emelyanov</i> On the history of the village of Annensky, Shlisselburg district, St. Petersburg province	64
<i>O. A. Asanidze</i> History of Primorsky villages in the second half of the 19 th century.....	70
<i>A. A. Smurova</i> Prostitution among female domestic servants in the Russian Empire in the second half of the 19 th – early 20 th centuries.....	77
<i>N. R. Gubareva</i> Yard crafts in the northern volosts of St. Petersburg district at the end of the 19 th century.....	82

<i>A. N. Grebenkin, A. A. Larin</i>	
Organization of the protection of Russian emperors and members of their families during trips at the end of the 19 th century	86
<i>F. A. Fokin</i>	
Sea travels of the sailors of the Naval Guards crew during the reign of the peacemaker Emperor Alexander III	91
<i>D. S. Kosorotov</i>	
The first Russian circuit racing in sports periodicals	94
<i>A. O. Volgusheva</i>	
The relationship of the creative intelligentsia with the Petrograd Branch of the Trade Union of Art Workers during the years of war communism	98
<i>I. I. Tsupka</i>	
Daily working life of Leningrad residents from 1944 to the 1950s	102
<i>T. V. Vlasov</i>	
The problem of the relationship between the Soviet government and the intelligentsia in the 1960–1970s: historiography of the issue	107
<i>I. V. Bogdashina</i>	
The diaries of doctor Zinaida Sergeevna Sedelnikova as a source for the reconstruction of non-capital everyday life: social optimism and hope for a better future	111
<i>V. L. Vaingort</i>	
The cultural influence of Leningrad and Tallinn on the group mentality of the builders of the Pribaltiyskaya State District Power Plant in the city of Narva	116
<i>M. S. Khangalova</i>	
Presentation of the sociocultural portrait of the region through documentary photography (using the example of the Samara region)	121

INTERACTION OF AUTHORITIES AND SOCIETY

<i>A. V. Evstigneev</i>	
Treaty letters of Veliky Novgorod on the Council of Lords	130
<i>S. A. Chernyshov</i>	
Integration of the Tatar khanates of the Volga region and Western Siberia into the symbolic past and present of the Muscovite kingdom: the first ideas of capital officials	133
<i>A. G. Nechaev</i>	
General characteristics of the judicial system on the territory of the Vyborg province in the first half of the 19 th century	136
<i>E. V. Dordzhieva</i>	
Power in the system of political ideas of Kalmyks in the 18 th – early 20 th centuries	140
<i>N. A. Kondalova</i>	
Supervision of the activities of local authorities of Penza province in the first half of the 19 th century	145
<i>V. V. Kugai</i>	
Mutually beneficial cooperation between Volkhovstroy and Petrograd industry in the early 1920s	149

<i>N. G. Dashkevich</i>	
The attitude of the peasants of the Leningrad region to the 1936 Constitution as a factor of interaction between government and society in local communities.....	154
<i>A. A. Kuznetsova</i>	
Manifestations of the dissent in the Soviet society in the era of the 1960–1980s on the example of the Khanty-Mansi Autonomous Area.....	158
<i>V. R. Sultangulov</i>	
Powers of the Republic of Bashkortostan in the field of interregional and international relations in the 1990s in the context of relations with the federal center.....	162
<i>V. V. Evpalov</i>	
Municipal reform of Russian province of 1995 (based on Samara region)	166

ECONOMY AND ECONOMIC LIFE

<i>Y. S. Murenkova</i>	
Medieval Commercial Smolensk: Archaeological Finds of the Post-War Period.....	172
<i>K. E. Nikolaenko</i>	
Key aspects of the economic activity of Novgorod townswome of the 12 th – 14 th centuries	174
<i>N. V. Nikitina</i>	
Imperial visits and the problem of building a road network in the Smolensk province in the 18 th – first third of the 19 th centuries	179
<i>L. A. Podolyanets</i>	
Formation of entrepreneurship in the forestry industry in the St. Petersburg province in the 19 th – 20 th centuries, by the example of the Vasiliev family of peasants.....	186
<i>A. Y. Sobolev</i>	
Manor life at the turn of the 19 th – 20 th centuries using the example of the Geimburger family	190
<i>A. A. Aganov</i>	
Activities of the Taganrog Institute for Scientific Organization of Production (based on archival materials).....	194

HISTORY OF SPORTS, MEDICINE AND CHARITY

<i>V. A. Poluden</i>	
Measures of social assistance to military invalids and veterans in St. Petersburg in the first half of the 19 th century: analysis of regulatory documents.....	199
<i>S. A. Basha</i>	
Cholera epidemic in St. Petersburg in 1892–1896 on the basis of statistical data.....	203
<i>M. A. Landa</i>	
"Active work of the Russian Society": Vyborg Local Administration of the Russian Red Cross Society	209
<i>V. A. Veremenko</i>	
Organization of dental care for schoolchildren in St. Petersburg in the second half of the 19 th – early 20 th centuries	214

HISTORY OF CHILDHOOD AND EDUCATION

<i>E. A. Merkulova</i> Opening of primary schools of the Ministry of Public Education on the territory of Tsarskoye Selo district of Saint Petersburg province (1868–1917)	220
<i>V. V. Shishelova</i> Female education among Mountain Jews in the 19 th century	224
<i>E. A. Shashkina</i> Everyday life of St. Petersburg children in memoirs of the second half of the 19 th – early 20 th centuries	227
<i>O. S. Bagrova</i> Rituals and magical actions of rural midwives at the end of the 19 th – beginning of the 20 th century (using the example of Tobolsk and Irkutsk provinces)	232
<i>Y. M. Tsyganova</i> City scholarships in Samara's educational institutions in the late 19 th – early 20 th centuries as commemorative practices	237
<i>V. V. Karpova</i> "A teacher should always learn": the question of meeting the spiritual needs of the national teacher at the First All-Russian Congress of representatives of Mutual Aid Societies of teachers	243
<i>K. M. Matvienko</i> Regiments of boy-soldiers in Pavlovsk at the beginning of the 20 th century.....	249
<i>S. V. Stepanov</i> Private charity of the St. Petersburg intelligentsia in the development of public education and enlightenment in the Siverskaya dacha area of the St. Petersburg province at the beginning of the twentieth century	254
<i>M. E. Burkanova, S. V. Zaytseva</i> Murzinsky colony of the deaf and dumb in 1900–1918	260
<i>L. A. Vedenev</i> The situation of children in the territory of the Finnish-occupied Karelo-Finnish SSR 1941–1944	265
<i>Y. V. Sutula</i> Features of publishing anniversary university literature: trends of the past and the present	270

HISTORICAL AND CULTURAL HERITAGE

<i>O. Y. Latyshev, P. A. Latysheva, M. E. Radaelli, M. Luisetto</i> Antonio Rinaldi's contribution to the architectural heritage of Oranienbaum and Tsarskoe Selo.....	276
<i>N. M. Petukhova, D. G. Zhorkina</i> Analysis of historical buildings of the beginning of the 20 th century with closed yard spaces in the city of Tambov	281

REGIONAL BIOGRAPHY AND PLACES OF MEMORY

<i>A. A. Lapina</i> Efrosinya Staritskaya as an example of a provincial saint based on materials from Russian chronicles	287
<i>I. F. Minenko</i> Contribution of N. D. Dikovskiy in the formation and development of the agrobiological industry of the Kursk region: the end of the 19 th – beginning of the 20 th century.....	291

<i>K. S. Barabanova</i>	
Airplane man, steamship man and airport man: F. K. Salmanov, V. I. Muravlenko and Yu. G. Hervieu as a place of memory of the virgin oil fields	297
<i>M. S. Tregubova</i>	
The cult of the suburbs of St. Petersburg in the private and creative life of Alexander Nikolaevich Benois	301
<i>E. V. Falkov, R. A. Yakovets</i>	
History of the Church of Alexy the Man of God at the beginning of the 20 th century	304

CULTURE AND SCIENCE

<i>S. G. Galaganova</i>	
Eternal social senses in Pushkin civic lyrics	310
<i>A. V. Truntsova</i>	
Semiotic modus of ballet in the Khimki text of provincial culture.....	313
<i>O. V. Ershova</i>	
Artist Ivan Pustoshkin-Boretsky	318
<i>E. M. Delezha</i>	
Cultural life of Transbaikalia at the beginning of the 19 th century	322
<i>T. E. Liamina</i>	
Activities of Proletkult in Smolensk in the early years of Soviet power	328
<i>R. A. Zhumaev</i>	
Lecture work at the Saratov State Art Museum named after A. N. Radishchev in 1945–1960s	332
<i>I. V. Zaitsev, S. I. Podolsky</i>	
Outstanding life path of a metallurgist I.P. Bardin	337
<i>S. L. Egorova</i>	
Linguist V. I. Lytkin (1895–1981): between Moscow and Syktyvkar (according to documents from the personal archival fund of A. E. Vaneev)	343
<i>L. N. Semenova, S. D. Labonina</i>	
Activities of cultural and leisure institutions in the regional centers of the country in the 1970s – 1980s (on the example of the city of Gatchina, Leningrad region).....	347

MILITARY AND MILITARY ART

<i>N. D. Chekulaev, M.-P. B. Abdusalamov</i>	
On the question of the historiography of the Terek Cossacks in the North Caucasus (XVIII – early XX century)	353
<i>R. A. Adam</i>	
Russian Navy: Transition from steam to sail	357
<i>A. V. Pokhilyuk</i>	
Interaction of Central and Local Authorities on Life Support for the Population of Besieged Leningrad.....	362
<i>V. O. Levashko</i>	
Demobilization of 1945–1948 in the Leningrad region (Leningrad Oblast): problems and solutions	366
About Authors	374

Вступительное слово ответственного редактора

В Ленинградском государственном университете им. А. С. Пушкина 15 марта 2024 г. прошла XV ежегодная Всероссийская научная конференция «Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России», на которой традиционно рассматривались общие проблемы как региональной, так и социальной истории, повседневности отдельных социальных групп, вопросы политической, экономической и культурной жизни России. В работах исследователей – историков, социологов, филологов, экономистов, сотрудников музеев, библиотек и архивов, представлены сюжеты, исторические события регионов страны, взаимосвязанные общими историческими судьбами и биографиями деятелей. Особое место занимают исследования, касающиеся истории Ленинградской области, свои статьи по этой тематике публикуют студенты факультета истории и социальных наук университета.

Конференция в пятнадцатый раз объединяет историков и специалистов гуманитарного профиля, занимающихся проблемами регионалистики, биографики и повседневности. У истоков ее проведения – зав. кафедрой истории России, доктор исторических наук, профессор В. А. Верременко. С 2014 г. организацией работы конференции занималась доцент кафедры истории России, кандидат исторических наук В. В. Карпова. С 2022 г. подготовку и проведение конференции осуществляет научно-образовательный центр краеведческих исследований ЛГУ им. А. С. Пушкина.

Традиционно тематика докладов отличается широкой географией исследуемых регионов России – от Северо-Запада до Кавказа, а также разнообразием изучаемых аспектов политической, общественной, социальной и культурной жизни страны. При формировании сборника редакционная коллегия придерживается хронологического порядка расположения статей.

Публикация прикладных исследований и краеведческий подход в филологии и истории способствовали появлению теоретико-методологического направления, нашедшего свое воплощение в разделе «Краеведение: история, теория, практика», в котором представлены подходы к краеведческому исследованию с точки зрения различных социогуманитарных наук: истории, филологии, культурологии. Особый интерес в блоке представляют статьи, касающиеся обобщения практического опыта краеведческой деятельности библиотек Ленинградской области (Н. К. Соловьева, М. П. Андреева), игровых форм приобщения школьников к изучению истории своей малой Родины (С. А. Низов, О. В. Молодцова).

В статьях по проблемам политической истории рассматриваются особенности организации и функционирования региональной власти (А. В. Евстигнев, Е. В. Дорджиева, Н. А. Кондалова и др.); взаимодействие местной власти и общества (Н. Г. Дашкевич); особенности межнациональных отношений (В. Р. Султангулов, В. В. Шишелова); социально-политические события в отдельных регионах (Ю. С. Муренкова, К. Е. Николаенко, Л. А. Подолянец и др.).

Традиционно в сборнике освещаются вопросы истории образования и воспитания в России в XIX–XX вв., часть материалов носит краеведческий характер (Е. А. Меркулова, В. В. Карпова, Я. М. Цыганова и др.).

В сборнике также отражены истории детства, детского спорта и др. (Е. А. Шашкина, М. Е. Бурканова, С. В. Зайцева, В. А. Верременко, В. А. Полудень и др.).

О. Г. Морозова

К истории музейного дела в российской провинции в начале XX в.: М. К. Тенишева и музей «Русская старина» в Смоленске

Статья посвящена истории музейного дела в российской провинции в начале XX в. на примере Смоленского края. Представлена деятельность мецената и коллекционера – княгини М. К. Тенишевой по открытию музея на Смоленщине в начале XX в. Раскрыта история музея «Русская старина». Особое внимание уделено источниковой базе исследования.

The article is devoted to the history of museum business in the Russian province at the beginning of the 20th century on the example of the Smolensk region. The article presents the activities of patron and collector – Duchess M. K. Tenisheva on the opening of a museum in the Smolensk region at the beginning of the 20th century. The history of the museum «Russkaya starina» (“Russian Antiquity”) is revealed. Special attention is paid to the source base.

Ключевые слова: музейное дело, музей, провинция, Смоленский край, «Русская старина», Мария Клавдиевна Тенишева, Иван Фёдорович Барщевский.

Key words: museum business, museum, province, Smolensk region, «Russkaya starina», Maria Klavdievna Tenisheva, Ivan Fedorovich Barshchevsky.

Музейное дело в начале XX в. развивалось в соответствии с общемировыми тенденциями в этой отрасли культурной практики. Новые музеи открывались благодаря инициативе как частных лиц, так и общественных организаций. Важную роль в этом процессе играли представители количественно увеличивающейся буржуазии. Общественность имела значительное влияние на музейную деятельность, так как государственные органы не проявляли активности в этом направлении.

Для развития музейного дела в России начала XX в. было характерно создание музеев местного края, которое проходило в русле распространявшегося «родиноведческого движения». Родиноведением называли изучение сравнительно небольших территорий для составления их всесторонней характеристики – естественнонаучной, исторической, экономической [1, с. 152–153].

В течение разных исторических периодов были предприняты попытки анализировать провинциальные музеи как феномен культуры. Эта проблема была исследована в конце XIX – начале XX в. такими учеными, как Б. Адлер, Д. А. Клеменц, Н. М. Могилянский, П. С. Уварова, Н. Ф. Федоров и Ф. И. Шмит. Они рассматривали музей как центр культурного, научного и образовательного развития провинции [2].

Во второй половине XX в. к обозначенной теме обратились М. Е. Каулен, И. К. Куклинова, М. Т. Майстровская, А. М. Разгон и Т. О. Размустова. В современный период музейное дело в российских провинциях начала XX в. исследуется в монографии В. П. Грицкевича «История музейного дела конца

XVIII – начала XX вв.» [2]. Работа является первой попыткой обобщить исследования поэтапного процесса развития музейного дела.

Характерным для последнего десятилетия стало непосредственное включение в исследования вопросов о развитии музеев в отдельных регионах страны. К их числу следует отнести диссертации и статьи Э. А. Белековой, И. В. Котляровой, Н. А. Томилова, Д. П. Морозовой, в которых рассматривается появление и деятельность музеев на отдельной территории.

В 2002 г. М. В. Иванов в диссертации «Становление музейной деятельности в Смоленском крае: Начало XIX – первая треть XX вв.» [2] рассматривал процесс образования и функционирования различных форм организации музейной деятельности в Смоленском крае. Он указывал на то, что музейная деятельность дореволюционного периода также состояла из частного коллекционирования и меценатства. Были меценаты и на смоленской земле. Среди них особое место занимает княгиня Мария Клавдиевна Тенишева.

Различные грани деятельности княгини М.К. Тенишевой рассматривала в своих многочисленных работах Л. С. Журавлева. Ранее тема деятельности княгини-меценатки затрагивалась в очерке С. А. Овсянниковой, а также в популярных изданиях И. Д. Белогорцева и В. А. Солоухина [2]. Важными являются работы А. И. Фролова, Н. Данилевича В. Пуцко и М. В. Иванова, которые в разной степени изучают деятельность М. К. Тенишевой.

Последнее время интерес исследователей к изучению аспектов жизни М.К. Тенишевой возрос, яркими представителями сегодня являются Ренэ Герра, В. И. Новикова, И. А. Кеня, В. И. Склеенова.

Немалый интерес представляют для нас источники личного происхождения – воспоминания Н. К. Рериха, А. Н. Бенуа, также мемуары М. К. Тенишевой, составившие основу комплекса источников, освещающих появление ее богатых частных собраний, а позднее – и историко-этнографического музея.

Актриса и певица княгиня Мария Клавдиевна Тенишева является символом просветительства и меценатства русской буржуазии конца XIX – начала XX в. Княгиня Святополк-Четвертинская писала в своих воспоминаниях, что Мария Клавдиевна всегда спешила: отдыхать не любила, вела сразу несколько дел и до конца дней своих, находясь в эмиграции, больная сердцем, работала. В трудах и заботах она находила свое счастье, всегда была весела и бодра духом. Княгиня спешила создать музей «Русская старина». Она отмечала в своих воспоминаниях: «С годами все чаще, все более и более русские древности останавливали мое внимание, и все шире и шире открывался передо мной целый, до сих пор неведомый мне, мир, и этот мир все сильнее приковывал меня к себе. Я вдруг почувствовала, что все это близкое, свое, родное. Любя страстно русскую природу, я в душе всегда была чисто русским человеком. Все, что касалось моей страны, меня глубоко трогало и волновало» [6].

Княгиня видела много коллекций и музейных собраний и, используя свой опыт, приступила к разработке концепции музея «Русская старина». Помощниками ее были профессора истории Владимир Ильич Сизов и Адриан Викторович Прахов, принимавшие непосредственное участие в создании Исторического

музея в Москве. По их совету Тенишева знакомится с известным знатоком древнерусского искусства – фотографом Иваном Фёдоровичем Барщевским, сыгравшим в итоге ключевую роль в создании музея. По поручению княгини он совершил ряд поездок во многие губернии России, откуда привозил народную одежду, кружева, прялки, иконы, кресты и многое другое. С первых дней приезда в Талашкино Иван Федорович занимался изучением и систематизацией собранных княгиней изделий народного искусства. Одновременно он составлял опись, которая послужила основой издания каталогов 1907, 1909 и 1911 гг. В результате проведенной работы появилась возможность вывести коллекции из небытия и показать их людям. С приездом И. Ф. Барщевского княгиня стала уделять больше внимания коллекционированию икон [7, с. 61].

В 1903 г. в Смоленске началось строительство музея. Здание для коллекции по проекту Малютина было построено достаточно быстро, землю под него выделила Е. К. Святополк-Четвертинская. С. В. Малютин предложил назвать музей старинным русским словом «Скрыня», что означает «укладка» или «ларец». Строительство завершилось в 1904 г., а через год музей был открыт для посетителей. Собрание музея включало коллекции церковной старины, археологии, тканей, кружев, стекла, декоративно-прикладного искусства, народных бытовых изделий из дерева, керамических изделий, холодного и огнестрельного оружия, нумизматики, музыкальных инструментов, рукописных и старопечатных книг и документов, портретов, деревянной скульптуры.

Революционные события 1905 г. заставили М. К. Тенишеву упаковать более ценную часть коллекции и вывезти ее во Францию, где она впервые была выставлена в четырех залах Лувра в 1907 г. В 1908 г. собрание уже насчитывало 6940 музейных предметов. 25 октября 1909 г. музей вновь открылся для посетителей в Смоленске.

24 мая 1911 г. на базе музея был создан филиал Московского археологического института, И.Ф. Барщевский официально был утвержден хранителем музея. Тенишева финансировала институт, собирала книги для библиотеки, учредила стипендии для студентов.

1914 г. стал поворотным в истории государства и в судьбе музея. По решению Совета института, музей был закрыт. Барщевский упаковал экспонаты для эвакуации в Москву «по требованиям военного времени» [7, с. 65]. Тенишева, вероятно, знала, что если коллекции будут вывезены из Смоленска, то они перестанут существовать как единое целое. Ей удалось отстоять здание, и оно не было занято под военные нужды. Так, в упакованном виде коллекции музея пережили Первую мировую войну и революцию 1917 г. В течение этого сложного времени музей охранял от расхищения (а такие попытки были) И. Ф. Барщевский [7, с. 66].

В 1920 г. с передачей музея новой власти закончился тенишевский, самый плодотворный период в жизни музея. Теперь музей начал другую жизнь: 20 мая произошла передача историко-этнографического музея княгини М. К. Тенишевой от Московского археологического института Смоленскому Губмузею [5]. Собрание получило новое название – Смоленский государствен-

ный историко-этнографический музей, а Барщевский уже советской властью был назначен его старшим хранителем.

С 1924 г. на Смоленщину хлынул поток эмигрантов из центральных музеев страны: Эрмитажа, Государственного исторического музея, Третьяковской галереи, Загорского музея, Минского музея и др. Коллекция Тенишевой рассыпалась по всей стране. К 1929 г. музей потерял былое название и стал называться «Музей изобразительных искусств имени Крупской». В 1930 г. «чистка партийных рядов» не обошла стороной и сотрудников музея, все самые образованные сотрудники – знатоки своего дела – были уволены из музея, а И.Ф. Барщевский подал в отставку [7, с. 70].

В 1931 г. в здание музея перевели картинную галерею. Новые руководители вынесли экспонаты из родных стен и поместили их в подсобные сараи во дворе. В залах оставили незначительную часть икон, фарфора, стекла, хрусталя, дверь-портал, некоторые работы М.К. Тенишевой. Разорение собрания довершила Великая Отечественная война. Тогда погибло более 2900 экспонатов из тенишевской коллекции.

6 октября 2022 г. музей «Русская старина» вновь встретил посетителей. После значительных исследовательских, реставрационных, технических и организационных работ он получил вторую жизнь в составе Смоленского музея-заповедника. Научные специалисты не просто восстановили старый музей, а создали новую экспозицию, которая отвечает традициям музеев прикладного искусства XX в. Некоторые экспонаты были отреставрированы, чтобы вернуть им вторую жизнь, так как многие из них пострадали от длительного хранения.

В музее «Русская старина» представлено примерно 60 % из того, что сохранилось от коллекции Марии Тенишевой. Какие-то вещи еще не выставлены из соображения сохранности, что-то представлено в Талашкине, а некоторые экспонаты находятся в других экспозициях.

Экспозиция нового музея построена хронологически и регионально. Первый зал рассказывает о княгине Тенишевой, ее сподвижниках, успехах, увлечении эмальерным искусством и истории коллекционирования. Другие залы – тематические. В одном из них показывается древнерусское и церковное искусство с конца XVI до начала XX в. Второй этаж отдан под экспонаты из резного дерева, керамики, фарфора, стекла и драгоценных металлов. Есть вещи обыкновенные, прикладные, а есть предметы, которые, имея утилитарное значение, выполнены на высоком художественном уровне.

Один из залов посвящен исключительно декоративно-прикладному искусству. Там есть изделия не только артельные, но и фабричные. Широко представлены металл, обработанный разными способами, образцы гжельской росписи XVIII в. В этом зале также найдутся образцы стекла и изразцов. Есть две витрины, где экспонируются западноевропейские и русские изделия из серебра.

Поводя итог, можно сказать, что процесс развития музейного дела начала XX в. в Смоленской губернии тесно связан с именем такой выдающейся личности, как Мария Клавдиевна Тенишева. Она подарила городу прекрасный музей,

многим экспонатам которого позавидовал бы любой столичный. Открытие музея «Русская старина» сегодня – это не только восстановление справедливости, но и напоминание новым поколениям о беззаветном служении Марии Клавдиевны Тенишевой своему Отечеству.

Библиографический список

1. Грицкевич В. П. История музейного дела конца XVIII – начала XX века. СПб.: СПбГУКИ, 2007. 335 с.
2. Иванов М. В. Становление музейной деятельности в Смоленском крае: начало XIX – первая треть XX вв.: дис. ... канд. ист. наук: 24.00.03. М., 2002. 243 с.
3. Кеня И. А., Лупоядова Л. Ю. М. К. Тенишева: созидание на благо России. Брянск: Ладомир, 2013. 75 с.
4. Склеенова В. И. История музея «Русская старина». Смоленск: Свиток, 2022. 112 с.
5. Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. СПб.: Лениздат, Команда А, 2014. 480 с.
6. М. К. Тенишева в социокультурном пространстве России и Запада: материалы общественных чтений, посвященных 150-летию со дня рождения М. К. Тенишевой. Смоленск: Свиток, 2009. 174 с.
7. Фролов А.И. Основатели российских музеев. М.: РГГУ, 1991. 78 с.

Е. В. Суровцева

Наименования советских лагерей и их производные как часть лексико-семантического поля «географическое название» (на материале житий новомучеников и исповедников XX в. Московской епархии)

Нами создаётся корпус житий новомучеников и исповедников Московской епархии. В корпусе выделяется целый ряд лексико-семантических групп, в частности географические наименования. К топонимам следует отнести названия лагерей и дериваты от этих названий. Всего нами выявлено семнадцать лагерей. Используемая программа обработки текстов позволяет анализировать контексты каждой лексемы. Важная часть нашей работы – толкования непонятных слов и, в частности, названий лагерей. Необходимо дать краткий географический и исторический комментарий.

At the moment, we are creating a corpus of the lives of the New Martyrs and confessors of the Moscow Diocese. A number of lexical and semantic groups are distinguished in the corpus, in particular geographical names. Toponyms should include the names of camps and derivatives from these names. In total, we have identified seventeen camps. The text processing program we use allows us to analyze the contexts of each token. An important part of our work is the interpretation of incomprehensible words and, in particular, the names of camps. It is necessary to give a brief geographical and historical commentary.

Ключевые слова: житие, жития новомучеников и исповедников, Московская Епархия, географические наименования, лагеря, толкование, история.

Key words: life of saints, the lives of the New Martyrs and confessors, the Moscow Diocese, geographical names, camps, interpretation, history.

В настоящий момент в лаборатории общей и компьютерной лексикологии и лексикографии филологического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова приступили к работе над корпусом современных житий, а именно – такой разновидности этого жанра, как житие новомучеников и исповедников [7]. Мы ограничились восемью томами «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии» [2]. Всего в издание входит 341 текст, охватывающий 385 имён и созданный 12 составителями (в основном священнослужителями), что составляет примерно 390 000 словоупотреблений.

В житиях будет выделен целый ряд лексико-семантических групп (языковые особенности житий уже становились объектом лингвистического анализа [3], в том числе имена собственные, в число которых входят географические наименования (общим числом 10999, включая и существительные, и образованные от них прилагательные, – лемматизация уже завершена, поэтому мы можем назвать точные цифры, оговаривая, однако, что продолжается работа по перепроверке лемматизации и разведению многозначности и омонимии, поэтому в дальнейшем данные будут уточнены), в первую очередь относящиеся, разумеется, к Москве и Подмосковию [8]. Однако упоминается не целый ряд иных городов и регионов России, но и названия лагерей – эти названия мы также рассматриваем в ряду топонимов. Приведём список примеров (с указанием частотности – она обозначена цифрой в скобках после лексемы; лексемы перечислены по убыванию частотности; через слэш нами названы также дериваты).

Соловки (26) / *соловецкий* (27)

Беломорско-Балтийский канал (20)

Вишера (8) / *вишерский* (9)

Ухтпечлаг (5)

Сиблаг (4)

Амурлаг (3)

Самарлаг (2)

Севжелдорлаг (2)

Бурлаг (1)

Дальлаг (1)

Дмитлаг (1)

Карлаг (1)

Колыма (1)

Онеглаг (1)

Тайшет-лагерь (1)

Темлаг (1)

Южлаг (1)

Таким образом, на настоящий момент нам удалось выявить в корпусе 17 наименований лагерей.

Используемая нами программа позволяет анализировать контексты слов. В качестве примера приведём фрагмент базы данных с контекстами слова *сиблаг*.

СИБЛАГ{*СМГ*} 4

N=169075

| - в Тайшет-лагерь, Петр Пискарев-Молоков и Дмитрий Чиликин - в =>Сиблаг. <=Евдокия Сафронова умерла в заключении 25 августа 1938 года и

N=177619

| на полигоне Бутово под Москвой. Борис Константинович Успенский умер в =>Сиблаге, <=в Кемеровской области, 15 декабря 1942 года. ИСТОЧНИКИ: ГАРФ. Ф.

N=278525

| марта 1938 года, отбывая наказание на Алтае, в Сусловском отделении =>Сиблага, <=где работал на свиноферме. Место погребения его неизвестно. ИСТОЧНИКИ: ГАРФ.

N=363744

| в исправительно-трудовой лагерь. Этапом отец Александр был отправлен в =>Сиблаг <=НКВД на станцию Суслово Красноярской железной дороги Кемеровской области, свиноферма

Поясним, что обозначение {СМГ} после заглавного слова расшифровывается как «существительное мужского рода» (при лемматизации каждое слово получило грамматическую помету; разумеется, результаты автоматического анализа были затем перепроверены и при необходимости поправлены вручную), затем идёт частота употребления лексемы. Перед каждым контекстом стоит знак *N=* с последующей цифрой – это номер конкретного словоупотребления (слэш после цифры носит исключительно технический характер).

Мы ставим цель прокомментировать все непонятные слова, употребляемые в корпусе, в том числе географические наименования. Думается, подробное разъяснение необходимо и для наименований лагерей (полагаем, что в основном людям, не имеющим специального исторического образования, известны только Соловки и Беломорско-Балтийский канал). Следует не только расшифровать название, но и дать краткий географический и исторический комментарий с опорой на известные архивные документы и новейшую научную литературу (все толкования будут снабжены необходимыми ссылками).

Продемонстрируем высказанные нами положения на примере лексемы *Севжелдорлаг*.

Севжелдорлаг (другое название – *Севжелдорстрой*) – Северный железнодорожный исправительно-трудовой лагерь НКВД (отметим, что расшифровка аббревиатуры НКВД будет дана нами в другом месте, тем более что это слово входит в число самых частотных аббревиатур), который функционировал с 10 мая 1938 г. по 24 июля 1950 г. Лагерь подчинялся Главному управлению лагерей НКВД (до января 1940 г.), Главному управлению лагерей железнодорожного строительства НКВД (январь 1940 г. – апрель 1947 г.), затем Северному управлению лагерей железнодорожного строительства, с 1948 г. – снова Главному управлению лагерей железнодорожного строительства НКВД. Заключённые *Севжелдорлага* располагались на территории Архангельской области (на станции *Котлас*) и Коми АССР (в посёлках *Княжпогост* *Усть-Вымского района* и посёлке *Железнодорожный* – сейчас это город *Емва*). Основная рабо-

та, выполнявшаяся заключёнными, – строительство железной дороги (Котлас – Воркута, с 1940 г. – Котлас – Кожва) и Северо-Печёрской дорожной магистрали, но выполнялись и иные работы (лесозаготовки, производство кирпича, обслуживание Котласского мостозавода и др.). Население лагеря колебалось от 12 418 человек (эта цифра зафиксирована в январе 1945 г.) до 84 893 человек (столько заключённых насчитывалось на 1 января 1941 г.) (см.: [1; 4; 5; 6]).

Работа над заявленной темой продолжается. Полученные нами данные наверняка будут дополнены и уточнены, названия лагерей будут тщательно прокомментированы. Мы уверены, что чтение современных русских житий и адекватное их понимание невозможно без хорошего знания истории и географии нашей страны.

Библиографический список

1. Герман А. А., Курочкин А. Н. Немцы СССР в «Трудовой армии». М.: Готика, 1998. 205, [2] с.
2. Жития новомучеников и исповедников Российских XX века Московской Епархии: в 8 т. Тверь: Булат, 2002–2005.
3. Иванова Т. А. Лексические особенности жизнеописаний новопрославленных святых Русской Православной Церкви: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. М., 2004. 201 с.
4. «Мобилизовать в рабочие колонны... И. Сталин»: сб. документов. (1940-е гг.) / сост., предисл., коммент. Н. Ф. Бугая. М.: Готика, 1998. 352 с.
5. Морозов Н. А. Глава 2. Железнодорожные лагеря в Коми крае 2. Северный железнодорожный лагерь // ГУЛАГ в Коми крае. 1929–1956. Сыктывкар: Сыктывкарский университет, 1997. С. 106–120.
6. Система исправительно-трудовых лагерей в СССР, 1923–1960: справ. / сост. М. Б. Смирнов, науч. ред. Н. Г. Охотин, А. Б. Рогинский. М.: Звенья, 1999. 599 с.
7. Суровцева Е. В. Корпус житий новомучеников и исповедников (на материале «Житий новомучеников и исповедников Российских XX века Московской епархии»): состав и подготовка текстов, лексические особенности // Язык, сознание, коммуникация: сб. статей / отв. ред. В. В. Красных, А. И. Изотов. М.: МАКС Пресс, 2018. Вып. 60. С. 226–234.
8. Суровцева Е. В. Москва и Подмосковье: Географические наименования в житиях новомучеников и исповедников Московской Епархии // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XI Всерос. науч. конф. с междунар. участием / отв. ред. В. В. Карпова. СПб.: ЛГУ им. А.С.Пушкина, 2020. Вып. 11. С. 316–319.

В. С. Бычкова

Лексические средства вербализации оценки провинциалки как источник аксиологических характеристик представителя региона

В статье рассматриваются лексические единицы, выражающие оценку «провинциалки». Анализируются различные виды предикатов, онимы, диминутивы и прецедентные имена как потенциальные источники ценностей. В качестве языкового материала используются тексты современных СМИ.

This article examines lexical units expressing the assessment of “provincialka”. The author considers various types of predicates, onyms, diminutives and precedent names as potential sources of values. The author uses texts from modern media as linguistic material.

Ключевые слова: аксиология, номинация, провинция, провинциалка, оценка.

Key words: axiology, nomination, province, provincialka, assessment.

В настоящий момент становятся актуальными исследования, касающиеся аксиологии. Аксиология – это система ценностей, которые проявляются в явлениях и предметах с учетом интерпретации носителя языка. Рассмотрение явлений с точки зрения их ценностной составляющей – это подход, применяемый далеко за пределами философии и культурологии. Аксиологическая составляющая проявляется в том числе в системе языка. С филологической точки зрения русский язык – это инструмент для вербализации ценностных смыслов понятий, входящих в русскую картину мира носителей языка. Все средства языка могут быть использованы как выражение оценочных суждений относительно предметов, явлений и других носителей языка. Сохраняется проблема выявления конкретных способов вербализации аксиологических характеристик в языке, так как сама суть ценности – в ее субъективности, т.е. соотносительности с конкретным адресатом и адресантом. Тем не менее, можно сделать предположение, что оценка – это наиболее вероятное выражение ценностных смыслов. Хотя оценочное суждение не показывает отношение объекта к ценности как таковой, оно, тем не менее, демонстрирует его положение относительно нормативного идеала, коим могут быть и ценности. Таким образом, способы выражения оценки могут стать материалом для интерпретации полученных данных в контексте аксиологии.

По мнению Н. Д. Арутюновой, оценка – «наиболее яркий представитель прагматического значения, ее характеризует максимум контекстной зависимости» [1, с. 5]. Данная зависимость также является свидетельством того, что оценка может служить источником аксиологических характеристик: подобно лингвистически оформленному отношению к объекту оценки в полярной парадигме «хорошо/плохо» ценность выбранного элемента выявляется только в сравнении с другими его характеристиками, вербализованными подобным образом. Таким образом, для того чтобы выявить ценностные смыслы объекта, необходимо выявить способы вербализации оценки объекта.

В силу антропоцентричности современной науки, а также психолингвистических особенностей личности, одним из наиболее частых объектов оценки становится человек. Выступая, таким образом, и как субъект оценки, и как ее потенциальный объект, носитель языка использует различные лингвистические средства для выражения отношения к самому себе, а чаще для выражения к другим людям, особенно носителям своего родного языка, так как подразумевается, что в рамках одной и той же картины мира способы выражения оценки будут совпадать в ряде случаев и легко извлекаться теми, к кому адресованы оценочные суждения. Те же, кто владеет языком адресата как иностранным, могут испытывать сложности при выявлении скрытых смыслов ввиду отсутствия лингвострановедческих знаний, иных национальных ориентиров (мо-

ральных, религиозных и т.д.) и просто по причине незнания переносных значений ряда лексических единиц.

Актуальным объектом исследования является провинция. Предметом ее рассмотрения в филологических изысканиях часто становится семантическая составляющая, в частности вложенные в нее аксиологические характеристики [2; 6; 7]. Вслед за авторами указанных публикаций, обратимся к этой теме. Рассмотрим номинацию жительницы глубинки – «провинциалку» с точки зрения ее оценки в текстах СМИ. Именно лексико-семантические единицы обладают явной оценочностью не по той причине, что другие языковые уровни менее экспрессивны, а потому что отличаются наиболее выраженной дифференциацией экспрессивных качеств высказываний с точки зрения семантических и прагматических характеристик единиц. Фундаментом для отбора языкового материала послужила база данных EAST VIEW: методом сплошной выборки было проанализировано более 900 вхождений.

Вслед за Г. Ф. Гибатовой [4], применимо к объекту нашего исследования рассмотрим предикаты, содержащие оценочную составляющую в текстах современных источников. Например: *...морги, задворки, комнатухи на чердаке воссоздадут мир той самой затерявшейся, никому не нужной провинциалки* (Известия. 01.04.2022) (EW). В данном случае модально-оценочный предикат «не нужная» выражает отрицательную оценку с точки зрения значения возможности и необходимости алетического типа модальности. Явно выраженный негативный посыл в этом случае не аргументируется и никак не расширяется за счет рассмотрения конкретных черт оцениваемой личности.

Другой предикат представлен в следующем высказывании: *Но при этом у наших есть еще и некая претензия на морализаторство и духовность, заключенные в образе доброй провинциалки*. (Труд. 18.01.2019) (EW). Этический предикат «добрая» выражает оценку, связанную с удовлетворением нравственного чувства, опирающегося на социально обусловленные представления о моральных нормах, в частности о добре и зле. Или, в следующем примере, представления об уме и глупости: *Первая работает в музее этнографии, ходит на митинги и не очень-то жалуется мужчин. Другая – необразованная провинциалка*. (Вечерняя Москва. 15.06.2012) (EW).

Еще один частотный способ выражения оценки – использование диминутивных единиц. Подробнее это явление уже было рассмотрено в рамках другого нашего исследования на примере номинации «провинциалочка» [3]. В данной же статье удивляемся общим описанием: помимо своего прямого назначения аффикс *-очк* выполняет дополнительную функцию – становится коннотативным элементом слова, выражая семантику уничижительности, презрительности или умиления, ласки по отношению к именуемому лицу в зависимости от контекста.

Также для характеристики объекта могут использоваться прецедентные онимы, реализуя подобным образом коннотативную функцию аналогично диминутивам. Практическая ценность такого использования заключается в отсутствии необходимости пояснения для носителей языка, которым характеристика

подобных единиц известна. Широкая известность, узнаваемость и воспроизводимость, т.е. все характерные черты прецедентных имен, позволяют их использовать в качестве художественных средств в иных дискурсах для выражения идей автора и получения эмоционального отклика адресата:

Героиня, типичная провинциалка, такой Растиньяк в юбке, бойкая, развязная, амбициозная, хваткая, но вместе с тем и "дитя природы", приезжает в Москву учиться и завоевывать столицу (Независимая газета. 04.11.1998) (EW).

В историческом словаре галлицизмов русского языка находим:

«Тип эlegantного карьериста. От имени литературного героя Бальзака, впервые описанного им в "Отце Горио". Символ беспринципного авантюриста». [5]. Исходя из контекста высказывания и лексикографических данных, можем сделать вывод, что «провинциалка» в данном случае оценивается отрицательно.

Прецедентные имена в статьях не только привлекают читателя, но и выражают авторскую оценку [8]. Однако трансформация единицы в процессе использования в рамках контекста, а также не всегда очевидный посыл изначальной лексемы, побуждают адресата расшифровать авторский замысел, поучаствовать в языковой игре, что свидетельствует о большом манипулятивном потенциале прецедентных имен и наличии транслируемой адресату системы ценностей и модели поведения.

Подобным характером обладают и эмотивно-оценочные собственные имена, которые также часто используются в газетном дискурсе. Именно наличие коннотаций у имен собственных позволяет использовать их в качестве средств выразительности, а не просто номинативных единиц. Чаще всего экспрессивный аспект эксплицируется за счёт уменьшительно-ласкательных дериватов, обеспечивающих нестандартный путь имянаращения. При этом коннотация может характеризоваться как положительная, так и отрицательная. Так, в текстах СМИ находим номинацию «провинциалка» в кругу таких лексем, как *Машиа*, *Ксюша*, *Милашка* и т.д., и в этом случае контекстуальный анализ подтверждает реализацию именно положительной коннотации онимов, тогда как в случае с явно отрицательно окрашенной «Дунькой» контекст также становится негативным. Личное имя Дуня (Дунька) функционирует параллельно апеллятиву Дунька 'некультурная, малообразованная женщина (обычно провинциалка), простушка'.

Таким образом, в рамках данного исследования были проанализированы лексические средства, входящие в состав текстов газетных СМИ вместе с лексемой «провинциалка», что позволило выявить некоторые средства вербализации положительной и отрицательной оценки именуемого лица. Наличие коннотативной составляющей у номинации позволяет сделать вывод, что данная лексема содержит ряд аксиологических характеристик. Их классификация и семантика может стать предметом изучения следующих научных изысканий.

Библиографический список

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений / отв. ред. Г. В. Степанов; АН СССР, Ин-т языкознания. М.: Наука, 1988. 338 с.
2. Бычкова В. С. Провинциалы в русской лингвокультуре – аксиологические аспекты инаковости // Культура и антикультура: сб. статей X Междунар. науч.-методологической конф.: в 2 т., Тюмень, 01–30 июня 2023 г. / отв. ред. Л. Л. Мехришвили. Тюмень: Тюменский индустриальный университет, 2023. Т. 1. С. 214–220.
3. Бычкова В. С. Семантические особенности лексемы провинциалочка // Значение как феномен актуального языкового сознания носителя языка: сб. науч. статей. Посвящается памяти доктора филологических наук, профессора Иосифа Абрамовича Стернина. Воронеж: Научная книга, 2022. Вып. 8. С. 43–49.
4. Гибатова Г. Ф. Аксиология в языке // Вестник Оренбургского государственного университета. 2011. № 2(121). С. 127–132.
5. Исторический словарь галлицизмов русского языка. М.: Словарное издательство ЭТС. URL:http://www.ets.ru/pg/r/dict/gall_dict.htm. (дата обращения: 27.11.2023).
6. Паршина О. Д. Аксиология феномена провинции в российских средствах массовой информации начала XXI века / О. Д. Паршина, Е. П. Иванян // Научный диалог. 2020. № 8. С. 123–140.
7. Серебренникова Е. Ф. Аспекты аксиологического лингвистического анализа // Лингвистика и аксиология. Этносемиотрия ценностных смыслов. М.: Тезаурус, 2011. С. 7–26.
8. Устинова В. Л. Прецедентные феномены как средство выражения авторской оценки в дискурсе современной колумнистики // Современный ученый. 2021. № 3. С. 267–270.

А. С. Rogozina

Проблемы и перспективы региональной истории в современной историографии

В статье освещены теоретические и методологические аспекты изучения истории регионов, определены направления научного поиска при анализе региональной проблематики.

This publication highlights the theoretical and methodological aspects of studying the history of regions, and identifies the directions of scientific research in the analysis of regional issues.

Ключевые слова: региональная история, культура региона, урбанизация, модернизация, историография, научная школа, компаративизм.

Key words: regional history, culture of the region, urbanization, modernization, historiography, scientific school, comparatives.

Актуальность данного исследования заключается в том, что в настоящее время региональные исследования приобретают особую значимость, что обусловлено наблюдаемыми процессами регионализации в объединении локальных сообществ с более широкими территориальными комплексами и сохранении культурных различий как внутри территориальных образований, так и между ними.

Целью исследования является выявление проблем и перспектив региональной истории в современной историографии. К задачам исследования отно-

ся: обзор научной литературы, выявление проблем и противоречий в исторических исследованиях в регионах России [3, с. 124].

Исследование проводилось на основе теоретического анализа научной литературы, обобщения, конкретизации и ретроспективного метода.

Тенденция интеграции локальных сообществ в современном мире в более широкие территориальные образования, но с учетом и сохранением культурных особенностей регионов, породила необходимость развития трансдисциплинарных региональных исследований. Идет процесс обновления региональной истории, важным направлением которого является перевод дискуссии о перспективах региональной истории в контекст географической истории, специализирующейся на традиции историко-географических исследований. Такой подход характерен в современности для зарубежной историографии [1, с. 1157–1183].

Региональная история – это одно из наиболее интересных и важных направлений исторической науки. Она изучает историю отдельных регионов, их особенности, развитие и взаимодействие с общим ходом исторического процесса. Однако несмотря на ее значимость, региональная история сталкивается с рядом проблем в современной историографии [8, с. 102–105].

Региональная история является важнейшей составляющей исторической науки. Она позволяет более глубоко и детально исследовать историю конкретного места, его культуру, экономику, политику и социальные отношения.

В современных исследованиях истории регионов России существует ряд проблем, с которыми сталкиваются ученые. Если зарубежная историография стремится к переводу региональной истории, так называемой географической истории, то российская региональная историография носит более политизированный характер [9, с. 112–138].

Учитывая, что социогуманитарное знание ориентировано на культурный аспект, в приоритете регионально-исторических научных исследований стоит выявление культурной специфики региональных сообществ. В свою очередь, эти сообщества изменяются со временем [6, с. 101–111].

Одной из основных проблем региональной истории является недостаток источников и материалов для исследования. В отличие от общей истории, где доступ к архивам и библиотекам может быть более широким, региональные историки часто сталкиваются с ограниченным доступом к источникам, особенно в отдаленных и малонаселенных районах. Это затрудняет проведение исследований и создание полной и точной картины истории региона [2, с. 9–22].

Еще одной проблемой является недостаток квалифицированных специалистов в области региональной истории. В современном обществе большинство ученых сконцентрированы на исследовании глобальных исторических процессов, оставляя региональную историю на задворках. Это приводит к тому, что многие региональные историки не имеют достаточной подготовки и опыта для проведения качественных исследований. Недостаток специалистов также затрудняет обмен опытом и знаниями между историками разных регионов.

Кроме того, региональная история часто страдает от недостатка признания и интереса со стороны общества и академического сообщества. В современном

мире, где глобализация и международные отношения играют важную роль, региональная история может казаться менее значимой и актуальной. Это приводит к недофинансированию и недостатку поддержки для исследований в этой области.

Однако, несмотря на эти проблемы, региональная история имеет свои перспективы и потенциал для развития. Во-первых, с развитием технологий и доступа к информации, региональные историки могут использовать Интернет и электронные базы данных для поиска и анализа источников. Это позволяет расширить доступ к материалам и повысить качество исследований с целью создания широкой методологической базы региональной истории. Необходимо введение в программу подготовки аспирантов на историческом факультете курса лекций методологического характера по региональной истории [4, с. 84–91].

Во-вторых, региональная история может быть полезной для понимания и анализа глобальных исторических процессов, для этого необходимо обращаться к работам историков, социологов, философов, политологов как русских, так и зарубежных. Изучение истории конкретного региона может помочь выявить уникальные особенности и взаимосвязи, которые могут быть применимы и в других регионах. Это позволяет получить более глубокое и всестороннее понимание истории в целом.

Кроме того, региональная история может быть важным инструментом для сохранения и продвижения культурного наследия. Изучение истории региона позволяет сохранить и передать знания о традициях, обычаях и исторических событиях, которые могут быть утеряны со временем. Это способствует формированию идентичности и сознания важности культурного наследия.

Региональная история имеет свои проблемы, такие как недостаток источников, недостаток квалифицированных специалистов и признания со стороны общества. Однако она также имеет потенциал для развития и может быть полезной для понимания глобальных исторических процессов, сохранения культурного наследия и расширения доступа к информации. Поэтому необходимо уделять больше внимания государству и научному сообществу в поддержке региональной истории в современной историографии [5, с. 174–178].

Следует отметить, что в современных реалиях наблюдается напряженность между концепциями региональной самобытности и культурных особенностей регионов, включая расхождение в путях развития самого понятия региона.

Исследовательские рамки региональной истории часто подразумевают анализ в контекстуальной перспективе, где в фокусе находится изучение структуры взаимосвязей внутри общества и его внешние связи. Одной из перспективных задач исследований в этой области выступает исследование узловых взаимосоединяющих точек на местном, региональном уровне и социальные сети, в рамках которых происходит взаимодействие, расширяющееся до межрегионального и глобального масштаба [8, с. 64–71].

Современные интерпретации глобальной и региональной истории основаны на общих процессах в интеллектуальной сфере, связанных с развитием

«неоклассической» научной деятельности. Это отражает развитие интеллектуальной традиции, в которой мы участвуем [7, с. 55].

Результат данного исследования заключается в достижении поставленной цели путем решения задач, которые были поставлены перед нами: проанализирована научная литература по данной теме, различные подходы к изучению региональной истории, сформулированы важные проблемы современной региональной историографии, определены направления и перспективы для развития региональной истории.

Библиографический список

1. Applegate, Celia. A Europe of Regions: Reflections on the Historiography of Sub-National Places in Modern Times // *American Historical Review*, 2010. Vol. 104. No. 4. 2546 p.
2. Мазур Л. Н. Российская деревня в условиях урбанизации: региональное измерение (вторая половина XIX–XX вв.). Екатеринбург: Издательство Урал. ун-та, 2012. 472 с.
3. Мосолова Л. М. Историография XX в. о глобальном и региональном в развитии культуры // *Регионы России: Социокультурные контексты художественных процессов Нового и Новейшего времени* / отв. ред. Л. М. Мосолова. СПб., 2013. С. 6–16.
4. Мурзина И. Я. Феномен региональной культуры: поиск качественных границ и языка описания. Екатеринбург, 2003. 206 с.
5. Локальные сообщества имперской России в условиях социальных конфликтов. (Подходы и практики в современных региональных исследованиях) / под ред. В. И. Худяковой, Т. А. Сабуровой. Омск, 2012. 320 с.
6. Лубский А. В. Методология региональных социально-гуманитарных исследований: учеб. пособие для аспирантов, молодых ученых и магистров. Ростов-на-Дону: Издательство ЮФУ, 2010. 238 с.
7. Побережников И. В. Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М.: РОССПЭН, 2016. 240 с.
8. Россия в XVII – начале XX вв.: региональные аспекты модернизации / отв. ред. И. В. Побережников. Екатеринбург, 2008. 250 с.
9. Royle E. Introduction: Regions and Identities // *Issues of Regional Identity*. In Honour of J. Marshall / Ed. by E. Royle. Manchester, 2008. 252 p.

Н. К. Соловьева

Опыт социально-культурной деятельности муниципальных библиотек Ленинградской области

Статья освещает социально-культурную деятельность библиотек Ленинградской области, – важнейшую составляющую их работы. Показан опыт социально-культурной деятельности библиотек региона, который необходимо изучать, обобщать и транслировать.

This article delves upon the sociocultural activities of libraries in Leningrad Region, which are essential to the work of public libraries. The article summarizes the best sociocultural practices of regional libraries which ought to be studied, generalized and shared.

Ключевые слова: социально-культурная деятельность, Ленинградская область, социально значимый проект.

Key words: socio-cultural activities, Leningrad region, socially significant project.

Сегодня наиболее важным направлением работы каждой общедоступной библиотеки является социально-культурная деятельность, востребованность которой становится одним из критериев посещаемости библиотеки. На развитие социально-культурной деятельности библиотеки влияют происходящие социально-экономические изменения в стране, проведение политических, социальных и иных реформ, разграничение полномочий между центральной, региональной и муниципальной (местной) властью, что влечет за собой изменение социально-культурной политики на местах [5].

Библиотеки активно ищут пути дальнейшего развития, свою роль и место положение в общественной жизни своего региона, города, района, села, выстраивают новые взаимоотношения с населением и местной властью, позиционируя себя как полифункциональные, многопрофильные учреждения [4].

Социально-культурная деятельность библиотек Ленинградской области многогранна и разнообразна. Её целью является сохранение и передача культурных традиций во времени и пространстве, обеспечение памяти поколений, создание особой культурно-образовательной и интеллектуальной среды, содействие повышению уровня культурных и образовательных потребностей социума.

Одной из основных функций общедоступных библиотек Ленинградской области является обслуживание читателей. Именно высокое качество и полнота обслуживания пользователей определяет положение библиотеки в местном обществе и ее социальный охват. Понимая это, муниципальные библиотеки уделяют много времени и сил полноценному обслуживанию пользователей, тем самым формируя положительный имидж библиотеки как среди местного населения, так и среди представителей власти [3].

Основными целевыми группами для публичных библиотек в этой сфере являются дети, учащаяся молодежь и пожилые люди, которые определяют социальную функцию местной библиотеки. Сегодня многочисленными можно назвать и группы удаленных пользователей, которые пользуются услугами библиотечных сайтов и страницами библиотек в социальных группах. Библиотеки области ведут активную деятельность по всем направлениям библиотечно-обслуживания: гражданско-патриотическое воспитание, межнациональные и межкультурные отношения, здоровый образ жизни, экологическое воспитание, нравственно-эстетическое воспитание, гражданско-правовое просвещение, информационная культура и др.

Публичная библиотека, реализующая различные общественные функции, тесно сотрудничает с администрацией общежитий, школ и детских садов, совместно ведет просветительскую деятельность. Библиотеки Ленинградской области накопили огромный опыт социально-культурной деятельности, который им необходимо изучать, обобщать и транслировать.

В 2022 г. лейтмотивами работы библиотек региона стали четыре основные темы: Год культурного наследия в России, Год #Команды47 в Ленинградской области, 350 лет со дня рождения Петра Великого и 320 лет со дня образования Балтийского флота. В первую очередь внимание уделяется проектам и программам, которые могут стать настоящим событием для местных жителей.

В цикле мероприятий к Году культурного наследия библиотеки Ленинградской области проводили книжные и художественные выставки, выставки прикладного творчества, встречи с мастерами, сохранившими знания и навыки народных промыслов, в социальных сетях – виртуальные выставки и обзоры литературы, викторины.

Центральными событиями в регионе, направленными на тематику этого года, стали события Всероссийской акции «Библионочь-2022». Акция прошла под девизом: «Про традиции». Сотрудники общедоступных библиотек Ленинградской области выступали в качестве сказителей и медиаторов между носителями традиционной культуры (это и ученые-фольклористы, и исполнители, и писатели, и простые люди, в быту которых традиционная культура предков еще не окончательно вытеснена современной).

Как «люди книги» библиотекари значительную долю «Библионочи» посвятили письменному и устному фольклору: загадки, сказки, календарные традиции, пословицы и поговорки были центральным звеном в большинстве мероприятий во всех районах – будь то викторины, кинопоказы, лекции или беседы. Например, «Чудесный короб» – литературно-игровая программа о русских народных пословицах и поговорках в Высоцкой городской библиотеке Выборгского района или тематический вечер «Фольклор – тропа к литературе» в Центральной районной библиотеке им. И. П. Мордвинова (г. Тихвин).

Вторым фундаментальным направлением акции стало прикладное искусство: выставки и мастер-классы по вышиванию, плетению, изготовлению кукол из керамики, текстиля, сена, росписи. Например, мастер-класс «Филимоновская лошадка» в Центральной детской библиотеке Тихвина всколыхнул среди детей интерес к крайне локальной традиционной игрушке – визитной карточке Тихвинского района. Выставка творческих работ читателей «Многообразие русских народных промыслов» в Городской библиотеке № 2 г. Кировска показала широту интересов жителей Кировска и стала лишним доказательством того, что народные традиции никуда не делись – они живут и среди современных людей и заставляют восхищаться собой жителей XXI в.

Еще одним ключевым аспектом акции «Библионочь-2022» стали традиции коренных малочисленных народов Ленинградской области: сакральные знания о предках всегда таинственны и потому притягательны. Например, книжная экспозиция «Рожденные в Приожье» в городской библиотеке № 1 им. А. Н. Чепурова Лодейного Поля знакомила с традициями, бытом и языком вепсов – коренных жителей тех мест. Кингисеппская центральная городская библиотека представила этнографический экскурс «Культура коренных народов Ямбургской земли» и книжную экспозицию «Земли малые, а народы удалые». Лекция о старообрядческих книгах в Ламповской сельской библиотеке Гатчинского района вывела библиотечный фестиваль в зону академической науки.

Всероссийская акция «Библионочь-2022» не единственное мероприятие, посвященное Году культурного наследия народов России. Наши коллеги проводят множество литературных мероприятий, направленных на продвижение

знаний о народных праздниках, обычаях, истории и культуре ленинградской земли. Формы: выставки, квесты, мастер-классы, познавательные игры, спектакли и творческие встречи. Например, сотрудники Приморской детской библиотеки Выборгского района организовали целый «Этнодень» с русскими забавами, мастер-классом «Русская коса» и сказками народов России. Библиотеки Сланцевского района в тесном сотрудничестве с фольклорно-этнографической мастерской «Манефа» знакомят читателей с народными традициями ижорского народа. На интерактивных программах в библиотеке исполняют старинные песни, водят хоровод, разыгрывают эпизоды из реконструкции свадебного обряда. В Межпоселенческой библиотеке Выборгского района организуют литературные квесты-экскурсии «Тропами Калевалы», во время которой вспоминают историю и сюжеты народного эпоса «Калевала».

Многие библиотеки области в последние годы осуществляют ряд проектов, направленных на сохранение исторической памяти о соратниках-участниках Великой Отечественной войны. Среди них проект «Военный альбом Кингисеппа» Кингисеппской центральной городской библиотеки; онлайн-проект Лодейнопольской центральной городской библиотеки «Мы помним имя твое: Книга воспоминаний», посвященный однополчанам-фронтовикам; в реализации районного проекта «Фотопанно "Бессмертный полк"» приняли участие Выборгская межпоселенческая библиотека и библиотека А. Аалто (г. Выборг). Бокситогорская центральная библиотека организовала героико-патриотические уроки «Во имя жизни» для учащихся Борского сельскохозяйственно-промышленного техникума.

В 2022 г. библиографический отдел Лужской межпоселенческой районной библиотеки принял участие в областном конкурсе «Звезда культуры» с краеведческим проектом «Сила в памяти. Имена в истории Лужского края». Проект призван показать историю края через призму человеческих судеб, рассказывая о биографиях деятелей искусства, культуры, науки, государственных и общественных деятелей, связанных с Лужским краем, а также о его жителях, ставших свидетелями и участниками исторических событий. За участие в конкурсе Лужская межпоселенческая библиотека получила диплом участника в номинации «Лучший социально-культурный проект».

Интересный проект «Непотерянная история» - создание электронной книги памяти Сланцевского района – на этот конкурс представила Сланцевская межпоселенческая центральная районная библиотека. Автор проекта Наталья Андреевна Матвеева также получила звание победителя в номинации «Лучший социально-культурный проект».

Во всех библиотеках региона прошли просветительские мероприятия как в онлайн, так и в оффлайн режиме, посвященные теме общероссийского масштаба – 350-летию со дня рождения Петра Великого. Ряд мероприятий носил краеведческий характер. Так, в Волосовской центральной районной библиотеке состоялась краеведческая встреча «Петр I и Волосовский район» о деяниях Петра и его сподвижников, которым принадлежали многие усадьбы района.

Еще одним приоритетным направлением деятельности на 2022 г. стала популяризация книги и чтения с учетом Национальной программы поддержки и развития чтения и национального проекта «Культура». В 2022 г. реализован областной библиотечный проект, посвященный юбилеям со дня рождения Д. Мамина-Сибиряка, М. Кузьмина, И. Северянина, М. Цветаевой, Ю. Лотмана и к дням памяти Н. Гумилева, Д. Хармса, В. Шефнера.

Целая группа проектов в муниципальных библиотеках региона была направлена на развитие творческих способностей жителей области. При этом не только сотрудники библиотек ищут новые формы работы, но и читатели начинают выступать инициаторами создания проектов. Так, в Сосновоборской городской публичной библиотеке по инициативе читательницы Венеры Вафиной появился проект «Стихи – зеркало души». Цель проекта – объединить людей разного возраста и физических возможностей (в том числе и с ограниченными физическими возможностями), любящих поэзию, литературу и авторскую песню.

В Сланцевской межпоселенческой центральной районной библиотеке рассматривают проекты как инструмент для развития библиотечного обслуживания жителей города. Проектная деятельность Сланцевской библиотеки ориентирована на социокультурные потребности граждан. Основой стала «программа малых проектов библиотеки». На ожидания граждан – жителей города, их культурно-социальные запросы библиотека отвечает проектом (или предложением), с помощью которого этот запрос можно выполнить и решить социокультурную проблему. В основе «программы малых проектов» лежит очень мелкая, детальная стратификация целевой аудитории. Развиваясь как территория интеллектуального досуга, публичная библиотека предложила жителям города новый проект «Книжный клуб "12"», цель которого подчеркнуть ценность книги и чтения, сблизить современного автора и читателя, сформировать пространство для дискуссий о вечных вопросах и об актуальных проблемах. Интересными и востребованными для читателей оказались выпуски видео журнала «Буквально», о чем говорят количество просмотров и комментарии читателей [3].

В Ленинградской области реализуется международный проект «Русский музей: виртуальный филиал», воплощающий идею доступности крупнейшей коллекции русского искусства путем создания информационно-образовательных центров на базе библиотек. Первый филиал открыт в 2010 г. на базе Межпоселенческой библиотеки Выборгского района. Сегодня на территории Ленинградской области действует 21 филиал, многие из которых расположены на территории библиотек.

С 2018 г. на базе библиотек стали открываться региональные центры Всероссийского музея А. С. Пушкина, позволяющие окунуться в интерактивное информационно-выставочное пространство музея А. С. Пушкина, посетить выставки, созданные на основе оцифрованных материалов из фондов музея, познакомиться с мультимедиа ресурсами и научно-популярными изданиями. Благодаря партнёрскому культурно-просветительскому проекту старейшего пушкинского музея России и Ленинградской областной универсальной научной

библиотеки в библиотеках области в течение года демонстрировались выставки копий картин «История Российского флота» и «Предки Пушкина» из собрания Всероссийского музея А. С. Пушкина.

К успехам проектной социокультурной деятельности можно отнести и проект Подпорожской центральной районной библиотеки «Большой поэт малого народа Николай Абрамов». Проект занял 2-е место по итогам регионального этапа всероссийского конкурса «Лучшая муниципальная практика» в номинации «Укрепление межнационального мира и согласия, реализация иных мероприятий в сфере национальной политики на муниципальном уровне», а также победителем областного профессионального мастер-класса в номинации «Лучший социально-культурный проект».

Большой интерес у любителей истории вызвал просветительский проект – лекционный цикл Гатчинской межпоселенческой библиотеки и музея-усадьбы «Рождествено» – «Отражение Набоковских земель в текстах Владимира Набокова», реализованный лекциями, стендовой экспозицией и постами в контакте. Такой формат работы формирует сообщество заинтересованных людей, к тому же известное имя – это половина успеха.

Несмотря на непростое для всех учреждений культуры время, библиотеки области успешно адаптируют свою деятельность к новым реалиям, продолжая делать все возможное для привлечения жителей региона к культурным, интеллектуальным, информационным ресурсам в книжной и электронной среде.

Современная библиотека давно вышла за рамки только хранилища знаний и книг и перешла на активный диалог и взаимодействие с пользователем. Идея того, что библиотеки существуют для читателей, не нова, однако в последние годы ориентация на пользователя и социальный запрос стоит в приоритете. Библиотека должна предоставлять такие мероприятия и услуги, которые будут способствовать их самообразованию, просвещению, социализации и информатизации. Она не должна брать на себя функции других учреждений, но определенно должна отвечать вызовам времени [1].

Мероприятия с использованием информационно-просветительных технологий популяризируют библиотеку, делают ее заметной в культурной жизни села, города, региона, при этом не утрачивают свою основную родовую функцию – информационную [2].

Обобщив опыт практики социокультурного проектирования библиотек Ленинградской области, можно сделать вывод, что социально-культурная деятельность библиотек является чрезвычайно актуальной в настоящее время. Оставаясь универсальным социальным институтом, библиотека участвует в процессах организации социально-культурной деятельности общества не только обеспечивая потребности общества в знаниях, но опосредованно воздействуя этим на поддержание его целостности и стабильности.

Библиографический список

1. Грузова А. А. Современная библиотека – культурно-досуговый центр или информационный? Продвижение библиотечной деятельности в контексте формирования информационной культуры // Информационное обслуживание в век электронных коммуникаций: сб. материалов XI Всерос. науч.-практ. конф. «Электронные ресурсы б-к, музеев, архивов». СПб.: ЦГПБ им. В. В. Маяковского, 2016. С. 146–152.

2. Джерелиевская И. К. Библиотека как социокультурное пространство // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2016. № 2 (46). С. 154–169.
3. Ежегодный доклад о деятельности общедоступных библиотек Ленинградской области за 2022 год / отв. за вып. И. В. Семёнова. СПб.: [б.м.], 2023. С. 44–50.
4. Киселева Л. Б. Публичная библиотека в социокультурном поле деятельности // Дальневост. гос. науч. б-ка: сайт. URL: <https://www.fessl.ru/for-librarian/ninmo/nmo/nmo-method-advice> (дата обращения: 27.10.2023).
5. Тихомирова И. И. Библиотека и социально-культурная деятельность // Библиотечное дело. 2015. № 2. С. 2–6.

М. П. Андреева

Конференции Лужского общества краеведов: опыт организации и значение

В статье дана характеристика организационно-краеведческой деятельности Лужской городской и Лужской межпоселенческой районной библиотек по созданию и деятельности общества краеведов. Особое внимание уделено организации и проведению тематических краеведческих районных конференций.

The article describes the organizational and local history activities of the Luga city and Luga intersettlement regional libraries on the creation and activities of the local history society. Particular attention is paid to organizing and holding thematic local history regional conferences.

Ключевые слова: Луга, Ленинградская область, Лужское общество краеведов.

Key words: Luga, Leningrad region, Luga Society of Local Lore.

В мае 2010 г. в г. Луга Ленинградской области было создано Лужское общество краеведов. Его основатели, инициативная группа во главе с краеведом Александром Валериановичем Носковым, предложили организовать ежемесячные встречи на базе двух библиотек – Городской и Лужской межпоселенческой районной. Для организации работы общества краеведы из инициативной группы выбрали двух секретарей: Ирину Михайловну Морозову (Лужская межпоселенческая районная библиотека) и Марию Павловну Андрееву (Городская библиотека). С середины 2023 г. секретарем Лужского общества краеведов является только М. П. Андреева.

Общество быстро объединило разрозненных исследователей местной истории, стало площадкой для знакомства, общения, обмена мнениями. Заседания общества сразу стали проводиться регулярно – раз в месяц. На каждом из них звучало по одному-два, а то и три доклада – люди стремились поделиться своими находками, открытиями, новой информацией. То, что краеведение интересно людям, было понятно и раньше, но только с организацией краеведческого общества стало ясно, насколько. На заседания общества на протяжении всей его истории, продолжающейся по сей день, приходят не только исследователи, но и постоянные слушатели, стремящиеся узнать что-то новое о Луге и Луж-

ском районе. Каждое заседание освещается в местной прессе и в группе Городской библиотеки г. Луга на сайте «ВКонтакте» (эту часть работы выполняет секретарь общества), так что все желающие могут следить за работой Лужского общества краеведов. Четыре раза в год, ежеквартально, Городская библиотека выпускает «Бюллетень Лужского общества краеведов», содержащий обзор деятельности общества и наиболее интересных краеведческих событий.

Уже в первые месяцы деятельности общества обозначился круг тем, которые особенно интересуют краеведов. Среди них были и такие, у которых есть общественный, прикладной аспект. В первую очередь это касается проблемы сохранения памятников культуры и истории. Для лужан одним из таких исторических мест является Врёвское кладбище. Это действующий, но при этом очень старый некрополь, возраст которого значительно превосходит возраст самой Луги (основанной в 1777 г.).

Врёвский некрополь представляет собой сложный комплекс памятников разных эпох: захоронения XVIII–XIX вв., руины церкви начала XX в., фундамент еще одного, более раннего храма. Кроме того, археологи предполагают, что здесь же могут быть остатки средневекового городища.

Как любое продолжающее действовать старинное кладбище, Врёвский некрополь находится в опасности. Первое тематическое заседание общества, посвященное осмыслению будущего Врёвского кладбища как памятника истории, состоялось 13 сентября 2012 г. Предварительно, летом того же года, лужские краеведы предприняли экскурсию на Врёвское кладбище, осмотрели руины храма Св. Николая, убедились, что надгробные камни XVIII и XIX вв. еще сохранились, осмотрели захоронения людей, внесших вклад в историю и развитие Луги.

Начавшееся обсуждение проблемы вышло за пределы первоначально заявленной темы и стало рассмотрением положения других старых кладбищ Лужского района, страдающих от разрушительного действия времени и вандализма, а также от самовольных захоронений.

Первый опыт проведения тематического заседания показал, что это интересное и перспективное направление организации работы Лужского общества краеведов. Кроме того, стало понятно, что для обсуждения краеведческих проблем такого рода нужен иной масштаб работы. Поэтому 11 апреля 2013 г. в библиотеке (пр. Володарского, д.13а) состоялась краеведческая конференция «Врёвский некрополь: вчера, сегодня, завтра».

На этой конференции зав. библиографическим отделом Лужской межпоселенческой районной библиотеки Ирина Михайловна Морозова выступила с источниковедческим обзором, который раскрывал как степень изученности истории Врёвского кладбища, так и существующие в краеведческой литературе противоречия и неточности. Впоследствии такие обзоры стали традиционными. Они очерчивают круг проблем, выявляют невыясненные аспекты конкретных исторических событий, помогают краеведам ориентироваться в ежегодно растущем многообразии краеведческой литературы. К краеведческим конференциям, которые начиная с 2013 г. стали проводиться ежегодно (а иногда и два раза

в год), библиографический отдел Лужской межпоселенческой районной библиотеки стал выпускать аннотированные библиографические списки.

В целом на конференции «Вревский некрополь: вчера, сегодня, завтра» говорилось о том, что Вревское кладбище так и остается малоизученным памятником, никаких работ по его сохранению не ведется. Вновь речь зашла о других старых некрополях Лужского района, в первую очередь о Троицком кладбище (Оредежское сельское поселение), на котором расположено символическое захоронение героя войны 1812 г. генерала Д. В. Лялина. Участники высказывали надежду, что вскоре изучение этих мест сдвинется с мертвой точки. К сожалению, исследователей и энтузиастов, готовых заняться столь хорошо разработанной во многих зарубежных странах темой «кладбищенского» краеведения, в Лужском районе пока не нашлось. Однако конференция стала первым шагом на этом пути, который еще предстоит пройти краоведам.

Следующая конференция состоялась уже 12 декабря того же 2013 г. Она стала удачным примером межрегионального сотрудничества, связанного с краеведением.

Конференция была подготовлена Городской библиотекой, Лужской межпоселенческой районной библиотекой и Лужским обществом краеведов совместно с Межрегиональным благотворительным фондом им. И. И. Неплюева. Иван Иванович Неплюев был адмиралом, дипломатом, видным государственным деятелем. Он основал город Оренбург. Луга была избрана местом проведения Первых Неплюевских чтений потому, что И. И. Неплюев последние годы жизни провел в своем имении Поддубье Лужского уезда. Здесь же он написал свои мемуары. С докладами выступили как представители фонда, так и местные краеведы. Участники говорили о судьбе адмирала, о мерах по сохранению памяти о нем, об археологических и реставрационных работах, которые необходимо провести в Поддубье: когда-то там стояла каменная церковь, построенная И. И. Неплюевым, но теперь от нее сохранился только фундамент. С библиографическим обзором на этой конференции выступила сотрудница библиографического отдела Лужской межпоселенческой районной библиотеки О. А. Шилько.

Первые Неплюевские чтения стали важным опытом для Лужского общества краеведов. Это было и первое участие докладчиков из других регионов, и опыт разработки исторической темы, имеющей значение на общероссийском уровне. Лужское общество краеведов стало достойной площадкой для проведения такой конференции.

Надо отметить, что к этому времени участие в таких мероприятиях, а также сотрудничество с профессиональными историками, в первую очередь с доктором исторических наук и на тот момент профессором СПбГУ Валентином Ивановичем Хрисанфовым было не только интересным опытом. Все это поднимало уровень работы лужских краеведов.

Во все последующие годы краеведческие конференции проводились ежегодно, иногда по две в год (в апреле и ноябре). Тематика их была приурочена либо к какой-то исторической дате, либо диктовалась объемом накопленного

материала в той или иной области краеведения. А таких областей с годами становится все больше. По мере накопления знаний и введения в оборот источников раскрываются все новые сюжеты лужской истории, которые нужно углубленно изучать.

В 2014 г. исполнилось 100 лет с момента начала Первой мировой войны, столь серьезно изменивший облик и Европы, и России. 9 октября 2014 г. состоялась конференция, посвященная событиям Первой мировой войны на лужской земле. Эта конференция была уже более крупной, чем предыдущие, и по числу участников, и по охвату тем. Г. З. Куллама, автор книги об истории Лужского артиллерийского полигона, сделала доклад о событиях, происходивших на тогда еще Сергиевском полигоне в 1914–1916 гг. Свою роль сыграл в это время и Лужский гарнизон – о нем говорил и профессор В. И. Хрисанфов. Многие доклады были посвящены отдельным участникам Первой мировой войны, чьи судьбы так или иначе связаны с Лугой. Кроме того, на этой конференции лужский краевед И. В. Половинкин впервые выступил с результатами поисков участников войн, родившихся в Луге и Лужском районе. Впоследствии он не раз возвращался к этой теме, сделав по ней несколько докладов на заседаниях Лужского общества краеведов. В частности, на одном из заседаний И. В. Половинкин говорил о лужанах-подводниках. Его доклад на конференции в 2014 г. касался лужан – авиаторов и воздухоплателей в Первой мировой войне.

В следующем, 2015 г. исполнилось 70 лет с момента окончания другой войны – Великой Отечественной. Для Луги с ее богатой военной историей эта тема имеет огромное значение. Конференция прошла 9 апреля 2015 г. и получила название «Лужские страницы Великой Отечественной войны: новые исследования». И в самом деле, в докладах освещались новые архивные документы, ранее неизвестные воспоминания, дневники партизан и местных жителей. В конференции приняли участие краеведы из Луги, Лужского района, исследователи из Петербурга, Гатчинского района, а также участники поискового движения: с анализом деятельности поискового отряда «Лужский рубеж» выступила его участница А. В. Савич. Свой доклад она посвятила памяти мужа, руководителя поискового отряда «Лужский рубеж» Вадима Сергеевича Шитца.

Большой отклик среди лужских краеведов вызвала тема конференции, состоявшейся 14 апреля 2016 г. «Современное состояние и перспективы развития музейного дела в Лужском районе». Начало XXI в. стало во всей России временем расцвета малых и частных музеев. Лужский район не является исключением, поэтому в первую очередь в конференции приняли участие представители и организаторы многих музеев: И. В. Половинкин (музей истории Лужского судоходства), Е. С. Фёдорова (музей при Приозерной сельской библиотеке), А. Б. Максимова (музей деревни Псоедь), Н. Б. Божко (частная коллекция), В. Г. Ярмухаметова (музей Калгановского конного завода), В. М. Иванова (краеведческий музей поселка Оредеж), Е. Г. Тихомирову (музей Торошковской школы), И. П. Иванова (школьный историко-краеведческий музей поселка Толмачево), Л. А. Фетисова (Сабский историко-краеведческий музей (Волосов-

ский район)). Этот обширный список показывает, как много в одном только Лужском районе энтузиастов, создающих и развивающих частные музеи, причем делающих это в свободное время и на свои средства. Естественно, наличие столь плотной сети музеев подталкивает их создателей к консолидации, более тесному общению. Площадкой для такого общения стала конференция «Современное состояние и перспективы развития музейного дела в Лужском районе». Ее участники обсудили ряд важных вопросов: от путей привлечения в музеи туристов до роли музейных экспозиций в воспитании школьников. Кроме того, на конференции прозвучало несколько докладов по истории музеев на Лужской земле.

Столетие следующего значимого исторического события выпало на 2017 г. Так, 13 апреля состоялась конференция «1917 год в истории Луги: новые материалы». Представленные доклады главным образом касались того, как революции 1917 г. были встречены в Луге, которая, с одной стороны, являлась провинциальным городом, а с другой – не только находилась поблизости от революционного Петрограда, но и располагалась на одной из магистральных дорог к столице России. Председатель Лужского общества краеведов А. В. Носков отметил, что если в Петрограде многие встречали революцию с радостными надеждами, то в провинции, в том числе и в Луге, к изменениям отнеслись скорее настороженно.

Надо отметить, что на этой конференции среди прочих прозвучал доклад петербургского исследователя С. В. Степанова, касающийся выходившей в 1917 г. в Луге газеты «Лужский голос». С момента возникновения местной прессы газеты играли большую роль в жизни лужан, на протяжении всего XX в. были для них главным источником информации о жизни города и района.

Отмечая огромную роль информации, библиотеки совместно с Лужским обществом краеведов и газетой «Лужская правда» провели в апреле 2018 г. краеведческую конференцию, посвященную 100-летию районной газеты (которая первоначально называлась «Крестьянская Правда»). Докладчики много внимания уделили первым годам существования газеты, а также ее истории в 1970–1980-е гг. Конференция показала, что «Лужская правда» – это не только источник информации для краеведа, ищущего в старых подшивках сведения об интересующих его событиях; она сама по себе имеет интереснейшую историю, которая ждет своего собирателя и исследователя.

В 2019 г. ставшая уже традиционной апрельская краеведческая конференция была посвящена Гражданской войне. Она называлась «Гражданская война на северо-западе России: Луга и Лужский уезд в 1919 году». Было прочитано много интересных докладов, благодаря которым события Гражданской войны в Луге приобрели четкость и яркость. Звучали имена участников боев на Лужской земле: Булах-Булаховича, Толмачева, а также ранее неизвестных. Так, А. В. Носков в своем докладе рассказал о судьбе одного из командиров армии Юденича, полковника Ветренко.

В конце того же 2019 г. состоялась очень важная для развития лужского краеведения конференция: «Лужское священство: люди и судьбы».

У краеведческих конференций несколько задач. Одна из них – обратить внимание исследователей и любителей краеведения на те области, которые до этого находились в тени и были малоисследованы. «Лужское священство» прекрасно с этой задачей справилось. В первую очередь благодаря тому, что к участию в конференции удалось привлечь сотрудников Церковно-исторического отдела Воскресенского собора г. Луги: В. И. Зубареву, Л. В. Степанову, Н. М. Александрову. Все эти люди много лет собирали материалы по церковной истории Луги, теперь с ними смогли ознакомиться все лужские краеведы. На конференции были представлены доклады о судьбах священников разных приходов Лужского района. С сообщениями выступали краеведы, сотрудники Церковно-исторического отдела Воскресенского собора, а также родственники священнослужителей – о регенте хора Казанского собора в Луге Я. Я. Львове рассказал его внук. Особое место занял доклад научного сотрудника отдела этнографии Северо-Запада и Прибалтики Российского этнографического музея Марины Львовны Засецкой о методике сбора информации о религиозных праздниках. Этот доклад станет подспорьем тем краеведам, которые в будущем займутся этой темой.

В 2020 г. исполнилось 75 лет со дня Победы в Великой Отечественной войне. Для Луги с ее военной историей это важная тема. К этой дате была приурочена прошедшая в декабре 2020 г. конференция «Война. Победа. Память». Подобный опыт был важен для лужских краеведов по двум причинам. Во-первых, упор был сделан на обзор мероприятий и проектов по сохранению памяти о подвигах участников войны – а это всегда актуальная тема, которая во многом держится на энтузиазме отдельных людей и общественных организаций. Во-вторых, в связи с пандемией конференция проводилась в онлайн-формате, новом и непривычном – и прошла успешно, поскольку желание краеведов поделиться информацией и обсудить свою работу пересилило технические трудности.

На конференции речь шла об истории мемориала «Партизанская Слава» под Лугой, о вкладе школьных музеев в патриотическое воспитание детей, о задачах поискового движения. О последней теме подробно рассказал командир поискового отряда «Витязь» Н. Ю. Бухтияров. Он обозначил две свои главные задачи: возвращение имен защитников Родины и патриотическое воспитание молодежи путем привлечения ее к поисковому движению.

С интервалом в год, в 2021 и 2022 гг. состоялись две конференции по истории образования в Луге и Лужском районе: «Лужское образование вчера, сегодня, завтра» (приурочена к Году науки и технологий) и «Педагог. Наставник. Друг» (приурочена к Году педагога и наставника).

Тема образования и его влияния на жизнь русской глубинки, несомненно, очень важна. Педагог в небольшом городе или деревне – это не только учитель, но и зачастую главный носитель культуры. Он не только учит, но и воспитывает, в том числе своим примером. Таков был учитель из деревни Торошковичи Лужского района И. Дмитриев – его ученики впоследствии поступали в вузы, становились специалистами высокого уровня.

На этих двух конференциях было подробно рассмотрено развитие структуры образования в Лужском районе как школьного, так и профессионального. Ценно, что в конференции участвовали и местные краеведы со своим уникальным материалом, и профессиональные историки из Петербурга с обобщающими докладами.

В ноябре 2021 г. состоялась конференция «Дачная Луга». Она прошла на фоне стабильного интереса исследователей к бытовой, дачной, частной жизни Петербурга на протяжении первой половины XX в. В ней также приняли участие и местные краеведы, и сотрудники библиотек, и профессиональные историки.

На конференции отмечалась роль Лужского района как особой дачной зоны по отношению к Петербургу. Здесь кипела своя жизнь, проводили летние месяцы писатели, ученые, общественные деятели. С другой стороны, развивался детский и оздоровительный отдых. Со строительством дач была связана своя культура и особый образ жизни. Исследование этой темы, на наш взгляд, очень важно и для понимания атмосферы и ритма жизни петербуржцев на протяжении XX в.

Такие конференции – пример того, как из узкокраеведческой тематики может вырастать материал более широкого характера.

Тема этнографии, к сожалению, крайне редка в лужском краеведении, притом, что профессиональные этнографы и фольклористы регулярно обращаются к лужскому материалу, проводят экспедиции на территории района. Для сокращения разрыва между профессиональной наукой и краеведением в 2022 г. была проведена конференция «Традиционное искусство народов Северо-Запада» (приурочена к Году народного искусства и нематериального культурного наследия народов России). В ней приняли участие и местные собиратели, и специалисты из Эрмитажа (С. В. Владыкина), Российского этнографического музея (М. Л. Засецкая), новгородской студии «Народная кукла» (О. М. Олонцева). Конференция показала богатство этнографического материала нашего региона, а также обозначила пути сотрудничества местных краеведов с научными учреждениями Петербурга.

В ноябре 2023 г. состоялась конференция «История и возрождение деревень Лужского района: пути и решения». Участники конференции проявили большой интерес к этой теме, было показано, как много сейчас даже в небольших деревнях людей, занимающихся изучением местного прошлого, причем очень серьезно, с привлечением в том числе и архивных документов. С другой стороны, история деревень оказалась не какой-то монолитной областью, в ней обозначился целый ряд подтем, требующих специального изучения: это и история крестьянства, и история сельских храмов, преобразование деревни в советский период, туристский потенциал современной деревни и др.

Всего за тринадцать лет существования Лужского общества краеведов под его эгидой было проведено двенадцать краеведческих конференций. На них прозвучало 138 докладов, присутствовали в общей сложности 639 слушателей.

Примечательно, что по итогам всех конференций, кроме самой первой, посвященной истории Вревского кладбища, были выпущены сборники статей. Благодаря этому в научный оборот было введено много нового материала. В сборниках опубликованы в основном доклады, которые звучали на конференции, но есть в них и статьи специалистов, в том числе из Петербурга, которые не выступали лично, но прислали материалы для сборника. Почти все сборники снабжены прекрасными тематическими библиографическими указателями, освещающими краеведческую литературу по теме конференции. Указатели эти подготовлены заведующей библиографическим отделом Лужской межпоселенческой районной библиотеки Ириной Михайловной Морозовой. Сборники распространены по библиотекам Луги и Лужского района, они есть в фонде Ленинградской областной универсальной научной библиотеки. Электронные версии можно посмотреть на сайте Лужской централизованной библиотечной системы в разделе «Наши издания. Сборники конференций».

Проведение краеведческих конференций в рамках деятельности Лужского общества краеведов стало прекрасной традицией, переводящей работу лужских краеведов на новый исследовательский и организационный уровень. Помимо возможности живого общения и знакомства с новыми материалами, они дают возможность в полной мере оценить проблему, будь то история Великой Отечественной войны на Лужской земле или состояние местных музеев. Популяризация знаний по истории Луги привлекает новых любителей краеведения, готовых внести свой вклад в изучение прошлого родного края.

Библиографический список

1. Андреева М. 1919. Луга. Гражданская война. Историко-краеведческая конференция // Лужская правда. 2019. № 32. 25 апр. С. 5.
2. Андреева М. Новое в истории Луги // Провинциальные новости. 2019. № 15. 19 апр. С. 27.
3. Андреева М. Новые взгляды на революцию // Провинциальные новости. 2017. № 15. 20 апр. С. 27.
4. Андреева М. «Дачная Луга»: итоги конференции // Лужская правда. 2021. № 93. 27 нояб. С. 14–15.
5. Андреева М. История деревень Лужского района // Лужская правда. 2023. № 89. 16 нояб. С. 4–5.
6. Андреева М. Конференция к юбилею Великой Победы // Лужская правда. 2020. № 100 (24 дек.). С. 5.
7. Андреева М. Краеведческая конференция // Провинциальные новости. 2013. № 15. 18 апр. С. 8.
8. Андреева М. Лужское образование глазами краеведов: конференция «Педагог, наставник, друг: люди и традиции в системе образования Лужского края» // Лужская правда. 2023. № 33. 29 апр. С. 5–6.
9. Андреева М. «Лужское образование: вчера и сегодня». Хроника краеведческой конференции // Лужская правда. 2021. № 32. 24 апр. С. 14.
10. Андреева М. «Лужское священство: люди и судьбы» // Лужская правда. 2019. № 94. 28 нояб. С. 3.
11. Андреева М. Трагические судьбы лужского священства // Провинциальные новости. 2019. № 45. 22 нояб. С. 30.
12. Андреева М. «Лужское священство: люди и судьбы»: сборник статей по итогам конференции // Лужская правда. 2020. № 20. 14 марта. С. 13.

13. Андреева М. Традиционное искусство народов Северо-Запада // Лужская правда. 2022. № 32. 23 апр. С. 12.
14. Вспомним прошлое // Провинциальные новости. 2015. № 38. 24 сент. С. 6.
15. Глезеров С. Ладанка с поля боя: Луга вспоминает Первую мировую // Санкт-Петербургские ведомости. 2014. № 200. 23 окт. С. 3.
16. Евгеньев С. Луга и Великая война // Вести. 2014. № 117. 17 окт. С. 3.
17. Лужское священство: люди и судьбы // Провинциальные новости. 2020. № 10 (12 марта). С. 9.
18. Музейная конференция // Провинциальные новости. 2016. № 15. 21 апр. С. 24.
19. Мы помним! // Провинциальные новости. 2015. № 24. 18 июня. С. 5.
20. Памяти героических предков // Провинциальные новости. 2014. № 41. 16 окт. С. 5.
21. Память о Первой мировой // Провинциальные новости. 2015. № 3. 22 янв. С. 6.
22. Феофилова Ю.Г. Белые пятна военной истории // Провинциальные новости. 2015. № 15. 16 апр. С. 33.

С. А. Низов

Игровые практики в познании краеведения

Статья обобщает опыт проведения краеведческих игр в Ленинградской области и рассматривает изменение эффективности игровых практик в зависимости от различных технологий. Также автор анализирует итоги использования модернизированной игровой практики.

The article gives a summary of practice in the area of games devoted to local history in Leningrad Region and the analyses of the effectiveness of gaming practices with regards to applying various technologies. An author also analyzes the results of using the upgraded gaming practices.

Ключевые слова: краеведческие практики, интеллектуальные игры, «Лучшие из лучших», «Наше наследие», работа с молодежью, игры для школьников, игровые практики, краеведческое просвещение, Ассоциация краеведов Ленинградской области, инновационные просветительские инструменты.

Key words: local history practices, intellectual games, The Best of the Best, Our Heritage, work with young people, games for school student, game practices, local history education, Local Historical Association of Leningrad Region, innovative educational tools.

В условиях современного динамично меняющегося мира место изучения истории родного края зачастую отходит на второй план по сравнению с основными дисциплинами, входящими в ЕГЭ. Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту, у ученика, заканчивающего школу, должны быть сформированы такие черты личности, как способность к саморазвитию, наличие мотивации к дальнейшему самостоятельному познанию, коммуникативные навыки, умение вести конструктивный диалог и отстаивать свою точку зрения. Нагрузка на старшеклассников экспоненциально возрастает по мере приближения к окончанию школы. Поэтому в рамках школьного учебного процесса изучение предметов, не входящих в ЕГЭ, становится менее значимым. На эту проблему указал Министр просвещения Российской Федерации С. С. Кравцов [1].

В то же время краеведение является одной из важнейших дисциплин, укрепляющих истинный патриотизм и создающих связь школьника с его малой родиной. Значение краеведения отметил Президент России В. В. Путин в ходе встречи с историками и представителями традиционных религий России 4 ноября 2023 г., предложивший ввести изучение истории родного края в школах по всей территории России [2; 3].

В таких условиях одним из путей решения проблемы нехватки времени для изучения краеведения в рамках учебной программы может выступать использование игровых практик интеллектуальных игр краеведческой направленности во внеурочное время.

Ассоциация краеведов Ленинградской области с 2016 по 2021 г. проводила интеллектуальные игры серии «Наше наследие», построенные по принципу «Что? Где? Когда?». В этих командных играх вопросы составлялись по тематическому модульному принципу: в первой части вопросы касались истории всей Ленинградской области, во второй части – соседних районов региона, а в третьей части – истории своего района.

С учетом того, что каждый год игры проводились во всех районах Ленинградской области, и вопросы составлялись по одному принципу, то в процессе проведения игр удалось выявить некоторые особенности, которые хотя и не являются в полной мере статистическим исследованием, но тем не менее показали основную проблематику краеведческого образования старшеклассников в период проведения мероприятий.

Так, основной выявленной проблемой стал средний уровень знаний истории соседних районов и низкий уровень знаний истории дальних районов Ленинградской области при достаточно хорошем уровне знаний истории собственного района.

Ранее мы уже приводили данные по эффективности игровых краеведческих практик на примере серии краеведческих игр «Наше наследие» и «Территория Победы». В период с 2017 по 2022 г. в ежегодных играх было задействовано порядка 1000 игроков-старшеклассников и около 400 взрослых участников. Среди школьников уровень знаний истории России был достаточно высок, при этом знанием региональной истории могли похвастать около 62 % учащихся, а знанием истории своего района – порядка 50 %. Самое низкое значение показал уровень знаний истории соседних и дальних районов – 34 и 19 % [4].

При этом надо отметить, что уровень знаний у игроков-старшеклассников рос от года к году. В первую очередь это можно объяснить участием учителей и наставников, готовивших игроков. Наставники команд уже знали формат игр и примерно понимали к чему готовить школьников. Тем не менее, с учетом ежегодной смены состава команд игроков в связи с их выпусками из школ, можно однозначно констатировать общий рост знаний по всем темам игр, являющийся показателем того, что в ряде школ учителя истории правильно восприняли проблему и постарались заполнить информационную лакуну, расширяя кругозор

своих воспитанников историей не только своей малой Родины, но и историей всего субъекта Российской Федерации – Ленинградской области.

В 2023 г. Ассоциация краеведов изменила игровой формат. За основу была взята технология квизов. В доработанной специалистами версии игра, получившая название «Лучшие из Лучших», состояла из четырех блоков: «Верю – не верю», «Реалии», «Матрица», «Внимание – вопрос». Каждый блок игры основан как на глубокой переработке существующих интеллектуальных игр типа «Умники и умницы», «Мозгобойня», «Что? Где? Когда?», так и на оригинальных разработках, предложенных ведущим игр, двукратным обладателем «Хрустальной совы» Михаилом Скипским. Всего было проведено 12 игр отборочного этапа и одна финальная игра. В отборочных играх приняли участие команды из всех муниципальных районов Ленинградской области и г. Сосновый бор. Всего в отборочном этапе сыграли 50 команд по 6 игроков в каждой. В финале встретились 18 команд, представляющие всю Ленинградскую область. Особенностью этой игры, кроме нового формата, стало также изменение возрастного ценза игроков. В этот раз в игре принять участие могли не только старшеклассники, но и другие представители молодежи 35 лет включительно. Таким образом, в некоторых командах наравне со школьниками и студентами ссузов играли молодые преподаватели. На одной из игр вне конкурса попросилась сыграть команда, состоящая исключительно из молодых учителей.

Поначалу такой формат участников вызвал недопонимание среди педагогов-наставников команд более старшего возраста. Они указывали, что это нарушает принцип равенства игроков. Однако в положении об игре организаторы указали, что игра именно молодежная, а не школьная.

Тем не менее, невзирая на разновозрастной состав участников игр, было замечено, что большинство команд, в составе которых были молодые учителя, не вышли в финал. Это объясняется в первую очередь тем, что члены команд школьников либо менее активно высказывали свое мнение по поводу ответов на вопросы, либо соглашались с не всегда правильным ответом учителя. Только те команды, где молодые преподаватели стимулировали своих учеников на ответ и не пытались отвечать сами, добивались хороших результатов. Из 50 команд, сыгравших в отборочном туре, смешанных по возрасту команд было порядка 18. Из них в финал вышли четыре команды.

Таким образом, можно сделать вывод, что наличие молодого учителя истории или географии в команде со старшеклассниками не давало никаких преимуществ, а скорее, наоборот, мешало сыграть командам в полную силу и раскрыть свой интеллектуальный потенциал.

Характерно, что в финал вышло четыре смешанные команды из 18-ти. Тем не менее, победителем стала команда «Античность» из деревни Кипень Ломоносовского района, в составе которой были только старшеклассники.

Содержательный формат игр все участники признали более чем удачным, так как он позволял раскрывать разные стороны интеллекта и характера игро-

ков. Показательно также, что все игроки на проводимых после игр опросах отмечали, что данный формат игры пробудил у них интерес к изучению истории и географии своего родного края, ведь вопросы касались не только истории, географии и топонимики, но и вообще всех разделов краеведения.

Кроме того, сама форма квиза с использованием комбинации игровых технологий позволила сделать игру динамичной, захватывающей и привлекательной для игроков. Организаторы при проведении игр намеренно отказались от использования каких-либо музыкальных и видеоэффектов, но уровень азарта игроков был так велик, что они даже не заметили отсутствия звуков в игре. В финале использовались видеовопросы: большое оживление вызвали вопросы летчика-космонавта, Героя России Ивана Викторовича Вагнера и заместителя Председателя Правительства Ленинградской области Владимира Олеговича Цоя [5].

Анализируя итоги проекта, организаторы и члены жюри сошлись во мнении относительно высокой эффективности использования игровых практик для привлечения интереса к истории и культуре родного края среди старшеклассников 13–14-летнего возраста и молодежи до 35 лет. С большой долей вероятности на сегодняшний день краеведческие игры – наиболее эффективный инструмент краеведческого просвещения, а игровая форма, в которой проводился проект «Лучшие из Лучших», является одной из самых оптимальных методик по начальному формированию интереса и привлечению внимания к краеведению.

Библиографический список

1. Кравцов С. С. Более трети российских школьников плохо знают отечественную историю // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7070620>
2. Поручение Президента РФ Пр-1964, п. 5. [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/acts/assignments/orders/69622>
3. Путин поддержал предложение ввести изучение истории родного края в школах по всей России // ТАСС. [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/16249061?ysclid=lrdgeew7ay498482667>
4. Низов С. А. Направления использования тем, связанных с именем Петра I, и петровских точек на карте Ленинградской области в образовательном и просветительском процессах // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIV Всероссийской научной конференции, Санкт-Петербург, 10 марта 2023 г. СПб.: Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2023. Вып. 14. С. 229–236.
5. Шемшученко В. И. Во Всеволожском районе прошел финал краеведческой игры «Лучшие из лучших» // Всеволожские вести онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://vsevvesti.ru/2023/12/12/во-всеволожском-районе-прошел-финал-к/> (дата обращения: 10.12.2023).

Актуальные проблемы популяризации изучения местной истории среди молодежи в Ленинградской области и пути их преодоления

В данной статье рассматриваются актуальные проблемы популяризации местной истории среди молодежи Ленинградской области. Указывается значимость вовлечения молодых людей в изучение местной истории для формирования личной привязанности к месту. Приводится список проблем в указанной сфере как локального, так и глобального характера, а также, исходя из опыта реализации ряда успешных краеведческо-просветительских проектов, предлагается ряд решений обозначенных вопросов. Подчеркивается необходимость привлечения специалистов-историков для реализации любого общественно-просветительского проекта историко-краеведческой направленности.

The article dwells upon the pending problems related to popularizing studies of local history among young people in Leningrad Region. It indicates the importance of young people being involved in studies of local history for forming their personal place attachment. The article lists the problems related to the area, both of local and global nature. It also gives a number of solutions, premised on the experience of successful implementation of projects on local history, to the identified problems. The article is stressing the importance of involving experts in history in implementing any public educational project on local history.

Ключевые слова: краеведение, просветительская деятельность, знание местной истории, игры, квесты, хронологическая знаниевая фрагментарность, территориальная знаниевая фрагментарность, образовательный электронный ресурс, привязанность к месту, видеоблоги.

Key words: local history, educational activities, knowledge of local history, games, quests, chronological knowledge fragmentation, territorial knowledge fragmentation, electronic educational media, multimedia technologies, place attachment, vlogs.

Сегодня связь между знанием местной истории и формированием гармоничной и созидательной личности, желающей связать свое будущее с судьбой родного края, ни у кого не вызывает сомнений.

Однако, несмотря на признание этого факта, результаты национального исследования качества образования (НИКО) неоднократно показывали, что школьники хуже всего знают историю своих регионов, местную историю [1].

Действительно, проводя исследования и опросы в рамках проектов, реализуемых Ассоциацией краеведов Ленинградской области и партнерскими организациями, нам неоднократно доводилось сталкиваться с фактами, подтверждающими наличие такой проблемы в Ленинградской области, что, однако, помогло сформулировать как причины (как общего характера, так и свойственные непосредственно нашему региону), так и наметить некоторые возможные пути их преодоления, а также обратить внимание на уже существующие успешные примеры работы с молодежью в этом направлении.

В связи с этим стоит привести слова обращения к историкам и популяризаторам изучения местной истории, прозвучавшие почти век назад: «За долгие годы местная история перестала восприниматься как что-то ценное. Несомненно, если нечто находится рядом с нами, мы склонны думать, что знаем о нем

все, и на самом деле оно не имеет большой значимости. Так обстоит дело и с местной историей. Мы относимся к ней как к чему-то само собой разумеющемуся, мы не научили нашу молодежь узнавать о местных событиях, ценить их или осознавать их великую значимость, хотя они часто могут иметь общенациональное значение. Из-за этого мы потеряли большую часть истории. Вся история – это местная история, потому что все события происходят "где-то", и это "где-то" – село, деревня или город. Таким образом, история представляет собой совокупность всех местных историй, объединенных для описания развития и успеха государства» (*пер. наш – О. М.*) [8, с. 53]. И хотя обращение это прозвучало на другом континенте и в другое время, проблема такого отношения к местной истории носит сегодня почти глобальный характер и справедлива для нашего региона.

Основными идеями, важными при осуществлении деятельности по вовлечению молодежи в изучение истории родного края, действительно должны быть как осознание значимости истории места для истории всего государства, так и формирование связи молодого человека с родным краем через изучение его истории.

Здесь нам необходимо иметь в виду «диалоговое» сознание, присущее молодым людям, – любая деятельность, которой они занимаются, должна отвечать на их внутренние вопросы и способствовать формированию их самоидентичности. Иными словами, находя темы, интересные для себя в месте своего проживания, осознавая великую историю родного края, человек переносит на себя часть его величия. Он ощущает свою значимость как часть значимости его родного края. Так формируется естественная привязанность к месту.

Британский эксперт в области общественных исследований Г. Джек в своих работах по формированию личности подчеркивает, что привязанность к месту – эмоциональное отношение людей к определенному месту или связи между людьми и местом – способствует развитию самоидентичности и чувства принадлежности, жизненно важных для благополучия детей и молодежи [7, с. 755–771].

Актуальные проблемы популяризации общественной историко-краеведческой деятельности

Как члены жюри регионального этапа федерального конкурса творческих краеведческих исследований, мы неоднократно обращали внимание на то, что само понятие «краеведение» воспринимается сегодня молодыми людьми неоднозначно. В 2023 г. на рассмотрение жюри был представлен ряд работ, чья тематика была заявлена как «краеведческая», однако тематически работы не были привязаны к местности проживания исследователя. Опросы, проведенные среди молодых людей, показывают, что слово «краеведение» не всегда понимается ими как деятельность по изучению местного края. Гораздо понятнее для них такие определения, как «местная история» или «локальная история». На наш взгляд, не столько проблемой, сколько задачей является разъяснение термина «краеведение» представителям молодых исследователей.

Таким образом, важно иметь в виду отношение молодых людей к самому понятию «краеведение». В 2021 г. мы опросили представителей учащихся школ

Санкт-Петербурга и Ленинградской области об ассоциациях (15 чел. в возрасте от 14 до 18 лет), связанных со словом «краеведение». Большинство респондентов считало, что слово определяет занятие «устаревшее», «для пожилых людей», «не для молодежи». Понять такое отношение несложно. Большая часть уважаемых и авторитетных представителей краеведческой общественности – люди, принадлежащие к старшему поколению. Разрыв между поколениями – тем, к которому принадлежат уважаемые краеведы региона, и сегодняшней молодежью, сегодня становится особенно очевидным во многих районах Ленинградской области.

Важнейшей проблемой, имеющий скорее глобальный, чем локальный характер, является ощущение того, что все самое интересное происходило где-то еще. В предисловии мы приводили слова Г. И. Николса: «...если нечто находится рядом с нами, мы склонны думать, что знаем о нем все...». Несколько лет назад в рамках разработки проекта, посвященного региональной истории, мы задали молодым жителям Ленинградской области вопрос о том, что они знают о памятниках Средневековья. Несмотря на то что на территориях, входящих в Ленинградскую область, расположены памятники разных исторических эпох, свидетели важнейших событий как отечественной, так и мировой истории, для респондентов Средневековье было связано исключительно с объектами, расположенными за пределами региона их проживания. Мы часто сталкиваемся с тем, что наставники (в том случае, когда они не являются преподавателями истории, географии или специалистами в области туризма), рекомендуют молодым участникам краеведческих конкурсов темы многократно изученные, не содержащие новизны и не связанные с Ленинградской областью. То, что работы, не содержащие новизны и не связанные с регионом проживания автора, не имеют шанса на успех в федеральном конкурсе именно краеведческих работ, мы оставим «за скобками». На вопрос о том, почему выбор темы не связан с местными достопримечательностями, местной историей, т.е. непосредственно краеведением в его традиционном понимании, конкурсное жюри получает ответ, что «у нас ничего интересного не происходило», что, безусловно, не может быть справедливо для любой точки на карте Ленинградской области. Повторение тем, связанных с известными фактами из жизни крупных мегаполисов, не только не даст новых исследователей, не поспособствует сохранению местной истории, но и никак не поможет формированию той самой «привязанности к месту», о которой мы говорили выше.

Последние две проблемы, о которых необходимо сказать, это территориальная и хронологическая «фрагментация» знаний жителей региона об истории своей родины. Первая из них (территориальная) заключается в том, что жители районов региона, находящиеся на наибольшем удалении друг от друга, не знают историю своих «дальних» соседей и не воспринимают ее как «свою общую» историю. Вызвано это такой объективной причиной – огромной протяженностью территории и часто отсутствием доступных информационных баз, позволяющих проследить общность истории районов Ленинградской области через изучение важнейших исторических событий, одновременно охватывавших раз-

ные территории. Вторая проблема (хронологическая) выражается в том, что молодые жители Ленинградской области лучше всего знакомы с периодом истории, начинающимся в XX в. Однако, если мы хотим вовлечь молодежь в изучение в общественную краеведческую деятельность, заинтересовать, предложив интересные темы как для исследовательских работ, так и для самостоятельного изучения, необходимо формировать понимание того, что территории, входящие в состав региона, намного старше даты его образования, и в их истории можно найти отражение многих событий, определяющих ход мировой истории.

Популяризация vs. примитивизация

Говоря о популяризации историко-краеведческой деятельности среди молодых людей и их вовлечении в изучение местной истории, необходимо вспомнить слова Д.С. Лихачёва: «чрезвычайно важная и исключительно редкая особенность краеведения, в том, что у него нет «двух уровней»: для специалистов и для широкой публики» [5, с. 8].

На наш взгляд, это не только обозначение факта доступности краеведческой исследовательской работы (в отличие от других видов исследовательской деятельности) для широких масс, не имеющих профессиональной подготовки, но и необходимости общественных краеведов руководствоваться принципами и методами исследовательской краеведческой работы, общих для всех лиц, вовлечённых в нее, о важности осуществления деятельности общественных краеведов совместно с представителями научного краеведения.

На наш взгляд, реализация краеведческих просветительских проектов для молодежи недопустима без участия ученых – экспертов по выбранной проектной теме. Важно понимать, что иногда общественные просветители, несмотря на самые благие намерения, не обладают ни полнотой знаний, ни пониманием исторических процессов. Так, непрофессиональный взгляд и субъективное восприятие каких-либо явлений может привести к мифологизации истории.

Тем значимее участие в популяризационных проектах экспертов – педагогов, представителей архивов и краеведческих отделов библиотек, историков, обладающих знаниями и руководствующимися не эмоциями, а научной этикой.

Успешное преодоление сложившихся проблем

Говоря о «разрыве», возникшем между поколениями активной краеведческой общественности и молодыми людьми, необходимо отметить, что уже сегодня эта проблема начинает успешно решаться в школах, в которые приходят молодые учителя (прежде всего учителя истории). В силу принадлежности к одному поколению со своими учениками (или двум ближайшим поколениям), они понимают интересы своих «подопечных», особенности восприятия ими информации и принятия фактов. Они с искренним энтузиазмом относятся к предмету своей деятельности и способны заразить им своих учеников. Профессиональный уровень знаний помогает предлагать школьникам новые темы для совместного исследования и находить новые формы работы с молодежью. Результат работы таких преподавателей (например, в Ломоносовском, Выборгском, Лодейнопольском районах) виден не только в разработанных

экспозициях школьных музеев, новизне тем и качестве работ, созданных их учениками, но и в активном взаимодействии с краеведческой общественностью, поддержке участия учеников в просветительских проектах, организованных краеведческими организациями, совместной разработке таких проектов. Ученики таких педагогов не всегда воспринимают свою деятельность как «краеведческую». Но именно они, получая должную подготовку, вслед за своими педагогами становятся хранителями местной истории.

Как мы уже говорили, в основе любого популяризаторского историко-краеведческого проекта должна лежать работа специалистов и экспертов (особенно в части, связанной с фактами, используемыми в проекте). Однако популяризаторская работа сегодня может и должна искать формы, наиболее интересные и приемлемые для целевой группы. Молодого человека сегодня не всегда могут увлечь традиционные лекции и конференции. Так, чтобы обратить его внимание на какие-то факты, вовлечь в размышления о них, иногда его можно заинтересовать при помощи таких форм, как игры и квесты.

Одним из удачных примеров краеведческих квестов стал проект «Имя Петра I в истории нашего города», разработанный краеведами – сотрудниками Центральной библиотеки Лодейного Поля. В течение двух месяцев школьники и учащиеся Лодейнопольского техникума промышленных технологий и филиала ЛГУ им. А. С. Пушкина выполняли определенные задания краеведческого квеста. Увлекательная форма мероприятия смогла способствовать достижению самых значимых целей: успешное вовлечение в изучение истории Отечества, популяризация среди молодежи знаний об эпохе Петра Великого [3].

Другим просветительским проектом, успешно реализованным в 2023 г., стала серия игр для молодёжи Ленинградской области «Лучшие из лучших» [6]. Проект был разработан совместно: Ассоциацией краеведов Ленинградской области, экспертами факультета истории и социальных наук ЛГУ им. А.С. Пушкина и Ленинградской областной универсальной библиотекой (ЛОУНБ). Основной задачей проекта являлось вовлечение молодежи нашего региона в изучение как истории своего района, так и всей Ленинградской области, т.е. решение проблемы территориальной фрагментации знаний молодых жителей области об истории своего родного края. В проекте приняло участие около 700 учащихся старших классов школ Ленинградской области, техникумов, филиалов ЛГУ им. А. С. Пушкина. Необходимо отметить, что для молодых людей большая часть фактов, лежащих в основе вопросов, была неизвестна, но именно интересная, новая для игроков и вместе с тем охватывающая разные периоды истории и темы информация смогла пробудить интерес молодых людей к истории родного края. По отзывам участников и наставников команд, проект выполнил свою задачу, однако важно понимать, что такие просветительские проекты эффективны именно в виде регулярных мероприятий, мотивирующих молодых людей (изначально побуждаемых любознательностью и здоровым духом соревнования) к изучению родной истории в рамках подготовки к играм. Тогда из развлекательных мероприятий они превращаются в часть процесса получения, закрепления и проверки знаний.

Говоря о таком необходимом для решения вышеозначенных проблем средстве, как достоверные источники информации, находящиеся в свободном доступе в Сети, хотелось бы сказать об эффективности информационных ресурсов, разработанных при участии профессиональных историков и авторитетных представителей общественного краеведения, с учетом особенностей восприятия информации молодым поколением. Одним из таких проектов стал информационный ресурс «Историческая память: Северная война» [2], посвященный историческим событиям Северной войны на территориях, входящих в состав Ленинградской области, и разработанный Ассоциацией краеведов Ленинградской области совместно с ЛГУ им. А. С. Пушкина и ЛОУНБ. Информационный ресурс не только решил проблему хронологической фрагментации знаний молодых людей об истории родного региона, показав события Северной войны, охватившие различные части его территории. Важнейшим аспектом стало то, что информация, представленная в ресурсе, касалась не каких-то «чужих» и «дальних» мест, а затрагивала населенные пункты, где сегодня проживают представители целевой группы. Хорошо знакомые точки на карте открылись для молодых людей в новом для них свете значимости, что способствовало формированию интереса – основы той самой привязанности к месту. Уже сегодня мы видим его эффективность для вовлечения в изучение региональной истории молодежи: молодые исследователи не только предлагают работы, основанные на информации, представленной в ресурсе, но и сами регулярно предоставляют информационные материалы о событиях Северной войны, затронувших их родные населенные пункты. Такие статьи, прошедшие оценку на достоверность экспертной группы, дополняют ресурс. На презентации проекта в городе Сосновый Бор присутствовал корреспондент местной газеты, который описал своевременность и актуальность реализации подобных проектов: «Автор этих строк, например, когда-то прочитав роман Алексея Толстого "Петр Первый", долго пыталась выяснить у учителей, где же находится та самая Ингрия, куда постоянно ездил Петр Первый... У ребят из Политехнического колледжа, которые пришли на презентацию, таких вопросов уже точно не возникнет. Потому что есть теперь мультимедийный проект "Историческая память. Северная война". И воспользоваться им может каждый...» [4, с. 4]. Осознавая всю важность и эффективность подобных ресурсов для вовлечения молодежи в изучение родной истории, необходимо продолжить работу над подобными проектами, охватывающими разные исторические периоды.

Необходимо признать: в настоящий момент сайт «Википедия» является наиболее доступным и популярным средством поиска информации для молодых жителей Ленинградской области (недостоверность части информации и необходимость обучения молодых исследователей работе с подобными ресурсами является важной частью работы популяризаторов, однако эти темы не входят в рамки нашей статьи). Если мы посмотрим на статью, посвященную людям, родившимся в Ленинградской области, мы прежде всего отметим, что она не только не содержит значительный перечень имен наших великих земляков, но и крайне информационно бедна по сравнению с подобными страницами

многих других регионов, что, однако, может задать новое и важное направление для работы молодых исследователей. Вместе с тем обращает на себя внимание и еще один факт: в качестве ныне здравствующих жителей региона, достойных упоминания, героями статей стали блогеры. В данном случае, стоит отметить не досадный факт того, что упоминания удостоились создатели блогов с сомнительным или маргинально-культурным содержанием, а саму популярность у молодого поколения такой формы информационной подачи, как блоги, и особенно – видеоблоги. Было бы непростительным упущением сегодня не использовать такой вид информационных каналов для популяризации истории и краеведения среди молодежи, оставив это «поле деятельности» из-за пренебрежительного отношения к самому понятию «блогер» у профессиональных историков. Отметим, что последние исследования, проведенные в разных странах, затронувшие выявления информационных каналов и методов, наиболее эффективных для популяризации местной истории среди молодежи, показали, что молодые люди активно присоединяются к блогам или сообществам, содержащим видеоматериалы и информационные ролики. Также нами была отмечена особая популярность у молодежи видеоблогов, авторами которых являются молодые историки, в том числе и из Ленинградской области. Остается надеяться, что такие блоги и видеоблоги, касающиеся различных тем историко-краеведческого направления, авторами которых являются профессиональные историки, будут появляться в Сети как в рамках различных общественно-краеведческих просветительских проектов, так и в качестве отдельных тематических ресурсов.

В нашей статье мы остановились подробно лишь на нескольких проектах успешной популяризации истории среди молодежи в Ленинградской области. Важнейшим выводом, который мы можем сделать из практической деятельности нашей организации и организаций-партнеров, это то, что для успешного достижения цели формирования связи молодого человека с родным краем через изучение его истории, необходима регулярная совместная деятельность представителей научного краеведения – историков и популяризаторов-общественников, способных находить формы работы с целевой группой, отвечающие особенностям восприятия данной целевой группы.

Библиографический список

1. Исследование показало, какой предмет школьники знают хуже всего // РИА Новости. [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20161224/1484510498.html> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Историческая память: Северная война. [Электронный ресурс]. URL: <https://severnaayavoyna.ru/> (дата обращения: 10.12.2023).
3. Исторический квест на родине Балтийского флота. // REGION47. Информационный портал ООО «Ассоциация краеведов Ленинградской области». [Электронный ресурс]. URL: https://region47.org/news/culture/petrovskiy_kest_v_lodeynom_pole_prosvetitelskie_praktiki_dostounye_vnimaniya/. История трех столетий. Дорогами Северной войны / М. Петрова // Терапресс. 2022. № 43. С. 4. (дата обращения: 10.12.2023).

4. Лихачёв Д. С. Любить родной край // Отечество: Краеведческий альманах. 1990. Вып. 1. С. 8.
5. Шемшученко В. И. Во Всеволожском районе прошел финал краеведческой игры «Лучшие из лучших» // Всеволожские вести онлайн. [Электронный ресурс]. URL: <http://vsevesti.ru/2023/12/12/во-всеволожском-районе-прошел-финал-к/> (дата обращения: 10.12.2023).
6. Jack G. Place Matters: The Significance of Place Attachments for Children's Well-being // British Journal of Social Work. 2010. No. 40(3). Pp. 755–771.
7. Nichols H.B. The Importance of Local History in the Schools and Methods of Teaching It. Address before the New York Historical association on September 26, 1929 // The Quarterly Journal of the New York State Historical Association. Published By: Cornell University Press. 1930. Vol. 11, No. 1. Pp. 53–62.

Инкорпорация крымских татар в Российскую империю на рубеже XVIII–XIX вв.

В статье анализируются исторические события, политические решения и социокультурные изменения, сопровождавшие процесс инкорпорации крымских татар в Российскую империю на рубеже XVIII–XIX вв. Особое внимание уделяется факторам, способствовавшим успешной интеграции крымских татар, а также их влиянию на саму Российскую империю. Статья рассматривает различные аспекты этой инкорпорации, включая административные, экономические и культурные аспекты, а также выявляет последствия этого процесса для обеих сторон.

This article analyzes the historical events, political decisions, and socio-cultural changes that accompanied the process of incorporating the Crimean Tatars into the Russian Empire at the turn of the 18th-19th centuries. Special attention is given to the factors that contributed to the successful integration of the Crimean Tatars and their influence on the Russian Empire itself. The article examines various aspects of this incorporation, including administrative, economic, and cultural aspects, and identifies the long-term consequences of this process for both parties.

Ключевые слова: крымские татары, инкорпорация, ассимиляция, история Крыма, Российская империя.

Key words: Crimean Tatars, incorporation, assimilation, history of Crimea, Russian Empire.

В начале апреля 1783 г. Екатерина II сообщила Г. А. Потемкину о решении присоединить Крым, Кубань и Тамань. Для осуществления этого Г. А. Потемкину необходимо было заставить крымского хана Шагин Гирея отречься от ханства, что у него не без трудов получилось. Впоследствии Г. А. Потемкин принял на Коране присягу в верности России у ногайцев и крымских татар [5, с. 7]. В ордере от 12 июля 1783 г. Г. А. Потемкин сообщил дипломату Я. И. Булгакову, что «все знатнейшие правительства здешнего – беи, мурзы, духовенства... подверглись спокойно и без принуждения в подданство, учинили торжественную присягу по доброй воле жителей» [11, с. 274].

19 апреля 1783 г. Екатериной II был подписан манифест о присоединении Крыма, Тамани и всей кубанской стороны к Российской империи. Согласно манифесту, императрица обещала охранять и защищать лица, имущество, храмы, природную веру новых поданных и наделить их всеми преимуществами и правами Российской империи [10, с. 897–898].

Присоединение Крыма было для России важным и долгожданным событием. Первоочередной задачей, стоявшей перед российским правительством, являлось освоение полуострова, внедрение новоприобретенных территорий в систему Российской империи. Представляется важным отследить шаги российского правительства, предпринимаемые в этом направлении.

Государственные образования Крымского ханства были подвергнуты ликвидации, а на их месте было создано новое управление – Крымское земское правительство, в состав которого вошла крымская знать и духовенство. Сначала правителем являлся генерал Де Бальмен, на смену которому в августе 1783 г. был назначен генерал И. А. Игельстром [6, с. 99].

8 февраля 1784 г. указом Екатерины II была образована Таврическая область, куда вошли территории Крымского полуострова, Тамани и земель к северу от Перекопа до границ Екатеринославского наместничества. В этот же день Екатерина II подписала именной указ «Об устройстве Таврической области» Екатеринославскому и Таврическому генерал-губернатору Г. А. Потемкину [10, с. 20]. Таким образом, управление Таврической области возглавил фаворит императрицы Г. А. Потемкин.

Одновременно происходил процесс инкорпорации крымско-татарского населения в российское общество. После вхождения Крыма в состав Российской империи крымская знать была включена в состав российского дворянства. 22 февраля 1784 г. Екатерина II подписала указ «О позволении Князьям и Мурзам татарским пользоваться всеми преимуществами Российского дворянства», по которому были учреждены списки татарских мурз с закреплением за ними собственности соответственно [10, с. 51–52]. Также предусматривалось подтверждение принадлежности крымско-татарской знати к привилегированным сословиям с записью в геральдические книги. Помимо этого, крымские татары считались освобожденными от воинской повинности и не попадали под систему крепостного права [2, с. 26]. Это подчеркивает, что первоначально имперская власть хотела показать благосклонность как к крымско-татарской элите, так и к рядовому населению.

В июне 1784 г. было создано Таврическое областное правление вместо Крымского земского правительства. В него вошли как бывшие члены земского правительства, так и представители от крымских татар (например, указом от 25 января 1785 г. на должности советников назначались Мегмешта-Бей Ширинский и Петр Максимов). Новым главой крымской администрации стал статский советник В.В. Каховский [9, с. 216].

Важно отметить, что большинство должностей депутатов, земских судов вплоть до 1840 года были заняты крымско-татарскими дворянами (мурзами). Помимо этого, большое количество крымских татар было среди переводчиков, приказных служащих [9, с. 217].

Еще одним шагом со стороны российского правительства по обустройству Крыма являлось развитие сельского хозяйства. С этой целью была учреждена «Особая контора земледелия и домоводства Таврической области». Улучшать сельское хозяйство в регионе планировалось с помощью передовых европейских технологий, для этого в Крым приглашались специалисты из Италии, Англии, Франции [1, с. 191].

Процесс интеграции и адаптации крымских татар к российским реалиям сопровождался рядом практических проблем, с которыми им пришлось столкнуться уже в первые годы после присоединения к Российской империи.

Перед российской администрацией встал логичный вопрос – на каком языке говорить с местным населением, как объяснить крымским татарам их права и обязанности в новом государстве. Как само крымско-татарское население, так и российские чиновники с трудом преодолевали возникший языковой барьер. Требовалась подготовка кадров из местного населения, которые хотя бы в какой-то степени владели русским языком.

Для решения обозначенной проблемы российская администрация решила создать учебные заведения для крымско-татарского населения. Однако реализация этого замысла шла крайне слабо.

Полноценно вопросами распространения государственной системы образования, изучения русского языка крымско-татарским населением занялись только в 1826 г. В ноябре 1826 г. в Симферополе прошло заседание по вопросу образования крымских татар, однако на нем ничего конкретного решено не было. На следующем заседании уже в октябре 1827 г. обсуждался вопрос об учреждении в Крыму татарских училищ. Вскоре после этого заседания в Симферополе открылось новое особое татарское отделение и просуществовало оно до 1865 г. Тем не менее, результаты оставались плачевными – в среднем каждый год из отделения выпускался всего один человек [7, с. 8–9]. Поэтому языковой барьер долгое время оставался одной из наиболее насущных проблем в ходе интеграции крымских татар в Российскую империю.

Следующей проблемой являлся передел собственности новой властью. Сразу после вхождения Крыма в состав России, власть Российской империи предприняла попытки адаптировать захваченные территории в систему привычной для них экономики. Экономической опорой Российской империи была собственность, поэтому именно за ее регламентацию в Крыму взялась администрация в первую очередь. Экономике Российской империи были известны всего два вида поземельной собственности: частная и государственная. В Крымском ханстве же всё было значительно сложнее: встречались как минимум десять видов землевладения и землепользования (ханские и султанские домены, мурзинские и поселянские клинья, духовные и обычные вакуфы, пустоши, калгалык, ходжалык, бейлик) [1, с. 70].

Сложнейшую систему землевладения Крыма, Российская империя не пыталась, да и не хотела осваивать и прорабатывать. В понимании имперской власти наиболее подходящим решением было просто переложить примитивную российскую систему на сложную крымскую репрессивным путем. Это поставило крымских татар в затруднительное и угнетенное положение. В первую очередь изменения коснулись собственности трудового населения, после ханской и турецкой собственности, бывшей государственной, и собственности во владении эмигрантов. С легкой руки российской администрации все перечисленные виды собственности и территории соответственно признавались незаселенными [1, с. 71–73]. Эти земли по большей степени раздавались переселенцам. Их получали прибывшие российские дворяне, часть земель досталась крымско-татарской знати. При этом земли распределялись с массовыми нарушениями и злоупотреблениями, на которую закрывали глаза местные власти. Это приводило к тому, что земли фактически захватывались у старых владельцев [3, с. 631].

После закрепления в Крыму характерного для Российской империи вида владения собственностью в обиход перешла и эксплуатация населения, веками выработавшаяся в России. Крепостное право, которое отменила для завоеванных крымских татар Екатерина II, на практике постепенно внедрялось как российским дворянством, так и крымско-татарскими мурзами, получившими от императрицы дворянские права. Бывшая татарская знать в Крымском ханстве была вынуждена считаться с основным населением из-за строгого мусульманского законодательства. Теперь же мурзы почувствовали вседозволенность, дарованную императрицей, копировали поведение российских помещиков и всевозможно оказывали давление на крестьян [8, с. 23]. Сами татарские крестьяне не могли сопротивляться вседозволенности помещиков, так как не имели никаких прав. В любой момент помещик мог их выселить со своей территории, ведь они не были ни за кем официально закреплены. Зачастую это порождало ситуации, при которых крестьян, помимо помещиков, на территории которых они проживали, угнетали и «соседские» помещики [8, с. 26].

Некоторые противоречия проявлялись и в сфере налогообложения крымских татар. Льготы, которые предоставила Екатерина II (замена подушной подати поземельной и десятинной, мусульманское духовенство не облагалось налогами) просуществовали с 1783 по 1821 гг., и даже были немного сокращены наследниками Екатерины II. Несмотря на эти послабления, крымские татары не были удовлетворены тем, куда собранные налоги направлялись. В основном это было содержание школ, публичных зданий, мечетей. Это противоречило мусульманским традициям, так как для содержания подобного рода зданий существовал духовенский вакуф [4, с. 97]. Так, благие намерения, которые преследовало российское правительство, в очередной раз шли в разрез с местными традициями, что вызывало недопонимание и недовольство большей части местного населения.

Таким образом, процесс инкорпорации крымских татар в Российскую империю на рубеже XVIII–XIX веков был сложным и многогранным явлением. Жизнь крымских татар во времена Крымского ханства исходила из патриархальных традиций и особенностей законов Шариата. После присоединения крымчан к Российской империи, мусульманское законодательство потеряло свое главенство. Несмотря на усилия российской администрации предоставить льготы и послабления, крымско-татарскому населению пришлось столкнуться с массой проблем, среди которых особо выделяются незнание русского языка, коренное и радикальное изменение системы собственности, эксплуатация бывшего свободного населения. Все это, безусловно, сказалось на положении крымских татар и осложнило их интеграцию в российское сообщество.

Библиографический список

1. Возгрин В. Е. История крымских татар: очерки этнической истории коренного народа Крыма. СПб.: Нестор, 2013. 872 с.
2. Змерзла Е. П. Создание нормативно-правовой базы правового положения крымских татар в Российской империи в конце XVIII – начале XIX вв. // Ученые записки Таврического национального университета имени В. И. Вернадского. 2013. № 2. С. 25–31.

3. Конкин Д. В. Законодательное оформление земельной собственности в Крыму (1783–1796 гг.) // МАИЭТ. 2006. № 12. С. 627–640.
4. Конкин Д. В. Особенности налогообложения крымских татар в первые десятилетия после присоединения Крыма к Российской империи // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 95–103.
5. Курникова О. М. Значимая потеря Оттоманской порты и долгожданное приобретение России // Восточный архив. 2019. № 2. С. 4–11.
6. Лашков Ф. Ф. Исторический очерк крымско-татарского землевладения. Симферополь: Таврическая губ. типография, 1897. 541 с.
7. Меметов А. М. Формирование народного образования крымских татар после присоединения Крыма к России / А. М. Меметов, И. А. Меметов, А. Н. Сухоруков // Научный вестник Крыма. 2020. № 6. С. 1–9.
8. Никольский П. А. Саблы: очерк из истории русской колонизации в Крыму // Педагогический журнал Крыма. 1925. № 6. С. 1–23.
9. Прохоров Д. А. Органы управления Таврической области после присоединения Крыма к России (1783–1787) // МАИЭТ. 1995. № 5. С. 213–225.
10. Полное собрание законов Российской империи. Собрание – 1. Т. XXII. СПб.: Тип. 2 Отд-ния Собств. е. и. в. канцелярии, 1830. 1168 с.
11. Распоряжения князя Григория Александровича Потемкина-Таврического. СПб.: Воен.-учен. комитет главн. штаба, 1881. 396 с.

И. П. Горелов, А. Л. Никифоров

Гвардия – шутит: юмор, как атрибут повседневной службы в столичной императорской гвардии России

Гвардейские традиции русской императорской армии формировались вместе с растущей мощью Российской империи, отражая славный боевой путь армии, созданной великим реформатором и первым императором – Петром I Великим. Царская гвардия на протяжении XVIII–XIX вв. была неразрывно связана, как с испытаниями военной поры, так и политическими потрясениями, с которыми сталкивалась российская монархия. При этом, ключевая роль столичной гвардии, как опоры самодержавия, являлась одной из её прерогатив. Однако, особый привилегированный статус столичной гвардии и накладывал особую ответственность: и на поле боя, и на парадах, и на балах, в кутежах и в шуточных остротах – во всём быть первыми!

The guards traditions of the Russian imperial army were formed together with the growing power of the Russian Empire, reflecting the glorious battle path of the army created by the great reformer and the first emperor – Peter I the Great. Throughout the 18th and 19th centuries, the tsarist guard was inextricably linked, both with the trials of the military era and the political upheaval faced by the Russian monarchy. At the same time, the key role of the capital's guard, as a pillar of the autocracy, was one of its prerogatives. However, the special privileged status of the capital's guard imposed a special responsibility: to be the first in everything on the pain of battle, on parades, on balls, in revels and in comic acuity!

Ключевые слова: гвардия, полковые традиции, гвардейский юмор.

Key words: guard, regimental traditions, guards humor.

С давних времён, в любом государстве и в любой армии статус гвардейца являлся почётным и ответственным. Знаменитое гвардейское выражение «Nobless – oblige» (от франц. – «положение - обязывает!») – выражает главную суть гвардейского духа. Особый гвардейский статус и престиж гвардейской службы предполагали повышенные требования к происхождению, моральному облику и боевому духу гвардейцев.

Как известно, в России полноценные гвардейские подразделения и их особые традиции стали формироваться со времён Петра I Великого, а условной датой рождения русской императорской гвардии принято считать 2 сентября 1700 г., когда бывшие потешные полки – Преображенский и Семёновский – получили официальный статус лейб-гвардейских. С момента своего образования русская императорская гвардия покрыла себя неувядающей военной славой и развивала свои воинские традиции, которые поддерживали престиж гвардейской службы и особые требования к гвардейцам [2, с. 176].

На протяжении более чем двухвековой истории русской императорской гвардии формировались её традиции, совершенствовались жесткие принципы гвардейской службы, в чем-то расширялись и её функциональные обязанности. Императорская гвардия в своём развитии прошла путь от бывших двух потешных полков царя Петра I к почти 90-тысячному составу гвардейских дивизий и бригад, расположенных в Санкт-Петербургском и Варшавском военных округах к началу Первой мировой войны.

И, если вначале своей славной истории, царская гвардия, являясь наиболее боеспособной частью императорской армии, была ещё и своеобразной базой подготовки будущих армейских офицеров, а также влиятельной силой «эпохи дворцовых переворотов», то в течение XIX в. русская императорская гвардия окончательно сложилась как элитная часть царской армии с богатыми полковыми традициями и славным боевым опытом.

Как отмечал военный историк А. А. Керсновский: «...Путь в гвардию для нижних чинов и офицеров был разным, но, в любом случае, очень непростым. Если личный состав гвардейских унтер-офицеров и рядовых – это, отборный контингент, подбиравшийся по антропометрическим данным из отличившихся армейских солдат, но, чаще всего, из крепких новобранцев крестьянского происхождения, то статус гвардейского офицера предполагал безупречное дворянское происхождение, отличные показатели учёбы вчерашних кадетов или юнкеров, а также солидный материальный достаток гвардейского офицера, источник которого не был связан с получаемым жалованием...» [4, с. 321].

Действительно, служба в гвардейских полках, особенно в столичных, требовала от офицеров больших расходов, необходимых для соблюдения негласных правил поведения гвардейских офицеров, начиная с отчислений в полковые кассы до обязательного соблюдения разных обременительных расходов: передвижение только на извозчиках, посещение дорогих ресторанов, присутствие на балах, присутствие в театрах только в наиболее дорогостоящей части партера, найм престижного и дорогостоящего жилья, запрет на ношение в руках любых покупок, кроме букетов цветов и многое другое. Эти строгие пра-

вила дополнялись не менее строгими положениями, запрещавшими офицерам посещать игорные и публичные дома, не разрешалось появляться в питейных заведениях и на рынках, четко регламентировался список прочих мест массового досуга, где гвардейским офицерам запрещалось появляться.

По свидетельству блистательного гвардейского офицера Б. В. Геруа: «...самой дорогой» по уровню обязательных расходов для офицеров была служба в лейб-гвардии Царскосельском гвардейском полку, а наименьшие сторонние расходы офицеров по сложившейся полковой традиции были характерны для лейб-гвардии Сапёрного полка. В любом случае, служба в гвардейской кавалерии была наиболее дорогостоящей для офицерского кармана, но, при этом, и состав этих полков был исключительно дворянским, в отличие от пехотных, артиллерийских, стрелковых и сводных казачьих гвардейских полков...» [3, с. 245].

Необходимо отметить, что на гвардейских унтер-офицеров и нижних чинов подобные дополнительные материальные расходы не распространялись и, несмотря на гвардейский статус, между ними и гвардейскими офицерами была настоящая пропасть в материально-бытовом и социальном положении. Однако, и тех и других объединял гвардейский дух, престиж царской службы, полковые гвардейские традиции, понимание особых требований к гвардейцам, как к главным защитникам монархии и государства в целом.

В этой связи, одним из атрибутов повседневной службы в частях столичной императорской гвардии был полковой юмор, отражавший и традиционное соперничество между гвардейскими полками, и ревностное отношение к тому или иному роду войск, наконец, традиционное военное бахвальство и острословие, способное поднять настроение и сгладить трудности повседневной службы. Повседневный юмор до некоторой степени сближал офицеров и нижних чинов полка, формировал чувство гвардейской полковой корпорации.

При этом, гвардейские остроты, шуточные куплеты и полковые прозвища, как и положено военному юмору, были представлены во всем многообразии – от изысканных тонких острот до непечатного слога, быстро усваиваемых от нижних чинов до командиров полков и бережно передаваемых новобранцам.

Например, одним из самых безобидных полковых прозвищ, полученным старейшим гвардейским полком – лейб-гвардии Преображенским – были «Захары», так как полковой праздник преображенцев приходился на день поминовения Святого Захария. Менее звучное прозвище закрепилось за другим старейшим гвардейским полком – лейб-гвардии Измайловским, представителей которого в гвардии называли «Мукомолы», что связано с белым цветом верхней части повседневной фуражки, издали казавшейся испачканной в муке. Разумеется, «Курносыми» или «Коротышками», в столичной гвардии называли личный состав Лейб-гвардии Павловского полка, в который, как известно, набирали именно невысоких и курносых новобранцев.

«Самоварами» называли элитный контингент тяжёлой гвардейской кавалерии – лейб-гвардии Кавалергардского, лейб-гвардии Кирасирского, лейб-гвардии Конногренадерского полков, так как элементами их парадной и поле-

вой формы были выпуклые кирасы, закрывавшие торс гвардейцев спереди и сзади. Их же, нередко называли и «куропатками», поскольку на шлемах этих гвардейских кавалеристов крепились фигурки двуглавых орлов.

«Угрюмыми» гвардейский фольклор называл личный состав лейб-гвардии Конногвардейского полка, поскольку главным полковым спиртным напитком считалась крепкое вино «Мадера», после которой похмелье было наиболее тяжёлым и явно не способствовало весёлому состоянию духа.

Личный состав уже упоминавшегося лейб-гвардии Царскосельского гусарского полка гвардейские острословы прозвали «Фазанами» по причине очень дорогостоящей, яркой и броской парадной формы гвардейских гусар.

«Жердями» нередко называли всё тех же кавалергардов – представителей самого престижного полка гвардейской кавалерии, в состав которого отбирали не только на основе знатного дворянского происхождения, но и в соответствии со строгими антропометрическими данными: рост кавалергарда должен был быть не ниже 190 см.

Своеобразной жемчужиной гвардейского фольклора стала знаменитая шуточная песня «Журавель», состоявшая из шуточных куплетов в виде двустиший, в которых высмеивались гвардейская спесь и заносчивость, иронически характеризовались соперничающие гвардейские полки или прославлялись «дружественные» подразделения гвардии. Разумеется, в содержании многокуплетного «Журавля» доставалось каждому из гвардейских полков, как в лёгкой ироничной форме, так и в виде непристойных выражений [1, с. 299].

В качестве небольшого примера, допустимого для печати гвардейской песни «Журавель», приведем несколько ярких фрагментов:

...Соберёмтесь-ка, друзья, да споём про журавля!
Жура-жура-жура мой, журавушка молодой!
Начнём с первых мы полков – с кавалергардов-дураков!
Кавалергарды-дураки – подпирают потолки!

А семёновские рожи – на кули овса похожи!
А кто курицу украл – наш семёновский капрал!

Лучше всех берут барьеры – это конногренадеры!
Кто без меры пьёт мадеры? Это конногренадеры!

Неуклюжи и сопаты – в Павловском полку солдаты!
А курносы как телята – это павловцы-ребята!

Полк, который самый мерзкий – то лейб-гвардии Гренадерский!
Про Варшавцев не пою – портят гвардию мою!

А кто первые вояки? То лейб-гвардии казаки!
А кто эти оборванцы? То лейб-гвардии атаманцы!

Кто два раза в день не пьян – тот, простите, не улан!
Все красавцы и буяны – лейб-гвардейские уланы!

Кто в Европе первый лгун – то лейб-гвардии драгун!
Кто там страшный поднял вой – Его Величества конвой!

Разодеты как швейцары – царскосельские гусары!
Лейб-гусары пьют одно – лишь шампанское вино!.. [5, л. 2–3]

Вышеупомянутые примеры гвардейского полкового юмора являются лишь поверхностным отражением столь важного атрибута военной службы, как армейский юмор, в целом. Тяготы военной повседневности, связанные с её рутинной, строгой дисциплиной, физическими и эмоциональными нагрузками, наконец, участие в боевых действиях с неизбежным риском для жизни – всё это, помноженное на особый гвардейский статус – формировало потребность в своеобразной психологической разгрузке, находившей своё выражение в различного рода «гвардейских шалостях».

На их фоне рассмотренный атрибут гвардейского полкового юмора выступает лишь как внешняя оболочка более разнообразного и сложного в понимании феномена армейского юмора в русской императорской армии, а само традиционное гвардейское бахвальство, даже в своих непечатных формах, являлось важным элементом повседневной гвардейской службы, в которой был неистребим дух соперничества и понимания того, что в любой ситуации гвардеец должен соответствовать известному гвардейскому принципу: «Nobless – oblige» («положение – обязывает!»).

Библиографический список

1. Безобразов В. М. Погибшая гвардия. Записки командира. М.: Владос, 2014. 412 с.
2. Волков С. В. Русский офицерский корпус. М.: Прогресс, 2003. 556 с.
3. Геруа Б. В. Лейб-егеря – любимцы Государя!. СПб.: Гардарика, 2010. 319 с.
4. Керсновский А. А. История русской армии. М.: Владос 2004. Т. 4. 424 с.
5. Российский государственный исторический архив (РГИА) Ф. 981. Оп. 2. Д. 88.

А. Ю. Емельянов

К истории села Анненского Шлиссельбургского уезда Санкт-Петербургской губернии

В статье рассматриваются основные вехи в истории села Анненского, основанного известным дипломатом и путешественником Н. П. Резановым. Особое внимание уделяется истории храма Тихвинской иконы Божией Матери. Рассказывается также о событиях на территории села во время Великой Отечественной войны.

The article examines the main milestones in the history of the village of Annenskoye, founded by the famous diplomat and traveler N.P. Rezanov. Particular attention is paid to the history of the Church of the Tikhvin Icon of the Mother of God. It also tells about the events in the village during the Great Patriotic War.

Ключевые слова: Николай Петрович Резанов, храм Тихвинской иконы Божией Матери, хозяйственная жизнь.

Key words: Nikolai Petrovich Rezanov, Church of the Tikhvin Icon of the Mother of God, economic life.

Село Анненское (в некоторых источниках Аннинское) было основано в 1807 г. камергером Николаем Петровичем Резановым (1764–1807) [8, с. 308]. Русский предприниматель, путешественник, дипломат, один из руководителей первого русского кругосветного плавания широко известен в России благодаря романтическому образу, созданному его тезкой Николаем Петровичем Караченцовым в опере Алексея Рыбникова на слова Андрея Вознесенского «Юнона и Авось». Реальные факты истории жизни и деятельности Н. П. Резанова можно найти лишь в малодоступных изданиях и архивных материалах. Печально, что до сих пор не существует его научной биографии. Он родился в Санкт-Петербурге в бедной семье коллежского советника Петра Гавриловича Резанова (1735 – после 1794) и Александры, дочери генерал-майора Г. А. Окунева. Дед по отцу, Гавриил Андреевич Резанов, в царствование Елизаветы Петровны дослужился до генерал-поручика, занимал должности обер-коменданта Кенигсберга и начальника Балтийского морского порта [4, с. 82]. После рождения Николая отца назначили председателем гражданской палаты губернского суда в Иркутске.

В детстве Николай получил хорошее домашнее образование, выучил пять иностранных языков. В 1778 году в 14-летнем возрасте он поступил на военную службу, в артиллерию, затем был переведён в лейб-гвардии Измайловский полк. Через некоторое время Николай оставил военную службу и поступил в Псковскую палату гражданского суда, где прослужил около пяти лет, после чего был переведён в Санкт-Петербургскую Казённую палату. Через некоторое время ему дали место начальника канцелярии у вице-президента Адмиралтейств-коллегии графа И. Г. Чернышёва, а затем – эзекутора Адмиралтейств-коллегии. Эзекутором в Российской империи назывался чиновник, ведавший хозяйственными делами учреждения, наблюдавший за порядком в канцелярии. В 1791–1793 гг. Николай Петрович являлся правителем канцелярии Гавриила Романовича Державина, в то время кабинет-секретаря Екатерины II.

В 1794 г. Резанов отправился в Иркутск, участвовал в инспекции деятельности компании основателя первых русских поселений в Америке Григория Ивановича Шелихова. 24 января 1795 года он женился на пятнадцатилетней дочери Шелихова – Анне Григорьевне. 18 июля 1801 г. в семье Резанова родился сын Пётр, а 6 октября 1802 г. – дочь Ольга. Через двенадцать дней после рождения дочери жена Резанова, Анна Григорьевна, умерла от родовой горячки. Она была похоронена на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры, где сохранилось надгробие на ее могиле. Эпитафия на памятнике гласит: «Здесь погребена правительствующего сената обер-прокурора и кавалера Николая Петровича Резанова супруга Анна Григорьевна, урожденная Шелихова. Родилась 1780 года Февраля 15 дня. Переселилась в вечное блаженство Октября 18

дня 1802 года, оставя в неописанной горести мужа ея с малолетними детьми Петром одного года и трех месяцев и дочерью Ольгою двенадцати дней». В память о жене им было основано село Анненское на берегу Мойки-реки, впадающей в Неву на сорок четвертой версте Шлиссельбургского тракта (не путать с рекой Мойкой в центре Санкт-Петербурга) [9, с. 214].

В письме митрополиту Амвросию (Подобедову) Н. П. Резанов писал: «Имею я на собственной моей даче, состоящей в Шлиссельбургском уезде от Санкт-Петербурга в 42-х верстах на реке Неве при устье реки Мойки мызу Аннинскую, что прежде именовалась Новою Ивановскою при которой ревизских мужеска пола 23 души, находящихся в приходе села Лезьи, да близ оной моей мызы Аннинской имеются деревни других помещиков...». Далее в письме Н. П. Резанов перечисляет деревни Келколово, Устье Мги, Горы, Мустолова помещика Яковлева, мызу Яковлевская, а также несколько деревень на другом берегу Невы, принадлежавших помещикам Чоглоковым, в частности, деревню Островки, находившуюся ранее в собственности Г.А. Потемкина. И далее: «По чему по объявленному от покойной жены моей сильному желанию о построении для вышеприведенных причин в мызе Аннинской, буде последует на то архипастырское Вашего Высокопреосвященства благоволение, каменной церкви во имя Тихвинския Пресвятыя Богородицы намерен я собственным моим иждивением построить храм сей во имя Господа Бога и к утверждению христиан в Православии со причислением к оному означенных деревень по желаниям их помещиков и крестьян, из коих собственноручное письмо ко мне от господина майора Дубянского и утвержденную рукоприкладством его ведомость при сем приходит честь имею и есть ли на сие последует благоволение, то на продовольствие будущих при той церкви священнику с причетники обязуюсь отвести указанную пропорцию земли, а для жительства им выстроить из собственного моего кошта дома... Ноября дня 1802 года. Правительствующего Сената Обер-прокурор и кавалер Николай Петров сын Резанов руку приложил» [14, л. 7].

В центре села на средства Н. П. Резанова была построена церковь во имя Тихвинской иконы Божией Матери. Имя автора проекта найти не удалось. Указ Святейшего Синода, разрешавший строительство церкви, последовал в апреле 1803 года, но с условием, чтобы Резанов отвел землю под церковь, кладбище, усадьбу и на содержание священнослужителей, построил дома для причта. Резанов пожертвовал средства и на содержание храма, которых хватило до начала XX в. Церковь в селе Анненском Шлиссельбургского уезда стояла саженьях в двадцати от берега Невы. Она была с колокольной, с колонным портиком на западном фасаде. Старинные описания храма упоминают фарфоровые с позолотой священные сосуды, около сорока икон и образов, деревянный двухъярусный иконостас. Здесь была погребена дочь Н. П. Резанова Ольга, вышедшая замуж за С. А. Кокошкина. Петербургский обер-полицмейстер, генерал от инфантерии, сенатор С. А. Кокошкин скончался в 1861 г. в возрасте 75 лет, по преданию, от падения в ров, вырытый для водопроводных труб на одной из улиц Санкт-Петербурга. Он был похоронен в церкви села Анненское. Тут же

погребены его две жены, дочь София и сыновья Виктор и Владимир, служившие в Преображенском полку [11, с. 4].

По данным справочника «Описание Санкт-Петербургской губернии...» (1838), деревня Анненское Шлиссельбургского уезда 1-го стана находилась в 15 верстах от уездного города, в 26 верстах от места пребывания пристава. 49 человек мужского пола и 37 человек женского пола принадлежали наследникам покойной генерал-майорше Кокошкиной [7, с. 87]. Поместье унаследовал сын сенатора Сергей.

Помещик Анненского Сергей Сергеевич Кокошкин был титулярным советником, почетным мировым судьей Шлиссельбургского уезда, жертвователем церкви в Анненском. Он намного пережил своих братьев и умер 20 мая 1883 года. Управление отцовским именем Сергей Сергеевич доверил писцу штата полиции И. А. Гилевичу, который успешно разорил имение, отчего наследник С. С. Кокошкина Николай Сергеевич в 1894 г. был объявлен несостоятельным. Еще ранее дочери Сергея Сергеевича продали часть имения поручику И. И. Дружина-Артемовичу. Иван Игнатьевич Дружина-Артемович много лет служил в лейб-гвардии Финляндском полку, вышел в отставку в чине генерал-майора [16, л. 62].

На 1838 г. население села составляло 86 человек. На 1856 г. в Анненском числилось 9 дворов. В 1862 г. здесь проживал 121 человек. В начале XX в. Анненское входило в Ивановскую волость Шлиссельбургского уезда.

Рядом с селом Анненское находился кирпичный завод, принадлежавший потомственному почетному гражданину Виктору Ивановичу Ромашеву, совладельцем которого был непродолжительное время личный почетный гражданин Андрей Андреевич Шувалов. В первый год своего существования он был записан на жену В.И. Ромашева Александру Семеновну Ромашеву. Скорее всего именно ей принадлежит достаточно редко встречающееся клеймо «А.С.Р.», поскольку оно использовалось лишь один сезон. Скорее всего, после непродолжительной работы в середине 1900-х годов завод был куплен крестьянкой Наталией Степановной Петровой и проработал до 1917 г., продолжая выпускать кирпичи с клеймом «МОЙКА» [3].

После революции 1917 г. на территории Ивановской волости возник Анненский сельсовет, просуществовавший до Великой Отечественной войны. В 1928 г. в селе проживало 526 человек. Накануне войны здесь было 85 дворов.

Анненское было захвачено вечером 6 сентября 1941 г. частями немецкой 20-й моторизованной дивизии из состава 39-го танкового корпуса, рвавшимися к с. Синявино и г. Шлиссельбургу с целью замкнуть сухопутное кольцо вокруг Ленинграда. Местный житель А. Карпов вспоминал: «Во время войны 6-го сентября 1941 года поздно вечером деревня загорелась, началась беспорядочная перестрелка и все стихло через некоторое время. Наутро мы побежали смотреть, что осталось от села. Мы шли по завалам деревьев, домов, телеграфных столбов к церкви. Она была не тронута...». В ходе дальнейших боевых действий село на долгие месяцы оказалось на линии фронта, прошедшего на этом участке по р. Неве. Оно стало одним из опорных пунктов немецкой обороны на мгинско-синявинском выступе.

Ожесточенные бои в районе Анненского развернулись в сентябре 1942 г., когда войсками Невской оперативной группы Ленинградского фронта в ходе Синявинской наступательной операции была сделана попытка образовать здесь плацдарм для наступления навстречу войскам Волховского фронта. Плацдарм продержался 26–29 сентября 1942 г. После февральских боев 1943 г. и успешного прорыва советских войск с плацдарма в районе Московской Дубровки («Невский пятачок») линия фронта начала проходить поблизости от деревни ещё и с северо-востока. В июле-августе 1943 г., в ходе Мгинской операции советских войск, на территории, где когда-то существовало село, вновь развернулись бои. Части советской 63-й гвардейской стрелковой дивизии стремились выйти к важному оперативному рубежу – р. Мойке [5, с. 54]. Военный корреспондент В.В. Вишневский в дневниковой записи, датированной 21–22 июля 1943 г., констатирует полное на тот момент разрушение деревни: «...домов нет, – сгорели, торчат одни кирпичные трубы; руины церкви и школы» [1, с. 112]. Окончательно Анненское было освобождено в январе 1944 г., когда в ходе операции «Январский гром» уже был полностью ликвидирован мгинско-синявинский выступ. В 1985 г. название селения было увековечено на памятнике «Призрачная Деревня», посвященном уничтоженным селениям современного Кировского района, установленном на месте ещё одного погибшего населенного пункта – деревни Арбузово.

Храм села Аннинского строился на средства Николая Петровича Резанова с 1802 по 1807 год, был освящен во имя Тихвинской иконы Божией Матери. По данным на 1884 г. причт храма составляли священник, дьячок, пономарь и просвирня. Первым настоятелем был Иоанн Иоаннов, служивший 62 года, он скончался в 1839 г., 84 лет от роду, и был похоронен около церкви; после него настоятелем стал его внук Матфей Аннинский, до этого служивший диаконом в селе Лезья, в 1849 г. его сменил священник Константин Павлович Быстров, служивший ранее в селе Вартемяки. Он скончался в 1851 г. С 1852 г. настоятелем стал Владимир Смирницкий; он служил 28 лет и скончался 8 мая 1880 г. По отзывам прихожан, он отличался скромностью, приветливостью обращения и заботами о просвещении прихожан. Долгое время в храме сослужили и помогали священникам дьячок Григорий Михайлович Ярославцев, пономарь Савелий Петрович Голубев и просвирня Наталия Степановна Томилина – сестра жены священника Матфея Аннинского [15, л. 38–41].

В 1884 г. в храме уже служил Александр Алексеевич Вишневский, закончивший Санкт-Петербургскую духовную семинарию, который также преподавал Закон Божий в нескольких училищах. На дьяческой вакансии состоял диакон Алексей Васильевич Беляев. До учреждения штатов причт содержался платою за требы и пособиями от помещиков. По штатам 1843 г. священник получал 180 р. в год; дьячок – 70 р., пономарь – 60 р., просвирня – 30 р. Кроме того причт получал третью часть процентов из капитала в 365 р., которые Николай Петрович Резанов завещал на нужды церкви и 50 р. аренды в год за парходную пристань.

При церкви были два деревянных дома. В одном из них жил священник, в другом – два причетника и просвирня. Прихожанами храма в разное время были помещики окрестных деревень Мустолово, Михайловское, Большое и Малое Петрушино, Горы и Келколово [2, с. 284–287]. Среди них были генерал-лейтенант Иван Егорович Саллос, грек на русской службе; тайный советник Николай Павлович Безак – имеретинский губернатор, который, выйдя в отставку, стал мировым посредником Шлиссельбургского уезда (мировой посредник – чиновничья должность с 1859 года в Российской империи для улаживания земельных отношений между помещиками и крестьянами); владельцы соседнего села графиня Елизавета Николаевна Чернышева и ее дочь Александра Александровна Лобанова-Ростовская – жена и дочь светлейшего князя Александра Ивановича Чернышева, военного министра при Николае I. Приход насчитывал 240 крестьянских дворов, в которых жили «мужского пола душ 597, женского 527».

Прихожане занимались в основном хлебопашеством, а также рубкой и вывозом дров, рыбной ловлей и судоходством. Из церковных старост особенно отпечатался в памяти жителей шлиссельбургский купец Алексей Егорович Ковшиков, пожертвовавший 3000 рублей на украшение икон серебряными ризами и крестьянин деревни Выборгской Дубровки Степан Максимов, который также много помогал храму.

Прихожане в основном были неграмотны, школа была одна на приход, в Московской Дубровке. Она существовала с 1879 г. и находилась в ведении земской управы. В ней училось около 60 мальчиков и девочек.

На кладбище при церкви были похоронены священники и члены семьи Резановых-Кокоскиных: мать Николая Петровича, Александра Гавриловна, урожденная Окунева, жена статского советника, брат Николая Петровича, Александр Петрович Резанов, отставной коллежский советник и кавалер, скончавшийся 18 февраля 1853 г. и проживший около 100 лет [12].

Церковь служила до 1938 г. Последнего настоятеля, священника Александра Ивановича Быстрова, арестовали и расстреляли в Левашовской пустоши. По воспоминаниям современников, он был отзывчивым и добрым батюшкой, никому не отказывал в помощи, навещал, исповедовал, причащал на дому больных. Если звали к тяжело больным, умирающим, то он переправлялся в любую погоду на лодке через Неву, зимой – по льду [13, с. 34]. До настоящего времени ни кладбище, ни церковь не сохранились. Перед войной церковь была передана под клуб. Настлали деревянные полы, а алтарь использовали как сцену. После войны на месте храма остались только груды кирпича и надгробные плиты церковного кладбища, да и те вскоре растащили. Был уничтожен деревянный дом – школа, стоявшая на площадке перед церковной колокольней, ограда с воротами дома причта.

В 2007 г., к двухсотлетию со дня кончины, в Красноярске был открыт памятник Николаю Петровичу Резанову. Именно в Красноярске закончилась земная жизнь легендарного командора. Первый памятник Н. П. Резанову на месте гибели камергера был поставлен еще в 1831 г. около кафедрального собора Красноярска, но был разрушен вместе с собором в советское время [10, с. 64].

В настоящее время на месте села Анненского, неподалеку от места, где стоял храм Тихвинской иконы Божией Матери, на берегу реки Мойки, были построены единоверческая церковь, освященная в память Симона Охтинского и Андрея Уфимского.

Библиографический список

1. Вишневецкий В. В. Дневники военных лет. М.: Сов. Россия, 1979. 432 с.
2. Историко-статистические сведения о Санкт-Петербургской епархии. Вып. VIII. СПб., 1884. 519 с.
3. Кирпичи: клейма и коллекция. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.v-smirnov.ru/p131.htm> (дата обращения: 10.01.2024).
4. Кретинин Г. В. Под российской короной, или Русские в Кёнигсберге. 1758–1762. Калининград: Калининградское книжное издательство, 1996. 176 с.
5. Мосунов В. А. Битва за Ленинград: неизвестная оборона. М.: Эксмо Яуза, 2016. 382 с.
6. Мурашова Н. В. Дворянские усадьбы Санкт-Петербургской губернии: южное Приладожье, Кировский и Волховский районы / Н. В. Мурашова, Л. П. Мыслина. СПб.: Алаборг, 2009. 368 с.
7. Описание Санктпетбургской губернии по уездам и станам. СПб.: Печ. в губ. тип., 1838. 142 с.
8. Пыляев М. И. Забытое прошлое окрестностей Петербурга. СПб.: АО «Лига»: Титул, 1994. 550 с.
9. Русский биографический словарь: Притвиц – Рейс / Изд. под наблюдением председателя Императорского Русского Исторического Общества А.А. Половцова. СПб.: тип. Императорской акад. наук, 1910 [2]. Т. 15. 800 с.
10. Свердлов Л. М. Николай Петрович Резанов (1764–1807). Художественный образ и историческая личность. // Московский журнал. 2012. № 5 (257). С. 45–64.
11. Седова Н. «Любовь моя у вас в Невском...» // Санкт-Петербургские ведомости. 2007. № 089. 18 мая.
12. Село Анненское (Мойка) // Анатолий Фукс: личный сайт. [Электронный ресурс] URL: http://fuchs-a.narod.ru/index/selo_annenskoe_mojka/0-618 (дата обращения: 10.01.2024).
13. Синодик гонимых, умученных, в узах невинно пострадавших православных священно-церковнослужителей и мирян Санкт-Петербургской епархии. XX столетие. СПб., 2002. 500 с.
14. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее - ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 113. Д. 1194.
15. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 113. Д. 1585.
16. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 128. Д. 1350.

О. А. Асанидзе

История Приморских сёл во второй половине XIX в.

Статья посвящена истории сёл Варваровка, Романовка, Гордеевка и Гродеково Приморского края, судьбам переселенцев – основателям этих сел. В статье сфокусировано внимание на крестьянской семье переселенцев, на ее жизнедеятельности, хозяйственной направленности, структуре, духовных ценностях. Через исследование жизни крестьянских семей переселенцев в статье рассматривается процесс освоения новоприобретенных территорий на юге Приморской области во второй половине XIX в.

The article is devoted to the history of the villages of Varvarovka, Romanovka, Gordeevka and Grodekovo of the Primorsky Territory, the fate of the settlers – the founders of these villages. The article focuses on the peasant family of immigrants, on its vital activity, economic orientation, structure, and spiritual values. Through the study of the life of peasant families of immigrants, the article examines the process of development of newly acquired territories in the south of the Primorsky region in the second half of the 19th century.

Ключевые слова: история Приморского края, процесс переселения в Южно-Уссурийский край, крестьяне-переселенцы, основатели сёл, крестьянские хозяйства.

Key words: the history of the Primorsky Territory, the process of resettlement to the South Ussuri Territory, migrant peasants, founders of villages, peasant farms.

В последние годы заметно вырос интерес к прошлому родного края, к истории наших городов и сёл. У каждого города, у каждого села своя судьба, в чем-то похожая на судьбу других городов и сёл, и вместе с тем, неповторимая.

История Приморских сёл неразрывно связана с процессом освоения новоприобретенных территорий на юге Дальнего Востока во второй половине XIX в. После того, как Российское правительство в 1882 г. организовало морские перевозки переселенцев в Южно-Уссурийский край на пароходах Добровольного флота за государственный счёт, увеличилось число прибывших в край крестьянских семей из европейской части России.

Крестьянские семьи переселялись на юг Приморской области по нескольким причинам: главная – «малоземелье» европейской части России, предоставление переселенцам на новых территориях ста десятин земли, льготы, освобождение от налогов и воинской повинности, а также «легенды о богатстве Дальнего Востока, и жажда обогащения» [1, с. 20].

Расселение крестьян на территории края начиналось с Приханкайской долины, затем продолжалось по долинам рек, впадающим в Японское море, – Уссури, Улахе, Даубихе, имело свои особенности и зависело главным образом, от природных факторов, климатических условий и особенностей инфраструктуры (развития путей сообщения). А. П. Георгиевский в своей работе «Русские на Дальнем Востоке» отмечает, что «при выборе места поселения крестьяне руководствовались опытом и знаниями, принесенными и усвоенными ими на родине» [1, с. 24]. К началу XX в. на обширной территории Южно-Уссурийского края было основано 165 селений, сформировано 15 волостных структур.

История сёл Приморья – это история края, где каждая страница – это подвиг многих людей, в том числе и крестьян-переселенцев. Преодолевая огромные трудности и расстояния, со всем своим нехитрым скарбом прибывали крестьянские семьи в Южно-Уссурийский край. Впереди им предстояло испытать много трудностей. Приехав в дикие места, где не было никакой цивилизации на сотни и тысячи километров, им необходимо было приспособливаться к природно-климатическим условиям края, осваивать земли, основывать селения и, адаптируясь к новым условиям, налаживать жизнь, вести хозяйство.

В конце XIX в. в долине реки Даубихэ в самом сердце Сихоте-Алиня образовалось селение – Варваровка. В 1884 г. сюда прибыли крестьяне-переселенцы

из Курской губернии и основали селение. В память о прежней Родине селение было названо – Варваровка. Переселенцы принесли с собой не только свое нехитрое имущество, но и традиции, обряды.

Увеличение численности населения происходило не только естественным путём, но и за счёт переселения сюда крестьян из других селений, затопляемых наводнениями после тайфунов. Архивные документы помогли установить фамилии крестьян-переселенцев, прибывших в Варваровку и составивших основной костяк местного населения: Божок, Бусель, Бондарь, Верховские, Каменные, Клыковы, Малявко, Павленко, Панковские, Севрюк, Серебрянниковы, Слёзкины, Сильченко, Сорокины, Шаторные, Яловские [8, л. 220].

Общий надел Варваровки составлял 3000 десятин [14, л. 223]. Благодатный уголок Даубихинской долины позволял заниматься крестьянским семьям земледелием. Земли были хорошего качества. Переселенцы сеяли пшеницу, рожь, овёс, ячмень, просо, горох, гречиху, лён, картофель. Заметные успехи делало здесь бахчеводство, а вот скотоводство было развито хуже, чем в других селениях [15, л. 223–224]. В статистических сведениях за 1894 г., на подворьях варваровцев насчитывалось 50 лошадей, 74 коровы, 37 быков, 89 коз и свиней [12, л. 223–224].

Охотничий промысел, несмотря на близость тайги, в Варваровке не был популярен. Не получили широкого развития пчеловодство и садоводство. Мужское население Варваровки занималось рыболовством, так как рыба в реке Даубихэ была в избытке [15, л. 225]. Население села вело натуральное хозяйство, лишь изредка выезжало в соседние деревни и села на ярмарку или магазины, так как состояние дорожного тракта не позволяло выезжать на далёкие расстояния. Настоящей бедой для селения были частые и сильные наводнения несколько раз в год (весной, летом и осенью). Сильные наводнения повторялись каждые 5 лет. После разрушительных наводнений люди снова обустроивались, восстанавливали разрушенное хозяйство, приводили в порядок дома и усадьбы. В 1896 г. было катастрофическое наводнение. Из записей семейного архива: «Урожай зерновых в это лето должен был быть хорошим, у крестьян жила надежда, что будет много хлеба, но пришла беда с реки Даубихэ. Во время наводнения сильно пострадала местность, прилегающая к реке, весь урожай зерновых был смыт» [3]. Страдали переселенцы от неурожаев и наводнений, но не сдавались и упорно трудились на своей земле.

В 1880–1890-е гг. большое значение на образование новых селений в Южно-Уссурийском крае в долинах рек Лефу и Даубихэ оказало строительство телеграфа. Было проложено несколько телеграфных линий, связавших Никольское и урочище Анучино. По всей линии телеграфа через определённое расстояние друг от друга находились станции, давшие начало новым населённым пунктам в таёжной глубинке [2, л. 22]. Освоенные военными места привлекали переселенцев природным богатством Сихотэ-Алинской тайги, рыбными ресурсами реки Даубихэ и её притоков. Близость к военным обеспечивала безопасность. Таким образом, постепенно к концу XIX в. все свободные наделы вокруг почто-телеграфных станций были заняты.

В 1883 году в долине реки Даубихэ для телеграфного ведомства был выделен участок в 42 десятины [15, л. 220]. В 1885 г. прокладка телеграфной линии завершилась, новая станция получила название Верхнее-Романово, а новая деревня – Романовка. Своё название деревня получила в честь строителя телеграфной линии, военного инженера Дмитрия Ивановича Романова [2, л. 222]. Офицер для особых поручений при генерал-губернаторе Восточной Сибири Н. Н. Муравьеве-Амурском Д. И. Романов разработал проект телеграфной линии для осуществления связи с европейской частью России. В первый год работы станции ее штат составлял 9 человек военных [2, л. 222]. Кроме военных-телеграфистов, обслуживающих станцию, остальное население деревни составляли переселенцы. Архивные документы позволяют установить фамилии семей, постоянно проживающих в деревне Романово Ивановской волости. Они составили костяк местного населения: Борсуковы, Горевы, Данчук, Колачёв, Корягин, Сильченко, Чечель, Яковенко [12, л. 219–220].

В 1895 г. по распоряжению военного губернатора Приморской области и вследствие ходатайств начальника Приморского почтово-телеграфного округа помощником областного землемера была уточнена граница участка Верхне-Романовской почтово-телеграфной конторы [2, л. 223]. Решение «земельного вопроса» привело к более активному освоению этих земель. В 1895 г. в деревне насчитывалось 118 человек (59 мужчин и 59 женщин). Статистические данные говорят следующее: «На подворьях романовцев имелись лошади, быки, коровы, свиньи. Строения в деревне были деревянные. Строительный материал поселенцы брали в самом селении, а строевой лес хвойных пород возили за 7 вёрст от деревни. Кирпич не выжигали, поэтому кирпичных строений не было. Зимой жилища отапливались дровами. На лесозаготовки ездили за 3 версты от деревни. Строения стояли в значительном отдалении друг от друга, поэтому в Романово не было отмечено крупных пожаров» [9, л. 223].

Таёжные заросли затрудняли земледелие. Каждая крестьянская семья работала участок, где выращивала пшеницу, ярицу, овёс, ячмень, просо, кукурузу, овощи. Излишки продавались военным урочища Анучино на месте, без доставки. Например, батальон, покупая овёс, должен был вывозить его своими лошадьми. Имели жители и огнестрельное оружие для охоты на белок и соболей. Славилась романовцы как хорошие проводники по таёжным тропам. У местных корейцев они научились выращивать женьшень на «таёжных огородах», добывали дикоросы. Среди соседей романовцы считались «зажиточными людьми». Согласно статистическим данным, в 1900 г. в Романово проживало 211 человек (133 мужчин и 78 женщин) [10, л. 227].

В конце XIX в., когда происходило интенсивное заселение центральных районов Южно-Уссурийского края, началась история селения Гордеевка. В 1880 г. в 12 верстах от урочища Анучино военные стали прокладывать телеграфную линию и тракт, возводить первые здания [2, л. 226–227]. Под защиту военных для обеспечения тыла стали селить семьи крестьян-переселенцев. Материалы Российского государственного исторического архива Дальнего Востока свидетельствуют, что в 1884 г. из Черниговской губернии в Даубихинскую

долину прибыли 22 семьи первых переселенцев [7, л. 240]. Согласно сведениям А.А. Меньщикова, «первоначально ходоки, высланные из Владивостока, выбрали место, где позже появилась Петропавловка. Но на этом месте переселенцы жили только три месяца, а затем оттуда перебрались на новое место» [4].

Затем землемеры Переселенческого управления сделали землеотвод в пойме реки Даубихэ, отмежевали свободной земли 2554 десятины общего надела [12, л. 228]. «При межевании земель переселенцам, выяснилось, что верстах в 15 от Анучино, ниже по реке Даубихэ, около Круглой горы, стояли две фанзы старожилов-манз, оставшихся здесь по Айгунскому договору. Переселенцы просили прирезать им хорошей земли и передвинуть границу близко к означенным фанзам и к горе, на том основании, что долина их надела перерезана частыми потоками с близких гор, что самая незначительная низина, наполняясь водою, делается болотом и что сеять им приходится по немногим бугоркам. Но манзы умели подойти к межевому начальству, и переселенцы остались с болотинами» [4]. Поэтому в 1888 г. на отмежёванном участке, в живописной долине, которая вытянулась на 10 верст вдоль реки и на 3 версты в ширину между сопкок Сихотэ-Алиня, переселенцы основали новое поселение – Гордеевка. Пришлось потрудиться, чтобы расчистить тайгу, сжечь кустарник, корчевать пни. На правом берегу Даубихэ выросли неказистые на первых порах домики. Материалы для строительства переселенцы брали неподалеку: песчаник в 6 верстах, строевой лес лиственных и хвойных пород – в 2 верстах. Глину для оштукатуривания стен и для производства кирпича добывали на территории самой деревни. Дома-пятистенки покрывались соломенными крышами, отапливались дровами. По статистическим сведениям 1894 г. в Гордеевке насчитывалось 32 двора, в которых проживали 83 мужчины и 86 женщин. Основной костяк местного населения составляли семьи: Бошек, Булатовы, Новик, Понуровские, Яловские [8, л. 111–112].

Мой прапрадед по линии матери Кирилл Ильич Булатов – один из первых жителей Гордеевки. В семейном архиве есть записи о моём прапрадеде: «Работящий, крепко стоящий на ногах, истинный хозяин земли-кормилицы Кирилл Ильич, которого односельчане называли просто и уважительно – Булат, первым среди сельчан в своих дворовых постройках применил дранку, соломенную крышу заменил листовым железом. Имел заимку в 6 верстах от дома, один из первых выезжал на свою заимку. Недалеко от заимки есть ключ, названный его именем «Булатовский ключ». Не дожидаясь вестников тепла – скворцов, распахивал залеж – яловину. Первым среди сельчан стал заниматься бортничеством – принёс диких пчёл из лесу и разроил их до 25 ульев. Булатовский липовый мёд славился далеко за пределами Гордеевки. Не пропускал Булат и утиной охоты» [3].

Со временем Гордеевка стала производить впечатление вполне благоустроенной деревни. Добротные постройки свидетельствовали о зажиточности местного населения. Отменные пастбища позволяли разводить лошадей и рогатый скот. Почти в каждом дворе были коровы, лошади и другая живность. Земли были плодородными, на них сеяли пшеницу, рожь, овёс, ячмень. На полях

выращивали гречиху, картофель, горох, технические культуры – лён и коноплю. Получило распространение бахчеводство [11, л. 110–111]. Продукты производили не только для личного потребления. В Анучино стояли войска, которым гордеевцы сбывали молочные продукты, яйца, крупу. Труды крестьян щедро вознаграждались природным изобилием.

Широкое распространение получило рыболовство. Осенью (в сентябре) жители выходили на ловлю кеты для собственных нужд. Многие занимались сбором плодов и ягод, мёда и корня женьшеня, добычей пушного зверя. Так же были заметные успехи в ремёслах, особенно в кожевенном и плотницком.

Но главным видом деятельности жителей Гордеевки становится пчеловодство. Статистики в 1896 г. насчитали на подворьях крестьян-переселенцев более 500 колод пчёл. Лучшим пчеловодом в Гордеевке был Кирилл Ильич Булатов – мой прапрадед [11, л. 113–114].

В 1896 году на берегу реки Муравейка, на небольшой равнине, окружённой со всех сторон сопками, в 40 верстах от урочища Анучино, переселенцами из Украины был основан новый населённый пункт – Гродеково. Он получил название по имени Приамурского генерал-губернатора Николая Ивановича Гродекова. Основателями села, согласно архивным документам, были три семьи: Яковенко, Любицкого и Торопцева [8, л. 74].

В личном архиве потомков переселенцев Торопцевых, хранящемся в краеведческом музее города Артёма Приморского края, есть интересные подробности о переселении семьи в Южно-Уссурийский край: «В самом конце XIX века Полина и Василий Торопцевы с семьёю дочерьми и двумя сыновьями (Дмитрием и Иваном) и братья Михаил и Павел Яковенко со своей семьёй проделали долгий путь к местам своего нового места жительства. В течение двух месяцев продолжался путь гродековских первооткрывателей на новые земли. Остановились в первый год на лето, чтобы в хозяйствах старожилов края посадить огород, убрать урожай, сделать запас продуктов, и вновь отправиться в путь. В поисках «лучших мест» двигались они всё дальше и дальше. Да только встретился им в пути гольд Дерсу Узала. Это он показал переселенцам плодородные земли нынешнего Анучинского района, открыл для них богатые рыбой реки и зверьём – тайгу» [5].

Другие поселенцы переселились в Гродеково из деревни Сысоевской, ища спасения от наводнений. Многие переселенцы были старожилами края, хорошо знакомыми со всеми природными условиями. Эти места привлекали близостью охоты, рыбной ловли, хорошими лугами и плодородной почвой.

Из семейного архива Торопцевых: «Много пришлось переселенцам трудиться, расчищать тайгу, сжигать кустарники, корчевать пни. Зато все труды были вознаграждены обилием зверя, его было так много, что достаточно было выйти с ружьем во двор, чтобы добыть себе мяса на 2–3 недели, а охота на пушных зверей давала охотникам весьма хороший заработок» [5].

Кроме охоты занимались переселенцы земледелием и животноводством, построили первые дома, подняли пустошь, засеяли свои наделы, в сезон рыбачили и разводили пчёл. Знатным пчеловодом был Степан Голяк. Женщины ве-

ли дом, рукодельничали [13, л. 228]. Жители соблюдали праздники и традиции старой родины. Крестьянские семьи переселенцев были религиозны, соблюдали посты, так как в Гродеково церковь отсутствовала, приходилось ездить в соседнее село. Дружно жили сельчане между собой, помогали вести хозяйство, дружили с корейцами, проживающими по соседству. В архивных документах указаны фамилии первых жителей: Глушак, Голяк, Долговы, Коваленко, Кливецкие, Любицких, Марамчиновы, Малыгины, Покрашенко, Пономарёвы [7, л. 219].

Освоение и развитие Южно-Уссурийского края основывалось на семейных переселениях. Хозяйственная деятельность крестьянских семей по традиции была основана на половозрастном разделении труда. Основной круг занятий мужчин – вспашка земли, заготовка сена, уборка и обмолот хлебов, перевозка тяжестей, пчеловодство, добыча рыбы и зверя, обработка шкур, приготовление изделий из шкур и древесины. Круг занятий женщин – уход за детьми и престарелыми, уборка хлебов, обработка полевой продукции и огородов, уход за скотом, приготовление пищи, стирка, уборка помещений. Привлекали к крестьянскому труду и детей. В вопросах хозяйственной жизни и внутрисемейных отношениях, как и полагалось в патриархальных семьях, в семьях переселенцев наблюдается усиление власти старшего мужчины.

Анализ крестьянских хозяйств Южно-Уссурийского края позволяет сделать вывод, что к концу XIX в. крестьянские семьи переселенцев в целом были более зажиточны, чем крестьяне европейской части России. Крестьянский двор в Южно-Уссурийском крае в среднем имел в 5–6 раз больше земли по сравнению с центральной частью страны. Ведущей отраслью сельского хозяйства в крае было земледелие. Широко использовались плуги, жатки, молотилки, веялки, сенокосилки и другие сельскохозяйственные машины и орудия. Развивались многофункциональные хозяйства, в которых крестьяне-переселенцы занимались разнообразными видами хозяйственной деятельности: хлебопашеством, животноводством, пчеловодством, садоводством, охотой, рыболовством и другими промыслами. Преобладал экстенсивный способ ведения хозяйства, которому способствовали наличие большого количества свободных земель и желание крестьян увеличивать посевные площади.

Таким образом, богатая природная среда края, меры государственной поддержки переселения, энергия, трудолюбие и упорство крестьян, позволили семьям переселенцев в короткий срок создать крепкие многофункциональные хозяйства, способные прокормить свою семью и произвести дополнительное количество зерна и скота на продажу, внести существенный вклад в экономическое развитие Южно-Уссурийского края.

Библиографический список

1. Георгиевский А. П. Русские на Дальнем Востоке: Заселение Дальнего Востока. Говоры. Творчество. Владивосток: Тип. Гос. Дальневост. ун-та, 1926. 114 с.
2. Государственный архив Приморского края (ГАПК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 35.
3. Дневник // Личный архив В. Булатова.

4. Материалы по обследованию крестьянских хозяйств Приморской области / Переселенч. упр. Г.У.З. и З.; сост. А. Меньшиков; под ред. А. А. Татищева. Саратов: Тип. Саратов. Губ. правл., 1911–1917. 351 с.

5. Письма // Личный архив Г. Торопцевой.

6. Российский государственный исторический архив Дальнего Востока (далее – РГИА ДВ). Ф. 1. Оп. 1. Д. 1243.

7. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1369.

8. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1382.

9. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1478.

10. РГИА ДВ. Ф. 1. Оп. 5. Д. 1339.

11. РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1369.

12. РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 1. Д. 1382.

13. РГИА ДВ. Ф. 5. Оп. 5. Д. 339.

14. РГИА ДВ. Ф. 98. Оп. 1. Д. 138.

15. РГИА ДВ. Ф. 103. Оп. 2. Д. 382.

А. А. Смурова

Проституция среди женской домашней прислуги в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в.

В статье рассматривается проституция, как форма девиантного поведения среди женской домашней прислуги во второй половине XIX – начале XX в. Обращается внимание на то, что условия труда работниц были крайне тяжелыми, оплата труда – низкой. Вследствие этого, а также других факторов, которые рассматриваются в статье, прислуга начинала продавать интимные услуги. В работе характеризуются виды занятий проституцией среди женской домашней прислуги, а именно поднадзорная и тайная, а также представляются статистические данные по каждому виду.

The article considers prostitution as a form of deviant behavior among female domestic workers in the second half of the 19th – early 20th century. Attention is drawn to the fact that the working conditions of the workers were extremely difficult, and the wages were low. As a result of this, as well as other factors that are discussed in the article, the servants began to sell intimate services for money. The work characterizes the types of prostitution among female domestic workers (supervised and secret), and provides static data for each type.

Ключевые слова: женская прислуга, проституция, Российская империя, вторая половина XIX–XX вв., история повседневности, гендерная история.

Key words: female servants, prostitution, the Russian Empire, the second half of the 19th – 20th centuries, the history of everyday life, gender history.

Во второй половине XIX в. в связи с масштабной модернизацией многие женщины были вынуждены самостоятельно искать способы заработка на жизнь. Одной из наиболее желанных работ была работа домашней прислугой, так как она не требовала особых навыков и умений. Недаром данная категория населения по официальным, как признавали сами составители, сильно занижен-

ным, данным Всеобщей переписи населения 1897 г., составляла почти 1,3 млн чел., или 41 % всего «самостоятельного» женского населения [10, с. 6–7].

Положение домашней женской прислуги во второй половине XIX – начале XX в. можно охарактеризовать словом рабство. Вот что говорил об этом Р. А. Шахман в докладе о тайной проституции: «...домашняя прислуга, нанимаясь в услужение, скорее продается в рабство, чем вступает в договорные отношения, – и в этом более, чем в тяжёлых условиях труда, разлагающее влияние института домашней прислуги при существующих ненормированных условиях» [3, с. 101]. Конечно, реалии времени изменились, и формально прислуга – это уже не крепостная девка, а свободная женщина. Однако её реальное положение мало чем изменилось, она так и осталась бесправной – хозяин мог в любую минуту без какого-либо предупреждения выбросить служанку на улицу, если та откажется исполнять любое его требование. Героиня повести А. И. Куприна «Яма», Эльза, следующим образом отзывалась о работе служанки: «вообразите себе, какое унижительное положение быть в доме прислугой! Всегда зависеть от каприза или расположения духа хозяев! И хозяин всегда пристаёт с глупостями. А хозяйка ревнует, придирается и бранится» [7, с. 187].

Заработная плата женской прислуги в среднем составляла 6 рублей в месяц, то есть около 70 р. в год (от 2 р. 50 к. до 15 р.) [3, с. 136]. Для сравнения, врачи губернской земской больницы в начале 70-х гг. XIX в. получали жалование от 250 р. (ординатор) до 650 р. (старший врач) в год [2, с. 164].

Таким образом, работа домашней прислуги становилась испытанием для многих девушек, желающих заработать себе на жизнь. В поиске более легких путей для заработка служанки становились проститутками.

Как правило, главный контингент проституции – это прислуга; далее идут ремесленницы и фабричные работницы. Эти три категории составляли 95 % проституток [3, с. 101].

Причинами данного явления становились следующие факторы:

1. Экономическая нужда.

«Подавляющее большинство проституток выходит из бедных слоёв рабочих и крестьян, и, например, в России, полоса войны, беженства и голода, которая так круто подорвала народное благосостояние, дала благоприятную почву для всё новых жертв проституции» [1, с. 8].

В своем докладе Р. Л. Депп приводит следующую статистику, показывающую влияние экономического фактора: «Из 199 прислуги 118 занялись проституцией из-за нужды и потери места...» [3, с. 151].

2. Отдаление от родных и «искушения большого города».

По приезде из деревни, девушку ждала опасность встречи со своднями, которые караулили своих жертв на вокзалах и пристанях: «Сводни, без сомнения, должны стать во главе проституционных эксплуататоров. Способы, которыми они ввергают в проституцию женщин, чрезвычайно хитры и разнообразны; они предлагают умирающим хлеба, нуждающимся – денег, покупают детей у родителей, набирают себе служанок и возвращают их, а иногда просто употребляют насилие» [6, с. 17].

В произведении Л.Н. Толстого «Воскресенье» главная героиня оказывается в ситуации, когда барыня приглашает её к себе домой, увидев в конторе для поиска прислуги, и пытается «продать» её услуги старому писателю со словами: «Свеженькая, деревенская» [15, с. 15].

3. Соблазнения прислуги господами.

Еще одной причиной перехода домашней прислуги к проституции являются сами господа, точнее их соблазнения. Если хозяин или хозяйский сын пристаёт к служанке, то нередко из-за боязни расчета приходится покориться: «Иногда в ход пускаются подарки и ухаживания, но большею частью на девушку действует просто насилием: придирами, криком, угрозами и проч.» [1, с. 14]. В произведении А. М. Ремизова рассказывается история служанки Акумовны. Хозяин предложил ей сожительство, чтобы сохранить работу. Он обвинил её в смерти телёнка, а в ответ на извинения, сказал: «Согласишься со мною жить, оставайся, а не то уходи!» [11, с. 122]. Девушка соглашается: «А я не хочу уходить, чтобы отогнали от барыни, да и куда мне идти» [11, с. 127].

В некоторых семьях бывает даже так, что родители молодого барина не только не имеют ничего против половой связи с прислугой, но и помогают этому: лучше пусть сын «перебесится» у них на глазах, нежели с проститутками [1, с. 14].

Во второй половине XIX – начале XX в. проституция делилась на 2 основных вида: поднадзорную и тайную.

В изучаемый нами период проституция была легализована. В 1843 г. Николаем I был учрежден врачебно-полицейский надзор [13, с. 75–78]. Главным образом, надзор выражался в обязанности поднадзорных проституток подвергаться периодическим осмотрам у врачей врачебно-полицейского комитета для освидетельствования своего здоровья, насколько оно безопасно для их посетителей [5, с. 46–47].

Сторонники регламентации проституции приводили существенный довод в свою пользу: единственное средство защиты общества от распространения венерических заболеваний – поставить пагубное явление под государственный надзор посредством полиции и учреждений здравоохранения [8, с. 11].

На государственном уровне проституцию как главный источник заболевания сифилисом признали распоряжением Николая I о бесплатном лечении женщин легкого поведения в Калинкинской больнице Санкт-Петербурга [12, с. 1–3].

К поднадзорной или регламентируемой проституции мы можем отнести, во-первых, женщин, которые проживали в домах терпимости; во-вторых, проституток-одинок, которые мало чем отличались от тех, что проживали в домах терпимости. Они торговали своим телом так же, как и девушки первой категории. И, в-третьих, женщины беспризорные или бродячие, продающие себя всякому мужчине и в любое время по самым низким ценам, иногда просто за кусок хлеба. Это явные представительницы проституции, публично посвятившие себя этой профессии [6, с. 8–9].

Согласно данным статистического обследования проституции, проведенного в 1889 г., в стране действовало 1216 домов терпимости и 17603 проститутки [14, с. 29].

Большинство поднадзорных проституток – это бывшая домашняя женская прислуга: «за проституцию домашней прислуги говорит также тот, прочно установленный факт, что от 35 до 45 % регламентированных проституток составляют никто иные, как бывшая домашняя прислуга» [5, с. 95].

Следующий вид занятий проституцией, отличающийся от первого, – это тайная проституция. Это самый огромный и разнообразный класс женщин, занимавшихся проституцией: «К этому классу мы должны отнести всякую женщину, отдающую себя для половых наслаждений мужчины, с преследованием корыстных целей» [6, с. 9].

Если же говорить о тайной проституции, то она была крайне популярна среди женской домашней прислуги: «домашняя прислуга повсеместно составляет существенный элемент тайной проституции» [16, с. 10]. Крайне часто встречались случаи, когда домашняя прислуга, не оставляя своих мест, простигуется там, где служит: «Ничего не стоит какой-либо горничной в 16–17-ть лет за коробку конфет или за какую-нибудь безделушку отдаться тому или другому мужчине на долгое время. Особенно часто это наблюдается в больших домах, где много квартир. <...> В этих домах обыкновенно вся прислуга знакома между собой, и вот, как только хозяйева уехали из дома в какой-нибудь квартире, там живо устраивается пирушка, появляются мужчины и пошел разврат во всю ширину» [9, с. 92]. Так же в своём труде И. И. Канкарович повествует о том, что «существуют дневные приюты разврата, предназначенные специально для домашней прислуги, куда они забегают для пополнения своего бюджета» [5, с. 95].

Итак, вся проблема тайной проституции и различие её от поднадзорной состояла в тайности её санитарного состояния. Впрочем, есть ещё одна особенность, о которой следует упомянуть. Состояла она в том, что большое число тайных проституток занимались данной деятельностью лишь временно или же параллельно с основной работой, например, домашней прислуги.

У перехода огромной части домашней прислуги в проституцию был ряд последствий, негативно отражавшийся в обществе. Главной проблемой был сифилис – хроническое системное венерическое инфекционное заболевание с поражением кожи, слизистых оболочек, внутренних органов, костей, нервной системы с последовательной сменой стадий болезни, вызываемое бактериями вида *Treponema pallidum*. «В России распространение сифилиса достигает колоссальных размеров. По данным социальной статистики, зарегистрировано, в среднем, ежегодно в период с 1894 по 1903 г. – 920.645 больных, что составляет 70,7 на 10.000» [4, с. 2].

Домашняя прислуга, являясь основной частью как поднадзорной, так и тайной проституции, была распространительницей венерических болезней: «в больницах для венериков громадный процент амбулаторных больных женщин

падает на нашу домашнюю прислугу. В С.-Петербургской Калининской больнице их 30 %» [5, с. 96].

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX в. работа домашней прислугой была крайне востребована среди женщин, так как не требовала специальных знаний и умений. Однако такой род занятий, со стороны кажущийся довольно лёгким, крайне изматывал девушек. Со временем служанки начинали задумываться о смене профессии, чаще всего они приходили к проституции. Причин распространения данного девиантного поведения среди прислуги очень много, однако главной из них принято считать экономический фактор. Практически половина служанок, уходивших со своего места, становились поднадзорными проститутками, а половина служанок, остававшихся в хозяйском доме, начинали заниматься тайной проституцией.

Библиографический список

1. Василевский Л. М. Половой вопрос. Проституция и рабочая молодежь: социально-гигиенический очерк. М.: Новая Москва, 1924. 75 с.
2. Вепренцева Т. А. Материальное положение учителей и врачей в российской провинции во второй половине XIX – начале XX веков // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2013. № 2. С. 157–167.
3. Всероссийский съезд по борьбе с торгом женщинами и его причинами. Труды Первого Всероссийского съезда по борьбе с торгом женщинами и его причинами, происходившего в С.-Петербурге с 21 по 25 апреля 1910 года. СПб.: Типо-литография С.-Петербургской Одиночной тюрьмы, 1911. 334 с.
4. Заболотный Д. К. Сифилис, его патогенез и этиология. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1909. 75 с.
5. Канкарович И. И. Проституция и общественный разврат: к истории нравов нашего времени. СПб.: Тип. В. Безобразова, 1907. 200 с.
6. Кузнецов М. Г. Проституция и сифилис в России: Историко-стат. исследования. СПб.: Тип. В. С. Балашева, 1871. 76 с.
7. Куприн А. И. Яма. СПб.: Интерполиграфцентр, 1992. С. 254.
8. Обозненко П. Е. Вопрос об упорядочении проституции и о борьбе с нею на двух международных совещаниях 1899 года. СПб.: Тип. Я. Трей, 1900. 24 с.
9. Приклонский И. И. Проституция и ее организация: ист. очерк. М.: А. А. Карцев, 1903. 108 с.
10. Распределение рабочих и прислуги по группам занятий по месту рождения на основании данных первой всеобщей переписи населения Российской Империи 28 января 1897 года. С предисл. Н. Тройницкого; сост. и обзор данных В. В. Степанова. СПб.: паровая типолит. Н. Л. Ныркина, 1905. 49 с.
11. Ремизов А.М. Собрание сочинений. М.: Рус. кн., 2000–2003. 550 с.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 759. Оп. 1. Д. 6231.
13. Свод узаконений и распоряжений правительства по врачебной и санитарной части в Империи. Вып. 1. СПб.: Медицинский департамент, 1895–1898. 272 с.
14. Статистика Российской империи. XIII. Проституция Российской империи по обследованию на 1 августа 1889 года. СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1890. 39 с.
15. Толстой Л.Н. Собрание сочинений в восьми томах. Т. 6. М.: Лексика, 1996. 606 с.
16. Труды Съезда по обсуждению мер против сифилиса в России, бывшего при Медицинском департаменте с 15 по 22 января 1897 года под председательством дир. Мед. деп. Л.Ф. Рагозина. Т. 1. СПб., 1897. 266 с.

Дворовые промыслы в северных волостях Санкт-Петербургского уезда в конце XIX в.

В статье показаны основные виды дворовых промыслов, которыми были заняты различные слои населения северных волостей Санкт-Петербургского уезда Санкт-Петербургской губернии. Данные промыслы являлись основным заработком для местного населения. Наиболее распространенными были молочный и питомнический промысел.

The article shows the main types of yard crafts, which were occupied by various segments of the population of the northern volosts of the St. Petersburg district of the St. Petersburg province. These crafts were the main earnings for the local population. The most common were dairy and nursery fisheries.

Ключевые слова: Санкт-Петербургская губерния, Санкт-Петербургский уезд, северные волости Санкт-Петербургского уезда, питомничество, дворовые промыслы.

Key words: St. Petersburg province, St. Petersburg county, northern volosts of St. Petersburg county, nursery, yard crafts.

К концу XIX в. в Петербургском уезде лишь небольшая часть населения была занята земледелием, но даже те семьи, которые занимались им, не могли себя полностью обеспечить. Поэтому часть населения должна была добывать средства для жизни исключительно промыслами или совмещать их с земледелием [2, с. 117]. Похожая ситуация сохранялась и в начале XX века [6, с. 3].

По состоянию на 1897 г., в промысловой деятельности в северных волостях Петербургской губернии было занято 100 % населения, независимо от национальности и вероисповедания. Из них около 70 % крестьян были заняты в дворовых промыслах. Разнообразие промыслов в северных волостях определялось не только близостью к Петербургу, но и тем, что оно было направлено на удовлетворение нужд столицы в продовольствии. Среди дворовых промыслов в северных волостях Петербургского уезда выделялись сбыт молочной продукции, грибной, ягодный промыслы, а также в небольшой степени драньё коры и изготовление метелок [2, с. 117]. Местным крестьянам дворовые промыслы давали 45 % от всего заработка. Наибольшее значение дворовые промыслы имели в Вартемяжской волости, где они давали 74 % от всего заработка.

Молочный промысел был одним из самых распространенных для крестьян Петербургского уезда. Им была занята почти половина крестьянских семей, и оно давало 20 % от всех промысловых доходов. Многие волости поставляли молоко в столицу, однако в северных волостях это не было широко распространено. Большую часть продукции продавали скупщикам, которые уже везли молоко в столицу для продажи. Таких скупщиков называли барышниками.

Барышничество молочными продуктами дорого стоило местному населению. Скупщики-крестьяне были на всей территории северной части уезда. Так, в Лемболовской волости таких семей было 27, в Коркомьяжской 28, в Кюляят-

ской 35, что во многом превышало количество семей, занятых скупкой молочной продукции по всему уезду. Скупщики и сами владели хозяйством и скупали молочные продукты у малоимущих соседей, которые сами были не в состоянии отвезти продукцию на продажу. У крестьян покупали или цельное молоко, или только сливки. Так, в Лемболовской волости чаще брали только сливки. Из северных волостей Петербургского уезда губернии в столицу молоко возили два раза в неделю.

Для барышников скупка молочной продукции была делом выгодным. К примеру, в Коркомьякской и Лемболовской волостях скупщики покупали бутылку сливок по 15 копеек, везли в Петербург и продавали там по цене от 20 до 40 копеек. Часто скупщики покупали у семей молоко в долг и отдавали деньги только после его продажи в Петербурге. Некоторые из них покупали чужое молоко только тогда, когда их собственные коровы не доились. Это делалось для того, чтобы не потерять постоянных покупателей [4, с. 240–242].

Цельное молоко сбывалось крестьянами редко. Чаще сбывали снятое молоко и сливки. В северных волостях крестьяне, имеющие мало коров, сбывали лишь сливки, а снятое молоко оставляли для семьи. В северных волостях крестьяне сбывали иногда масло. В Вартемякской волости многие крестьяне во время Великого поста не возили молоко в Петербург и не сбывали на местах, а делали из него творог и сметану, которые в конце поста или после него сбывали в Петербург.

Главную роль в молочном промысле играли женщины. Мужчины принимали участие в промысле исключительно по доставке молочных продуктов на рынок, но женщины иногда занимались и доставкой. Крайне редко молочники, которые не имели лошадей, нанимали кого-то из соседей, чтобы те отвезли молоко в столицу.

Рядом со сбытом молочных продуктов стоял грибной и ягодный промыслы. Крестьяне сбывали ягоды, такие как брусника, клюква, морошка, черника, земляника и грибы, которые шли непосредственно в Петербург. Сбор диких ягод и грибов осуществлялся почти во всем Петербургском уезде. Чаще им занимались женщины и дети. Средний доход от промыслов различался в северных волостях. В Лемболовской волости доход семьи составлял 5 р., а в Вартемякской – 13 р. Этот доход был наименьшим по всему уезду. В Рыбацкой волости, к примеру, доход от сбора ягод и грибов составлял 60 р. Сбор грибов и ягод чаще осуществлялся бесплатно. Продавали собранный лесной урожай так же, как и молоко через барышников, которые возили ягоды и грибы в Петербург.

В бедных семьях был распространен такой промысел, как драньё коры. Данный промысел во всем уезде был распространен значительно меньше, чем, например, в соседнем Шлиссельбургском уезде. Сосредоточен он был в Коркомьякской и Лемболовской волостях. Занимались им бедные семьи. В богатых местностях он полностью отсутствовал. Промыслом были заняты преимущественно женщины и дети. За право драть кору иногда приходилось платить владельцу леса.

В Коркомьякской волости за право надрать 5 пудов коры (примерно 82 кг) отработывали во время сенокоса 1–2 дня. Драли кору летом в течение 2–3 недель перед сенокосом. Кора шла на кожевенные заводы в Петербург. Средняя цена за пуд составляла 80–90 копеек. Чаще кору, так же, как и молоко, продавали скупщикам, так как не было возможности отвезти ее в столицу самостоятельно. При этом цена за пуд уменьшалась до 30–40 копеек, что делало этот промысел совсем не выгодным.

Небольшое число семей в северных волостях Санкт-Петербургского уезда были заняты производством метелок. В среднем одна семья за год изготавливала около тысячи метелок. В производстве были заняты все члены семьи – мужчины, женщины, взрослые и дети. Промыслом занимались зимой. Сотню метелок продавали по цене от 50 к. до 1 р. 50 к. [4, с. 259].

Наряду с молочным, промыслом, который был наиболее распространен в северных волостях Санкт-Петербургского уезда, был питомнический промысел. Сосредоточен он был в четырех северных волостях уезда: Коркомьякской, Лемболовской, Кюляятской и Вартемякской. Заняты им были, главным образом, финны.

Существование питомнического промысла оказалось непосредственно связано с деятельностью Санкт-Петербургского Воспитательного дома, который отдавал своих воспитанников на «вскармливание» в крестьянские семьи Петербургской губернии, причем, как правило, к более зажиточным, чем русские крестьяне, ингерманландским финнам. В 1882 г. в Гарболовском округе 85 % питомцев проживало у финнов [3, с. 15]. Это происходило потому, что ингерманландские финны дольше своих русских соседей сохраняли традиционное земледельческое хозяйство. Их привлекали те виды промыслов, которые не отвлекали от обработки земли. Таким промыслом стало воспитание приемных детей.

Финны брали на воспитание детей из Воспитательного дома или от частных лиц и получали за это деньги [5, с. 12]. Воспитательный дом платил за своих питомцев до 2-х летнего возраста 2 р. 50 к. в месяц, от 2 до 5 лет – 2 р., от 5 до 8 лет – 1 р. 50 к., от 8 до 15 лет – 1 р. в месяц. Затем плата прекращалась. Всего в Петербургском уезде в 1897 г. было занято питомническим промыслом 576 крестьянских семей, из которых 558 проживало в указанных северных волостях. Таким образом, средний заработок на одну финскую семью благодаря питомническому промыслу был около 32 р. в год [4, с. 261–263].

Память о питомническом промысле сохранилась у потомков тех, кто в свое время рассказывал о жизни в дореволюционный период в этих семьях. Внук коренной жительницы Куйвозовской волости Владимир Айрикайнен пишет: «В середине XIX века, после освобождения крестьян в 1861 году, в города потянулись бедные крестьяне за работой, естественные потребности никто не отменял и стали появляться беспризорные дети и много. Содержать детей было дорого, поэтому придумали систему приёмных родителей, которая действует в Финляндии до сих пор. Таких детей стали брать на воспитание в семьи, потому что там, где 5 детей и 6-му еда найдётся, а живые наличные денюжки всегда нужны. Фамилии у детей часто были Богдановы: Богом данные» [7].

Таким образом, бабушка Владимира Айрикайнена, Софья Богданова, оказалась на воспитании в финской лютеранской семье. Питомцы, попадавшие в финские семьи, подвергались культурному влиянию среды. Зачастую они забывали русский язык и не выделялись среди местных финских крестьян.

Об этом В. Айрикайнен рассказывает: «Бабушка моя жила в финской лютеранской семье, но была русская и по определению православная. Её никто не заставлял менять веру, но, когда у них с дедушкой уже был сын, для того чтобы можно было обвенчаться, ей пришлось учиться в лютеранской церковной школе и перейти в лютеранство. Она с детства говорила на финском языке и благодаря этой школе научилась читать и писать на финском» [7]. Многие бывшие питомцы, достигнув юности, переходили в лютеранскую веру, что стало массовым явлением после Манифеста 1905 г., когда было отменено положение об обязательном посещении только православных приходов [1, с. 132].

По мере усиления распространения в финских хозяйствах молочного промысла центры питомничества перемещались в более удаленные районы уезда. Основная часть детей направлялась в Гдовский округ Санкт-Петербургской губернии и округа Псковской и Новгородской губерний.

Итак, все рассмотренные виды промысловой деятельности населения Петербургского уезда были присущи населению Санкт-Петербургской губернии в целом. Православное крестьянство в основном занималось молочным, грибным и ягодным промыслами, при этом земледелие не было приоритетным. Финское же население занималось в основном питомническим промыслом. Влияние Санкт-Петербурга на традиционное хозяйство крестьян усиливалось по мере развития столичного рынка. В обмене осуществлялось посредничество между производителями и потребителями. В той или иной форме к концу XIX в. оно охватило почти все виды промыслов, нередко сводя заработок производителя до минимума и значительно повышая стоимость товара для покупателя.

Библиографический список

1. Глезеров С. Е. Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. М.: Центрполиграф, 2006. 441 с.
2. Ивлев В. В. Всеволожский район Ленинградской области. Историко-географический справочник. СПб.: Петрополь, 1994. 231 с.
3. Извлечение из отчета Императорского Воспитательного дома за 1882 год. СПб., 1884. 66 с.
4. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Выпуск V. Крестьянское хозяйство в С.-Петербургском уезде. Ч. 2. Очерки крестьянского хозяйства. СПб., 1887. 320 с.
5. Материалы по статистике народного хозяйства в С.-Петербургской губернии. Вып. 1. СПб., 1882. 105 с.
6. Промыслы крестьянского населения С.-Петербургской губернии / стат. отд. С.-Петерб. губ. земства. СПб.: Тип. К. С. Антокольского. 1908–1912. 197 с.
7. Семейный архив Губаревой Н.Р. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–3.

Организация охраны российских императоров и членов их семьи во время поездок в конце XIX в.

В статье, основанной на неопубликованных документах из фондов Российского государственного исторического архива, дана характеристика мер по обеспечению безопасности Александра III, Николая II и членов их семей во время поездок по территории Российской империи в конце XIX в. Дана характеристика охраны царских поездов и мест их временного пребывания, особое внимание уделено пропускному режиму. Сделан вывод о том, что несмотря на недочеты, присущие правилам пропуска на территорию царских резиденций и мест временного пребывания, уровень проведения охранных мероприятий был достаточно высок, о чем свидетельствует отсутствие террористических актов.

This article, based on unpublished documents from the collections of the Russian State Historical Archive, describes the measures to ensure the safety of Alexander III, Nicholas II and their family members during trips to the territory of the Russian Empire at the end of the 19th century. The characteristics of the protection of royal trains and places of their temporary stay are given, special attention is paid to the access regime. It was concluded that despite the shortcomings inherent in the rules of admission to the territory of royal residences and places of temporary stay, the level of security measures was quite high, as evidenced by the absence of terrorist acts.

Ключевые слова: Российская империя, государственная охрана, Александр III, Николай II, императорский поезд, Московский Кремль, Ливадия.

Key words: Russian Empire, state security, Alexander III, Nicholas II, Imperial train, Moscow Kremlin, Livadia.

После создания в 1881 г. Охраны Его Императорского Величества была проведена большая работа по обеспечению безопасности Александра III и членов его семьи во время пребывания в столичных и загородных резиденциях. Однако быть вечным «гатчинским узником» император не собирался. Он предпринимал поездки в Москву, в охотничьи угодья в Спале и Скерневицах, ездил отдыхать в Ливадию. Это требовало принятия соответствующих мер безопасности как в пути следования, так и в местах временного пребывания царя и его семьи.

Несмотря на то, что в октябре 1888 г. императорский поезд потерпел крушение под Борками, царь и его близкие продолжали активно пользоваться железными дорогами. Царский состав – литер «А» – находился под надежной охраной. Осенью 1892 г. во время поездки Александра III в Ивангород, Спалу и Скерневицы обязанности коменданта императорского поезда исполнял начальник Дворцовой полиции полковник Е.Н. Ширинкин. Охрана поезда была возложена на шесть урядников и казаков Собственного Е. И. Вел. конвоя.

Основным компонентом обеспечения безопасности царя и его близких в местах временного пребывания являлась Дворцовая полиция, которая, как указывает В.И. Астрахан, «в 1880-е – 1890-е гг. <...> не только охраняла императорские резиденции, но и в случае необходимости сопровождала императора и

лиц, близких ко двору» [1, с. 44]. Так, охрану Александра III при посещении крепости Ивангород в 1892 г. обеспечивали околоточный надзиратель Дворцовой полиции И. О. Щербо и 19 городских, а также сотрудники де-факто вошедшей в состав Дворцовой полиции Секретной части в Охране Е. И. Вел. (коллежский регистратор Ю.Ф. Павиланис в качестве старшего и два агента). В Спалу были командированы 16 городских, причем обязанности старшего исполнял городской М. Мариев. Наряд от Секретной части был увеличен до двух чиновников (титулярного советника Н. А. Александрова и произведенного в губернские секретари Ю. Ф. Павиланиса) и шести агентов. Кроме того, в Ивангород и Спалу были направлены прикомандированные к Дворцовой полиции жандармские унтер-офицеры: исполнявший обязанности вахмистра А. Никифоров и три унтер-офицера. Наконец, в Спалу для службы на время Высочайшего пребывания от Собственного Е. И. Вел. конвоя были назначены сотник Федюшкин, шесть урядников и 38 казаков.

Во время поездок в Москву принимались аналогичные меры безопасности. Охрана царской семьи в Москве в мае 1893 г. осуществлялась помощником начальника Дворцовой полиции коллежским советником Л. В. Знамеровским, десятью агентами Секретной части, 30 околоточными надзирателями и городскими, а также четырьмя жандармскими унтер-офицерами. Императорский поезд сопровождали комендант полковник Е. Н. Ширинкин и инспектор императорских поездов инженер Н. Н. Копыткин.

Как указывает современный исследователь И. А. Пасечников, «к концу столетия руководители органов политической полиции Таврической губернии вынуждены были констатировать неутешительный факт: несмотря на принимаемые меры, гарантировать безопасность высоких особ в Крыму становилось все сложнее» [2]. Поэтому во время поездок в Крым охрана увеличивалась. Так, при поездке на юг в марте 1893 г. в императорском поезде следовали комендант полковник Е. Н. Ширинкин, два казака Собственного Е. И. Вел. конвоя, исполнявшие обязанности ординарцев при Александре III и цесаревиче Николае Александровиче, а также два урядника и четыре казака конвоя. Для несения агентурной службы от Дворцовой полиции были командированы титулярный советник Н. А. Александров с шестью агентами Секретной части, а для занятия постов – околоточный надзиратель И. О. Щербо с 36 городскими. Охрана была усилена воинскими чинами: от Сводно-гвардейского батальона были отправлены 13 нижних чинов во главе со старшим унтер-офицером лейб-гвардии Семёновского полка И. Бурениным. На территории имения «Ливадия» службу несли два жандармских вахмистра и пять унтер-офицеров, некоторые из которых должны были дежурить в гражданском платье.

Во время пребывания царской семьи в Ливадии городские Дворцовой полиции занимали 12 трехменных постов, обеспечивая охрану всех ворот, осмотр сада, а также незаметное сопровождение высочайших особ на прогулках.

Вход в Ливадию осуществлялся по билетам. В общей сложности было изготовлено более 100 билетов, которые были розданы «поставщикам провизии,

наемным полотерам, прачкам, поломойкам, женщинам и прочим служителям» [3, л. 17].

Проверка политической благонадежности лиц, временно принятых на службу в Ливадию, осуществлялась по запросам полковника Е. Н. Ширинкина ялтинским уездным исправником или управляющим имением Е. И. Вел. «Ливадия» в Крыму. На временные должности дворцовой прислуги старались принимать жен, дочерей или сестер скотников, конюхов, садовых рабочих, кучеров, сторожей и т. д., чтобы иметь более весомые гарантии того, что они не связаны с террористами или участниками антиправительственных организаций.

В первые годы правления Николая II охрана императорской семьи во время пребывания в западных областях и Москве была несколько усилена. Так, в Спале в июле 1897 г. за безопасность царя и его близких отвечали начальник Дворцовой полиции генерал-майор Е.Н. Ширинкин, старший агент коллежский асессор Н. А. Александров, восемь агентов бывшей Секретной части, зачисленных в состав Дворцовой полиции, старший околоточный надзиратель Н. Храпов, 22 городских и три жандармских унтер-офицера. В Беловеж были командированы генерал-майор Ширинкин, коллежский асессор Александров, околоточный надзиратель коллежский регистратор Щербо, 25 городских, три жандармских унтер-офицера и десять агентов. В Белостоке охрана включала генерал-майора Е. Н. Ширинкина, его заместителя статского советника Л. В. Знамеровского, коллежского асессора Н. А. Александрова, околоточного надзирателя Н. Храпова, 23 городских, трех жандармских унтер-офицеров и восьми агентов. Наконец, в Варшаве за безопасность царя отвечали генерал-майор Ширинкин, статский советник Знамеровский, околоточный надзиратель Щербо, 25 городских, три жандармских унтер-офицера и десять агентов. Были утверждены списки постов, которые занимали городские Дворцовой полиции. Так, в Дойлидах (имении графини Софии Ридигер) были выставлены шесть трехменных постов (у Главного подъезда, Главных ворот, пропускной возле ворот, у калитки, на углу рядом с пивным заведением и дежурный). В Беловеже дворцовые городские занимали девять постов, большая часть которых находилась у ворот, в том числе пропускных. В Спале посты также находились у ворот и калиток.

В целях усиления наблюдения в районе Высочайшей охоты была сформирована временная команда из офицеров жандармских управлений во главе с начальником Петроковского губернского жандармского управления полковником Карнаковским. Его помощником являлся начальник жандармского управления Радомского, Козеницкого, Опочинского и Конского уездов подполковник Дьяконов. В состав команды вошли восемь вахмистров, 22 унтер-офицера и 1 рядовой Отдельного корпуса жандармов. Кроме того, на время пребывания царя в Беловежской пуще были командированы полицейские чиновники и урядники общим количеством около 100 человек.

Охрана железнодорожных путей была возложена на расквартированные поблизости воинские части, которые к концу XIX в., как и гвардия, «были задействованы в качестве вспомогательной силы» [5, с. 166]. Так, охраной желез-

нодорожного пути в Беловеж заведовал капитан 8-го пехотного Эстляндского полка капитан Бонецкий. Кроме того, к ней привлекались полицейские приста-вы. Например, охрану Райновского пути обеспечивали приставы Волковысско-го уезда Скворцов и Готфрид.

О том, что принятые меры оправдали себя, свидетельствует следующий случай. В сентябре 1897 г. был задержан крестьянин Петроковского уезда И. К. Шмит, который на 81 версте Ивангород-Домбровской железной дороги наложил на рельсы камни.

В Москве в июле 1898 г. безопасность царской семьи осуществляли около-точный надзиратель Дворцовой полиции, 50 городских (из них 15 несли служ-бу в Нескучном дворце), десять агентов (в том числе один старший, шесть младших и три телефониста) и четыре жандармских унтер-офицера. Поскольку были организованы торжества по случаю открытия памятника императору Александру II в Московском Кремле, вход в Кремль осуществлялся по билетам. Билеты можно было получить в канцелярии московского генерал-губернатора. Пропуск в Кремль экипажей осуществлялся по особым кучерским билетам, ко-торые выдавались из канцелярии московского обер-полицеймейстера. Билеты, удостоверявшие право входа на Ивановскую колокольню, откуда можно было наблюдать за церемонией открытия памятника, также выдавались из канцеля-рии московского обер-полицеймейстера. Все билеты были пронумерованы и подписаны. В основу системы пропуска по билетам был положен опыт, накоп-ленный во время проведения коронационных торжеств двумя годами ранее. Без билетов пропускались лишь высокопоставленные лица: члены Государственно-го совета, сенаторы, статс-секретари и почетные опекуны. Церемониальные охранные функции возлагались на Роту дворцовых гренадер, которая «...займет караул и посты при входных вратах Чудова монастыря и станет на помосте шпалерами по пути шествия Их Императорских Величеств к месту воздвигну-того памятника» [4, л. 31].

Наряд в Ливадию от Дворцовой полиции в 1898 г. остался прежним (око-лоточный надзиратель, 35 городских, один старший и десять младших агентов, четыре жандармских унтер-офицера). От Сводно-гвардейского батальона было отправлено такое же количество нижних чинов, что и в 1893 г., – один унтер-офицер и 12 рядовых. На первый пропускной пост во дворец назначались четы-ре человека, на второй пропускной пост на главную кухню и в кладовые – так-же четыре человека. Три нижних чина занимали третий ночной пост «под окнами опочивальни Их Величеств и дверей столовой Сводно-гвардейского ба-тальона» [4, л. 121].

Должностные обязанности постовых были четко регламентированы. Так, нижние чины, стоявшие на пропускном посту во дворец, должны были беспре-пятственно пропускать не только Высочайших особ и начальствующих лиц, но и известную им в лицо императорскую прислугу. Служащие в имении, которые имели надобность пройти во дворец, пропускались по имевшемуся на посту списку после предъявления заверенной фотокарточки, игравшей роль пропуска. Вольнонаемные женщины, работавшие в собственных комнатах и буфете, про-

пускались по списку, однако предъявлять какие-либо документы они не были обязаны, так как стоявшие на посту должны были знать их в лицо. Нетрудно заметить, что постовые должны были иметь великолепную зрительную память. Нижние чины, стоявшие на пропускном посту на главную кухню и в кладовые, должны были пропускать туда всех придворнослужащих, которые предъявляли им карточки или билеты. Их также следовало знать в лицо. Вольнонаемные женщины могли проходить по списку, предоставленному камер-фурьером, а в двери, которые вели в помещение под церковью, пропускались те, кто там жил. Эти категории лиц, наделенных правом прохода, не были обязаны предъявлять пропуска. Таким образом, нижние чины Сводно-гвардейского батальона, дежурившие на втором пропускном посту, должны были прекрасно знать в лицо многочисленную дворцовую прислугу и обитателей имения, с которыми им надлежало познакомиться в считанные дни. Разумеется, риск пропустить человека, не имевшего право прохода во дворец, был весьма велик.

Выданные билеты должны были быть именными, и передавать их другим лицам запрещалось. Однако некоторые руководители (например, управляющий удельными имениями Массандра и Ай-Даниль В. Н. Качалов) не следили за соблюдением этих правил, вследствие чего в Ливадию мог пройти любой человек. 17 октября 1898 г. были задержаны двое рабочих, пришедших в Ливадию из Ореанды. Они имели при себе один из билетов, выданных управлению удельными имениями Массандра и Ай-Даниль, на котором не было указано, кому именно он выдан. Рабочие объяснили, что они «служат в Массандрском подвале, но в настоящее время работают в Ореандском подвале» [4, л. 323 об.]. Начальник Дворцовой полиции генерал-майор Е. Н. Ширинкин напомнил Качалову, что билеты должны быть обязательно именными, с указанием должности предъявителя, и не могут быть переданы другим лицам. Чинов Массандрского управления, которым нужно было приезжать по службе в Ливадию, следовало снабжать документами, удостоверявшими их личность и подтверждавшими благонадежность. Незаполненные билеты подлежали изъятию. Ходатайство В. Н. Качалова о выдаче ему дополнительных билетов не было удовлетворено.

Несмотря на несовершенство пропускного режима, лица, желавшие незаконно проникнуть на территорию Ливадии, своевременно задерживались. Так, в ночь на 4 сентября 1898 г. дворцовые городовые остановили неизвестного человека, который пытался пройти в Ливадию без разрешения. Поскольку при мужчине не было никаких документов, его отправили к приставу 3-го стана Ялтинского уезда. Нарушитель оказался крестьянином Таврической губернии А. Л. Тищенко. Поскольку у Тищенко отсутствовал вид на жительство, он был отослан в Ялтинское уездное полицейское управление для высылки на родину. При обыске у крестьянина не было обнаружено ничего, за исключением узелка с рубахой. Он желал пройти в Ливадию, чтобы получить в конторе заработанные им деньги в сумме около 3 р. Впоследствии эти деньги были ему высланы.

Таким образом, в конце XIX в. охрана российских императоров и членов их семей во время поездок была организована на достаточно высоком уровне. Обязанности, связанные с обеспечением безопасности высочайших особ, были

возложены на Дворцовую полицию, Собственный Е. И. Вел. конвой, Сводно-гвардейский полк, жандармов, а также на местные полицейские и воинские части. Ахиллесовой пятой системы охраны являлся пропускной режим, так как правила заставляли постовых более полагаться на свои опыт и зрительную память, чем на документы, подтверждавшие право прохода. Однако, несмотря на несовершенство пропускного режима, лица, незаконно проникавшие на территорию резиденций, своевременно задерживались, и терактов допущено не было.

Библиографический список

1. Астрахан В. И. Организация охраны российских императоров в XIX в.: динамика, особенности, уроки // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 5. С. 42–45.
2. Пасечников И. А. Охрана членов императорской фамилии органами политической полиции Таврической губернии [Электронный ресурс] // Электронное научное издание Альманах Пространство и Время. 2016. Т. 12. Вып. 1: Крымоведение: пространство и время Крыма. Стационарный сетевой адрес: 2227-9490e-aprovr_e-ast12-1.2016.14 (дата обращения: 10.12.2023).
3. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 508. Оп. 1. Д. 173.
4. РГИА. Ф. 508. Оп. 1. Д. 234.
5. Рыжова Ю. В. Институт государственной охраны императоров как часть системы внутренней безопасности Российской империи // Труды Академии управления МВД России. 2022. № 3 (63). С. 162–169.

Ф. А. Фокин

Морские путешествия моряков Морского гвардейского экипажа в годы правления императора-мироотворца Александра III

Данная статья содержит информацию о Морском Гвардейском экипаже и несении им службы в мирное время в период с 1881 по 1894 гг. Отдельного внимания заслуживают аспекты плавания, как в российских водах, так и за границу, сопровождение членов царской семьи, а также самого императора России. В статье также показано участие матросов-гвардейцев в международных торжествах, связанных с морской тематикой.

This article contains information about the Marine Guards Crew and their peacetime service in the period from 1881 to 1894. Aspects of sailing, both in Russian waters and abroad, accompanying members of the royal family, as well as the Emperor of Russia himself, deserve special attention. The article also shows the participation of guard sailors in international celebrations related to the maritime theme.

Ключевые слова: Морской гвардейский экипаж, заграничные плавания, корвет «Рында», мирная служба, шефство над гвардейцами.

Key words: Marine Guards crew, overseas voyages, corvette “Rynda”, peace service, patronage of the Guards.

В мирное царствование российского императора Александра III Морской Гвардейский экипаж был прикомандирован к гвардейскому корпусу для несения гарнизонной службы в зимний период, а летом личный состав направлялся в плаванья на императорских яхтах. После русско-турецкой войны только один из судов, фрегат «Светлана» [2, с. 111], с морскими гвардейцами совершил несколько раз заграничные походы. При этих плаваниях в числе офицеров числился сам великий князь Константин Константинович.

Император Александр III был крайне высокого мнения о Гвардейском экипаже [5, с. 171]. Неоднократно с императрицей и царской семьёй он совершал далёкие морские путешествия на яхте «Держава», кроме того, почти каждое лето императорская семья проводила некоторое время на яхте «Царевна» в шхерах у берегов Финляндии, причём охрану осуществляли сами чины Морского гвардейского экипажа на судах «Александрия», «Марев», «Онега» [3, с. 69]. Здесь правитель Российской империи, который любил море, находил отдых от государственных дел.

Из боевых судов, кроме фрегата «Светлана», числились в Гвардейском экипаже в 1881–1885 гг. фрегат «Герцог Эдинбургский» и клипер «Стрелок», совершивший в 1884–1885 и 1887–1888 гг. плавание в Средиземное море [2, с. 114]. По возвращению в Россию «Стрелок» плавал в Балтийском море в составе судов учебных отрядов. В 1891 г. он принимал участие в морских торжествах в Кронштадте по случаю прибытия французской эскадры адмирала Жерве. Также постепенно происходила замена устаревших судов, так, взамен фрегата «Светлана» гвардейцами был получен винтовой корвет «Рында» [4, с. 23]. В 1889 г. корвет «Рында», в составе которого плавал великий князь Александр Михайлович, был отправлен в дальнее, кругосветное плавание.

Чины Морского экипажа вместе с членом императорской фамилии посетили Южную Америку, мыс Доброй Надежды, Австралию и Дальний Восток, корвет «Рында» только в 1889 г. вернулся в Кронштадтский порт [7, л. 2]. Личный состав судна «Рында» после двух лет плавания в Балтийском море снова был отправлен за границу. 23 сентября 1892 г. гвардейцы получили приказ пройдя Магелланов пролив присоединиться на Востоке к Тихоокеанской эскадре. Но в 1893 г. во время стоянки в Буэнос-Айресе корвет получил новый приказ идти в Норфолк, в Северную Америку, и принять участие в «колумбийских» празднествах, устраиваемых в Соединенных Штатах в память 400-летия открытия Колумбом Америки. На параде международной эскадры в Нью-Йорке матросы Гвардейского экипажа смогли выделиться своим внешним видом и выправкой на фоне моряков других наций. По окончании торжеств в Америке «Рында» присоединилась к эскадре Средиземного моря и в её составе гвардейцы участвовали в столь же крупных тулонских празднествах [6, л. 9], окончательно закрепивших франко-русскую дружбу.

По прибытии на Дальний Восток в 1895 г. корвет «Рында» находился в составе Тихоокеанской эскадры в Чифу, в то время, когда ожидалось возможные военные столкновения с Японией, вследствие присоединения ею Лиатонгского полуострова и Порт-Артура, принадлежавших Китаю. Когда же отношения с

Японией улучшились, корвет вернулся в Россию и всё остальное время царствования Александра III плавал уже в Балтийском море в учебных отрядах для новобранцев Морского гвардейского экипажа [8, с. 44].

После кончины великого князя Константина Николаевича в 1891 г., который являлся шефом Морского гвардейского экипажа долгие годы, император назначил нового шефа – свою супругу императрицу Марию Фёдоровну. Ещё в 1863 году именно морские гвардейцы встречали своего будущего шефа от имени России в Копенгагене, чины Гвардейского экипажа первые приветствовали императрицу в Фреденсборге при её обручении [2, с. 121]. Шефы или же почётные командиры осуществляли общий надзор над гвардейским подразделением, а также имели привилегию носить парадную форму своего полка. Так, для императрицы Марии Фёдоровны был специально пошит парадный мундир Морского гвардейского экипажа в женском варианте.

Если рассматривать количество судов под управлением Экипажа, то число императорских яхт в царствовании Александра III увеличивалось: вместо ненадёжной уже к плаванию яхты «Держава», была выстроена в 1890 г. в Санкт-Петербурге, на Балтийском заводе большая яхта «Полярная Звезда», почти в 4000 т, приспособленная к продолжительным путешествиям [1, с. 92]. В 1894 г. летом на ней царевич Николай Александрович совершил плавание в Англию к своей будущей невесте.

И даже в последние годы царствования императора Александра III морские гвардейцы были рядом с правителем. Когда в Бозе император-миротворец серьёзно заболел осенью 1894 г., яхта «Полярная звезда» была отправлена в Севастополь чтобы вести правителя Российской империи на остров Корфу для лечения, но в пути, в испанском порту Ферроль, было получено известие о смерти императора. Так как Кронштадт был уже заперт льдом, «Полярная звезда» прибыла на зимовку в Севастополь, откуда в феврале 1895 года приняла в Батуме великого князя Георгия Александровича, который совершил путешествие по Средиземному морю, после чего яхта сделала переход в Одессу и Батум, а затем вернулась в Кронштадт [6, л. 6]. Это было последнее плавание Морского гвардейского экипажа в годы правления Александра Александровича.

Таким образом мы видим, что Морской гвардейский экипаж, подразделение с реальным военным опытом, которое продемонстрировало себя с лучшей стороны в недавней русско-турецкой войне 1877–1878 гг., и в мирное время имело большое количество задач. Морские гвардейцы очень часто выполняли представительскую функцию и являлись лицом Российской империи за рубежом. Частые морские путешествия позволяли поддерживать на должном уровне подготовку, как нижних чинов, так и офицеров Экипажа. Также на примере гвардейцев можно проследить, что развитие флота России в мирное время не останавливается, а наоборот усиливается, старые суда списываются, а на их место приходят новые, более совершенные. Также прослеживается крайне благоприятное отношение со стороны царской семьи, даже по меркам Гвардейского корпуса империи, вызвано это было тесными связями с великими князьями, которые использовали Экипаж для долгих путешествий и часто сами выполняли функции офицеров в этих походах.

Библиографический список

1. Бубнов А. Д. В царской ставке. СПб.: «Облик», 1995. 176 с.
2. Памятка Гвардейского экипажа, 1710–1910: Крат. ист. очерк / сост. штабс-капитан Щепотьев. СПб.: Экспедиция заготовления гос. бумаг, 1910. 135 с.
3. Поливанов В. Т., Бякин Г. И. Морской Гвардейский экипаж: Страницы истории. СПб.: Издательство ПиК, 1996. 392 с.
4. Прокофьев В. Двухсотлетие Гвардейского экипажа // Новое время. 1910. № 2270.
5. Рембелинский А. М. Из воспоминаний старого офицера Гвардейского Экипажа. М.: Синодальная типография, 1910. 338 с.
6. Российский государственный архив военно-морского флота (далее – РГАВМФ). Ф. 935. Оп. 1. Д. 16.
7. РГАВМФ. Ф. 935. Оп. 3. Д. 2.
8. Чернышев А.А. Морская гвардия отечества. М.: Вече, 2013. 285 с.

Д. С. Косоротов

Первая кольцевая автогонка России в материалах спортивной периодики

Статья посвящена теме развития автомобильного спорта в Российской империи. В центре внимания эпизод организации и проведения первой российской кольцевой автомобильной гонки, организованной Санкт-Петербургским автомобиль-клубом в 1913 г. Основой для рассмотрения данного события послужили материалы спортивной периодической печати Российской империи.

The article is devoted to the development of automobile sports in the Russian Empire. It focuses on the episode of organization and holding of the first Grand Prix of Russia, organized by the St. Petersburg Automobile Club in 1913. The basis for the consideration of this event was the materials of sports periodicals of the Russian Empire.

Ключевые слова: автомобиль, гонка, автомобильный спорт, автомобильное общество, Российская империя.

Key words: automobile, race, automobile sport, automobile community, Russian Empire.

В 2014 г. на территории Российской Федерации, в городе Сочи состоялось первое Гран-при России по гонкам Формулы-1 [10, с. 7]. Однако, это было далеко не первым крупным международным соревнованием на территории нашего государства.

В Европе кольцевые гонки формата «Гран-при» не были редкостью. После злополучного междугороднего пробега «Париж-Мадрид» 1903 г., где имело место большое число несчастных случаев, включавших множественные аварии и даже гибель участников, подобные соревнования были строго запрещены. С этого момента большая часть иностранных трасс была перекалибрована под кольцевые. В 1906 г. Автомобильным клубом Франции были организованы крупные международные кольцевые соревнования «Большого приза» (Grand Prix), которые являлись прямым предшественником регулярного чемпионата

мира по гонкам «Формулы-1» (проводится с начала 1950-х гг.). Первоначально Гран-при проводились лишь на национальном уровне: с 1906 г. – во Франции, с 1908 г. – в Соединенных Штатах Америки. Лишь после Первой мировой войны, отдельно взятые гран-при были объединены в своего рода сеть – соревнования стали более цельными и обрели черты чемпионата. До начала этого крупномасштабного конфликта свою лепту в развитие данного типа гонок внесла и Россия [5, с. 154].

Организатором первой в России международной кольцевой гонки на автомобилях выступил Санкт-Петербургский автомобиль-клуб. Планировалось, что она будет состоять из семи кругов, общей протяженностью 200 верст (213,4 км) на маршруте между Пулковским шоссе, Царским Селом, Лигово с обратным поворотом в сторону Пулково. Таким образом получался замкнутый маршрут. Первоначально организаторы столкнулись с рядом трудностей. Например, ожидалось, что преодоление семи кругов займет около четырех-пяти часов, что наверняка бы парализовало движение на дорогах, по которым проходил маршрут. Заручившись поддержкой великого князя Сергея Михайловича, Санкт-Петербургским автомобиль-клубом было получено разрешение на проведение соревнования 26 мая 1913 г. от градоначальника Д.В. Драчевского [3, с. 44].

За месяц до этого события в журнале «Автомобиль» было помещено объявление о проведении столичным автомобиль-клубом гонки на 200 верст на 7 кругов. Призы должны были присуждаться за абсолютную скорость, регулярность хода (наименьшее отклонение средней скорости круга от средней скорости гонки) по кругам и также «по особой формуле» за отдачу мотора (грузенная пассажирами масса автомобиля, мощность мотора, средняя скорость автомобиля) [8, с. 5016].

К организационной составляющей гонки отнеслись серьезно, несмотря на недостаток средств у Санкт-Петербургского автомобиль-клуба. Тем не менее организационным комитетом была продумана каждая деталь. В окрестностях стартовой решетки были выстроены ограждения, организованы трибуны, зоны досуга и развлечений для зрителей. Был продуман момент с возможностью оставить свой личный транспорт на парковке. Все въезды на трассу были оборудованы шлагбаумами, а весь периметр трассы на время проведения гонки был оцеплен отрядами войск и полиции. Кроме того, на опасных поворотах дежурили доктора и фельдшеры для предотвращения потенциальных несчастных случаев. Каждая неровность и опасный участок были помечены флажками. Связь в реальном времени была организована посредством мотоциклистов [9, с. 5116–5117]. Таким образом, организация соревнований, даже в сравнении с настоящим временем, характеризуется достаточно высоким уровнем подготовки.

Перед началом гонки, автомобили организационного комитета в лице председателя Санкт-Петербургского автомобиль-клуба – В. П. Всеволожского, графа А. А. Мордвинова и В. А. Михайлова проехали по всему маршруту, высаживая контролеров через каждые 1,5 версты пути. Задачей контролеров являлось наблюдение за соблюдением правил соревнования и обгона участников – они были обязаны уступать дорогу обгоняющим их. Кроме того, в их обязанно-

сти входило обеспечение безопасности на всем протяжении трассы. При них находился красный флаг, которым они должны были размахивать, замедляя и останавливая участников в случае аварийной ситуации на дороге [6, с. 12].

В это же время, участники прошли процедуру «взвешивания» своих автомобилей для контроля соблюдения протокола гонки, а также подверглись проверке документы гонщиков на право управления транспортом и проведен технический осмотр автомобилей на предмет исправности сигнальных аппаратов. После этого восемнадцать участников по номерному порядку, определенному жребием, выстроились на стартовой решетке, а интервал начала их движения составлял одну минуту.

Подробный анализ события удалось обнаружить в петербургской периодической печати.

26 мая 1913 г. в 11 часов 30 минут был дан пушечный выстрел, ознаменовавший начало гонки. Первым начал движение Слубский на шестицилиндровом автомобиле «Эксцельсиор». В момент начала движения последнего участника Коляра на «Вандерере», Слубский пересек стартовую черту и таким образом прошел круг. Каждые несколько минут автомобили проносились мимо зрителей, приводя их в восторг.

Уже с первого круга лидерство захватил Г. Суворин на автомобиле марки «Бенц». Согласно данным обзора гонки, это был «один из постоянных участников гонок, организуемых Санкт-Петербургским Автомобиль-Клубом». Он не считался фаворитом, но его грамотная стратегия обмена управлением со своим механиком позволила показать лучшее время уже на первом круге – 15 минут 24 секунды. Худший же результат показал Овсянников на «Воксхолле» – 34 минуты 50 секунд [9, с. 5118].

Тем временем, яркий старт события омрачил начавшийся на втором круге ливень, который размочил трассу и увеличил опасность прохождения гонки для участников, в частности на поворотах. Жертвой непогоды стал англичанин Халловель на «Воксхолле», который из-за достаточно рискованной манеры езды не смог удержать автомобиль на скользком покрытии и в районе деревни Коерово сорвался с дороги, врезавшись в палисадник, на чем его гонка была завершена. К счастью, он и его пассажир отделались испугом [9, с. 5120].

Лучшее время на втором круге было показано Р. Л. Нотомбом на бельгийском «Металлуржик» – 17 минут 12 секунд. Согласно обзору гонки, её прохождение у него было неровным, он часто пропускал повороты, а также всякий раз, пересекая финишную черту отпускал руль и приветствовал зрителей. Особенно интересным участником гонки стал опытный механик И. И. Иванов на отечественном «Руссо-Балте». В начале гонки он равномерно проходил дистанцию, стараясь не отставать от участников впереди и с каждым новым кругом увеличивал скорость, что позволило приблизиться к лидеру – Г. М. Суворину [9, с. 5119].

На третьем круге лучшее время в 21 минуту 52 секунды показал француз Артур Дюре – «один из известнейших европейских автогонщиков». Несмотря на то, что он управлял таким же маломощным «Металлуржиком» как и Нотомб,

опыт и грамотные действия позволяли ему не сильно отставать от лидеров гонки, несмотря на очень мокрую от ливня трассу. На третьем же круге выбыл С. Овсянников – опытный автоспорсмен. Его «Воксхолл», приспособленный для верстовых гонок, не смог выдержать расстояние гонки [9, с. 1121].

Потери продолжились на четвертом круге – выбыл участник Плюим на «Хапмобиле». Причиной стала размокшая трасса, на которой автомобиль занесло и в конечном итоге произошло столкновение с телеграфным столбом. На этом же круге гонку покинул Гиссер на «Бенце» из-за технической неисправности в моторе [9, с. 5118].

Интересной особенностью гонки, которая в конечном счете оказала серьезное влияние на её ход, стала так называемая «нейтрализация» – условие медленного проезда по участку в районе Красного Села, которое оставалось достаточно оживленным и представляло потенциальную опасность для участников и местных жителей. Этот вопрос был решен организаторами следующим образом: при въезде в Красное Село каждый гонщик получал в судейском пункте только что запущенный секундомер и проходил участок в замедленном темпе в течение десяти минут, затем участник сдавал секундомер в судейском пункте на выезде из города и скоростные ограничения снимались. На случай форс-мажора с секундомером предусматривалось следующее действие: гонщика выпускали с судейского пункта на выезде лишь по прошествии десяти минут. Такой курьез произошел с Ивановым, которому был второпях вручен незапущенный секундомер. Простояв положенные десять минут на выезде и потеряв лидерство, Иванов начал нагонять отставание, выжимая из своего автомобиля максимально возможную скорость, что чуть было не привело к аварии на одном из крутых поворотов [4, с. 40]. Лидерство ему вернуть не удалось, но он смог установить рекорд гонки по прохождению круга – 14 минут 31 секунда при средней скорости в 126,2 км/час. Подобный случай произошел так же и с участником по фамилии Ефрон на «Воксхолле», что в конечном счете лишило его права на приз за регулярность хода [9, с. 5116–5117].

В то же время на четвертом круге лучшее время было показано новичком Оганесовым на автомобиле «Бьянки» – 17 минут 39 секунд. Лидерство было перехвачено Слубским, но ненадолго. После прохождения четвертого круга двигатель «Эксцельсиора» Слубского закипел и на этом моменте его участие в гонке оказалось завершённым [2, с. 4].

На пятом круге из 18 участников осталось 11. Тем не менее ход гонки становился лишь интереснее. После внеплановой «нейтрализации» Иванов не только поставил рекорд гонки по прохождению круга, но и постепенно приближался к Суворину, который снова шел первым.

На седьмом и последнем круге гонку покинул Оганесов, у которого отказал мотор. До последнего держался, но также выбыл экипаж Рычкова на «Берлие» по тем же техническим причинам. Иванову не хватило времени и расстояния, чтобы приблизиться к лидировавшему Суворину, который спокойно и хладнокровно проехал оставшийся круг и в итоге прибыл к финишу первым с общим временем 2 часа 23 минуты 54 секунды. Второе место занял

Иванов со временем в 2 часа 26 минут 51 секунда. Третьим стал Нотомб со временем в 2 часа 29 минут 19 секунд. Остальные участники завершали прохождение гонки в течение четырех часов после того, как приехал Суворин [1, с. 500].

Призерами по абсолютной скорости стали Г. В. Суворин, И. И. Иванов и Р. Л. Нотомб. Призерами по регулярности хода стали Гребенщиков, А. Дюре и Риетти. Наконец призерами по параметру отдачи двигателя стали А. Дюре, И. И. Иванов и Р. Л. Нотомб [7, с. 5079].

Таким образом, первая в истории круговая гонка на территории Российской империи прошла с большим успехом. Причиной этого стала грамотная подготовка и организация со стороны Санкт-Петербургского автомобиль-клуба, привлечение зарубежных автоспортсменов и автомобильных фирм в качестве участников и хорошая адаптация, прежде всего к переменчивым погодным условиям. Гонку можно было по праву назвать первым российским гран-при, однако организаторы не рискнули дать ей такое серьезное название. Тем не менее на фоне успеха в следующем 1914 г. она проводилась под названием «Гран-при России» и стала последней крупной международной гонкой на территории Российской империи перед Первой мировой войной и революционными событиями 1917 г.

Библиографический список

1. 200-верстная автомобильная гонка // Нива. 1913. № 25. 22 июня.
2. Большой приз Санкт-Петербурга // К спорту! 1913. № 17. 9 июня.
3. Ежегодник автомобилиста. М.: Журн. «Автомобилист», 1913. 156 с.
4. Из личного архива Ивана Иванова // Автототоспорт. 1991. № 2.
5. Мелентьев Ю.А. Автототострасти Российской империи: исторические очерки. СПб.: Политехника, 2005. 294 с.
6. Обзор спортивных событий // Автомобилист. 1913. № 21. 22 авг.
7. Первая русская гонка по кругу // Автомобиль. 1913. № 11. 30 мая.
8. С.-Петербургский Автомобиль-Клуб // Автомобиль. 1913. № 9. 1 мая.
9. Участники и их гонка // Автомобиль. 1913. № 12. 12 июня.
10. Ушаков С. В., Атоян А.К. История автоспорта в России: Formula 1: 1898–2018: [первое юбилейное издание к 120-летию российского автомобильного спорта и 5-летию первого в мировой истории Гран-при России Formula 1]. М.: Моторспорт Глобал, 2018. 381 с.

А. О. Волгушева

Взаимоотношение творческой интеллигенции с Петроградским отделением профсоюза работников искусств в годы военного коммунизма

Данная статья написана на основе документов Центрального государственного архива литературы и искусства Санкт-Петербурга. Автором проанализирована разнообразная помощь Петроградского отделения профсоюза работников искусств своим членам в тяжелые годы военного коммунизма. Рассмотрены методы привлечения профсоюзом творческой интеллигенции в качестве проводника коммунистической идеологии, а также мотивация деятелей искусств для вступления в ряды профсоюза.

This article was written based on documents from the Central State Archive of Literature and Art of St. Petersburg. The author analyzed the various assistance provided by the Petrograd Branch of the Art Workers Trade Union to its participants during the difficult years of war communism. Methods of attracting trade unions of the creative intelligentsia as a conductor of communist ideology, as well as motivating artists to advance into the ranks of the trade union, are considered.

Ключевые слова: работники искусств, Всерабис, Петроградское отделение профсоюза работников искусств, советская власть, военный коммунизм, творческая интеллигенция.

Key words: arts workers, Vserabis, Petrograd branch of the trade union of arts workers, Soviet power, war communism, creative intelligentsia.

Историография по профсоюзному движению в России достаточно разнообразна. На сегодняшний день слабо изученной является история профсоюза работников искусств (Всерабис), так как, либо данная проблематика вписана в контекст культурной политики советской власти, либо историки рассматривают деятельность отдельных профсоюзов в разных регионах страны (губрабисов) [13, с. 13]. Причем, если советские историки очень редко уделяли внимание вопросам истории профсоюза работников искусств, то постсоветские историки, напротив, посвящают этой теме целые разделы своих монографий [4: 5; 6].

Нельзя не упомянуть о том, что в 2006 г. вышла монография И. В. Сибирякова «Всерабис: страницы истории» [14], где дается анализ деятельности профсоюза, рассматриваются взаимоотношения профсоюза с партийными и государственными органами, его роль в новой культурной политике, однако, дальнейшее исследование данной темы по-прежнему актуально.

Все вышесказанное обусловило выбор как темы, так и периода, поскольку это было время начала изменения функций профсоюзов, которые становились приводными ремнями партии, однако по сравнению с другими профсоюзами, мотивация вступления в его ряды творческих людей была несколько другой. Безусловно, государственное финансирование культуры должно было осуществляться, однако на деле представители творческих профессий были обречены на самостоятельное выживание. Профсоюз работников искусств спасал людей от голода, безработицы, занимался учетом и распределением заказов, помогал деятелям искусств в защите своих прав, занимался вопросами социального страхования, тарификацией зарплаты и прочим.

Деятели искусства стали создавать свои первые профессиональные союзы еще в период первой русской революции (1905–1907 гг.), а начиная с 1917 г. профсоюзное движение в России носило уже массовый характер.

19 сентября 1917 г. был создан Центральный совет петроградских профессиональных союзов работников театра и зрелищ. Возникли профсоюзы деятелей других художественных производств.

11 сентября 1919 г. Петроградский профсоюз работников зрелищных предприятий был переименован в Петроградское отделение профсоюза работников искусств и вошел в систему Петроградского совета профессиональных союзов [5].

Советская власть с самого начала стремилась все общественные организации поставить под свой контроль, профсоюз работников искусств не был исключением. В архивных документах масса примеров, как новая власть стремилась привлечь членов профсоюза к пропаганде и агитации своей идеологии, давая для этого различные поручения.

Так, в проекте организации первомайского праздника в 1919 г. была изложена идея, в которой не наблюдалось разногласий: «это не только праздник пролетариата, а широкий путь агитации идей пролетариата, его целей, достижений конечного завершения борьбы, поэтому нужно признать, что для широких масс наиболее понятным агитационным средством будет являться образное, показательное изображение дней пролетариата, а последнее достигается не плакатной системой агитации, а устройством групп, колесниц, эмблем-фигур, разъясняющих смысл праздника пролетариата» [2, л. 1]. Отмечалось, что праздник должен быть более скромным, в отличие от празднования Октября, с другой стороны есть необходимость участия всех рабочих, хотя высказывались и сомнения, поскольку «холодно и голодно, но путь пролетариата всегда лежал через борьбу... Шествия не должны быть длительными, чтобы не утомлять их участников, желательно, чтобы было меньше крикливости в украшениях. 1 мая не должно быть бутафорским праздником, в нем должно быть побольше пролетарской жизни» [2, л. 4].

С другой стороны, проект содержал бурную полемику, касательно можно ли допускать к участию футуристов, должны ли принимать активное участие дети и женщины, а также каким маршрутом и с каким настроением двигаться участникам шествия: «Невский обязательно должен быть включен в маршрут, ибо есть еще на Невском достаточно буржуев, перед которыми нужно продемонстрировать силу пролетариата» [2, л. 8], однако идти ли на Марсово поле или нет, поскольку там было по колено воды, вызывало разногласия.

Высказывались пожелания и о характере шествия: «нужно научить массы, чтобы они демонстрировали весело, а не шли с опущенными головами, нужно научить массы петь революционные песни, что поднимает дух» [2, л. 7].

27 ноября 1920 г. на заседании Правления Союза Работников Искусств поднимался вопрос о делегировании художников на фабрики и заводы с целью «зафиксировать типы, образы и моменты производственной жизни на местах, для чего поручалось бюро Изобразительных Искусств разработать план осуществления этого постановления в недельный срок» [9, л. 13].

Справедливости ради необходимо заметить, что как до революции, так и в начале правления советской власти, профсоюзы работников искусств были малочисленны и аполитичны. Их деятельность была сосредоточена на просвещении и материальной поддержке своих членов в трудной жизненной ситуации нового быта.

Можно привести много примеров подобной помощи профсоюза работникам искусств: «Союз Работников Искусств просит Комиссию по Управлению Дворцом Труда прикрепить к столовой “Дворца Труда” поименованных в прилагаемом списке лиц, в виду их работы в Союзе» [6, л. 28].

Сами члены обращались в профсоюз с жалобами на их незаконное увольнение, о чем мы узнаем из большого количества заявлений граждан в конфликтную комиссию, хранящихся в ЦГАЛИ СПб [3]. Кроме этого в архиве содержатся ведомости на получение трудового пайка (по учреждениям) [1].

Особенно катастрофическое положение было у служащих музеев в отличие от других членов Союза (артистов, оркестрантов, художников), у которых, как указывалось в докладе по делам музеев и охраны памятников старины, имелась возможность побочного заработка и продовольственного пайка. Смертность в Государственном Эрмитаже среди галерейных служащих достигала 50 % [10, л. 5].

Видимо, для привлечения особого внимания к своему бедственному положению, ими акцентировалось внимание на уникальности своей деятельности. Заведующий отделом по делам музеев и охраны памятников старины вынужден был обратиться в Президиум союза работников искусств, чтобы заявить об острой необходимости организации в составе союза самостоятельного подразделения для защиты интересов большой группы работников, которые «трудятся на художественном и научном поприще и обладают специальными знаниями и навыками, интересы которых настолько узкоспециальны, что соединение их с какой-либо другой группой принесет ущерб их работе» [8, л. 3–4].

То, что творческие люди не стремились сотрудничать с новой властью, предпочитая держаться нейтралитета, можно найти в речи председателя Президиума ВЦСПС М. П. Томского: «...работники искусств представляли собой массу, мало подготовленную к восприятию не только коммунистического идеала, но и просто общественной работы» [15, с. 99].

Однако, проявлять лояльность приходилось нередко, что объяснялось их катастрофическим материальным положением. Например, бывшая певческая Капелла, переименованная в Народную хоровую академию, в своем обращении к председателю Союза работников искусств тов. Лебедеву, подчеркивала, что главную задачу «насаждения и пропаганды чистого и здорового хорового искусства в народных массах всеми доступными способами, осуществляла и осуществляет успешно, не останавливаясь и не прерываясь ни на один день». Тем не менее их положение стало меняться, начиная с 1919 г. в весьма нежелательную сторону виду «расстройства хозяйственного аппарата, когда топливо от отдела заготовок и снабжений НКП при отделе имущества республики, престало поступать, а воспитанники Академии, выступающие в свою очередь, в академическом хоре, в концертах для народа, на митингах и во всех торжественных случаях в жизни республики, вынуждены помещаться в комнатах, одновременно служивших классами и спальнями и работать голосом в холодных помещениях, где температура воздуха не превышает -5 градусов» [7, л. 20–21]. Правление же Союза Работников Искусств сразу обратилось в Чрезвычайную топливную комиссию и донесло о бедственном положении Петроградской народной хоровой академии, отмечая, что дети, находящиеся в интернате Академии, сильно страдают от голода, болеют и находятся под угрозой смерти» [7, л. 23].

Подводя итог, хотелось бы заметить, что существовало отличие между пониманием роли профсоюза: творческая интеллигенция, в отличие от партии, желала защитить свои права, получить социально-экономическую и правовую поддержку, партия же видела профсоюз как проводник коммунистических идеалов, но члены профсоюза работников искусств вступали в зависимость от государства и им приходилось постепенно вставать на путь сотрудничества.

Библиографический список

1. Ведомости на получение трудового пайка (по учреждениям), ч. 1 // Центральный государственный архив литературы и искусства Санкт-Петербурга (далее – ЦГАЛИ СПб). Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 115–116. 222 л.
2. Документы об организации празднования 1-го мая (проекты, протоколы, переписка) // ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 2. 124 л.
3. Заявления граждан в конфликтную комиссию и ответы на них // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 95–97.
4. Коржихина Т. П. Извольте быть благонадежны! М., 1997. 372 с.
5. Жидков В. С. Театр и власть. 1917–1927. От свободы до «осознанной необходимости». М., 2003. 654 с.
6. Соскин В. Л. Российская советская культура. 1917–1927 гг.: Очерки социальной истории. Новосибирск, 2004. 455 с.
7. Ленинградский областной комитет профсоюза работников искусств (Сорабис) ленинградского областного совета профсоюзов ВЦСПС, предшествующие и подведомственные ему организации. Ленинград. 1917–1953. Историческая справка // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283.
8. Переписка с комиссией по управлению Дворцом труда по хозяйственным вопросам // ЦГАЛИ СПб. Ф. 283. Оп. 2. Д. 66. 31 л.
9. Переписка с местными учебными заведениями о работе // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 159. 34 л.
10. Переписка с Отделом музеев Наркомпроса о работе музеев // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 155. 14 л.
11. Протоколы заседаний 3-й губконференции, правления, президиума и объединенного заседания президиума союза членами Петропрофсовета // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 126. 55 л.
12. Протоколы заседаний правления и президиума // ЦГАЛИ СПб. Ф. Р-283. Оп. 2. Д. 133. 178 л.
13. Сибиряков И. В. Профсоюз и искусство – совместимая несовместимость // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 3(81). С. 12–21.
14. Сибиряков И. В. Всерабис: страницы истории. Челябинск, 2006. 255 с.
15. Воробьева С. А., Волгушева А. О., Комарков А. Ю. Деятельность профсоюза работников искусств в 1920-е гг. (с привлечением материала по Саратовской губернии) // Петербургский исторический журнал. 2021. № 4. С. 98–112.

И. И. Цупка

Рабочая повседневность ленинградцев в период с 1944 по 1950-е гг.

В статье анализируется рабочая повседневность ленинградцев в период восстановления города после окончания блокады. В работе охарактеризованы основные производственные проблемы, с которыми столкнулись рабочие-ленинградцы, особенности послевоенного быта и досуга. Показан моральный настрой рабочих и их взгляды на восстановление города.

The article analyzes the working everyday life of Leningraders during the period of the restoration of the city after the end of the Blockade. The paper describes the main production problems faced by Leningrad workers, the peculiarities of post-war life and leisure. The moral attitude of the workers and their views on the restoration of the city are shown.

Ключевые слова: Ленинград, четвёртая пятилетка, восстановление промышленности, повседневность, рабочая повседневность.

Key words: Leningrad, the Fourth Five-year plan, restoration of industry, everyday life, working everyday life.

Изучая рабочую повседневность ленинградцев в данный период, можно выявить проблемы, с которыми столкнулось советское общество в последние военные и послевоенные годы, оценить роль «простого человека» в деле восстановления страны. Цель статьи – охарактеризовать рабочую повседневность ленинградцев в период с 1944 по 1950-е гг.

Период с 1944 г. до начала 1950-х гг. для ленинградцев был ознаменован восстановлением города после разрушительных событий Великой Отечественной войны. Это было время, когда жители Ленинграда преодолевали трудности и делали всё, чтобы вернуть свою жизнь в прежнее, довоенное, русло. Задача восстановить Ленинград напрямую отразилась на рабочей повседневности горожан.

Уже в 1944 г., после снятия блокады Ленинграда, Государственным комитетом обороны была определена цель восстановления производственной мощности города. 29 марта 1944 г. Комитет выпустил постановление «О первоочерёдных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства города Ленинграда». Постановление определяло нормы производства для заводов и электростанций города, а также план по восстановлению государственной среды: строительству жилищного фонда, восстановлению школ, реэвакуации театров, восстановлению пригородной сельскохозяйственной зоны. Так население города начало свою работу по возвращению Ленинграда к довоенному облику [9, с. 78–79].

Но основной план по восстановлению Ленинграда определила четвёртая пятилетка 1946–1950 гг. Согласно ему, требовалось вернуть городу статус крупнейшего индустриального и культурного центра страны. Одновременно в 1945 году было принято постановление, огласившее постепенный перевод производства на мирные рельсы. Заводы были обязаны вернуться к выпуску своей «довоенной» продукции [3, с. 23–24].

Началась реэвакуация заводов. Постепенно в город возвращались эвакуированные из Ленинграда специалисты, а вместе с ними и оборудование. С 1945 г. к ним начали присоединяться и бывшие солдаты.

Но несмотря на возвращение эвакуированных, на предприятиях чувствовалась нехватка профессиональных кадров. Множество специалистов, не призванных на фронт и оставшихся в городе на производстве, не пережили блокаду – город лишился большого количества квалифицированных специалистов. Это стало значительной помехой в деле развёртывания производства [3, с. 15].

Направленные на заводы в первые послевоенные годы работники зачастую не имели должной квалификации, их образование было низкого качества, среди них было множество молодых и неопытных. М. Н. Бушуев, работник Ленинградского металлического завода, вспоминал, как молодежь, пришедшая из ремесленных училищ, во время обеденного перерыва каталась во дворе завода на самокатах. Проблема кадров решалась «доучиванием» новых сотрудников прямо на рабочем месте бригадно-индивидуальным методом. Профессионалы со стажем учили «новичков» в процессе производства. Также на помощь в обучении новых сотрудников приходили стахановские школы и различные курсы [6, с. 45].

Повысилась роль женщин в производстве. В 1940 г. в деревообрабатывающей промышленности было занято 55 % женщин, в 1945 – 89 %, в электроэнергетике процент вырос с 28 до 69, в металлообрабатывающей промышленности рост произошёл от 31 % до 69 % [4, с. 28].

Окончательно кадровый вопрос решился только в 50-е, когда на производство начало поступать новое поколение выпускников высших учебных заведений.

Работали жители послевоенного Ленинграда в трудных условиях. Ощущалась нехватка инструментов, материалов и оборудования. Периодически производство останавливалось из-за перерасхода лимита электроэнергии, также остановки случались из-за недостатков сырья и топлива. В 1948 г. было выпущено постановление, ограничивающее энергопотребление бань, театров, прачечных и других непромышленных объектов. Делалось это ради обеспечения непрерывности производственного процесса на заводах. На рабочих местах нередко отсутствовало отопление, окна были без стёкол. Из-за разрухи в городе работники целыми семьями жили в общежитиях при заводах, а иногда и в цехах [7, с. 52–53].

Несмотря на тяжёлые бытовые условия, ленинградцы демонстрировали мужество и высокий моральный дух, работая на благо страны.

Строитель А. С. Сахаров вспоминал, что бетон приходилось греть на кострах и дежурить возле него даже после окончания рабочего дня, чтобы не остыл. На работу он добирался на трамвае, пассажирам которого нередко надо было выскакивать, чтобы подтолкнуть транспорт на подъеме. Но А. С. Сахаров не унывал, у него «хорошело на душе», когда он видел, как разрушенный войной Ленинград постепенно поднимался из пепла [6, с. 98–99].

Рабочий Балтийского завода И. И. Бережков так описывал те дни: «наш рабочий день не был нормированным, работали столько, сколько было нужно» [6, с. 40].

Бывшая блокадница, а затем и труженица послевоенного Ленинграда, работница текстильной промышленности Е. А. Илюкович так вспоминала те непростые дни: «куда бы меня ни переводили, я беспрекословно выполняла свой долг, понимала, что это нужно для дела, для государства, для партии». Она продолжала упорно трудиться, не обращая внимания на голод и холод, как все получала $\frac{1}{8}$ фунта хлеба и работала на благо города [1, с. 67].

По всей стране продолжалось стахановское движение, и Ленинград не стал исключением. Известно множество ленинградцев-стахановцев, проявивших себя в послевоенный период: например, штукатур Н. Я. Нилова, кочегары В. А. Степанов и М. П. Смирнов, плотники В. И. Горелов и С. А. Краснов и многие другие [4, с. 42].

Помимо непосредственно работы на трудящихся Ленинграда лежала тяжёлая задача восстановления городской среды от послевоенной разрухи. Делалось это во внерабочее время. Нередко рабочие привлекались на субботники и воскресники для облагораживания зданий заводов или близлежащих территорий. Инициативные работники Кировского завода предложили своим коллегам работать по 20 часов в месяц на восстановление завода. Своё обращение они зачитали на собрании – идея была одобрена. Вот как вспоминал этот воскресник один из авторов инициативы – работник Кировского завода с большим стажем Н. В. Кукушкин: «мы разбирали завалы, вытаскивали из цехов изуродованное оборудование, разбирали огневые точки, заграждения, вычищали территорию». Помимо собственного завода, Кировцы восстанавливали трамвайный путь до Сосновой Поляны, благоустраивали изуродованные захватчиками парки пригородов Ленинграда: Пушкина, Павловска, Петродворца [5, с. 28–29].

В деле жилищного строительства также ощущалась острая нехватка специализированных кадров. Пребывавшие на стройки редко имели какие-либо особые умения для ведения строительных работ. Труженицы прядильно-ниточного комбината имени С. М. Кирова обратились к жителям Ленинграда: «если большинство ленинградцев приобретёт навыки в строительном деле, изучит какую-либо специальность, то дело восстановления города пойдёт намного быстрее». Они призвали горожан получать дополнительную специальность, осваивать малярное, кровельное, плотницкое дело. Трудящиеся Выборгского, Приморского и Октябрьского районов взяли обязательство своими силами восстановить разрушенные жилые территории [7, с. 110–112]. Чтобы процесс шёл быстрее, создавались группы бригадиров, на практике обучающие людей строительному делу. Первым таким местом для получения дополнительных навыков стал дом на улице Ракова под номером 15, ранее он был разрушен двумя авиаударами. Позднее «строительные школы» начали открываться и в других местах [6, с. 361].

При этом в жизни ленинградских рабочих оставалось место и для досуга. В 1944 г. началось восстановление «Ленфильма» - в ремонте здания актеры и режиссеры также принимали активное участие. Уже в 1945 г. началась работа над новыми фильмами. Одновременно шёл ремонт зданий театров и их реэвакуация [6, с. 332–333]. В Ленинграде оживала культурная жизнь. С премией рабочие могли посещать театры и кинотеатры, также они ходили в библиотеки и читали газеты.

Вспоминая о рабочей повседневности, нельзя не упомянуть одежду. Для большинства жителей послевоенного Ленинграда рабочей одеждой была точно та же, в которой они проводили остальную свой день. Многие вернувшиеся с фронта продолжали носить военную форму [8, с. 35].

Изначально после окончания войны оплата труда осуществлялась с помощью карточек – одна была чеком для банка, который обменивался на деньги, а другая – продовольственная. За рабочую продовольственную карточку ленинградец мог получить масло, мясо, сахар, макароны и другое. Заработная плата же тратилась на рынке на покупку продуктов и вещей. В 1946–1947 гг. с питанием в городе было трудно, многие ленинградцы жаловались на голод и высокие цены [2, с. 3–4]. В 1947 г. карточная система была отменена, вместе с этой отменой была проведена денежная реформа. Это событие существенно повлияло на экономическую ситуацию в послевоенном городе [10, с. 2].

Не все жители города стремились к добросовестному труду. В первые послевоенные годы в Ленинграде процветал нечестный способ заработка – спекуляция. В условиях дефицита наживались на всём: от продажи украденных с работы изделий до перепродажи купленных товаров. Жительница Ленинграда Людмила Осипова, бывшая в те времена ребёнком, вспоминала, как её мама покупала на рынке по два батона – один ела вместе с дочерью, а другой продавала, тем самым окупая потраченные деньги. Вскоре женщина была поймана стражем порядка, батон был конфискован, но серьёзного наказания не последовало – Людмила вспоминала, что маме очень повезло, и милиционер сжалился над ней [8, с. 52]. Помимо спекуляции, первые послевоенные годы принесли Ленинграду всплеск воровства, хулиганства и других видов нарушения закона.

Таким образом, рабочая повседневность ленинградцев в послевоенный период была непростой. Стояла задача восстановить поражённый войной город, догнать и перегнать довоенный уровень производства. Истощённые блокадой рабочие не только были готовы трудиться в суровых условиях – с отсутствием отопления и окон, – но и принимали активное участие в восстановлении рабочих мест и инфраструктуры города во внерабочее время. Руками рабочих-ленинградцев были восстановлены многие городские объекты. Ради блага города люди были готовы осваивать дополнительные строительные специальности. Одной из проблем, с которыми столкнулось производство, была проблема отсутствия квалифицированных кадров. Она решилась путём обучения рабочих прямо во время производства с помощью бригадно-индивидуального метода. Вместе с тем, не все были готовы трудиться честно – в городе в послевоенный период процветала спекуляция и другие виды преступности.

Оценивая подвиг Ленинграда в годы войны, не стоит забывать, что затем эти люди, истощённые блокадой, постоянными бомбардировками, смертью близких и отсутствием бытовых условий, непосильным трудом сделали всё, чтобы вернуть своему городу прежний облик. Не взирая на трудности, ленинградцы смело брались за дело и получали удовольствие, видя, как Ленинград приобретает свой довоенный вид.

Библиографический список

1. Абрамова Л. П., Алексеев Б. К., Ваксер А. З. Партийная организация и рабочие Ленинграда. Л.: Лениздат, 1974. 429 с.
2. Бизин А. С. Государственная коммерция продовольствием в первые послевоенные годы (на материалах Ленинграда) // *Метаморфозы истории*. 2023. № 27. С. 3–18.
3. Ваксер А. З. Возрождение ленинградской индустрии, 1945 – начало 1950-х гг. СПб.: Остров, 2015. 256 с.
4. Ваксер А. З. Ленинград послевоенный. 1945 – начало 1950-х гг. СПб.: Остров, 2005. 436 с.
5. Ежов В. А. Рабочие Ленинграда в послевоенные годы (1946–1950). Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1968. 119 с.
6. Кутузов В. А. Возрождения: воспоминания участников восстановления Ленинграда. Л.: Лениздат, 1977. 367 с.
7. Советская жизнь 1945–1953 гг. / сост. Е. Ю. Зубкова. М.: Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2003. 719 с.
8. Осипова Л. Мой послевоенный Ленинград. М.: Машгиз, 2016. 365 с.
9. Постановление пленума Ленинградского горкома ВКП(б) «О первоочередных мероприятиях по восстановлению промышленности и городского хозяйства Ленинграда в 1944 году». (Постановление Государственного Комитета Обороны от 29 марта 1944 г.). 13 апреля 1944 г. // *Вопросы истории КПСС*. 1984. № 1. С. 77–82.
10. Постановление от 14 декабря 1947 г. № 4004. О Проведении денежной реформы и отмене карточек на продовольственные товары Республик. Л.: Тип. Печат. Двор, 1947. 15 с.

Т. В. Власов

Проблема взаимоотношения советской власти и интеллигенции в 1960–1970-х гг.: историография вопроса

В представленной статье рассматривается проблема историографии взаимоотношения советской власти и интеллигенции в 1960–1970-х гг. Анализируются работы и исследования советского и российского периода о социальных, политических и идеологических взаимоотношениях русской интеллигенции с советской властью. Анализ работ позволил выявить дифференцированные методологические подходы и точки зрения в контексте взаимоотношений интеллигенции и власти.

The article deals with the problem of historiography of the relationship between the soviet authorities and intelligentsia in the 1960s-1970s. The works and studies of the Soviet and Russian period on the social, political and ideological relations of the Russian intelligentsia with the Soviet authorities are analyzed. The analysis of the works made it possible to identify differentiated methodological approaches and points of view in the context of the relationship between intelligentsia and the authorities.

Ключевые слова: советская власть, интеллигенция, историография, общество, проблемный подход.

Key words: soviet authority, intelligentsia, historiography, society, problem approach.

Середина XX в. в Советском Союзе – период значительных социальных трансформаций, которые затрагивали различные сферы общественной жизни.

Интеллигенция, игравшая роль «совести нации» и культурного катализатора, сталкивалась с различными вызовами, представляя собой влиятельный социокультурный фактор, который соперничал с темпами политических и социальных изменений. В 1960–1970-е гг. происходило активное формирование нового облика советского общества, и именно в этот период интеллигенция оказалась в центре внимания, становясь своего рода «барометром» общественного мнения. Нарастание идеологических и политических напряжений, смены курсов в истории страны и влияние мировых событий формировали контекст для сложных взаимоотношений с властью.

Анализ историографии проблемы взаимоотношений советской власти и интеллигенции в 1960–1970-е гг. позволяет выделить основные течения и подходы, характеризующие различные этапы исторического дискурса. Отражение подходов исследователей позволяет более полно и глубоко понять сложную природу взаимодействия советской власти и интеллигенции в 1960–1970-е гг., а также выявить те факторы, которые оказали существенное воздействие на формирование их взаимоотношений.

Изучение этих работ поможет нам выявить основные направления и подходы к исследованию данной проблематики, а также определить наиболее важные и значимые труды, которые внесли вклад в развитие историографического знания в этой области. В данном случае, мы рассмотрим работы и исследования не с точки зрения хронологии, а исходя из проблемного подхода исследуемых проблем взаимоотношения власти и интеллигенции. Данный анализ будет способствовать более глубокому пониманию взаимоотношений власти и интеллигенции.

Теме взаимоотношения власти и интеллигенции были посвящены работы из сборника научных материалов под редакцией В. С. Волкова «Партийное руководство деятельностью общественных организаций интеллигенции в период социалистического строительства», опубликованного в 1984 г. [4]. В данном сборнике уместно упомянуть статьи Г. М. Смирнова «Деятельность Ленинградской партийной организации по совершенствованию организационно-партийной работы в творческих союзах в годы восьмой пятилетки» [4, с. 120–131], а также статью С. Г. Берсенева «Всесоюзные научные инженерно-технические общества – проводники политики партии в техническом прогрессе» [4, с. 131–140]. В данных статьях отражается вопрос деятельности общественных организаций в рамках партийного руководства культурными обществами и интеллигенции в СССР. В статьях анализируется вопрос об активном привлечении интеллигенции к роли агитатора и пропагандиста политики партии в массы трудящегося населения. В работах отмечается, что интеллигенция играла ключевую роль в помощи построения социалистического общества в XX в. В сборнике вводится в научный оборот новые архивные документы, обобщается документация партии и общественных организаций, что представляет исследовательскую большую ценность.

Аналогично, необходимо отметить сборник материалов «Интеллигенция и власть» под редакцией А. И. Студенкина, опубликованный в 1999 г. [2]. Сборник содержит материалы, представленные участниками 2-й Международной

конференции по проблемам интеллигенции, проходившей в сентябре 1997 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова. В сборнике представлены статьи, посвященные вопросам, связанным с взаимодействием интеллигенции и власти в СССР. Данные темы затрагивают в своих работах такие исследователи как С. В. Волков «О способностях интеллигенции к государственному управлению» [2, с. 10–19], В. Л. Махнач «Демос и его кратия» [2, с. 19–33], Н. Колев, С. Марков «Интеллигенция – необходимый корректор власти» [2, с. 40–52]. Все они акцентируют внимание на рассмотрении вопроса взаимовлияния интеллигенции и власти в советском обществе, о роли интеллигенции в стране и конкретные аспекты ее общественного влияния, что представляет большой исследовательский интерес. Важно отметить, что сборник включает в себя и ряд зарубежных статей и исследователей, занимающихся вопросами интеллигенции в СССР.

Не менее важным является сборник научных статей «На перепутье (Новые веки)» опубликованный в 1999 г. [3]. В данном сборнике исследовательских материалов раскрывается противоречивая, исполненная коллизии роль интеллигенции в жизни российского общества. Анализируются события последнего периода на фоне исторических событий XX в. Исследуются уроки и причины неудач ряда интеллигентных реформаторских идей и концепций. В данном сборнике представлены материалы, посвященные взаимодействию российского общества и властных структур, культурному своеобразию и взглядам интеллигенции XX в. и анализу роли современной интеллигенции с учетом накопленного опыта XX в. Помимо историков, в сборнике отражены статьи социологов и политологов, с акцентом на самокритику российского общества в конце XX в. В нашем случае, примечательны исследования таких авторов как Н. Е. Покровский «Горячее дыхание власти» [3, с. 52–65], А. И. Уткин «Большая российская игра» [3, с. 91–106], В. Г. Федотова «Три мертвых истины правительства России» [3, с. 106–109]. В них авторы рассуждают на тему власти и властных структур и их взаимодействие с интеллигенцией. Авторы затрагивают аспекты влияния интеллигенции на общество путем создания идей и новых концепций, а также пропаганды этих мыслей в массы. Аналогично, авторы анализируют негативное влияние власти на советскую интеллигенцию, отмечая ее подавление и «уничтожение» как особой социальной ячейки общества. Авторы склонны выделить и оставить открытым вопрос более грамотного взаимодействия власти и интеллигенции в стране, а не причислять одним ярлыки «диктатуры», а другим «оппозиции».

В сборнике представлены статьи, посвященные вопросам культурного своеобразия интеллигенции и ее либеральным наклонностям в XX в. Особенно точно отмечают это такие авторы как Ф. Г. Федотова «Анархия и порядок в посткоммунистической России» [3, с. 114–153], «Между «святым» и «зверинным»» [3, с. 158–164], «Глядя из будущего: Россия в XXI веке» [3, с. 164–169], А. И. Уткин «Почему исчез Советский Союз» [3, с. 185–214]. Статьи посвящены проблеме особой роли интеллигенции в советском обществе, роли «вектора» для развития государства и культуры.

В монографии доктора исторических наук С. А. Федюкина «Партия и интеллигенция» [8] автор рассуждает на тему взаимодействия коммунистов и интеллигенции. В работе отмечается рассуждение о важности проблемы

взаимодействия и значения в революционном движении интеллигенции и коммунистической партии. Автор поднимает тему союзник ли интеллигенция рабочему классу, какая роль в партии интеллигенции и какова роль партии в отношении самой интеллигенции. Важно, что в работе отражены вопросы и материалы, связанные с местом интеллигенции в социально-политической структуре развитого социалистического общества. Автор приводит статистические данные о количественном и качественном росте интеллигенции и подчеркивает важность взаимодействия властных структур с интеллигенцией для укрепления коммунистического общества.

В схожей тематике уместно упомянуть работу кандидата философских наук Б. И. Шрагина «Мысль и действие» [9], в которой автор ведет рассуждение о роли интеллигенции в Советской России и России современной, сравнивает различные политические структуры и силы, которые влияли на интеллигенцию и пытались изменить ее. Он анализирует действия советской власти в отношении интеллигенции.

В статьях сборника «Русская интеллигенция. История и судьба» [6] представлены исследователи, которые рассматривают социальные и исторические корни такого явления как русская интеллигенция. Рассматривается ее функция и роль в прошлом и настоящем России и СССР, ее взаимоотношения с государством и народом. Авторы исследуют разные стороны развития русской интеллигенции. В первую очередь ее социокультурную динамику, влияние на общество, функциональные особенности интеллигенции. Аналогично исследуется исторический вопрос и генезис интеллигенции в истории России, периоду Советского общества посвящены такие работы как «Российская интеллигенция, большевизм, революция» В. С. Жидкова [6, с. 272–298], «Художественная интеллигенция и власть: роли, маски, репутации» В. Н. Дмитриевского [6, с. 298–326]. В них авторы подчеркивают взаимовлияние масс, интеллигенции и власти в советском обществе, раскрываются основные аспекты взаимодействия интеллигенции с другими социальными группами и общественной роли интеллигенции в обществе.

Тема взаимодействия власти и интеллигенции затрагивается на страницах ряда исторических статей, в частности статья Е. Г. Серебряковой «Шестидесятники и власть: от диалога к монологу» [7] затрагивает либерализацию интеллигенции и противоборства с властью. В статье Г. А. Пермякова «Роль советской интеллигенции в формировании общественного мнения в период «застоя» (середина 1960-х – начало 1980-х гг.)» [5] показана созидательная роль интеллигенции и взаимодействие с партией в эпоху «застоя». Статья А. В. Зыковой «Советская художественная культура второй половины XX вв.: раскол интеллигенции и общества» [1] затрагивает вопрос трансформации общественного сознания под влиянием интеллигенции и постепенному изменению политических сил в СССР в 80-е гг.

В заключении можно подытожить ключевые аспекты исследования проблемы взаимоотношения советской власти и интеллигенции в 1960–1970-х гг., охватившие историографический анализ и различные подходы к изучению данной темы.

Анализ историографии показал, что тема взаимоотношения власти и интеллигенции в 60–70-е гг. не является ведущей, иной исследовательский интерес возникает с 2000-х гг., где учёные пересматривают роль партии и самой интеллигенции в социуме. Работы более раннего периода делают упор на активное взаимодействие власти и интеллигенции, но с оговорками по вопросу «либерализации» последних. Историография данной проблемы выявляет эволюцию исторического дискурса в разные периоды времени.

Кроме того, анализ историографии выявил важные факторы, формирующие взаимоотношения сторон, такие как политические трансформации, культурные изменения и социальные тенденции. Рассмотрение различных точек зрения и методов исследования позволяет глубже проникнуть в суть проблемы и выделить ключевые факторы, влияющие на взаимоотношения власти и интеллигенции в 1960–1970-е гг.

Библиографический список

1. Зыкова А. В. Советская художественная культура второй половины XX вв.: раскол интеллигенции и общества // Международный научно-исследовательский журнал. 2014. № 1-2 (20). С. 74–75.
2. Интеллигенция и власть. / под ред. А. И. Студенкина. М.: УРСС, 1999. 224 с.
3. На перепутье (Новые вехи): сб. статей. М.: Издательская корпорация «Логос», 1999. 240 с.
4. Партийное руководство деятельностью общественных организаций интеллигенции в период социалистического строительства / [редкол.: В. С. Волков (отв.ред.) и др.]. Л.: ЛГПИ, 1984. 143 с.
5. Пермякова Г. А. Роль советской интеллигенции в формировании общественного мнения в период «застоя» (середина 1960-х - начало 1980-х гг.). // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 22. С. 60–62.
6. Русская интеллигенция. История и судьба / РАН, Науч. совет по истории мировой культуры; сост. Т. Б. Князевская. М.: Наука, 1999. 422, [2] с.
7. Серебрякова Е. Г. Шестидесятники и власть: от диалога к монологу // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». 2012. № 4. С. 47–54.
8. Федюкин С. А. Партия и интеллигенция. М.: Политиздат, 1983. 238 с.
9. Шрагин Б. И. Мысль и действие. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2000. 477 с.

И. В. Богдашина

Дневники врача Зинаиды Сергеевны Седельниковой как источник по реконструкции нестоличной повседневности: социальный оптимизм и надежда на лучшее будущее

В статье предпринята попытка выявить позитивные настроения в обществе 1950–1960-х гг., когда послевоенная повседневность с тяжелыми условиями быта переплеталась с верой в лучшее будущее, построением и воспитанием «нового общества и человека». Провинциальный и разрушенный практически до основания в период Сталинградской битвы город Сталинград/ Волгоград обладал не только значимой военной историей, но и уникальными бытовыми условиями, а его жителям и жительницам буквально по крупицам приходилось восстанавливать инфраструктуру региона. Именно женская память позволяет в

мельчайших подробностях представить бытовавшую тогда в городе обстановку, выявить личностные и коллективные устремления жителей, которые не только гордились, но и любили свою «провинциальную столицу».

The article attempts to identify positive sentiments in the society of the 1950s–1960s, when the post-war everyday life with harsh living conditions was intertwined with the belief in a better future, the construction and education of a “new society and man”. Provincial and destroyed almost to the ground during the Battle of Stalingrad, the city of Stalingrad/Volgograd had not only a significant military history, but also unique living conditions, and its inhabitants and women literally had to rebuild the region's infrastructure piece by piece. It is women's memory that allows us to visualize in the smallest detail the situation in the city at that time, to reveal the personal and collective aspirations of the residents, who were not only proud of, but also loved their “provincial capital”.

Ключевые слова: Сталинград/Волгоград, социальный оптимизм, 1950–1960-е гг., женская память, повседневная жизнь.

Key words: Stalingrad/Volgograd, social optimism, 1950s–1960s, women's memory, everyday life.

В настоящее время тема позитивного восприятия и социального оптимизма, уверенности в улучшении качества жизни является весьма актуальной. В частности, данной тематике был посвящен исследовательский проект «Женская история как основа Российского социального оптимизма (нестоличная городская повседневность середины XX века)» (2022–2023), участники которого изучают женскую повседневность и особенности женской социальной памяти, ее роль в формировании положительного образа в исторической перспективе [1; 9; 12; 13; 14].

Как и полвека назад, женщины до сих пор остаются подавляющим большинством населения страны, а значит именно они являются хранителями традиций и устоев, главными носителями социальной памяти. Во многом именно вера в лучшую жизнь, стремительные темпы строительства и преобразование Сталинграда / Волгограда в период 1950–1960-х гг. создавали уникальную атмосферу для построения новых идеалов и устремлений в будущее. Несмотря на бытовые трудности, жители нестоличного города продолжали верить в то, что их ждет хорошее будущее, стремились изменить обстановку вокруг себя к лучшему, а также старались помогать родным и близким.

Женские эго-документы, а именно устные воспоминания и дневниковые записи, позволяют выявить не только мельчайшие детали быта, но и выяснить отношение самих женщин к бытовавшей тогда действительности. Источниковая база автора располагает архивными дневниковыми записями врача-хирурга Зинаиды Сергеевны Седельниковой. На наш взгляд, данный материал позволяет репрезентативно отразить повседневную жизнь изучаемого периода в реальном времени.

Очевидно, что повседневно-бытовая жизнь в практически до основания разрушенном во время войны городе доставляла множество неудобств его жителям, и в особенности жительницам. Традиционно хозяйственно-бытовые заботы в большинстве семей являлись именно женской прерогативой, включая в

себя все домашние дела – от налаживания в доме элементарного уюта до приобретения/приготовления продуктов питания и пищи. В 1950-е гг. Сталинград был городом, на восстановление которого съезжались люди буквально со всей страны, одной из таких жительниц стала разведенная врач-хирург Зинаида Сергеевна Седельникова (1920–2006) (далее – З. С.). В 1951 г. она переехала из Ульяновска в Сталинград и осталась в городе на всю оставшуюся жизнь. Ее подробные, практически каждодневные дневниковые записи стали ценнейшим источником в восстановлении повседневно-бытовой жизни страны (и в особенности региона) в период 1950–1960-х гг.

Людям хотелось верить в лучшее будущее, Сталинград / Волгоград стремительно восстанавливался и восхищал своих горожан, однако жизнь в таком регионе требовала много рабочих рук, а постепенное коммунально-бытовое восстановление требовало от жителей много сил и терпения. Сталинградцы радовались каждому новому дому, улице, парку, открытому кинотеатру. Для примера приведем достаточно развернутую и содержательную цитату из дневниковых записей З. С.: «Поражаешься быстроте восстановительных работ – всего неделю не была в Сталинском районе – а некоторые места не узнать. Закончили 2 км асфальтирование Сталинского проспекта, обсаженного с двух сторон деревьями. Выведен забор вокруг стройки планетария. Доасфальтируется Комсомольская улица, Курская улица, Театральная площадь (перед новым театром). Только вдоль набережной все еще заборы со строительной площадкой в центре. Раскинуты газоны перед к/т Победа, сдан в эксплуатацию большой дом по Коммунистической улице. Совершенно переоборудуется площадь у центральной остановки автобусов и трамваев. Вот это темпы! Такой стройки нет ни в одном городе мира. Что ни день, то новая перемена в облике города. Даже у нас в районе несколько дней не была на “левой” стороне улицы, идущей от больницы, и уже освободилось от лесов здание новой громадной бани, вокруг обнесенной оградой с асфальтированными дорожками во дворе и газонами. Отделяется фасад двух новых зданий у трамвайной остановки по проспекту Сталина» (И. Б. – 06.11.1951 г.) [2, л. 125]. Приведем еще одну запись, сделанную спустя 6 лет: «И какое удивление и восторг вызывает раскинувшаяся вокруг стройка! От поликлиники до школы по Гончаровой улице выросло целых два квартала домов более половины которых уже эксплуатируется. И южнее вырос громадный пятиэтажный дом как раз у поворота к Аистовым, а к востоку от этого дома по пр. Metallургов идет подготовка фундамента под десяток домов, вот это темпы! Но быстрее всего (за год-полтора вырос целый квартал 2–3 эт. домов), построенных собственными силами целыми семьями рабочих ЗКО. От остановки Библиотечная до Гвардейской» (И. Б. – 20.10.1957 г.) [7, л. 157].

Конечно, хозяйственно-бытовые трудности, сопровождавшие практически каждую семью, омрачали восторг от успехов великой стройки. Несмотря на стремительное восстановление жилого фонда, многие жители продолжали нуждаться в жилье, и большой радостью было тогда получить собственную комнату в коммунальной квартире, в то время как отдельная квартира и вовсе

являлась пределом мечтаний для большинства горожан. Отметим, что жилищная проблема в регионе стояла достаточно остро вплоть до середины 1960-х гг. Важным шагом на пути разрешения проблемы жилищного обеспечения, стало постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР», в котором подчеркивалось, что «проблема жилья продолжает оставаться одной из самых острых» [11, с. 195]. Несмотря на то, что рост всей жилой площади в регионе в сравнении с 1940 г. к 1966 г. увеличился в 2,5 раза, все еще немногие горожане располагали собственным жильем, удовлетворяющим даже элементарные бытовые потребности [10, с. 172].

Зинаида Сергеевна старалась принимать бытовые трудности с терпением, отметим, что женщина (1920 г.р.) знала жизнь еще до войны, проживая в различных регионах страны, в том числе крупных городах, и имея возможность сравнивать, она продолжала верить в то, что рано или поздно быт будет устроен непременно в лучшую сторону. Однако состояние отчаяния все-таки перманентно достигало женщину, и виной тому в основном служили именно бытовые неурядицы: «В комнате холодно, особенно сидеть неподвижно и писать. Ноги уже 2-й вечер в валенках, на плечах теплый шарф, а вот спина отмерзнет. Ех! И когда же доживем до того, когда народ не будет мучиться из-за необходимости как хлеб – удовлетворительных хотя бы условий быта! Верю, что все, что предусмотрено 5-й пятилетке, будет исполнено, но ведь и тогда квартирный вопрос еще останется неразрешенным, а ведь это важнее, чем выработать мебель, посуду или давать в сотни тысяч различным работникам искусства» (И. Б. – 16.10.1952 г.) [3, л. 107 об.]. На протяжении 1950-х гг. женщина не раз указывала, что «все-таки трудно еще (дорого) с продуктами, да и ассортимент однообразный», а каждую весну все граждане страны непременно ждали понижения цен на различные товары [3, л. 174 об., 186]. Даже в столичных магазинах в 1950-е гг. было трудно найти вещи самые необходимые: «День заняла походом по магазинам, купила перчатки, дом. туфли, резинки. Лаковых лодочек нет, и много необходимого – нет, например льняных полотенец, хороших шелковых чулок, трикотажного шелкового белья» (И. Б. – 28.07.1953 г.) [4, л. 44 об.]. В таких ситуациях горожане старались друг другу помогать – это выгодные знакомства в отделах магазинов или снабжение продуктами от собственного хозяйства.

«Конечно, жить лучше, но запасов нет и это конечно, плохо» – отмечала женщина в 1955 г. [5, л. 124 об.]. Спустя годы врач с ужасом вспоминает, как трудно ей жилось сразу по приезду в город: «С трудом накопила тысячу, а из них 350 надо отдать за починку пианино, а 500 вчера Дусе отдала на приемник (“Рекорд” с проигрывателем), который уступает мне Зиночка, покупая себе “Урал”. А как же быть с мечтой о весеннем пальто? Сто потребностей, а доходы одни и те же. Да, пожалуй, по сравнению с большинством врачей, это еще приличная зарплата. Даже мне с 2 тыс. в месяц, да и не 2, а 1500. А как же жить остальным? Страшно вспоминать, как жили мы втроем 51–53 гг. на мою нищенскую врачебную зарплату...» (И.Б. – 23.03.1956 г.) [6, л. 15].

Жалобы З. С. на жизнь были перманентными на протяжении всего периода 1950–1960-х гг., но жительница всегда старалась отмечать какие-либо улучшения: «Моя зарплата номинально 1400 р., это как раз тот минимум, на который можно прожить небольшой семье, причем не позволить себе никакой роскоши. Тяжеловата и дороговата еще жизнь, а ведь прошло 40 лет после революции! И 11 лет после войны. Конечно, уже значительные улучшения есть, но жизнь торопит успеть хоть чуточку передохнуть без нужды!» (И.Б. – 20.09.1956 г.) [6, л. 187].

В 1960-е гг. жить, конечно, стало лучше, город все больше восстанавливался после войны, налаживались быт и хозяйство, однако действительно хорошо жилось лишь тем, у кого был более или менее стабильный заработок. Зинаида Сергеевна Седельникова, совмещая работу оперирующего хирурга и преподавателя в университете, позволяла себе иметь накопленные средства и осуществлять задуманные цели. Женщина хотела и стремилась жить лучше. Например, в 1962 г. ей удалось купить телевизор, который в то время могли себе позволить немногие жители города. Копила женщина и на машину, даже получила водительские права, однако приобрести тогда (в 1950–1960-е гг.) желанное средство передвижения в Сталинграде / Волгограде было очень сложно. Но зато в 1960-е гг. уже можно было без проблем привезти домой «полную сумку продуктов: консервы мясные, гороховые, карбонат, печенье...» [8, л. 53].

В условиях перманентных потребностей и нехваток практически всего (от продуктов питания до предметов одежды и быта) уже привычным делом становилась перешивка новой одежды, запас продуктов впрок, жизнь в долг, и в то же время ежегодный отпуск на курорте, отоваривание в столичных регионах, покупка предметов для создания уютной и комфортной обстановки (телевизор, холодильник, ковры) – такой двойственной была жизнь интеллектуальной элиты, женщины-врача, канд. мед. наук. Отличительной особенностью многих людей тогда было позитивное мышление, которое диктовалось усталостью от перенесенной войны, стремлением жить лучше, умением радоваться, казалось бы, самым элементарным вещам (белому хлебу, платью, которое не нужно перешивать, новому ковру). Насущной проблемой для горожанок оставались строительство нового быта и налаживание домашней обстановки; с одной стороны все эти действия были наполнены надеждой и энтузиазмом, а с другой сопровождались отчаянием, ностальгией по прошлой (довоенной) и некогда благоустроенной жизни.

Библиографический список

1. Белова А. В. Социальный оптимизм как интенция в женской автобиографической памяти эпохи хрущевской «оттепели»: практики самоанализа академика П.Я. Кочкиной // Вестник Тверского государственного университета. Серия: История. 2023. № 2 (66). С. 5–20.
2. Государственный архив Волгоградской области (далее – ГАВО). Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 13.
3. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 14.
4. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 15.

5. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 16.
6. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 18.
7. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 20.
8. ГАВО. Ф. Р-6880. Оп. 6. Д. 27.
9. Жидченко А. В. Дом, семья и быт как факторы социальной памяти советского города в 1950–1960-е гг. // Домашняя повседневность населения России: история и современность. Материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Веремеенко. Т. 2. СПб.: Медианапир, 2022. С. 62–68.
10. Народное хозяйство Волгоградской области за 50 лет. Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1967. 263 с.
11. Постановление ЦК КПСС и СМ СССР от 31 июля 1957 г. «О развитии жилищного строительства в СССР» // Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК (1898–1986). Т. 9. 1956–1960. М.: Политиздат, 1986.
12. Пушкарева Н. Л., Белов С. И., Жидченко А. В. «Таежные ленинградки»: повседневная жизнь женщин Ангарска в 1950-х – 1960-х гг. // Вопросы истории. 2022. № 3–1. С. 95–10.
13. Пушкарева Н. Л., Богдашина И. В. «Лучшее украшение женщины – чистота» (нормы и практики ухода за телом в памяти жительниц нестоличного советского города 1950–1960-х гг.) // Женщина в российском обществе. 2022. № 4. С. 119–133.
14. Пушкарева Н. Л. «Работать больше других»: повседневность российских научных работниц и мотивация отрицания успеха // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 10–20.

В. Л. Вайнгорт

Культурное влияние Ленинграда и Таллина на групповую ментальность строителей Прибалтийской ГРЭС в городе Нарва

Крупнейшую в Северной Европе 1960-х гг. Прибалтийскую ГРЭС у города Нарва возводил коллектив, ментальность которого создавалась на основе традиций энергостроителей, идущих от ГОЭЛРО, под влиянием культуры Ленинграда и Таллина времён «оттепели». В результате характерными чертами молодых строителей становилась высокая гражданская ответственность, межпоколенческое доверие и толерантность к любым формам современного искусства того времени. Это, в свою очередь, становилось базой для роста личной и групповой креативности и неприемлемости проявлений тоталитаризма в социальной сфере.

The largest in Northern Europe in the 1960s, the Baltic TPP near the town of Narva, was built by a team whose mentality was created on the basis of the traditions of power builders dating back to GOELRO and influenced by the culture of Leningrad and Tallinn during the Thaw. As a result, high civic responsibility, intergenerational trust and tolerance to any forms of modern art of that time became characteristic features of young builders. This, in turn, became the basis for the growth of personal and group creativity and the unacceptability of totalitarianism in the social sphere.

Ключевые слова: послесталинская Нарва – город молодых шестидесятников; культурная ленинградоцентричность энергостроителей Нарвы.

Key words: post-Stalinist Narva – the city of young sixties; cultural Leningradocentricity of Narva's power builders.

Объектом исследования в настоящей работе является ментальность большой группы населения Нарвы – строителей Прибалтийской электростанции, самой крупной тепловой станции в Северной Европе 1960-х гг.

Растянувшееся на сотни метров монументальное здание с развитой инфраструктурой (каналами, золохранилищем и шестью уходящими в небо 150-метровыми трубами) строилось с 1959 по 1964 г. в 12 км от Нарвы более, чем тридцатью специализированными стройорганизациями системы Минэнерго СССР, суммарный персонал которых на стройплощадке достигал в пиковые периоды до 6000 человек (включая коллектив управления строившего «ведомственное жильё» и соцкультбыт в самой Нарве). Вместе с эксплуатационным персоналом к 30-тысячной Нарве добавилось около 10 000 человек¹.

Методологической основой исследования стали разработки ментальных карт городов в социологии и урбанистике последних лет [4; 5; 2; 6]. Методологический инструментарий создания образа места предусматривает, кроме городской мифологии, территориальную идентичность и архитектурную среду. А после 1944 г. городской средой Нарвы стали руины. Средневековая Нарва исчезла с лица земли. Применительно к Нарве о городской ментальности после 1945 г. можно было вести речь только начиная с полного нуля.

Предоттепельная нарвская реальность

В 1944 г. исчезла не только архитектурная среда и аура старого города, куда можно было зарыться, как в «чудесные складки изношенного каменного пальто» (Вальтер Беньямин). Не было и жителей – носителей городской мифологии. Восстановление города и его заселение началось с воссоздания главного городского производственного потенциала – ткацких и прядильных фабрик комбината «Кренгольмская мануфактура» и соответствующей инфраструктуры: жилья для работниц, школ, детсадов, дома культуры, коммунальных сетей – создавался типичный соцгород «сталинской» архитектуры, перпендикулярной промышленному модерну начала XX в., сохранившегося в виде руин с типовой ментальностью их населения, свозимого по оргнабору (в основном из сельских районов Псковской области, эстонского Причудья и Принаровья). Молодая техническая интеллигенция фабрик Кренгольма формировалась, в основном, из выпускников ленинградского текстильного института. С началом строительства Прибалтийской ГРЭС состав населения Нарвы и городская среда изменились радикально. К 1961 г. в Нарве образовалось несколько зон:

1. К юго-востоку от разрезающей город на две части железной дороги росла зона фабрик Кренгольма и примыкавшего к ним жилого района со всеми необходимыми общественными пространствами и предприятиями соцкультбыта.

2. К северо-западу от железной дороги вырос административно-культурный центр с жилыми кварталами «позднесталинской» архитектуры, заселяемые, в основном, «номенклатурными» работниками.

3. Начиная от центральной площади к северо-востоку быстро развивались жилые районы строителей Прибалтийской ГРЭС и персонала станции, застраивавшиеся хрущевками и типовыми зданиями соцкультбыта шестидесятых годов.

---

¹ Численность населения Нарвы в 1959 г. – 30,4 тыс., а в 1970 г. – 57,9 тыс. человек.

4. В северную сторону вдоль реки Нарова развивалась зона индивидуального жилищного строительства, вплотную к которой вырастал дачный посёлок вдоль дороги к известному с XIX в. курортному поселению Усть-Нарва.

Групповая ментальность энергостроителей

Основой строительного коллектива стало перебравшееся из Ленинградской области почти в полном составе генподрядное «Строительное управление (СУ) Прибалтийской ГРЭС», имевшее длинную историю по созданию электростанций, предусмотренных ещё первым планом ГОЭЛРО. Этот коллектив строил каскад ГЭС на реке Свирь в Подпорожском и Лодейнопольском районах Ленобласти. Первая – Нижне-Свирская ГЭС была построена в 1927–1936 гг. Начальником строительства с 1927 по 1935 г. был один из создателей ГОЭЛРО, друг и сподвижник Кржижановского, для энергостроителей человек-легенда – Генрих Графтио (1869–1949). Руководители СУ Прибалтийской ГРЭС начинали работу под его началом, реализуя его же проект Верхне-Свирской ГЭС. Начальник строительства прибалтийской станции Никандр Кузин, главный инженер Сергей Крестьянинов, замначальника Леонид Забоклицкий, начальник монтажного управления Сергей Богоявленский, начальник участка сооружения главного корпуса Афонин – все они могли повторить слова Графтио: «Я писал свои труды металлом и бетоном». У всех были сложные личные истории. Их арестовывали и выпускали по личному распоряжению руководителей страны. Их парадные пиджаки напоминали кольчуги из отливающих золотым блеском орденов и медалей. И все они были ленинградцами, с присущим петербуржцам демократизмом и одновременно инженерным аристократизмом. На одной из встреч с молодыми специалистами стройки Сергей Михайлович Богоявленский сказал: «Человек должен быть причастен к самым главным деяниям своей эпохи. Иначе можно сказать, что он и не жил». Сказал, конечно, о себе.

Петербургская культура общения и отношения к делу передавались не только молодым специалистам-ленинградцам, но и прибывшим из других республик их сверстникам. «Старики» внесли в коллектив профессиональное достоинство, гражданское бесстрашие и неизбывную ненависть к сталинизму. При этом все молодые специалисты в сфере культуры ориентировались на ленинградских шестидесятников. Их культурные запросы формировались под влиянием молодёжной «тусовки Сайгона» и завсегдатаев БДТ тех лет (тем более, театр находился точно напротив «Севэнергостроя», через Фонтанку, и дружил с энергостроителями).

Характерна, например, листовка-молния комитета комсомола стройки начала шестидесятых: «В следующую пятницу-субботу-воскресенье мы в Ленинграде! Выезжаем в пятницу в 7:00 от дома-башни. Едут те, кто отработает за пятницу и купит билет в БДТ на вечер субботы (спектакль «Океан» с Юрским). Ночуем в общежитии СТЭМ у метро Автово бесплатно (2 рубля за бельё). Регистрация и билеты в комсомольском штабе. Спасибо Цале Борисовичу Фируну за автобус и ночлег! Через две недели поездку организует СЗЭМ».

Нарва тех лет оказалась средоточием молодых ленинградских интеллигентов, не только «технарей», вместе с ними в Нарву потянулись гуманитарии,

уходившие от ленинградского идеологического пресса. Корреспондентом «Советской Эстонии» на стройке был учившийся в ЛГУ Михаил Рогинский, старший брат создателя «Мемориала» Арсения Рогинского, учившегося в Тарту, частого гостя Нарвы. Михаил Рогинский привёз позже в Таллин своего приятеля Довлатова (который вывел его под фамилией Шпажинский в одном из рассказов из книги «Компромисс»). В газете «Нарвский рабочий» трудилась одна из создателей в 1969 г. ленинградского журнала «Аврора» Людмила Будашевская, которая в начале 60-х связала молодых специалистов стройки с молодыми актёрами ленинградского ТЮЗа. Немало способствовал созданию в городе обстановки культурной толерантности первый секретарь ГК КПЭ Александр Григорьевич Панкратов, сын которого писатель-шестидесятник Станислав стал легендарным главным редактором журнала «Север» (известным своим либерализмом), а зять – Виталий Ренецкий, журналист «Советской Эстонии», близкий друг Сергея Довлатова. Месяцами жил в Нарве писатель и публицист, известнец Илья Зверев, автор рассказов и новостей о строителях, прототипами которых часто оказывались нарвские монтажники. Культурные запросы строителей способствовали открытию в Нарве самого крупного в республике книжного магазина с широким ассортиментом русской литературы в 1960 г.

Явная ленинградоцентричность строителей оказала сильное влияние на их культурную ментальность и ментальность города в целом (включая многотысячный, преимущественно русский этноязыковой коллектив комбината «Кренгольмская мануфактура» и крупного предприятия «оборонки» – завода «Балтиец»).

При этом в Нарве сказывалось также влияние эстонской культуры, прежде всего, культуры быта. Эстонские журналы по обустройству жилья, дачных участков, домоводству и умению одеваться, были ориентированы на всесоюзного читателя, но, прежде всего, они влияли на жителей Нарвы.

Сборная мебель эстонских мебельных фабрик (одна из которых действовала в Нарве) обеспечивала радикальные различия в обустройстве жилья, начиная с кухонь, а затем и жилых комнат нарвских квартир. Интерьер кухни «поленинградски» был невозможен в жилье нарвитян того же времени. Дизайн кухонных интерьеров в Эстонии определяли сборные кухонные «стенки» и наборы коробок фабрики «Норма» для сыпучих продуктов. Эстония была единственной республикой в СССР, где производились недорогие сборные домики для дач. Нарвские власти всемерно способствовали развитию двудомности в сфере жилья: квартира в «хрущевке» и дачный летний домик на «шести сотках». Такая жилая среда становилась нормой в Эстонии 1960–1970-х гг.

Линч, автор книги «Образ города» [3] и В. Л. Глазычев [1] утверждали, что городское пространство включает пространство социальных отношений в сфере культуры. В Нарве шестидесятых эта среда развивалась в общественных пространствах стройки, а также в общежитии на ул. Энергия и «квартирниках» (на кухнях) строителей.

Существенное влияние на выработку культурных ценностей нарвляян оказывала полная свобода художественной жизни в Эстонии. Таллинские биеннале графики, сезонные художественные выставки, городская скульптура соответствовали новейшим течениям в изобразительном искусстве Западной Европы.

Идеологическая борьба в Советской Эстонии 1960-х гг. была заточена против национализма и не распространялась на развитие современных форм во всех видах искусства. Таллинские джазовые фестивали, эстонский театр, декоративное искусство и т. д. превращали Таллин в мекку поклонников современного искусства и это не могло не отразиться на ментальности нарвской молодёжи, привлекая к участию в строительстве электростанции (объявленной всесоюзной ударной комсомольской стройкой) студенческие строительные отряды Ленинграда. Характерной для ментальности молодых строителей (а они составляли подавляющее большинство коллектива) стала креативность в инженерной и культурной жизни, раскованность и полная раскрепощённость художественных вкусов, неприятие сталинизма в любых его проявлениях и остро негативное отношение к «социалистическому реализму». Базовым принципом нарвской ментальности исследуемого периода стало взаимное доверие межпоколенческое и социальное, исчезнувшее вместе с оттепелью. Ментальность, основанная на креативности, способствовала быстрому карьерному росту молодой интеллигенции стройки. Из совета молодых специалистов строителей во второй половине 1960-х гг. вышли два работника аппарата Ленинградского обкома партии (ставшие быстро директорами крупных научно-производственных объединений); два заместителя главного инженера всесоюзного треста «Севзапэнергострой», главный механик этого треста и несколько начальников его отделов; один из руководящих работников Министерства энергетики СССР; два заместителя министров Эстонской ССР и т. п. Освещавшие жизнь стройки журналисты занимали места заместителей редакторов республиканских газет и собственных корреспондентов этих изданий вплоть до начала 1990-х гг.

Библиографический список

1. Глазычев В. Л. Урбанистика. М.: Европа, 2008. 218 с.
2. Кузнецова А. В., Петрулевич И. А. Городская ментальность в пространстве культуры: социо- и лингвокультурный аспекты // Вестник АГУ. 2019. Вып. 4 (249). С. 181–188.
3. Линч К. Образ города. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
4. Митин И. И. Ментальные карты города: история понятия и разнообразие подходов // Городские исследования и практика. 2017. Т. 2. № 5. С. 64–79.
5. Радина Н. К. Город в пространстве и времени: проблемы территориальной идентичности в контексте социально-экономических изменений. Н. Новгород: Деком, 2015. 344 с.
6. Семенова Т. В. Теория ментальности социальных систем // Научное обозрение. 2005. № 4. С. 89–94.

Представление социокультурного портрета региона средствами документальной фотографии (на примере Самарской области)*

В данной статье на примере фотопроектов современных самарских авторов исследуется визуальный потенциал документальной фотографии в отображении социокультурного портрета конкретного региона, а также возможности зрительного образа как инструмента построения фотографической реальности. Выявлены различия в образе жизни в провинции и столице и рассмотрены визуальные приемы современной фотографии, призванные реконструировать социокультурный портрет Самарской области 2000-х гг.

The paper, using the example of photo projects of contemporary Samara authors, explores the visual potential of documentary photography in displaying the sociocultural portrait of a particular region, as well as the possibilities of the visual image as a tool for constructing photographic reality. There are considered differences in the province's life and artistic techniques of modern photography, designed to reconstruct the sociocultural portrait of the Samara region in the 2000s.

Ключевые слова: документальная фотография, цифровая фотография, провинция, социокультурный портрет, Самарская область.

Key words: documentary photography, digital photography, province, sociocultural portrait, the Samara region.

Российская провинция – многослойный и неоднозначный феномен культуры. Свою особую привычку жизни, манеру думать и рассуждать, способ собирания своих границ, провинция формировала на протяжении многовековой истории из обычаев, нравов и культурных традиций разных поколений и разных сословий. Провинция располагает собственным культурным кодом – набором фундаментальных принципов формирования и поддержания устойчивых областей социокультурного пространства, в рамках которого порождаются культурные тексты, социальные связи, формируется историческая память. В рамках данной статьи провинция определяется как устойчивое целостное социокультурное образование, обладающее своей собственной уникальностью, обусловленной длительным историческим периодом развития жизнедеятельности сообщества людей на определенной территории.

Рассматривая провинциальное как характеристику региональной культуры следует отметить сближение таких понятий как провинция и регион. Регион представляет собой социокультурную общность, включающая историю, население, сложившиеся внутри него связи и отношения, его социальное самочувствие, территорию, единство экономической жизни и хозяйственных связей, культурное своеобразие и самобытность, чувство региональной идентичности и территориальной близости, систему управления [11, с. 290].

---

* Материал подготовлен на средства стипендии Министерства культуры РФ, при поддержке Союза Фотохудожников России.

Современная социология региона опирается на положения классической социологии, в частности теории социального действия М. Вебера, теории действия как самоорганизующейся системы Т. Парсонса, социологии пространства Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля, Э. Гидденса, П. А. Сорокина и др. Для данного исследования придерживаемся следующего определения термина «социокультурный портрет региона», предложенный С. В. Дегтяревой: «Социокультурный портрет» в общем виде вбирает в себя «интегральные характеристики социальных образов поведения, социальных норм, социальных ролей, культурных ценностей, традиций, обычаев, мотивационных структур базовой личности определенного региона (этноса)» [1, с. 11].

Характеристики социальной ситуации в провинции часто рассматривают в сравнении с образом жизни в мегаполисе. Проблема дихотомии мегаполис-провинция, житель большого города – провинциал особенно выделяется в поле современной российской фотографии. Многие фотохудожники поднимают эту тему в своих работах. Сам феномен российской провинции в российской культурологической литературе раскрывается в работах И. Купцовой [2], Г.Ю. Стервина [3], методологические принципы анализа культурного диалога «столица – провинция» – в трудах Т. В. Артемьевой, И. М. Быховской, М. С. Кагана, Н. И. Розановой и др.

Фотография как объект социологического анализа в современных исследованиях встречается нечасто. В российской социологической научной среде фотография преобладает как новый метод социальной науки. Среди авторов – О. Бойцова, Н. Ю. Захарова, О. Н. Запорожец, Т. Киенко, В. Л. Круткин и др. Петер Штомпка выделяет новую отрасль социологии – визуальную социологию [12]. В социальной документальной фотографии существует стремление к тому, чтобы достичь общего и конкретного эффекта, настоящей реакции зрителей – их удивление, сострадание и сопереживание, его возмущение или отвращение и др. Однако, основная цель – это социально-общественное предназначение. Социальная документальная фотография парадоксальным образом сочетает естественность и реализм с отчетливой «рукой художника»: созданной мастером авторской перспективой, самим объектом, заданной границей, анализом изображения.

В пределах настоящей статьи исследуются визуальный потенциал социальной документальной фотографии в отображении социокультурного портрета определенного региона и возможности зрительного образа как инструмента построения фотографической реальности. Исследование регионального аспекта социальной жизни конкретного региона, в данном случае Самарской области, связано с выявлением различий образа жизни в провинции и столице. Методологической основой исследования стали принципы, разработанные в гуманитарных науках и опирающиеся на системный подход изучения феноменов культуры. Нашли применение биографический метод, формально-стилистический и семантический анализ фотоизображения.

Следует отметить, что художественные подходы, стилистика существующих на данный момент российских фотопроектов, посвященных жизни определенного региона, сильно различаются [9, с. 23]. Поскольку малые города России создают свой собственный уникальный природный, экономический и социальный контекст, провинцию сегодня можно рассматривать как отдельный самобытный мир.

Самарская область – субъект Российской Федерации, входит в состав Приволжского федерального округа. Дата образования – 14 мая 1928 г. Площадь – 53,6 тыс. кв. км. Население – 3172,8 тыс. чел. (данные 2008 г.). Самарская область – это пример региона-донора, который вносит существенный вклад в экономику России, но в то же время не в состоянии создать современную социальную инфраструктуру. Социальные показатели Самарской области существенно отстают от экономических показателей. По важнейшим экономическим показателям Самарская область входит в 20 наиболее развитых регионов России, по социальным показателям находится во второй половине списка [5]. Эмпирическим материалом исследования послужили фотопроекты и серии российских фотографов – жителей Самары и Самарской области, снятые в 2000-е гг. Роль выбранного региона для истории отечественного фотоискусства определяется творчеством ряда современных оригинальных фотографов: Дарья Асланян, Елена Елеева, Михаил Мусорин, Сергей Осьмачкин, Кристина Сырчикова, Полина Попова и другие. Для изучения выбраны фотосерии Дарьи Асланян («Город как терапия») и Елены Елеевой («Дыхание города», «Шоппинг»).

Фотограф Елена Елеева (род. 1979 г.) окончила Фотошколу «Самара» в 2012 г., преподаватель Михаил Мусорин. С 2010 г. она – член Союза фотохудожников России, лауреат конкурсов «Самарский взгляд», «Молодые фотографии России», а также «Рус-Арт-Фото 2013». В снимках Елены Елеевой, выполненных в жанре стрит-фото, отражаются моменты жизни города, скрытые от глаз вечно спешащего обывателя. При этом Елеева далека от нарочитых литературных сюжетов или однозначных оценок. Обращаясь к фотографическому медиуму, она мастерски передает зрителю то неуловимое дыхание города, в котором живет [14]. Так, на фото. 1 имеет место продуманная жесткая композиция кадра, разделенного по горизонтали на несколько слоев – несущих элементов конструкции социальной среды, окружающей мальчика, занятого своим питомцем. Максимально подробный рассказ о жилище, быте, моде провинциальных жителей заключен в одной фотографии. Архитектура провинции отличается от мегаполисов малоэтажностью постройки, традиция сушить белье на свежем воздухе сохраняется в небольших городах. В данном случае отсутствие цвета в фотографии позволяет направить внимание зрителя на идею снимка, тогда как цветное изображение отчасти создает впечатление иллюзорности. Черно-белые фотографии становятся сами по себе идеей, канвой проблемы, которую изображает фотограф [10, с. 379].

Фото 1. Елена Елеева. Из серии «Дыхание города».

Источник: Асланян Дарья. Город как терапия [Электронный ресурс]

URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=17197

На практике провинциальная среда является определенным микромиром, в котором каждый человек находится на виду у других людей. При существовании достаточной плотности личного общения людей у провинциалов большой интерес вызывают зачастую различные события и новости местного уровня. Менее важной оказывается при этом жизнь «большого мира» (областного центра, столицы, всего мира).

Серия Елены Елеевой «Шопинг» [16] представляет повседневные практики горожан (фото 2, 3). В XIX в. Самара занимала ведущее положение в городской торговле Среднего Поволжья, это характеризовалось быстрым развитием лавочной торговли. Это объясняется тем, что она являлась крупным речным портом, торговля в котором дополнялась торговлей по железной дороге. Для неё была характерна торговля на базарах и ярмарках. Уже во второй половине XIX в. в Самаре насчитывались 7 базаров и 3 ярмарки, функционирующие по сезонам [8, с. 83]. Данная архаичная форма продолжает существовать и в XXI в., представляя определенный территориальный участок небольшого города как место встреч спроса людей и образуя пространство социально-экономического взаимодействия. Интересно композиционное решение одной из фотографий данной серии (фото 3). Пересечение плоскостей зеркала и фона создает образ порванной материи окружающей среды, лишая прохожего очертаний его тела, реконструирует единство образа природного ландшафта.

Фото 2. Елена Елеева. Из серии «Шоппинг».
Источник: Елеева Елена. Молчание [Электронный ресурс].
URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=11210

Фото 3. Елена Елеева. Из серии «Шоппинг».
Источник: Елеева Елена. Молчание [Электронный ресурс].
URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=11210

Анализируя социокультурные основания региона, можно сделать вывод, что по социокультурной типологии регионов, предложенной Н. И. Лапиным, Самарская область близка к такому базовому типу, как функционально сбалансированный, многоаспектно поддерживающий человека [7]. Современные самарские фотографы обращаются к самым наиболее простым деталям реальности, превращая их во что-то особенное, применяя особые эмоциональные и изобразительные средства.

Дарья Асланян (род. 1983) – фотожурналист и фоторедактор портала «Такие дела» (г. Москва), член Союза фотохудожников с 2005 г., победительница международного фотоконкурса «Прямой взгляд» 2016, 2018, 2021 гг., финалистка премии World Report Award 2018 и др. В своей работе она фокусируется на социальных проблемах, рассматривает исторические и политические процессы в российском обществе, а также исследует социальные, культурные и экономические проблемы отдаленных регионов России.

Для Дарьи Асланян пространство небольшого города предстает местом для самотерапии, где в пересечении маленьких улиц, неожиданных поворотов теряется нить размышлений, и на сцену выходит собственное Я. В своей серии «Город как терапия» [13] фотограф исследует скрытые уголки Самары, создавая лаконичные кадры, наполненные личными переживаниями. Так, на фото 4 черное пространство в правой части фотографии будто является собеседником задумчивого мужчины. Подчеркнутая фактура тела, как и на фотографии Елены Елеевой из серии «Молчание» [5] (фото 5), рассказывает о прошлом, татуировки – как сигнальные точки на пройденном пути.

Фото 4. Дарья Асланян. Из серии «Город как терапия».

Источник: Асланян Дарья. Город как терапия [Электронный ресурс]

URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=17197

Фото 5. Елена Елеева. Из серии «Молчание».
Источник: Елеева Елена. Молчание [Электронный ресурс].
URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=11210

Тишина и спокойствие, остановка, шаг вперед и город снова будоражит, шумит и уносит в другое измерение. Удаленность провинциальных территорий от центра и двух российских столиц иногда совсем не большая, но при этом все равно существует обособленность культуры этих мест. В провинциальных городах выражена ориентация жизни «вовнутрь», и проявляется замкнутость культуры этой территории. Подобное настроение замкнутости, ограниченности пространства отражено на фото 6. Фигура человека жестко вписана в область, очерчиваемую линиями спортивного сооружения. Пересечения перпендикулярных линий холодного металла «сжимают» пространство, одновременно рисуя его границы и обозначая протяженность.

В фотопроектах самарских авторов оригинальные композиционные решения сочетаются с максимально информативным. Передавая узнаваемые черты провинциальной среды и одновременно обозначая социальные проблемы, рассмотренные фотопроекты также обладают художественной ценностью, представляя собой прекрасный образец документальной фотографии.

Фото. 6. Дарья Асланян. Из серии «Город как терапия».
Источник: Асланян Дарья. Город как терапия [Электронный ресурс]
URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=17197

Таким образом, в современном мире визуальный образ становится не только лишь инструментом воспроизведения субъективной реальности фотографа, а начинает отображать культуру, социальные взгляды и социальную жизнь, нормы, идеологию, ценности, модные тенденции, статусные предписания и т. д. Исследование социокультурного портрета определенного региона в заданный период времени предполагает композиционный анализ фотографического изображения, поиск и описание культурных кодов, выявление сходства и различий образа жизни провинции и столиц в работах различных авторов.

Библиографический список

1. Дегтярева С. М. Теоретические основы применения социокультурного портрета для сравнительного анализа ментальности российских регионов // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХИГС. Серия: Экономика. 2015. № 2. С. 10–14.
2. Купцова И. Социокультурное пространство русской провинции // Обсерватория культуры. 2006. № 4. С. 36–39.
3. Мир русской провинции и провинциальная культура / отв. ред. Г. Ю. Стернин; худож. Р. П. Костылев. СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 139 с.
4. Регионы в России: социокультурные портреты регионов в общероссийском контексте / Институт философии. Центр изучения социокультурных изменений. Научно-координационный совет секции ФСПП ООН РАН «Проблемы социокультурной эволюции России и её регионов» / сост. и общ. ред.: Н. И. Лапин, Л. А. Беляева. М., Academia, 2009. 808 с.
5. Самарская область. Социокультурный портрет: монография / А. М. Исупов, И. В. Карпов, С. А. Мартышкин, В. М. Цлаф, Д. М. Шабунин / под ред. С. А. Мартышкина, Д. М. Шабунина. Самара: Из-во «Глагол». 2012. 272 с.
6. Сосна Н. Н. Фотография и образ: визуальное, непрозрачное, призрачное. М.: Новое литературное обозрение: Изд-во Института философии, 2011. 194 с.

7. Социокультурный портрет региона. Типовая программа и методика: материалы конференции «Социокультурная карта России и перспективы развития российских (регионов)». Москва, 27 июня – 1 июля 2005 г. / под ред. Н. И. Лапина, Л. А. Беляевой. М.: ИФРАН, 2006.
8. Тихонова Е. А., Алексушин Г. В. Уличная торговля в дореволюционной Самаре // Известия Института систем управления СГЭУ. 2020. № 2 (22). С. 81–83.
9. Хангалова М. С. К проблеме художественного отображения социальной действительности в российской фотографии XXI века // Молодой исследователь: вызовы и перспективы. 2021. Т. 20 (215). С. 23–29.
10. Хангалова М. С. Цвет и отсутствие цвета как инструменты в российской региональной фотографии начала XXI века // Цвет в пространственных искусствах и дизайне. Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции (25 октября 2021 г.). СПб.: СПГХПА им. А. Л. Штиглица, 2021. С. 375–382.
11. Шабунин Д. М. Мониторинг социокультурного развития Самарской области // «Инновационные подходы к обеспечению устойчивого развития социо-эколого-экономических систем»: материалы V Междунар. конф. 11–14 апреля 2018 г. Самара: СГЭУ – Тольятти – ИЭВБ РАН, 2018. С. 289–295.
12. Штомпка П. Визуальная социология = Sociologia wizualna: фотография как метод исследования: учебник для студентов высших учебных заведений, обучающихся по направлению (специальности) «Социология» / Петр Штомпка; [пер. с пол. Н. В. Морозовой]. М.: Логос, 2010. 150 с.
13. Асланян Дарья. Город как терапия. [Электронный ресурс]. URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=17197 (дата обращения: 10.12.2023).
14. Выставка Елены Елеевой «Дыхание города». [Электронный ресурс]. URL: <https://www.yarkiy.ru/statiy/vystavka-elenu-eleevo-dyhanie-goroda-527> (дата обращения: 10.12.2023).
15. Елеева Елена. Молчание. [Электронный ресурс]. URL: http://www.photounion.ru/Show_Album.php?anum=11210 (дата обращения: 10.12.2023).
16. Елеева Елена. Шоппинг. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.photounion.ru/show.php?fnum=139798> (дата обращения: 10.12.2023).

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ОРГАНОВ ВЛАСТИ И ОБЩЕСТВА

А. В. Евстигнеев

Договорные грамоты Великого Новгорода о Совете господ

В статье анализируются договорные грамоты Великого Новгорода касательно упоминаний о Совете господ. Сущность, полномочия, функции и даже наличие Совета господ в древнем Новгороде – все это является дискуссионным вопросом. Договорные грамоты, как исторический источник, очень хорошо отражают политическую структуру древнего Новгорода. Именно в договорных грамотах встречаются упоминания всех основных органов власти Новгородской республики. Приведены сопоставления различных упоминаний органов власти древнего Новгорода с Советом господ. Показаны возможные функции Совета господ в договорных грамотах.

The work is devoted to the analysis of the treaty documents of Veliky Novgorod for references to the Council of Lords. The essence, powers, functions and even the presence of the Council of Lords in Ancient Novgorod is a debatable issue. Contractual Letters, as a historical source, reflect very well the political structure of Ancient Novgorod. It is in the treaty documents that all the main authorities of the Novgorod Republic are mentioned. The article presents a comparison of various mentions of the authorities of Ancient Novgorod with the Council of Lords. The paper presents the possible functions of the Council of Lords in Contractual Letters.

Ключевые слова: Новгородская республика, древний Новгород, Совет господ, посадник, тысяцкий, бояре, вече, договорные грамоты.

Key words: Novgorod Republic, Ancient Novgorod, Council of Lords, posadnik, tysyatsky, boyars, veche, contractual letters.

Дискуссия о наличии Совета господ в Новгороде как о правительственном органе в изучении истории древнего Новгорода поднялась достаточно рано. Многие исследователи дискутировали о сущности, роли и функциях данного органа власти. А. И. Никитинский предполагал, что в его состав входили старые посадники и тысяцкие [3, с. 299–301]. В. Л. Янин в своем исследовании разделил понятия «300 золотых поясов» и Совета господа [5, с. 50]. П. В. Лукин отмечал, что данный орган власти был постоянно действующим [2, с. 15–27]. Высшие новгородские магистраты, в том числе посадник и тысяцкий, перед принятием каких-либо решений совещались с Советом господ. Также исследователь подчёркивает, что Совет господ был подчинен Новгородскому вече, и отмечает, что наличие Правительственного совета характерно также для городов-партнеров Новгорода по Ганзейскому союзу. Это, по мнению автора, говорит об отсутствии уникального политического строя древнего Новгорода и следовании общей европейской тенденции.

Представление о политической структуре древнего Новгорода нам могут дать договорные грамоты Новгорода. В них описываются различные органы власти, которые участвуют в принятии того или иного решения. Прямое упо-

минание Совета господ мы встречаем в грамоте Великого Новгорода Юрьеву 1421 г. [1, с. 100], где данный орган власти упоминается как «господа Великого Новгорода», в грамоте содержится важный вопрос – отказ от заключения мира до возмещения убытков, которые были нанесены новгородским купцам. В такой прямой формулировке Совет господ в новгородских грамотах встречается достаточно редко. Поэтому имеет смысл попытаться отнести и другие упоминания, которые также могут относиться к Совету господ.

К Совету господ также можно отнести упоминания «больших людей» в договорной грамоте Новгорода с ливонцами 1420 г. [1, с. 96]. Однако, стоит отметить, что «большими людьми» могли являться также крупные землевладельцы.

Помимо этого, Совет господ упоминается как «старейшие» в договорной грамоте Новгорода с тверским князем [1, с. 9]. Это же подтверждается тем фактом, что, судя по всему, в Совет господ входили бывшие (старые) посадники и тысяцкие. В связи с этим мы можем отнести упоминания «старейших Новгорода» в договорных грамотах к Совету Господ. Но стоит отметить, что под старейшими вполне могли подразумеваться кончанские старосты, которые также порой упоминаются в Новгородских грамотах.

Другую трактовку о составе Совета господ приводит П. В. Лукин в своей статье [2, с. 15–27]. Ссылаясь на отчеты ганзейских купцов, он указывает, что состав Совета включал в себя восемь человек: архиепископа, посадника, тысяцкого и пять кончанских старост. П.В. Лукин отмечает, что именно они, в отличие от старых посадников и тысяцких, были действующими должностными лицами.

Однако проведенный нами анализ договорных грамот Новгорода говорит о том, что старые посадники и тысяцкие составляли явно постоянно действующий орган, так как они часто упоминаются среди прочих политических институтов древнего Новгорода. В этой связи можно сделать вывод о том, что в Совет господ входили именно старые посадники и тысяцкие.

Четких и закрепленных функций у Совета господ не существовало. Помимо этого, большинство упоминаний Совета связано с ганзейскими документами, которые рассматривали преимущественно торговые споры. В этой связи крайне сложно сделать вывод о каких-либо других функциях Совета господ. Однако стоит отметить, что этот орган новгородской государственности являлся высшей инстанцией по отношению к посаднику или тысяцкому. В наиболее спорных вопросах высшие магистраты древнего Новгорода обращались именно к Совету. Хотя стоит отметить, что некоторые посадники и тысяцкие обращались напрямую к вече, который был высшей инстанцией по отношению к Совету, минуя господ Новгорода. Помимо этого, члены Совета, судя по всему, участвовали в дипломатических миссиях. Об этом сообщает ряд договорных грамот Новгорода с западноевропейскими государствами. При этом делегацию формировали именно старые посадники и тысяцкие, которые выступали от лица Новгорода. В частности, договорная грамота Новгорода с Ливонским орденом 1448 г. [1, с. 119] сообщает, что целый ряд старых посадников и тысяцких прибыли на переговоры с Рижским магистром для заключения торгового договора.

Проведя контент-анализ упоминаний Совета господ в договорных грамотах Новгорода, мы видим, что из 101 грамоты, которые посвящены договорным отношениям Новгорода с князьями, зарубежными странами и внутренним делам Великого Новгорода, Совет господ в составе старых посадников и тысяцких упоминается 18 раз. При этом большинство упоминаний относится ко второй половине XV в. Большая часть этих упоминаний (8 из 18) относится к договорам зарубежных стран с Великим Новгородом. Также примечателен тот факт, что если в грамоте упоминается вече, то Совет господ не упоминается. Это может подтверждать то, что Совет был более низкой инстанцией, чем вече. Именно поэтому если вопрос выносился на вече, то надобность вынесения его на Совет отпадала.

Если принять тот факт, что к Совету господ относится также упоминание старейших всего Новгорода, то в грамотах Новгорода содержится ещё восемь упоминаний Совета господ. Причем данные упоминания относятся к более раннему периоду. Упоминания старейших всего Новгорода в грамотах встречаются с XIII по XV в. Также стоит отметить, что в этих упоминаниях также существует определенная закономерность в отношении вече. Если грамота выносилась на вече, то старейшие в ней уже не упоминаются. Так, договорная грамота Новгорода с тверским князем 1303 г. [1, с. 15] содержит упоминания всех старейших Новгорода, а предыдущая договорная грамота с тверским князем за 1301 г. [1, с. 13–14] содержит лишь упоминание вече.

Таким образом, из 101 грамоты Великого Новгорода Совет упоминается 26 раз. При этом упоминания охватывают практически весь период существования Новгородской республики – со второй половины XIII в. до второй половины XV в. Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что Совет господ был постоянно действующим органом, который возник в Новгороде достаточно рано. Также стоит отметить, что основной состав Совета составляли бывшие посадники и тысяцкие. Совет решал наиболее важные вопросы республики – торговые дела, вопросы мира, договоры с князьями. При этом Совет оставался подвластен вече, которое являлось более высокой инстанцией принятия решений.

Достоверность информации грамот подтверждают и другие источники, в том числе археологические и нумизматические [4, с. 47–50; 6, с. 23–37].

Библиографический список

1. Валк С. Н. Грамоты Великого Новгорода и Пскова. М.: Академия наук СССР, 1949. 345 с.
2. Лукин П. В. Существовал ли в средневековом Новгороде «Совет господ»? // Древняя Русь № 3 (45). 2011. С. 15–27.
3. Никитский А. И. Очерки из жизни Великого Новгорода. СПб., 1869. 516 с.
4. Травкин С. Н. Монетные находки – источник по изучению истории северо-запада Восточной Европы в древности и раннем средневековье // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIV Всерос. науч. конф., 10 марта 2023 г. / отв. ред. С. В. Степанов. Вып. 14. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 47–50.
5. Янин В.Л. Проблемы социальной организации Новгородской республики // История СССР. № 1 (1). 1970. С. 30–54.
6. Янин В. Л. Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2019 г. (Троицкие раскопы) / В. Л. Янин, Е. А. Рыбина, Л. В. Покровская, В. К. Сингх, А. М. Степанов, Е. А. Тянина // Новгород и Новгородская земля. История и археология: материалы 34 науч. конф., посвящ. памяти Е. Н. Носова. В. Новгород, 2021. С. 23–37.

Интеграция татарских ханств Поволжья и Западной Сибири в символическое прошлое и настоящее Московского царства: первые идеи столичных чиновников

В статье анализируются стратегии коммуникативной (символической) интеграции завоеванных татарских ханств Поволжья и Западной Сибири в социально-политическое пространство Московского царства. Выделяются несколько стратегий, которых придерживались московские чиновники в первые десятилетия после интеграции Поволжья и Западной Сибири: «право сильного», идея «христианского освобождения земель», воссоединение некогда единого золотоордынского пространства под властью нового «центра силы».

The article analyzes the strategies of communicative (symbolic) integration of the conquered Tatar khanates of the Volga region and Western Siberia into the socio-political space of the Muscovite kingdom. Several strategies are highlighted that were followed by Moscow officials in the first decades after the integration of the Volga region and Western Siberia: “the rule of the strong”, the idea of “Christian liberation of the lands”, the reunification of the once united Golden Horde space under the rule of a new “center of power”.

Ключевые слова: Сибирь, Поволжье, колонизация Сибири, историческая политика, центр и регионы России.

Key words: Siberia, Volga region, colonization of Siberia, historical politics, center and regions of Russia.

Интеграция татарских ханств Поволжья и Западной Сибири в социально-политическую ткань Московского царства – один из ключевых эпизодов российской истории, предопределивший не только «евразийский» характер отечественной государственности, но и специфику символического оформления новых регионов в общенациональный исторический нарратив. Уже в первые десятилетия после завоевания Поволжья и Западной Сибири московские чиновники формулируют некоторый набор простых идей, призванных легитимизировать и символически оформить восточную экспансию как для внутренних, так и для внешних адресатов.

Первая идея в своем основании имела «право сильного»: восточная экспансия Московского царства и последующая интеграция татарских ханств согласно этому нарративу оказалась возможной и состоялась потому, что Московское царство попросту могло себе позволить такую военно-политическую стратегию. Не особенно вдаваясь в детали, московское правительство продвигало идею о сильной армии, успешных военных стратегиях, преувеличивало численность русских войск в Зауралье (особенно обострился этот процесс в период слабости государства в так называемое Смутное время). Иностранцы, описывающие Московское царство, однозначно характеризуют транслируемый им характер удержания Сибири как репрессивный. Так, Джильс Флетчер в качестве причины удержания Сибири называет такую: «в Сибири... построено несколько крепостей и поставлены гарнизоны, в числе около шести

тысяч солдат» [9, с. 29]. Численные характеристики русских побед гипертрофируются: так, итогом финальной битвы с Кучумом в инструкции послам в Англию 1600 г. называется пять тысяч убитых и триста пленных князей и мурз [10, с. 202]. Наконец, иностранным посланникам демонстрируют пленных сибирских царевичей и мурз [9, с. 328].

Вторая идея символического оформления восточной экспансии Московского царства также была универсальной, понятной с теми или иными оговорками как внутренней, так и внешней аудитории, – это идея «христианского освобождения земель». Это и неудивительно: в условиях фактического отсутствия стойкой национальной самоидентификации именно религиозная принадлежность в XVI–XVII вв. являлась ключевой идеей, «цементирующей» общество [12, с. 603]. Кроме того, естественно, сфера политики в рассматриваемый период трудноотделима от религии и морали [5, с. 7]. Оформившись в первые же месяцы после похода Ивана IV по отношению к Казани в речи митрополита Макария, эта идея со значительной задержкой была применена и к Сибири.

Идеи символического осмысления восточной экспансии Московского царства как противостояния между христианской и мусульманской цивилизациями активно прорабатываются в конце XVI – начале XVII в. и появляются в летописях (Никоновская, Воскресенская, «Летописец начала царства», Львовская) и исторической публицистике (произведения А. Курбского и «Казанская история») [3, с. 104]. Аналогичной версии придерживалась и Церковь. Например, в Житии царя Федора Ивановича, написанного патриархом Иовой в 1598 г., основное действие похода в Сибирь описывается однозначно: «... и тамо нестистья и бесовския службы вся разорив и грады многие возгради и православными христианы вся насеи» [7, с. 34].

Постепенно складываются и иные, более сложные по своей внутренней логике нарративы исторической политики. Одним из таких нарративов является идея о восточной экспансии Московского царства как процессе воссоединения некогда единой Золотой Орды под властью нового правителя и нового центра политической силы. Прямо и без оговорок об этом нарративе как осознанной коммуникативной стратегии Московского царства в своих работах упоминают немногие историки, в основном работавшие за рубежом. Так, Р. Пайпс писал, что факт признания Москвой своими вотчинами Казанского, Астраханского и Сибирского ханств «могло означать лишь одно – он смотрел на себя как на наследника Золотой Орды» [8, с. 105]. Этот вывод созвучен тезису Г.В. Вернадского, который отмечал, что «с основанием в 1452 г. вассального татарского княжества в Касимове, Москва продемонстрировала, что она принимает на себя роль наследника Золотой Орды» [2, с. 21].

Нам пока неизвестны источники, где царь Иван IV прямо выводил бы свою родословную от Чингизидов (по аналогии со знаменитым «Сказанием о князьях Владимирских»). Однако примеров, когда такая идеологема подспудно продвигается для тех или иных целей, существует достаточное количество. Так, в Есиповской летописи встречается фраза: «И царь Чингис умер бездетне, только

имел единственную дочь. И по своей смерти приказал все свое имение зятю и дочери» [6, с. 16]. Речь идет о Западной Сибири, которую, по этой легенде, Чингисхан завещал «сибирскому» Тайбуге, «скрепив» это браком со своей дочерью. С точки зрения современного исследователя, это кажется абсурдом, однако легенда о бездетности Чингисхана встречается в русских летописях не раз. Например, в «Подлинном родослове Глинских князей» первой половины XVI в., которым обосновывалось прямое родство Глинских с Чингисханом [9, с. 202]. Понятно, что такие построения в отношении Западной Сибири решают ситуативную практическую задачу: обоснование нелегитимности прав Кучума на Сибирский юрт [4, с. 43]. А отсюда с точки зрения выстраивания стройной идеологии «Сибирского взятия» всего лишь шаг до обоснования исконных прав московских царей на Сибирь. Так, уже в августе 1585 г. в инструкции русским послам в Швецию формируется следующая официальная позиция относительно событий в Зауралье: «А нечто спросят про Сибирь, а хотя и не спросят, и имь в розговорахъ про Сибирь говорити, что на Сибирскомъ царстве цари сидели изъ рукъ государей нашихъ прежнихъ и дань давали государям нашимъ, а последней Сибирской Кучюмъ царь посаженикъ был на Сибири изъ рукъ государя нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Ивана Васильевича всеа Русии» [11, с. 313]. Итак, шейбанид Кучум получает власть из рук московского царя – не это ли прямо высказанная претензия на признание за Иваном Грозным равных прав с чингизидами?

Эти построения обосновываются только косвенными доказательствами, однако нам известны факты, когда нарратив о Москве как новом «центре силы» на постзолотоордынском пространстве разделяют и адресаты таких сообщений. Так, в отписке Иш-Мирзы от 27 мая 1614 г. царь Михаил именуется «Великим Царем и Ханом и Великим Князем Михаилом Федоровичем» [1, с. 443]. Из нарратива о преемственности Московского царства Золотой Орде логически следует идея возвращения «исконных земель». Действительно, если Москва претендовала на политическое доминирование и даже преемственность к прежней верховной власти в Золотой Орде, то всю восточную экспансию XVI в. можно было интерпретировать как возвращение «исконных земель».

Таким образом, в первые десятилетия интеграции Поволжья и Западной Сибири в Московское царство столичные чиновники формулируют несколько лаконичных идей символического оформления этого процесса: «право сильного», идея «христианского освобождения земель» и более сложный по своей внутренней логике нарратив «возвращения исконных земель», который логически следовал из идеи о преемственности Московского царства Золотой Орде.

Библиографический список

1. Акты исторические, собранные и изданные археографической комиссией: в 5 т. с доп. и указ. СПб., 1841–1872. Т. 3: 1613–1645. СПб., 1841. 501 с.
2. Вернадский Г. В. Русская история. М.: АГРАФ, 1997. 542 с.
3. Измайлов И. Л. Основные концепции завоевания Казанского ханства в отечественной историографии: между идеологией и наукой // Новое прошлое / The New Past. 2022. № 1. С. 102–118.

4. Исхаков Д. М. Сибирский юрт в конце XV века – начале 1560-х гг.: ханство или княжество? // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 43–47.
5. Кром М. М., Пименова Л. А. Феномен реформ в Европе раннего Нового времени // Феномен реформ на западе и востоке Европы в начале Нового времени (XVI–XVIII вв.) СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2013. С. 7–16.
6. Маслюженко Д. Н. Сибирская княжеская династия Тайбугидов: истоки формирования и мифологизации генеалогии // Средневековые тюрко-татарские государства. 2010. № 2. С. 9–21.
7. Морозова Л. Е. Смута начала XVII века в сочинениях современников. М.: Кучково поле, 2017. 654 с.
8. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 1993. 424 с.
9. Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск: Русич, 2003. 403 с.
10. Сборник Императорского Русского Исторического Общества: в 148 т. Т. 38. Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Т. 2: Памятники дипломатических сношений Московского государства с Англией с 1581 по 1604 год. СПб., 1883. 493 с.
11. Сборник Императорского Русского Исторического Общества: в 148 т. Т. 129: Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными: Памятники дипломатических сношений Московского государства со Шведским государством: Ч. 1: 1556–1586 гг. СПб., 1910. 585 с.
12. Шерстова Л. И. Аборигенная политика Московского царства в Сибири в XVII в.: евразийский аспект // Сибирский сборник. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 601–612.

А. Г. Нечаев

Общая характеристика судебной системы на территории Выборгской губернии в первой половине XIX в.

Согласно Ништадтскому мирному договору территории Выборгско-Нейшлотского и Кексгольмского лёна присоединились к Российской империи, образовав Выборгскую провинцию. Договор гарантировал сохранение городского самоуправления и свободу вероисповедания в регионе. Шведскую судебную систему не отменяли, возникшие противоречия двух законодательных институтов на одной территории создавали многочисленные проблемы в управлении Выборгской губернии.

According to the Nystadt Peace Treaty, the territories of the Vyborg-Neishlot and Kexholm fiefs joined the Russian Empire, forming the Vyborg province. The treaty guaranteed the preservation of city self-government and freedom of religion in the region. The Swedish judicial system was not abolished; the contradictions that arose between two legislative institutions on the same territory created numerous problems in the management of the Vyborg province.

Ключевые слова: Выборгская губерния, право, судебная система, герадский суд, лагманский суд, гофгерихт, Юстиц-коллегия.

Key words: Vyborg province, law, judicial system, geradsky court, lagman court, hofgericht, justice college.

Сложность в изучении судебной системы на территории старой Финляндии первой половины XIX в. обоснована разрозненностью документальных ис-

точников и их распределением по архивам двух стран. Значительное препятствие для реконструкции событий Выборгской губернии – это наличие трех языков делопроизводства. Герадский и лагманский суды вели дела на шведском языке, провинциальная канцелярия – на немецком и русском, в судах одновременно использовались документы на шведском, немецком и русском языках.

Специфической особенностью судебной системы в Выборгской губернии являлось руководство местным (преимущественно шведским) законодательством XV – начала XVIII в. и церковным правом в своей деятельности, а не российским (общеевропейским) законодательством.

Шотландский судья Уильям Рей Уилсон в книге «Travels in Russia», вышедшей в 1828 г., отмечал: «Можно сделать вывод, что не так много граждан склонны вступать в судебные тяжбы, – если таковые вообще имеются. Я не знаю, почему они потворствуют такому положению, ибо суды отсутствуют, все юридические дела решаются полицией: и должно ли это обстоятельство вызывать споры относительно той степени цивилизации, которой они достигли, но, по крайней мере, это убедительное доказательство их простоты и простых прямолинейных сделок» [1, с. 149].

Взгляд путешественника на судебную систему Выборгской губернии имеет под собой весомые основания. Суды на местах работали в определенные периоды, территориальная удаленность между инстанциями, бюрократические сложности из-за разных языков, особенно для русского населения – всё это объясняет желание обращаться к судопроизводству в исключительных случаях.

Судебная система, унаследованная со времен шведского правления, имела свою управленческую иерархию.

Суд первой инстанции назывался герадским, Häradsrätt, или районным и находился в сельской местности. Заседателями являлись «лучшие и умнейшие из крестьян» [4, л. 55] местного кирхшпиля (церковного прихода), и рассматривали они дела своих земляков. Разбирать гражданские и уголовные тяжбы собирались дважды в год, осенью и зимой, продолжительность заседаний – две или три недели [4, л. 55].

В своем отчете за 1824 г. выборгский губернатор Отто Вильгельм Кликовстрем жаловался генерал-губернатору Финляндскому на низкую эффективность герадских судов. Во-первых, он считал, что «накопившиеся за год дела» требуют больше времени, установленных сроков для заседаний не хватает. Во-вторых, обвинял сотрудников судов в том, что они пьянствуют, а не работают: «Вместо того чтобы тратить время на полезные занятия, они большую часть времени тратят на завтраки, пьянство и скитания, что приводит к судебным убыткам». В-третьих, он указывал на несоблюдение принятых решений: «поселяне губернии сей вовсе не знают законов... столь же мало выполняют решения, вступивших в силу законов, сколь и не склонны платить долги без суда» [5, л. 22].

По земельным вопросам в обязанности герадских судов входил только сбор информации о владельцах земли и описание причин споров, далее дела передавались в провинциальную канцелярию при губернаторе в г. Выборге.

Районные суды могли решать конфликты только тогда, когда стороны заявляли о примирении.

После герадского суда документ переходил в суды второй апелляционной инстанции, первым из которых был лагманский, *Lagmansrätt*, или губернский суд, он располагался в трех городах Выборгской губернии: Выборге, Кексгольме и Вильманстранде. В лагманском суде рассматривали апелляции и разбирали неразрешенные сельскими судьями гражданские и уголовные дела. Заседания проходили в течение зимы [4, л. 55–56].

В обязанности высшей апелляционной инстанции входило рассмотрение жалоб на неправильные действия местной администрации, на решения и приговоры сословных судов. Высший апелляционный суд находился в Санкт-Петербурге, до 1802 г. это была Юстиц-коллегия лифляндских, эстляндских и финляндских дел (далее – ЮК ЛЭФ) [4, л. 55] и Правительствующий сенат. С 1802 по 1811 г. полномочия остались только у Сената. Отсутствие выстроенного взаимодействия между высшими судебными инстанциями замедляло процесс судопроизводства.

Так, в 1790 г., во время войны со Швецией, провиантская контора была вынуждена требовать припасы у местного населения. Провиант был отдан добровольно, но герадский суд постановил компенсировать затраты. Губернатор поддержал решение и обратился с просьбой в правительство. Только в 1805 г. приступили к рассмотрению этого дела и спустя год выплатили компенсацию. Продолжительность дела составила 16 лет! [8, л. 10].

В своей статье М.А. Приходько отмечал: «Специфика ведения и порядка делопроизводства ЮК ЛЭФ способствовала в значительной степени консервации автономного положения данной коллегии, находящейся в стороне от административных преобразований, проводимых в Российской империи, и системы центральных государственных учреждений» [3, с. 3].

«Горный департамент не имеет у себя законов, в старой и новой Финляндии существующих», – так писал управляющий горным департаментом в 1810 г. [6, л. 21]. Из-за этого ведомство, например, несколько лет не могло разрешить графине Орловой-Чесменской строительство чугунолитейного завода и даже не знало, кто точно владеет горными приисками [6, л. 22]. Пример указывает еще на одну проблему – отсутствие понимания законов, действующих в Выборгской губернии: российские чиновники не стремились их изучать, ведь сами они юридически подчинялись общероссийским законам, а грамотных специалистов было мало.

В 1811 г. Финляндская губерния была присоединена к автономному Великому княжеству Финляндскому, судебные полномочия перешли под юрисдикцию Абовского гофгерихта, *Hovrätt*, или «надворного суда» – территория современной Финляндии в городах Або (Турку) и Ваза (Вааса).

В 1839 г. полномочия верховного суда были возложены на Выборгский гофгерихт. Одной из причин открытия гофгерихта стала необходимость более оперативного рассмотрения дел. В гофгерихте проходил полный и окончательный суд, проверять его решения мог только Сенат [4, л. 56].

В Выборгской губернии для жителей шести городов действовал единственный камерерский суд в г. Выборге, *Kännärsrätt*, – низший городской суд. В 1849 г. он был заменен ратгаузным судом.

Заседания камерерского суда проходили три раза в неделю, разбирали уголовные и гражданские дела и были подчинены городским магистратам. В обязанности магистратов входило:

- помогать подавать жалобы в ЮК ЛЭФ и давать пояснения по апелляции, проводить проверку документов;

- принимать решения о переносе дел в высший суд или об его окончательном решении;

- решать дела о гражданских промыслах, споры об аренде жилья, описи имений, долгах, конкурсные дела горожан недворянского происхождения, вопросы, связанные с морским правом [4, л. 107].

В деле купца И. Брокмана, в 1816 г., во время торгов по шведским законам за долги продали его имущество вместе с домом, который не был заложен. Претензия жены была отклонена в магистрате [9, л. 13].

В рассмотрении споров населения других городов, принятое решение выборгский суд передавал местной администрации для окончательного вынесения приговора [4, л. 56].

Некоторые приграничные кирхшпили находились в юрисдикции герадских судов на территории Швеции. Показателен эпизод с жалобой ратмана (судьи) из Нейшлота Родионова о неправильном взыскании с него податей шведским духовенством на содержание кирхи. Ратман владел землями на российской половине рандесальмского кирхшпиля, будучи православным, он, выполняя все повинности своего прихода, не платил налог в лютеранскую церковь, за что был подвергнут экзекуции в 1804 г. В ответ на его жалобу Министерство иностранных дел Российской империи указало на законность действий по шведскому праву. Оплата податей не зависела от вероисповедания человека и от того, что он проживал на российской территории: сбор рандесальмскому духовенству платить должны все владеющие гейматами на землях кирхшпилей [2, с. 103–104].

В судах было много дел, связанных с конфликтными ситуациями землевладельцев с крестьянами. Разбирательства длились годами и зачастую так и оставались нерешёнными. Введение подушного налога на присоединенной Петром I территории не отменило шведскую систему налогообложения. Основной формой крестьянского самоуправления в старой Финляндии был геймат – крестьянская ферма, куда входила усадьба крестьянина с принадлежащими ему пашнями и лугами [7, л. 21], и которая облагалась налогом по шведским законам: «Крестьяне в сей губернии состоят на особенных шведских правах и за работные дни и подати платят не с души, а с гейматного тягла». Данная подать взималась в виде поземельного налога – мантала [7, л. 21]. Правительство принимало компромиссные решения, пытаясь удовлетворить требования землевладельцев и крестьянства, но конфликты возникали постоянно. Шведская система землепользования, построенная на регулярном обновлении, не менялась на тер-

ритории Выборгской губернии, постепенно превращаясь в непреодолимое состояние застоя.

Двойственность судебной системы была камнем преткновения для местных властей и обременением для населения. Перегруженные многочисленными делами суды функционировали крайне медленно и малопродуктивно. Действие общеимперских законов в Выборгской губернии только увеличивало количество конфликтов, бюрократических проволочек, что в целом способствовало низкому качеству управления.

Библиографический список

1. Wilson Rae William. Travels in Russia. Vol II. London: A&R. Spottiswoode, 1828. 344 p.
2. Нечаев А. Г. Старая Финляндия начала XIX в. в условиях приграничной неустойчивости // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIII Всерос. науч. конф. / отв. ред. С. В. Степанов. Вып. 13. СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2022. С. 45–50.
3. Приходько М.А. Юстиц-коллегия Лифляндских, Эстляндских и финляндских дел и административные реформы в Российской империи в первой трети XIX века (историко-правовой аспект) // Историко-правовые проблемы: новый ракурс. 2011. № 4. Ч. II. С. 217–227.
4. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1341. Оп. 1. Д. 281.
5. РГИА. Ф. 1361. Оп. 2. Д. 36.
6. РГИА. Ф. 37. Оп. 3. Д. 77.
7. РГИА. Ф. 560. Оп. 6. Д. 73.
8. РГИА. Ф. 576. Оп. 15. Д. 1729.
9. РГИА. Ф. 18. Оп. 10. Д. 33.

Е. В. Дорджиева

Власть в системе политических представлений калмыков в XVIII – начале XX в.

Важное место в системе политических представлений народов России занимал образ центральной власти. Он был результатом сложившихся взаимоотношений между политической системой империи и подданными народами. На формирование этого образа оказали влияние ценностные установки традиционной культуры. На его основе строилось поведение, реализующееся в поддержке или отторжении власти. Эти сюжеты рассмотрены в статье на примере калмыков.

The image of the central government occupied an important place in the system of political ideas of the peoples of Russia. It was the result of the established relationship between the political system of the empire and its subject peoples. The formation of this image was influenced by the values of traditional culture. On its basis, behavior was built, realized in support or rejection of power. These stories are discussed in the article using the example of the Kalmyks.

Ключевые слова: образ власти, калмыки, политическое восприятие, этническая политика, политические представления.

Key words: image of power, Kalmyks, political perception, ethnic policy, political ideas.

В XVIII – начале XX в. взаимоотношения центральной власти и калмыков развивались в рамках имперской асимметрии «центр-периферия». Благосклонность правительства, принявшего прикочевавших в междуречье Волги и Яика в 1630-х гг. калмыков, объясняется прагматичным намерением использовать военную силу кочевников в обороне занятого ими региона. Возникшее благодаря централизаторским усилиям торгоутских тайшей в конце XVII в. Калмыцкое ханство являлось квазигосударством в составе России, объединением кочевых племен с этноплеменной иерархией, устойчивостью которой придавали военные успехи и престижная экономика. Первоначально правительство мало вмешивалось во внутренние дела калмыков, довольствуясь привлечением их к участию в военных походах и охране юго-восточных границ. По мере укрепления государства в правительственном курсе по отношению к калмыкам произошли изменения, направленные на ограничение внешней политики и ускорение интеграции. Игнорирование связи калмыков с буддийским миром обернулось для центральной власти исходом части калмыков в Китай. С окончательной ликвидацией Калмыцкого ханства и оформлением системы попечительства в общественном сознании сформировался новый образ местной власти, изменилась его субъектность. Верховная власть наряду с императором стала ассоциироваться с законом. Калмыцкая поговорка гласила: «Власть держится на законе, а железо – на гвоздях» («Йосн цаажд бэргднэ, төмр хадаснд бэргднэ»). Под влиянием революционной волны в начале XX в. возросла политическая зрелость калмыков, способность оценивать происходящие в политике процессы, повысилась политическая активность (движение за перевод калмыков в казачество, за создание национального правительства).

Теоретико-методологическую базу работы составили труды по потестарной имагологии, отправной точкой которой явилось изучение внешних аспектов власти в знаменитых работах М. Блока [8], П. Э. Шрамма [23], Э. Х. Канторовича [14]. Отечественные исследователи сделали первые потестарные имагологические наблюдения при изучении истории «бунташного» века [15; 21; 22]. О многообразии комплексных образов власти дают представления работы М. А. Бойцова [9]. В последние годы предприняты успешные исследования ритуалов и церемоний, с помощью которых происходила репрезентация верховной власти [20], системы представлений, обуславливавших восприятие верховной власти подвластными народами [18].

В отечественной историографии традиция исследования образа верховной власти в восприятии калмыков ограничивается работами В. В. Трепавлова [17] и Е. В. Дорджиевой [12]. В настоящей статье исследуются эволюция в общественном сознании образа власти, факторы, определяющие характер его восприятия, связь между реальной политикой и общественным сознанием. Изучение народных представлений о власти осуществлено посредством структурно-функционального и семантического анализа писем калмыцких ханов и нойонов (владельцев улусов – Е. Д.) российским правителям, делопроизводительных документов, заметок этнографов и путешественников, калмыцких пословиц.

В общественном сознании калмыков институт верховной власти играл важную роль, о чем свидетельствуют многочисленные ссылки в источниках на «волю» великого государя. Так, внук хана Аюки нойон (владелец улуса – Е. Д.) Досанг, пострадавший в ссоре с братьями из-за отцовского наследства, писал 1 января 1725 г. Петру I: «отдаюся в волю вашу всемилостивейший государь» [1, л. 54]. Анализ структуры образов власти продемонстрировал такую когнитивную характеристику образов, как сложность. В сознании образы власти ясны, четки, субъектны. Формированию субъектного образа власти в сознании калмыков способствовала эффективная коммуникация имперской власти, осуществляемая посредством депутатий, жалований и ритуалов. Верховную власть калмыки олицетворяли с монархом. В народном сознании она связана с сакральными ценностями. Еще в XVI–XVII вв. у калмыков распространилось наименование царя «белым». Например, в письме тайши Лузана, адресованном царю Михаилу Федоровичу в 1642 г., встречается обращение «Великий Белый хан [и великий] Князь» [6, л. 112.]. В XVIII – начале XX в. эта традиция сохраняется. Письмо хана Аюки Петру I в 1710 г. начинается со слов: «Божиею милостью великий государь, белый царь...» [16, с. 276]. В «Краткой истории калмыцких ханов» говорится, что торгоутский правитель Хо-Урлюк занял земли от Урала до Волги, от Астрахани до Самары, принадлежащие Цаган Хану (Белому Царю) [13, с. 52]. Калмыцкая пословица, посвященная уходу в Джунгарию в 1771 г., гласит: «ушли от веревочной узды белого царя и попали в железный намордник китайских мандаринов».

Монарх выступал в общественных представлениях в качестве абсолютной ценности. А.И. Воронцов записал рассказанную помощником попечителя улуса историю, как поставили на место зарвавшегося человека, отказавшего принимать угощение калмыков: «Все люди сотворены одним Богом... Сам сын Царя (покойный Цесаревич и Великий Князь Николай Александрович) ел из наших чашек наше кушанье, пил калмыцкий чай и аршьян (освященная вода – Е. Д.). Он, верно, поумнее вас невеж» [10, № 7, с. 12–13].

В общественном сознании существовало представление о прямой зависимости личного благосостояния человека от «государевой милости». В большей степени это характерно было для калмыцких правителей и нойонов, где взаимосвязь выражалась материально в форме жалованья. Так, Джал в письме императрице Елизавете Петровне в 1750 г., сообщая о сокращении денежных выплат, своих военных заслугах и службе своего отца Солом-Доржи, просил производить ему жалованье в прежнем размере [5, л. 48 об.-49]. Вместе с тем и простолюдины связывали свои надежды с царем. Старый больной калмык интересовался у помощника попечителя улуса: «Будет ли Царь (Государь Император Александр Николаевич) в Тюменевке?» «Я, говорил он, прослужил 35 лет, теперь стал стар, работать не могу, а есть еще хочется. Если я подам бичик (прошение – собственно письмо) Царю, мюнгюн (денег) даст Он мне? Когда я был сторожем в Улусном Правлении, мне главный попечитель дал однажды гурбун (три) монет... Если же Царь не даст денег, то мне хоть бы посмотреть только на Него, а после этого я и умру спокойно...» [10, № 9, с. 11].

Для калмыка независимо от сословной принадлежности было приятно похвалиться какой-либо «государевой милостью». Нойон Дамрин-Бамбар в 1732 г. просил императрицу Анну Иоанновну: «Тако ж пожалуйте мне вашего величества милостивой указ, который я для сохранения при себе иметь буду и сие мне за великое жалованье причтется» [2, л. 30–31]. В доме нойона С. Тюменя после его смерти в числе украшений на стене в особой рамке за стеклом располагались «пригласительные билеты и объявления о торжествах по случаю коронации 1856 года», на которой присутствовала депутация калмыков [17, с. 345]. Иконизации облика власти служили изображения монарха. В кибитке зайсанга М-кова, как писал А. И. Воронцов, рядом с бурханами находились фотографии императорской семьи [10, № 8, с. 11]. В доме нойона С. Тюменя, по свидетельству К. П. Победоносцева, на стене располагались портреты императора, императрицы и наследника [17, с. 344]. В семантическом плане такой иконизм не был выражением глубокой привязанности к монарху, а рассматривался как знак особого расположения, намекающий на особую близость хозяина к первому лицу.

Религия калмыков закрепила формирование образа монарха как «помазанника божьего». О сакрализации правителя свидетельствует обращение наместника ханства Церен-Дондука к императрице Анне Иоанновне: «От бога созданная и в пространстве все светящая и десятию странами обладающая, великие государь и государыня, подобная единому первоначальствующему белому месяцу, множеством звезд собранием окруженному, над многим множеством российского народа и иными множайшими подданными самодержавствующая монархиня, обладающая же в неприятельство жестокими и склонными и иными искусными способы к тишине приводящая верные же свои подданные все народы, аки мать питающая, и распространяющая государыня и мать» [4, л. 48–50]. Обожествление фигуры монарха в народном сознании сохранилось в начале XX в. В 1909 г. в Астраханском вестнике по поводу представления депутации калмыков императору Николаю II сообщалось, что «по верованию широких народных масс монголо-калмыков, русские Белые цари являются воплощением одного из самых популярных божеств – буддоламайского культа «Гетельгекчи – Дара – эке», т.е. избавительницы рода человеческого от страданий материального мира, богини высшей мудрости, любви и милосердия» [11, с. 3].

Признание калмыками особого статуса монарха выражалось с помощью ритуала «государева чаша»: первая и последняя чарка поднимались за здоровье государя, символизируя преданность и почтение. Так, барон Ф. А. Бюлер сообщал, что на приеме у князя С. Тюменя «За обедом поднимали тосты за здоровье Ноин Цаган хана (императора – Е. Д.), тезоименитого наследника и всей августейшей фамилии» [7, л. 35].

Помимо базовых представлений общества о сущности и функциях власти образ верховной власти включал конъюнктурные представления: ожидание от конкретной власти определенных социально-политических действий, что позволяет сопоставить взаимообусловленные реальные и идеальные образы вла-

сти. Позитивное отношение к доимперскому периоду развития русско-калмыцких отношений, атрибуты, приписываемые прежней власти, сказались на выборе атрибутов, приписываемых «идеальной» власти. «Идеальная» власть в сознании калмыков проявляла заботу: не покушалась на автономию ханства, просторные кочевья, лояльно относилась к традиционному вероисповеданию, гарантировала безопасность.

Таким образом, главной особенностью общественных политических представлений калмыков была сакрализация монарха. Установки на власть в XVIII – начале XX в. изменялись под влиянием контекста политических событий. На формирование образов власти существенное влияние оказали традиции национальной политической культуры и особенности психологии калмыков: персонализация власти, стойкий этатизм, потребительское отношение к государству и его институтам.

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (далее – АВПРИ). Ф. 119. Оп. 1. Д. 20.
2. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 22.
4. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 1. Д. 2.
5. АВПРИ. Ф. 119. Оп. 2. Д. 15.
6. Российский государственный архив древних актов (далее – РГАДА). Ф. 127. Оп. 1. Д. 1.
7. РГАДА. Ф. 186. Оп. 1. Д. 88.
8. Блок М. Короли-чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и в Англии. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. 712 с.
9. Бойцов М.А. Величие и смирение. Очерки политического символизма в средневековой Европе. М.: РОССПЭН, 2009. 550 с.
10. Воронцов А. И. Несколько дней пребывания моего в Тюменевке // Астраханские епархиальные ведомости. 1876. № 6–10, 12–13.
11. Депутация от калмыков // Астраханский вестник. 1909. 24 февраля. С. 3.
12. Дорджиева Е. В. Центральная власть и традиционная калмыцкая элита в Российской империи в XVIII – начале XX века // Регионология. 2008. №2. С. 300–311.
13. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. Элиста, [б. и.], 1969. 203 с.
14. Канторович Э. Х. Два тела короля. Исследование по средневековой политической теологии. 2-е изд., испр. / пер. с англ. М. А. Бойцова и А. Ю. Серegiной. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 752 с.
15. Лукин В.Б. Народные представления о государственной власти в России XVII века. М.: Наука, 2000. 294 с.
16. Материалы по истории Башкирской АССР. Ч. I / ред. Н. В. Устюгов. М., Л.: Издательство АН СССР, 1936. 631 с.
17. Победоносцев К. П., Бабст И. Письма о путешествии государя наследника цесаревича по России от Петербурга до Крыма. М.: Тип. Грачева и комп., 1864. 578 с.
18. Трепавлов В. В. «Белый царь»: Образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. / Институт российской истории РАН. М.: Восточная литература, 2007. 255 с.
19. Трепавлов В. В. Российское подданство калмыков в ритуалах и символах (из истории этнической политики XVII–XIX вв.) // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 8–19.

20. Трепавлов В. В. Символы и ритуалы в этнической политике России XVI–XIX вв. М.: Изд-во О. Обышко, 2018. 320 с.
21. Успенский Б. А. Царь и самозванец: самозванчество в России как культурно-исторический феномен // Избранные труды: в 3 т. Т. 1. Семиотика истории. Семиотика культуры. М.: Шк. «Языки рус. культуры», 1996. С. 142–183.
22. Чистов К. В. Русские народные социально-утопические легенды. М.: Наука, 1967. 343 с.
23. Schramm P. E. Herrschaftszeichen und Staatssymbolik // Schriften der Monumenta Germaniae Historica, XIII, 3.Bd., 1954–1956.

Н. А. Кондалова

Надзор за деятельностью местных органов власти Пензенской губернии в первой половине XIX в.

На материалах Пензенской губернии рассматриваются органы и средства надзора в до-реформенный период, определяется роль контрольно-надзорных институтов в повышении эффективности местного управления. Показана эволюция органов и средств надзора. Сделан вывод об уменьшении роли общественного контроля и возрастании значения государственного надзора.

The article shows public authorities and methods of supervision of the pre-reform period on the materials of Penza province. The role of control and supervisory institutions in improving the efficiency of local governance is determined. The evolution of public authorities and methods of supervision is shown. It is concluded that the role of public control decreased and the importance of state supervision increased.

Ключевые слова: государственный контроль (надзор), местное управление, сенаторская ревизия, Пензенская губерния, первая половина XIX в.

Key words: state control (supervision), local governance, senatorial revision, Penza province, the first half of the 19th century.

Осуществление надзора за местными органами управления в дореформенный период было непосредственно продиктовано повышением их эффективности. Несомненную значимость эта проблема приобретала в связи с расширением компетенции присутственных мест в провинции, поиском оптимальных механизмов их функционирования и уменьшения злоупотреблений чиновников. Как известно, первая половина XIX в. – особый период в истории государственных учреждений имперской России: заканчивается начатая в предшествующем столетии институализация технологий власти, завершается оформление чиновничества, складывается бюрократический канон. Законодательство определяло имперские константы в осуществлении местного управления. Одной из гарантий законности становился государственный контроль (надзор), под которым следует понимать деятельность контрольных (надзорных) органов, направленную на предупреждение, выявление и пресечение нарушений обязательных требований.

Ведомственный надзор на региональном уровне возлагался на главу губернии. Средствами надзора губернатора являлись отчетность и ревизии присутственных мест, доносы и жалобы населения. Проверки пензенский губернатор мог осуществлять лично, объезжая подвластную ему территорию. С этой целью требовалось преодолевать до 2 тыс. верст [4, л. 5]. Согласно законодательству Российской империи, губернатор был вправе проводить ревизии в случае вступления в должность, а также один-два раза в год в зависимости от размеров территории и удобства передвижения [8]. Наиболее скрупулезными становились первые ревизии после назначения на должность. Во время ревизии губернатор оценивал состояние делопроизводства, исполнительную дисциплину служащих присутственных мест, принимал посетителей.

Основным инструментом оценки местного управления служили отчеты, стекавшиеся в Пензу со всех уездов. В то же время вопрос, насколько отчетная документация соответствовала истинному положению дел, оставался открытым. Поэтому практиковалось использование дополнительных каналов информации, среди которых преобладали доносы обывателей и донесения губернского прокурора. Любопытно, что жалобы на полицию губернатору подносились реже, чем на другие учреждения. Это можно объяснить крайне широкой компетенцией полиции в исследуемый период и той большой зависимостью, в которой местные жители находились от этой структуры.

Представление о работе губернской администрации складывалось в Министерстве внутренних дел на основе отчетов губернатора. В 1830 г. губернию посетил министр внутренних дел А. А. Закревский. Инспектирование 1830 г. не внесло значительных изменений в сложившуюся практику ведомственного надзора, так как министры крайне редко посещали губернию. Ранее на основании проекта 1816 г. о разделении империи на генерал-губернаторские округа планировалось передать генерал-губернаторам ближайший надзор за губернскими учреждениями. В 1825 г. было создано генерал-губернаторство, которое включало Пензенскую, Саратовскую, Симбирскую, Казанскую и Нижегородскую губернии. Во главе генерал-губернаторства был поставлен А. Н. Бахметьев. Центром нового административного образования стал Нижний Новгород [1, с. 68]. Создание этого генерал-губернаторства совпало с подъемом крестьянского движения. Основная деятельность генерал-губернатора была направлена на пресечение бегства крепостных и передачу под суд лиц, распространявших слухи после смерти Александра I о вольности крестьян. Вскоре генерал-губернаторство с центром в Нижнем Новгороде было ликвидировано, фактически не внося принципиальных изменений в надзор за местной бюрократией.

Контрольно-надзорные функции над соблюдением законности в сфере государственного управления на общеимперском уровне относились к 1-му департаменту Сената, а на местном уровне – губернской прокуратуре. Особенность института прокуратуры состояла в том, что губернский прокурор не подчинялся напрямую губернатору и назначался Сенатом на основе представления министра юстиции. Должность губернского прокурора имела значение

«внутренней полиции для чиновников»: прокурор следил за делопроизводством, мог подавать протесты на решения и определения местных органов. Его независимый статус и легальная возможность контролировать служащих присутственных мест приводили в ряде случаев к столкновению с главой губернии. Это могли быть серьезные инциденты. Одним из таких казусов стала история с письмом пензенского губернатора Ф. Л. Вигеля, направленным министру внутренних дел В. П. Кочубею в 1807 г. В частном письме губернатор просил освободить его от должности. Последовала официальная переписка, в ходе которой выяснилось, что Вигель не отправлял соответствующей просьбы в Петербург. Прощение об отставке оказалось фальшивым. Началось расследование, в ходе которого выяснилось, что письмо было отправлено Д. В. Тезиковым, ранее служившим в губернском правлении и имевшим способность подражать всякому почерку. Обращает на себя внимание позиция губернского прокурора А. Н. Бекетова по этому делу. Бекетов явно симпатизировал Тезикову, что подтверждается различными источниками [2; 3; 5]. Есть основания считать Бекетова оппонентом Вигеля. Прокурор выражал взгляды местной дворянской элиты. К ней губернатор Вигель как сын эстляндского дворянина не относился. Это обстоятельство оказалось крайне важным, поскольку Пензенская губерния относилась к числу помещичьих, где с Екатерининской эпохи власть фактически делилась между государственными учреждениями и дворянством. По-видимому, местные дворяне желали видеть губернатором своего представителя, а инцидент с подложным письмом стал апогеем общественно-политической конфронтации в губернии. Вигель был скомпрометирован, и его отставка вскоре состоялась.

Подытоживая сказанное, подчеркнем, что в правление Александра I донесения губернского прокурора и доносы населения являлись для центральных ведомств важными информационными каналами. Однако подобная практика развивала профессиональное ябедничество, губернские прокуроры превышали установленные законом полномочия, складывались условия для конфликтов коронной администрации и дворянской корпорации. Во времена Николая I практика дворянского контроля претерпела значительные изменения (во многом это было связано с движением декабристов). Во второй четверти XIX в. возрастает роль «бюрократической формы» надзора, а именно донесений служащих корпуса жандарма.

Изначально Пенза оказалась на периферии жандармского надзора: центром жандармского округа являлась Казань. Лишь в середине 30-х гг. XIX в. устанавливается практика, по которой в каждой губернии формируется представительство политической полиции. Офицер корпуса жандармов стал частым спутником губернатора в инспектировании региона, по итогам которого отправлял донесения в столицу. Так, в 1839 г. в поволжских и центральных губерниях прошли беспрецедентные пожары, и пензенский губернатор объезжал губернию в сопровождении жандармского штаб-офицера [6, с. 29]. Обращает на себя внимание тот факт, что растущее доверие правительства к донесениям жандармских офицеров подтверждается как архивными документами, так и

мемуарной литературой. В частности, предводитель дворянства в Пензе И. В. Селиванов вспоминал: «Я состоял чиновником особых поручений при московском губернаторе Иване Васильевиче Капнисте. Он, как известно, попал в губернаторы из полтавских губернских предводителей, вследствие принятого тогда министерством направления делать губернаторов из предводителей, так точно как потом возникло другое направление – делать губернаторов из жандармских штаб-офицеров» [9, с. 294].

Основным видом чрезвычайного надзора на протяжении исследуемого периода являлись сенаторские ревизии. Из шести сенаторских ревизий Пензенской губернии пять приходятся на первую половину XIX в. Причинами назначения сенаторских ревизий являлись: конфликты губернской администрации и местной дворянской корпорации (ревизия О. П. Козодавлева, 1808 г.), последствия Отечественной войны (ревизия А. З. Хитрово, 1815 г.), рост крестьянского движения (ревизия А. А. Долгорукова, 1826 г.), всплеск разоблачений злоупотреблений чиновников (ревизии И. С. Горголи и С. В. Сафонова, 1828 и 1859 гг. соответственно). Ревизии были необходимы не только для преодоления кризисных явлений местного управления, но и для сановников, у которых формировалось представление об империи преимущественно по бумагам, поступавшим в Сенат.

Ревизия осуществлялась по трем основным направлениям: правосудие, состояние полиции и злоупотребления чиновников. Однако законодательство уточняло, что сенаторы могли обратиться к любой сфере, на их взгляд, заслуживающей внимания [7]. Следует выделить в этом отношении сенатора Горголи, изложившего планы по усовершенствованию полиции в губернском городе. Эта же ревизия привела к уходу с должности губернатора Ф. П. Лубяновского. Следовательно, обличительные отчеты сенаторов влекли за собой кадровые решения. Наконец, материалы, собранные в ходе ревизии, становились основой для совершенствования внутривластного курса правительства. Этот вывод вполне применим к ревизии 1859 г., проводившейся накануне Великих реформ.

Таким образом, в Пензенской губернии дореформенного периода был представлен государственный и общественный контроль над местным управлением. Осуществлялись различные формы надзора: ведомственный и надведомственный, негласный и явный, текущий и чрезвычайный. В исследуемый период происходит эволюция органов и средств осуществления надзора. В Александровскую эпоху была высока роль прокурорского надзора, во времена Николая I – тайной полиции. В течение первой половины XIX в. сенаторские ревизии являлись важной формой чрезвычайного надзора. В систему негласного контроля было включено местное дворянство, что особенно проявилось в первой четверти XIX в. Со второй четверти XIX в. усиливается роль бюрократического надзора.

Библиографический список

1. Арутюнян В. Г. Генерал-губернаторства в начале 1820-х годов // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 2005. № 4. С. 68–82.
2. Вигель Ф. Ф. Записки: в 2 кн. М.: «Захаров», 2003. Кн. 1. 607 с.

3. Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 197.
4. ГАПО. Ф. 5. Оп. 1. Д. 3382.
5. ГАПО. Ф. 132. Оп. 1. Д. 169.
6. Крестьянское движение 1827–1869 годов / подг. к печ. Е. А. Мороховец. Вып. 5. М., Л.: Соцэкгиз, 1938. 164 с.
7. Полное собрание законов Российской империи: собр. 1-е. Т. XXV. № 19212.
8. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е. Т. XII. № 10303.
9. Селиванов И. В. Записки дворянина-помещика, бывшего в должности предводителя, судьи и председателя палаты // Русская старина. 1880. Т. 28. С. 289–316.

В. В. Кугай

Взаимовыгодное сотрудничество Волховстроя с петроградской промышленностью в начале 1920-х гг.

В статье на основе преимущественно данных периодической печати и архивных документов раскрывается тема взаимовыгодного сотрудничества промышленных предприятий и руководства Петрограда-Ленинграда с управлением Волховстроя в период наиболее интенсивной фазы возведения на реке Волхов районной гидроэлектростанции им. В. И. Ленина (1921–1926 гг.).

This article, written predominantly on the basis of data from periodicals and archival documents, is devoted to the topic of mutually beneficial cooperation between industrial enterprises and the leadership of Petrograd-Leningrad with the Volkhovstroy administration during the most intensive phase of construction of the Lenin hydroelectric power station on the Volkhov River (1921–1926).

Ключевые слова: Волховская ГЭС, Волховстрой, Генрих Графтио, план ГОЭЛРО.

Key words: Volkhov hydrostation, Volkhovstroy, Henry Graftio, plan GOELRO.

Непредвиденным эффектом Первой мировой войны для Москвы и Петрограда стал острый дефицит электроэнергии. Помимо системных проблем отрасли, таких как зависимость от иностранной электротехники и финансирования, отсутствие возможности административной и технической координации между частными городскими электростанциями, ситуацию осложнил нарастающий с 1915 г. кризис железнодорожных перевозок [18, с. 565–567]. Если в Москве, благодаря ее центральному местоположению, сохранялась возможность компенсировать недостаток подвозом топлива (нефть, мазут) по рекам в период навигации, то удаленный к северо-западу Петроград оказался в гораздо более худшем положении, вдобавок полностью лишившись английского угля, доставляемого прежде морем. Данная кризисная ситуация ярко высветила недостатки электроэнергетической инфраструктуры европейской части империи и со временем спровоцировала переформатирование системы, реализованное на основе составленного Государственной комиссией по электрификации России и утвержденного VIII Всероссийским съездом Советов в декабре 1920 г. плана широкой электрификации – плана ГОЭЛРО – основанного на принципах терри-

ториальной привязки станций к источнику энергии, будь то топливо или восполняемые ресурсы, и топливной самодостаточности каждого региона.

Первой гидростанцией районного значения, построенной по плану ГОЭЛРО, стала Волховская ГЭС. Большинство исследований по истории российской энергетики, в различной степени затрагивающих тему строительства Волховской установки, сфокусированы на оценке значения станции для энергосистемы Ленинграда [19, с. 460–462, 488–489] и целесообразности дорогого гидротехнического сооружения [25, р. 204–207]. В данном небольшом очерке преследуется иная цель: а именно, охарактеризовать экономическую взаимосвязанность промышленности Петрограда-Ленинграда с Волховстроем на этапе возведения станции в 1921–1926 гг.

Строительство Волховской установки проходило в чрезвычайно трудных условиях. Ни одну электростанцию первой половины 1920-х гг. не обошли стороной такие отголоски общей тяжелой экономической ситуации в стране, как дефицит стройматериалов, сложности с изготовлением оборудования, задержки выплат рабочим и служащим, нестабильность финансирования [8, с. 243–405]. Но в случае с Волховстроем дополнительным препятствием строительству послужило недоверие к проекту не только региональных руководителей, но и технических специалистов. Инженерному составу во главе с Г. О. Графтио не единожды, вплоть до декабря 1926 г., на самом высоком уровне приходилось доказывать эффективность и рациональность реализуемой идеи [20, с. 20–23]. Такие видные эксперты и чиновники, как руководитель Электростроя и главный инженер Шатурской районной торфяной станции А. В. Винтер, председатель Госплана Г. М. Кржижановский, организатор первой стройплощадки Волховстроя в 1917 г. профессор Г. П. Захарьин, считали более оправданным создание сети тепловых станций, работающих на торфе [8, с. 67] и других нетрадиционных видах топлива. Вторым неблагоприятным фактором стала необходимость заказа турбогенераторов за границей [10, с. 35–36].

В августе 1921 г. с положением стройки в деталях ознакомился председатель Совета народных комиссаров В. И. Ленин [11, с. 268–273]. Летом на стройплощадке числился только 541 рабочий [13, л. 5], около половины из которых прибыли для выполнения обязательной трудовой повинности [13, л. 1]. Задержка заработной платы [13, л. 4] и тяжелое продовольственное положение привели к тому, что большая часть трудового контингента отбыла батраками в близлежащие села. Позже об этом красноречиво вспоминал Н. П. Богданов: *«Я хорошо помню 1921 год, когда заканчивалась подготовка к основным работам, когда из котлована вынули первые кубометры грунта, когда в кладовых не осталось ни грамма муки, а в кассе ни копейки денег, когда строительству угрожал полный развал...»* [1, с. 48]. Благодаря личному вмешательству В. И. Ленина, в октябре ситуация резко изменилась: по постановлению IV сессии ВЦИК Волховская районная гидростанция была внесена в перечень приоритетных объектов снабжения, а главным куратором стройки назначили Северо-Западный областной комитет государственных сооружений (Севзаппромбюро) [16, с. 89–90]. С этого момента начинается тесное сотрудничество

управления Волховстроя с руководством Петрограда. Если прежде поиски необходимых материалов и оборудования нередко вели агенты строительства, то уже в октябре 1921 г. на межведомственных заседаниях обсуждали возможности заказа за границей буровой стали и изоляторов, которые не могли предоставить отечественные заводы [14, л. 1, 24]. Все чаще на подобных совещаниях стала звучать идея о привлечении отечественных заводов к выполнению заказов Волховстроя. Впервые ее высказал Г. М. Кржижановский на заседании Госплана 26 апреля 1921 г.: «...необходим европейский подход к делу; в Петрограде следует выделить такие заводы и предприятия, которые исполнили бы все задания по Волховскому и Свирскому строительству» [15, л. 6, об.–7]. Инициатива была подхвачена руководством Петрограда. Заказы Волховстроя, как и других крупных предприятий, могли стать дополнительным инструментом решения таких насущных и взаимосвязанных проблем, как безработица и простой предприятий.

Война и политические потрясения не прошли для города бесследно. Катастрофически упали темпы производства, общественный транспорт работал с большими перерывами, нерегулярно поступало продовольствие. В 1920 г. население бывшей столицы составляло всего около 800 тыс. человек [23, с. 95], к 1922 г. ситуация несколько улучшилась – 950 тыс. человек. Прямым следствием дефицита топлива стало прекращение уличного освещения с марта 1920 г., паралич системы центрального отопления, полная остановка трамваев [24, с. 95–112]. Меншевик Ф. И. Дан так описывал обстановку 1920 г.: «В ноябре-декабре, согласно хозяйственной программе, было пущено в ход много фабрик и заводов. Было "отпущено" топливо и сырье, но не прошло и двух месяцев, как, по обыкновению, оказалось, что в "программе" вышла "ошибочка", "отпущенное" топливо и сырье значилось только на бумаге. Одно промышленное заведение за другим стали останавливаться» [4, с. 90]. Ситуация медленно выправлялась: загрузка петроградской промышленности в 1921–1922 гг. составляла 21 %, к концу 1922 г. – 35 %, в первой четверти 1922–1923 г. – 38 % [23, с. 3]. Как и в случае с Москвой, локомотивами экономического восстановления Петрограда стали две отрасли: тяжелая промышленность и электростроительство [9, с. 239–241]. Тем временем Москва, сделавшая ставку на торф и низкосортный уголь, обгоняла Северо-Запад по темпам восстановления электрохозяйства [25, р. 217–219]. Петроград не желал уступать Центральному экономическому району звание лидера тяжелой промышленности и машиностроения.

Постепенно Волховстрой стал заключать контракты с петроградскими предприятиями на поставку вспомогательного и строительного оборудования: заводы Машиностроительного треста взялись за изготовление щитов и кранов; верфи Судостроительного треста обязались поставить кессоны, затворы и ворота для шлюзов, судно для откачки воды из затворов; предприятия Электротехнического объединения взяли заказ на кабели, распределительное устройство, вспомогательные турбины и генераторы; стекольно-фарфоровый трест – изоляторы и т.д. [3, с. 4; 6, с. 4; 12, с. 5; 17, с. 3]. По состоянию на октябрь 1922 г.

Волховстрой разместил в Петрограде заказов на общую сумму 1,5 млн рублей золотом. Эффект последовал незамедлительно: Кабельный завод расширил производство до 70 % довоенного уровня, завод «Светлана» увеличил выпуск продукции на 20 % по сравнению с предыдущим годом, серьезно усилилась нагрузка Арматурного завода [7, с. 5], фабрики наладили выпуск таких высококачественных изделий, как светочувствительная бумага. Наконец, после долгих обсуждений заказ на изготовление 4 основных и двух резервных генераторов был выдан «Электросиле» и стал для нее настоящим вызовом, потребовавшим напряжения всех сил [2, с. 3].

Контракты с отечественными заводами на поставку крупных узлов и гидроагрегатов расценивались руководством Волховстроя как рискованные, поскольку производство совершенно нового оборудования, такого как генераторы для Волховстроя, требовало времени на освоение технологии. Кроме того, импортная продукция, несмотря на транспортные издержки, нередко выигрывала в стоимости. В 1923 г. на заседании Северо-Западного областного экономического совещания главный инженер Г. О. Графтио высказался по этому поводу: *«Мы должны за генераторы Эльмаштресту заплатить в два с половиной раза дороже, чем эти генераторы стоили бы в Швеции»* [21, л. 121]. Тем не менее сотрудничество с властями Петрограда давало свои плоды. Волховстрой был прочно политически ассоциирован с Петроградом, руководство которого принимало самое активное участие как в делах стройки, так и в борьбе с замедлением темпов. Предприятия города ожидали не только дополнительную энергию, которую должна была стабильно поставлять после пуска Волховская ГЭС, но и всестороннего технического сотрудничества в период строительства. В печати Волховстрой все чаще изображался как подшефный городу, как должник петроградского пролетариата [22, с. 3; 23, с. 8].

Тем временем Волховстрой действительно нуждался во влиятельных союзниках. Так, на консервации работ на Волхове на II сессии ВЦИК в 1923 г. настаивал нарком Г. Я. Сокольников: *«... наши текущие доходы не позволяют нам выделить необходимые средства... Когда же мы посчитаем свои ресурсы, тогда мы увидим, что мы строим Волховстрой за счет недоплаты командующему составу, недоплаты учительскому составу, за счет недоплаты железнодорожным рабочим...»* [5, с. 2]. Своеобразным ответом на начавшееся сокращение темпов стройки на Волхове стала акция петроградских рабочих, организовавших в начале 1924 г. фонд помощи строительству, в который пожертвовали более 312 тыс. рублей, не считая облигаций [16, с. 114–115]. Очевидно, эта сумма не могла существенно повлиять на ситуацию, но данный факт свидетельствовал о том, что Волховстрой и Петроград выступали единым фронтом.

К 1923 г. ситуация вокруг строящейся гидростанции была уже совершенно иной, нежели в 1920–1921 гг.: после выдачи ряда крупных заказов предприятиям Петрограда-Ленинграда Волховстрой обрел влиятельных союзников в лице председателя Петросовета Г. Е. Зиновьева (1917–1926 гг.), руководителей Промбюро М. Г. Иванова и В. П. Позерна. В первой половине 1920-х гг. Вол-

ховстрой был необходим Петрограду не только как возможность ликвидировать дефицит электроэнергии в будущем, но прежде всего своими заказами, которые послужили импульсом к оживлению промышленности и позволяли направлять дополнительные финансовые потоки из центра.

Библиографический список

1. Богданов Н. П. Сквозь грозы и бури // Ленинградская энергосистема за 50 лет / сост. П. И. Зотов, под общ. ред. С. В. Усова. Л.: Энергия, 1967. С. 39–56.
2. Взались и сделаем // Правда. 1922. № 269. С. 3.
3. Волховстрой и Петроградские заводы // Экономическая жизнь. 1923. № 218. С. 4.
4. Дан Ф. И. Два года скитаний. Воспоминания лидера российского меньшевизма. 1919–1921. Берлин: [б.и.], 1922. 267, [1] с.
5. Доклад тов. Сокольникова о финансовом положении республики // Правда. 1923. № 147. С. 2.
6. Заказы Волховстроя // Известия ВЦИК. 1922. № 207. С. 4.
7. [Заказы Волховстроя] // Красная газета. 1922. № 238. С. 5.
8. К истории плана электрификации Советской страны: сб. док. и материалов. 1918–1920 гг. / под ред. И. А. Гладкова. [М.]: Госполитиздат, 1952. 591 с.
9. Кафенгауз Л. Б. Эволюция промышленного производства России (последняя треть XIX века – 30-е годы XX века): [сб.] / [вступ. ст. А. Н. Марковой]. М.: Эпифания, 1994. 848 с.
10. Крижижановский Г. М. Основные задачи электрификации России. М.: Гос. изд-во, 1920. 51 с.: карт.
11. Ленин В.И. Об электрификации. 2-е изд., доп. М.: Политиздат, 1964. 495 с.
12. Питерская промышленность для Волховстроя // Правда. 1923. № 13. С. 5.
13. Петербургский филиал архива Российской Академии наук (далее – ПФА РАН). Ф. 787. Графтио Г. О. Оп. 2. Д. 114. Телеграмма Электростроя о направлении на Волховстрой 500 рабочих трудовой армии и ведомости численности рабочих. 1921–1923 гг. 8 л.
14. ПФА РАН. Ф. 787. Графтио Г. О. Оп. 2. Д. 137. Протоколы заседаний, заявки, ведомости, докладные записки и др. о материально-техническом снабжении Волховского строительства. 1921 г. 37 л.
15. ПФА РАН. Ф. 787. Графтио Г. О. Оп. 2. Д. 140. Докладные записки, заметки, наброски, расчеты, записи совещаний о сложившихся обстановке на Волховском строительстве в 1921 г., в связи с продовольственным кризисом, плохим финансированием и др. 1921–1923 гг. 289 л.
16. Развитие электрификации Советской страны 1921–1925 гг.: сб. док. и материалов / под ред. И. А. Гладкова. М.: Госполитиздат, 1956. 703 с.
17. Своими силами. О заказах в петроградских заводах // Правда. 1922. № 221. С. 3.
18. Сидоров А. Л. Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М.: Наука, 1973. 656 с.
19. Симонов Н. С. Начало электроэнергетики Российской империи и СССР, как проблема техноценоза. М.-Волгоград: Инфра-Инженерия, 2017. 639 с.
20. Смирнов И. С., Шевцов В. Н. Генрих Осипович Графтио. М.-Л.: Госэнергоизда, 1955. 64 с.
21. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-198. Северо-Западное областное экономическое совещание (СевзапЭкосо) Экономического совета РСФСР. Оп. 6. Д. 22. Стенографический отчет и докладная записка Севзапэконо-Политбюро ЦК РКП(б) о строительстве Волховстроя и переписка с Управлением строительства Волховской Гидроэлектрической Силовой установки, ГПУ и др. учреждениями по этому вопросу. 21 апреля 1922 – 22 сентября 1926 гг. 153 л.
22. Углов А. К ледовитому океану. На Волховстройке // Известия В.Ц.И.К. 10.08.1922. № 178. С. 3.

23. Циперович Г. В. Экономические перспективы Петрограда // Промышленный Петроград: обзор и итоги деятельности петрогр. пром-сти, торговли, сел. хоз., кооперации, финансов и транспорта за первый 1922 год. [Пг.]: Красный печатник, [1923]. С. 3–12.

24. Яров С. В. и др. Петроград на переломе эпох: город и его жители в годы революции и Гражданской войны: [сборник очерков] / С. Яров, Е. Балашов, В. Мусаев [и др.]. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2013. 542, [1] с.: ил.

25. Coopersmith J. The electrification of Russia, 1880–1926. Ithaca: Cornell University Press, 1999. 274 p.

Н. Г. Дашкевич

Отношение крестьян Ленинградской области к Конституции 1936 г. как фактор взаимодействия власти и общества на местах

В статье рассматривается вопрос восприятия крестьянами Ленинградской области проекта Конституции 1936 г. Несмотря на конституционный лозунг о социалистическом государстве рабочих и крестьян, в среде советского крестьянства были весьма неоднозначные мнения касательно Основного закона и его творца – И. В. Сталина. В рамках исследования рассматриваются позиции сельских жителей районов Ленинградской области на сей счет и делаются соответствующие выводы.

The article examines the issue of perception by peasants of the Leningrad region of the draft Constitution of 1936. Despite the constitutional slogan of a socialist state of workers and peasants, among the Soviet peasantry there were very mixed opinions regarding the Basic Law and its creator – I. V. Stalin. The study examines the positions of rural residents of the Leningrad region on this matter and draws appropriate conclusions.

Ключевые слова: Конституция 1936 г., общественное сознание, Ленинградская область.

Key words: Constitution of 1936, public consciousness, Leningrad region.

30-е гг. XX в. стали «непростыми» временами в жизни «простого» человека. Это объясняется прежде всего тем, что в СССР в то время проводился ряд грандиозных реформ жизнедеятельности советского общества, в частности индустриализация и коллективизация, феномен которых, думается, еще не до конца изучен. В публицистике и научной литературе представлен массив поллярных точек зрения, при этом президент России В. В. Путин в своей статье «Об историческом единстве русских и украинцев» подчеркнул, что коллективизация явилась трагедией народа [5]. Несмотря на это, крестьяне той эпохи жили, не отрываясь от общественного прогресса, примером которого стал новый Основной закон, принятый VIII Всесоюзным чрезвычайным съездом Советов 5 декабря 1936 г.

В связи с этим актуальность данного исследования состоит в необходимости познания общественного мнения крестьян и их отношения к сталинской Конституции на примере крестьянства Ленинградской области. Стоит подчеркнуть, что актуальность коррелируется определенной научной новизной за-

явленной темы. В историографии наблюдается ряд научных исследований, посвященных общественному сознанию советских граждан, в частности работы Т. Ю. Бойковой [2], Н. Д. Козлова [7], Н. Б. Лебиной [8], В. О. Левашко [9], С. В. Ярова [13] и др. Касательно исследования проблем крестьянства также можно выделить научные труды Г. А. Вандышевой [3], Н. Г. Кедрова [6], Н. Л. Рогалиной [11] и др. В качестве цели настоящего исследования стоит заявить проведение анализа отношения крестьян Ленинградской области к Конституции 1936 г.

Предварительно стоит сделать несколько замечаний: во-первых, Ленинградская область в предвоенные годы была самой крупной на Северо-Западе страны: территория составляла 144 тыс. кв. км, население – 3 240 748 чел. Основная масса населения (свыше 2,3 млн человек) проживала в сельской местности [4, с. 70]; во-вторых, в состав Ленинградской области на момент 1936 г. входили 86 районов [1].

Становление и развитие советского крестьянства в 30-е гг. XX в., несомненно, как говорилось выше, было обусловлено процессом коллективизации. В Ленинградской области коллективизация шла полным ходом, когда в центре был утвержден примерный устав сельскохозяйственной артели. Но самих крестьян больше волновала не сама регламентация их производственной деятельности, а перспективы и социальные условия жизни в колхозах. Данное положение подтверждается многочисленными высказываниями крестьян, приведенными ниже. Сознание колхозников ориентировалось на удовлетворение как собственных потребностей, так и интересов коллективного хозяйства. Членство в колхозе представляло собой своеобразный переход из одного состояния в другое, но не только в хозяйственной сфере. Оно оказывало влияние на быт, область социальных отношений, настроения односельчан.

Отметим, что агитация и пропаганда, проводимые среди населения в ходе конституционной реформы 1935–1936 гг., приносили определённые результаты, которые не всегда были положительными для советской власти. Это, в частности, негативные высказывания в адрес конституционной реформы, которые были обозначены в записке от зав. орготделом Леноблисполкома А. Шахгалдяна от 17 ноября 1936 г. А. А. Жданову «Об ошибочных и политически вредных дополнениях, внесенных при обсуждении проекта Конституции по Ленинградской области» [12, л. 16].

Во-первых, отмечалось непонимание смысла некоторых статей Основного закона. Например, от жителей Ленинградской области поступило порядка 50 однотипных предложений о замене фразы 1-й статьи Конституции, когда вместо словосочетания «социалистическое государство рабочих и крестьян» будет указана фраза «социалистическое государство трудящихся». Вывод, к которому пришел А. Шахгалдян, таков: «недостаточно разъяснили смысл 1 статьи, в которой выражен высший принцип диктатуры пролетариата, союз рабочих и крестьян и авангардная роль рабочих в этом союзе».

Во-вторых, говорилось о наличии «левацких» предложений [12, л. 17–18], связанных прежде всего с борьбой с единоличником. В Дрегольском районе

колхозник Никонов из колхоза «Звонец» предложил ликвидировать индивидуальное хозяйство единоличников. В Старорусском районе колхозник Галактионов из колхоза «Ленинские искры» заявил о необходимости «воспретить законом мелкое, частное хозяйство единоличников – крестьян и кустарей, объединив все единоличные хозяйства в колхозы, а кустарей – в артели». В Белозерском же районе говорили о лишении единоличников земли, где коллективизация достигла 90 %. В колхозе «Великий путь» Каромышевского района вообще предложили вычеркнуть из Конституции слово «единоличник». Помимо представленного отношения колхозников разных районов к единоличникам, были и другие «левацкие» соображения. Например, в Гдовском районе граждане затребовали отменить право выхода из состава СССР.

Вместе с тем были и другие нестандартные, но востребованные моменты, предложенные в районах. Людей очень волновал вопрос равенства рабочих и колхозников в области социально-экономических и трудовых прав. В. О. Левашко подчеркивает, что Конституция 1936 г. значительно изменила регулирование прав и свобод граждан, она декларировала гражданам СССР всю гамму политических, экономических и социальных прав [10, с. 14–15]. Так, колхозом «Связист» Новгородского района было рекомендовано ввести 7-часовой рабочий день не только для рабочих, но и для колхозников; в Кингисеппском районе просили предоставить отпуск колхозникам наравне с рабочими; в Оятском районе посчитали правильным представление колхозникам права на получение отгулов в размере одного месяца с сохранением заработка; а в Плюсском районе говорили о необходимости предоставления твердых выходных дней для колхозников.

В-третьих, было высказано обилие предложений по лишению избирательных прав служителей культа и ограничению их прав в целом [12, л. 19]. В частности, в Андомском районе просили запретить свободу отправления религиозных культов; а жители Боровичского района говорили об изъятии церквей и введении запрета на церковную службу. Думается, что такое негативное отношение простых крестьян к служителям религиозных культов было «естественным» моментом в их сознании вследствие проводимой антирелигиозной кампании в стране. Табуирование на конституционном уровне данного избирательного права священнослужителей было бы логичным продолжением реализуемой политики советской власти в рассматриваемой сфере, если бы «жизнь» общества была статичной категорией. Вместе с тем динамика, а соответственно и диалектика жизни, привели к тому, что на конституционном уровне было закреплено равноправие граждан вне зависимости от рода их деятельности.

В-четвертых, были зафиксированы факты антисоветских выступлений при обсуждении проекта Конституции [12, л. 20–22]:

– в Демянском районе на собрании колхоза «Мошенская гора» лодырь и прогульщик, по мнению местных жителей, Павел Калинин заявил: «Не наше дело обсуждать Конституцию. Она выбирается не нами»; «Хочу работаю, хочу нет»;

– в Пашском районе гражданка Конюшина сказала: «Раньше кулаки не обманывали... Сейчас мы сдаем столько хлеба государству, а сами едим мякину. Да тогда же сдаем по деловой цене. Государство нас за нас же хлеб обирает»;

– в Лычковском районе в деревне Выдерка колхозник Андрей Зарубин высказался: «в СССР существует принудительный труд и эксплуатация трудящихся. СССР идет не к социализму, а к фашизму»;

– в Стругокрасненском районе дочь кулака Семенова агитировала среди колхозников за внесение в Конституцию статьи, предусматривающей возвращение кулакам изъятого у них имущества;

– в Сошихинском районе поп Коппер заявил, что Сталин, разрабатывая Конституцию, большинство положений взял из Евангелия;

– в Маловишерском районе колхозник Савельев сказал: «В конституции неверно записано «кто не работает, тот не ест». Мы вот работаем не покладая рук, а все равно наш труд не оплачивают»;

– в Белозерске на курсах избачей Михеева доказывала, что в СССР до сих пор существуют коренные классовые различия между рабочими и крестьянами.

Таким образом, можно сделать вывод, что на селе присутствовала определенная оппозиционность к власти, и это наблюдается, в частности, в обсуждении крестьянами проекта Основного закона. Несмотря на государственное и партийное воздействие, крестьяне Ленинградской области неоднозначно воспринимали предлагаемые в рамках конституционной реформы изменения в силу крестьянской ментальности, традиционного консерватизма, ограниченного кругозора, уровня образованности и культуры.

Крестьян волновал вопрос неравенства социально-экономических прав по отношению к рабочему классу. Крестьяне, как верный союзник пролетариата, полагали, что имеют право на блага цивилизованного общества (право на труд, на отдых, на отпуск), именно поэтому при обсуждении проекта Конституции множество колхозников делало на этом акцент.

Библиографический список

1. Административно-экономический справочник по районам Ленинградской области. М.: Изд-во Леноблисполкома и Ленсовета, 1936. 383 с.

2. Бойкова Т. Ю. Общественное сознание ленинградских рабочих в годы предвоенных пятилеток (1928–1941 гг.): дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2007. 199 с.

3. Вандышева Г. А. Крестьянство Ленинградской области накануне и в период НЭПа: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 251 с.

4. Ермолов В. А. Состояние сельского хозяйства северо-восточных районов Ленинградской области и жизнь колхозников накануне Великой Отечественной войны // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 1. С. 70–73.

5. Информационное агентство новостей «ТАСС». [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/politika/11885203>

6. Кедров Н. Г. Политическое сознание крестьянства Русского Севера в 1930-е годы. М.: Политическая энциклопедия, 2013. 280 с.

7. Козлов Н. Д. Моральный потенциал народа и массовое общественное сознание в годы Великой Отечественной войны: дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 1996. 455 с.

8. Лебина Н. Б. Повседневная жизнь советского города. Нормы и аномалии 1920–1930 годы. СПб.: Издат.-торговый дом «Летний сад», 1999. 317 с.

9. Левашко В. О. Морально-политическое состояние личного состава Краснознаменного Балтийского флота в период советско-финской войны: 1939–1940 гг.: дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2000. 242 с.

10. Левашко В. О. Конституция 1936 года: тенденции гражданственности, патриотизма и тоталитаризма // Царскосельские чтения. 2013. № XVII. С. 12–20.

11. Рогалина Н. Л. Коллективизация: Уроки пройденного пути. М.: Издательство МГУ, 1989. 224 с.

12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга. Ф. Р-24. Оп. 26. Д. 1772.

13. Яров С. В. Крестьянин как политик: Крестьянство на Северо-Западе России в 1918–1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб.: Дмитрий Буланин, 1999. 168 с.

А. А. Кузнецова

Проявления инакомыслия в советском обществе в эпоху 1960–1980-х гг. на примере Ханты-Мансийского автономного округа

В статье рассматривается проблема существования инакомыслия в СССР на региональном уровне, а именно на территории Ханты-Мансийского автономного округа в 1960–1980-х гг. – период его активного нефтегазового освоения. Выделены ключевые вопросы, которые решали органы госбезопасности в связи с возникавшими в округе проявлениями инакомыслия. Сделан вывод о распространении инакомыслия не только в центральных городах страны, но и на территории отдаленных провинций.

The article is devoted to the problem of the existence of the dissent in the USSR at the regional level, namely in the territory of the Khanty-Mansi Autonomous Area in the period of 1960–1980-s – its active oil and gas development. The author highlights the key problems that were solved by the state security agencies in the connection with manifestations of the dissent that arose in the district. It is concluded that dissent is spreading not only in the central cities of the country, but also in remote provinces.

Ключевые слова: инакомыслие, диссиденты, КГБ, советская идеология.

Key words: dissent, dissidents, KGB, Soviet ideology.

Эпоха 1960–1980-х гг. по праву считается временем расцвета в Советском Союзе различных направлений диссидентского движения, а также явлений, напрямую с ним связанных. Речь в данной статье пойдет о том, что в современной науке получило наименование «инакомыслие», а в годы современников событий к этому явлению причислялись практически любые проявления недовольства властью, советской системой, действительностью, а также идеологическая активность, не согласующаяся с общепринятыми нормами советского общества и государства.

Для органов госбезопасности, которые стали главными борцами с инакомыслящими и диссидентами, выявление этих элементов и идеологическая борьба с ними становится одной из первоочередных задач в рассматриваемый период. Так, по результатам работы органов КГБ составлялись справки,

направленные в ЦК КПСС, которые содержали данные о численности «вскрытых и пресеченных» групп «политически вредного характера». Исходя из этих сведений можно сделать вывод, что во второй половине 1960-х гг. организованная оппозиция режиму имела значительный размах: с 1967 по 1971 г. в СССР было выявлено 3096 подпольных групп и организаций, «профилактровано» 13 602 их участника [1, с. 121]. «Профилактрование» представляло собой широкий спектр мер внесудебного воздействия, начиная от назидательной беседы с «профилактруемым» и вплоть до увольнения с работы или исключения из вуза без права восстановления [5, с. 252].

Безусловно, центр страны, Москва и Ленинград становятся очагом этого явления, по разного рода причинам. Прежде всего потому, что, будучи в столичных городах, инакомыслящие и диссиденты были на виду у зарубежных корреспондентов, о них могли узнать за пределами СССР, и без реакции Запада, как правило, это не оставалось. Но исследования показывают, что недовольство властью и условиями советской действительности были практически в каждом регионе. Открыв главный бюллетень советских правозащитников «Хронику текущих событий» [6], несложно заметить широкую географию проявления инакомыслия, диссидентства и борьбы властей с ним. Эти проявления несогласия имели свои особенности в регионах, но в целом можно констатировать, что людей заботили одни и те же вопросы и действовали они примерно одинаково, незамедлительно вызывая реакцию органов власти.

Территориально наше исследование ограничено рамками Ханты-Мансийского автономного округа в период его активного нефтегазового освоения. Принято считать, что в этот регион отправлялись энтузиасты, нацеленные на достижение «светлого коммунистического будущего», искренне верившие в советские идеалы. Однако документы архивов свидетельствуют о примерах, когда граждане критиковали советский образ и уровень жизни, сравнивая его с жизнью на Западе. В 1968 г. на заседании Пленума окружкома КПСС представители КГБ информировали: «Отдельные политически незрелые советские граждане поддаются под влияние реакционной зарубежной пропаганды и порой, не сознавая того, становятся на преступный путь, начинают восхвалять буржуазные права и порядки, распространять слухи и сплетни и различные небывлицы из арсенала империалистических диверсантов. Буквально на днях из сельского профессионально-технического училища № 8 поступило к нам заявление, что курсант Теплых помимо того, что ведет вредные разговоры среди своих товарищей, открыто вступил в полемику с преподавателем истории и перед всей группой стал доказывать, что в Америке живут хорошо, каждый машину имеет, стал охаивать нашу жизнь. Доказывал, что якобы, лично был в Америке в 1952 г. Выяснилось, что он никогда там не бывал, а родился и вырос в поселке Луговое Ханты-Мансийского округа». Сотрудники комитета госбезопасности связывали такое положение дел со слабой постановкой воспитательной работы в училище: «ведь учащийся Теплых, даже газет не выписывает, не читает книг, не ходит в кино» [2, л. 42].

В документах представлены и более «экзотические» эпизоды: «В начале мая 1968 г. был установлен такой случай, когда 18-летний юноша Шаимов из

Ханты-Мансийска, последнее время проживал в Куйбышеве, был задержан в одном из южных районов нашей страны при попытке уйти за границу в поисках "райской жизни", наслушался радиопередач о хорошей жизни за рубежом и, клянувшись на удочку буржуазной лживой пропаганды» [2, л. 42].

Отдельно стоит отметить случаи, когда проявления инакомыслия исходили от той категории лиц, пристальное внимание к которым было необходимо. Так, из протокола заседания Пленума окружкома КПСС 1968 г. можно узнать следующее: «Управляющий треста "Мегионгазстрой", тов. Пикман, взял на работу к себе в заместители, условно-досрочно освобожденного за крупные хищения, Арсеньева, который не раз высказывал нездоровые взгляды на советскую действительность» [2, л. 43].

В 1971 г. в докладе «Об усилении идеологической работы окружной парторганизации в свете решений XXIV съезда КПСС» представлены также два показательных случая: «В Ханты-Мансийском районе на должность начальника Кедровского торгового пункта был принят ОРСом сплавконторы Волосянко. При оформлении на работу Волосянко избежал прописки в органах милиции, скрыл судимость за хищение государственной собственности. Более того, он клеветал на советскую власть, вел политически вредные разговоры, но это не встретило, однако, осуждения со стороны парторганизации и окружающих его коммунистов.

В Березовском районе начальником Пахромского участка комсомольско-молодежного СМУ № 2 был принят Ильин, ранее привлекавшийся к уголовной ответственности за мошенничество. Он разлагающе действовал на коллектив, устраивал коллективные пьянки, а когда ему было отказано в приеме в кандидаты партии, стал открыто выражать недовольство советской действительностью, не получая должного отпора общественности» [4, л. 128].

Неприятие и опасения властей вызывали предпочтения советских людей в области культуры. Так, выступая на V пленуме Ханты-Мансийского окружкома КПСС в 1966 г., уполномоченный комитета госбезопасности В.В. Шашорин отмечал: «В прошлом году были разоблачены хулиганы из числа молодежи, которые включаясь в радиосеть, принимали низкопробную заграничную джазовую музыку, доставали грампластинки с такой музыкой» [3, л. 168]. Другой проблемой, занимавшей умы руководителей окружного комитета КПСС, стала «политическая беспечность» отдельных лиц и читаемая ими литература. В одном из протоколов заседания пленума окружкома КПСС от декабря 1971 г. докладчик Кудрявцев сетует на отсутствие должной проверки назначаемых на высокие должности людей: «еще имеются случаи, когда политическая беспечность отдельных коммунистов, руководителей дает возможность беспрепятственно действовать различного рода проходимцам и демагогам. Так, на должность начальника Березовского узла связи был принят некто Сапожников. Этот демагог распространял китайский ревизионистский "Информационный бюллетень" с антисоветскими измышлениями маоистских пропагандистов, имел и другую ревизионистскую литературу. Ни руководство окружного узла связи, ни Березовский райком партии своевременно не заинтересовались, что

за человека назначают они руководством ответственной организации, а слепо подчинились бумажке – направлению областного управления связи» [4, л. 128]. Этот случай также показателен в вопросе тщательной проверки лиц, назначаемых на высокие должности, в ходе которой соответствие советской идеологии отодвигалось сознательно или неосознанно на второй план.

Другой проблемой для властей стали эмиграционные настроения у части населения Ханты-Мансийского национального округа, которые связывались также с влиянием «тлетворного Запада». Выступая на V пленуме Ханты-Мансийского окружкома КПСС в 1966 г., уполномоченный комитета госбезопасности В. В. Шашорин отмечал: «Враги используют и такую форму враждебной деятельности, как засылка в нашу страну антисоветских листовок, религиозной литературы, занимаются разжиганием эмиграционных настроений среди советских немцев из Закарпатья, посылая подарочные посылки гражданам, проживающим в нашем округе. Отдельные незрелые люди из числа молодежи пытаются через немцев просить посылки у Западно-Германского Красного Креста, а в пос. Пальяново есть коммунист Авсеенко, систематически получающий через тещу посылки из ФРГ. С ним уже проводили беседы на эту тему, но он не делает правильных выводов. Надо заняться парторганизации таким горе-коммунистом» [3, л. 168]. Далее В. В. Шашорин приводит еще один пример: «В этом же поселке комсомолец работает шофером на лесоучастке, ежемесячно зарабатывает 300–350 рублей, и в это же время просит выслать посылки, в прошлом году он с матерью получил 21 посылку. В ноябре, будучи в Москве, посетил посольство ФРГ с целью выяснения возможности выезда за границу» [3, л. 168]. Эмиграционные настроения среди немцев и евреев были сильны в СССР в период середины 1960–1980-х гг., мотивы выезда из СССР были самыми разнообразными: желание реализовать себя в профессии и улучшить финансовое и имущественное положение, борьба с политикой дискриминации и ассимиляции в отношении немецкой диаспоры, проводимой в СССР. Опять же, проживая в крупных городах, немецкие и еврейские диаспоры могли объединяться и действовать сообща, и периодически их деятельность приводила к определенным результатам. Но в провинциальных регионах, как Ханты-Мансийский округ, такие случаи встречались гораздо реже в силу немногочисленности проживавших здесь упомянутых этносов и «недостижимости» их для журналистов, а также отдаленности от правозащитных организаций, занимавшихся подобными проблемами, как например, в Москве и Ленинграде.

Таким образом, в Ханты-Мансийском округе, как и в других регионах и областях страны, имелись проявления инакомыслия, несогласия с властями и стремления к свободомыслию отдельных лиц. Вероятно, в данном округе этот феномен не был массовым, как и в других провинциальных территориях. Инакомыслящие не организовывали общества, кружки и тому подобное, а выражали свое мнение непосредственно в трудовых или учебных коллективах и другими способами. Явной поддержки со стороны большинства общества они не находили. Архивные данные не позволяют оценить в полной мере масштабы данного явления в округе, кроме того, некоторые документы органов госбезопасности недоступны для исследователей, что еще более усложняет задачу

объективной оценки. Однако даже полученные сведения позволяют сделать вывод о том, что антисоветские настроения – проблема влияния «тлетворного Запада» – была одной из актуальных для сотрудников КГБ, которые стремились к полной ликвидации существовавших настроений среди граждан СССР, но, по их же собственным оценкам, назвать эту работу завершённой не представлялось возможным.

Библиографический список

1. Авилова Н. Л., Демин А. Ю. Власть и инакомыслие в 1960–1970-е годы: региональный аспект (на материалах Курской и Орловской областей) // Известия Курского государственного технического университета. 2009. № 2 (27). С. 120–123.
2. ГБУТО Государственный архив социально-политической истории Тюменской области (далее – ГАСПИТО). Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2183.
3. ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2118.
4. ГАСПИТО. Ф. П-107. Оп. 1. Д. 2244.
5. История политических репрессий и сопротивления несвободе в СССР: Кн. для учителя / науч. ред. В. В. Шелохаев. М.: Мосгорархив, 2002. 510 с.
6. Хроника текущих событий. Вып. 1-65. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.memo.ru/history/diss/chr/> (дата обращения: 19.02.2023).

В. Р. Султангулов

Полномочия Республики Башкортостан в области межрегиональных и международных отношений в 1990-е гг. в контексте отношений с федеральным центром

В статье исследуются изменения правового статуса Республики Башкортостан в области межрегиональных и международных отношений в 1990-е гг. Рассмотрены ключевые правовые документы и полномочия в области внешних связей в них, прослежен нелинейный путь развития полномочий региона в политической борьбе с центральной властью.

The article is devoted to the study of changes in the legal status of the Republic of Bashkortostan in the field of interregional and international relations in the 1990s. The article examines the key legal documents and powers in the field of external relations in them, traces the nonlinear path of development of the region's powers in the political struggle with the central government.

Ключевые слова: историко-культурные связи, международные отношения, внешние связи регионов, федерализм, Республика Башкортостан.

Key words: historical and cultural relations, international relations, external relations of regions, federalism, Republic of Bashkortostan.

Башкирская АССР в рамках СССР имела все политические атрибуты государственности и формально широкий спектр суверенитета, что определялось Конституцией БАССР от 1978 г. Башкирия имела свой парламент, правительство, а также возможность выдвигать 23 депутата в Верховный Совет СССР. Статья 16 Конституции БАССР фиксировала, что экономика является составной частью хозяйственной структуры РСФСР, в связи с чем межрегиональные

и внешние связи в области хозяйствования регулировались из центра. Высокая степень самостоятельности региональной власти наблюдалась в области научных, культурных и спортивных межрегиональных связей.

К концу 1980-х гг., в период ухудшения социально-экономического положения в регионе, начинается политическая борьба за улучшение статуса БАССР в рамках своей самостоятельности до союзной республики. В официальной печати с осени 1989 г. обсуждаются различные проекты предоставления дополнительных прав Башкирской ССР. Так, в статье «Экономические взаимоотношения Союза ССР и республик» [9, с. 1] описывалось несправедливое правовое положение и предлагалось ввести налоговые льготы и финансировать экспорт, предоставить участие республикам в реализации общесоюзных программ и оставлять часть отчисляемых налогов в фонде развития республик. Также в статье «Внешнеэкономические связи» выдвигались требования децентрализации и либерализации отношений с другими странами, уничтожения монополий во внешних связях, но с эффективным государственным регулированием республиканскими властями местных предприятий, которые должны были стать главными внешнеэкономическими субъектами на основе самоокупаемости. Создание регулируемой рыночной экономики с широкими полномочиями региональной власти в этот период было одной из главных политических идей.

При этом ситуация во внешнеэкономических связях заметно ухудшалась, что требовало вмешательства со стороны государства [8, с. 3]. Производственные объединения не могли в полном объеме обеспечить поставки, и постепенно рос экспорт в капиталистические страны в свободно конвертируемой валюте.

После принятия Декларации о государственном суверенитете РСФСР в БАССР начали разрабатываться свои проекты закона. 11 октября 1990 г. на III сессии Верховного совета Башкирской АССР был принят окончательный вариант Декларации о государственном суверенитете БССР [2, с. 1]. Несмотря на то что в данном документе отсутствовали пункты о внешних связях, региональная власть претерпевала значительные изменения, связанные с расширением её полномочий. Поскольку земля, недра и иные ресурсы теперь являлись исключительной собственностью многонационального населения региона, теперь внешние связи регулировались новым органом – Управлением внешних экономических связей при Совете министров Республики Башкортостан. Изначально без широких полномочий этот орган руководствовался прежними положениями и законами СССР и РСФСР, однако через год он был преобразован в Госкомитет Республики Башкортостан по внешним экономическим связям, который уже разрабатывал внешнюю экономическую политику Башкирской ССР в соответствии с собственным Положением от 22.11.1991 г. [6, л. 3]. Положение резко расширило полномочия региона во внешних связях, что противоречило федеральным законам. Но «война законов» в распределении полномочий между центром и регионом не вышла дальше газетных статей, поскольку уже через месяц распался СССР. 25 февраля 1992 г. БССР была переименована в Респуб-

лику Башкортостан, что символически обозначало повышение её статуса в рамках РСФСР.

Для установления надежных отношений между регионами и центром на фоне сепаратистских настроений в окраинах, 31 марта 1992 г. было решено подписать федеративный договор [10], который должен был прекратить споры в сфере полномочий. В рамках данного договора в ст. 3 обозначалось, что республики (государства в составе РФ) являются самостоятельными участниками межрегиональных и международных отношений.

В связи с новым правовым статусом в Республике Башкортостан создавался новый центральный орган власти. Так, 5 августа 1992 г. было принято Положение о Министерстве внешних связей Республики Башкортостан. Новый орган власти обязывался соблюдать только те законы, которые не противоречили Декларации о государственном суверенитете Республики Башкортостан. Данное министерство было самостоятельным в сфере определения круга стран для научного, культурного и экономического сотрудничества, что описано в параграфе V [7, л. 5]. Оно самостоятельно формировало внешнеполитический курс, а также вносило законопредложения в региональный парламент.

Проблема сверхцентрализации управления ресурсами из центра в Башкирии была решена относительно мягко, без политического кризиса, как это происходило в Татарстане и Чечне. Также уничтожение монополии во внешней торговле не привело к экономической катастрофе и дефициту, а даже наоборот, поскольку к этому периоду отменялась карточная система. Республика Башкортостан была практически единственным регионом, который добился подписания специального приложения к федеративному договору от 31 марта 1992 г., повышающему круг полномочий и правовой статус в отношениях с центром. Юридически самостоятельность Башкирии не была чем-либо ограничена, а после подписания федеративного договора, была даже подтверждена.

Однако после принятия Конституции России от 12 декабря 1993 г. ситуация вновь изменилась (ст. 71 ставила внешнюю политику, международные отношения и внешнеэкономическую политику в исключительное ведение РФ; ст. 4 установила, что Конституция РФ и федеральные законы имеют верховенство на территории России, а значит, ранее подписанные Федеративные договоры теперь не могли им противоречить) [4].

Конституция Республики Башкортостан от 24.12.1993 г. установила иной подход, определив регион как суверенное государство в составе России [1]. Было определено, что внешние связи РФ остаются в рамках ведения РФ, а международные отношения и внешняя политика РБ во всех формах (научные, культурные контакты, договоры, экономические контракты) и со всеми субъектами (государствами, фирмами, фондами и т.д.) остаются в ведении РБ. Так между Москвой и Уфой начался период несоответствия основных законов, однако Б. Н. Ельцина эта ситуация не беспокоила, и он был готов раздать ещё больше суверенитета, поскольку с широкими полномочиями региону отходил и широкий круг проблем в области социально-экономического положения населения.

Башкирия проводила самостоятельный курс вхождения в рыночные отношения: Министерство материальных ресурсов и межрегиональных связей БССР [5], ранее ведавшее поставками внутри СССР, теперь выполняло координирующую функцию предприятий-экспортеров и помогало предприятиям не разориться, пытаясь регулировать торговлю с регионами и постсоветскими странами и на правительственном уровне. Министерство внешних связей РБ, помимо поиска новых партнеров в открывшемся капиталистическом мире, привлекало кредиты и инвестиции в регион, а также лицензировало и квотировало вывоз определенного круга дефицитных товаров в соседние регионы, тем самым пытаясь сохранить существовавший уровень жизни и пресечь черный рынок.

Президент Республики Башкортостан М. Г. Рахимов, занявший пост с 25.12.1993 г., никогда не выходил на открытую конфронтацию с центром и поддерживал власть Б. Н. Ельцина, не пытался проводить самостоятельную внешнюю политику и не вмешивался в конфликты в других регионах. Несмотря на определение в Конституции РБ – «суверенное государство», на самом деле суверенитет использовался в интересах улучшения жизни в регионе и решении сложившихся социально-экономических проблем, в связи с чем этот вопрос не был поводом для политической конфронтации.

Новый федеративный договор между Россией и Республикой Башкортостан, подписанный 3 августа 1994 г. [3], окончательно оформил правовой статус региона как обладающего тем же кругом широких полномочий, однако все подписанные договоры с регионами РФ и другими странами не должны были противоречить Конституции РФ. Отношения между Уфой и Москвой были теперь юридически стабилизированы, новых положений органы центральной власти региона не разрабатывали, поскольку они не противоречили федеративному договору, и круг полномочий остался фактически таким же.

Данный правовой статус установился до начала 2000-х гг. и не претерпевал серьезных изменений. Республика Башкортостан получила самостоятельность в решении вопросов государственного устройства, формирования бюджета и налогообложения, системы законодательства, в установлении межрегиональных и международных отношений. Федеративный договор от 1994 г. укрепил отношения центра с Республикой Башкортостан на основе развитых федеративных отношений.

Таким образом, первая половина 1990-х гг. являлась сложным периодом в отношениях между центром и Башкирией в сфере разграничения предметов ведения. Можно заметить, что центральная власть не подавляла желание местного населения и региональных властей в расширении своих прав и достижения суверенитета, и в то же время региональная власть не пыталась поставить невыполнимые политические требования. Цивилизованное сотрудничество между Москвой и Уфой помогло установить демократические федеративные отношения, в рамках которых Республика Башкортостан фактически была ограничена только Конституцией РФ.

Библиографический список

1. Ведомости Верховного Совета и Правительства РБ. 1994. № 4 (22).
2. Вечерняя Уфа. 1990. № 233 (6552), 12 окт.
3. Договор Российской Федерации и Республики Башкортостан от 3 августа 1994 г. «О разграничении предметов ведения и взаимном делегировании полномочий между органами государственной власти Российской Федерации и органами государственной власти Республики Башкортостан».
4. Конституция РФ 1993 года. Первоначальная редакция (действовала с 25.12.1993 по 13.01.1996). URL: <https://konstitucija.ru/1993/1/> (дата обращения: 10.01.2024).
5. Национальный архив Республики Башкортостан (далее – НА РБ). Ф. Р-5001. Оп. 1. Д. 1.
6. НА РБ. Ф. Р-5003. Оп. 1. Д. 3а.
7. НА РБ. Ф. Р-5003. Оп. 1. Д. 4.
8. Советская Башкирия. 1990. № 103 (22027), 4 мая.
9. Советская Башкирия. 1990. № 121 (22045), 26 мая.
10. Федеративный договор от 31.03.1992 г. «Договор о разграничении предметов ведения и полномочий между федеральными органами государственной власти Российской Федерации и органами власти суверенных республик в составе Российской Федерации». URL: https://gsmari.ru/upload/docs/f_dog.pdf (дата обращения: 10.01.2024).

В. В. Евлалов

Муниципальная реформа российской провинции 1995 г. (по материалам Самарской области)

В настоящей публикации на основе архивных документов исследуется малоизученный феномен в отечественной историографии – деятельность жигулевской городской администрации в период 1993–2003 гг. Охарактеризована деятельность органов жигулевского местного самоуправления на основе четырех важных компонентов: развитие инфраструктуры, формирование социокультурного пространства, финансовая деятельность и организационные принципы местного самоуправления. Проведен социально-экономический анализ города в период 1993–2003 гг., что позволило рассмотреть контекст генезиса и развития местного самоуправления в городе. Итогом исследования стал вывод о положительном ходе развития города в период формирования городской администрации г. Жигулевск.

This publication, based on archival documents, explores a little-studied phenomenon in Russian historiography - the activities of the Zhigulevsk city administration in the period of 1993–2003. In the article, the author characterized the activities of Zhigulevsk local government on the basis of 4 important components: infrastructure development, the formation of socio-cultural space, financial activities and organizational principles of local government. The author conducted a socio-economic analysis of the city in the period of 1993-2003, which made it possible to consider the context of the genesis and development of local government in the city. The result of the research was the conclusion about the positive progress of the city's development during the formation of the city administration of Zhigulevsk.

Ключевые слова: российская провинция, местное самоуправление, Самарская область, Жигулевск.

Key words: russian province, local self-government, Samara region, Zhigulevsk.

С переходом на систему администраций в качестве организующей формы местного самоуправления в Российской Федерации и отказом от системы Советов народных депутатов [12] в политической практике Российского государства вышли на повестку дня вопросы, связанные с внедрением новой системы местного самоуправления на всей территории страны. До 1991 г. в стране действовала система Советов народных депутатов, которые с 1936–1991 гг. являлись представительным органом власти, оставаясь при этом элементом государственной власти. Лишь в 1991 г. «в результате ожесточенной полемики в обществе» [16, с. 58] власти предприняли попытку наделения Советов самостоятельностью, отменив 137 статью Конституции [8], согласно которой Советы являлись «высшим органом государственной власти» [9]. Так, с выходом Конституции 1993 г. и соответствующей законодательно-правовой базы создавалась новая система местного самоуправления по типу администраций [13].

Комплекс проблем, связанных с новой вехой развития местного самоуправления в России, носят дискретный характер из-за многообразия муниципального устройства страны, которое детерминирует становление местных администраций в различных территориальных управлениях. Органам местных самоуправлений предстояло решить такие важные вопросы, как организационные принципы формирования муниципалитетов, формы местного самоуправления, финансовая деятельность местного самоуправления, формирование социокультурного пространства муниципальных образований, а также развитие инфраструктуры сельских поселений и городов. К данному комплексу вопросов накладывалось специфическое социально-экономическое положение отдельно взятых регионов, а также их политическое развитие.

Одной из самобытных и по-настоящему ценной для исследований является Самарская область. Это связано с особым экономическим положением региона: в 90-е гг. ему достались от СССР мощная автомобильная, военная, нефтяная, химическая промышленности, которые были сосредоточены по всей Самарской области, а не только в областной столице.

Соответственно, исследования опыта реализации реформы местного самоуправления 1995 г. на сегодня остаются актуальными и востребованными, так как сразу включают в себя теоретическую и практическую значимость. Так, с теоретической точки зрения, выводы подобных исследований можно использовать в качестве источниковедческой основы для последующего совершенствования нормативно-правовой базы местного самоуправления. С практической точки зрения, схожие научные поиски позволяют органам муниципальных образований отчетливо понимать современное состояние развития местного самоуправления в России. Кроме того, подобные исследования имеют социальную значимость и востребованы обществом, так как граждане заинтересованы в совершенствовании форм проведения местной политики.

На сегодняшний день в отечественной историографии не сложилась единая точка зрения на оценку реформы местного самоуправления 1995 г. в Самарской области. Вопросы местного самоуправления нашли отражение в работах регионального характера М. Н. Матвеева, Г. В. Алексушина,

О. Н. Константиновой, В. В. Чистовой. Они анализировали различные аспекты реформы местного самоуправления, а также предоставили ценный фактический материал для развития учений о местном самоуправлении. Многокомпонентность местного самоуправления не позволила данным авторам охватить все аспекты реформы, что отразилось в игнорировании опыта некрупных муниципальных образований Самарской области, поэтому предмет исследования остается широким полем для исследований.

В качестве источниковой базы привлекались: материалы архивного отдела Администрации городского округа Жигулевск Самарской области, нормативно-правовые акты, Конституции 1977 и 1993 гг. Кроме того, в работе в качестве фактического материала использованы выводы новейших проблемных статей о местном самоуправлении.

Методология исследования базируется на историческом нарративе, контекст анализе, описательном и сравнительном методах, которые способствовали обнаружению схожих явлений в городах области.

Цель настоящей статьи – определение степени выполнения основных вопросов местного значения местного самоуправления жигулевской администрации в период проведения 1993–2003 гг. Для достижения цели было необходимо решить ряд задач: 1) проанализировать социально-экономические факторы городского округа Жигулевск 1993–2003 гг.; 2) оценить ход проведения реформы местного самоуправления в городе Жигулевск; 3) дать оценку местному самоуправлению Жигулевска 1993–2003 гг.

Новая полоса изысканий в области исследований местного самоуправления представлена в данной публикации, выводы которой станут основой для фундаментального изучения российских провинций. Научная новизна заключается в новой постановке вопроса, а также впервые в российской историографии исследование обращено непосредственно к опыту реформы местного самоуправления провинций Самарской области – городу Жигулевску.

История жигулевского местного самоуправления берет свое начало с 1991 г., когда на основании Закона РСФСР «О местном самоуправлении» в Жигулевске «произошло разделение представительной и исполнительной власти» [17, с. 48]. С 1991 по 2008 гг. главой города являлся С. Г. Балахонов, который изначально был назначен на должность мэра, а в 1996, 2000 и 2005 гг. выиграл соответствующие выборы. В 1994 г. в городе прошли выборы Жигулевской городской думы, в том же году были утверждены регламент городской думы и положение о местном самоуправлении.

Администрация г. Жигулевска сразу принялась выполнять свои обязательства перед населением и в связи с недостатком средств в регионе принялась разрабатывать и претворять в политическую практику социокультурную программу. Так, 19 августа 1996 г. решением городской думы № 23 Жигулевск получил свой первый устав. Спустя 7 лет, 29 декабря 2003 г. постановлением думы Жигулевска № 39 город получил свой герб [10, с. 184]. До реформы местного самоуправления 2003 г. местная администрация продолжала выполнять свои обязанности по формированию социокультурного пространства города,

которое формирует городское «самосознание и идентичность» [11, с. 65], что входит в перечень обязанностей администрации [14, с. 8]. В 1993 г. органами местного самоуправления были проделаны определенные шаги по укреплению культуры города и началось реконструирование кинотеатров [3, л. 59]. Тем самым, можно сделать вывод, что администрация города выполняла свои обязательства в формировании социокультурного пространства.

Другой важной обязанностью администрации является развитие городской инфраструктуры. Анализ архивных документов и городской среды г. Жигулевска 1993–2003 гг. позволяет говорить, что несмотря на сравнительно малый вклад в валовой продукт области (около 1 %) [1, с. 3], администрация отчитывалась о положительном состоянии бюджета, так, в 1996 г. бюджет выполнен на 127,3 % [2, л. 1]. В этот же период администрацией проделана работа по строительству и совершенствованию инфраструктуры: в 1994 г. был реорганизован спортивный объект стадион «Кристалл» [4, л. 26], в 1995 г. отделу архитектуры и градостроительству были выданы средства на проектирование городского пляжа [5, л. 195], в 1996 г. было введено 11 объектов жилищного фонда и 6 объектов гражданского назначения [2, л. 26].

Финансовая деятельность городской жигулевской администрации была сосредоточена на установлении и сборе налогов, ведении финансовых средств, а также привлечении инвестиций в город. Согласно отчету администрации, в 1996 г. бюджет города недополучил 29 307 млн рублей от крупных предприятий АО «ВоГЭС», «ГГДУ «Жигулевскнефть», АО «Жигулевские стройматериалы», АО «Жигулевское», «Радиозавод» [2, л. 1]. В 2000 г. администрацией было сокращено поступление налоговых платежей в безденежной форме с 64,3 % в 1999 году до 16,1 % [6, л. 1]. Кроме того, в период 1999–2001 гг. администрация начала работу по регулированию и координации деятельности промышленных предприятий [6, л. 2]. Так, в 2002 г. доходы города возросли, по сравнению с предыдущим годом [1, с. 15]. Накануне реформы 2003 г. Финансовое управление администрации г. Жигулевска отчиталось о 103,6 % наполнении бюджета [7, л. 1]. В этот же период органы местного самоуправления заложили фундамент для развития предпринимательства на последующие годы, выделив средства из местного бюджета для развития и поддержки местного бизнеса, что включало консультации, обучение предпринимателей. Данные акты свидетельствуют, что небольшой город в рамках Самарской области сумел найти средства для бюджета, а также преодолеть кризис 1996 г., когда местные власти докладывали о существенной недоимке средств от предприятий.

С 1993 по 2003 гг. администрацией были разработаны организационные принципы формирования органов муниципалитета, куда вошли экономическая, территориальная, нормативно-правовая основы. Так, в уставе города прописано, что в систему органов муниципалитетов входят: городская дума, являющаяся выборным представительным органом, администрация города [15, с. 16]. К общим принципам жигулевского местного самоуправления в период 1993–2003 гг. можно отнести: 1) конституционность права населения на местное самоуправление; 2) независимость органов местного самоуправления;

3) нормативность обязанностей, задач и состава муниципальных органов. Территориальные основы местного самоуправления городского округа Жигулевск включают в себя: общественное самоуправление, которое состоит из домовых и квартальных комитетов [14, с. 23], а также городскую администрацию и администрацию поселков: Зольное, Солнечная Поляна, Богатырь, Яблоневый Овраг, Ширяево, Бахилова Поляна.

Формы местного самоуправления г. Жигулевска были установлены в уставе и включают себя непосредственное, прямое волеизъявление народа, референдумы и регламентированное через мэра города, городскую думу, а также администрацию.

Важно понимать, в каких условиях происходило формирование жигулевского местного самоуправления, и выделить некоторые детерминанты, которые выражены в социально-экономическом положении города. Итак, несмотря на кризис 90-х гг., в Жигулевске росла численность населения: с 45 тыс. в 1993 г. до 48 тыс. в 2003. Это говорит о том, что социально-экономическое положение города в целом благоприятствовало росту населения, что во многом достигалось благодаря работе администрации. Так, засвидетельствовано, что в 1995 г. администрацией была оказана помощь в строительстве магазина [5, л. 208] и семье на лечение ребенка [5, л. 197]. Кроме того, в трудные для страны времена в период 90-х гг. в г. Жигулевск действовали льготы на лекарства [5, л. 252].

Таким образом, муниципальную реформу российской провинции 1995 г. в городском округе Жигулевске можно назвать успешной. Администрацией были сделаны шаги по развитию инфраструктуры, социокультурного пространства, а также началось создание относительно независимой системы городского управления через реализацию бюджетных средств на развитие города.

Библиографический список

1. Аппарат Самарской Губернской Думы. Организационно-информационное управление. Основные показатели социально-экономического развития городов и районов Самарской области в 2002 году. Самара 2003.
2. Архивный отдел администрации городского округа Жигулевск. Р. 1. Оп. 1. Д. 26.
3. Архивный отдел администрации городского округа Жигулевск. Р. 1. Оп. 1. Д. 20.
4. Архивный отдел администрации городского округа Жигулевск. Р. 1. Оп. 1. Д. 50.
5. Архивный отдел администрации городского округа Жигулевск. Р. 28. Оп. 1. Д. 69.
6. Архивный отдел администрации городского округа Жигулевск. Р. 28. Оп. 1. Д. 361.
7. Архивный отдел администрации городского округа Жигулевск. Р. 28. Оп. 1. Д. 726.
8. Закон РФ от 21 апреля 1993 г. № 2708-1 «Об изменениях и дополнениях Конституции (Основного Закона) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. URL: <https://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1978/zakony/183094/> (дата обращения: 02.09.2023).
9. Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г. URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/cnst1977.htm> (дата обращения: 07.07.2023).
10. Мочёнов К. Ф., Коржик Ю. В. Гербы современной России. Гербы современной России. Гербы областей, районов, городов, поселков и сел, внесенные в Государственный ге-

ральдический регистр Российской Федерации, разработанные при участии Союза геральдистов России с 1992 по 2004 год. Справочник. М.: Гербы и флаги, 2005. 296 с.

11. Регионы России в XXI веке: пространственные измерения и социетальные трансформации / отв. ред. А. В. Иванов. Саратов: Наука, 2015. 240 с.

12. Указ Президента РФ от 21.09.1993 года № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации». [Электронный ресурс]. URL: <https://yeltsin.ru/archive/act/41068/> (дата обращения: 05.09.2023).

13. Указ Президента РФ от 26.10.1993 г. № 1760 (ред. 22.12.1993) «О реформе местного самоуправления в Российской Федерации» (вместе с «Положением об основах организации местного самоуправления в Российской Федерации на период поэтапной конституционной реформы»). [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2614/ (дата обращения: 04.09.2023).

14. Устав города Жигулевска. В редакции решения городской Думы № 71/199 от 20.04.2000 г. зарегистрированного Управлением юстиции Самарской области рег. № 2982 от 10.05 2000 г.

15. Устав города Жигулевска. В редакции решения городской Думы № 71/199 от 20.04.2000 г., постановления городской Думы № 4 от 27.09.2001 г., зарегистрированных Управлением юстиции Самарской области. Рег. № 2982 от 10.05.2000 г., рег № 123 от 04.06.2002 г. Жигулевск, 2002.

16. Черноситов В. А. Советы народных депутатов в СССР на рубеже 1990-х гг.: правовой статус и роль в процессе расширения института местного самоуправления // Общество и право. 2008. № 1 (19). С. 56–58.

17. Чистова В. В. Жигулевск в моей судьбе. Краеведческий очерк. Самара: Новая техника, 2012. 208 с.

Ю. С. Муренкова

Торговый средневековый Смоленск: археологические находки послевоенного периода

В статье рассматриваются результаты археологических исследований средневекового Смоленска, проведенных после Великой Отечественной войны. Найденные артефакты подтверждают тот факт, что Смоленщина была привлекательной территорией для различных древних народов, а также была богата торгово-экономическими связями с другими странами.

The article discusses the results of archaeological research on medieval Smolensk conducted after the Great Patriotic War. The artifacts found confirm that the Smolensk region was an attractive territory for various ancient peoples and had rich trade and economic connections with other countries.

Ключевые слова: археология, Смоленск, археологические находки, торговля.

Key words: archaeology, Smolensk, archaeological findings, trade.

История Смоленска связана с крупным восточно-славянским племенем кривичей, которые заняли земли в верховьях Западной Двины, Днепра и Волги в VIII–XII вв. Первое упоминание о самом городе относится к 863 г. – именно эта дата содержится в Устюжском летописном своде, который сохранил в себе следы смоленского летописания. Летопись сообщает, что Смоленск управлялся старейшинами и был «велик и мног людьми» [7, с. 163].

Многолюдность города можно объяснить географическим фактором Смоленщины – он расположен на главном водоразделе европейских рек, что, безусловно, способствовало развитию торговых связей. Смоленск находился на одном из ключевых маршрутов Древней Руси – водного пути «из варяг в греки» – важного для развития как культурных, так и торговых связей Древнерусского государства.

Еще в конце XIX в. на территории города были обнаружены греческие и римские монеты, а в 150 километрах, в районе Витебска, и вовсе была найдена латенская гривна – уникальная для этих мест монета [6, с. 82]. Все эти находки свидетельствуют об активных торговых контактах.

После окончания Великой Отечественной войны археологи обнаружили на территории Смоленщины множество уникальных археологических экспонатов. В 1967 г. у деревни Кислой был найден один из самых больших кладов восточноевропейских монет раннего Средневековья: 600 серебряных дирхемов первой трети IX в. [2, с. 12]. Вместе с ним археологи обнаружили и редкий скандинавский полубрактеат Хайтабу (датская монета, отчеканенная около 825 г.) с изображением скандинавского корабля. Полубрактеат является единственной аналогичной монетой, найденной на территории Восточной Европы.

Деревня Кислая располагается в излучине реки Жереспя, впадающей в реку Касплю, уже через которую, используя достоверно известную систему волоков, можно было перебраться в Днепр. Таким образом, место, где был найден клад, являлось своеобразным обжитым перекрестком – на берегу Жереспя были найдены городища как носителей днепро-двинской культуры VIII в. до н. э. – IV в. н. э., так и селища тушемлинской культуры IV–VII вв. [5, с. 234]. Именно в этом месте советскими археологами были найдены овальные фибулы с кольцами, щипчики, ланцетовидные стрелы, мечи из курганов и другие артефакты, которые репрезентируют факт появления варяжских купцов-воинов в Смоленщине в IX в. [4, с. 198].

Наличие же специфических норманнских захоронений на Смоленской земле (погребения в ладьях) свидетельствуют о том, что скандинавы не только случайно проникали на берега Днепра во второй половине IX в., но и оседали там, не чуждаясь влияния аборигенов.

В эпоху раннего Средневековья торговые связи региона значительно расширились. Такой вывод можно сделать по нахождению не только различных монет (византийских, западноевропейских и др.), но и разнообразных иностранных товаров.

В 1970 г. в деревне Гнездово была возобновлена Смоленская археологическая экспедиция, результатами работы которой стало нахождение следов ювелирного и гончарного ремесла, украшений, светильников, тканей и многого другого. Обилие найденных артефактов указывают на производство этих изделий непосредственно в этих местах.

По одной из версий, вблизи Смоленска располагались и стеклодельные мастерские, которые снабжали соседние поселения различными посеребренными и имитирующими привозные золотостеклянными бусами [8, с. 76].

Имеющиеся исторические документы указывают на активную торговлю Смоленска с другими русскими княжествами. Шиферные пряслицы, обнаруженные во всех городах Смоленщины (Торопец, Мстиславль, Ростиславль и др.), могут говорить о торговых контактах с Волынью. Кресты-энколпионы, найденные в Смоленске и Мстиславле, свидетельствуют о торговле с «Русской землей», прежде всего с Киевом. Это подтверждается и наличием различных типов стеклянных браслетов и предметов культа из Бородинского городища, таких как иконки и лампадки, а также других изделий из Воищины и Смоленска [1, с. 68].

Документы же, отражающие торговые связи средневекового Смоленска с другими странами, представлены не так полно, однако эти связи подтверждают другие археологические артефакты. Так, в 1960-х гг. в Смоленске была обнаружена западноевропейская гемма, схожая с аналогичным украшением, найденным в Киеве. Предположительно обе геммы были привезены в древнерусские города с берегов Ютландии, что, вероятнее всего, связано с торговой деятельностью фризских купцов [3, с. 39]. Найденные же под Смоленском стеклянные браслеты с инкрустацией, костяные обкладки шкатулок и другие артефакты указывают на наличие торговых связей с Византией. Что касается

обнаруженных самшитовых гребней, то они прямо указывают на торговые отношения с Кавказской землей.

О развитых торговых связях Смоленска свидетельствуют и найденные источники о службе мер и весов. Так, этот вопрос поднимался еще во второй четверти XIII в. – судя по договору 1229 г., в Успенском соборе и в «немецкой божнице» в Смоленске хранилась капь – эталон веса, который бы гарантировал равноправие при международной торговле. Описание подобных эталонов исследователи находят в других городах Смоленской земли, например, в Касплянском волоке [9, с. 98]. Таким образом, источники по истории Смоленщины впервые сообщают нам о службе мер и весов в Древней Руси.

В заключение необходимо отметить, что найденные исторические артефакты Смоленщины в послевоенный период подтверждают богатые торговые связи города в Средневековье. Археологические находки являются ключом к пониманию исторической роли Смоленска как крупного культурного центра и важнейшего торгового международного узла.

Библиографический список

1. Алексеев Л. В. Мелкое художественное литье из некоторых западнорусских земель (кресты и иконки Белоруссии) // СА. 1974. № 3. С. 204.
2. Галанов В. И. Памятники нумизматики эпохи викингов в фондах Смоленского государственного музея-заповедника // Международная нумизматическая конференция «Эпоха викингов в Восточной Европе в памятниках нумизматики VIII–XI вв.»: Санкт-Петербург, Старая Ладога, 18–20 апреля 2014 г. СПб.: «Знак», 2014. С. 10–15.
3. Даркевич В. П. Гемма из Смоленска // КСИА. 1965. Вып. 104. С. 38–41.
4. Дедюхина В. С. Фибулы скандинавского типа // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. М., 1967. Вып. 43. С. 191–206.
5. Косенков Г. Л. Периодизация и реконструкция истории освоения территории национального парка «Смоленское Поозерье» для целей типологии культурного ландшафта // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 232–238.
6. Кропоткин В. В. Клады римских монет на территории СССР. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 119 с.
7. Медведев А. В. Формирование экономических центров на территории древней Руси перед образованием государства // Актуальные вопросы современной науки и образования: сб. статей III Междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч., Пенза, 25 мая 2020 года. Часть 1. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2020. С. 163–165.
8. Фехнер М. В. К вопросу об экономических связях древнерусской деревни // Очерки по истории древнерусской деревни X–XIII в. / Труды ГИМ. Вып. 33. М.: Сов. Россия, 1959. 235 с.
9. Щапов Я. Н. Государство и церковь Древней Руси X–XIII вв. М.: Наука, 1989. 231 с.

К. Е. Николаенко

Ключевые аспекты хозяйственной деятельности новгородских горожанок XII–XIV вв.

В данной статье рассматриваются ключевые занятия новгородской горожанки по материалам берестяных грамот. В работе охарактеризована многогранность хозяйственных дел. Горожанка открывается нам как личность хозяйственно самостоятельная, т. е. занимается не только домашним хозяйством и воспитанием детей. Женщина начинает заниматься торгов-

лей и предпринимательской деятельностью. Некоторые женщины могли управлять семейной землёй в определенных условиях, т. е. мы видим зарождающуюся самостоятельность. В заключение подчеркивается важность горожанок в хозяйственной деятельности.

This article discusses the key occupations of the Novgorod townswoman. The work characterizes the versatility of economic affairs. The townswoman opens up to us as an economically independent person, that is, she is engaged not only in household management and raising children. A woman begins to engage in trade and entrepreneurship. Some women could manage the family land in the absence of a husband or a father, that is, we see independence. In conclusion, the article emphasizes the importance of urban women in economic activity.

Ключевые слова: хозяйственная деятельность, горожанки, торговля, финансы, доход, сельское хозяйство, имущество.

Key words: economic activity, city women, trade, finance, income, agriculture, property.

Хозяйственная деятельность занимает неотъемлемое место в нашей жизни, это совокупность действий по хранению, добыче и производству новых хозяйственных благ.

Новгородские горожанки имели определенную экономическую самостоятельность – собственные финансы, которыми они свободно распоряжались: передавали по наследству, давали в долг, тратили на необходимые покупки. Полная экономическая самостоятельность обычно предусматривает тот факт, что женщина должна иметь источник денежного дохода. Значит, женщина должна была заниматься какой-либо деятельностью, которая приносила бы ей этот доход и выходила бы за пределы её семейных и домашних функций и обязанностей. Многие новгородские горожанки занимались прибыльным делом.

Для изучения данной темы важен такой источник, как берестяные грамоты. Упоминания о владении собственных денежных средств содержат одиннадцать грамот. Рассмотрим их подробнее. Горожанки обладали собственными финансами и свободно распоряжались ими. Примеров этого в берестяных грамотах достаточно: Ярошкова жена попала в список должников, задолжав кому-то 9 векш (грамота № 228) [13, с. 112]; Ефимья расплатилась с кем-то полтиной (грамота № 328) [13, с. 213]; жена Смолига уплатила штраф в 20 гривен за своего мужа (грамота № 603) и т. д. Также в грамоте № 613 речь идёт о просьбе денежного займа [13, с. 343].

Новгородские женщины получали денежные средства из различных прибыльных дел. Важную роль, например, играло ростовщичество. Но женщине в этой сфере деятельности доверяли меньше, чем мужчине и часто возводили незаконные обвинения, как в случае с Анной и её дочерью (грамота № 531) [3, с. 67].

Более типичным занятием для женщины было ремесло, например существовали ткачихи или белильщицы полотна. В грамоте № 125 об этом сказано: Мария, мать Гюргия, была портнихой, шила одежду на заказ, и просит своего сына купить дорогую ткань [3, с. 178], т. е. это дело приносило ей деньги.

Но не каждая женщина получала деньги, производя что-то, некоторые горожанки получали финансы иным путём. Выгодным было в то время оказание услуг свахи. Например, свахе Ярине (грамота № 731) мать жениха Янка обещает хорошее вознаграждение в случае успешного исхода дела: «...а где мне хлеб, там и тебе» [12, с. 32]. Ещё одним способом получения денег являлась земля, которой владели некоторые горожанки. Получать прибыль можно было разными способами: за счёт урожая, аренды, продажи части земли.

При внимательном рассмотрении берестяных грамот можно убедиться в том, что грамоты написаны образованными и начитанными горожанками, на это указывают, в частности, устойчивые обороты «был как брат» (т.е. как родной), «суди Бог и моя худость» (книжная идиома, восходящая к греческому языку) [12, с. 89]. А в сообщении «От Петра к Марье» содержится просьба прислать копию документа о покупке пожни. Это означает, что и юридической грамотностью женщины обделены не были. Большая часть «женских» берестяных грамот принадлежит знатым горожанкам, которые умели писать и читать, это было обязательно. Но не только горожанки были грамотными, простые женщины тоже отличались грамотностью: археологи часто находят бытовые предметы, например, пряслица, подписанные своими хозяйками [1, с. 51].

Горожанки не только участвовали в хозяйственной деятельности, но и могли стать ее организаторами. Так, в грамоте № 8 конца XII в. «Семнунова жена» давала указания о выкупе коровы [1, с. 39]. Марена в грамоте № 794 вела переговоры с князем о наделении купцов [13, с. 25]. В грамоте № 442 мать сообщила сыну о ценах на рожь. Берестяные грамоты показывают нам женщину не только как хранительницу очага, но и как активную участницу хозяйственных и экономических дел.

После смерти мужа горожанка имела право проживать в его доме и даже имела свою долю, т. е. становилась главой семьи и была полноправной наследницей. Примерно 130 грамот содержат имущественные, правовые и семейные отношения, в которых участвовала горожанка. Например, в грамоте № 9 Гостиата жаловалась на своего мужа, который предъявлял материальные претензии относительно ее имущества [1, с. 42]. В грамоте № 705 сестра получила от брата некое имущество [12, с. 95]. В грамоте № 477 говорится о том, что Анна выдала Микифору земельный участок [12, с. 71]. Помимо этого, новгородские берестяные грамоты XII–XIV вв. (№ 28, 55, 125, 129, 212, 213, 293, 328, 358, 363, 389, 395, 449, 603, 630, 687, 711, 849, 955, 974, 999, 1013, 1029, 1060, 1063) также закрепляют за женщинами практику владения и распоряжения денежными средствами.

Изучая эти письменные источники о нравах в Древней Руси, можно сделать вывод о том, что женщина была мужу верной помощницей, не уступающей ему в образовании и умении управлять хозяйством

Обращаясь к вопросам торговли, изначально нужно сказать, что женщины в Новгороде занимались преимущественно домашним хозяйством и воспитанием детей. Торговля была мужским делом, и женщины не имели права заниматься предпринимательской деятельностью. Торговые связи на просторах

Новгородской земли существуют ещё с давних времён. В Новгороде в основном господствовало натуральное хозяйство. Основные потребности горожане удовлетворяли в пределах своего хозяйства. Вещи, которые горожане не могли получить у себя, брали у ремесленников, или друг у друга.

Существовали значительные исключения. Некоторые женщины, в основном вдовы или дочери богатых купцов, могли управлять семейным делом в отсутствие мужа или отца. Они обычно получали формальное разрешение от мужского родственника или местной власти, чтобы легализовать свою деятельность [10, с. 204].

Помимо этого, некоторые горожанки могли заниматься ремёслами и продавать свои изделия на рынке. Но мы видим, чаще всего такая деятельность нарушала нормативные акты и регуляции, и горожанки попадали под штраф или арест [9, с. 369].

На рынке горожанки могли заниматься торговлей своими изделиями, такими как вышивка, кружева, свечи, мыло и т.д. Они также могли продавать продукты собственного хозяйства, например: молоко, яйца, мясо, овощи и фрукты. Женщины занимались сельским хозяйством [10, с. 391]. Почти все дома имели огороды как для пользования овощами, так и для удовольствия. Сажали огурцы, тыкву, свёклу, горох, капусту, создавали запасы на зимнее время. Популярностью также пользовались зерновые культуры (рожь, пшеница, ячмень). В подсобном хозяйстве у горожанок были куры, гуси, утки, также популярностью пользовался рогатый скот. Существовали хмельщики – производители сырья для одного из самых употребляемых в средневековом Новгороде напитков – пива [10, с. 376].

Горожанки Новгорода любили носить украшения, следили за модой и тенденциями, в том числе и европейской [6, с. 299]. Для того чтобы следить за европейской модой, у горожанок Новгорода были все возможности, город активно торговал с Ганзой, которая поставляла сюда товары со всей Европы. Важнейшая отрасль в Новгороде – металлообработка, благодаря чему женщины-горожанки получали орудия труда, необходимые в сельскохозяйственной и повседневной жизни (ножи, иголки, замки, топоры).

Купля-продажа совершалась на городском рынке, или – как тогда говорили – «на торгу» [4, с. 245]. Такой рынок существовал в каждом городе. Цены в основном устанавливались в зависимости от урожая или неурожая. В летописи можно заметить, что цены неоднократно увеличивались на хлеб. Дожди, заморозки вызывали неурожай в некоторых частях Новгородской земли, тогда продукты из одного региона получал другой район. Также на торговлю нередко влияла политика [5, с. 543].

На площади и прилегающих к ней улицах находились полки с товарами, шалаши, лавки, скамьи [4, с. 261]. Посреди площади торговали с возов, саней, телег, мешков, с рук, бочек. Горожанки раскладывали товар перед собой, подходящий покупатель смотрел его и выбирал. Под сводчатыми арками располагались в рядах торговые лавки, в подвалах размещались кладовые для хранения товаров.

Все продукты имели свои ряды. «Житный» ряд продавал хлебные запасы, «ветчинный» ряд – мясо, «масляный» ряд – коровье масло, «прасольный» ряд – белугу, солёную осетрину и другие копчёности, «рыбный» ряд продавал рыбу [4, с. 297].

Таким образом, горожанки в Новгороде были ограничены в своих возможностях для занятия делами. Однако некоторые из них все же находили способы проявить предпринимательские качества, даже если это были незаконные действия.

Тем не менее, у женщин было довольно мало прав и ограниченные возможности для образования и занятий профессиональными делами. Большинство женщин не имели наследственного права, их имущество переходило к мужу или близким родственникам мужа в случае смерти. Но были известны и другие факты. Берестяные грамоты нам говорят о том, что новгородские женщины могли владеть землей, они приобретали землю или получали ее в наследство. Полученные земли горожанки могли дарить, оставлять, как наследство, продавать, получать доход, сдавать в аренду. Если горожанка осталась вдовой, она наследовала имущество и занималась им до надлежащего возраста детей [3, с. 115].

Следует отметить, что в Новгороде всё-таки горожанки имели больше прав, чем городские девушки на других землях Руси, в частности право на собственную землю. Горожанки были не особо богаты, редко кто из них мог позволить иметь в своём доме рабов и слуг. Упоминаний о таком явлении не имеется.

В хозяйственной жизни на женщину налагался широкий круг трудовых обязанностей. Большая семья не могла существовать без женской руки, жизнь без женщины в доме привела бы к падению выполнения хозяйственных работ и снижению уровня жизни семьи. Значение женщины в семье было огромным. Все заботы по обеспечению благополучию семьи лежали на женских плечах. Своими поступками городские женщины помогли расширить представления о женской роли в обществе того времени.

Библиографический список

1. Арциховский А. В. Новгородские грамоты на берёсте: Из раскопок 1962–76 гг. М.: Наука, 2010. 68 с.
2. Древнерусские берестяные грамоты. URL: <http://gramoty.ru/birchbark/> (дата обращения: 20.05.2023).
3. Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. М.: Языки славянской культуры, 2015. 287 с.
4. Костомаров Н. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа. М.: Просвещение, 1993. 397 с.
5. Новгородские летописи. ПСРЛ. Т. 3. Рязань: Александрия, 2001. 674 с.
6. Вахрушева И. В. Положение женщины в обществе в Новгородской земле в XII–XV вв. // Вестник ВолГУ. Сер. 9: Исследования молодых ученых. 2017. № 15. С. 118–122.
7. Пушкарёва Н. Л. Женщины Древней Руси. М.: Мысль, 1989. 286 с.
8. Пушкарёва Н. Л. Частная жизнь русской женщины в Древней Руси и Московии. Невеста, жена, любовница. СПб.: Ломоносовъ, 2017. 208 с.

9. Судебник 1497 г. Российское законодательство X–XX веков. Т. 2. М.: Юридическая литература, 1985. 519 с.
10. Смирнов В. Г. История Великого Новгорода. М.: Вече, 2006. 475 с.
11. Тулупов П. В. Русь Новгородская. М.: Эксмо, 2009. 288 с.
12. Янин В. Л., Зализняк А. А. Новгородские грамоты на бересте. Т. 10. М.: Русские словари, 2000. 432 с.
13. Янин В. Л. Я послал тебе бересту. М.: Языки рус. культуры 1981. 461 с.

Н. В. Никитина

Императорские визиты и проблема строительства дорожной сети в Смоленской губернии в XVIII – первой трети XIX в.

В статье анализируются влияние визитов императоров и членов правящей династии на развитие дорожной сети Смоленской губернии в XVIII – первой трети XIX в. На основе изучения опубликованных и неопубликованных материалов реконструируются особенности этого процесса, акцентируя внимание на личностном факторе – участии представителей царствующей династии в изменении состояния губернских дорог, а также реакции местного руководства (наместников, губернаторов) в заявленный хронологический период.

The article analyzes the influence of the visits of emperors and members of the ruling dynasty on the development of the road network of the Smolensk province in the 18th – first third of the 19th century. Based on the study of published and unpublished materials, the author reconstructs the features of this process, focusing on the personal factor – the participation of representatives of the reigning dynasty in changing the state of provincial roads, as well as the reaction of the local leadership (governors) in the declared chronological period.

Ключевые слова: императорские визиты, дорожная сеть, Смоленская губерния, XVIII – первая треть XIX в.

Key words: imperial visits, road network, Smolensk province, 18th – the first third of the 19th centuries.

Проблема истории строительства дорог в Смоленской губернии в XVIII – первой трети XIX в. является малоизученной как в российском масштабе, так и на региональном уровне. Исследователь В. Е. Захаров изучал историю бытования одной из смоленских дорог – Старой Смоленской, а также отражение сведений о ней в литературных произведениях [5]. Один из аспектов строительства смоленских дорог рассматривался в статье о социальных практиках дорогобужских предводителей дворянства в 1820–1830-е гг. автором данного исследования [6]. Обнаруженные в центральном (Российский государственный исторический архив) и региональном (Государственный архив Смоленской области) архивах материалы, не введенные в широкий научный оборот, позволяют существенно расширить и уточнить исследовательское поле данной проблемы и всесторонне изучить влияние визитов членов императорской фамилии на развитие дорожной сети в регионе.

Первые дороги на Смоленщине строились и формировались без всякого плана из малых проселочных дорог по мере надобности. Большинство историков считают, что «прямоезжие» дороги появились на Смоленской земле не ранее рубежа XV–XVI вв., когда на вооружении армий появились пушки и возникла необходимость перевозить их на большие расстояния к театру военных действий. Именно так в течение нескольких столетий и сформировалась смоленская дорога к Москве. Изначально она совпадала с нынешней Старой смоленской дорогой только в смысле направления, в самом общем географическом понимании. Вероятно, первоначально от Смоленска дорога шла на Долгомостье, потом к Ельне и Дорогобужу. В начале XVIII в. основным станет другой путь на Дорогобуж – более прямой и короткий с переправой через Днепр в районе Соловьева перевоза [5]. В начале XVIII в. дорога до Москвы становится государственным почтовым трактом, а позже возникает и второй путь – к новой столице, Санкт-Петербургу.

На почтовой карте Российской империи 1760 г., составленной адъютантом Академии наук И. Трускоттом, которая стала первой единой картой такого рода в стране, отразились и почтовые дороги Смоленщины. Через Смоленскую губернию в этот период проходили две почтовые дороги с обозначением на них почтовых станций: Московский почтовый тракт (Смоленск – Пнево – Дорогобуж – Зарубежье – Вязьма – Гжатская пристань – Можайск – Москва) и дорога от Смоленска на Нарву (Смоленск – Зуево – Береснево – Трунаево – Прысухово – Псков – Нарва). По второму тракту можно было попасть в Ригу и Санкт-Петербург. К сожалению, на карте Смоленского наместничества 1786 г., созданной Александром Вильбрехтом, никакие дороги, в том числе «большаки» и даже почтовые, не обозначены.

Состояние дорожной сети Смоленщины было крайне неудовлетворительным, малоотличавшимся от средневековья: дремучие леса, обширные болота, трясины, непролазная грязь, ненадёжные мосты, хлипкие бревенчатые «слани» и рискованные переправы. Проезд от Москвы до польской границы в конце века (через Борисов и Минск) занимал около месяца, а в середине века от Смоленска до Москвы почта иногда шла более недели.

Востребованность этих путей, конечно, вынуждала время от времени «латать» их на некоторых особо неухоженных участках, но очень поверхностно и ненадолго. Дороги продолжали оставаться национальным российским бедствием.

При Екатерине II приходит понимание, что без развитой сети хороших путей сообщения такое обширное государство, как Российская империя, существовать не может. Карта Смоленской губернии, составленная в конце ее царствования, весьма информативна и позволяет представить масштабы дорожного строительства в государстве. На ней нанесены все существующие в этот период на территории Смоленщины большие тракты с «расписанием почтовых станций с показанием числа лошадей». Общая протяженность всех 13 значительных дорог в Смоленской губернии в конце XVIII в. достигла более 1300 верст, на них располагалось 63 почтовые станции. Дороги были неравнозначны в своем использовании: почтовые тракты, большие торговые дороги и

незначительные внутренние, соединяющие между собой уездные города Смоленщины в единый транспортный организм.

Несомненно, именно царские приезды в губернии становились поводом к изменению ситуации с дорогами в лучшую сторону. Маршруты таких экстраординарных высочайших путешествий, разумеется, разрабатывались заранее, и тогда на дорогах, которым выпала честь лечь под колёса царственного кортежа, начинался неслыханный переполох.

Екатерина II за время своего долгого царствования тоже несколько раз пускалась в такого рода путешествия, в ходе которых дважды побывала в Смоленской губернии. Впервые это случилось в 1780 г., когда императрица знакомилась с недавно присоединёнными белорусскими землями – по маршруту Псков-Полоцк-Могилёв, а потом возвращалась через Смоленск и Новгород. Вторично она задержалась в губернском городе почти на неделю в 1787 г., по пути на юг, в только что завоёванную Новороссию. Однако в обоих случаях царица выбирала Петербургский тракт. И всё-таки даже эти её кратковременные визиты в губернию не остались без последствий для смоленских дорог.

Благодаря путешествию императрицы дорогу привели в порядок, чтобы громадная карета государыни (кабинет, гостиная, игорный стол, библиотека и прочие удобства) ехала быстро, плавно, без тряски. Особенно приглянулись царице ряды посаженных берёзок по сторонам могилёвского большака. Вскоре они появились на смоленских дорогах. А затем берёзовые аллеи появились и на почтовых дорогах других губерний, а потом и на небольших уездных большаках.

С именем Екатерины II и со Старой Смоленской дорогой связана ещё одна любопытная история юмористического свойства. В Смоленск из Могилева русская царица прибыла вместе с австрийским императором Иосифом II. Из Смоленска пути венценосных путешественников разошлись: император отправился в Москву, а Екатерина II – в Санкт-Петербург. Императрица потребовала найти в Смоленске такого ямщика, который домчал бы её гостя в Москву не более чем за тридцать шесть часов. Такого лихача в конце концов обнаружили, привели, поставили перед царицей. «Берусь, матушка, – подтвердил он, – доставить немецкого короля в тридцать шесть часов, но не отвечаю, будет ли цела в нем душа» [7]. О том, что стало с «душой» Иосифа II, нам неизвестно, но, думается, Старая Смоленская дорога долго не могла изгладиться из его памяти. «Дорога была несносная... ужасная дорога», – вспоминал свою поездку по ней в 1795 г. из Москвы в родовое имение смоленские Сутоки Сергей Глинка [5].

В 1797 г. Смоленскую губернию посетил император Павел I. Авральные меры наместника Аршеневского и военного губернатора Философова по улучшению дорожного полотна позволили ему вполне благополучно проехать до Смоленска, исключая почтовую станцию в Пневой слободе, где императору пришлось лично выслушивать жалобы местных крестьян на тяжелые срочные дорожные работы, которые им пришлось выполнять в разгар посевной страды [7].

Интересно, что после визита императора Павла I смоленским властям пришлось отправлять в Санкт-Петербург казенный серебряный сервиз и трон

императора, которые остались в городе. Причем для последнего был сделан специальный деревянный ящик, чтобы такая ценная вещь была доставлена в столицу по разбитым смоленским дорогам в целостности и сохранности. На эти цели казна, не поспеившись, выделила около 500 р., что в полтора раза больше средств, ассигнованных на содержание всех мостов и перевозов на главных трактах Смоленщины в 1797 г. [8, л. 12]. Надо думать, что печальное состояние дорог и перевозов в губернии заставило правительство Павла I пересмотреть выделение казенных средств для улучшения дорог и мостов, поэтому в 1798 г. было выделено 746 р., а в 1799 г., после передачи их казне – весьма значительная сумма в 9090 р. 95 к. [2, л. 10 об.].

Однако эти меры были временными, состояние смоленских дорог в начале XIX в. было плачевным. Всё вернулось на круги своя, государство не поспевало выделять средства на ремонт всей дорожной сети империи.

В 1809 г. Смоленская власть в лице гражданского губернатора Казимира Ивановича Аша была озабочена оценкой состояния дорог, мостов и гатей. 10 апреля и 1 мая 1809 г. от губернатора поступило предписание местным земским судам провести ревизию дорог и представить смоленскому губернскому правлению обстоятельный отчет о необходимости ремонта, сроках и необходимых для этого средствах. После неоднократных обращений губернатора контроль за исполнением этого приказа был поручен губернскому уголовных дел стряпчему, который должен был «освидетельствовать в каком положении дороги, мосты, гати и перевозки находятся по уездам Гжатскому, Вяземскому, Дорогобужскому, Духовскому и Смоленскому». Стряпчий после обстоятельной инспекции донес, что в Гжатском, Вяземском и Смоленском уездах Московский тракт находится в удовлетворительном состоянии, а в Дорогобужском и Духовском совершенно расстроены: «...напротив того по Дорогобужскому уезду по ту сторону Дорогобужа большая дорога весьма во всех местах худа – мосты, гати, трубы очень неисправны, канав передних и от полей не имеется..., припашка во многих местах до того допущена, что во многих местах достигает 30 сажений широты, но и по сию сторону Дорогобужа канав почти нигде нет и дорога во многих местах запахана... В немногом расстоянии Московского тракта по Духовскому уезду дорога посредственно исправлена, а канав также нет нигде». Если же это предписание не будет выполнено – отдать дорогобужского исправника Милашевского под суд [3, л. 22–25 об.].

Именно такую, запущенную, разбитую, местами запаханную помещичьими крестьянами, была Смоленская дорога к Москве в канун прославившего её 1812 г., в тот момент, когда на неё вступали император Наполеон и его «Великая армия». По ней отступали русские войска до Москвы, а затем шло преследование отступающей наполеоновской армии. Поэтому именно состояние Старой Смоленской дороги после окончания военных действий было в числе первых вопросов, которые интересовали центральную и местную власть.

Большинство архивных дел дают нам сегодня представление о состоянии смоленских дорог в этот период в связи с проездом представителей императорской фамилии через губернию.

В Смоленском государственном архиве хранится «Дело о проезде Великого князя Николая Павловича через Смоленскую губернию в 1816 году» [1]. Предполагалось, что во время своего путешествия по Российской империи брат императора 15 мая прибудет в Поречье, 16 мая – в Смоленск, а 17 и 18 мая «полагаются для пребывания в том последнем городе и разъездов в Духовщину и другие достопамятные по происшествиям 1812 года места, а 19-го назначен отъезд в Шклов через Красный».

Подготовка дорог к визиту представителя императорской фамилии началась за неделю до его приезда. Губернатор Аш своим распоряжением откомандировал дворянского заседателя Смоленской уголовной палаты Киселева для осмотра Санкт-Петербургского тракта и прилегающих к нему дорог. 13 мая 1816 г. духовщинскому начальству было дано распоряжение о немедленном исправлении дороги до Ярцевского перевоза и выставлении лошадей для проезда свиты Николая Павловича. Однако на следующий день пришло известие, что великий князь отменил свое решение об осмотре Духовщины, дорогу исправлять не стали и лошадей распустили.

В августе 1816 г. Николай Павлович на обратном пути в столицу вновь оказался в пределах Смоленской губернии, но в Смоленск не заехал, а останавливался в уездных городах Юхнов и Сычевки. Смоленский уездный стряпчий Дроздовский по распоряжению губернатора проделал немалый путь, чтобы осмотреть дороги, по которым пролегал маршрут кортежа его высочества: Смоленск – Вязьма – Гжатск – Гриднево – граница Калужской губернии – Гжатск – Вязьма – Юхнов – граница Калужской губернии – Вязьма – Сычевки – Вязьма – Смоленск. Он отметил в рапорте, что все дороги в исправном состоянии, кроме двух перевозов в Поречском уезде [1, л. 3].

В 1825 г. Смоленский гражданский губернатор Иассон Семенович Храповицкий был крайне озабочен проездом через Дорогобуж императора Александра I, который намеревался посетить город в начале сентября. Экстраординарность ситуации состояла в том, что маршрут пролегал не по главным трактам губернии, а по второстепенным – Духовскому и Ельнинскому, состояние которых было крайне неудовлетворительным. Началась лихорадочная подготовка дорог, мостов и гатей к визиту императора.

Так, 3 августа 1825 г. губернатор писал уездному предводителю Аканфию Никитичу Кононову: «... озабачиваясь столь важным и экстренным случаем я дал надлежащее предписание гг. городничему и земскому исправнику и препроводил к ним маршрут Высочайшего шествия с предписанием моим, чтобы они бы Ваши требования исполняли как бы мои предписания к устройству дорог и города, а Вас прошу употребить старания Ваши и все усилия на отделку города и той дороги, по которой совершается таковое путешествие» [4, л. 149].

Смоленские власти получили порядок проезда императора: он должен по Санкт-Петербургскому тракту доехать до Духовщины, далее по Духовской дороге прибыть в Дорогобуж и через Ельню покинуть пределы губернии.

После поездки губернатора И. С. Храповицкого с инспекцией о состоянии этих проезжих путей 20 августа 1825 г. предводитель дворянства Кононов по-

лучил от губернатора письмо следующего содержания: «Как от Дорогобужа к Ельне нет форменных верстовых столбов, то имеете Вы таковые взять с Московской дороги по Духовскому уезду и поставить оные к Измайловской станции». 22 августа 1825 г. Храповицкий поручил Кононову «тотчас командировать к нему 100 человек из рабочих для отделки городской дороги от Дорогобужа к Ельне... и чтобы дорога сия к первому сентября ... была бы окончена» [4, л. 153].

25 августа 1825 г. московский почтовый инспектор Быстров прибыл в Смоленскую губернию для осмотра почтовых станций на пути следования императора. Для бесперебойного проезда царского кортежа было необходимо выставить 80 лошадей, кроме запасных, на всех станциях по маршруту императора, в том числе на Духовский тракт в селе Засижье – 6 лошадей, на Ельнинской дороге в деревне Измайлове – 6 лошадей с кучерами и форейторами. Быстров был вынужден распорядиться отправить лошадей с почтовых станций Теплушинская и Семлевская в Вяземском уезде в Дорогобужский уезд, поскольку местные дворяне не смогли обеспечить такое количество гужевого транспорта, а более взять лошадей было негде.

29 августа 1825 г. губернатор И. С. Храповицкий торопил уездного предводителя Кононова в личном письме «поскорее окончить участок городской и доделать где надобно надолбы и поставить верстовые столбы... Городу скажите, чтобы оной непременно ко второму числу сентября окончил все свои поправления и исправления» [4, л. 155]. Дорогобужский исправник Циглерский 1 сентября был отправлен к селу Засижье, где «понуждал священника окрасить дом его, который назначен под станцию для проезда Высочайших особ», однако святой отец «уважительно от сего отказался по той причине, что не имеет состояния». Так дом священника и остался неокрашенным. Таким образом, подготовка дорог к визиту императора была связана с большими усилиями всего местного общества по наведению относительного порядка на смоленских внутренних дорогах.

Уже после вполне удовлетворительно прошедшего 5–6 сентября визита Александра I, а затем и проезда 11 сентября по этим же местам императрицы Елизаветы Алексеевны предводитель дворянства Кононов рапортовал губернатору: «По случаю Высочайшего шествия их императорских Величеств в город Дорогобуж и уезд по предписанию Вашего Превосходительства (Храповицкого – Н. Н.) две дороги Духовская и Ельнинская были отделаны силами всего уезда, на которых устроены вновь 19 мостов, перила покрашены, гати отсыпаны и надолбы поставлены, горы во многих местах спущены и косогоры срезаны, в помощь городу на отделку дорог их и плавучего мосту через Днепр дано было мною до 140 человек. Форменные вестовые столбы на обеих дорогах были поставлены, и вся сия трудная работа кончена была в 9 дней тремя тысячами шестистами человеками» [4, л. 150]. Несомненно, основную часть тяжелых работ выполнили крепостные крестьяне тех помещиков, через чьи земли пролегал путь императора и его семьи (Барышников И. И., Белкин Ф. М., Дягтеров Н. В., Пенский Б. Н., Хлюстин М. А.).

Примечательно, что главным вопросом, которым был озабочен предводитель дворянства Кононов во время визита императора – качество смоленских дорог. Описывая в письме к генерал-губернатору Николаю Николаевичу Хованскому свои впечатления от монаршего приезда, Акинфий Никитич подробно описал иллюминирование фонарями, «плошками» и «смоляными бочками» четырех церквей и собора, плавучего моста и берега Днепра в Дорогобуже («все огни отражались в воде, делали вид чрезвычайности»), и благодушнее настроение императора («милостиво изволил поклониться» собравшему народу), но большую часть письма он посвятил тому, как царь отозвался о состоянии смоленских дорог: «Я спросил у генерала Дибича, как его Величество довольны были дорогами, что и нас всех интересует; они отвечали в присутствии дворян, что дороги весьма хорошие и государь весьма доволен, то же самое подтвердил мне полковник Соломин и лейб-кучер... В половине 10-м часу государь изволил отправиться прямо в путь в вожделенном здравии, и возвратясь с Ельнинской границы исправник донес мне о благополучном проезде Его Императорского Величества через уезд» [4, л. 151].

Несомненно, приезд императора в уездный город – это всегда особое событие для местной администрации. Однако архивные документы свидетельствуют, что таких лихорадочных подготовительных работ не было в том же 1825 г. в апреле месяце, когда принц Оранский проезжал через Дорогобуж и Смоленск, так как ехал он из Москвы до Варшавы по Московскому почтовому тракту, который был гораздо более подготовлен к лучшему проезду, систематически ремонтировался, оборудован верстовыми столбами и надолбами.

Итак, состояние дорог, гатей и мостов в Смоленской губернии в XVIII – первой трети XIX в. было постоянным предметом забот местной власти. Однако проезды царских особ через губернию, как и во все времена, требовали проведения быстрого ремонта и приведения в порядок дорожного покрытия в весьма сжатые сроки. Поэтому приезды императоров и членов царствующей семьи способствовали успешному взаимодействию представителей высшей власти и региональных управленцев в сфере дорожного строительства, в том числе положительно влияли на развитие сухопутных путей сообщения в Смоленской губернии, способствовали их благоустройству, улучшению возможности беспрепятственного и безопасного проезда для всех категорий путешественников.

Библиографический список

1. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. 1. Оп. 1 (1816). Д. 17.
2. ГАСО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 3.
3. ГАСО. Ф. 2. Оп. 7. Д. 12.
4. ГАСО. Ф. 277. Оп. 1. Д. 10.
5. Захаров В. Е. Старая Смоленская дорога в истории и литературе. Смоленск: Свиток, 2017.
6. Никитина Н. В. Повседневные практики предводителей дворянства Дорогобужского уезда Смоленской губернии в первой четверти XIX века // Личность в пространстве и времени. 2020. № 9. С. 136–144.
7. Пыляев М. И. Старый Петербург. М.: АСТ, 2022.
8. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1374. Оп. 1. Д. 116.

**Становление предпринимательства в лесной отрасли
в Санкт-Петербургской губернии в XIX–XX вв.
(на примере семьи крестьян Васильевых)**

Под фамилией Васильевы в Вырице с середины XVII в. известно многочисленное крестьянское семейство с финскими корнями, потомки которых к началу XX в. стали успешными предпринимателями и землевладельцами. В.И. Васильев имел пилораму, продавал лес в Швецию и Финляндию, покупал земли для массового дачного строительства в Вырице и окрестностях, был спонсором строительства церкви Петра и Павла в Вырице. Он заключал земельные сделки с князем Витгенштейном, брал ссуды в банках, вел международную торговлю, имел счета в швейцарских банках.

Since the mid-17th century, a large peasant family with Finnish roots has been known in Vyritsa under the name Vasilievs, whose descendants became successful entrepreneurs and landowners by the beginning of the 20th century. V. I. Vasiliev had a sawmill, sold timber to Sweden and Finland, bought land for mass dacha construction in Vyritsa and the surrounding area, and sponsored the construction of the Church of Peter and Paul in Vyritsa. V. I. Vasiliev entered into land deals with Prince Wittgenstein, took out loans from banks, conducted international trade, and had accounts in Swiss banks.

Ключевые слова: Вырица, предприниматели, лесное хозяйство, дачи, Васильевы, пилорама.

Key words: Vyritsa, entrepreneurs, forestry, dachas, Vasilievs, sawmill.

К последней трети XIX в. сословные границы перестают быть непроницаемыми, и целеустремленные крестьянские семьи в Санкт-Петербургской губернии, используя различные возможности, создают успешные предприятия в области, пережившие Первую мировую войну, революцию. Одним из таких примеров является семья крестьянина Санкт-Петербургской губернии, Царско-сельского уезда, Рождественской волости, деревни Вырица Василия Ивановича Васильева.

По данным, собранным и предоставленным А. В. Степановым, членом Русского генеалогического общества, на основании информации из исповедальных списков и метрических данных, предки семьи крестьян Васильевых (Афанасьевы, Васильевы, Григорьевы, Ивановы, Макаровы) проживали в данной местности с 1683 г.

Васильев Иван Иванович был сыном одного из смоленских князей от его крепостной. Иван Иванович (1830–1874) родился в Вырице. Для того чтобы получить наследственное дворянское звание, его отправили в единственную в России офицерскую школу детей погибших дворян в Гатчине, по окончании которой он и был направлен на работу в Санкт-Петербург. По документам И.И. Васильев был отставным унтер-офицером лейб-гвардии Павловского полка, что позволило рано выйти в отставку и купить в Вырице территорию с от-

личным лесом вверх по реке Оредеж площадью 11 на 7 км². Этот участок стал базисом для предпринимательской деятельности его сына Василия.

Василий Иванович Васильев родился в 1873 г. в Вырице, закончил Санкт-Петербургский лесной институт, после окончания которого он занялся коммерческой деятельностью. Несколько лет он работал в имениях, в том числе Сайн-Витгенштейна и Эдвардаса заготовителем леса. В 24 года он, будучи сиротой к этому времени, был усыновлен в семью Петра Максимова – старосты дер. Вырицы для передачи ему наследства, что усилило его финансовые и организационные возможности. Владелец Вырицких земель князь Витгенштейн в 1907 г. стал продавать свои участки, как «отрубные» зажиточным крестьянам, в том числе Васильеву. Васильев и не собирався эту землю обрабатывать и даже подписал обещание «сделать скотопрогон шириною в 4 сажени через свой хутор для всех жителей деревни» [1].

Так, в декабре 1910 г. была заключена нотариально заверенная сделка («купчая крепость») между князем Г. Ф. Сайн-Витгенштейном и В. И. Васильевым. Суть сделки заключалась в том, что князь Г. Ф. Сайн-Витгенштейн из принадлежащего ему майоратно-заповедного имения «Дружноселье», находящегося в Рождественской волости, Царскосельского уезда, включающего деревни Лампово и Большево, продал крестьянину В. И. Васильеву с разрешения Правительствующего Сената, выраженного в указе от 20 июня 1908 г. и с содействия Крестьянского поземельного банка, участок земли в количестве 7 десятин 483 сажений (около 8 гектар), «в том числе удобной леса по сухому и мокрому грунту – 7 десятин, и неудобной под дорогами 483 сажени». Земля была продана со всеми угодьями за 300 р., в счет которых был уплачен задаток в 50 рублей, а для уплаты остальной суммы в 250 р. была разрешена ссуда из Крестьянского поземельного банка сроком на 55,5 лет. По условиям сделки В.И. Васильев должен был оплачивать банку по 5 р. 63 к. каждое полугодие не наличными деньгами, а процентными бумагами на основании закона 21 марта и 26 апреля 1906 г. [2; 3]. Таких сделок с Витгенштейном на 2, 4, 1,5 десятины было много на протяжении 11 лет, подавляющее большинство из которых проводились с участием заемных банковских средств [5; 15]. В. И. Васильев был ответственным плательщиком, и до сих пор сохранились, более 115 лет спустя, платежные свидетельства и квитанции по погашению ссуд банку [5; 15]. В 1917 г. В. И. Васильев покупал и передавал на хранение в Государственный Банк (Петроградская контора) 5,5 % облигации государственного военного краткосрочного займа и 5 % займа Свободы (был внесен за 1,5 месяца до Октябрьской революции) [17].

Самая интересная сделка по приобретению хутора между 26 домохозяевами (из общего числа 30) Вырицы и «однообщественником их» Василием Ивановичем Васильевым была 4 марта 1911 г. [1].

В.И. Васильев с 1914 по 1918 г. работал в Финляндии у Ляндау С. Г. по экспорту пиломатериалов. Разбогатев на продаже леса в Финляндию и Швецию, Васильев «уступил свои черезполосные купленные и надельные полосы земли взамен хуторского участка в урочище «На волоку», где были построены

жилые дома и постройки. На хуторе Василий Иванович имел наемных рабочих и занимался сельским хозяйством, в том числе он следил за появляющимися новинками первых сельскохозяйственных машин и выписывал их из Германии. Часть земель хутора он сдавал в аренду, что оформлялось арендными договорами с печатью вырицкого сельского старосты и уплатой гербовой марки [1].

Помимо предпринимательской деятельности, В. И. Васильев занимался благотворительностью, был церковным старостой, спонсировал строительство церкви в Вырице.

К 1917 г. многие земельные, кадастровые, правовые механизмы не функционировали в полной мере, что упростило оформление сделок по купле-продаже земли и угодий. Так, 10 января 1917 г. была оформлена запродажная запись в присутствии свидетелей, с оплатой гербовой маркой о покупке участка № 87, в том числе «удобной одной десятины тысячи кв. сажень и неудобной 250 кв. сажень» В. И. Васильевым у Константина Яковлевича Петрова за 5 тыс. р., из которых 4 тыс. р. выплачивались при покупке и 1 тыс. р. в течение месяца, о получении которой в присутствии свидетеля есть запись в запродажной записи. К запродажной записи прилагался особый договор, по которому В. И. Васильев обязывался перевезти дом К. Я. Петрова с его участка № 87 на хутор В. И. Васильева, на выделенный К. Я. Петрову участок [3]. Помимо этого, к продаже земли В. И. Васильев безвозмездно передал К. Я. Петрову участок земли с лесом на своем хуторе, что К. Я. Петров и подтвердил письменно в заявлении Вырицкому сельскому обществу в 1919 г. [10].

После революции К. Я. Петров приложил значительные усилия по возврату данного участка, и конфликт обсуждался в новых, советских организациях. Так, 7 августа 1922 г. судебная комиссия Вырицы приняла решение:

«1. Что гр. Васильев имеет земли достаточное количество для прокормления своей семьи 7 десятин пахотной и 11 под лесом:

2. Что гр. Петров сам Землею не пользуется уже несколько лет подряд, кроме того, обмененный и полученный им участок Земли продал снова другому лицу как повидимому ненуждающийся в ней:

Постановили спорный отрубной участок ... перевести в запасной земельный фонд. Скос травы за 1922 год разделить пополам» [4].

Несмотря на решение судебной комиссии, 26 сентября 1922 г. В. И. Васильев получил исполнительный лист от Детскосельской уездной земельной комиссии об отмене решения судебной комиссии и предоставлении участка в его пользование [6].

В январе 1923 г. К. Я. Петров опять подал жалобу в суд, но нарсудья Федоров оставил жалобу без последствий.

После революции, в отличие от помещичьих земель и имений, земли успешного крестьянина В. И. Васильева отнимались не одномоментно, а постепенно, к возврату или отчуждению участков возвращались неоднократно, различные советские организации принимали различные решения по одним и тем же участкам, с различной аргументацией. Если до революции сделки оформлялись нотариально, в присутствии двух свидетелей с каждой стороны, и с указа-

нием истории собственности продаваемых земель, то в раннее советское время решения зачастую принимались на основании текущей социальной целесообразности. Участниками суда, а особенно земельной комиссии, по всей видимости, были малообразованные люди, так как документы содержат большое количество орфографических и пунктуационных ошибок [4; 6; 7; 8; 9; 10].

На протяжении многих лет после революции В. И. Васильев показал себя стойким и при этом осторожным, аккуратным, юридически грамотным предпринимателем, не отказавшимся от своих земель, защищающим каждый участок в рамках советского земельного права.

Постепенно после революции имущество было конфисковано, на купленных Иваном Васильевым землях был устроен полигон, дома были переданы для общежития рабочей молодежи и вскоре сгорели.

После революции, по данным трудового списка, введенного по Постановлению СНК СССР от 1926 г., Васильев работал на различных экономически-организаторских должностях в Вырице, Сясь-Строе, в Сухиничах, в Мурманской области и в Ленинграде. Профессия указана «лесное дело», с сентября 1919 г. он являлся членом профсоюза деревообделочников. Трудовая деятельность после революции была пестрой, если в 20-е гг. должности менялись из-за ликвидации учреждений или артелей, то потом он часто увольнялся по собственному желанию, иногда по нескольку раз в год, должности были разные: от агента по пиломатериалам, прораба до организатора совхоза и бракера (товароведа по бракеражу) [11; 12; 13; 14].

Жена В. И. Васильева, Мария Федоровна Макарова, была почти неграмотной крестьянкой, но своим детям, крестьянам с хутора, давалось максимально возможное образование: все дети учились в гимназии, всех учили музыке, у всех были инструменты, постоянно приезжали преподаватели.

К началу XXI в. абсолютное большинство построенного Васильевыми в Вырице уничтожено, последние дома и постройки, созданные в 1910–1960 гг., сгорели в 90-е гг. XX в.

Библиографический список

1. Барановский А. В. Вырица при царе. СПб.: Остров, 2023. 368 с.
2. Выпись из крепостной С.-Петербургского Нотариального Архива книги по Царско-сельскому уезду за 1911 год № 14 // Архив семьи Васильевых.
3. Запродажная запись, 1917 г. // Архив семьи Васильевых.
4. Резолюция 7 августа 1922 г. // Архив семьи Васильевых.
5. Квитанции С.-Петербургского отделения крестьянского поземельного банка // Архив семьи Васильевых.
6. Исполнительный лист. Дело № 405 1922 года // Архив семьи Васильевых.
7. Протокол заседания Петрогубземкомиссии 10 января 1923 года // Архив семьи Васильевых.
8. Протокол собрания О-ва Красных хуторов № 64 8 декабря 1929 г. // Архив семьи Васильевых.
9. Протокол заседания уездной детскосельской Земельной Комиссии от 26 сентября 1922 г. // Архив семьи Васильевых.

10. Заявление Сельскому обществу селения дер. Вырица крестьянина дер. Вырица Константина Яковлевича Петрова 29 июня 1919 г. // Архив семьи Васильевых.
11. Трудовой список Васильев Василий Иванович. Копия // Архив семьи Васильевых.
12. Расчетная книжка № 46 Васильева В. И. // Архив семьи Васильевых.
13. Расчетная книжка № 5554 Васильева В. И. // Архив семьи Васильевых.
14. Расчетная книжка № 2189 Васильева В. И. // Архив семьи Васильевых.
15. Расписки в приеме вкладов на хранение и управление. Государственный Банк Петроградская контора. 1917 год // Архив семьи Васильевых.
16. Копия арендного договора 27 октября 1912 года // Архив семьи Васильевых.
17. Повестка С.-Петербургского отделения крестьянского поземельного банка 16 ноября 1910 года // Архив семьи Васильевых.
18. План на участки Васильева В. И. 1910 год // Архив семьи Васильевых.
19. Выпись из постановления Царскосельской Уездной Землеустроительной Комиссии 4 февраля 1914 года // Архив семьи Васильевых.
20. Залоговая подписка. 1910 года // Архив семьи Васильевых.

А. Ю. Соболев

Усадебная жизнь на рубеже XIX–XX вв. на примере семьи Геймбюргер

Данная статья, основанная на архивных документах, обозревает усадебную жизнь на стыке XIX–XX вв. Это время реформ и преобразований, в значительной степени изменивших государственные, экономические и социальные институты Российской империи. На примере имения «Суйда» мы сможем проследить трансформацию классической усадебной жизни в загородную (дачную), а также познакомиться с деятельностью купеческой семьи финского происхождения по фамилии Геймбюргер.

This article is based on archival documents and reviews the estate life at the turn of the 19th and 20th centuries. It's a time of reform and transformations that have significantly changed the state, economic and social institutions of the Russian Empire. On the example of the Suida estate, we'll be able to trace the transformation of the classic manor life into a country life, as well as to get acquainted with the activities of a merchant family of Finnish origin named Geimburger.

Ключевые слова: усадьба, Суйда, усадебная жизнь, дача, Российская империя.

Key words: manor, Suida, manor life, dacha, Russian Empire.

Усадебная жизнь на стыке века XIX с веком XX является интереснейшей темой для изучения. В ней мы можем увидеть последние этапы жизни классической усадьбы и трансформацию ее к новым вызовам и реалиям. Проводниками к изучению этой темы станут владельцы усадьбы «Суйда», а именно уроженцы Великого княжества Финляндского, города Вильманстранда Карл Николаевич Геймбюргер и Константин Николаевич Геймбюргер.

Первые представители семейства Геймбюргеров – Иоганн Николай (22.07.1774 – 23.12.1843) и Филипп Петер (01.04.1781 – 15.01.1865) – переехали в Санкт-Петербург в начале XIX в. Около 1805 г. в Петербург приехал по приглашению своего дяди по матери, Николая Давида Кампера, Иоганн

Геймбюргер. Вскоре он начал работать в брокерской конторе дяди, сначала в качестве экспедитора, а с 1817 г. стал совладельцем конторы. По данным на 1844 г., купец 1-й гильдии Филипп Петрович Геймбюргер являлся владельцем фирмы «П. Геймбюргеръ» [2, с. 44–46]. Отец Карла и Константина, Николай Николаевич Геймбюргер с 1848 по 1860 г. являлся депутатом общины Петрикирхе от купечества, состоял членом Английского клуба. Николай Николаевич был женат два раза и вкуче имел десять детей от обоих браков.

Карл Николаевич Геймбюргер (14.09.1839 – 05.04.1902) – вильманstrandский, а с 1863 г. успешный петербургский 2-й гильдии купец, биржевой и корабельный маклер. Константин Николаевич Геймбюргер (11.12.1842 – 07.01.1915) завершил среднее образование в Петришуле, впоследствии занимался в столице молочной торговлей под названием «Французская ферма» [2, с. 48]. Как следует из архивного источника «Имущественные документы Н. К. Геймбюргера на недвижимую собственность в Петербургской губернии»: Константину Николаевичу принадлежало недвижимое имущество, доставшееся ему от Ивана Горчакова по купчей крепости, утвержденной 5 декабря 1877 г., состоящее в Петроградской губернии, Царскосельского уезда, при селе Воскресенское и деревне Мельница, под названием «Суйда», мерою за отчуждениями около тысячи ста десятиин [3, л. 15].

К 1877 г. произошли крайне важные изменения и события в Российской империи, повлиявшие на усадьбную жизнь. В первую очередь это манифест, подписанный 19 февраля (3 марта) 1861 г. императором Александром II в Петербурге, «О всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положения о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости», состоявшие из 17-ти законодательных актов. Вторым значительным изменением являлось развитие железных дорог в России, оказавшее значительное влияние на трансформацию усадьбной жизни в дачную. «Высочайшее повеление» императора Николая I 1851 г. состояло из следующих пунктов: 1. Соорудить железную дорогу от Санкт-Петербурга к Варшаве. 2. Дорогу именовать С.-Петербург-Варшавской железной дорогой. 3. Работы начать с 1852 г., приступив к оным как от С.-Петербурга, так и от Варшавы. Первый участок железной дороги протяженностью 42 версты от Петербурга до Гатчины был открыт для движения поездов 1 ноября 1853 г. К 1857 г. Варшавская дорога достигла Сиверской, в 1859 г. – Пскова, а в 1862 г. достигла конечного пункта – Варшавы.

Также значимым фактором смены парадигм стал рост численности населения крупных городов Российской империи. Население Санкт-Петербурга неуклонно увеличивалось от десятилетия к десятилетию. Так, в XVIII – начале XX в. население Петербурга составляло: в 1725 г. – 40 тыс. чел., в 1750 г. – 74 тыс., в 1800 г. – 220 тыс., в 1818 г. – 386 тыс., в 1869 г. – 667,2 тыс., в 1881 г. – 861,3 тыс., в 1890 г. – 954,4 тыс., в 1900 г. – 1439,6 тыс., в 1910 г. – 1905,6 тыс. [4].

В городах велась активная застройка инфраструктурных объектов, связанная с процессами урбанизации. Строительство и развитие новых транспортных

маршрутов способствовало появлению промышленных центров и укрупнению уже существующих, нуждающихся в рабочей силе. Пополнение рабочих масс осуществлялось в основном за счет миграции сельского населения. Это вынуждало городских жителей в дальнейшем искать места загородного проживания, где можно было бы избежать последствий бурной урбанизации. Все эти факторы и обусловили дачный бум конца XIX – начала XX в.

Изменения, происходившие в усадьбе «Суйда» с момента приобретения ее Геймбюргерами, зафиксированные архивными документами, помогут прояснить преобразования, происходившие на стыке веков.

Константин Николаевич Геймбюргер старался, чтобы его недвижимое имущество аккумулировало в себе как сельскохозяйственное, так и производственное развитие. Об этом свидетельствует ряд документов, в частности прошение «О разрешении на открытие кирпичного завода К. Геймбюргеру на мызе Суйда (1890–1891)», направленное в Санкт-Петербургское Губернское правление по строительному отделению, содержит следующее: «Имею честь на обороте сего представить план кирпичного завода, который начат мною строиться в 1889 году, нами окончен, вследствие чего покорнейше прошу Строительное Отделение приказать, кому будет следовать освидетельствовать и разрешить начать мне выделку кирпича как для своей надобности, а ровно частью и для продажи» [5, л. 1].

Сельскохозяйственный аспект деятельности также отражен в материале «Земледельческой газеты» от 26 октября (№ 3): «Имение "Сиворцы" и "Суйда" лежат уже в Царскосельском уезде близь г. Гатчины и находятся под непосредственным влиянием столицы. Оба эти имения заслуживают особого внимания, так как представляются с разных сторон в высокой степени интересными. Приходится очень пожалеть, что наша экскурсия не застала дома Г. Г. Ланге, руководящего в настоящее время хозяйством в имении "Суйда" и являющегося знатоком своего дела. Имение это, при общей площади в 1.234 дес., включает в себе 273 дес. пашни, около 300 дес. лугов, 213 дес. выгонов, 337 дес. леса и более 59 дес. болот. Оно было куплено 35 лет тому назад всего за 80 тыс. руб., но теперь ценится, как приходилось слышать, уже приблизительно в четыре раза более этого. Главное внимание в хозяйстве обращено также на скотоводство и на производство кормов, как на полях, так и на лугах, ради чего последние осушаются, удобряются и засеваются смесями луговых трав. Способом добытия кормов в северных хозяйствах России посвящена, между прочим, особая печатная работа г. Ланге, изданная, если не ошибаюсь, Северным сельскохозяйственным обществом в 1911 г. В имении "Суйда" содержится крупное стадо рогатого скота (с числом голов свыше 200 штук) двух пород – голландской и фюненской» [1, с. 71].

21 января 1887 г. в нотариальной конторе, принадлежащей Константину Федоровичу Рериху, находившейся по адресу Васильевской части по Набережной Большой Невы № 25, было совершено нотариальное духовное завещание Вильманстрандского и временно – Санкт-Петербургского 2-й гильдии купца Карла Николаевича Геймбюргера, живущего в Васильевской части по 5-й ли-

нии № 34. По завещанию все принадлежащее ему недвижимое и движимое имущество, в том числе и денежный капитал в наличных деньгах, процентных бумагах и долговых обязательствах, он завещал своей жене Магдалине Александровне Геймбюргер [3, л. 3]. Карл Николаевич скончался 5 апреля 1902 г., степень его вовлеченности в дела имения «Суйда» представляется предметом дальнейшей архивной и научной работы.

Еще одним важным моментом, касающимся имущественных отношений в семье Геймбюргеров, является договор, заключенный 31 октября 1905 г., между Константином Николаевичем и Николаем Константиновичем Геймбюргерами, по которому последнему в арендное содержание передавалось имение «Суйда», сроком на десять лет, с платою по одной тысяче восьмьсот рублей в год. По условиям договора, оплата владельцу должна осуществляться за месяц вперед, без задержек. Арендатор имел право заниматься сельскохозяйственной деятельностью и все получаемые доходы оставлять себе. Николай Константинович Геймбюргер, старший сын Константина Николаевича, стал его душеприказчиком по духовному завещанию [3, л. 15]. Также Николай Константинович в 1912 г. приобрел участок земли под садоводство у крестьян деревни Суйдинской Мельницы Ивана Пелли и Александра Батракова на сумму в 1.400 рублей.

Видя бурно развивающуюся дачную жизнь в пригородах Санкт-Петербурга, Константин Николаевич Геймбюргер решил устроить у себя в усадьбе «Суйда» поселок, разделенный на усадебные участки. 28 ноября 1913 г. он подал прошение в Царскосельскую уездную земскую управу для утверждения плана поселка, выделенного из имения «Суйда». В земской управе препятствий к удовлетворению ходатайства не встретилось. Однако реализовать проект полностью не удалось. Как следует из договора, составленного при продаже имения 7 января 1917 г., «продать Коугия все означенное выше имение в полном его составе, за исключением лишь двух участков земли, означенных на утвержденном Строительным Отделением Петроградского Губернского управления плане, поселка выделенного из того имения» [3, л. 15].

В начале XX в. возник вопрос о строительстве сельской аптеки в окрестностях станции Суйда, так как в этой местности проживало жителей до 3 тыс. человек, в летнее время с дачниками – свыше 5 тыс. человек, а ближайшая аптека находилась в Гатчине в восьми верстах [6].

7 января 1917 г. имение «Суйда» со всеми в нем водами, лесами и прочими угодьями, живым и мертвым инвентарем и прочею движимостью, означенною в особой описи за подписью сторон, было продано Ивану Абрамовичу Коугия (последнему частному владельцу усадьбы) за 500 тыс. рублей. Тем самым, приобретя имение «Суйда» в 1877 г., семейство Геймбюргеров продает его спустя 40 лет, получив прибыль с продажи в шесть раз.

Библиографический список

1. Земледельческая газета. 1913. № 3.
2. Карл Иванович Май и его петербургская школа. СПб.: Тип. Серебряный век, 2020. 192 с.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1102. Оп. 1. Д. 1108.

4. Чистяков А. Ю. Обзорная статья «Население». Энциклопедический словарь Петербурга. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.encspb.ru/object/2804035787?lc=ru#:~:text=%D0%BF%D0%BE%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%8F%D0%BD%D0%BD%D0%BE%20%D1%80%D0%BE%D1%81%D0%BB%D0%B0%3A%20%D0%B2%201725%20%2D%2040%2C1910%20%2D%201905%2C6%20%D1%82%D1%8B%D1%81> (дата обращения: 12.01.2024).

5. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 256. Оп. 18. Д. 102.

6. ЦГИА СПб. Ф. 212. Оп. 5. Д. 175.

А. А. Аганов

Деятельность Таганрогского института научной организации производства (по архивным материалам)

В данной статье, основанной на неопубликованных архивных материалах, раскрывается деятельность Таганрогского института научной организации производства на Юго-Востоке РСФСР в 1920-х гг. Данная организация должна была внедрять рациональные методы управления на советских предприятиях. Институт имел огромную поддержку от государственных органов власти. Делается вывод о том, что организация была ликвидирована в результате экономических проблем и конфликтов внутри руководства.

This article, based on unpublished archival materials, reveals the activities of the Taganrog Institute for Scientific Organization of Production in the South-East of the RSFSR in the 1920s. This organization was supposed to introduce rational management methods at Soviet enterprises. The institute had enormous support from government authorities. The author concluded that the organization was liquidated as a result of economic problems and conflicts within management.

Ключевые слова: Есманский, ИНОТ, предприятия, Таганрог.

Key words: Esmansky, Institute of Scientific Organization of Labor, enterprises, Taganrog.

После разгрома белых армий и фактического завершения Гражданской войны советские власти должны были приступить к восстановлению разрушенной экономики страны. Для решения данной проблемы большевики решили подключить российских учёных в области научной организации труда, которые должны были помочь молодому Советскому государству построить современную экономику при использовании передовых капиталистических идей. Именно поэтому при поддержке народного комиссара путей и сообщений РСФСР Л. Д. Троцкого в Москве был проведен I-й съезд Всероссийской конференции по научной организации труда и производства. На ней ведущие российские учёные обсуждали проблемы в области организации труда в масштабах всего общества, физиологию и психологию труда, хозяйственную планомерность. По итогам дискуссии было принято решение о создании на территории РСФСР и УССР в Москве, Харькове, Казани и Таганроге институтов научной организации труда. При этом в Таганроге еще в 1920 г. была создана организаторско-инструкторская школа для рабочих при Таганрогском уездном совете народного хозяйства [12, л. 9]. Её возглавлял российский ученый П. М. Есманский.

Он родился в селе Новозаведенном Александровского уезда Ставропольской губернии в июле 1887 г. [3, л. 144]. Из-за участия в революционном движении Есманского в 1904 г. исключили из Мелитопольского реального училища. Во время Первой русской революции по заданию РСДРП он занимался подпольной работой в Донецком угольном бассейне. Но после окончания революции, Есманский в 1907 г. поступил в Екатеринославский горный институт и после завершения учебы получил специальность химика-коксовика, а также стал ассистентом кафедры горных материалов при этом же учреждении. После начала Первой мировой войны он был освобожден от службы в армии. В 1918 г. Есманский занял должность научного сотрудника Украинской академии наук. После взятия Киева войсками Деникина, Есманский перебрался в Таганрог. Там он сумел собрать сторонников использования идей научной организации труда. Именно это привело к созданию в Таганроге организаторско-инструкторской школы.

Таганрогский институт научной организации труда (далее – ИНОТ) возник 30 марта 1921 г. в Таганроге после проведения заседания сотрудников таганрогской организаторско-инструкторской школы вместе с представителями местных органов власти [7, л. 1]. В результате заседания было принято решение о преобразовании школы в институт, главой которого стал П. М. Есманский. Сразу после возникновения ИНОТа, его руководители приступили к созданию его руководящих органов. Ими стали Совет при институте и административная коллегия. Последняя состояла из трех человек и решала все важнейшие вопросы, связанные с управлением [5, л. 7]. Её постоянным членом был П. М. Есманский.

Согласно уставу, целью ИНОТа было создание качественного объединения управленцев-хозяйственников, которые должны были «успешно изучать вопросы организации промышленного труда и устанавливать наиболее рациональные в условиях советской республики формы этой организации» [11, л. 25]. Сам ИНОТ находился в ведении московского Центрального Института труда (далее – ЦИТ), а также отчитывался перед ВСНХ РСФСР и НКРКИ СССР. При этом он не получал от центральных и губернских органов никакой финансовой поддержки и должен был существовать на средства, получаемые от продажи научных работ и продукции арендуемых им мельничных и маслобойных предприятий. Несмотря на финансовые проблемы, ИНОТ опубликовал в первые месяцы своего существования серьезную научную работу по товарообмену между городом и деревней [6]. В ней сотрудники Института показали принципы, на которых должен был строиться товарообмен. Авторы считали, что товарообмен между городом и деревней должен был происходить по «доброй воле» между крестьянином и государственными органами [6, л. 8]. Также они предложили государственным органам предоставлять скидку в 10% на промышленные товары для успешной работы подобных товарообменных контор [6, л. 8]. Фактически, ИНОТ принял участие в общероссийской дискуссии, которую начали советские власти в 1921 г., посвященной получению из деревни необходимой продукции при ограничении роли частного сектора.

Огромную поддержку организации в первые годы её существования оказывала Н. К. Крупская (председатель Главного политико-просветительного комитета при Наркомпроса РСФСР), которая в 1921 г. и 1922 г. принимала доклады председателя ИНОТа П.М. Есманского. Именно после её обращения к народному комиссару продовольствия РСФСР Н.П. Брюханову институт получил задание от его Мельничного отдела [12, л. 5], в рамках которого организация в первой половине 1923 г. обследовала систему хозяйственной отчётности на предприятиях Мельничного отдела на территории Юго-Востока РСФСР. Результаты своего исследования ИНОТ опубликовал в сборнике «Система отчетности и калькуляция в предприятиях Мельотдела Наркомпрода» [9], в котором были показаны плюсы и минусы используемой на мельницах системы отчетности. Успешная работа института и публикация данного сборника привели к тому, что авторитет организации вырос среди научных учреждений Советского Союза. Об этом свидетельствует тот факт, что сборник «Система отчётности и калькуляции в предприятиях Наркомпрода» хотели получить Казанский институт научной организации [10, л. 1], Украинская академия наук [10, л. 4], НКРКИ РСФСР [10, л. 7].

Работу института на мельничных предприятиях Народного комиссариата продовольствия РСФСР поддержала Центральная контрольная комиссия РКП(б), так как она велась в контексте проводимого после XII съезда партии курса по созданию современного аппарата управления. Центральная контрольная комиссия захотела продолжения данной работы. В результате с Мельотделом был заключен новый договор, в рамках которого институт должен был разработать структуру аппарата управления местных и центральных органов. Но по мере выполнения задания институту были переданы Мельничным отделом несколько мельничных и маслобойных предприятий на арендных началах, которые располагались на Северном Кавказе [12, л. 10]. На них сотрудники института должны были улучшить систему отчетности и при помощи методов научной организации труда повысить на них производительность, а также отремонтировать их за счет организации. В феврале 1924 г. в рамках процесса централизации все эти предприятия вошли в состав созданного опытно-промышленного треста [9, л. 12].

На нем руководство института ввело единые формы отчетных документов. Так, на предприятиях треста были успешно внедрены карточки-ежедневники. Они заполнялись руководящими сотрудниками предприятий треста в конце рабочего дня и отправлялись в Таганрог, где создавались ежемесячные отчеты о работе мельниц и маслозаводов. Это позволяло руководству института получать необходимые данные о состоянии предприятий треста. Подверглась изменениям и система делопроизводства. На предприятия треста был отправлен картотечный шкаф, использование которого позволило систематизировать хранение делопроизводственных документов. Это позволяло экономить время делопроизводителя и увеличить эффективность его работы. На предприятиях треста стали использоваться специальные часо-штампы, показывавшие движение бумаг от предприятий треста к управлению. На входящих и исходящих до-

кументах часо-штамп фиксировал год, месяц, число и минуты их поступления или отправки из института. Это позволило сэкономить время на получение справки по делам текущей переписки, на поиск которой требовалась не больше минуты. Регистрацию, поиск и контроль за исполнением документа делал один и тот же человек. Это привело к тому, что число входящих и исходящих документов достигало около ста в день [12, л. 16]. Сотрудники института вели теоретические работы для возможного использования функциональной системы управления [8, л. 108]. В рамках данной теории предполагалось разделить между сотрудниками организации те или иные задачи, в результате чего они должны были выполнить необходимую работу.

Но при этом институт уже в первые годы своего существования подвергся резкой критике со стороны окружных и краевых партийных властей. Так, в докладе Л. П. Недачина, который летом 1923 г. провел обследование института по поручению московского Коммунистического университета им. Я. М. Свердлова, организация обвинялась в том, что она проповедует капиталистические принципы [4, л. 65], в её руководящих органах находятся представители «враждебных» большевикам классов, а также ИНОТ обвиняли в эксплуатации сотрудников арендуемых им предприятий. На эти обвинения Есманский отвечал тем, что он не может заменить данных работников представителями Коммунистической партии [5, л. 23]. Критиковали организацию и рабочие предприятий за то, что институт платил мизерную заработную плату на своих предприятиях по сравнению с аналогичными [4, л. 88]. Но при этом поддержку Есманскому оказывало руководство Народного комиссариата Рабоче-крестьянской инспекции СССР [3, л. 103].

На заключительном этапе существования института в его руководстве начался конфликт. В январе 1926 г. для пополнения партийного представительства в качестве заместителя председателя в Таганрог Центральным комитетом ВКП(б) и НКРКИ СССР был отправлен старший инструктор отдела административной техники НКРКИ РСФСР Александр Денисович Чухалкин [1, л. 3]. Спустя несколько месяцев после назначения Чухалкина, между ним и Есманским начался конфликт. Чухалкин стал выступать против проводимой Есманским политики по недопущению на работу в организацию членов партии. В ответ на это Есманский начал дискредитировать Чухалкина, заявляя, что он в «пьяном виде» приходит на работу и угрожает сотрудникам организации Объединенным государственным политическим управлением [14, л. 43].

В противостоянии с Чухалкиным Есманский потерпел поражение, так как первого поддерживали центральные органы власти и краевые партийные структуры. На основании протокольного постановления от 15 ноября 1926 г за №8/4 Есманского сняли с должности и отправили в двухмесячный отпуск, после окончания которого он должен был покинуть организацию [3, л. 227]. Помимо этого, его 3 декабря 1926 г. исключили из рядов ВКП(б) «как идеологически чуждого элемента» [14, л. 44]. Такое решение приняла таганрогская контрольная комиссия. Временно исполняющим обязанности руководителя организации был назначен А. Д. Чухалкин. Сотрудники института в ноябре 1926 г. состави-

ли план работы опытно-исследовательского отдела на 1927–1928 гг. [13, л. 1–5], но самой организации осталось существовать меньше полугода. 14 февраля Есманский был уволен из организации [3, л. 233], а сама она проработала еще один месяц. В номере таганрогской газеты «Красное знамя» за 7 апреля 1927 г. была опубликована новость о том, что «ИНОП постановлением центральных органов ликвидируется» [2, с. 4].

Таким образом, Таганрогский институт научной организации производства в 1920-х гг., не имея финансовой поддержки от государства, внедрял на переданных ему в аренду предприятиях рациональные способы управления. Но из-за экономических проблем и внутренних конфликтов он в 1927 г. прекратил свое существование.

Библиографический список

1. Государственный архив Российской Федерации. Ф. А-406. Оп. 24а. Д. 13639.
2. Красное Знамя: ежедневная газета Таганрогского Окркома ВКП(б). Окрисполкома и Окрсовпрофа. 1927. № 79 (1518) (7 апр.). С. 1–4.
3. Таганрогский филиал Государственной архива Ростовской области (ГАРО). Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 26.
4. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 63.
5. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 64.
6. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 65.
7. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 70.
8. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 75.
9. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 78.
10. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 80.
11. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 85.
12. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 91.
13. Таганрогский филиал ГАРО. Ф. Р.-107. Оп. 1. Д. 93.
14. Центр документации новейшей истории Ростовской области. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 563.

В. А. Полудень

Меры социальной помощи военным инвалидам и ветеранам в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в.: анализ нормативных документов

В статье исследованы аспекты социальной помощи военным инвалидам и ветеранам в Санкт-Петербурге в первой половине XIX в. на основе Полного свода законов Российской империи. Проанализированы источники финансирования комплекса мер поддержки, рассмотрены категории лиц, которым оказывалась данная помощь.

This article examines various aspects of social assistance to disabled military and war veterans in Saint-Petersburg in the first half of 19th century on the basis of the Russian Empire's Code of Laws. It analyzes the financial sources of support measures and categories of supported people.

Ключевые слова: Комитет 18 августа 1814 г., Санкт-Петербургские инвалидные команды, Чесменская военная богадельня, Патриотический институт, рота Дворцовых Гренадер, пенсии.

Key words: August 18 1814 Committee, Saint-Petersburg Companies of Disabled, Chesme Military Almshouse, Patriotic Institute, Company of Palace Grenadiers, pensions.

Будучи одним из сильнейших игроков на мировой арене, Российская империя в первой половине XIX в. принимала участие во всех значимых военных конфликтах. Поэтому проблема военных инвалидов и ветеранов для России была очень актуальной. Особое внимание вопросам призрения военных инвалидов стало уделяться после Отечественной войны 1812 г. Поскольку российский император Александр I сам долгое время находился в действующей армии, он видел непоказную сторону Отечественной войны, огромные страдания своего народа, тяжёлое положение раненых воинов и их семей.

18 августа 1814 г. в день первой годовщины Кульмского сражения Александр I учредил в Санкт-Петербурге особый Комитет для помощи неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам. Данный Комитет состоял из генерал-адъютантов: генерала кавалерии Ф. П. Уварова, генерал-лейтенантов: графа П.А. Строганова и графа П. В. Голенищева-Кутузова, генерал-майоров: А. А. Закревского и Н. М. Сипягина. На Комитет была возложена обязанность оказывать помощь неимущим изувеченным генералам, штаб- и обер-офицерам. Доклады императору должен был делать генерал от артиллерии граф А. А. Аракчеев [20].

21 декабря 1815 г. Александр I передал собранный П. П. Пезаровиусом (издатель газеты «Русский инвалид») капитал в 395 тыс. рублей в распоряжение Комитета. Пезаровиус был назначен членом Комитета, управляющим Канцелярией и редактором газеты «Русский инвалид или Военные ведомости», которая

вошла в ведение Комитета. На попечение Комитета были переданы 1200 инвалидов из нижних чинов, которые получали пенсии от Пезаровиуса [15].

23 марта 1816 г. был утвержден доклад графа Аракчеева о способах к составлению капитала для пособий изувеченным в Отечественную войну генералам, штаб- и обер-офицерам. Были установлены вычеты: с денег, пожалованных в единовременную награду – по 10 %, с денежной ссуды на год или несколько лет без процентов – по 5 %, с аренды без квартплаты – по 3 % в год, с аренды с квартплатой – по 1 % в год, с пожалованных в вечное владение земель – от 5 до 25 %, со столовых денег – по 1 % в год. С пожалованных медалей взималось от 25 до 500 р., с пожалованных бриллиантовых и других вещей – по 10 %. Адрес-конторы Санкт-Петербурга и Москвы ежегодно вносили по 25 тыс. рублей. Каждый театр в государстве, содержатели клубов и маскарадов, общества музыкантов раз в год устраивали бенефис для увечных, отдавая доходы с этого спектакля в Комитет. Из пенсий таможенных чиновников 10 % обращалось в капитал для увечных [2]. Также в инвалидный капитал поступали и личные пожертвования. 3 февраля 1819 г. был утвержден штат Комитета [18].

В 1816 г. право на признание Комитета получили вдовы, сироты и матери, оставшиеся после умерших от ран военных чинов [13], в 1827 г. – все штаб- и обер-офицеры, служившие в кампании против персиян, и их семьи [16], в 1829 г. – раненные в 1828 и 1829 гг. генералы, штаб- и обер-офицеры казачьих иррегулярных войск и их семьи [14], в 1851 г. – нижние воинские чины, получившие увечье в нарядах на пожары, и их семьи [5].

7 апреля 1827 г. в Санкт-Петербурге при Комитете был учрежден Патриотический институт на 120 человек для дочерей заслуженных военных чинов, состоящих под покровительством Комитета 18 августа 1814 г. Цель воспитания заключалась в образовании воспитанниц: «быть добрыми женами, попечительными матерями, примерными наставницами для детей и хозяйками, способными трудами своими и приобретенными искусствами доставлять самим себе и их семействам средства к существованию». Образование длилось шесть лет, возраст поступающих воспитанниц составлял от 10 до 12 лет. На содержание института ежегодно выделялось 80 тыс. рублей [4].

Ещё одной мерой поддержки военных инвалидов в Российской империи были инвалидные роты. Все служившие в инвалидных ротах и командах именовались военными инвалидами и получали «инвалидное» содержание (меньшее, чем полевое и гарнизонное) [1, с. 402]. По воспоминаниям В. Д. Кренке, из числа «прослуживших пятнадцать и более лет солдат, многие отчислялись в неспособные, в бывшую внутреннюю стражу, где они дослуживали лета и водворялись на постоянное жительство» [6, с. 293]. Таким образом, инвалидные команды являлись структурами признания отставных и увечных солдат, позволяя им получать кров и пропитание пожизненно, находясь при воинских частях. Их основными задачами были гарнизонная служба, помощь в тушении пожаров, а также конвоирование заключенных.

В 1804 г. в Санкт-Петербурге для охраны Александровской мануфактуры были учреждены четыре инвалидные роты, появились охранные инвалидные

команды при Гатчинском и Павловском дворцах, при Нарвской крепости, Шлиссельбургской тюрьме [1, с. 402]. Санкт-Петербургская инвалидная команда препровождала арестантские партии через Царское Село, Гатчину и Ораниенбаум [10]. В 1836 г. было решено назначать неспособных нижних чинов лейб-кирасирского его высочества наследника цесаревича полка в Гвардейскую инвалидную бригаду с жалованием по тем окладам, какие они получали в полку [8]. Также в Санкт-Петербурге находилась подвижная инвалидная № 14 рота при Монетном дворе [12] и инвалидная команда при таможне [7].

По высочайшему повелению императора Николая I для поднятия престижа ветеранов, а также поощрения заслуг старых солдат 2 октября 1827 г. было учреждено одно из самых привилегированных подразделений Российской империи – рота дворцовых гренадер (Георгиевская дворцовая рота), «чтобы они обеспечены были в своём содержании на всю жизнь и чтобы служба их состояла только в Полицейском надзоре во Дворцах, где будет Моё пребывание» [21]. Жалование и обмундирование всем офицерам и нижним чинам роты выдавалось из счёта Кабинета его императорского величества. Рота состояла под начальством только министра Императорского двора. Все чины этой роты размещались в дворцовых зданиях. 30 августа 1834 г. штат роты был увеличен до 135 человек для охраны Александровской колонны на Дворцовой площади [17]. В роту поступали или отличившиеся из гвардейских отставных нижних чинов (добровольно), или по особому высочайшему повелению из тех, кто был в походах против неприятеля. Жалование и прочее содержание им полагалось такое же, как у комнатных инвалидов, а также обмундирование и вооружение по образцу. Дети унтер-офицеров роты дворцовых гренадер пользовались правами наравне с детьми обер-офицеров гвардейского гарнизонного батальона, их причисляли в те гвардейские полки, из которых их отцы поступили в эту роту [11].

Пенсии в Санкт-Петербурге выплачивались так же, как и по всей Российской империи. Российский военный историк В. А. Ярёмченко пишет: «При Николае I пенсии были увеличены, а сроки выслуги сокращены. Полная пенсия назначалась за 35 лет безупречной службы. Прослужившим от 30 до 35 лет определялось $\frac{2}{3}$ полного оклада, от 20 до 30 лет – $\frac{1}{3}$ полного оклада. В 1838 году должностной оклад полного генерала составлял 5000 рублей (ассигнаций), полковника – от 1200 до 2000 рублей, капитана – от 650 до 1100 рублей, прапорщика – от 450 до 750 рублей. Одновременно с окладами жалованья по чинам были установлены и оклады столовых денег» [22, с. 115]. Нижние чины роты дворцовых гренадер при выходе на пенсию получали за пять лет службы одну треть жалования, за десять лет – две трети жалования, за пятнадцать лет – полный оклад [9].

«Для призрения и успокоения старых и увечных воинов, которые по отставке от службы не в силах снискивать пропитания трудами», 21 апреля 1830 г. была учреждена богадельня вблизи Санкт-Петербурга в бывшем Чесменском дворце Екатерины II, перестроенном для этого заведения. В богадельне находились 16 офицеров и 400 нижних воинских чинов. Все чины носили мундир, с которым были уволены. С позволения смотрителя призреваемые могли ходить

к своим родственникам. Принятые в богадельню могли быть исключены из нее по их желанию только при удостоверении, что родственники или знакомые имели возможность их содержать, чтобы исключенные не просили милостыни. Жены в богадельню не помещались. Выгодами поступивших в военную богадельню были: здоровая пища, приличное одеяние, лечение в случае болезни в лазарете. На стол определялось офицерам по 35, нижним чинам по 15 копеек в день. Одежду и прочее снабжение воинские чины богадельни получали по табели. Воинские чины имели одну обязанность – «вести себя хорошо и быть в совершенном повиновении начальству военной богадельни» [3].

В 1853 г. из общественных сумм Санкт-Петербургского купечества стало отпускаться по 12 тыс. рублей серебром в год на содержание Чесменской военной богадельни [19].

Таким образом, комплекс мер поддержки военных инвалидов и ветеранов в Санкт-Петербурге оказался довольно эффективным. В первой половине XIX в. четко сформировались два источника финансирования социальной помощи военным: инвалидный капитал Комитета 18 августа 1814 г. и Кабинет его императорского величества. Постоянно расширялся круг лиц, которые получали право на призрение Комитета, открывались учебные заведения для детей (Патриотический институт), богоугодные заведения (Чесменская военная богадельня). Ветераны и инвалиды имели право перейти на гражданскую службу или продолжить службу в действующей армии, выполняя более лёгкие обязанности в инвалидных командах или роте дворцовых гренадер.

Библиографический список

1. Алмазов Б. А. Петербург – столица русской гвардии. История гвардейских подразделений. Структура войск. Боевые действия. Выдающиеся личности. М.: Центрполиграф, 2015. 405 с.
2. Высочайше утвержденный доклад Графа Аракчеева. О способах к составлению капитала в пособие изуверенным в отечественную войну Генералам, Штаб и Обер-Офицерам // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1-е (далее ПСЗ–I). СПб., 1830. Т. 33. № 26207.
3. Высочайше утвержденное положение о Военной Богадельне в С. Петербурге // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2-е (далее ПСЗ–II). СПб., 1831. Т. 5. № 3617.
4. Высочайше утвержденное положение о Патриотическом Институте Комитета 1814 Августа 18 // ПСЗ–II. СПб., 1830. Т. 2. № 1012.
5. Высочайше утвержденное положение о покровительстве Комитета 1814 Августа 18 нижним чинам, наряжаемым от войск на пожары, а также их семействам // ПСЗ–II. СПб., 1852. Т. 26. № 25749.
6. Кренке В. Д. Быт саперов пятьдесят лет назад. Отрывок из воспоминаний генерал-лейтенанта В. Д. Кренке // Исторический вестник. 1885. Т. XXI. № 8. С. 265–294.
7. О комплектовании инвалидной и пожарной команд, состоящих при С. Петербургской таможне, нижними чинами Пограничной Стражи // ПСЗ–II. СПб., 1853. Т. 27. № 26832.
8. О назначении неспособных нижних чинов Лейб-Кирасирского Его Высочества Наследника Цесаревича полка в Гвардейскую инвалидную бригаду // ПСЗ–II. СПб., 1837. Т. 11. № 9387.
9. О пенсиях нижним чинам роты Дворцовых Гренадер // ПСЗ–II. СПб., 1834. Т. 8. № 5985.

10. О поручении С. Петербургской Инвалидной команде препровождения чрез Царское Село, Гатчину и Ораниенбаум арестантских партий // ПСЗ–II. СПб., 1834. Т. 8. № 6399.
11. О правах детей унтер-офицеров роты Дворцовых Гренадер, и о причислении детей их в Гвардейские полки // ПСЗ–II. СПб., 1830. Т. 3. № 1860.
12. О преобразовании подвижной инвалидной № 14 роты, при С. Петербургском Монетном Дворе состоящей // ПСЗ–II. СПб., 1845. Т. 19. № 18218.
13. О призрении вдов и сирот, оставшихся после умерших от ран военных чинов // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 33. № 26514.
14. О призрении Комитету 1814 Августа 18 раненых в 1828 и 1829 годах Генералов, Штаб и Обер-Офицеров казачьих иррегулярных войск // ПСЗ–II. СПб., 1830. Т. 4. № 3260.
15. О принятии в казенное распоряжение капитала, собранного Коллежским Советником Пезаровиусом изданием ведомостей, именуемых Русский Инвалид, и об отдаче в распоряжение Комитета 1814 Августа 18 для приобщения к прочему Инвалидному капиталу // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 33. № 26036.
16. О присвоении права на призрение Комитета 1814 Августа 18 всем Штаб и Обер-Офицерам, служившим ныне в кампании против Персиян // ПСЗ–II. СПб., 1830. Т. 2. № 1594.
17. О присоединении к настоящему числу Дворцовых Гренадер одного унтер-офицера и двенадцати человек рядовых // ПСЗ–II. СПб., 1835. Т. 9. № 7371.
18. О штате оного Комитета и по Редакции военных Ведомостей // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 36. № 27663.
19. Об отпуске из общественных сумм С. Петербургского купечества по 12,000 рублей серебром в год на содержание Чесменской Военной Богадельни // ПСЗ–II. СПб., 1854. Т. 28. № 27114.
20. Об учреждении особого Комитета для помощи неимущим изувеченным Генералам, Штаб и Обер-Офицерам // ПСЗ–I. СПб., 1830. Т. 32. № 25642.
21. Об учреждении роты Дворцовых Гренадер // ПСЗ–II. СПб., 1830. Т. 2. № 1436.
22. Постников С. В., Постникова О. А. Никто больше призрения не заслуживает, как болящей солдат. Социальное обеспечение ветеранов в Российской армии до 1917 года // Военно-исторический журнал. 2022. № 8. С. 100–119.

С. А. Баши

Эпидемия холеры в Санкт-Петербурге в 1892–1896 гг. (на основе данных статистики)

В данной статье представлен анализ статистических материалов, касающихся эпидемии холеры в Санкт-Петербурге в 1892–1896 гг. Рассмотрены отчёты Медицинского департамента Министерства внутренних дел Российской империи, отчёты Санкт-Петербургского градоначальника и отчёты больниц, принимавших больных холерой. Сделаны выводы о динамике заболеваемости в столице, а также о достоверности статистических источников по данному вопросу.

This article presents an analysis of statistical materials on the cholera epidemic in St. Petersburg in 1892–1896. The reports of the Medical Department of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Empire, reports of the St. Petersburg Mayor and reports of hospitals receiving cholera patients are considered. Conclusions are drawn about the dynamics of morbidity in the capital, as well as about the reliability of statistical sources on this issue.

Ключевые слова: холера, эпидемия, Санкт-Петербург, статистика, медицина, XIX век.

Key words: cholera, epidemic, St. Petersburg, statistics, medicine, XIX century.

В 1892–1896 гг. Российская империя столкнулась с очередной эпидемией холеры. Эта вспышка относилась к пятой пандемии, длившейся с 1881 по 1897 г. В Санкт-Петербурге особенно сильно холера проявила себя в первые три года – 1892, 1893 и 1894.

Если рассматривать статистику смерти от холеры в столице в 1892–1896 гг., можно увидеть, что в разных источниках представлены отличающиеся друг от друга данные о переболевших и умерших от болезни. Отчёты Медицинского департамента Министерства внутренних дел разнятся между собой и отличаются от отчётов Санкт-Петербургского градоначальника и данных, предоставленных больницами города.

Но прежде чем рассмотреть расхождения в статистике подробнее, следует понять, по каким принципам собирались материалы о больных инфекционными болезнями во второй половине XIX в.

За основу при составлении статистики брался «статистический листок о больном». Такой лист заполнялся на пациента в больнице, в которую он поступал. Он заполнялся под наблюдением врача, лечившего пациента, и окончательно «закрывался» либо при выздоровлении больного, либо при его смерти. В листок вносились точные данные о пациенте: имя, пол, возраст, место жительства, род занятий, время пребывания в столице, число дней, проведённых в больнице. Делалось это в том числе и ради выявления возможной взаимосвязи между данными разных пациентов. На основе данных «статистических листков о больном» больница формировала собственный годовой отчёт, а сами листки поступали в статистическое Отделение Городской Управы, где по полученным данным составлялся годовой отчёт [6, с. 3–4].

Следует заметить, что в основу статистики были положены данные больниц, в которых не учитывались больные, лечившиеся на дому. Несмотря на изданное в 1892 г. указание доставлять всех больных холерой на лечение в больницы, в 1893, 1894, 1895 и 1896 гг. оставались люди, лечившиеся самостоятельно. В своей основе это были состоятельные петербуржцы, у которых были средства и возможность лечиться на дому [10, с. 4]. При этом осознание ценности больничных услуг отмечено в ряде отчётов из больниц, в которых утверждалось, что в последнее десятилетие XIX в. всё больше людей поступали в городские больницы, предпочитая их лечению на дому [7, с. 127].

Ещё одна причина неточности статистики – нередко в графу «болезнь, с которой поступил» врачи вносили сразу несколько заболеваний. В таких случаях данные листка группировались для статистики по усмотрению составителя отчёта. В некоторых больницах в медицинские отчёты было не принято вносить пациентов, пробывших в больнице менее суток и умерших, в годовой статистический отчёт такие больные включались в общее число умерших. Пациенты, переведённые из одной больницы в другую, учитывались отдельно. Это, по мнению доктора А. А. Липского, и являлось главными причинами расхождения

отчётов больниц, составляемых самими врачами, и общим статистическим отчётом [6, с. 5].

В качестве статистических источников были рассмотрены отчёты Медицинского департамента Министерства внутренних дел, сведения Санкт-Петербургского градоначальства, а также больниц, принимавших заражённых холерой.

Первый год эпидемии, 1892, был одним из самых тяжёлых. По статистике, представленной в отчёте Медицинского департамента Министерства внутренних дел, в этот год от холеры в Санкт-Петербурге умерли 1371 человек. Общее количество заболевших холерой в отчёте не было указано [8, с. 13].

Ежегодный отчёт «Сведения о смертности от заразных болезней, доставленные в Медицинский Департамент М.В.Д.» представляет статистику смерти населения Российской империи по месяцам. Сведения о заболевших холерой и умерших от неё представлены в отдельной таблице, согласно которой всего в Санкт-Петербурге в 1892 г. холерой заболели 109 чел., 20 из которых умерли [11, с. 10].

В «Сведениях о смертности от заразных болезней...» за 1893 г. данные за 1892 г. были дополнены – вместо 109 заболевших и 20 умерших в 1892 г. представлена другая статистика: всего заболели 4272 человека, из них умерли 1315 [12, с. 13].

Более информативным является «Всепогоднейший отчёт Петербургского градоначальника за 1892 год», написанный Виктором Вильгельмовичем фон Валлем. Согласно ему, всего за 1892 г. в Санкт-Петербурге холерой заболели 4269 человека, из которых 1364 умерли – данная цифра не намного, но расходится с числом смертей, озвученным Медицинским департаментом. Также в отчёте представлен анализ распространения эпидемии по районам Санкт-Петербурга: наибольшее количество заболевших пришлось на Васильевскую (17,9 %), Спасскую (12,2 %), Александро-Невскую (11,8 %), Петербургскую (11,5 %) и Рождественскую части (9,4 %), а Адмиралтейская часть (1,3 %) являлась самой безопасной для жизни в период эпидемии [1, с. 9–10]. Помимо статистики, из отчёта градоначальника можно узнать о мероприятиях, проведённых городским самоуправлением с целью пресечения распространения холерной эпидемии.

Подробный анализ больничной статистики за 1892 г. составил доктор А. А. Липский. По этим материалам всего в 1892 г. в Санкт-Петербурге переболели 4423 человека – в статистику были включены заболевшие до официального объявления эпидемии (154 человека), – и умерли 1363 человека. Если из этой статистики вычесть заболевших до начала эпидемии, то она полностью сходится с отчётом градоначальства. Больше всего больных приняла Городская барачная больница в память С. П. Боткина (954), далее шли Александровская в память 19 февраля 1861 г. (787) и Святой Марии Магдалины (701). Всего больных холерой принимали шесть городских больниц и десять больниц других ведомств. Наибольшее количество заболевших проживали на территории Выборгской, Васильевской и Петербургской частей – эти больные составили

39% от общего числа заболевших. На участках, где проживает преимущественно рабочее население, наибольший процент заболеваний дал мужской пол. К примеру, в Спасской части на 10 тыс. жителей приходилось 53 заболевших мужчины и 25 женщин, в Коломенской – 55 мужчин и 23 женщины, но в некоторых участках количество больных женщин преобладало над количеством заболевших мужчин. В июле, до официального объявления эпидемии, было доставлено 154 санитарные карточки с диагнозом «острое желудочно-кишечное расстройство» и симптомами, указывающими на холеру. При вскрытии тел погибших (31 человек) были обнаружены признаки холеры, врачи пришли к выводу о начале эпидемии. В августе таких карточек было 443, а в предыдущие месяцы этот диагноз встречался редко. Пиком эпидемии стал август – в этот период было доставлено наибольшее число санитарных карточек. В последние месяцы года санитарных карточек, оповещавших о заболевании холерой, стало меньше, вновь начали преобладать карточки с диагнозом «желудочно-кишечное расстройство».

В 1893 г. эпидемия холеры продолжилась, но в сравнении с предыдущим годом прошла менее интенсивно. В отчёте Медицинского департамента Министерства внутренних дел указано, что в Санкт-Петербурге в 1893 г. от эпидемии скончались 1206 человек, данные об общем числе заболевших не представлены [9, с. 29].

Эти данные немного, но отличаются от «Сведений смертности от заразных болезней...» за 1893 г., согласно которым в столице в этот год холерой заболели 2810 человек, из которых 1239 умерли [12, с. 13].

Отчёт Санкт-Петербургского градоначальника сообщает, что в 1893 г. холера пришла не как обычно, в начале лета, а в конце – в августе, пик эпидемии пришёлся на сентябрь. Всего ей заболели 2576 человек, а умерли – 1226. В сравнении с показателями за 1892 г., заболеваемость холерой снизилась (2576 человек вместо 4269 по данным градоначальства). При этом, если в 1892 г. из общего числа заболевших умер 31 %, то в 1893 – 43,6 % [2, с. 8].

Единого отчёта, созданного на основе материалов всех больниц Санкт-Петербурга, за 1893 г. нет. Зато отчёты, подготовленные больницами самостоятельно, позволяют не только собрать статистические данные о холере, но и узнать, какие меры предпринимались для лечения заболевших.

Например, согласно отчёту Обуховской женской больницы о лечении холеры в 1893 г., женское отделение приняло 104 пациентки, из которых умерли 60 (57 %) и выздоровели 44 (42 %) [16, с. 2]. В том числе 14 человек умерли в первые 24 часа от начала заболевания. Пик поступления больных пришёлся на сентябрь. Среди путей заражения холерой самым частым было употребление некачественной воды или испорченных продуктов питания. Главными признаками заболевания названы диарея и рвота [16, с. 4]. Распознавание болезни делалось на основе клинических данных. Если приступ был слабым и трудно отличался от гастроэнтерита, проводилось бактериологическое исследование [16, с. 5].

В 1894 г. по данным отчёта Медицинского департамента Министерства внутренних дел в Санкт-Петербурге от холеры скончались всего 5 человек [9, с. 31].

Согласно отдельному отчёту о смертности населения Российской империи от инфекционных болезней, в Санкт-Петербурге в 1894 г. холерой заразились 4711 человек, из них умерли 2317 – это самые высокие показатели болезненности и смертности от холеры за всю эпидемию [13, с. 6].

По данным отчёта Санкт-Петербургского градоначальника число заболевших холерой в 1894 г. не превысило 1892 г. – 4201 человек, из которых умерли 2288 человек. Растущий процент летальных исходов объясняется «из года в год возрастающей интенсивностью эпидемии». Холера 1894 г. пришла в июне, а в июле количество заболевших ею – 2570 человек – почти превысило количество заболевших в 1893 г. за все пять месяцев холерной вспышки. Самой неблагополучной частью была названа Александро-Невская из-за большого числа проживающих в ней «фабричных людей», а самой благоприятной – Адмиралтейская. На усилившуюся эпидемию градоначальник предложил действовать с помощью улучшения санитарных условий города, сославшись на «отсутствие положительных научных указаний на причины возникновения холеры» [3, с. 9].

В 1895 г. холерная эпидемия пошла на заметный спад. В отчёте Медицинского департамента Министерства внутренних дел количество умерших от холеры в Санкт-Петербурге, равно как и в других городах страны, не указано [9, с. 32].

В «Сведениях смертности от заразных болезней...» написано, что холерой заболели 554 человека, из которых умерли 288 [14, с. 9].

По данным статистики Санкт-Петербургского градоначальства в 1895 г. холерой заболели 408 человек, о числе погибших не сообщается. Если в 1892, 1893 и 1894 гг. сведения о распространении холеры помещались на первые страницы отчёта градоначальства и подкреплялись описанием мер, предпринимаемых городским самоуправлением против эпидемии, то в 1895 г. данные о холере размещены в таблице вместе с другими болезнями без каких-либо комментариев [4, с. 167].

1896 г. считается последним годом эпидемии. Статистические данные по количеству заболевших холерой и умерших от неё в этот период в отчёте Медицинского департамента отсутствуют. Не упоминается холера и в «Сведениях о смертности от заразных болезней» за 1896 г. В отчёте Санкт-Петербургского градоначальника каких-либо упоминаний о холере среди перечня болезней также нет.

Таким образом, отчёт Медицинского департамента Министерства внутренних дел в качестве статистического источника можно назвать недостаточно достоверным – там не отражено общее количество заболевших, и данные за 1893, 1894, 1895 и 1896 гг. явно не полные. Другой документ Медицинского департамента – «Сведения о смертности от заразных болезней, доставленные в Медицинский департамент МВД» – даёт более точную информацию о количестве заболевших холерой и умерших от неё в разные годы не только по Санкт-Петербургу, но и по другим городам и губерниям Российской империи.

Самым информативным статистическим источником по эпидемии 1892–1896 гг. можно назвать отчёт Петербургского градоначальника, поскольку в нём представлены и статистика заболевших, и распределение больных по районам города, а также перечислены меры городского самоуправления по борьбе с распространением эпидемии.

Отчёты больниц, принимавших заражённых холерой, позволяют узнать, как распределялись пациенты по врачебным учреждениям, какие средства применялись для лечения больных, где лечение было наиболее эффективным.

Библиографический список

1. Всеподданнейший отчет Санкт-Петербургского градоначальника за 1892 год. СПб.: Тип. С-Петербургского градоначальства, 1893. 148 с.
2. Всеподданнейший отчет Санкт-Петербургского градоначальника за 1893 год. СПб.: Тип. С-Петербургского градоначальства, 1894. 204 с.
3. Всеподданнейший отчет Санкт-Петербургского градоначальника за 1894 год. СПб.: Тип. С-Петербургского градоначальства, 1895. 211 с.
4. Всеподданнейший отчет Санкт-Петербургского градоначальника за 1895 год. СПб.: Тип. С-Петербургского градоначальства, 1896. 207 с.
5. Всеподданнейший отчет Санкт-Петербургского градоначальника за 1896 год. СПб.: Тип. С-Петербургского градоначальства, 1897. 205 с.
6. Липский А. А. Болезненность и смертность Петербургского населения... по данным больниц, находящихся в ведении СПб. городского общественного управления в 1891 году. СПб.: Стат. отд-ние Гор. управы, 1893. 214 с.
7. Липский А. А. Главнейшие болезни в С.-Петербурге в 1892 году, по данным городских больниц; Холера в С.-Петербурге в 1892 году. СПб.: Тип. Шредера, 1894. 141 с.
8. Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1892 год. Ч. 1: Движение населения. Заболеваемость. Осмотры призывных. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1898. 476 с.
9. Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за 1893–95 года. Ч. 1: Движение населения. Заболеваемость. Осмотры призывных. СПб.: Тип. Стасюлевича, 1898. 356 с.
10. Посадский С. В. Холера в Санкт-Петербурге по данным Барачной, в память С. П. Боткина, больницы. СПб.: Тип. П.П. Сойкина, 1896. 18 с.
11. Сведения о смертности от заразных болезней, доставленные в Медицинский департамент МВД... 1892 г., за январь-март, июнь-декабрь. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1893. 24 с.
12. Сведения о смертности от заразных болезней, доставленные в Медицинский департамент МВД... 1893 г., за январь-декабрь. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1894. 26 с.
13. Сведения о смертности от заразных болезней, доставленные в Медицинский департамент МВД... 1894 г., за январь-май, июль-август, ноябрь-декабрь. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1895. 23 с.
14. Сведения о смертности от заразных болезней, доставленные в Медицинский департамент МВД... 1895 г., за февраль-май, июль-декабрь. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1895. 24 с.
15. Сведения о смертности от заразных болезней, доставленные в Медицинский департамент МВД... 1896 г., за январь, март-апрель, июнь, август-сентябрь. СПб.: Тип. М-ва вн. дел, 1897. 23 с.
16. Эссен О. К. Холера 1893 года. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1894. 24 с.

**«Деятельная работа русского общества»:
Выборгское местное управление
Российского общества Красного Креста**

В статье дана характеристика деятельности Выборгского местного управления Российского общества Красного Креста (РОКК). Освещена благотворительная деятельность выборгского отделения РОКК в период Русско-японской и Первой мировой войны. Затрагивается роль местного духовенства, купечества и военного сословия в благотворительных мероприятиях.

The article describes the activities of the Vyborg local government of the Russian Red Cross Society. The charitable activities of the Vyborg branch of the Russian Red Cross Society during the Russian-Japanese war and World War I are highlighted. The role of the local clergy, merchants and the military estate in charity events is touched upon.

Ключевые слова: Красный Крест, медицинская благотворительность, Выборг, пожертвования.

Key words: Red Cross, medical charity, Vyborg, donations.

Выборгское местное управление Российского общества Красного Креста (РОКК) сформировалось в начале 1870-х гг. и было подчинено Обществу Красного Креста в Финляндии. Принципы образования выборгского филиала были теми же, что и для Красного Креста (КК) по всей России: основать его имели право действительные члены общества (не менее пяти человек), четверть участников переизбиралась каждый год, местные филиалы должны были согласовывать свои действия с окружными филиалами. Первоочередными задачами всех местных управлений было: «образование сестер и санитарной прислуги, устройство складов <...>, образование подвижных и временных лазаретов, <...> принятие мер к оказанию помощи больным и раненым и вообще лицам, потерпевшим вследствие общественных бедствий» [12, с. 19]. Деятельность выборгского филиала по сбору средств также была регламентирована уставом РОКК, согласно которому средства составлялись из «а) ежегодных денежных взносов лиц всех сословий, желающих находиться в составе общества и участвовать в его благотворительных действиях; б) единовременных пожертвований деньгами, вещами и всякого рода имуществом и в) всякого рода сборов, дозволяемых законом» [12, с. 4].

Активными членами Выборгского управления РОКК традиционно становились известные и родовитые люди. Так, в списке членов общества за 1886 г. среди действительных (самых почетных) его представителей можно встретить имена супруги директора банка Е. П. Бурьям, известного по участию в разных благотворительных обществах капитана П. П. Грунта, генерал-лейтенанта М. Л. Духонина и его супруги, баронессы Е. П. Мендт, барона П.Н. Николаи, купца Ф. И. Сергеева с супругой, а также купцов К. П. Яковлева,

М. Т. Тиханова (с супругами), купца В. А. Наумова и др. [7]. А в списках членов за 1891 г. можно найти имена генерала Ф. Л. Гейдена, епископа Выборгского Антония, Е.В. Духониной, а также барона Л. Ф. Гакмана (Хакмана), того же П. П. Грунта (уже ставшего подполковником), купца Ф. Д. Аленева, начальницы Выборгской женской гимназии С. О. Елистратовой и учительницы М. Левкович, генерал-майора А. А. Орел [4].

В активных занятиях благотворительностью люди часто искали исцеления своих душевных ран и язв. Например, упомянутая выше Екатерина Васильевна Духонина оставила дневниковые записи, из которых можно узнать, что как раз когда она жила в Выборге, умерла ее мать, что стало причиной «страшного уныния». Духонина увлеклась спиритизмом и, видимо, пытаясь найти прибежище в какой-то деятельности, вступила и в Выборгское отделение Общества Красного Креста. По ее воспоминаниям, она «целыми днями беседовала с духами», но супруг стал бояться за ее рассудок – «и вот, чтобы как-нибудь развлечь и отвлечь меня из этих занятий, он стал просить, чтобы ему дали другое служебное назначение и перевели из Выборга» [9, с. 342].

В 1893 г. состав Выборгского филиала Общества достаточно сильно изменился: хотя почетные члены были те же, к действительным членам прибавились священники М. Казанский, Н. Никольский и А. Судаков, генерал-майоры А. Н. Рызевский (начальник Выборгского крепостного инженерного управления) и И. П. Рубец (комендант Выборгской крепости), учителя Выборгского реального училища В. С. Грацинский и М. В. Петров. Общество тогда насчитывало три почетных члена, шесть действительных и 62 члена-соревнователя. Председательницей его состояла супруга генерал-майора Рубца Елизавета Афанасьевна [5].

Основным источником доходов Общества были проценты от первоначального капитала, а также членские взносы (надо иметь в виду тот факт, что в Выборге имели равноправное хождение как российские рубли, так и финские марки). У отделения существовал «запасной капитал на надобности военного времени» и «капитал для оказания помощи увечным воинам». Например, на 1 января 1891 г. последний составлял 72 р. 2 к., 1513 марок 71 пенни, а на 1 января 1892 г. – 72 р. 92 к., 113 марок 71 пенни. Также в пользу пострадавших от неурожая было перечислено 72 р. 3 к., 113 марок 72 пенни [4; 5]. Можно сделать вывод, что в 1891 г. весь капитал «для оказания помощи увечным воинам» пошел на помощь голодающим. Известно, что этот год в России был ознаменован массовым неурожаем в Черноземье и Поволжье, и, видимо, Красный Крест считал нужным послать свои средства туда. Следственно, в обществе кроме ожидаемых от Красного Креста пожертвований (на больных, увечных и социально незащищенных) существовало гибкое и разумное распределение материальных благ и финансов по принципу «кому нужнее».

В 1893 г. приход составил 334 р. 40 к. и 601 марку 43 пенни, а израсходовано было суммарно 331 р. 80 к. В том же году Красный Крест, в том числе Выборгское отделение, также оказал помощь местностям Финляндии, пострадавшим от неурожая, в размере 3 р. и 197 марок. Также отделение пожертвова-

ло в пользу семейства моряков, погибших на броненосце «Русалка», 19 р. и 423 марки (суммарно 175 р. и 33 к. – М. Л.) [4; 5].

Как писал в начале XX в. юрист и этнограф Петр Богаевский в книге «Красный Крест в главных моментах его жизни и организации»: «...только в минуту несчастий деятельность эта начинает интересовать всех и делается достоянием, так сказать, гласности путем разного рода изданий». Эти «минуты несчастий» для Выборгского местного управления общества Красного Креста наступили в Русско-японскую и Первую Мировую войну [2, с. 10].

Для сбора пожертвований Общество привлекало к этому всех, кого только могло охватить, используя также такие способы, как благотворительные спектакли. Например, в заметке от 23 февраля 1905 г. в местной хронике «Финляндской газеты» упоминается о трех любительских спектаклях в Выборге, устроенных некой г-жой Чернавиной. Выручка со спектаклей шла, в порядке очередности: 1) Выборгскому отделу Русского благотворительного общества, 2) Выборгскому отделу Красного Креста, 3) «раненым и увечным порт-артурцам» [13, с. 3], причем, кроме продажи билетов, организаторы еще собирали пожертвования отдельно. Приход составил: за 1-й спектакль – 1577 марок 50 пенни, за 2-й – 1557 марок 33 пенни и за 3-й – 1217 марок 45 пенни. Чистой прибыли в итоге оказалось 3613 марок 50 пенни [13, с. 3]. Кроме денежных пожертвований, выборжане сдавали в Красный Крест теплые вещи «для раненых воинов на Дальнем Востоке», они передавались в главное управление Красного Креста через председательницу Выборгского местного управления М. Х. Мясоедову (супругу губернатора).

Чтобы иметь представление о том, какие социальные прослойки Выборга наиболее активно жертвовали в Русско-японскую войну на Красный Крест, приведем в качестве примера список (по статье в «Финляндской газете» за 25.03.1905 г. и за период с 1 января по 18 февраля), в котором отметились: Финляндская духовная консистория, Ильинская церковь, гарнизонная Петропавловская церковь, низшие чины 8-го Финляндского стрелкового полка, крепостной пехотный батальон, Спасо-Преображенский собор, Хависская церковь, от выборгского губернатора пожертвования жителей прихода Суоярви, управление 2-й финляндской стрелковой бригады, из содержания генерал-майора Кургановича, женская гимназия и реальное училище, крепостная минная рота, чины полиции Выборгского уезда, Лидия Николаевна Соловьева – собранные в Коликомяках, священник Зотиков от питкьярантской церкви, коронный ленсман Тернквист, генерал-майор Гейнрициус, коронный ленсман Линдквист, Авраам Миэтлим, полковник Гибер фон Грейфенфельс [11, с. 2]. Таким образом, наиболее активно вносили пожертвования церковные и военные учреждения, влиятельные лица. Местное население также оказывало помощь, но она была безымянной и выражалась в общих цифрах.

После подсчета перечисленных в статье средств можно заключить, что всего только за полтора месяца 1905 г. в Выборге и его окрестностях было собрано на нужды Красного Креста 3378 р. 93 к. Эта солидная сумма показывает, хотя бы приблизительно, сочувствие населения к пострадавшим на театре во-

енных действий и активную работу Выборгского отделения РОКК. Можно также отметить интересный факт – пожертвования делались и представителями других народностей, не только русскими. Например, в газете «Helsinki Sanomat» писали, что купец Э. Кари с завода Кюми принес 1000 марок в Выборгское губернское правление [16, с. 3].

Неизменно участвовало в сборах на больных и раненых воинов, другие нужды Красного Креста и духовенство – например, в ноябре-декабре 1904 г. от Выборгского кафедрального Спасо-Преображенского собора на нужды Красного Креста поступило 10 р. 36 к. и 228 марок 76 пенни, а от Ристимякской церкви за июнь – декабрь того же года – 98 к. и 107 марок 5 пенни [14, с. 3].

Русско-японская война закончилась, но Выборгское отделение РОКК продолжало работу. В объявлении, выпущенном в 1909 г., Общество призывало делать пожертвования раненым. Здесь, скорее всего, идет речь о раненых в ходе Персидской войны (1909–1911). Самыми необходимыми названы: теплые вещи, белье (постельное и носильное), перевязочные материалы, мыло и антисептические средства, а также продукты (консервы, стерилизованное молоко, кофе, чай, сахар, шоколад, крупы). Все это можно было нести в дом Выборгского губернатора, где их принимала председательница местного управления М. Х. Мясоедова, а также в казармы № 1 на Папуле полковнику В. С. Вейлю¹ и в штаб Выборгской крепости капитану Соломатину [8].

Следующий всплеск активности Выборгского отделения Красного Креста наблюдается во время Первой мировой войны (1914–1918). Тогда оно подчинялось уполномоченному Красного Креста в Финляндии шталмейстеру П. С. фон Эттеру² [10, с. 53]. В Выборге были «развернуты тыловые лечебные заведения Красного Креста. ...Первые 340 раненых прибыли <...> 6 декабря 1914 г. Они были без всяких затруднений размещены в подготовленных помещениях» [13]. В 1916 г. лазарет осмотрел товарищ председателя главного управления КК, генерал-адъютант О. Е. Мейендорф и остался доволен: «Лазарет найден в исключительном порядке, чистота образцовая, операционная оборудована согласно всем требованиям современной техники и гигиены, а пища, выдаваемая раненым, великолепная» [3, с. 2818].

В прессе активно публиковались объявления Красного Креста, призывавшие делать пожертвования деньгами и вещами в пользу раненых и сражавшихся на театре военных действий. Регулярно встречались объявления от имени супруги финляндского генерал-губернатора, приглашавшие «лиц, желающих принять участие в шитье белья для раненых и воюющих» заняться этим у нее дома в определенные часы [17, с. 1]. Известно также, что педагогический персонал Выборгских учебных заведений производил ежемесячные отчисления со

---

¹ Владимир Сигизмундович Вейль – русский военный деятель, генерал-майор. В 1909 г. находился в Выборге – по всей вероятности, в связи с исполнением обязанностей командира 15-го стрелкового полка.

² В источнике ошибка – имеется в виду Николай Севастьянович (Н. С., а не П. С.) Эттер – генерал-лейтенант, дипломат. После 1917 г. эмигрировал в Финляндию.

своего жалования – 1 % на нужды Красного Креста [6, с. 296]. В прессе регулярно публиковались финансовые отчеты ревизионной комиссии управления.

В 1916 и 1917 гг. отчеты о деятельности выборгского отделения публиковались в «Финляндской газете» уже не так часто – возможно, влияла общая смутная атмосфера тех дней. Однако продолжались пожертвования на больных и раненых – например, в 1916 г. «губернский казначей Г. Тимгрэн передал Выборгскому отделению Финляндского общества попечения о больных и раненых воинах 3038 марок 69 пенни, пожертвованные чиновниками Выборгской губернии» [15, с. 2].

После 1917 г. Выборгское отделение РОКК, как и прочие отделения, подверглось реформированию согласно Декрету «О деятельности и реорганизации РОКК», подписанному В. И. Лениным, после чего стало играть «вспомогательную роль, исключаящую всякую общественно-политическую деятельность, выходящую за рамки медико-санитарной работы» [1, с. 17].

Библиографический список

1. Асеев И. А., Каримов Р. Р. Реорганизация Российского общества Красного Креста после октября 1917 года (историко-правовой аспект) // Вестник Уфимского юридического института МВД России. 2019. № 4(86). С. 10–17.
2. Богаевский П. М. Красный Крест в главных моментах его жизни и организации. М., 1916. 27 с.
3. Лазарет Красного Креста в Выборге // Вестник Российского общества Красного Креста. 1916. № 8.
4. Ленинградский областной государственный архив г. Выборга (далее – ЛОГАВ). Ф. 320. Оп. 1. Д. 27.
5. ЛОГАВ. Ф. 320. Оп. 1. Д. 28.
6. Новоселова З. А. Русские учебные заведения в Выборге XIX–XX вв. // Страницы выборгской истории. Выборг, 2000. С. 263–324.
7. Российское о-во Красного Креста. Выборгское местное управление. Список гг. членов Российского общества Красного Креста в Выборге... Выборг, 1886–1887.
8. Российское общество Красного Креста. Объявление [от Выборгского местного управления Российского общества Красного Креста]. Б.м., [1909].
9. Рядом с батюшкой: воспоминания духовных чад о святом праведном отце Иоанне Кронштадтском / [работали: Ю. В. Балакшина и др.]. М., 2012. 484 с.
10. Соколова В. А. Красный Крест в Финляндии в период русско-японской и Первой мировой войн // Новейшая история России. 2013. № 1. С. 48–55.
11. Список пожертвований, поступивших в Выборгское отделение КК с 1 января по 18 февраля // Финляндская газета. 1905. № 39.
12. Устав Российского Общества Красного Креста, состоящего под высочайшим покровительством государыни императрицы. Издание неофициальное. Пенза, 1891. 37 с.
13. Финляндская газета. 1905. № 10.
14. Финляндская газета. 1905. № 11.
15. Финляндская газета. 1916. № 29.
16. Финляндская газета. 1916. № 37.
17. Финляндская газета. 1916. № 57.

Организация стоматологической помощи школьникам в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в.*

В статье характеризуются возможности организации стоматологической помощи школьникам в Санкт-Петербурге во второй половине XIX – начале XX в. Обращается внимание на сложившийся в стране экстремальный подход к лечению зубов, когда к специалисту обращались исключительно в случае нестерпимой боли, а основным средством лечения было удаление. Ни значительный рост числа зубных врачей в начале XX в., ни проведение школьных профилактических осмотров не смогли изменить традиционного отношения родителей и педагогов к подростковой стоматологии.

The article characterizes the possibilities of organizing dental care for schoolchildren in St. Petersburg in the second half of the 19th – early 20th centuries. Attention is drawn to the extreme approach to dental treatment, developed in the country, when a specialist was consulted only in case of unbearable pain, and the main treatment was extraction. Significant increase of the number of dentists at the beginning of the 20th century, as well as conduction of school preventive examinations, could not change the traditional attitude of parents and teachers towards teenage dentistry.

Ключевые слова: Санкт-Петербург, вторая половина XIX – начало XX в., школьники, гигиена полости рта, зубы, дантисты, стоматологическая помощь.

Key words: St. Petersburg, second half of the 19th – early 20th century, schoolchildren, oral hygiene, teeth, dentists, dental care.

Рубеж XIX–XX вв. ознаменовался массовым увлечением образованной частью населения России, и особенно ее столицы, вопросами гигиены и физического здоровья. Открывались специализированные общества и проводились гигиенические выставки, осуществлялись попытки контроля за качеством продуктов питания и условиями труда, многотысячными тиражами издавались специальные пособия и рекомендации [4; 8; 9; 18]. При этом наибольшее внимание уделялось детской и подростковой гигиене, ведь, с одной стороны, такая гигиена должна была стать залогом сокращения детской смертности и укрепления здоровья нации, а с другой – привыкшие с детства и отрочества жить по гигиеническим принципам люди осваивали эти нормы на всю оставшуюся жизнь, легко передавая их уже своим детям.

Под напором врачей, учителей и многих образованных родителей менялись учебные программы и домашние практики. В жизнь учащихся постепенно входили уроки гимнастики, горячие школьные завтраки, ежедневное холодное обтирание и еженедельные ванны [3; 7; 19]. Крайне медленно, но менялось и отношение к уходу за полостью рта...

Вместе с тем и к концу XIX в. в списке наиболее массовых заболеваний петербургских школьников одно из первых мест занимали «плохие зубы»,

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

опасные не только сами по себе как постоянный очаг инфекции и боли, но и, как отмечали специалисты, возможная причина многочисленных других – пищеварительных, нервных и даже умственных расстройств: «К чему все наши поиски за здоровой пищей и чистым воздухом, – восклицал врач, первый профессор-одонтолог в России А. К. Лимберг, – когда каждый глоток вводимой пищи отравляется гнилью из портящихся зубов и каждый атом вдыхаемого воздуха заражается миазмами из собственного рта. Ребенок не может правильно развиваться физически и умственно, когда пища его недостаточно пережевывается гниющими остатками зубов и когда нервная система его расстраивается мучительной зубной болью и бессонными ночами» [11, с. 7].

Причины практической всеобщей (75–95 %) [11, с. 4] заболеваемости столбчатых подростков «костоедой зубов» современники видели в нескольких факторах. Прежде всего в условиях городской жизни вообще – особенности питания, скученность, нехватка воздуха, сырость, которые еще более усугублялись крайне низким качеством неводной воды [14; 20]. Но и не в меньшей степени уровнем ухода за полостью рта, который, как особо отмечали специалисты конца XIX в., должен был состоять не только в поддержании чистоты за счет ежедневных чисток и полосканий зубов, но и в периодических врачебных осмотрах, «для возможно раннего устранения возникшей уже болезни и немедленного исправления произведенного ею беспорядка» [11, с. 9].

К началу XX в. в образованных семьях, а тем более в закрытых учебных заведениях, ежедневный уход за зубами детей был практически налажен. Например, в Санкт-Петербургском Александровском институте воспитанницы не только ежедневно под контролем воспитательниц чистили зубы, но и полоскали рот после приемов пищи [16, л. 417–417 об.]. Появлялись к этому времени подобные практики и среди «малокультурного населения». Так, о привычке ежедневно чистить зубы заявили 9 % мальчиков и 15 % девочек из числа школьников петербургских бедных окраин. Понимание же необходимости в профилактических «ежегодно повторяющихся осмотрах» детей и «исправлении зубов врачом» только начинало пробивать себе дорогу даже среди «прогрессивных» родителей, и передовых педагогов [11, с. 9–10]. Данное обстоятельство было во многом связано с условиями развития отечественной стоматологии.

В 1861 г. на всю империю насчитывалось всего 134 дантиста [17, с. 550–552]. Образование они получали, проходя трехлетнее обучение «путем индивидуального ученичества в кабинетах частных-практикующих врачей, в основном за границей». Для приобретения права на открытие собственной практики в России необходимо было предоставить свидетельство, подтверждавшее факт такого обучения, и выдержать специальный экзамен, состоящий из теоретической и практической частей при Медико-хирургической академии или университете [12; 13, с. 29].

До 1890-х гг. численность зубных врачей увеличивалась слабо. Так, в 1870 г. экзамен на звание дантиста на медицинском факультете Московского университета сдало только восемь человек. Большинство специалистов, приоб-

ретших право на практику, открывали в крупных городах частные кабинеты, в которых занимались преимущественно удалением и протезированием. Служившие же в казенных учреждениях получали в свое «ведение» сразу несколько крупных учебных заведений, каждое из которых за зарплату в 80–100 р. в год посещали 2–3 раза в месяц «для подачи помощи страдающим зубами» [13, с. 40–41; 10, с. 8].

В таких условиях к дантисту редко кто заглядывал без острой необходимости лечения уже крайне поврежденных зубов, а тем более, просто для проведения профилактических осмотров. Да и сами практикующие специалисты мало рассчитывали на подобное, рекомендуя своим пациентам держать полость рта в чистоте, а в случае «обычной» боли применять те или иные «домашние меры». Интересны в этом плане советы родителям, помещенные в специализированных пособиях. Так, Д. Валленштейн, совмещавший в середине XIX в. обязанности дворцового зубного врача со службой в «разных казенных воспитательных заведениях», в своем труде «Практические наставления о сохранении зубов» рекомендовал приучать детей чистить зубы два раза в день, ограничить употребление ими сладкого и пряностей, при появлении «порчи» – укреплять десны специальными составами. Наконец, «не лишним» казалось врачу «иногда давать осматривать зубы дантисту, чтобы заблаговременно предупредить их порчу» [2, с. 4–32]. И если, как видим, дворцовый доктор, посвятивший «Наставления...» своим царственным пациентам, все-таки не отрицал в принципе пользу профилактических осмотров, то, по мнению авторов вышедшего спустя полвека пособия, ориентированного на рядовых горожан, зубной врач мог появиться в жизни ребенка только в экстренной ситуации: «Если же зубы вследствие антигигиенических условий портятся и становятся кариозными, тогда при чистке их необходимо прибегать к более энергично действующим средствам. В таких случаях употребляют слабый раствор марганцовокислого калия, бертолетовой соли и пр.; им приписывается способность до известной степени замедлять процесс разрушения кариозного зуба. Если же зуб постольку разрушен, что нерв обнажен и доставляет ребенку мучительную боль, следует обратиться за советом к зубному врачу и запломбировать больной зуб, если не поздно, или совершенно удалить его» [6, с. 29–30].

Взрывной рост числа зубных врачей был связан с появлением специальных образовательных заведений – курсов и школ. Первая зубоврачебная школа открылась в 1882 г. в Санкт-Петербурге на Литейном проспекте в Мариинской больнице. Ее организатор, дантист Ф. И. Важинский, получил на это разрешение Медицинского департамента МВД. На первый курс сразу было зачислено 70 чел. По итогам же 10-летней работы учебное заведение выпустило 219 дантистов – 84 мужчины и 135 женщин [13, с. 43–44].

В 1891 г. был принят «Нормальный устав зубоврачебных школ», устанавливавший требования к поступающим, организации обучения, программам, а также подконтрольность этих учебных заведений [5]. С этого времени установилось три наименования для лиц, занимавшихся лечением болезней зубов, статус которых значительно различался.

Как и ранее, чтобы получить звание дантиста, необходимо было пройти обучение в частном кабинете по индивидуальной программе с последующей сдачей экзамена комиссии при Императорской Военно-медицинской академии или университете. Эти специалисты были ограничены в профессиональных правах, например, они не должны были заниматься лечением болезней полости рта. Статус зубного врача получали прослушавшие в течение двух с половиной лет курс зубоучебных школ и, опять-таки, сдавшие экзамен при медицинском факультете. При этом для поступающих в учебное заведение устанавливался образовательный ценз не ниже шести классов гимназии или приравненных к ней учебных заведений. Лица, же получившие общемедицинское образование на медицинских факультетах университетов или вузов, но специализирующиеся на зубоучебании, именовались врачами-одонтологами [13, с. 44]. Именно последняя категория специалистов в ходе подготовки своих научных работ и диссертаций обратила внимание на сформировавшийся в стране экстренный характер стоматологической помощи, особенно в отношении детей.

Первое научное исследование состояния зубов молодежи столицы империи было проведено в 1879 г. Н. В. Склифосовским, который осмотрел 400 учащихся (130 студентов и 270 воспитанников фельдшерской школы). Зубы оказались испорченными у 288 (72 %), при этом наихудшие показатели в 80 % были характерны для уроженцев Санкт-Петербурга, в то время как у приехавших на учебу из северных губерний «порченные зубы» были у 65 %, из южных – у 64 %, а из западных – у 58 %. Опрос осмотренных показал, что все они оказывались в кабинете дантиста только с сильной болью, а деятельность зубных врачей ограничивалась «пломбированием и выдергиванием больных и вставлением искусственных зубов» [20].

В последующие несколько лет в различных учебных заведениях страны были проведены схожие исследования, показавшие близкие результаты [см. напр. 15]. И только А. К. Лимберг в 1886 г. перешел от простого сбора статистических данных к постоянным профилактическим осмотрам и «предупреждающему лечению» зубов петербургских подростков, начав работу в девичьих школах Императорского человеколюбивого общества, где на его попечении оказалось более 300 учениц с 8 до 20 лет [10, с. 3].

В первые несколько лет и осмотр, и лечение зубов школьниц производились прямо в учебных заведениях «при весьма неудобных условиях». Как вспоминал врач: «Работать приходилось в вечерние часы, при освещении обыкновенной керосиновой лампой, и зубоучебным креслом служил простой венский стул, без всяких приспособлений для подъема пациента и поддержки его головы. Все инструменты каждый раз привозились с собою и вся работа сохраняющего лечения зубов производилась без столь облегчающей труд сверлильной машины. Встречая значительное число глубокоиспорченных зубов и корней, обуславливавших частое повторение болей, вследствие нарывов и проч., приходилось довольно часто прибегать к извлечению, даже под хлороформом, при чем удалялись одновременно по четыре и более негодных остатков зубов». В дальнейшем ход лечения был скорректирован: в самих школах

проводился только осмотр, по итогам которого дети направлялись уже в зубо-врачебный кабинет, в котором ассистенты А. К. Лимберга, под его контролем, осуществляли необходимые процедуры [10, с. 10–11].

В открытых привилегированных школах столицы с 1890-х гг. начали проводиться обязательные стоматологические осмотры, по результатам которых заботы по осуществлению «предупреждающего лечения» возлагались на родителей. Так, с 1891 г. в гимназии М. Н. Стоюниной все школьницы подвергались раз в год осмотру зубов, и родители детей, нуждающихся в лечении, извещались «об этом со стороны гимназии»; выбор зубного врача и лечение зубов девочек предоставлялись «заботам родителей», но к определенному сроку дети должны были «доставить в гимназию удостоверение пользовавшего их врача об исправлении зубов» [10, с. 11].

В 1910-е гг. в Санкт-Петербурге значительно возросло число дантистов и зубных врачей. По данным МВД, в 1916 г. только в городе и губернии работало более 900 специалистов [1]. Данное обстоятельство дало возможность сделать ежегодный осмотр состояния зубов подростков обязательным в большинстве учебных заведений города. Однако только редкие школьные администрации устанавливали требование провести лечение выявленных случаев кариеса, как правило, лишь констатируя наличие проблемы у 75–90 % учащихся [16, л. 14, 193–194, 205–205 об.]. Сами же родители «жалая детей» в «95 % случаев» водили «часто измученных долгими страданиями, запуганных описанием болезненных операций и поэтому крайне нетерпеливых» подростков к зубному врачу исключительно для устранения боли [11, с. 10].

Таким образом, и во второй половине XIX в., и даже в начале второго десятилетия XX в., при совершенно новых условиях, когда практически на каждой улице столицы находился кабинет зубного врача, семьи своевременно получали информацию о состоянии зубов детей и имели возможность отправить их на лечение (в части клиник Санкт-Петербурга и других регионов прием учеников городских школ проводился бесплатно) [21]. Многолетняя традиция продолжала довлеть даже над самыми «передовыми» жителями Санкт-Петербурга, которые водили подростков к стоматологу только в экстренных случаях.

Библиографический список

1. Алфавитный список зубных врачей // Российский медицинский список, изданный управлением главного врачебного инспектора Министерства внутренних дел на 1916 год. Пг.: Тип. МВД, 1916. С. 1–79.
2. Валленштейн Д. Практические наставления о сохранении зубов. СПб.: Тип. Я. Трея, 1854. 63 с.
3. Веремченко В. А. Гигиена школьника в дворянско-интеллигентских семьях России второй половины XIX – начала XX вв. // История повседневности. 2017. № 2(4). С. 79–105.
4. Веремченко В. А. Туалет и ванна: гигиена тела в городских дворянско-интеллигентских семьях России во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 7–2. С. 18–30.
5. Выдержки из Нормального устава зубо-врачебных школ, утвержденного на основании п. 3 ст. 1 Высочайшего повеления 7 мая 1891 года г. министром внутренних дел (28 мая 1891 года). Одесса: Тип. Е. И. Фесенко, 1891. 17 с.

6. Гигиена зубов и рта. СПб.: Тип. т-ва «Нар. польза», 1902. 104 с.
7. Жукова А. Е., Семенова О. А., Шевелев В. Ю. Вопросы школьной гигиены во второй половине XIX – начале XX в. в Санкт-Петербурге (на примере еврейских учебных заведений) // Вопросы истории. 2022. № 10–2. С. 66–75.
8. Зайцева С. В. Детская гигиена на Первой Всероссийской гигиенической выставке в Санкт-Петербурге в 1893 г // Семья и детство в повседневной жизни: история и современность: материалы международной научной конференции: в 2 т., Санкт-Петербург, 06–08 апреля 2023 г. / отв. ред. В. А. Веремченко. Т. 2. СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2023. С. 119–124.
9. Митлина Ю. В. Создание системы торгово-санитарного контроля и предпосылки ее реформирования в Российской империи в конце XIX – начале XX в. (на примере Санкт-Петербурга и Москвы) // История повседневности. 2021. № 2 (18). С. 33–45.
10. Лимберг А. К. О зубах у учащихся и организация зубоврачебной помощи в школах. Доклад IV Отделению Р. Общества охр. нар. здр. 12 марта 1899 года. СПб.: Тип. П. П. Сойкина, 1900. 16 с.
11. Лимберг А. К. Уход за зубами // Энциклопедия семейного воспитания и обучения. Вып. XVI. СПб.: Тип. М. М. Стасюлевича, 1899. 47 с.
12. О дантистах (зубных врачах) // Войно И.К. Сборник законов, правил, наставлений и распоряжений правительства для врачей, фармацевтов, ветеринаров и прочих медицинских чинов. Киев: Тип. Е. Я. Федорова, 1871. С. 137–139.
13. Пашков К. А. Зубоврачевание и стоматология в России: основные этапы и направления развития (IX–XX век): монография. 2-е изд. Казань: Центр инновационных технологий, 2011. 304 с.
14. Порча зубов у юношества // Новая Петроградская газета: полит. и лит. 1908. 24 февраля. № 54.
15. Рабинович М. Ф. К этиологии порчи зубов // Врач. 1882. № 44.
16. Российский государственный исторический архив. Ф. 759. Оп. 86. Д. 33.
17. Российский медицинский список, издаваемый по Высочайшему повелению, Медицинским департаментом Министерства внутренних дел на 1861 г. СПб.: Тип. МВД, 1861. 552 с.
18. Семенова О. А. Попечение о матерях и младенцах в Санкт-Петербурге в начале XX в. на примере городской «Капли молока» // История повседневности. 2019. № 4(12). С. 72–81.
19. Синова И. В. Вопросы гигиены труда и быта учеников ремесленных мастерских Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX в. // Вопросы истории. 2022. № 8-1. С. 70–78.
20. Склифосовский Н. В. Прочность зубов у обитателей столицы // Врач. 1880. Т. 1. № 5. С. 85–86; Т. 1. № 6. С. 99–100.
21. Устав частной зубной амбулаторной лечебницы для детей низших школ г. Харькова, учрежденной Харьковским зубоврачебным обществом. Харьков: Тип. И. Альтмунер, 1912. 13 с.

ИСТОРИЯ ДЕТСТВА И ОБРАЗОВАНИЯ

Е. А. Меркулова

Открытие начальных школ Министерства народного просвещения на территории Царскосельского уезда Санкт-Петербургской губернии (1868–1917 гг.)

В статье характеризуется процесс становления и развития сети начальных народных училищ Министерства народного просвещения в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии. Анализируется динамика открытия земских школ, отражающая постоянное увеличение их числа и уменьшение их наполняемости, соответствие числа школ росту населения в уезде. Обращается внимание на проблемы, с которыми земства сталкивались при строительстве, эксплуатации зданий.

The article characterizes the process of formation and development of the network of Elementary Public Schools under the Ministry of Public Education in Tsarskoselsky district of St. Petersburg province. It describes the dynamics of opening of zemstvo schools, showing a constant increase in their number and a decrease in their occupancy rate. Attention is drawn to the problems encountered in the construction and operation of buildings, as well as the demographic growth of the population in the early 20th century.

Ключевые слова: земская школа, Царскосельский уезд Санкт-Петербургской губернии, начальное образование, всеобщее обучение.

Key words: zemstvo's school, Tsarskoselsky district of St. Petersburg province, national education, general education.

Во второй половине XIX в. в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии, как и во всей Российской империи, система образования приобрела новый облик. Существенные изменения произошли в организации начального образования, появился новый вид учебных заведений – одноклассное народное училище ведомства Министерства народного просвещения, которое в начале XX в. станет образцом для попытки создания модели всеобщего начального обучения в Российской империи в целом.

В 1870–1890-е гг. в Царскосельском уезде активно открывались новые земские школы. Согласно статистическим данным, в 1877 г. их было 20, а уже к концу XIX в. их число возросло до 48, что доказывает функциональность, полезность и необходимость такого типа школ [5, с. 25–31]. На территории Санкт-Петербургской губернии, в том числе в Царскосельском уезде, в среднем одна школа приходилась на 1 тыс. жителей [5, с. 31], то есть на несколько деревень, тогда как в одной конкретной школе в среднем обучалось около 50 чел. одновременно. Поэтому, даже несмотря на увеличение числа земских школ, потребности крестьян в начальном образовании не были полностью удовлетворены.

На начальном этапе земские школы имели нестабильное положение. Б. Б. Веселовский отмечал, что это объясняется отсутствием собственных по-

мещений для проведения занятий (многие земские школы вынуждены были вести свою деятельность в церковных сторожках). Земства проводили «поощрительную» политику и ставили курс на увеличение числа земских школ [3, с. 475], однако на начальном этапе это не всегда подкреплялось необходимой материальной поддержкой. В 1870-е гг. земства стали выделять первые пособия на содержание школ и учительского персонала, совместно с сельским обществом приступили к финансированию школ. В Царскосельском уезде в 1879–1880-х гг. из 49 училищ они содержали 23, в которых обучались 1629 чел. при 26 преподавателях и 14 законоучителях. Всего в уезде обучались 2275 чел., из которых 3/4 были учащимися школ, содержавшихся земством [11, с. 475].

Среднестатистическое количество учащихся в классе показывает демографическую ситуацию к концу XIX в., а также то, что большинство волостей нуждались в открытии дополнительных земских школ. Максимальное число обучающихся для 16 школ составило 45 чел. в классе, разделенных по трем отделениям, минимальное – 26 чел. Однако стоит отметить, что в семи учреждениях количество обучающихся превышало максимум. Например, в Тосненское народное училище могли прийти 106 обучающихся [4, с. 81], что свидетельствует о некомфортных условиях обучения и нехватке пространства. Большая разница между максимальными и минимальными показателями количества учащихся говорит о систематическом отсутствии учеников на занятиях.

Если сравнить Царскосельский уезд с Лужским и Ямбургским, то можно заметить, что среднее количество учеников в Лужском уезде составляет 39, а в Ямбургском – 41 чел. [12, с. 260]. Следовательно, в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии наблюдается нехватка земских учебных заведений.

Началом строительства земских школ можно считать открытие в 1868 г. Хумалиновского (Дудерговского) народного училища в Дудерговской волости Царскосельского уезда. Это единственная школа, записи о которой сохранились в источниках [5, с. 90].

Но с 1873 г. происходит бум открытия начальных народных училищ ведомства Министерства народного просвещения в Царскосельском уезде. С этого момента до начала 80-х гг. XIX в. было открыто 8 земских школ. Уже в 1880-е гг. существовали 34 земских школы, что на 24 % больше, чем в предыдущее десятилетие. К концу 1890-х гг. в Царскосельском уезде их количество возросло до 49.

Главным фактором определения статуса типа учреждения был высокий уровень образования, который обеспечивала своим ученикам именно земская школа. В ней обучались как мальчики, так и девочки, которых было намного меньше [10, с. 56]. Процент учащихся в Санкт-Петербургской губернии среди населения был одним из самых высоких в Российской империи и составлял 2,5 % в 1882 г. Для сравнения, в Полтавской и Черниговской губернии этот показатель составлял 1,3 %, а в Бессарабской – 0,8 % [2, с. 24].

Образовательная политика по отношению к земским школам в рассматриваемый период характеризовалась личными взглядами императора. Так, Александр II, Александр III и Николай II возлагали на земскую школу в первую

очередь воспитательную функцию – «утверждать в народе религиозные и нравственные понятия и распространять первоначальные полезные знания» [1, с. 106]. В конце 90-х гг. XIX в. в правительстве стали поднимать вопрос о всеобщем обучении, но попытки реализовать эту идею начались лишь в XX в.

Таким образом, можно сделать вывод, что земская школа в XIX в. на территории Царскосельского уезда была одной из лучших возможностей получить качественное начальное образование. Одноклассное народное училище Министерства народного просвещения было самым распространенным среди населения, несмотря на некоторые особенности его становления и развития.

В начале XX в. система начального образования в Российской империи сохраняла принципы и традиции второй половины XIX в. На территории страны Положения 1864, 1869, 1890 гг. по-прежнему на законодательном уровне определяли деятельность земских школ. Однако со временем начали предприниматься законодательные попытки по реализации в стране принципа всеобщего обучения.

В журнале Министерства народного просвещения публикуется распоряжение об «учреждении новой должности» в Санкт-Петербургской губернии с января 1901 г. – должности инспектора народных училищ [7, с. 91]. Инспектор активно посещал начальные учебные заведения [7, с. 95]. В Царскосельском уезде наибольшее внимание он уделил земским школам.

Развитие сети земских школ происходило экстенсивным путем. Это находит подтверждение в последних данных о количестве учреждений этого типа в Царскосельском уезде Санкт-Петербургской губернии. В начале XX в. количество одноклассных народных училищ в Царскосельском уезде возросло на 165 % [8, с. 93–100] по сравнению с их числом в 1890-х гг., так как в Памятной книжке за 1914–1915 гг. перечислены 130 земских школ [9, с. 363–369]. Кроме того, аналогичное количество зафиксировано в самом позднем источнике [16, л. 1–7] на начало 1917 г. Таким образом, количество земских народных училищ постоянно увеличивалось на протяжении всего периода их существования, особенно в начале XX в.

По количеству учебных заведений земские школы занимали абсолютно лидирующую позицию, так как в источниках уезда зафиксировано лишь 28 церковно-приходских школ и 14 частных учебных заведений [9, с. 361–363]. Следовательно, можно утверждать о популярности и доступности земских школ в Царскосельском уезде.

Удовлетворение потребностей населения в начальном образовании можно увидеть и в статистических данных. К наступлению 1905 г. в Санкт-Петербургской губернии число школ относительно населения увеличилось в два раза [6, с. 75]. На одно училище приходилось 692 жителя [13, с. 80], что подтверждает решение проблемы демографического взрыва, существовавшую с 1880-х гг., и перенасыщения школ в условиях повышения рождаемости.

Документы о строительстве земской школы в Гатчинской волости свидетельствуют, что между земством и крестьянами были разногласия. Так, в марте 1909 г. крестьяне Лядунского общества написали отказ от строительства школы

в их поселении [17, с. 56]. В качестве причины было указано неудобное расположение здания. Его планировали возвести рядом с дорогой, которая не проходит через деревню, что затрудняло бы путь детей к образовательному учреждению. Через 2 года школа была возведена рядом с поселением для удобства местных детей крестьян [17, л. 72].

Местную земскую школу застраховали от пожара на 42 р. страховым обществом «Саламандра». С 1910-х гг. появляются сведения о застрахованных школах в деревне Поги Лисинской волости [14, л. 11] и деревни Пязелево ближе к железнодорожной станции Павловск [15, л. 7]. Следовательно, в Царско-сельском уезде получила распространение система социального страхования.

Таким образом, одноклассные народные училища в XIX – начале XX в. подвергались количественным и качественным изменениям в процессе попытки введения всеобщего начального обучения. Однако именно в этот период завершается развитие земских школ, которые регламентарно стали схожи с современными начальными государственными школами. Количество учреждений возросло до 130. В них обучалось 7800 детей, что составляет примерно 60 чел. на школу. Данные показывают, что в уезде проводилась политика по нормированию числа учащихся на одну классную комнату за счет увеличения числа земских школ, имеющих высокую популярность.

Библиографический список

1. Аллагулов А. М. Образовательная политика в России во второй половине XIX – начале XX вв. // Вестник Московского университета. Сер. 20. Педагогическое образование. 2010. № 2. С. 103–111.
2. Богданов И. М. Грамотность и образование в дореволюционной России и СССР. М.: Статистика, 1964. 195 с.
3. Веселовский Б. Б. История земства за сорок лет: в IV т. СПб.: Изд. О. Н. Поповой, 1909–1911. Т. I. 741 с.
4. Гюбнер Ю. Ю. О санитарном состоянии Санкт-Петербургской губернии по сведениям земских врачей. СПб.: Тип. т-ва «Обществ. Польза», 1879. 123 с.
5. Начальное народное образование в 1898–1899 учебном году // Статистический сборник по С.-Петербургской губернии 1899 год. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1902. VIII. 91 с.
6. Начальное народное образование в 1904–1905 учебном году // Статистический сборник по С.-Петербургской губернии 1906 год. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1906. 53, 76 с.
7. Об учреждении новых должностей директоров и инспекторов народных училищ, и устройстве канцелярских сих директоров 24-го мая 1900 г. // Журнал Министерства народного просвещения. Часть СССXXX. СПб.: Тип. «В.С. Балашев и К», 1900. С. 91–95.
8. Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1900 год / Изд. по распоряжению г. начальника губ. СПб.: С.-Петерб. губ. тип., 1900. 343 с.
9. Памятная книжка С.-Петербургской губернии на 1914/1915 гг. / Изд. С.-Петерб. ГСК. СПб.: С.-Петерб. губ. тип., 1914. XXVII. 547 с.
10. Рашин А. Г. Грамотность и народное образование в России в XIX – начале XX вв. // Исторические записки. 1951. Т. 37. С. 28–80.
11. Семенова Л. Н. Состояние начального народного образования в первый период деятельности уездных земств Санкт-Петербургской губернии // Вестник ЛГУ им. А. С. Пушкина. 2008. № 2. С. 5–19.
12. Статистический сборник по С.-Петербургской губернии. СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1895. VIII. 273 с.

13. Статистические сведения по начальному образованию в Российской империи = Statistische Nachrichten über das Elementar-Schulwesen in Russland / М-во народного просвещения. СПб.: Издание Департамента народного просвещения, 1908. II, LXXXIII, 312 с.

14. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 722. Оп. 1. Д. 72.

15. ЦГИА СПб. Ф. 722. Оп. 1. Д. 87.

16. ЦГИА СПб. Ф. 722. Оп. 2. Д. 11.

17. ЦГИА СПб. Ф. 722. Оп. 2. Д. 86.

В. В. Шишелова

Женское образование в среде горских евреев в XIX в.

В работе рассматриваются исторические, культурные и социальные факторы, которые влияли на доступ женщин к образованию. В рамках исследования были изучены источники, описывающие жизнь горских евреев, а также архивные документы, которые содержат информацию о женском образовании. В результате исследования были выявлены факторы, которые способствовали или препятствовали развитию женского образования в среде горских евреев.

The article considers the historical, cultural and social factors that influenced women's access to education. As a result of the research the material was obtained for describing particular qualities of the female position among Mountain Jews. In the present paper we will discuss factors which contributed or hindered the development of women's education.

Ключевые слова: женское образование, горские евреи, Дербент, гендерная история, Кавказ.

Key words: female education, mountain Jews, Derbent, gender history, Caucasus.

Изучение женского образования в среде горских евреев начинается с постановки вопроса об условиях жизни. Положение, образование и быт евреев в Восточной Европе хорошо изучены, в то время как в отношении горских евреев таких исследований существует в разы меньше, из-за чего существует дефицит научной информации по этой теме [5; 6]. Данный вопрос целесообразно рассматривать в контексте общего развития образовательной системы региона.

В противовес хедеру¹, типичному для людей, ведущих оседлый образ жизни, на Кавказе существовали низшие училища, содержавшиеся еврейскими общинами, во главе которых стоял раввин. В таких заведениях акцент делался на знание религиозных праздников и традиций [14, с. 85–92].

В вопросе о численности учащихся в еврейской среде субъективным, но важным источником являются сведения этнографов. Несмотря на то, что их оценки разнятся, можно сделать один вывод — учащиеся составляли не более 2 % от общего числа населения [1, с. 56]. Среди причин такого низкого количества обучающихся стоит отметить уклад хозяйственной жизни, который не поз-

---

¹ Хедер – начальная школа в еврейской религиозной системе образования.

волял людям отлучаться от бытовых нужд. Это приводило к тому, что спрос на учебные заведения был крайне низким. Из-за не востребоваемости образования малочисленные школы находились в плохом состоянии [14, с. 170–172]. Неразвитость образовательной системы в регионе проявлялась и в нехватке квалифицированных кадров. Отмечается исследователями и низкий уровень подготовки раввинов, выступавших учителями, по сравнению с их европейскими коллегами [4, с. 263]. Ещё одна причина бедственного состояния низших училищ была связана с финансированием. Несмотря на то, что обучение в училище стоило довольно дорого, денег на содержание учреждения не хватало, что также способствовало закрытию учебных заведений [2, с. 35–37].

Женское образование неразрывно связано с развитием мужских учебных заведений более высокого уровня. Мальчики могли получить знания в четырехлетнем училище, чтобы стать раввином [6, с. 163–174]. Девушки в подобных училищах занимались бытовой работой: убрали помещения, чистили двор. Исследователи и этнографы, описывая устройство такого училища, ставят на присутствии девушек особый акцент, говоря, что, занимаясь там трудом, они иногда могли присутствовать и на занятиях. Несмотря на то, что официально они не получали никакой квалификации, само посещение уроков может восприниматься как процесс получения знаний [15, с. 112]. Единственным видом занятий, куда не допускались девушки, было обучение ремеслу [3, с. 120].

Таким образом, в качестве одного из способов получения знаний для девушек выступала возможность присутствия на занятиях в четырёхлетних мужских учебных заведениях.

В среде бедных евреев, проживавших в отдаленных аулах, в качестве школы выступал дом любого человека, который провел в училище больше года. Такие дома назывались саклями. Их могли посещать не только мальчики, но и девочки. Интересно, что подобной школой мог быть и дом женщины, работавшей в училище и получившей там обрывочные теоретические знания [1, с. 100–114].

Следует отметить, что в среде горских евреев акцент делался на том, чтобы девочки знали свои бытовые обязанности, обусловленные религией. Так как в аулах все зависело от опыта конкретного преподавателя, систематизировать, чему именно обучали в конкретных саклях, представляется проблематичным [5, с. 248–295]. Чаще всего этнографы говорят о религиозных предписаниях и врачевании [14, с. 20–27]. Распространенность врачебных навыков в женской среде обусловлена географическими особенностями региона: аулы находились в горной местности на большом расстоянии друг от друга, поэтому иметь обученных женщин было необходимо [1, с. 118]. Также стоит упомянуть созданную на основе воспоминаний книгу Г. Рахмилова, в которой автор отмечает, что евреи часто занимались охраной караванов от разбойников, следствием этого были частые травмы [8, с. 209–211]. В саклях велось обучение и религиозным предписаниям – правильному отделению халы¹ и мытью в микве² в течение пятна-

---

¹ Хала – часть хлеба, отделяемая для священника на праздники или шаббат.

² Миква – скопление воды в бассейне для ритуального очищения.

дцати дней после завершения менструаций [15, с. 132]. Всё это было связано с воспитанием хорошей хозяйки и верной жены [10, с. 17].

Таким образом, такой тип образования носил бытовой характер и зависел от того, кто именно будет обучать девочку.

Домашнее образование также зависело от особенностей той или иной семьи. Например, семьи, которые были связаны с шелком или торговлей мареной (растительными красками, которые были характерны для Южного Дагестана), стремились передать детям знания из этой сферы. В частности, девочек обучали шить, делать украшения, аккуратно обращаться с шелком [7, с. 66–68]. В тех семьях, которые владели скотом, девочек обучали использовать шерсть, шкуры животных для ремесленных занятий. Если кто-то в семье занимался торговлей, то девочка могла знать иностранные языки, хоть и на низком уровне [11, с. 205–209]. Общей чертой всех вариантов домашнего образования можно назвать обучение езде на лошади, что было связано с традицией, согласно которой девушка перед бракосочетанием должна была подъехать верхом к синагоге [8, с. 26].

Таким образом, домашнее обучение было совсем лишено каких-то теоретических знаний и обусловлено спецификой хозяйства той или иной семьи [1, с. 67].

Относительно развития женского образования в среде горских евреев может считаться показательным комплекс документов из Дербента. В письме 1869 г. описывается школа для мальчиков, содержал которую Ага Дадашев, а затем – его сын. На тот момент девочки в учебном заведении отсутствовали. В школе в 1870-х гг. произошел пожар, в связи с чем в другом письме встречается просьба выделить участок для синагоги и школы, но это прошение не было реализовано [12, л. 2–4]. Только в начале XX в. будет открыта школа, в которой будут обучаться шестьдесят пять мальчиков и пятнадцать девочек [13, л. 2–5].

Таким образом, женское образование в среде горских евреев носило главным образом домашний характер. Девочка воспитывалась, прежде всего, как хозяйка дома и как будущая мать. Её роль в торговле и социальных контактах за пределами аула, деревни или города была минимальной. Кроме того, низкий уровень инфраструктуры региона не способствовал развитию как образования в целом, так и организации специализированных женских учебных заведений в частности.

Библиографический список

1. Анисимов И. Ш. Кавказские еврей-горцы. М.: Тип. Е. Г. Потапова, 1888. 152 с.
2. Бахшиев Д. Р. Горские евреи. Как выжить разобщенному народу? О создании фундаментальных основ для сохранения языка и этноса. М.: Изд-во Триумф, 2014. 80 с.
3. Горские евреи в Кабардино-Балкарии: Статьи, очерки. Нальчик: Эльбрус, 1997. 176 с.
4. Данилова С. А. История горских евреев северного Кавказа в документах (1829–1917). Нальчик: Эльфа, 1999. 287 с.
5. Локшин А.Е. Высшее духовное образование в иудаизме в Российской империи: преемственность и модернизации // Вестник РУДН. 2018. № 2. С. 248–295.
6. Матушанская Ю. Г. Светское и религиозное образование евреев в Российской Империи // Вестник КГЭУ. 2016. № 2. С. 163–174.

7. Мурзаханов Ю. И. Семейно-брачный институт у нальчикских горских евреев: традиции и современность // Общество: философия, история, культура. 2016. № 4. С. 66–68.
8. Рахмилов Г. Беньягу. Книга 1 серии «Горские евреи». М.: Изд-во литературного объединения горских евреев России, 2021. 377 с.
9. Семенов И. Г. Традиционно-бытовая культура горских евреев в трудах русских ученых XIX – начала XX века // АСТА HISTORICA: труды по историческим и обществоведческим наукам. 2018. № 1(2). С. 160–162.
10. Сосунов Г. С. Эпиграфические памятники горских евреев Восточного Кавказа XVII–XIX веков.: автореф. дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Махачкала, 2009. 30 с.
11. Фанталов А. Н. Вариативность роли женщины и женского образования в семейном укладе различных цивилизационных типов культур // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. 2019. № 4. С. 205–209.
12. Центральный государственный архив республики Дагестан (далее – ЦГА РД). Ф. 15. Оп. 4. Д. 20.
13. ЦГА РД. Ф. 15. Оп. 2. Д. 154.
14. Чёрный И. Я. Владикавказ. 9 января 1869 года. Сборник сведений о кавказских горцах. Тифлис, 1870. Вып. 3. Горские евреи в Кабардино-Балкарии: статьи, очерки / сост. С. А. Данилова. Нальчик: Эльбрус, 1997. 176 с.
15. Mikdash-Shamailov L. Mountain Jews. Customs and Daily life in Caucasus. Jerusalem: The Israel museum. 2002. 160 p.

Е. А. Шашкина

Повседневная жизнь петербургских детей в мемуарах второй половины XIX – начала XX в.

В статье исследуется повседневная жизнь петербургских детей второй половины XIX – начала XX в. на примере разнообразия игр и игрушек. В основу работы лег анализ мемуаров, авторы которых провели детские годы в Санкт-Петербурге в указанный исторический период. Работа с воспоминаниями позволила обозначить ведущие образы и формы игрушек, а также широту и разнообразие их ассортимента. Сюжеты из мемуаров иллюстрируют роль игровой деятельности в социализации детей, а также содержат информацию о процессе взросления. Изучение детской повседневности через разнообразие игр и игрушек позволяет выявить специфику взросления детей в семьях, относящихся к разным социальным слоям. В основу статьи легли мемуары А. Н. Бенуа, М. А. Григорьева, М. В. Добужинского, М. Ф. Кшесинской, Н. А. Лейкина, А. П. Остроумовой-Лебедевой, П. А. Пискарева, М. К. Тенишевой.

The article deals with the daily life of St. Petersburg children of the second half of the 19th – early 20th centuries using the example of a variety of games and toys. The work is based on the analysis of memoirs which authors spent their childhood years in St. Petersburg during the specified historical period. Working with memories allowed identifying the leading images and shapes of toys, as well as the breadth and variety of their assortment. The stories from the memoirs illustrate the role of play activities in the socialization of children, and contain information about the process of growing up. The study of children's daily life through a variety of games and toys allows us to identify the specifics of growing up children in families belonging to different social strata. The article is based on the memoirs of A. N. Benois, M. A. Grigoriev, M. V. Dobuzhinsky, M. F. Kshesinskaya, N. A. Leikin, A. P. Ostroumova-Lebedeva, P. A. Piskarev, M. K. Tenisheva.

Ключевые слова: детство, повседневная жизнь, мемуары, игрушки, Санкт-Петербург.

Key words: childhood, everyday life, memoirs, toys, St. Petersburg.

В дореволюционный период игровая деятельность и игрушки представляли интерес в контексте вопросов воспитания и обучения [20; 26], а также становились объектом непосредственного изучения [10]. Вопросы детской повседневности редко затрагивались в исследованиях советского периода и освещались в рамках преимущественно педагогической науки. Интерес представлял феномен трудового воспитания детей, в том числе посредством игровой деятельности [28]. Сегодня детская повседневность является популярным направлением исследований в исторической науке. Рассматриваются теоретические вопросы научного понятия повседневности [1; 11; 17; 29], исследуется повседневная жизнь детей из разных социальных слоев [4; 5; 21; 23; 25], специфическая игровая деятельность [16], детская повседневность в регионах России [3; 15].

Рассмотрение мемуаров как исторических источников началось в конце XIX в. [32]. В СССР была проведена работа по формированию теоретико-методологической базы таких источников [6; 13], а также изданы воспоминания дореволюционной эпохи [12; 30]. На сегодняшний момент издано множество личных воспоминаний до 1917 года. Мемуары как источники по вопросам детской повседневности используются в исследованиях последних десятилетий [9; 14; 27].

В исследуемых мемуарах второй половины XIX – начала XX в. присутствуют общие и уникальные черты, которые касаются детства авторов в Санкт-Петербурге. Распространенным типом игрушки тогда являлось механическое изделие. А. Н. Бенуа вспоминает о «механическом лаявшем и скакавшем пуделе» как о популярном подарке для детей во второй половине XIX в. [2, с. 119]. Примечательно описание заводных импортных игрушек писателем Н. А. Лейкиным: «маленький зайчик с пружиной, бегавший по полу, и музыкальный ящичек, наигрывающий две пьесы» [19, с. 33]. Эти игрушки были подарены двоюродным братьям автора и имели большую ценность в их семье. Воспоминания о другой механизированной игрушке присутствуют в мемуарах М. К. Тенишевой. Она вспоминает обезьянку в пестром атласном платье на шарманке: «Когда шарманку заводили, обезьяна начинала вертеть головой, вставала и кланялась» [31, с. 25]. С трепетом описывает автор свои воспоминания, потому что подарок, привезенный дядей из-за границы, пришелся ей не по душе. М. К. Тенишева оскорбилась таким подарком и охарактеризовала обезьянку как «чудовище» [31, с. 25].

Еще одним популярным типом игрушки была кукла. Балерина М. Ф. Ксешинская вспоминает о пристрастии своего сына Владимира к мягким куклам. В его комнате «главным образом были обезьяны, и он себя называл Царем обезьян» [18, с. 175]. О своей кукле княгиня М. К. Тенишева отзывается с большей любовью, чем о заводной обезьяне. Кукла Катя была ее другом. Несмотря на ее непривлекательный внешний вид, княгиня, будучи ребенком, привязалась к ней. Она пишет: «Все говорят: Катя страшная, волос почти нет, нос подбит. Я не верю, это невозможно. Катя для меня красавица!» [31, с. 21]. В данном случае личная привязанность к кукле оказалась важнее эстетических, чисто визуальных характеристик игрушки. Схожая ситуация сложилась в детстве художницы А. П. Остроумовой-Лебедевой. Любимый Карлушка был «большой облинявшей резиновой куклой ... у него была прорвана голова и оторван на животе пупок» [22, с. 26]. Автор часто брала свою куклу на водные

целebные процедуры. Сидя в ванне, можно было нажать на игрушку и следить, как из нее фонтаном брызгала вода. А. П. Остроумова-Лебедева описывает забавный эпизод, как в пятилетнем возрасте ее заставили сшить для Карлушки платье из коричневой материи. Она «послушно сидела, вдвела нитку в иглу и думала: «Как же теперь будет брызгать вода из моего Карлушки?» [22, с. 26]. Видимо, игрушка больше не использовалась для водных развлечений.

Популярностью у детей пользовался кукольный миниатюрный мир. Особенную страсть к миниатюрным предметам кукольного хозяйства испытывал А. Н. Бенуа [2, с. 160]. Восторг от увиденных в гостях кукольных принадлежностей запечатлела в своих мемуарах А. П. Остроумова-Лебедева. «Маленький туалетный столик! И на нем ... какая прелесть! Куколки, вазочки, коробочки и фарфоровые фигурки» [22, с. 25]. Особенно привлек ее внимание в тот момент белый фарфоровый петушок с пестрыми радужными крыльями. Княгиня М. К. Тенишева своей детской святыней считала шкафчик, наполненный «крошечными художественными бирюльками» и «мелкими восковыми фигурками» [31, с. 25]. Автор отмечает в мемуарах, что мелкие игрушки были для нее предпочтительнее крупных, и она могла часами «копошиться в своем углу», рассматривая свои сбережения [31, с. 25].

Особое внимание заслуживают игры с солдатиками и в солдатике. «Моим главным развлечением в детские годы (приблизительно до 8 лет) были «солдатики» всякого вида и образца» – пишет А. Н. Бенуа [2, с. 208]. Автор упоминает оловянные и бумажные изделия, причем бумажные вырезались его отцом в том числе из игральные карты. Дорогими были импортные солдатике, имеющие выпуклую форму, и оснащенные конями, палатками, пушками и даже растительностью – кустами и деревцами. Более экономичными оказывались «деревянные солдатике, которых можно было купить за несколько копеек на любом рынке» [2, с. 210]. Такие солдатике ничуть не меньше нравились автору благодаря своей яркой окраске. К солдатикам можно было докупить барабанщика, который «выстукивал дробь, стоило только повертеть за ручку, вделанную в кубик, служивший подставкой...» [2, с. 210]. Игрушки на военную тематику были популярным подарком к Новому году. Как вспоминает Н. А. Лейкин, для мальчиков «неизбежными игрушками были барабан, бубен, дудка, труба из жести» [19, с. 31]. П. А. Пискарев описывает военную игру мальчиков летом на дачах. Взрослые помогали детям в организации мероприятия: покупали «игрушечные ружья, сабли, револьверы, портупей, форменные головные уборы, а на плечи нашивали погоны» [24, с. 134]. В ходе игры дети маршировали под бой барабана, разбивали лагерь, ходили в разведку и проигрывали все основные этапы военных действий.

Примечательны упоминания в ряде воспоминаний одних и тех же мест продаж детских игрушек. Одной из таких точек притяжения был Вербный торг. По словам М. В. Добужинского, торг устраивался к празднику весенней Вербы и располагался у Гостиного двора, а позже – на Конногвардейском бульваре. Помимо пучков верб здесь продавались вербные херувимы с круглыми восковыми лицами, наклеенными на золотую или зеленую бумажку, вырезанную в виде крылышек, продавали здесь веселых американских жителей, прыгающих в стеклянной трубке, а также воздушные шары [8, с. 20]. О Вербном торге

упоминает и А. П. Остроумова-Лебедева: «В детстве мы очень любили Вербный базар и балаганы и никогда не пропускали их» [22, с. 27]. Более разностороннее описание торгового обнаруживается у А. Н. Бенуа. Ему как ребенку запомнились замки и целые города, которые продавались во время Вербного торгового. Автор вспоминает, что у таких игрушечных конструкций были «подъемные мосты, что их окружали зубчатые стены с башнями по углам... Кто-то...задолго до Вербного торгового подбирал пробки, разрезал их на пластины, клеил их, сочинял самую архитектуру» [2, с. 213].

Другим знаковым местом для детей в Санкт-Петербурге являлись лавки фирмы В. М. Дойникова. По воспоминаниям А. Н. Бенуа, «самые замечательные игрушечные лавки были Дойниковские в Апраксином рынке и в Гостином дворе» [2, с. 210]. В его мемуарах есть описание «дойниковских театров». Такое деревянное сооружение занимало немало места, «было украшено цветистым порталом с золотыми орнаментами и аллегорическими фигурами, сцена была глубокая, в несколько планов, а над сценой возвышалось помещение, куда «уходили» и откуда спускались декорации» [2, с. 287]. О лавке Дойникова в Гостином дворе вспоминает и М. В. Добужинский. Из лавки он всегда приносил какую-нибудь купленную игрушку. Это могли быть импортные «оловянные солдатики, уложенные в овальной лубочной коробочке с немецкой надписью на крышке, или какую-нибудь чудную игрушку изделия Троицкой лавры – медведя или мужика, по очереди бьющих по наковальне, или Щелкунчика с горбатым носом и в тирольской шляпе с пером, или же забавную заводную игрушку с коротенькой музычкой – вертящуюся козу в юбке, держащую цветочек, или розовую балерину, делающую ручкой» [8, с. 15].

Отдельного внимания заслуживает описание «оптических игрушек», как их определил в своих мемуарах А. Н. Бенуа. Автор говорит о нескольких игрушках: калейдоскоп, праксиноскоп, волшебный фонарь и стереоскоп. Калейдоскоп описан автором как наиболее простой и распространенный вариант оптической игрушки; он состоял из картонной или металлической трубочки, оклеен был цветной кожей и имел визирь, который можно было двигать вперед, как в микроскопе [2, с. 215]. Интересно описание игрушки «волшебный фонарь», которая стала прообразом современного проектора. А. Н. Бенуа вспоминает, что смотрел с помощью игрушки сказки «Спящая красавица», «Золушка», «Кот в сапогах» и другие. «Сеанс завершался комическими номерами и «вертушками». Комические стекла изображали всякие гротескные рожи или то были целые движущиеся сценки» [2, с. 221].

Внимания заслуживают и другие игрушки, которыми играли дети в дореволюционном Санкт-Петербурге. Отдельная глава воспоминаний М. А. Григорьева посвящена пожарам в городе. Пожарные вызывали неподдельный интерес детей, которые мчались в азарте за пожарной командой. Поэтому «одной из любимых детских игрушек был игрушечный пожарный обоз с раздвижной лестницей, а также пожарная качка из папье-маше, оклеенная золоченой фольгой» [7, с. 169]. Иные игрушки были связаны с со святками. В связи с широким распространением хождения ряженых «в игрушечных магазинах в большом количестве продавались маски... с головами разных животных, были очень смешные, были очень безобразные, были очень страшные» [24, с. 105]. В дополнение к маске

выбиралась одежда и какой-либо атрибут: ухват, кочерга или метла. Популярностью такие хождения пользовались в основном на окраине города, в рабочих районах.

Сюжеты в мемуарах второй половины XIX – начала XX в. демонстрируют особенности детской повседневности юных петербуржцев. В ходе анализа ряда воспоминаний обозначились самые популярные детские игрушки: механические и заводные животные, а также куклы и солдатики разного вида. В ходе исследования выявлены наиболее популярные магазины игрушек: лавки фирмы В. М. Дойникова. Помимо этого, обнаружены яркие воспоминания о Вербном торге. Анализ мемуаров позволил обозначить игрушки детей из простых и из более состоятельных семей. Однако, как было отмечено, дети из богатых семей нередко положительно относились к простым народным игрушкам. Зачастую дети сами или с помощью взрослых мастерили элементы игрового мира.

Библиографический список

1. Банникова Е. В. Критерии повседневности: теоретико-методологические основы истории повседневности // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов, 2011. № 7. С. 21–24.
2. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. М.: Наука, 1980. 712 с.
3. Бурлуцкая Е. В. «По предметам и картинкам...» Учебник А. И. Тарнавского как источник по истории детской домашней повседневности в Оренбурге пореформенной эпохи // История повседневности. 2022. № 2 (22). С. 21–33.
4. Вереме́нко В. А. Дети в дворянских семьях России (вторая половина XIX – начало XX в.). СПб.: ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. 204 с.
5. Вереме́нко В. А. Особенности школьного быта дворян в государственных закрытых учебных заведениях России (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Вестник Череповецкого государственного университета. 2014. № 8 (61). С. 33–36.
6. Голубцов В. С. Мемуары как источник по истории советского общества. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1970. 114 с.
7. Григорьев М. А. Петербург 1910-х годов. Прогулки в прошлое. СПб.: Российский институт истории искусств, 2005. 280 с.
8. Добужинский М. В. Воспоминания. М.: Наука, 1987. 480 с.
9. Ефимовский Е. Мемуары великих князей и родственников царской династии как памятник литературы русского зарубежья и памятник эпохи (Статья первая) // Art Logos. 2021. № 2 (15). С. 79–91.
10. Игрушка. Ее история и значение: Сборник статей под редакцией Н. Д. Бартрам. М.: Издание Т-ва И. Д. Сытина, 1912. 246 с.
11. Иллерицкая Н. В. «История повседневности» в контексте современной историографии // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2022. № 2. С. 12–20.
12. История дореволюционной России в дневниках и воспоминаниях / Науч. ред. тома проф. П. А. Зайончковский. Т. 2. М.: Книга, 1978. 340 с.
13. Источниковедение истории СССР / под ред. И. Д. Ковальченко. М.: Высш. школа, 1981. 496 с.
14. Каминский В. В., Вереме́нко В. А. «... я вышла замуж за любимого...» мемуары О. М. Меницкой-Зоммар (01.03.1874–31.01.1967) // История повседневности. 2017. № 1 (3). С. 109–151.
15. Климова А. В. Основные этапы семейного воспитания молодого поколения в Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX в // Известия АлтГУ. 2013. № 4 (80). С. 165–169.
16. Костюхина М. С. Военные настольные игры в русской досуговой культуре и воспитательных практиках XIX – начала XX века // Труды КарНЦ РАН. 2013. № 4. С. 56–67.

17. Кузнецова О. В. История повседневности на локальном уровне подходы и трудности // Вестник Челябинского государственного университета. 2007. № 21. С. 128–133.
18. Кшесинская М. Ф. Воспоминания. Смоленск: Русич, 1998. 416 с.
19. Лейкин Н. А. Николай Александрович Лейкин в его воспоминаниях и переписке. СПб.: Т-во Р. Голике и А. Вильборг, 1907. 387 с.
20. Литвинский П. А. Энциклопедия семейного воспитания и обучения / ред. П. Каптерев; Родительский кружок при Педагогич. музее в.-уч. зав. в СПб. Игрушки, их назначение и выбор. СПб.: Тип. Е. Евдокимова, 1899. 44 с.
21. Маслова И.В. Мир детства в купеческих семьях Российской империи в XIX – начале XX века // Исторический курьер. 2021. № 1 (15). С. 66–70.
22. Остроумова-Лебедева А.П. Автобиографические записки. М.: ЗАО Центрполиграф, 2003. 590 с.
23. Первушина Е. В. Петербургские женщины XIX века. М.: Центрполиграф; СПб.: Русская тройка-СПб, 2013. 698 с.
24. Пискарев П. А. Милый старый Петербург. Воспоминания о быте старого Петербурга в начале XX века. СПб.: Гиперион, 2007. 288 с.
25. Подделкова П. Е. Детские игрушки великих князей // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 4 (29). С. 40–44.
26. Покровский Е. А. Детские игры, преимущественно русские. М.: Типография В. О. Рихтер, 1895. 368 с.
27. Синова И. В. «Все мы родом из детства далекого вышли...» (Детская повседневность в женских мемуарах второй половины XIX – начала XX в.) // История повседневности. 2021. № 2 (18). С. 46–57.
28. Соловьева Е. И., Березина Т. И. Игра как один из обязательных компонентов трудового воспитания в крестьянской семье Сибири эпохи капитализма // Община и семья в сибирской деревне XVIII – начала XX в.: межвузовский сборник научных трудов. Новосибирск: НГПУ, 1989. С. 51–61.
29. Сотникова Е. В. История повседневности как научное направление // Интерэкспо Гео-Сибирь. Т. 5. 2021. С. 20–22.
30. Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика и историческое сознание XIX века. М.: Археогр. центр, 1997. 356 с.
31. Тенишева М. К. Впечатления моей жизни. Л.: Искусство, 1991. 288 с.
32. Чечулин Н. Д. Мемуары, их значение и место в ряду исторических источников. СПб.: Ред. журн. Библиограф (Н. М. Лисовского), 1891. 16 с.

О. С. Багрова

**Обряды и магические действия сельских повивальных бабок
в конце XIX – начале XX в.
(на примере Тобольской и Иркутской губерний)**

В статье рассматривается роль сельских повивальных бабок в духовной жизни роженицы, и обряды, связанные с рождением ребенка. Обряды и магические действия повитух являлись важным условием для успешного рождения ребенка, благополучия и здоровья матери. Магические обряды и действия повивальных бабок были частью их культурного наследия и верований. Они помогали создать атмосферу поддержки и защиты во время родов, а также укрепляли веру в успешный и здоровый исход процесса. Несмотря на то, что обряды повивальных бабок имеют общие черты и сходства, в Тобольской и Иркутской губернии существуют уникальные традиции и обычаи.

The article examines the role of rural midwives in the spiritual life of a woman in labor, and the rituals associated with the birth of a child. The rituals and magical actions of midwives were an important condition for the successful birth, well-being and health of the mother. The magical rites and actions of midwives were part of their cultural heritage and beliefs. They helped to create an atmosphere of support and protection during childbirth, and also strengthened faith in a successful and healthy outcome of the process. Despite the fact that the rituals of midwives have common features and similarities, there are unique traditions and customs in the Tobolsk and Irkutsk provinces.

Ключевые слова: история деторождения, повивальные бабки, повитухи, обычай, роженица, роды, беременность, родовспоможение.

Key words: history of childbirth, midwives, nurses, custom, woman in labor, childbirth, pregnancy, maternity.

Периоды беременности и родов составляли важную часть жизни женщин как в историческом прошлом, так и в настоящем времени. От качества оказания помощи во время родов зависела жизнь матери и ребенка. Рождение детей происходило практически исключительно дома, поэтому во время родов женщину сопровождала наставница, которая помогала появиться ребенку на свет. Сельские повивальные бабки выполняли свою работу в селах и деревнях и руководствовались магическими обрядами, суевериями и традициями. В каждой губернии повитухи использовали уникальные магические обряды.

Повитухи обладали специальными знаниями для облегчения родов, а авторитет их в доме был весьма высок. При трудных родах повивальная бабка призывала мужа роженицы, а иногда и других членов семьи, выполнять необходимые магические обряды [9, с. 14].

Особое место среди всех магических обрядов занимали действия, совершавшиеся по принципу «замкнутость мешает быстроте родов». Роженице распускали волосы, раскрывали все двери, шкафы, заслонки, в особо критических случаях просили священника открыть алтарные ворота. Часто повитуха перешагивала через пояс роженицы или просила мужа роженицы перешагнуть три раза через жену [1, с. 81].

Повивальные бабки после рождения ребенка около трех дней жили вместе с роженицей в доме. Это объяснялось тем, что повитуха должна была совершить купание матери и ребенка, а также осуществить контроль, чтобы никто не наговорил на мать и ребенка до крещения [7, с. 142]. Купание новорожденного проводилось в теплой воде, в корыто добавляли отвар лекарственного растения, ромашку и соль. Повитуха мыла ребенка клочком белой овечьей шерсти, читая при этом молитвы. После купания младенца натирали маслом, чтобы кожа не потрескалась [1, с. 73].

В Сургутском округе Тобольской губернии еще до наступления родов сургутянки соблюдали осторожность для сохранения собственной беременности. Женщинам нельзя было ходить в лес за ягодами или за чем-то другим, что может съесть медведь, который также, по суевериям сургутянок, зарится на беременных. Запрещалось перешагивать через собаку, пинать ее, так как это все плохо воздействовало на ребенка [8, с. 139]. Категорически запрещалось находиться рядом с покойником: ребенок мог умереть прямо в утробе. Сургутские

повивальные бабки рекомендовали соблюдать данные обычаи, чтобы на начальных сроках беременность протекала благоприятно [6, с. 79].

Сургутянки думали, что ребенок появится на свет ровно в такое же время через девять месяцев, когда был зачат. Поэтому повивальная бабка не приходила раньше этого срока, а за месяц или два повитуха начинала следить за нормальным течением беременности роженицы [10, с. 68].

Повивальная бабка могла предугадать пол по следующему поверью: острый живот соответствует мальчику, круглый и плоский – девочке.

Во время подготовки к родам сургутские повивальные бабки совершали следующие действия: снимали с роженицы рубашку, в которой она ходила, и надевали новую, заплетали роженицам косы, снимали серьги и кольца. Повитуха обязательно зажигала свечку перед иконами и просила всех домашних покинуть дом и молиться [10, с. 141].

Во время трудных родов повивальные бабки советовали роженице ходить по комнате и жевать свои волосы с мылом. Сургутских рожениц также могли подвешивать за руку к потолку (чаще всего в бане) и оставляли висеть, пока она не разродится.

Стоит обратить внимание на действия повивальных бабок с последом. Сургутские повитухи заворачивали его в тряпку с куском хлеба и закапывали в поле. После родов все родные собирались поздравлять роженицу. Повивальная бабка сразу не покидала дом роженицы. Она несколько раз водила женщину в баню, за что получала небольшое вознаграждение [8, с. 84].

Если ребенок рождался больной, то повитуха могла крестить его самостоятельно в домашней обстановке. В Тобольской губернии повитуха совершала «крещение в горшке», куда наливала святую воду, зажигала свечи и читала молитвы. Если ребенок выживал, то в церкви повторного крещения не делали, но проводили обряд миропомазания. В метрической книге встречается такая запись: «В виду смертельной опасности погружение было совершенно повивальной бабкой Анисией Наумовой Мамонтовой» [4, л. 100].

Таким образом, стоит сделать вывод о том, что к сургутским повитухам относились с большим почтением. Сургутские повивальные бабки использовали в своей практике ритуалы в бане (рожениц подвешивали к потолку) и практиковали «домашнее» крещение ребенка. Семья роженицы всегда ходила за повивальными бабками с молитвами, что показывало большое уважение к их труду.

Обратимся к магическим обрядам повивальных бабок в Иркутской губернии. Начало беременности у женщин этого региона принято было отсчитывать с момента прекращения месячных. Одним из дополнительных признаков являлось желание женщины употреблять разную пищу, которая не входила в привычный рацион.

В Иркутской губернии роженице запрещалось носить тяжести, пинать собаку, так как ребенок мог замедлиться в росте и у него мог проявиться старческий вид [2, с. 54]. Роженице не рекомендовалось перешагивать через веревку, иначе при родах пуповина могла запутать ребенка.

Дату родов сельские повивальные бабки в Иркутской губернии определяли следующим образом: от последнего месячного очищения считали год без трех месяцев и десяти дней. Также дату рождения они определяли с помощью первого шевеления, отсчитав после этого четыре с половиной месяца.

Пол ребенка сельские иркутские повивальные бабки определяли по следующим приметам: если мать хорошо себя чувствует и отлично ходит, то будет девочка, если же плохо – мальчик. Если ребенок пошевелится в правом боку, то, по словам повитухи, роженица ждет мальчика, а если в левом – девочку. Повивальные бабки говорили о том, что девочку родить намного легче нежели мальчика [8, с. 74].

Иркутская повивальная бабка начинала навещать роженицу еще задолго до самих родин. Встречали ее всегда уважительно: ухаживали и угощали едой. Считалось, что повивальная бабка является важным человеком. С ней всегда советовались по вопросам, которые появлялись во время беременности, и всегда боялись ее обидеть.

Момент наступления родов тщательно скрывался. Объясняется это тем, что люди могли сглазить роженицу [9, с. 11]. Как правило, роды проходили в избе или в бане. Перед родами всех членов семьи просили выйти, остаться могли лишь маленькие дети.

Иркутская повитуха расплетала роженице косы, снимала с нее кольца и серьги. Роженица оставалась только в рубашке. Если вдруг роды проходили долго, то повивальные бабки совершали следующие действия: просили открыть ворота, двери и заслонку у печки. Они также делали припарку к животу роженицы, чтобы потуги были более частыми [8, с. 94].

Если роды проходили трудно, то повитуха заставляла родных молиться перед иконой. Повивальная бабка давила роженице на грудь и на живот, растирала бока мылом, старалась напугать, чтобы женщина скорее родила.

Стоит обратить внимание, какой обряд повивальные бабки в Иркутской губернии совершали с последом. Повитухи его сначала мыли водой, затем клали в мокрую тряпку с хлебом и хоронили в поле. Иногда на этом месте они сажали яровой хлеб и потом использовали его ростки в качестве лекарства при ночном испуге у ребенка [6, с. 124].

Повивальная бабка купала в бане ребенка и роженицу. Во время пребывания в бане повитуха разглаживала роженице спину, правила ноги и руки, а также правила живот, чтобы матка возвращалась на место. На последний – третий – день повитуха совершала следующий обряд: клала на пол веник, просила роженицу встать на него одной ногой и при этом вставала на него сама, далее поливала руки роженицы водой и заставляла ее умывать руки и лицо. Затем этот же обряд делала повитуха [5, с. 30]. После чего обе вытирались ситцевым платком. Роженица просила прощения у повитухи за обидные слова, которые могла сказать во время своих мук.

В Иркутской губернии крестить новорожденного ребенка старались в течение двух недель. К данному обряду готовились как родители, так и близкие родственники. Кума шила рубашку ребенку и пояс к ней, а кум покупал крест и

платил за крещение. Повивальная бабка обязана была присутствовать на крещении ребенка, которое могло быть как в церкви, так и в домашней обстановке. Священное крещение в семье Авдоневых было совершено не в церкви, а в квартире. Крестили младенца Марию. Перед совершением таинства священник спрашивал и записывал имена родителей, крестных и повивальной бабки. Также в метрической книге указывали местожительство повивальной бабки [3, л. 27].

Итак, мы можем видеть, что в Иркутской губернии повитуха была главной помощницей при родах, которая использовала обряды и заговоры, связанные с рождением детей. Повивальные бабки на месте захоронения последа выращивали яровой хлеб, который потом использовали при лечении ребенка. Иркутские повитухи обязаны были присутствовать на крещении ребенка в церкви.

Сравнивая деятельность повивальных бабок в Тобольской и Иркутской губернии, можно прийти к выводу, что их обряды были похожи, но стоит отметить определенные различия. Например, в Тобольской губернии повитухи запрещали роженицам ходить в лес, так как боялись нападения медведя, а также роженицам запрещалось находиться у покойника. В Иркутской губернии роженице запрещалось перешагивать через веревку и носить тяжести. Стоит отметить, что в Иркутской губернии повивальные бабки выращивали на месте захоронения последа яровой хлеб, который использовался в качестве лекарства. В Тобольской губернии повитуха закапывала послед в поле и ничего не выращивала на этом месте. В Тобольской губернии практиковали обряды с подвешиванием роженицы за руки к потолку. В Иркутской губернии данные обряды не практиковались.

Необходимо выделить общие черты в магических действиях повитух. В Тобольской и Иркутской губернии использовали заговоры на быстрые роды, а также старались открыть все закрытое (ящики, двери, ворота). От умения деревенской бабки во многом зависели жизнь и здоровье рождающегося поколения, поэтому в отношении к ней прежде всего чувствовалась благодарность и почтительность. Роженицы ценили повивальных бабок и полностью доверяли им. Обряды и магические действия играли особую роль в деятельности повитух, так как с их помощью происходило облегчение во время родов, и на свет появлялся ребенок.

Библиографический список

1. Белоусова Е. А. Родины, дети, повитухи в традициях народной культуры. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2001. 318 с.
2. Виноградов Н. Н. Заговоры, обереги, спасительные молитвы и проч. СПб.: Товарищества И. Н. Кушнерев, 1907. 96 с.
3. Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 8. Д. 830.
4. Государственный архив Иркутской области. Ф. 50. Оп. 12. Д. 64.
5. Жбанков Д. Н. Бабья сторона. Кострома: Губ. тип., 1891. 136 с.
6. Ивановская Т. Дети в пословицах и поговорках русского народа // Вестник воспитания. 1908. № 2. С. 112–162.
7. Листова Т.А. Русские обряды, обычаи и поверья, связанные с повивальной бабкой (вторая половина XIX – 20-е годы XX века) // Русские: семейный и общественный быт: отв. ред. М. М. Громыко, Т. А. Листова. М.: Наука, 1989. С. 142–171.

8. Неклепаев И. Я. Поверья и обычаи Сургутского края. Омск: Тип. Штаба Сибирского военного округа, 1903. 230 с.

9. Покровский Е. А. Физическое воспитание детей у разных народов, преимущественно России. М.: Тип. А. А. Карцева, 1884. 380 с.

10. Темплинг В. Я. Здравоохранение на Крайнем Севере Тобольской губернии (XIX – начало XX века) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2015. № 4. С. 136–142.

11. Харузина В. Н. Несколько слов о родильных и крестильных обрядах и об уходе за детьми в Пудожском уезде Олонецкой губернии. М.: А. А. Левинсон, 1905. 37 с.

Я. М. Цыганова

Городские стипендии в учебных заведениях Самары в конце XIX – начале XX в. как коммеморативные практики

Статья посвящена стипендиям, которые учреждались Самарской городской думой в конце XIX – начале XX в. Показывается, что городские стипендии имели не только благотворительную, но и коммеморативную цель. К началу XX в. открытие стипендий стало наиболее распространённым способом увековечивания памяти о каком-либо человеке или событии. По наименованиям учреждённых стипендий делаются выводы о приоритетах мемориальной культуры в дореволюционной Самаре.

The article is devoted to scholarships that were established by the Samara City Duma in the late 19th – early 20th centuries. The author shows that city scholarships had a charitable and a commemorative purpose. Scholarships were the most common way to commemorate about a person or event in the early 20th century. Based on the names of scholarships, the author draws conclusions about the priorities of Samara's memorial culture in the pre-revolutionary period.

Ключевые слова: именные стипендии, коммеморативные практики, Самара, Самарская городская дума, конец XIX – начало XX в.

Key words: personal scholarships, commemorative practices, Samara, Samara City Duma, late 19th – early 20th centuries.

Изучение исторической памяти, а также более узкой проблематики – изучение коммеморативных практик – в настоящее время является одним из самых актуальных направлений в исторической науке. Одной из форм коммемораций является учреждение памятных и именных стипендий, которые не только являются проявлением благотворительности, но и имеют цель сохранить память о каком-либо человеке, реже – событии.

В последние годы историками проводились исследования именных стипендий второй половины XIX – начала XX в. на примере различных городов России. Стипендии рассматривались авторами прежде всего как форма благотворительности [8; 27; 29; 30; 31; 32; 35]. Т. Н. Кандаурова отмечает широкую распространённость именных стипендий в учебных заведениях России конца XIX – начала XX в., а также их роль в социокультурной жизни российского общества [28]. В то же время в исследованиях подчёркивается и их коммеморативная функция. Так, А. И. Клиницкий указывает, что именно увековечивание

памяти являлось одной из наиболее распространённых целей предоставления стипендий [29, с. 51]. Е. П. Емельянов, анализируя современную ситуацию, отмечает, что учреждение именных стипендий, практиковавшееся также в советское время, в постсоветской России стало одной из ведущих коммеморативных практик [9, с. 45].

В связи с этим представляется актуальной проблемой изучения стипендий как формы коммеморации. В данном исследовании эта проблема рассматривается на примере городских памятных и именных стипендий в учебных заведениях Самары в конце XIX – начале XX в.

В статье речь пойдет о стипендиях, которые были учреждены Самарской городской думой и которые имели две цели: коммеморативную и благотворительную. Коммеморативную можно считать первостепенной, поскольку предложения по учреждению таких стипендий поступали в связи с постановкой вопроса об увековечивании памяти об определённом человеке или событии. Эти стипендии освобождали от платы за учение наиболее способных учеников из малоимущих семей.

Учреждение памятных и именных стипендий в Самаре практиковалось уже в 1870-е гг. В этот период общее количество поводов было небольшим, но значительным было число самих стипендий в одном учебном заведении в память об одном человеке или событии. В дальнейшем, как правило, учреждалось по 1–2 стипендии в одном учебном заведении, при том, что количество гимназий и училищ, в которых вводилась определённая стипендия, в среднем составляло от 1 до 4. С конца 1890-х гг. и вплоть до 1917 г. учреждение памятных и именных стипендий было частой практикой: в год находилось в среднем по 2–3 повода как общероссийской, так и местной значимости.

Самое большое количество стипендий было учреждено городской думой 3 апреля 1879 г. – всего 25 стипендий для открывающегося Самарского реального училища. Поводом послужило очередное неудачное покушение на жизнь императора Александра II [10, с. 3].

Период 1909–1913 гг. был ознаменован несколькими крупными юбилеями, которые отмечались по всей России. Первый из них – 200-летие победы в Полтавской битве, в ознаменование которой в Самаре среди прочих памятных мероприятий была учреждена стипендия в одном из высших учебных заведений для выпускников реального училища [25, с. 354–356].

К празднованию 100-летия со времени Отечественной войны 1812 г. Самарской городской управой была составлена обширная программа мероприятий, в числе которых предлагалось учреждение 10 стипендий имени императора Александра Благословенного, Кутузова и Барклая-де-Толли в каждом из трех городских шестиклассных училищ. Однако при обсуждении этого предложения на заседании городской думы высказывались сомнения об уместности того, чтобы ставить императора в один ряд с другими персонами. В итоге было учреждено по 5 стипендий имени императора Александра Благословенного и по 5 стипендий имени Кутузова, Барклая-де-Толли и других героев Отечественной войны в каждом из указанных училищ [2, с. 3].

Самый большой охват учебных заведений составила стипендия в честь 300-летия царствования Дома Романовых в 1913 г. По одной стипендии было учреждено во всех средних и две стипендии в высших учебных заведениях Самары [33, л. 55]. Это был единственный случай, когда городская стипендия назначалась не только в казённых, но и в частных училищах и гимназиях.

В числе деятелей, в память о которых основывались новые стипендии, отдельно стоит выделить представителей русской литературы. Так, в 1898 г. в женской гимназии было учреждено 2 стипендии имени В. Г. Белинского в связи с 50-летием со дня его кончины [18, с. 227–228]. В 1899 г. в рамках празднования 100-летия со дня рождения А.С. Пушкина было основано по 1 стипендии в реальном училище, мужской и женской гимназиях [19, с. 302–305].

Начало 1900-х гг. ознаменовалось несколькими памятными датами, связанными с именами великих русских писателей и поэтов, что пополнило список именных стипендий в учебных заведениях Самары: в реальном училище, мужской и женской гимназиях, женской прогимназии (вскоре преобразованной во вторую женскую гимназию) и четырехклассном городском училище. В 1902–1903 гг. по одной стипендии в каждом из этих учебных заведений было учреждено в связи с 50-летием со дня смерти Н. В. Гоголя [20, с. 31–32], а затем и В. А. Жуковского [20, с. 175–176], в память о Н. А. Некрасове в связи с 25-летием со дня кончины [21, с. 186–187] и по случаю 20-летия со дня смерти И. С. Тургенева [21, с. 490].

И. С. Тургенев пользовался особым вниманием самарского городского самоуправления. Вопрос об увековечивании памяти писателя поднимался три раза, и каждый раз учреждались новые стипендии: сразу после его смерти в 1883 г. [15, с. 293–294], затем в связи с 20-летием [21, с. 490] и 25-летием со дня кончины [24, с. 615–616].

Единственный писатель, чьё имя пытались увековечить ещё при жизни посредством учреждения стипендий, стал Л. Н. Толстой. В 1908 г. в связи с его 80-летием городской думой было основано 3 стипендии его имени в самарских высших учебных заведениях [24, с. 544–545].

В 1909 г. предметом почитания также с последующим учреждением новых стипендий стали С. Т. Аксаков в связи с 50-летием со дня его смерти [25, с. 393] и А. В. Кольцов по случаю 100-летия со дня рождения [25, с. 623–624].

В числе лиц, в память о которых в Самаре учреждались стипендии, был и М. В. Ломоносов: в 1911 г. по случаю 200-летия со дня его рождения в одном из высших учебных заведений была создана стипендия его имени [1, с. 2–3].

В 1910-х гг. в Самаре появляются стипендии, наименование которых связано с государственными деятелями. Так, в 1911 г. вскоре после гибели П. А. Столыпина городской думой была принята целая программа мероприятий в память о нём, включавшая и открытие именной стипендии в реальном училище, средства на которую выделил купец В. М. Сурошников [12, с. 2–4].

В 1917 г. по одной стипендии имени графа П. Н. Игнатьева было открыто в четырех учебных заведениях по случаю его отставки с должности министра народного просвещения [7, с. 3].

Почти половину наименований городских стипендий в самарских учебных заведениях к 1917 г. составляли те, которые были учреждены в честь местных деятелей, чья служба была оценена гласными городской думы достаточно высоко.

Среди губернаторов, в честь которых учреждались именные стипендии, первыми стали Г. С. Аксаков, после отставки которого было открыто 10 стипендий в мужской гимназии в 1873 г. [13, с. 147], и П. А. Бильбасов, имени которого назначены три стипендии в той же гимназии в 1879 г. [22, с. 754]. Также была основана стипендия в память об убитом в 1906 г. губернаторе И. Л. Блоке [23, с. 442–443]. В 1910-х гг. дважды учреждались стипендии, наименования которых содержали как имена губернаторов, переведенных на службу в другие города, так и их жен за значительные заслуги перед самарской общественностью: в 1910 г. введены стипендии имени В. В. и В. Ф. Якуниных [26, с. 651–653], в 1915 г. – стипендии имени Н. В. и А. В. Протасьевых [4, с. 5]. Последним губернатором, в честь которого были открыты две стипендии, стал прослуживший менее года в Самаре А. А. Станкевич [34, л. 673].

Именные стипендии основывались и в память бывших городских голов Самары. Например, В. Е. Буреева (городской голова в 1871–1873 гг.) в 1888 г. в связи с его кончиной [16, с. 420–421]. Кроме того, в городской думе дважды ставился вопрос об увековечивании памяти П. В. Алабина, способствовавшего устройству в Самаре водопровода, музея, здания театра и др. Оба раза открывались новые стипендии его имени: в 1896 г. сразу после смерти [17, с. 317–320] и в связи с 20-летием со дня кончины в 1916 г. [5, с. 2–3]. Отдельно стоит отметить М. Д. Челышева, бывшего городского голову, члена Государственной думы III созыва и известного борца за трезвость, в память о котором вскоре после его кончины в 1915 г. началось создание скульптурного памятника, а также были учреждены три стипендии [3, с. 3].

В мемориальной культуре Самары посредством открытия именных стипендий сохранялась память и о других местных деятелях. Одним из самых распространенных поводов для подобного увековечивания памяти становилась кончина. Так, в 1881 г. для учащихся реального училища была основана стипендия имени С. Ф. Аляева, гласного городской думы [14, с. 405–408]. Однако она просуществовала недолго, в отличие от остальных, которые предоставлялись учащимся до 1917 г. Также в 1908 г. были учреждены две стипендии имени Д. Г. Пономарева, бывшего директора реального училища [24, с. 329–331]. Открытием 3 именных стипендий почтили память гласного городской думы и члена Государственной думы IV созыва Н. А. Гладыша после его смерти в 1916 г. [6, с. 3].

В 1899 г. в мужской гимназии была основана стипендия имени А. Я. Мейера, товарища председателя Самарского окружного суда, в благодарность за примерную службу и по случаю его перевода в Саратов [19, с. 487–489].

Обычной практикой в начале XX в. стало учреждение именных стипендий в связи с юбилеем службы. Так, в 1908 г. по случаю 50-летия службы купца А. Н. Шихобалова в должности старосты церковей города были основаны

3 стипендии его имени [24, с. 56]. Ещё по одной именной стипендии было открыто в честь 25-летия педагогической деятельности директора реального училища В. Н. Волкова в 1911 г. [11, с. 31–32] и по случаю 25-летия службы помощника полицмейстера А. В. Горинова в 1913 г. [33, л. 78–78 об.].

Исключительный повод нашёлся для открытия в 1909 г. 2 стипендий имени гг. А. А. и Е. И. Субботиных: на средства этой купеческой четы было реконструировано здание реального училища. Стипендии учреждались при Горном институте для выпускников этого училища [25, с. 787–789].

Таким образом, к 1917 г. количество наименований городских стипендий составило около 35, а количество самих стипендий – около 160. Открытие памятных и именных стипендий было не единственным и не всегда используемым способом коммеморации, однако наиболее распространённым. Вследствие этого на примере городских стипендий можно выделить приоритеты мемориальной политики самарского городского самоуправления в конце XIX – начале XX в. Большую значимость имели юбилеи крупных исторических событий, связанных с военной славой России, а также важные события, связанные с правящей династией, что проявлялось, например, в количестве назначаемых стипендий, а также в охвате ими учебных заведений. Не менее значимы были представители русской литературы, хотя имена далеко не всех из них были увековечены открытием именных стипендий.

Имена местных деятелей также были представлены достаточно широко. Однако открытие стипендий в их честь происходило при наличии актуального повода: вскоре после или кончины, или отставки и перевода в другой город, или в связи с юбилеем службы. Исключение составил только П. В. Алабин, которого вспомнили и через 20 лет после смерти. То есть в мемориальной культуре Самары практически не увековечивалась память о тех людях, чья жизнь и деятельность в регионе пришлась на более ранние периоды.

В целом коммеморации посредством открытия стипендий носили скорее хаотичный характер. Тем не менее, наряду с другими формами коммеморации, практика учреждения памятных и именных стипендий в конце XIX – начале XX в. во многом способствовала началу формирования местной мемориальной культуры.

Библиографический список

1. Городской вестник. [Самара], 1911. 4 ноября. № 1328.
2. Городской вестник. [Самара], 1912. 10 августа. № 1541.
3. Городской вестник. [Самара], 1915. 16 сентября. № 2382.
4. Городской вестник. [Самара], 1915. 21 июня. № 2316.
5. Городской вестник. [Самара], 1916. 11 марта. № 2519.
6. Городской вестник. [Самара], 1916. 5 августа. № 2626.
7. Городской вестник. [Самара], 1917. 9 февраля. № 2768.
8. Гузенко Е. С. Назад в будущее или именные стипендии в дореволюционной России // Социальная работа: личность и профессия: материалы междунар. науч.-практ. конф., Ульяновск, 28–29 мая 2002 г. Ульяновск: Ульяновский государственный университет, 2002. С. 159–164.

9. Емельянов Е. П. Государственные практики персональной коммеморации в постсоветской России (по материалам указов президента РФ) // *Tempus et Memoria*. 2021. Т. 2. № 3. С. 36–49.
10. Журнал Самарской Городской Думы № 12. 3 апреля 1879 г. [Самара, 1879].
11. Журнал Самарской Городской Думы № 21. 31 августа 1911 г. [Самара, 1911].
12. Журнал Самарской Городской Думы № 22. 15, 16, 19 и 20 сентября 1911 г. [Самара, 1911].
13. [Журналы Самарской Городской Думы за 1873 год]. [Самара, 1873].
14. [Журналы Самарской Городской Думы за 1881 год]. [Самара, 1881–1882].
15. [Журналы Самарской Городской Думы за 1883 год]. [Самара, 1883–1884].
16. [Журналы Самарской Городской Думы за 1888 год]. [Самара, 1888–1889].
17. [Журналы Самарской Городской Думы за 1896 год]. [Самара, 1896].
18. [Журналы Самарской Городской Думы за 1898 год]. [Самара, 1898].
19. [Журналы Самарской Городской Думы за 1899 год]. [Самара, 1899].
20. [Журналы Самарской Городской Думы за 1902 год]. [Самара, 1902].
21. [Журналы Самарской Городской Думы за 1903 год]. [Самара, 1903].
22. [Журналы Самарской Городской Думы за 1906 год]. [Самара, 1906–1907].
23. [Журналы Самарской Городской Думы за 1907 год]. [Самара, 1907].
24. [Журналы Самарской Городской Думы за 1908 год]. [Самара, 1908].
25. [Журналы Самарской Городской Думы за 1909 год]. [Самара, 1909].
26. [Журналы Самарской Городской Думы за 1910 год]. [Самара, 1910].
27. Казанцева С. Г. Роль самарского и симбирского дворянства в деле поощрения и поддержки образования на рубеже XIX–XX веков // *Самарский научный вестник*. 2017. Т. 6, № 1 (18). С. 120–123.
28. Кандаурова Т. Н. Институты именных стипендий и попечительства как факторы формирования социокультурного пространства России в XIX – начале XX вв.: роль российского предпринимательского сообщества // *Проблемы и тенденции развития социокультурного пространства России: история и современность: материалы VI междунар. науч.-практ. конф.*, Брянск, 17–18 мая 2019 г. Брянск: Брянский государственный инженерно-технологический университет, 2019. С. 162–172.
29. Клиницкий А. И. Именные стипендии как форма благотворительности в развитии средней школы Западной Сибири XIX – начала XX вв. // *Вестник Кемеровского государственного университета*. 2015. № 1-4 (61). С. 50–54.
30. Литвинова И. Н. Благотворительные практики провинциального общества в начале XX века (на примере Царицына) // *Манускрипт*. 2021. Т. 14. № 11. С. 2267–2271.
31. Михайлов А. Ю. «Многоуважаемые гостеприимцы»: благотворительность профессоров Казанской духовной академии // *Из истории и культуры народов Среднего Поволжья*. 2022. Т. 12. № 1. С. 64–75.
32. Рогущкина Е. В., Савина А. Ю. Именные стипендии в Ростовской гимназии имени А. Л. Кекина в первое десятилетие ее существования // *История и культура Ростовской земли: материалы научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 10–12 ноября 2008 г.)*. Ростов-на-Дону: Ростовский Кремль, 2009. С. 214–219.
33. Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 170. Оп. 1. Д. 191.
34. ЦГАСО. Ф. 170. Оп. 1. Д. 197.
35. Шабшаевич Е. М. Страницы дореволюционной истории Московской консерватории: именные стипендии профессоров // *Проблемы музыкальной науки*. 2017. № 2 (27). С. 153–159.

«Учитель должен всегда учиться»: вопрос об удовлетворении духовных потребностей народного учителя на I Всероссийском съезде представителей Обществ вспомоществования учащихся

I Всероссийский съезд представителей Обществ вспомоществования учащихся в Москве в 1902–1903 гг. стал первой возможностью учителей России совместно обсудить свои нужды и сформулировать требования. В статье рассматриваются проблемы удовлетворения духовных потребностей народных учителей, обсуждавшиеся на Съезде. Показаны меры, необходимые для эффективного решения выявленных проблем.

The First All-Russian Congress was the first opportunity for Russian teachers to jointly discuss their needs and formulate requirements. The article deals with the problems of meeting the spiritual needs of national teachers, discussed at the Congress. The measures necessary to effectively solve the identified problems are shown.

Ключевые слова: общества взаимопомощи учителей, I Всероссийский съезд представителей Обществ вспомоществования учащихся, народный учитель, духовные потребности, самообразование, учительская библиотека.

Key words: mutual aid societies of teachers, I All-Russian Congress of representatives of Mutual Aid Societies of teachers, people's teacher, spiritual needs, self-education, teacher's library.

I Всероссийский съезд представителей Обществ вспомоществования лицам учительского звания проходил с 28 декабря 1902 г. по 6 января 1903 г. в Москве. Он отличался широкой географией (представлены 76 обществ) и массовостью (с правом голоса на съезд были допущены 349 чел., из них 202 – служащие в начальных и средних учебных заведениях) [3, № 1, с. 11–20; 11, с. 15]. По сути, это была первая возможность для учителей совместно открыто обсудить свои проблемы, высказать предложения по их устранению и совершенствованию дела народного образования в стране. На Съезде было представлено 172 доклада по 11 вопросам, три из которых вызвали наибольший интерес (около 120 докладов): о правовом положении учителя, об удовлетворении духовных потребностей учителя и членов его семьи и об объединении деятельности обществ взаимопомощи учителей [7, с. 22].

Не случайно вопросы о «помощи учащим в их труде и самообразовании и в образовании лиц, принадлежащих к составу из семейств» были выделены на рассмотрение отдельной третьей секции [3, № 2, с. 13], на которой было представлено 35 докладов (20 и 15 соответственно) [3, № 3, с. 5–7]. Для примера, сугубо о материальном положении учителя было представлено лишь 13 докладов. Всего состоялось 8 заседаний секции, в которых были заслушаны 14 докладов (не все доклады съезда были вынесены на публичное обсуждение или опубликованы) [7, с. 22, 25]. Оговоримся, что во многих докладах были представлены сразу несколько вопросов, поскольку делегатам хотелось высказать все, что наболело и накипело, поэтому вопросы об удовлетворении духовных потребностей учителя обсуждались и на других секциях.

Интересно, что сами общества взаимопомощи учителей со времени издания Типового («нормального») устава обществ от 5 июня 1894 г. юридически были лишены права целенаправленно заботиться об удовлетворении духовных потребностей и «пополнении педагогических знаний» учителей [2, с. 15; 5, с. 47; 11, с. 79]. Этот вопрос затрагивался на съезде, а делегат от Саратовской губернии С. И. Акрамовский посвятил этой проблеме отдельный доклад. Он доказывал, что учитель, получив ссуду от Общества взаимопомощи, может потратить деньги как на материальные нужды, так и на книги или подписку на периодику. Это делает абсурдным запрет Обществам на оказание помощи в умственном развитии учителя, а, значит, необходимо также разрешить им создание библиотек, организацию лекций и курсов [1]. Те же выводы мы видим и в докладе делегата из Витебской губернии М. П. Лопатнева [8].

Рассмотрим, какие проблемы, связанные с удовлетворением духовных потребностей, волновали учителей больше всего. Четыре доклада были посвящены неудовлетворительной подготовке учителей; эта же проблема отмечалась и в докладах, посвященных другой тематике. По мнению докладчиков, даже лучшие выпускники учительских семинарий немногим отличались от городского ученика [11, с. 50–51]. «Знания в семинарии я, конечно, получил, – пишет учитель, – но очень ограниченные, с которыми только и можно быть народным учителем и, идя в класс, учить маленьких детей – читать, писать, но не рассуждать» [2, с. 17–18]. Между тем, именно выпускники семинарии и становились наиболее предпочтительными кандидатами на должность народного учителя. Делегаты съезда отмечали, что программы семинарий загромождены такими «прикладными» предметами, как ремесла, пение, в ущерб общеобразовательной подготовке, что в семинаристах не воспитывается потребность в чтении.

Вместе с тем, даже осознавая недостаточность подготовки, педагоги были слишком ограничены в возможности самообразования. Делегат от Полтавской губернии Э. О. Вахтерова в своем докладе, основанном на данных земской статистики, опросов и писем учителей, отмечала «сознание ужаса «умственной голодовки», которую многие из учащихся считают самым большим минусом из огромного числа минусов своей печальной, учительской доли». Она подчеркивала, что для учителя книга является одновременно и отдыхом, и развлечением, и средством самообразования, и помощью в осуществлении его просветительной миссии в деревне, а зачастую и единственным способом поддержать связь с культурным миром. «Живешь один, пишет учитель, нет никакого общества, даже человека, интересующегося твоею работой, не с кем поговорить по душе, остается только читать, а читать-то нечего...» [2, с. 1–2, 21].

В подтверждение данной проблемы приводятся два аргумента. Во-первых, нормативные акты, регламентировавшие перечень книг, разрешенных для комплектования учительских или училищных библиотек, существенно ограничивали как педагогическую, так и литературную их составляющие (так, не допускались в учительские библиотеки книги Н. А. Некрасова, А. П. Чехова, Н. В. Успенского, В. Г. Короленко и других авторов). Во-вторых, во многих школах библиотеки либо отсутствовали, либо были укомплектованы неболь-

шим количеством устаревших изданий («...стыдно назвать библиотекой тот хлам, который имеется в школе» [11, с. 65]). Например, опрос по Владимирской губернии показал, что из 166 школ 141 не имеет библиотеки. Но из отдельных отзывов следует, что учителя не считали за библиотеку 10–20 методических руководств, изученных еще в семинарии, и старые учебники, изданные еще в 1870-е гг. В Симбирской губернии из 125 отзывов в 110 указывалось на наличие единой для учеников и учителей библиотеки, для последних в ней были только старые методические пособия да разрозненные номера старых же педагогических журналов [2, с. 3–5]. Профессор Миклашевский, изучавший в 1897 г. ответы учителей Московскому Комитету грамотности, писал: «В 2103 ответах учащихся, полученных из 24 губерний, отсутствие библиотек отмечено в 1350 случаях, и при этом за библиотеку приходилось считать собрание десятка книг самого разнохарактерного состава и случайного подбора» [2, с. 6]. Что касается общественных библиотек, которые, как правило, были расположены в уездных центрах, то пользоваться их услугами народным учителям было неудобно и дорого (затраты на дорогу или пересылку книг по почте, необходимость получить свободный от работы день для обмена книг), временами можно было встретить и курьезные запреты на доступ народных учителей в эти библиотеки. «Вопрос о праве учителя читать те же книги, какие читает любой обыватель, представляется каким-то абсурдом», – восклицает Э. О. Вахтерова [2, с. 6].

Возможность учителей самостоятельно приобретать книги или выписывать периодические издания была серьезно ограничена из-за низкой оплаты труда [6]. Безотрадную картину рисует Тульский отчет за 1897 г.: из 583 школ только в 29 (5 %) выписывали периодические издания; были уезды, где от 60 % до 80 % учителей лишены книг. Самостоятельная выписка книг или прессы учителями колебалась в цифрах от 1,4 % до 10 % на уезд [2, с. 14].

«Учащий часто лишен почти всяких средств удовлетворения своих умственных запросов», – утверждал в своем докладе «Положение народного учителя в школе» Снегирев [11, с. 81]. В итоге учитель быстро погружается в апатию, утрачивает интерес к профессии и нередко бежит из школы [8, с. 2]. Проблеме самообразования, в т.ч. комплектации библиотек, были посвящены 6 докладов.

Многие делегаты в своих докладах указывали, что поспособствовать образованию учителей должны общества взаимопомощи, расширив программу своей деятельности и обеспечив тесную связь между собой. Делегат от Иркутского общества Ф. Г. Мясников предложил расширить состав обществ за счет работников высшей школы, которые могли бы помочь благодаря связям, влиянию, опыту в устройстве чтений, библиотек, музеев. Для расширения материальной базы предлагалось включать в состав обществ в качестве членосоревнователей юридические лица (крестьянские общества, земские и городские учреждения, церковно-приходские попечительства, книгоиздательские фирмы и пр.). Среди других мер – устройство передвижных педагогической библиотеки и любительского театра, систематических съездов учителей губернии с посещением музеев, осмотром достопримечательностей, организацией

лекций, преимущественно по отделу отечествоведения [9]. В целом устройству лекций, курсов, педагогических музеев были посвящены 5 докладов.

Помимо библиотек прекрасным средством самообразования могли бы служить образовательные экскурсии, чему был посвящен доклад делегата Вятского общества А. Филимонова. Он предлагал обществам наладить сотрудничество по данному вопросу, организовать для экскурсантов более дешевые квартиры, питание, ходатайствовать об установлении льготного тарифа на проезд по железной дороге, поскольку главным препятствием вновь являлась низкая оплата труда учителя [12]. Всего об экскурсиях учителей были представлены 3 доклада.

Как уже отмечалось, проблемы удовлетворения духовных потребностей учителей обсуждались и на других секциях. Делегат от Вологодского общества А. А. Тарутин выступил с инициативой создания Учительского дома как основного учреждения общества взаимопомощи учителей. Среди прочего, в Доме должны быть созданы педагогическая и общеобразовательная библиотеки, педагогический музей с местным естественно-историческим отделом, квартира для приезжих действительных членов общества, зал для общих собраний членов общества, который мог быть использован для публичных лекций, чтений, концертов и т. п. [10].

Особое внимание было уделено организации общения между учителями. С докладом на первой секции по этому вопросу выступил Председатель Правления Общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах г. Москвы кн. П. Д. Долгоруков, предложив для земских учителей устраивать периодические неофициальные собрания при уездной земской управе и учительские кружки для учителей 5–6 соседних школ. В городах наиболее удобный формат виделся в устройстве учительского клуба-библиотеки [4, с. 14]. Такое общение позволило бы учителям обсуждать проблемы школьной жизни, совершенствовать педагогический процесс, удовлетворять потребность в общении с равным себе.

Той же проблеме был посвящен и доклад заведующего отделом по народному образованию Тверского губернского земства Н. В. Чехова «Центральная школа, как средство объединения учащихся в уезде». Главный тезис доклада: «...дело общего образования не может быть улучшено без широкого общения учащихся между собою». С этой целью и предлагалось учреждение центральной школы в уездном городе, где находились бы библиотека, склад учебной литературы, картин для волшебного фонаря, музей наглядных пособий, мастерская для изготовления простейших приборов и коллекций. При школе планировалось устройство квартиры для приезжающих учителей, проведение периодических педагогических совещаний. Заведующий школой оказывал помощь методическими советами, давал открытые уроки (школа должна была функционировать как образцовое учебное заведение). Отметим, что работа по созданию такой школы в Тверской губернии к тому времени уже началась [3, № 5, с. 10–13].

В итоге постановления Съезда по итогам работы третьей секции сводились к следующему: разработка и распространение программы самообразования для учителей; устройство земствами учительских библиотек, в том числе передвижных, на общих цензурных основаниях (тем более, что по данному вопросу уже действовал указ Правительствующего Сената 1898 г.), с пополнением их книгами и периодикой, разрешенными общей цензурой; добиваться права для учителей бесплатно или на льготных условиях пользоваться общественными библиотеками (в том числе увеличение срока пользования книгами и количества выдаваемых книг), а также возможности приобретать книги со скидками на земских книжных складах и в книжных магазинах; бесплатная доставка земским учителям книг при помощи земской почты; частичная компенсация земствами затрат на выпуск учителями периодики; разрешение на организацию общеобразовательных и педагогических курсов как частными лицами, так и общественными организациями, в т.ч. обществами взаимопомощи учителей (при этом специальная комиссия разработала проекты правил о курсах и съездах), общедоступных курсов и лекций при университетах, допуск учителей в качестве вольнослушателей в университеты; возможность учителям бесплатно, без ограничения возраста и семейного положения, сдавать экзамены за курс средней школы для получения документа об образовании; устройство в Москве, а по возможности и в губернских и уездных городах, педагогических музеев, в т.ч. передвижных, работающих в праздничные и каникулярные дни, с бесплатным посещением для учителей; помощь обществ взаимопомощи и земств в организации образовательных экскурсий для учителей, ходатайство о предоставлении в этом случае прав льготного проезда учителей по железным дорогам и на пароходах [11, с. 91–97].

Подводя итоги работы секции, Д. И. Тихомиров отметил, что участниками съезда проявлено «безграничное стремление к просвещению ради просвещения народа» [11, с. 34]. Одним из важных пожеланий Съезда было создание Всероссийского общества содействия самообразованию учащим в народных школах. Если же в перспективе произойдет создание Всероссийского союза учительских обществ взаимопомощи, данное общество должно войти в него как один из главных элементов [3, № 7, с. 12; № 8, с. 11].

Таким образом, I Всероссийский съезд представителей Обществ вспомоществования лицам учительского звания четко обозначил не только существовавшие проблемы в деле удовлетворения духовных потребностей учителей, но и предложил комплекс конкретных, в большинстве осуществимых мер, доказывая, что их реализация не просто сделает более комфортной жизнь учителя, но и обеспечит повышение качества образования в народных школах, повысит авторитет и роль учителя в деле просвещения деревни. Большинство высказанных предложений были приняты как участниками секции, так и Съездом в целом без существенных дискуссий и разногласий, что свидетельствовало об актуальности решения данных проблем для всего педагогического сообщества. Однако реализация принятых решений зависела в большей степени не от обществ взаимопомощи, поскольку требовала одобрения земских и государственных властей, а отчасти и изменения законодательства.

Библиографический список

1. Акрамовский С. И. О дополнении нормального устава учительских обществ взаимопомощи параграфами, допускающими взаимопомощь учащихся в удовлетворении их духовных нужд: Доклад № 22 делегата Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в начальных училищах Саратовской губернии С.И. Акрамовского / Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Типолит. А.В. Васильева и К°, 1902. 2 с.
2. Вахтерова Э. О. Умственные запросы народного учителя и их удовлетворение: Доклад № 15 делегата Общества взаимопомощи учащихся и учивших в народных училищах Лубенского уезда Полтавской губернии Э. О. Вахтеровой / Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 24 с.
3. Дневник Съезда представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания, изд. Распорядительным комитетом Съезда / под ред. Н. В. Тулупова и П. М. Шестакова. № 1–10. М.: Типо-лит. А.В. Васильева и К°, 1902–1903.
4. Долгоруков П. Д. Необходимость общения учителей между собой и способы его осуществления: Доклад № 7 Председателя Правления Общества попечения об улучшении быта учащихся в начальных училищах г. Москвы П. Д. Долгорукова / Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Типолит. А. В. Васильева и К°, 1902. 16 с.
5. Зубков И. В. Общества взаимопомощи учителей в Российской Империи (1890–1910-е гг.) // Российская история. 2011. № 2. С. 45–58.
6. Карпова В.В. Чтение периодических изданий народными учителями в России на рубеже XIX–XX вв. // XXVII Царскосельские чтения. Год педагога и наставника: материалы междунар. науч. конф., 18–19 апреля 2023 г.: в 2 т. Т. 1 / под общ. ред. Л. М. Кобриной. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2023. С. 53–56.
7. Кирьяков В., Акрамовский С. Голос народного учителя. Отчет о Московском съезде представителей учительских обществ взаимопомощи, 28.12.02–6.01.03 г. М.: Тип. С. Л. Сомовой, 1903. II + 224 + VI с.
8. Лопатнев М. П. Условия духовной жизни народного учителя в связи с расширением деятельности учительских обществ взаимопомощи: Доклад № 8 делегата Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в Витебской губернии М. П. Лопатнева / Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 4 с.
9. Мясников Ф. Г. Помощь учащим в деле их самообразования и образования лиц, принадлежащих к составу их семейств: Доклад № 3 делегата Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим Иркутской губернии Ф. Г. Мясникова / Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Типолит. А. В. Васильева и К°, 1902. 7 с.
10. Тарутин А. А. Учительский дом, как основное учреждение общества взаимопомощи народных учителей: Доклад № 24 делегата Общества взаимного вспомоществования учащим и учившим в народных училищах Вологодской губернии А. А. Тарутина / Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, 1902. 8 с.
11. Тулупов Н. В., Шестаков П. М. Первый Всероссийский Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания. (Материалы для выработки мер по улучшению учительского быта). М.: Отдел. Тип. Т-ва И. Д. Сытина, 1903. 432 с.
12. Филимонов А. О поездках учащихся с образовательными целями: Доклад № 40 делегата от Вятского Общества А. Филимонова / Съезд представителей обществ вспомоществования лицам учительского звания 1902/3 учеб. г. в Москве. М.: Тов-во тип. А. И. Мамонтова, [1902]. 4 с.

«Потешные» полки в Павловске в начале XX в.

В данной статье охарактеризован процесс зарождения потешного движения в России, а также отражена история создания потешного полка в городе Павловске в 1910 г. Раскрыты детали организации деятельности павловских потешных отрядов, а также затронуты некоторые проблемы, с которыми пришлось столкнуться в процессе реализации идеи потешных войск.

This article describes the process of the origin of the boy-soldiers movement in Russia, and also reflects the history of the creation of the regiments of boy-soldiers in the city of Pavlovsk in 1910. The details of the organization of the activities of Pavlovsk boy-soldiers troops are revealed, and some problems that had to be faced in the process of implementing the idea of boy-soldiers troops are touched upon.

Ключевые слова: «потешные» полки, Павловск, военно-патриотическое воспитание, военный строй.

Key words: «funny» regiments, Pavlovsk, non-commissioned officers, gymnastics, military system.

Нарастание общественного недовольства в начале XX в., распространение революционных настроений среди населения, в том числе среди учащихся средних и высших учебных заведений, привели властей к осознанию необходимости усиления патриотического воспитания, уделения большего внимания вопросам досуга и физического здоровья детей [10, с. 172]. Хотелось, чтобы учащиеся были в хорошей физической форме для будущей службы в армии, не поддавались влиянию экстремистских настроений, а также в свободное от уроков время не праздно слонялись, нарушая нормы поведения, а занимались полезным делом [2, с. 25]. С целью военно-патриотического воспитания молодежи было организовано движение «потешных» и классы военного строя [1, с. 16].

Император Николай II 8 января 1908 г. записал в своем блокноте: «Завести в деревнях обучение детей в школах строю и гимнастике запасными и отставными унтер-офицерами за малую плату» [7]. Эта записка была передана военному министру В. А. Сухомлинову, чиновники были готовы незамедлительно начать реализацию идеи монарха в жизнь. Нужны лишь были те, кто воплотит эту идею, те, кто будет работать с детьми.

Инициативу проявил инспектор народных училищ А. А. Луцкевич, на свои собственные средства в 1908 г. он создал в Бахмутском народном училище отряд детей в возрасте от 8 до 14 лет, которые должны были заниматься военно-строевой подготовкой и гимнастикой [9, с. 151]. Постепенно в школе начали проводиться первые парады и полевые занятия тактикой. Первый парад «потешных» был проведен 23 апреля 1909 г. в день Святого Георгия Победоносца, в будущем этот день стал праздником всех юнармейцев России. В начале 1909 г. А. А. Луцкевич издал распоряжение: «В виду того, что в течение длин-

ных летних каникул ученики народных училищ... находясь без всякого надзора и будучи предоставлены самим себе, часто проводят время в непристойных шалостях... я нашел полезным и необходимым учредить во дворе начального училища... на все каникулярное время, по утрам, на открытом воздухе, ежедневные занятия, под личным моим руководством и наблюдением, военным строем и гимнастикой, а также военные прогулки в близлежащие окрестности, для чего приглашаю всех свободных от домашних и других работ учеников... непременно являться на означенные занятия» [3, с. 19]. 5 мая 1909 г. Государь повелел присвоить Бахмутскому классу военного строя наименование «Первый народный класс военного строя и гимнастики Его императорского величества наследника цесаревича и великого князя Алексея Николаевича», а 6 мая через военного министра повелел передать организатору класса Высочайшую благодарность: «Искренно благодарю Луцкевича за отличный почин и что понял и привел в исполнение Мою мысль» [3, с. 20]. После этого отряды, войска, роты, батальоны «потешных» стали возникать в разных городах страны – Иркутске, Севастополе, Санкт-Петербурге, Москве, Томске, Ташкенте, Баку, Барановичах и др. [8, с. 55].

В Санкт-Петербургской губернии «потешные» впервые появились в Павловске. Рота была организована в июне 1910 г. с целью занятия детей во время летних каникул. Здесь военные игры у мальчишек в разведки и маневры считались исторической традицией со времен императора Павла Петровича, неоднократно дети устраивали штурмы местных крепостей, а также сражения на местах бывших боев со шведами. Поэтому было принято решение использовать данные игры в воспитательных целях и создать настоящую военную школу для подготовки будущих воинов.

Инициатором и организатором «потешных» в Павловске выступил капитан А. А. Кравец: «Теперь по почину капитана Кравца, в Павловске проектируется новый «потешный» полк маленьких стрелков» [4, № 12297, с. 3]. Было решено, что дети будут одеты в форму лейб-гвардии конно-артиллерийской армии – малиновые рубашки и барашковые шапки с крестами. За первую неделю в потешный отряд поступило 58 детей. В основном это были дети павловских дачников и ученики местных школ – немецкой и городской. В первую очередь необходимо было обеспечить всех потешных формой и спортивным инвентарём. Рубашки малинового цвета, военные рубашки, гимнастические ружья, а также знамя и трубы юному полку безвозмездно предоставил местный педагогический магазин «Забавы и наука», всегда отзывчивый на нужды школы [4, № 12297, с. 3]. Также поддержку оказал четвертый батальон стрелков, уступив для обмундирования детей своих мастеров, экипирующих полк.

Для обучения военному строю и ружейным приемам были приглашены унтер-офицеры, которые были размещены в Царском Селе. Предполагалось, что марши будут проводиться с полковыми трубами. «Ученья начнутся на Брюловке, а в плохую погоду будут проходить в местном скэтинг-ринге, если его уступит администрация в свободные от катания часы» [4, № 12297, с. 3]. Рассчитывалось, что под руководством офицеров потешные в скором времени

достигнут больших успехов. Императорская семья в виду поощрения полезного начинания для страны также оказала поддержку, предоставив опытного инструктора-прапорщика. Он должен был обучать детей военному строю и ружейным приемам. Офицеры всех родов оружия приняли живое участие в маленьких солдатах, чтобы ежедневно заниматься с ними и повышать уровень их подготовки.

Обучение проводилось ежедневно на широком поле. Каждый потешный отряд производил строевую подготовку под командованием своих офицеров. «Дети гораздо лучше и быстрее, чем взрослые новобранцы обучаются военным приемам. Не из-под неволи, а со страстью и живым интересом относятся к строевому учению» [4, № 12306, с. 4]. Местные жители часто собирались, чтобы посмотреть на учения, а после желающие записывали своих детей в отряд потешных. Предполагалось также образовать потешные роты в Санкт-Петербурге. «Образуются рота в обмундировке Семеновского полка – фуражки и рубахи василькового цвета, рота красных преображенцев и зеленых егерей» [4, № 12306, с. 4]. Также потешные организации стали формироваться в Царском Селе, Гатчине и постепенно распространились по всей Санкт-Петербургской губернии.

А потешные Павловска тем временем продолжали налаживать систему своих занятий. Было установлено, что учения будут производиться на плацу гвардейской конно-артиллерийской бригады у солдатской церкви по понедельникам и субботам в 11 ч утра, по средам и пятницам в 5 ч 30 мин вечера, были предусмотрены также занятия в плохую погоду [4, № 12306, с. 4]. Постепенно штат учителей полка начал пополняться – присоединился новый инструктор, капитан фон-Мунте. Однако вскоре павловские потешные начали сталкиваться с проблемами организации своей деятельности. Так как строевые занятия потешных и игры проходили в общественном месте, то почти всегда собиралось много наблюдателей. Красивая форма потешных и их игры в разведки вызывали интерес у детей, наблюдавших за этим каждый день, поэтому ряды потешных стали стремительно пополняться. Через две недели в полку насчитывалось 170 мальчиков.

Был образован комитет по устройству полка. В его состав вошли: капитан А. А. Кравец, управляющий городом Павловском полковник Геринг, павловский полицмейстер Сабуров, подполковник Соловьев, капитаны Пантюхов и Березов и господин Шуф [4, № 12317, с. 2]. Труднее всего было решить, откуда брать средства для обеспечения всех детей обмундировкой, так как на это требовались большие затраты. Всего полк располагал 20 единицами формы, в то время как в нем уже было 170 детей. Проблема была решена с помощью благотворительности. Наиболее состоятельные жители и дачники Павловска согласились обмундировать не только своих детей, но и по 2–3 других мальчика. Обмундировка и ружья для каждого стрелка обходились приблизительно в 7–8 рублей. Стали поступать пожертвования: «Пока жертвовали капитан Кравец – 100 рублей, педагогический магазин “Забавы и Наука” – 100 рублей, А. А. Дерингер – 26 рублей, подполковник К. В. Фробен – 10 рублей, госпожа

Хвольсон – 8 рублей, госпожа Пашкова – 8 рублей» [4, № 12317, с. 2]. Также в газете «Новое время» было дано объявление: «Сочувствующим организации Павловского потешного полка просим адресовать все дальнейшие пожертвования в контору “Нового Времени”, Невский, 40, или в Павловск на имя полицмейстера полковника Александра Ивановича Сабурова. Все собранные деньги на обмундировку детей должны были поступить в организационный комитет» [4, № 12317, с. 2]. Также для привлечения средств в Павловске в местном скейтинг-ринге 1 августа был организован в пользу потешных благотворительный бал «с танцами, катаньем на коньках, фигурной ездой на велосипедах и спортивно-сокольскими упражнениями» [4, № 12349, с. 4].

А вскоре прошел первый смотр павловских потешных. 11 августа 1910 г. потешный полк был выстроен на плацу лейб-гвардии конно-артиллерийской бригады. Производить смотр приехал военный министр Сухомлинов в сопровождении генерал-майора Обухова и подполковника Балтийского. Командир полка капитан Кравец рапортовал министру, пока тот обходил фронт и здоровался с детьми. Благодаря хорошей погоде смотр прошел успешно. Ряды детей в малиновых рубашках и шапках представляли из себя красивую картину. Благодаря умелому командованию своего инструктора штатс-капитана фон-Мунта дети отчетливо исполнили военно-строевые упражнения и сокольскую гимнастику с ружьями. Первая и вторая роты полка со своим стягом прошли церемониальным маршем, с песнями и музыкой мимо военного министра. На смотре присутствовали управляющий городом полковник Геринг и обширная публика, собравшаяся на плацу. Дети и их инструкторы-офицеры удостоились одобрения военного министра, который выразил свое удовольствие по поводу их успешного обучения [4, № 12362, с. 4].

Формирование павловского потешного полка завершилось молебствием и освещением полкового стяга в местном манеже 15 августа. Священник павловского гарнизона отец Иоанн Жемчужников сказал потешным прочувственное слово и окропил их ряды святой водой. После молебствия потешные под оркестр Измайловского полка прошли по городу церемониальным маршем. Было отмечено, что занятия детей будут продолжаться и в зимнее время – два раза в неделю в зале народного дома в Павловске. Также следует отметить, что полк имел свое красивое знамя и девиз – «На благо Руси» [4, № 12367, с. 5]. Однако, несмотря на весь успех обучения военному строю, с наступлением зимы потешные роты заметно поредели. Из 300 детей, числившихся по летнему списку павловского потешного полка, на зиму осталось меньше 50 мальчиков, но с наступлением весны численность вновь возросла – это тоже вызывало некоторые проблемы в организации деятельности потешных отрядов.

В 1911 г. у движения потешных появилось новшество – создание оркестров в каждом потешном полку. Первые оркестры у потешных были созданы при лейб-гвардии Финляндском и Конногвардейском полку в Санкт-Петербурге. Однако Павловск тоже не отставал, и уже в апреле оркестр был сформирован. Всего за три недели дети научились исполнять на духовых инструментах свой полковой марш, «Боже Царя храни», «Коль славен», «В церк-

ви» Чайковского и «Славу» [5, № 12581, с. 5]. Детям в оркестре было примерно от 12 до 15 лет, самому старшему в оркестре юноше было 18 лет – это был Боде, который выступал в качестве дирижёра. Отметим, что Боде на тот момент учился в консерватории на первом курсе, и при этом за три недели у него получилось обучить детей игре на музыкальных инструментах и организовать оркестр. «Оркестр потешных выступал в зале народного дома в Павловске и маршируя по улицам» [5, № 12581, с. 5]. Организацию оркестра доверили дирижёру, имевшему лишь школьное образование, так как для найма опытного учителя было недостаточно средств, однако из этого получился прекрасный результат. Отчасти оркестр был создан благодаря собственным средствам капитана Кравеца, отчасти благодаря пожертвованиям (отдавали даже инструменты – валторны и корнеты-пистоны). Боде обучал детей на безвозмездной основе. Таким образом оркестр павловских потешных был организован сам собой и успешно дебютировал [5, № 12581, с. 5].

Первый концерт Павловского потешного оркестра состоялся в зале Народного дома и прошёл с большим успехом. «Юные музыканты, под управлением своего добровольца-капельмейстера Боде, исполнили целый ряд пьес, в том числе музыкальную картину Чайковского «В церкви», квартет Мендельсона «Прощальная песня охотников» и марш и вальс молодого капельмейстера, посвященного потешным» [5, № 12614, с. 5].

В этом же месяце Павловский потешный полк получил неожиданную финансовую поддержку: миллионер В. В. Захаров пожертвовал Павловским потешным три тысячи рублей [5, № 12614, с. 5].

В середине июля 1911 г. должен был состояться смотр потешных в Петергофе, на котором должны были присутствовать потешные полки Петербургской губернии и провинциальные полки. Было отмечено: «Павловский полк блестяще обмундирован и имеет хороший оркестр, успешно дебютировавший под управлением своего юного капельмейстера Боде на авиационной неделе и на показательной выставке в михайловском манеже. На петергофском смотре петербургские потешные будут конечно из лучших» [5, № 12667, с. 4].

Павловский потешный полк распался в 1911 г. «Капитан А. А. Кравец, затративший много труда и денег на устройство Павловского потешного полка, имевшего красивую обмундировку и один из лучших оркестров, оставил свой полк в полном забвении и что называется сложил оружие. Надо пожалеть, что хорошие инструкторы уходят от нас один за другим – вероятно, не встречая поощрения» [6]. Оставшись без инструктора, дети продолжали собираться и обучать друг друга военному строю, что не могло продолжаться долго. Вместе с тем потешные организации успешно развивались в провинции.

Таким образом, Павловская потешная рота была создана на основе военной части – четырех батальонов конно-артиллерийской армии в Павловске. Для обучения детей были призваны унтер-офицеры и прапорщики, которые и занимались организацией деятельности отрядов. Однако из-за большого количества детей возникали проблемы с финансированием, а так как организация потешных пока не была подведомственна какому-то из министерств, приходилось во-

енным, родителям и частным лицам самим содержать отряды. В Павловске полки были предоставлены частной инициативе – находились в полной зависимости от общества и благотворительности. Без пожертвований они не смогли бы существовать. Однако Павловский полк прекратил существование по другой причине – из-за ухода своего главного организатора, после чего дети были лишены грамотного наставничества.

Библиографический список

1. Ватник Н. С. Серьезность «потешных рот»: становление военного обучения учащихся Центральной России в начале XX в. Т. 1. С. 162–172. URL: <http://www.stjag.ru/article.pИргпс1=30989> (дата обращения: 15.03.2023).
2. Кавтарадзе П. А. «Потешные» и воспитание в народной школе / под ред. С. А. Толузакова. СПб.: В. К. Шенк, 1911. 47 с.
3. Назимов С. И. Русское потешное войско. М.: Тип. т-во И. Д. Сытина, 1911. 162 с.
4. Новое время. 1910. 8 (21) июня. № 12297 – 17 (30) августа. № 12367.
5. Новое время. 1911. 22 марта (4 апреля). № 12581. – 19 июня (2 июля). № 12667.
6. Новое время. 1912. 29 июля (11 августа). № 13067. С. 4.
7. Потешный. 1910. № 1. С. 6.
8. Рылов В. Ю. Патриотические и военно-спортивные организации в общественно-политической жизни России начала XX века // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика, 2010. № 7(78). Вып. 14. С. 150–158.
9. Тарасова Н. В. Педагогический опыт добровольческой деятельности школьников в России второй половины XIX – начала XX вв. // Отечественная и зарубежная педагогика. 2014. № 3 (18). С. 142–154.
10. Яковлев Д. Е. Система внешкольного воспитания в России: преемственность исторического опыта // Власть. 2012. № 10. С. 171–173.

С. В. Степанов

Частная благотворительность петербургской интеллигенции в развитии народного образования и просвещения в Сиверской дачной местности Петербургской губернии в начале XX в.

В статье на основе опубликованных источников (отчетов, книг благотворителей) и архивных материалов анализируется просветительская деятельность петербургской интеллигенции в начале XX в. по созданию просветительского общества, организовавшего библиотеку, чайную, адресную материальную поддержку талантливой малообеспеченной молодежи в деревне Ново-Сиверская (на территории современного Гатчинского района Ленинградской области). Особо выделена благотворительная, антиалкогольная и библиотечная деятельность владельцев дач присяжного поверенного, деятеля пожарной охраны Д. Н. Бородина и содержательницы и начальницы частной женской гимназии в Петербурге Е. М. Гедда.

The article, based on published sources (reports, books of philanthropists) and archival materials, analyzes the educational activities of the St. Petersburg intelligentsia at the beginning of the 20th century to create an educational society that organized a library, a teahouse, and targeted material support for talented low-income youth in the village of Novo-Siverskaya (on the territory of the

modern Gatchina district, Leningrad region). Particular attention is paid to the charitable, anti-alcohol and library activities of the owners of the dachas, the attorney, fire protection officer D. N. Borodin and the owner and the head of a private girls' gymnasium in St. Petersburg E. M. Gedda.

Ключевые слова: Сиверская, Санкт-Петербургская губерния, просветительская деятельность, Е. М. Гедда, Д. Н. Бородин.

Key words: Siverskaya, St. Petersburg province, Educational activities, E. M. Gedda, D. N. Borodin.

Станция Сиверская в Гатчинском районе Ленинградской области со второй половины XIX в. по праву считается одной из лучших дачных местностей под Петербургом. Свою славу, которая не утихает до наших дней, она заслужила благодаря чистому лесному воздуху, богатому озонем, расположению дачных мест в долине одной из самых красивых рек Озерного края – реки Оредеж, близостью к Петербургу (70 км) и наличием железнодорожного сообщения с городом с 1857 г. В данной статье обратим внимание на просветительскую деятельность владельцев дач в деревне Ново-Сиверской: присяжного поверенного, деятеля пожарной охраны Д. Н. Бородина (1851–1922) и содержательницы и начальницы частной женской гимназии Е. М. Гедда (1855–1940), благотворительность которых на даче послужила на благо просвещения местного крестьянства.

Елизавета Михайловна была дочерью известного сенатора и политического деятеля М. Ф. Гедды (1818–1883). По своему призванию она была педагогом, владелицей известной частной женской гимназии в Петербурге (частная женская гимназия Е. М. Гедда в 1881–1912, затем А. Ф. Мушниковой), председателем петербургского отделения Всероссийского общества сельскохозяйственного птицеводства, владелицей собственной фермы на острове на реке Оредеж [88, с. 332–333]. В описании фермы 1910 г. сказано: «Все птичье хозяйство ведется по последним указаниям науки и техники и служит рассадником не только для Сиверской, но и для других мест» [4, с. 31].

Дмитрий Николаевич Бородин – яркий представитель дореволюционной интеллигенции, по образованию юрист, окончил Киевский университет, основатель и председатель Сиверского пожарного общества (1899). В 1910 г. на Шестом Пожарном съезде в Риге он был избран членом Главного совета Императорского русского пожарного общества, с сентября того же года его казначеем. С 1915 г. под его редакцией стал издаваться ежемесячный научно-популярный иллюстрированный журнал «Борьба с огнем и страхование». На IX съезде Российского пожарного общества в Москве в апреле 1919 г. он был избран председателем Совета этого общества и ему был присвоен титул «Старейшина пожарных Российской Республики». В мае того же года Бородин активно включился в работу по созданию на базе Петроградского пожарнотехнического училища Пожарно-технического института (ныне Санкт-Петербургский университет Государственной противопожарной службы МЧС России им. Героя Российской Федерации генерала армии Е. Н. Зиничева), стал

его проректором по учебной работе, через год получил по совокупности научных трудов ученое звание «профессор» [3].

Очагом местной культуры деревни Ново-Сиверская была земская школа (открыта в 1888 г.), опеку над которой взяли многие дачники [12]. Е. М. Гедда как талантливый педагог устраивала детские праздники и спектакли, «содействовала развитию деревенских детей и привлекала пожертвования для упрочнения и развития школьного дела и оборудования библиотеки» [5, с. 20].

Вокруг Гедда образуется круг сочувствующих её делу и начинаниям лиц, а в 1902 г. по её инициативе было учреждено Общество распространения образования в деревне Ново-Сиверской. В его уставе было сказано, что организация должна «способствовать распространению образования среди молодежи, кончающей курс местной сельской школы и вообще среди населения деревни Ново-Сиверской, районом которой и ограничивается деятельность общества...» [10, с. 3; 11, л. 96–98].

Первое собрание новой общественной организации состоялось 20 января 1902 г. В этот день проходили выборы в правление, его председательницей стала Гедда, членами правления были выбраны известные петербургские деятели: Д. Н. Бородин, председатель, автор книг о пожарном деле и по вопросам алкоголизма, его жена Е. М. Бородина, дачники И. В. Руссет, А. П. Яссенский, чиновник лесного департамента Министерства земледелия и государственных имуществ П. П. Яссенский. Контроль над деятельностью общества со стороны государства на основании положения о вновь открываемых обществах в правлении должен был осуществлять член от Министерства внутренних дел земский начальник 3-го участка В. А. Ветвеницкий [9, с. 73–74].

Уже с начала деятельности общества его учредителей тревожила мысль об открытии в деревне Ново-Сиверской библиотеки-читальни, по этому вопросу 17 марта того же года прошло чрезвычайное собрание об её открытии. Была выбрана инициативная группа во главе с неутомимой Гедда и учительницей местной школы Марией Степановной Дубенской для подачи ходатайства в Царскосельскую земскую управу. Об учительнице тепло отзывался Бородин: «Она была истинным другом детей и заслужила добрую память детей и всего крестьянского населения деревни. Нравственное её воздействие на детей и крестьян деревни и особенно на женское население деревни, было настолько обаятельно и властно, <...> об этом прекрасном и сердечном педагоге – человеке благодарно вспоминается крестьянами и всеми ее бывшими учениками» [Цит. по: 5, с. 8]. Главной её заслугой в методике обучения русскому языку детей из финно-ингерманландских семей была способность преподавать грамматику детям на родном языке.

Первыми делами общества стали бесплатная раздача сочинений Н. В. Гоголя и В. А. Жуковского по случаю 50-летия со дня смерти писателей и денежное попечение о двух учениках сельских школ Петербургской губернии для последующего обучения в Беседском низшем сельскохозяйственном училище в Ямбургском уезде и Рождественской двухклассной школе в Царскосельском уезде. Впоследствии талантливому выпускнику Рождественской

двухклассной школы Владимиру Федорову помогли продолжить обучение в Петербургском городском 4-классном училище, покупая ему форменную одежду и книги [6, с. 1–6].

Первый капитал обществу пожертвовала Е. М. Гедда размером 156 р. 75 к., а также местные землевладельцы – пожизненные члены общества: министр императорского двора и уделов барон В. Б. Фредерикс (1838–1927), владелец имения «Сиверская», Е. А. Новинская (во втором браке Фомина, 1870–1917?), владелица имения «Белогорка», и княгиня А. Д. Тенишева (1852–1934), которая заслужила память потомков открытием школ и больниц, создатель мастерских для развития мценского кружева. Кроме пожертвований частных лиц общество финансировалось за счет членских взносов, также ему в первые годы работы помогал Царскосельский уездный комитет попечительства о народной трезвости, членом которого была Гедда.

22 июля 1902 г. состоялось долгожданное открытие библиотеки-читальни. В этот день в центре деревне, недалеко от школы собралось множество народа со всех концов Сиверской, приехали гости из земства, из Петербурга и других уездов губернии. Началась церемония с молебствования местного дачевладельца отца Алексея (Митропольского) [6, с. 8–13].

Сохранилось описание читальни, сделанное Д. Н. Бородиным при её открытии: «<...> помещается читальня в очень скромной, крестьянской даче, оставляющей желать многого особенно в зимнее время, к которому дача совершенно не приспособлена, состоит она из одной комнаты для чтения и другой, с полками по стенам, где хранится небольшая пока библиотека. Первая комната украшена иконой, портретом государя императора, портретами литераторов и бюстами Пушкина и Гоголя. Большой стол посередине, другой сбоку, белые табуреты, составляют скромный инвентарь читальни...» [6, с. 11].

В 1903–1904 гг. фонд библиотеки состоял из 346 книг и журналов. Работала она 94 дня в году, среди местного населения появился интерес к библиотеке – количество читателей стало 1456 (из них взрослых 448 чел.), книговыдача составила 1589 книг. Уже в первые месяцы 1904 г. в библиотеку записалось 220 чел., а книговыдача составила 2071 книгу. Возросшая популярность библиотеки и её авторитет в деревне являются плодом деятельности её талантливых библиотекарей и попечителей. К 1913 г. её фонд достиг 2185 книг, читателей у нее стало 225 чел., число посещений читальни достигло 1107 [7, с. 5–10; 12, с. 13].

Для пополнения кассы и распространения образования и культуры члены организации устраивали для детей и взрослых праздник в начале августа месяца (первый прошел 4 августа 1902 г.), необходимо отметить предоставление ежегодной субсидии в размере 50 р. Петербургской губернской земской управой для пополнения библиотеки книгами [6, с. 5–10].

Режим работы у читальни зависел от времени года, летом ею заведовала Е. М. Гедда, а помогали ей по дежурству дачницы сестры В. и О. Руссет и Л. Косич, а зимой шефство над библиотекой брала учительница школы, которая открывала читальню два раза в неделю (среди недели и в воскресенье), кроме

того, библиотека обслуживала читателей в праздничные дни, с осени стала выдавать книги на дом (появился абонемент).

Летом она работала только в праздничные дни с 13 до 19 часов, по вечерам в эти дни устраивались чтения членов общества и учителей местных школ с туманными картинками, «привлекающие всегда большое число слушателей» [6, с. 11]. Это неудивительно, крестьянин, особенно юный, радовался появляющимся на стене изображениям, ведь на них он мог увидеть не только окружающую действительность, но познавать мир во всем его многообразии.

Главной задачей учредители библиотеки-читальни считали воспитание у подрастающего поколения интереса к чтению, распространение среди них грамотности: «приохотить молодежь посещать читальню, проводить в ней свой досуг, находить удовольствие в книге». Кто же пользовался библиотекой? Уже в первый год работы были сделаны выводы, что: «наибольшее число посетителей состоит из молодежи, учащейся в школе, или недавно кончившей ее, взрослые пожилые люди посещают меньше, охотнее берут книги на дом» [6, с. 12].

Многие члены общества пожертвовали в фонд свои личные книги, особенно много пожертвовал петербургский издатель А. Ф. Маркс (1838–1904), он вплоть до своей смерти присылал один из самых популярных еженедельных журналов дореволюционной России «Нива», бесплатно присылали экземпляры редакции журналов «Русский паломник» и «Чтение для солдат».

В марте 1903 г. Е. М. Гедда просит разрешение у правления на открытие чайной при библиотеке за счет Царскосельского комитета попечительства о народной трезвости с целью отвлечения крестьян от пьянства и популяризации чтения среди местного населения. В июле 1903 г. чайная была открыта [7, с. 1–6]. Большую помощь в организации чайной оказал Дмитрий Николаевич, предлагавший в своих книгах «Значение школы в борьбе с пьянством» (1893), «Значение чайных в борьбе с алкоголизмом» (1903), «В защиту трезвости» (1915) повсеместную борьбу с тяжелым недугом общества. Он неоднократно как устно, так и письменно обращался: «Мы призываем всех мыслящих людей родины к этой борьбе, довольно лицемерия и пора дать пострадавшему народу отдых и удовлетворить его бесчисленные духовные запросы, которые до сих пор заглушались водкой» [1, с. 23].

Особенно тяжелым Бородин считал приобщение в крестьянской среде к алкоголю среди детей во время свадеб, когда им подносился стакан водки: «В так называемый “девичник”, по обычаю, жених или отец жениха выносят в холодные сени большой графин водки с закуской и начинают подносить всем по очереди по 2 стакана водки. Маленьким, пришедшим смотреть на свадьбу, наливают такой же стакан. Неуместное и предосудительное поведение старших в данном случае губительно влияет и на младших. Некоторых, выпивших стакан водки, начинает рвать. Иные становятся не в меру развязными и способными на грубые выходки» [2, с. 483].

Следовательно, одним из направлений работы читальни стала борьба с пьянством и приобщение асоциальных личностей сельской округи к чтению. В августе того же года для пополнения кассы общества и укрепления сотрудниче-

ства в области народного образования члены правления участвовали в выставке в Царском Селе, на которой Е. М. Гедда был прочитан доклад о деятельности общества и библиотеки-читальни, что стало началом создания в уезде новой организации. После окончания выставки предводитель дворянства Царкосельского уезда Н. А. Тиран предложил гостям и участникам выставки организовать в уезде «Общество содействия народному образованию в Царкосельском уезде» с тем, чтобы «содействовать народному образованию и распространению полезных знаний среди населения Царкосельского уезда» [11, л. 15].

С первого года своего существования библиотека-читальня нуждалась в благоустроенном здании, в разные годы этот вопрос пытались решить на заседаниях правления, собирали деньги на покупку земли для строительства. Скромная сельская библиотека до самой Великой российской революции так и не получила собственного здания, скитаясь по съемным непригодным для нужд библиотеки и читателей крестьянским домам. В 1913 г. правление купило участок земли «с прекрасным видом на реку и лес – чудное возвышенное место для постройки библиотеки-читальни» [5, с. 24], но из-за начала Первой Мировой войны строительство было отложено.

Печально закончила свои дни библиотека-читальня, по воспоминаниям местных жителей, после революции её фонд перевели в школу в качестве учебной библиотеки, заведовали ею учителя, а в 1941 г. она сгорела в огне вместе с большей частью деревни, подожженной фашистскими оккупантами.

Просветительская деятельность петербургской интеллигенции на даче – характерное явление положительного влияния столичной культуры на развитие сельской округи Петербургской губернии. Биография Е. М. Гедда и Д. Н. Бородин – исторический пример, когда образование и жизненная позиция, соединенные с организаторскими качествами, благотворно влияют на общественную жизнь сельской местности. Заложенные при земской школе начинания (библиотека-читальня, методы борьбы с пьянством через приобщение к чтению) просуществовали уже в других формах вплоть до Великой Отечественной войны.

Библиографический список

1. Бородин Д. Н. В защиту трезвости: по поводу домогательств пивоваров. Пг.: Петрогр. коммерч. типо-лит. М. Виленчик, 1915. 25 с.
2. Бородин Д. Н. Пьянство среди детей // Труды первого всероссийского съезда по борьбе с пьянством: в 3 т. СПб.: Тип. МВД. 1910. Т. 2. С. 481–504.
3. Лукин В. Н., Мусиенко Т. В. Курсы пожарных техников: история создания (К 115-летию Санкт-Петербургского университета ГПС МЧС России) // Credo New. 2021. № 4 (108). URL: <https://credo-new.ru/archives/2571> (дата обращения: 25.12.2023).
4. Лучинский А. А. Сиверская дачная местность по Варшавской железной дороге [исторический очерк]. СПб.: Сивер. добр. пожарное о-во, 1910. 48 с.
5. Отчет о состоянии Новосиверской народной земской школы за 1888–1913 гг. / сост. Д. Н. Бородин. СПб., 1913. 26 с.
6. Отчет общества распространения образования в деревне Ново-Сиверской за время с 20 января 1902 г. по 1 января 1903 г. СПб., 1903. 15 с.

7. Отчет общества распространения образования в деревне Ново-Сиверской за время с 1 января 1903 г. по 1 января 1904 г. СПб., 1904. 21 с.
8. Романенчук К. В., Туманина К. С. Педагогическая деятельность Е. М. Гедда // Воспитание и социализация молодежи: потенциал историко-педагогического познания в контексте вызовов современности: сборник науч. трудов Междунар. науч.-практ. конф. – XXXII сессии Научного совета по проблемам истории образования и педагогической науки при отделении философии образования и теоретической педагогики РАО / под ред. М. В. Богуславского; С. В. Куликовой; К. Ю. Милованова. Волгоград: ВГАПО, 2018. С. 332–336.
9. Степанов С. В. «На благо Просвещения и благоустройства»: деятельность общественных организаций Петербургской губернии (на примере Царскосельского уезда) // Под сенью Чесменского дворца: Россия в XVIII – начале XXI в.: материалы Всерос. науч. конф. / отв. ред. И. А. Тропов. СПб.: ГУАП, 2012. С. 33–42.
10. Устав общества распространения образования в деревне Ново-Сиверской. СПб., 1902. 15 с.
11. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга. Ф. 536. Оп. 9. Д. 13045.
12. Юбилейный день Ново-Сиверской земской школы: 1888–1913 / сост. Д. Н. Бородин. СПб., 1913. 15 с.

М. Е. Бурканова, С. В. Зайцева

Мурзинская колония глухонемых в 1900–1918 гг.*

В данной статье исследуется деятельность одного из самых крупных учреждений Попечительства о глухонемых – Мурзинской колонии глухонемых, располагавшейся на территории бывших владений семьи Апраксиных. Интерес к её рассмотрению заключается в том, что колония являлась показательной с точки зрения нового подхода к организации социальной помощи людям с нарушением слуха в начале XX в.

This article is devoted to one of the largest institutions of Guardianship of the deaf and dumb – the Murzinsky colony of the deaf and dumb, located on the territory of the former possessions of the Apraksin family. The interest in its consideration lies in the fact that the colony was indicative from the point of view of a new approach to the organization of social assistance to people with hearing impairment at the beginning of the 20th century.

Ключевые слова: глухонемые, Попечительство о глухонемых, колония, Мариинская школа, школа-ферма, Мурзинская колония.

Key words: deaf and dumb, Guardianship of the deaf and dumb, colony, Mariinsky school, farm school, Murzinsky colony.

Историю призрения глухонемых дореволюционного периода можно разделить на несколько этапов: первый охватывает временной промежуток 1806–1898 гг., второй – с 1898 по 1917 гг. Такое четкое разграничение связано с тем, что с 1898 г. постановка вопроса в деле организации социальной помощи глу-

---

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00421, <https://rscf.ru/project/22-18-00421/>

хонемым была поставлена на новый уровень. По инициативе вдовствующей императрицы Марии Федоровны 3 мая 1898 г., согласно указу императора Николая II было образовано «Состоящее под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительство глухонемых» с присвоением ему имени государыни императрицы Марии Федоровны [8, л. 1]. Будучи учреждением частным, Попечительство о глухонемых находилось под покровительством их императорских величеств, а также состояло в Ведомстве учреждений императрицы Марии [8, л. 4]. Целью его существования было призрение глухонемых всех возрастов [5, с. 3], до этого времени в стране не существовало центрального органа по руководству делами призрения глухонемых на территории всей страны. Помимо того, что Попечительство стремилось распространить свою деятельность на всю страну, т. е. открывало отделы в разных регионах, и уже к 1 января 1904 г. они появились в 15 губерниях [2, с. 345–347], в его ведение также переходили многие существовавшие к тому времени учреждения для глухонемых. Так, в 1900 г. под его покровительство перешло Харьковское училище, основанное в 1896 г. [4, с. 16]. При этом столица и Санкт-Петербургская губерния располагали наиболее расширенной сетью учреждений, предназначенных для призрения людей с нарушением слуха, среди них: колония глухонемых, Нарвская школа-ферма, Сестрорецкая школа-приют, детский сад, классы для приходящих, амбулатория, педагогические курсы, дом призрения, Санкт-Петербургские мастерские для взрослых и приют [2, с. 345].

В имении Мурзинка Санкт-Петербургского уезда по Шлиссельбургскому тракту находилось образцовое учреждение, предназначенное для обучения, воспитания и призрения глухонемых. Колония включала в себя: Мариинскую школу (с 1913 г. – Мариинское училище), мастерские, школу-ферму, прачечную [3, с. 754]. Идея организации такого формата учреждения исходила от императрицы Марии Федоровны, которая обратилась к первому председателю Попечительства о глухонемых, Ивану Карловичу Мердеру, с предложением организовать близ городов специальные хутора, в которых глухонемые обучались бы грамоте, устной речи, ремесленному и в особенности сельскохозяйственному труду под руководством опытных учителей и учительниц [9, л. 2]. Считалось, что наиболее полезными глухонемые могут быть в сельском хозяйстве, а потому хутора были бы востребованы именно для представителей крестьянской среды. Особенность подобного типа учреждений заключалась в том, что все работы в них должны были бы производиться самими глухонемыми сообразно их возрасту [2, с. 2]. Однако данное предложение не находило ожидаемого отклика в уездных земских собраниях, большинство из которых ссылались на дороговизну содержания подобных учреждений [10, л. 17], именно поэтому Попечительство на протяжении всего своего существования уделяло значительное внимание развитию Мурзинской колонии глухонемых как показательной на территории Российской империи.

Расположение колонии на территории Мурзинской дачи связано с тем, что еще в 1882 г. огромный участок был пожертвован А. С. Апраксиным под благотворительные нужды: 12 десятин земли при мызе Мурзинка для постройки лет-

него помещения для глухонемых или какого-либо другого благотворительного учреждения. Однако до 1898 г. данный участок не был никак задействован. Между тем княгиня З. Н. Юсупова-Сумарокова-Эльстон заявляла о своей готовности пожертвовать 40 тыс. р. на постройку летнего помещения для глухонемых. Желание княгини так и не было исполнено: столичное училище глухонемых ссылалось на наличие у него дачи в Лисино; поводом же для отказа перевода дачи училища в Мурзинку служили сырость местности, а также близость Обуховского сталелитейного завода [7, л. 2].

Поскольку участок, переданный в дар ведомству А. С. Апраксиным, на протяжении 16 лет не использовался, управление имениями графа Апраксина приспособило его под свои хозяйственные нужды. С образованием Попечительства о глухонемых естественным стал вопрос о передаче данного земельного участка в его ведение, однако наследники заявляли об истечении земской давности, и лишь в результате переговоров И. К. Мердера с наследниками дарителя, удалось заменить в апреле 1900 г. ранее пожертвованный участок двумя другими [11, л. 1] – с этого момента и можно вести отсчет истории Мурзинской колонии глухонемых, которая в 1908 г. стала называться «Мурзинская колония глухонемых имени первого Председателя Комитета и Совета Попечительства Г.И.М.Ф.О.Г. Ивана Карловича Мердера» [14, л. 1].

Раскинувшаяся колония включала в себя четыре самостоятельных учреждения: Мариинскую школу, прачечную, школу-ферму и мастерские. Своеобразным центром всей колонии являлась Мариинская школа [3, с. 754]. Изначально школа была открыта Попечительством еще в 1898 г. и располагалась она на Аптекарском проспекте в доме № 10 господина Бетлинга [12, л. 2]. Однако по мере того, как Попечительство решило вопрос о передаче в его ведение земель на территории Мурзинки, встал вопрос о переводе школы туда с одновременной реализацией задачи по организации колонии для глухонемых.

Первоначально, на территории Мурзинки Попечительством еще в первой половине 1900 г., была открыта школа-ферма [4, с. 18], располагавшаяся в двухэтажном доме с пристройками, помещением для домашнего скота и птицы [4, с. 51]. К 1 января 1904 г. в школе состояло 30 глухонемых питомцев в возрасте от 8 до 22 лет. Главной целью школы являлось обучение глухонемых молочному хозяйству и ремесленным работам. Помимо этого, воспитанницам преподавались различные рукоделия: кройка, шитье белья и платья, машинное вязание чулок, обучение грамоте велось по мимическому методу [2, с. 373]. Для обучения глухонемых молочному хозяйству при школе имелась ферма и скотный двор, где воспитанницы ухаживали за коровами, свиньями и домашней птицей, вместе с этим девушки также занимались огородничеством и садоводством [4, с. 51]. Ежегодно выращивались культурные цветы для продажи частным лицам, овощи же шли на внутренние нужды колонии [19, л. 5]. Несмотря на то что ферма являлась образцово-показательной, зачастую производимой продукции едва хватало на покрытие нужд колонии.

В начале 1901 г. на территории Мурзинской колонии были открыты мастерские Попечительства [4, с. 19], которые подразделялись на три отделения:

столярное, сапожное и портняжное, при этом в столярном отделении преподавалось и токарное ремесло. К 1 января 1904 г. в мастерских обучалось 94 человека от 10 до 25-летнего возраста [2, с. 372]. Для самых маленьких при мастерских были открыты классы обучения грамоте, основанные на мимическом методе обучения [4, с. 52].

В середине сентября 1901 г. началась постройка нового здания Мариинской школы по проекту архитектора И.А. Петро [13, л. 16]. Здание было подведено под крышу до больших морозов, а окончательно сдано уже в июне 1902 г. Такая спешная стройка и ее окончание раньше срока было необходимо Попечительству ввиду окончания контракта аренды на Аптекарском острове [13, л. 17]. Так, в 1902 г. Мариинская школа глухонемых была переведена в деревню Мурзинка. К 1 января 1904 г. в школе воспитывалось 70 мальчиков и 50 девочек [2, с. 370]. География воспитанников была достаточно обширной: Бессарабская, Олонецкая, Виленская, Вологодская, Витебская, Владимирская и другие губернии [20, л. 5]. На протяжении всего существования школы, количество воспитанников только увеличивалось, особенно после реорганизации петербургских учреждений Попечительства в июне 1910 г., когда были закрыты мастерские и школа для глухонемых девочек, призреваемые этих заведений были переведены в Мурзинскую колонию [16, л. 43], при штатном увеличении числа воспитывающихся Мариинской школы до 225 человек [16, л. 45]. Помимо учеников, внесенных в списки, занятия часто могли посещать дети окрестных местных жителей, приходящие только на уроки [20, л. 2]. Все воспитывающиеся школы жили на полном пансионе, из которых лишь 10 % являлись «своекоштными», остальные содержались на средства Попечительства.

По возрасту и способностям дети были разделены на семь классов приготовительных и шесть классов артикуляционных и образовательных, причем каждые из первых трех классов еще подразделялись на основные и параллельные отделения. С течением времени количество классов постоянно увеличивалось. В основном отделении были сгруппированы более способные дети, в параллельном же отделении – менее способные. Метод обучения применялся исключительно устный [3, с. 754]. Деление воспитанников на две категории, с целью достижения максимального результата от проводимых занятий, являлось весьма показательным с точки зрения эффективности применяемой в школе методики обучения детей с нарушением слуха.

Еще в начале 1902 г. была открыта учебная прачечная, располагавшаяся в большом деревянном доме с необходимыми пристройками [4, с. 56]. К 1 января 1904 года в прачечной занималось 15 глухонемых девушек. Помимо реализации главной цели – обучения призреваемых стирке и глаженью, учебная прачечная в то же время являлась промышленной структурой, обслуживавшей все мурзинские учреждения Попечительства, а также выполняла частные заказы [2, с. 374].

В ноябре 1902 г. для жителей колонии был открыт лазарет [4, с. 20]. Что касается устройства лечения больных, то эта ситуация находилась на весьма неудовлетворительном уровне, поскольку больные воспитанники практически

постоянно состояли на попечении одного лишь сторожа лазарета [6, л. 49], собственный врач у колонии появился только в 1910 г. [15, л. 7].

События 1917 г. внесли существенные изменения в деятельность колонии глухонемых: второй этаж здания училища был передан в безвозмездное пользование украинскому рабочему клубу «Родной край» и «Союзу молодежи Обуховского подрайона» [21, л. 1]. В сентябре 1918 г. после летних каникул большая часть сотрудников колонии не вернулась на работу [1, с. 58]. Информации относительно Мурзинской колонии глухонемых после 1918 г. не обнаружено, однако известно, что до настоящего времени сохранилось три каменных здания на территории бывшей колонии, расположенных по адресу: Прогонный переулок 15–17 [1, с. 59]. Всего же в районе деревни Мурзинка существовало четыре благотворительных и учебно-воспитательных учреждения: колония глухонемых, приют Невского общества детей-сирот на 160 питомцев, приют для слепых девушек на 30 чел., а также находящаяся в помещении слепых гимназия для детей обоего пола на 200 человек [18, л. 104].

Будучи построенными на территории владений Апраксиных, благотворительные учреждения непременно становились частью общественной и хозяйственной жизни местного населения. Проявлялось это не только во взаимовыгодном сотрудничестве, например между ремесленными мастерскими, выполнявшими заказы Обуховского завода, но и между частными лицами, которые могли арендовать принадлежавшие Попечительству земли в Мурзинке [17, л. 7], покупать сельскохозяйственную продукцию на ферме или изделия из мастерских приюта для слепых девушек. Будучи показательными с точки зрения применяемых методов обучения и воспитания учреждения Мурзинской колонии внесли значительный вклад в организацию социальной помощи глухонемым детям и подросткам в начале XX в.

Библиографический список

1. Андрейчева В. Ф. Мурзинка – исторический район Петербурга. СПб.: Береста, 2019. 104 с.
2. Вестник попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. 1902–1903, 1904–1905.
3. Колония глухонемых в селе Мурзинка // Нива. 1906, Т. 76, № 27-52. С. 754–755.
4. Лаговский Н. М. Учебно-воспитательные и благотворительные учреждения для глухонемых в России: Спр. кн. Попечит. гос. имп. Марии Федоровны о глухонемых. СПб.: Изд. Попечительства гос. имп. Марии Федоровны о глухонемых, 1903. 118 с.
5. Основные положения состоящего под августейшим покровительством их императорских величеств Попечительства государыни императрицы Марии Федоровны о глухонемых. СПб., 1898.
6. Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 765. Оп. 1. Д. 35.
7. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 52.
8. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 86.
9. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 96.
10. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 403.
11. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 404.
12. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 417.

13. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 426.
14. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 711.
15. РГИА. Ф. 765. Оп. 1. Д. 789.
16. Центральный государственный исторический архив города Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 354. Оп. 1 Д. 1.
17. ЦГИА СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 9.
18. ЦГИА СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 24.
19. ЦГИА СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 29.
20. ЦГИА СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 88.
21. ЦГИА СПб. Ф. 354. Оп. 1. Д. 132.

Л. А. Веденёв

Положение детей на территории оккупированной финнами Карело-Финской ССР в 1941–1944 гг.

В статье анализируется положение детей на территории Карело-Финской ССР, оккупированной финнами. Охарактеризованы ключевые направления финской социальной и национальной политики, направленной на детей, а также различные аспекты жизни детей в условиях финской оккупации. Положение детей на территории оккупированной Карело-Финской ССР сильно различалось, в зависимости от их национальности. В заключение подчёркивается двойственность финской национальной политики по отношению к детям, из-за которой относительно сносное положение детей представителей коренных народов Карелии сильно контрастировало с условиями жизни славянских детей.

The article analyzes the situation of children in the territory of the Karelian-Finnish SSR, occupied by the Finns. The work described the key directions of the Finnish social and national policies aimed at children, as well as various aspects of the life of children under the Finnish occupation. The situation of children in the territory of the occupied Karelian-Finnish SSR varied greatly, depending on their nationality. The conclusion of the article emphasizes the duality of the Finnish national policy towards children, due to which the relatively tolerable situation of children of representatives of the indigenous peoples of Karelia contrasted strongly with the living conditions of Slavic children.

Ключевые слова: жизнь в оккупации, социальная политика финнов, военное детство, оккупированная Карелия, Карелия в годы войны.

Key words: life in the occupation, social policy of the Finns, military childhood, occupied Karelia, Karelia during the war years.

Дети – особая категория населения, которая во многих аспектах является незащищённой. В тяжёлых условиях войны на детей выпадало много трудностей, со многими из которых они едва ли могли справиться самостоятельно. И всё же, дети – будущее любой страны, потому к ним приковано особое внимание. Вопросы, связанные с положением детей, были актуальны и для Военного Управления Восточной Карелии (ВУВК) во время Великой Отечественной войны.

В 1941 г. в Петрозаводске был открыт детский дом, который стал приютом для детей, найденных в городе и концлагерях. Количество детей в доме достиг-

ло своего пика в 1943 г., когда около 100 детей, в основном ненациональных, находились под опекой. В конце 1941 г. начались проверки условий, в которых дети находились в своих родительских семьях. В этом процессе принимали участие социальные работники, учителя народных школ и две патронажные сестры из полевого госпиталя, размещенного в городе. Эти проверки были необходимы для того, чтобы убедиться в том, что дети живут в достойных условиях и получают необходимое воспитание и образование [5, с. 113].

Если условия содержания детей оставляли желать лучшего, возникала необходимость рассмотрения мер по их попечительскому контролю или передаче их в детский дом для более качественного воспитания. Например, весной 1943 г. в одном из детских домов, находившемся под строгим государственным контролем, проживало около сотни малышей. Все приемные детки также находились под пристальным наблюдением опекунов [5, с. 130].

Летом 1942 г. для детей, которые считались «трудными», была открыта исправительная школа на Бараньем берегу, напротив Петрозаводской губы. Однако уже осенью того же года школу перевели в Лохикоски, а к концу 1943 г. – в Шуу. В ней обучалось всего лишь 10 мальчиков из Яанислинны. Необходимость в изоляции из-за неправильного поведения была огромной, но ограниченное количество мест препятствовало направлению детей в исправительные заведения. В 1944 г. на территории переселенческого лагеря № 6 строительство более просторного детского исправительного заведения подходило к концу, но этот проект так и не был завершён до конца оккупации [11, с. 118].

С самого начала весны 1942 г. стало появляться всё больше детских яслей и садов, чтобы обеспечить уход за малышами и решить проблему нехватки рабочей силы. К концу 1943 г. уже функционировало четыре таких учреждения – три для детей, связанных с финским народом, и одно для ненациональных детей. В среднем, эти дошкольные учреждения посещали около 250 детей, что позволило около 230 мамам устроиться на работу. Вначале население было скептически настроено относительно детских учреждений. Однако, видимо, хорошим мотиватором стало предоставление дополнительного продовольственного пайка, который начали выдавать в этих учреждениях с конца 1942 г. [7, с. 105].

Особое внимание уделялось здоровью детей, что проявлялось в том числе в наличии родильных отделений. В Петрозаводске уже в середине ноября 1941 г. была открыта больница, которую финансировал Красный Крест. Однако стационарное лечение ненациональных детей было организовано куда хуже, чем для детей, относящихся к родственным финнам народам. К началу мая 1944 г. вообще не было больничных коек для ненациональных детей, и их размещали в детскую городскую больницу только в редких случаях. Ненациональные дети не получали помощи от детских консультаций и не были наблюдаемы патронажными сестрами. Только к концу весны было организовано пять детских мест в центральной лагерьной больнице, чтобы обеспечить необходимую медицинскую помощь детям [3, с. 10].

В условиях оккупации было много детей, родившихся вне брака. По данным регистрации новорожденных в 1941–1944 гг., таких детей составляло 45 % (178 случаев). Среди местного населения было много так называемых «волчьих пар», где отцом ребенка чаще всего был финский солдат. После определения отцовства для этих детей власти стремились заключить с отцами соглашение о выплате алиментов, однако окончательное решение о денежных компенсациях было отложено до весны 1943 г., когда на территории оккупированной Финляндией Восточной Карелии была введена судебная система для рассмотрения гражданских исков. Решение суда о выплате алиментов обязывало отца ребенка исполнять его в принудительном порядке, в том числе и на территории Финляндии. В Яанислинне каждый третий случай рождения внебрачных детей был направлен на рассмотрение в третейский суд для принятия окончательного решения [6, с. 20].

Сразу после начала оккупации сотрудники Военного управления Восточной Карелии обратили внимание на имена, которые выбирали при крещении детям. Оказалось, что осенью 1941 г. детям карельского и вепсского происхождения по-прежнему давались русские имена. Штаб Олонецкого Военного управления потребовал от священнослужителей проинформировать население о том, что такие имена не соответствуют финской традиции, и что детям следует давать финские имена. Был составлен список одобренных финских имен, которые были приняты церковью. В официальных печатных материалах акцентировалось внимание на истории военнослужащего Фомина, который дезертировал из Красной армии и поменял свою фамилию на Хоминен. Этот пример считался пропагандистским достижением [4, л. 11].

Пропаганде среди детей и молодёжи финские власти уделяли большое значение. Школьная система разрабатывалась в большой спешке сразу же после оккупации. Начало обучения в финских школах началось уже в ноябре 1941 г. Первоначально было открыто 46 народных школ, где преподавали 133 специалиста. Уже через месяц было открыто ещё десять школ, и таким образом, на территории Карелии обучалось 4540 детей. Уже через год количество школ удвоилось, достигнув значения в 109 учебных организаций, где преподавал 331 учитель, а обучалось 8393 школьника [1, с. 72].

Самой отличительной чертой финского образования было большое влияние религии. Учили Закону Божьему в каждой из школ, и этому предмету отводилось очень большое значение. Религия проходила сквозь многие гуманитарные предметы – на уроках пения дети пели церковные псалмы, на уроках чтения дети читали рождественские рассказы. При этом, однако, не стояло чёткой цели сделать детей именно лютеранами, и если они уже исповедовали православие, то их просто отделяли в другую группу, которая также пела и ходила в церковь, но уже согласно православным обрядам [13, с. 96]. Закон Божий, согласно воспоминаниям учеников финских школ, был обязательнее других предметов – учитель мог снисходительно относиться к ученику, которому трудно даётся финский язык, однако заучивание церковных псалмов было обязательным, и ради этого ученика могли оставить после уроков. Каждый новый

день ученик должен был учить новый псалом. Молитвы звучали и каждое утро перед началом занятий, причём в некоторых школах для этого даже стояло пианино или фисгармонь [13, с. 112]. Также в обязательном порядке ученики должны были хором благодарить Бога за еду перед и после принятия пищи в школьной столовой [13, с. 55].

Уделялось внимание и физическому развитию. Так, в школах преподавали физическую культуру, которая зимой заключалась в традиционной для финнов лыжной ходьбе. Однако одним из самых важных предметов в школе, в условиях военного времени, был труд. На нём девочек обучали вышивать, готовить пищу и плести корзины, а мальчики учились различным делам по хозяйству, а также обработке дерева, для чего из Финляндии даже привозили токарные станки [13, с. 85–86].

Наказания отличались от одной школы к другой. В некоторых, где требования к ученикам и их дисциплине были не такие строгие, наказания едва ли применялись и заключались в работе после уроков [13, с. 115]. Другие же, напротив, отличались строгостью положения. От детей требовалось соблюдать тишину, а не то они рисковали получить палкой по голове. Также в углу каждого класса стояло ведро с розгами [13, с. 105].

Одним из стимулов не пропускать школу было школьное питание. Несмотря на тяжёлое положение, школы регулярно кормили учеников, пусть и не всегда разнообразно. На первое подавали суп, который мог включать в себя картофель, морковь и грибы. В качестве второго подавали разнообразные каши, а мясом зачастую выступала конина. Также дополнительно полагался кусок хлеба, брусничный кисель и ложечка масла или маргарина [13, с. 70]. Иногда после принятия пищи подавался хвойный экстракт, который нужно было обязательно выпить под строгим наблюдением преподавателя [13, с. 112].

Из-за неблагоприятной обстановки на фронте для финнов открытие русских школ началось только в 1943 г. В Петрозаводске была создана одна русская школа для детей, находившихся на свободе, и пять школ для детей, содержащихся в лагерях. К концу оккупации количество русских школ достигло 15, из которых семь находились в лагерях. В этих школах работало 87 учителей, а обучалось около 3 тыс. учеников. Однако русские дети неохотно посещали организованные финнами школы [8, с. 55].

Самой печальной страницей истории детства на территории оккупированной финнами Карелии является содержание детей в концентрационных лагерях. Тысячи детей вместе со своими семьями стали узниками финских лагерей, в которых жили в нечеловечных условиях.

Скудное питание заключённых в лагере было едва достаточным для того, чтобы устоять на ногах, а потому унижительное выпрашивание еды было одним из немногих способов достать чуть больше еды. В основном просили еду дети. Особенно выделялся запрет на попрошайничество. Дело в том, что за него полагалось телесное наказание, и в этом состоял трагизм лагерной повседневности. Поход к полевой кухне финнов всегда был связан с большими рисками, поскольку некоторые солдаты проявляли человечность и делились с маленьки-

ми узниками кашей и хлебом, а некоторые могли и собственноручно избить за такую просьбу [12, с. 32]. Для детей наказания были в основном физические – им давали подзатыльники и пинки, таскали за волосы, а самым распространённым наказанием были розги, которыми били через солёные простыни [13, с. 96].

Поскольку оккупированная территория Карело-Финской ССР считалась финнами своей, то на неё распространялась всеобщая трудовая повинность, действовавшая на тот момент в самой Финляндии. Она подразумевала обязательную работу для всех людей в возрасте от 15 до 60 лет. Дети также работали, однако их труд был не таким тяжёлым, как у взрослых – они плели корзины, убирали в помещениях охраны или администрации [13, с. 194].

К работам привлекали даже девушек до 15 лет, однако женщинам полагалась плата больше, чем мужчинам, что было вызвано тем, что женщины были более послушными [10, с. 34].

По мнению бывших малолетних узников финских концлагерей, в самый трудный период войны Финляндии против СССР (1941–1942), финский режим на территории оккупированной Советской Карелии не отличался по жестокости от режима немецко-фашистских захватчиков. Условия в финских концлагерях были настолько ужасными, что русские люди погибали без специального задания на их уничтожение. Сегодня люди с общей недетской судьбой объединены в общественную организацию «Карельский союз бывших малолетних узников фашистских концлагерей» (КСБМУ), которая заботится о них, оказывает материальную и моральную поддержку. Одной из главных задач КСБМУ является сохранение памяти о далеком огненном детстве за колючей проволокой его членов, которые уже достигли пенсионного возраста [2, с. 382].

Таким образом, положение детей на территории оккупированной финнами Карело-Финской ССР было сильно дифференцировано в зависимости от происхождения ребёнка. Во всех сферах жизни наблюдалась сильная дискриминация детей представителей некоренных народов Карелии. Тем не менее, финны строили политику с осознанием того, что дети – будущее государства, а потому именно на эту категория населения наиболее активно работала пропаганда, во многом посредством школьного обучения, в том числе и для русских детей. Также финская оккупационная администрация стремилась улучшить положение детей, оказавшихся в непростой жизненной ситуации, однако до конца войны дети, не принадлежащие к финно-угорскому этносу, получали мало медицинской помощи и образования. Дети, чьи родители отправлялись в концентрационные и трудовые лагеря, разделяли с ними эту участь, где были вынуждены работать и рисковать, выпрашивая еду для своей семьи, что нередко оканчивалось наказаниями, в том числе и физическими.

Библиографический список

1. Hölsä M. On uuden huomenen saava: suomalainen kansakoulu Itä-Karjalan: sotilashallinnon kasvatustavoitteiden toteuttajana miehitysajan aunukselaiskylässä 1941–1944. Joensuu, 2006. 256 с.

2. Веригин С. Г. Карелия в годы военных испытаний. Политическое и социально-экономическое положение Советской Карелии в период Второй мировой войны 1939–1945 гг. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2009. 544 с.

3. Веригин С. Г. Национальная политика финской администрации на территории оккупированной Карелии в 1941–1944 гг. // Вестник РУДН. История России. 2009. № 4. С. 5–19.
4. Карельский государственный архив новейшей истории. Ф. 2730. Оп. 1. Д. 117.
5. Куломаа Ю. Финская оккупация Петрозаводска, 1941–1944. Петрозаводск: А. Н. Ремизов, 2006. 277 с.
6. Лайне А. Браки между финнами и населением оккупированной Карелии // Устная история в Карелии: сборник научных статей и источников. Вып. 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2007. С. 17–23.
7. Лайне А. Национальный вопрос в финской оккупационной политике в Советской Карелии во время Второй мировой войны // Европейский Север: история и современность. Петрозаводск: КНЦ АН СССР, 1990. С. 92–110.
8. Макуров В. Г. Петрозаводск в годы суровых испытаний, 1941–1945. Петрозаводск: Паритет, 2005. 80 с.
9. Морозов К. А. Карелия в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Петрозаводск: Карелия, 1983. 243 с.
10. Плененное детство: сб. воспоминаний бывших малолетних узников / сост. И. А. Костин, К. А. Нюппиева. Петрозаводск: Фолиум, 2005. 108 с.
11. Сеппяля Х. Финляндия как оккупант в 1941–1944 годах // Север. 1995. № 6. С. 96–113.
12. Судьба: Сб. воспоминаний бывших малолетних узников фашистских концлагерей / отв. ред. И. А. Костин. Петрозаводск, 1999. 73 с.
13. Устная история в Карелии. Выпуск 3. Финская оккупация Карелии (1941–1944) / науч. ред. А. В. Голубев, А. Ю. Осипов. Петрозаводск, 2007. 212 с.

Ю. В. Сутула

Особенности издания юбилейной университетской литературы: тенденции прошлого и настоящего

Одним из видов юбилейной коммеморативной практики является написание и издание специально подготовленной исторической и художественной литературы. В статье анализируется подобный опыт как прошлого, так и настоящего. Рассмотрены особенности применения законодательных и делопроизводственных источников при написании истории университета на примере Императорского Санкт-Петербургского университета и Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина.

One of the types of commemorative practice is the writing and publication of specially prepared historical and fiction literature. The article analyzes similar experiences of both the past and the present. The features of the use of legislative and clerical sources in writing the history of the university are considered on the example of the Imperial St. Petersburg University and the Pushkin Leningrad State University.

Ключевые слова: юбилейная университетская литература, университетология, нарративные практики, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, ЛОГАВ, делопроизводственные источники, законодательные источники.

Key words: jubilee university literature, universitology, narrative practices, Pushkin Leningrad State University, LOGAV, clerical sources, legislative sources.

Возникновение, становление и развитие университета, организация его научно-практической школы – процесс многоаспектный и многофокусный. В современной гуманитарной науке даже появился особый взгляд на процесс формирования такого сложного организма, каким является университет как с точки зрения макроистории, так и в аспекте микроистории. В настоящее время происходит становление «университетологии», изучающей все этапы существования университета как комплексного явления, представляющего междисциплинарные, а также комплексные исследования широкого спектра гуманитарных наук [2, с. 153].

Каждый университет в своей «жизни» проходит несколько этапов становления и развития, при этом подобный поступательный процесс не всегда протекает линейно и последовательно, поскольку большое влияние на начальном этапе оказывают и внешние, и внутренние факторы, которые имеют как деструктивный, так и позитивный характер. Все эти процессы в настоящее время являются предметом исследования университетологии как области научного знания [12, с. 9]. Изучение университета в парадигме периода начального становления представляет особый исследовательский интерес. «Большие» и «малые» юбилейные даты в истории университета являются поводом к началу подобных исследований, при этом таких, где взгляд на становление университета происходит с различных позиций, в том числе на государственном и региональном уровне.

Выбор исторических источников, используемых при написании «юбилейной истории», является в таких условиях крайне важным и ответственным этапом. Разные подходы к подобному выбору, преимущества и недостатки каждого вида источника способны «написать» разную юбилейную историю одного и того же университета как многопрофильного высшего учебного заведения, осуществляющего подготовку специалистов и ведущего научно-исследовательскую и научно-практическую работу по широкому спектру [16, стлб. 372].

Целью данной статьи является анализ особенностей написания юбилейной истории университета, отбора источников и методы их применения в ходе подобной работы, в том числе на примере Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина.

Научное рассмотрение университетской юбилейной литературы началось в начале XXI в. и ведется в рамках нового научного направления – университетологии [4, с. 6]. Круг вопросов, рассматриваемый в данном направлении, достаточно широк и включает историю празднования юбилеев, коммеморативные практики празднования подобных юбилеев на примере как университетов, имеющих столетнюю историю, так и образовательных организаций, появившихся в последнее время [3; 5].

По мнению Т. Н. Ивановой, коммеморативные юбилейные университетские практики включают следующие виды: нарративные, визуальные, монументальные и церемониальные [2, с. 153]. К нарративным практикам относится сбор материалов и публикация воспоминаний, научных исторических работ по

анализу процессов, способствующих возникновению, становлению и развитию университета как целостного организма, включающего научную и педагогическую деятельность его подразделений.

Выбор источниковедческой базы юбилейных исторических исследований в нарративной практике становится одним из основополагающих и крайне значимым. Рассмотрим, как решались подобные вопросы написания «университетской» истории на протяжении XIX и в начале XX в. на примере Императорского Санкт-Петербургского университета. «Юбилейную» историю университета создавали к его 25-летию, 50-летию и 100-летию. Авторами этих работ были П. А. Плетнев, В. В. Григорьев и С. В. Рождественский. Их педагогическая и научная деятельность проходила в стенах Петербургского университета, следовательно, в период написания «университетской истории они одновременно являлись ее акторами», носителями внутренней университетской культуры [13, с. 147].

Очерк П.А. Плетнева, посвященный первому 25-летию университета обращен, по его утверждению, к «фактам прошедшего не потому, что они достойны, а как свидетельства прогрессивного движения» [10, с. 6]. Четвертьвековую историю университета он делил на три периода: от «не утвердившегося образования» до «периода создания и обновления» и «равномерной и благотворной деятельности» [11, с. 13–14]. В основе его очерка лежали прежде всего делопроизводственные источники.

К 50-летию университета В. В. Григорьев выбрал отправной точкой летописи полувековой истории университета, его периодов развития, университетские уставы 1835 г. и 1863 г. как основные законодательные источники. В отличие от П. А. Плетнева, в его юбилейном издании истории университета встречается информация, получившая в современной университетологии термин «инсайдерского» исследования [14, с. 32], т. е. элементы самоописания, приведены факты и события, в которые автор был непосредственно вовлечен как напрямую, так и косвенно.

Наиболее интересным в плане использования исторических источников является издание, приуроченное к 100-летию университета и запланированное на 1919 г. Предполагалось издание шести томов, включающих исторический очерк, материалы по истории, биографический словарь преподавателей, историю всех факультетов и кафедр и др. Однако из-за отсутствия финансирования был издан только один том, в который вошли все законодательные и делопроизводственные материалы в период с 1819 по 1835 гг. Приведённые источники, в силу своей направленности лишённые излишней эмоциональной и субъективной окраски, стали отправной точкой для исследований университетской истории одного из ведущих российских вузов. Хронологический порядок изложения материала был сгруппирован вокруг важнейших моментов истории вуза, при этом как положительных, так и отрицательных (суд над профессорами, контрреформы, произведенные в 1821 г., и т.д.) [10].

Юбилейная университетская коммеморативная практика в числе прочих основывается и на нарративной составляющей, важной частью которой являет-

ся сбор информации для публикации научных исторических очерков, работ и исследований. Использование законодательных и делопроизводственных материалов может стать структурной основой подобных изданий.

В последнее десятилетие XX в., в 1992 г. был основан Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, 2022 год стал для вуза юбилейным. Был разработан широкий ряд церемониальных коммеморативных практик, учтен и опыт празднования 25-й годовщины со дня основания университета (2017). Было решено начать сбор различных материалов: исторических, научных и эговоспоминаний для юбилейного издания, посвященного истории университета, систематизировать имеющиеся архивные документы.

За время своего существования университет несколько раз менял свое название на более соответствующее его структурным изменениям. Расширилась его педагогическая и научно-исследовательская деятельность, появились научные сообщества, объединяющие как преподавателей, так и студентов, открывались новые факультеты. Вуз увеличивался и территориально: появилось пять новых филиалов в Ленинградской области. Изменения, произошедшие в первые двадцать лет работы Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина, способствовали сложному и кропотливому процессу создания краеугольного основания, на котором может строиться, развиваться и совершенствоваться университет.

Для описания сложных структурных интеграционных процессов в первые годы работы вуза наиболее актуальным в написании юбилейного издания может стать использование законодательных и делопроизводственных документов, находящихся на хранении в Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборге. Анализ законодательных актов, в частности приказов Министерства образования РСФСР и РФ, Комитета образования Ленинградской области, позволяет выяснить аргументацию и обоснование тех структурных процессов, которые происходили в 90-е гг. XX в. и начале XXI в. Ленинградский областной пединститут был создан в 1992 г. по ходатайству главы администрации Ленинградской области и Управления народного образования Леноблисполкома «для возмещения потребности в учительских кадрах с высшим образованием» [7, л. 1]. Таким образом, появление подобного учебного заведения было вызвано настоятельной региональной потребностью в профессиональных педагогических кадрах. В фонде Р-4788 ЛОГАВ хранятся все основные документы по формированию структуры вуза, изменению его названия как отражению организационных процессов, происходящих на уровне как «макроистории» (государственном уровне), так и «микроистории» (региональном уровне).

Уже через четыре месяца после основания Ленинградского областного педагогического института Ленинградский областной Совет народных депутатов посылает предложение о создании Ленинградского областного аграрно-педагогического института, в задачи которого бы входила подготовка агрономов-педагогов, учителей сельских школ и т.п. Об этом этапе возможных изменений «помнят» лишь материалы ЛОГАВ [9, л. 2–3], а они красноречиво

свидетельствуют о необходимости создания для Ленинградской области многопрофильного учебного заведения, охватывающего всю основную область университетских специализаций.

Законодательные материалы, хранящиеся в архиве, в строгой официальной лексике передают «дух 90-х» и той сложной и многогранной работы, которая стояла перед руководством и профессорско-преподавательским составом вуза. В ЛОГАВ находятся материалы по таким структурным изменениям, как преобразование института в конце 1992 г. в Ленинградский областной институт усовершенствования учителей, позднее в Ленинградский государственный областной университет, присвоение имени А.С. Пушкина и др. Документоборот вуза тех лет, размещенный в ЛОГАВ, приоткрывает порой неожиданные проблемы, которые вставали перед учебным заведением в те годы: обеспечение материалами по пожарной безопасности [8, л. 13], учебниками французского языка [8, л. 13], создание библиотечного фонда и т. д. [8, л. 18].

В планируемом юбилейном издании истории университета в описании этапов становления учебного заведения целесообразно использовать именно эти виды исторических документов, представляющие структурированный и хронологический порядок.

Для изучения влияния становления и развития университета на региональном уровне в юбилейном издании наиболее предпочтительно использование материалов местной периодической печати, журналистское освещение аспектов работы вуза (в частности «Санкт-Петербургских ведомостей», «Вестей» и ряда других). Сами заголовки таких статей дают понимание роли и места вуза в регионе: «Зачем нужны России региональные вузы» [5, с. 4], «Университету – пятерка!» [1, с. 2], «Университетское кольцо области» [15, с. 3] и т. д.

Использование воспоминаний при написании юбилейной истории является достаточно распространенной нарративной практикой, однако, поскольку актер является носителем внутриуниверситетской культуры, эти воспоминания в какой-то мере являются самоописанием. Подобный вид источника целесообразно использовать или в виде отдельного издания, или на последнем этапе создания «юбилейной литературы», поскольку воспоминания носят эмоциональный характер, отражают взгляд «одного человека». Такая «инсайдерская» информация позволяет взглянуть на историю университета не только с формально-структурированной стороны, но и позволяет почувствовать «дух» университета, уловить незримое.

Таким образом, юбилейные истории университетов являются прекрасным поводом для разработок особых направлений изучения их истории создания и функционирования. В ходе написания юбилейных сборников целесообразно рассматривать такие виды исторических документов, как законодательные и делопроизводственные, материалы периодической печати. Разработка «инсайдерского» исследования университетской юбилейной истории является целесообразной на завершающем этапе составления подобного вида исторической литературы или в виде отдельных изданий.

Библиографический список

1. Владимирова С. Университету – пятерка! // Вести. 1998. 16 мая (№ 53). С. 2.
2. Иванова Т. Н. Юбилейные коммеморативные практики и развитие университетологии (на примере Чувашского государственного университета имени И. Н. Ульянова) // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. 2018. № 11. С. 152–160.
3. Колесников С. А. Университет: от фундамента к руинам ... и – обратно? (К вопросу о соотносительности «университетологии» Гегеля и «университетомании» Б. Ридинга // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 22–30.
4. Кубышкин А. И. Приглашение в университетологию // Вестник ВолГУ. Серия 4. История. Регионоведение. Международные отношения. 2020. № 2. С. 6–7.
5. Кузнецов А. А. «Университетская потребность» и история Нижегородского университета // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 2. С. 29–36.
6. Ленинградский областной государственный архив г. Выборга (далее – ЛОГАВ). Ф. Р-4788. Оп. 1. Д. 3.
7. ЛОГАВ. Ф. Р-4788. Оп. 1. Д. 8.
8. ЛОГАВ. Ф. Р-4788. Оп. 2. Д. 17.
9. Маяковский И. Л., Николаев А. С. С.-Петербургский университет в первое столетие его деятельности 1819–1919: материалы по истории С.-Петербургского ун-та. Пг.: 2-я Госуд. Типография, 1919. Т. 1. 1819–1835. 760 с.
10. Плетнев П. А. Первое двадцатипятилетие Императорского Санкт-Петербургского университета. СПб.: Тип. Военно-учебных заведений, 1844. 127 с.
11. Репина Л. П. О предметном поле университетологии // Запад-Восток: научно-практический ежегодник. 2018. № 11. С. 9–12.
12. Репина Л. П. Юбилейные истории университетов как жанр современной российской историографии // Диалог со временем. 2017. № 60. С. 142–152.
13. Сальникова А. А. Об «инсайдерском» исследовании университетской истории: возможности и результаты, плюсы и минусы // Университетская корпорация: память, идентичность, практики и консолидации: материалы Всерос. науч. конф., посвященной 210-ой годовщине основания Казанского университета. 27–29 ноября 2014. Казань: «ЯЗ», 2014. С. 32–36.
14. Скворцов В.Н. Университетское кольцо области // Вести. 1988. № 134, 26 нояб. С. 3.
15. Университет // Педагогическая энциклопедия. Т. 4. М.: Советская энциклопедия, 1968. Стлб. 372–376.

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

*О. Ю. Латышев, П. А. Латышева,
М. Э. Радаэлли, М. Луизетто*

Вклад Антонио Ринальди в архитектурное наследие Ораниенбаума и Царского Села

Данная статья рассматривает выдающиеся архитектурные сооружения на территории двух пригородов Санкт-Петербурга, принадлежащие гению итальянского зодчего Антонио Ринальди, который проектировал прежде всего из высокой любви к искусству, поскольку был состоятельным человеком, желавшим внести свой посильный вклад в культурное наследие эпохи.

This article examines outstanding architectural structures on the territory of two suburbs of St. Petersburg, owned by the genius of the Italian architect Antonio Rinaldi, who designed, first of all, out of a great love for art, since he was a wealthy man who wanted to make his contribution to the cultural heritage of the era.

Ключевые слова: Российская империя, Италия, Ринальди, архитектура, дворец, монумент.

Key words: Russian Empire, Italy, Rinaldi, architecture, palace, monument.

Антонио Ринальди от природы имел гибкий ум и мог дипломатично общаться с властью предрежащими. Это позволило ему, в отличие от многих его коллег, продолжать профессиональную деятельность при смене эпох. И то, что первоначально он был приписан ко двору Петра III, не оказало отрицательного влияния на судьбу его архитектурных замыслов при воцарении Екатерины II. Тем более, что Ринальди изначально именовал себя «архитектором Великой княгини Екатерины Алексеевны» [1, с. 115].

В г. Ломоносове Ленинградской области бережно хранится заказанный ею Китайский дворец, единственный образец стиля рококо, созданный гением Антонио Ринальди. Он располагается на юго-западе Ораниенбаума, имя которого носит достаточно обширный музеефицированный дворцово-парковый ансамбль. Согласно одному из предположений, как подчеркивает Е. В. Петрова [5, с. 81], в период с 1755 по 1761 гг. Ринальди вместе с П. Ю. Патоном возводит в Ораниенбауме также и Оперный дом, который по другим данным атрибутируется как постройка Б. Ф. Растрелли [6, с. 74].

В 1758–1762 гг., ещё до восшествия Екатерины II на российский престол, Антонио Ринальди возводит на юго-востоке Ораниенбаума дворец Петра III, когда тот был великим князем [2, с. 112]. Несмотря на то что этот дворец предназначался исключительно для потешной крепости Петерштадт, Ринальди предельно серьезно и добросовестно отнесся к возведению данного сооружения, чем вызвал заслуженное доверие со стороны великокняжеской четы, и тем самым обеспечил себе большое будущее в России, при дворе Екатерины Великой.

Ринальди в постройке данного дворца, именованного в современных ему документах «каменным домом», стремился достичь необычного объемно-пространственного решения. План дворца Петра III – квадратной формы, где один из углов срезается по характерной практически для всего творчества Ринальди дуге [8, с. 59].

Главный фасад дворца обыгрывается посредством плавного перехода от одной стены здания к перпендикулярной ей, что позволяет видеть строение одновременно с трех сторон. Подобный прием способствует восприятию дворца своего рода в развороте, и при этом добавляет данному небольшому строению массивности и значительности, столь необходимых для основного назначения дворца. Основателем же и заказчиком проекта вышеупомянутого Китайского дворца, возведенного в 1762–1768 гг., выступила собственно российская императрица Екатерина II, которая и впоследствии предоставляла архитектору право реализовывать очень смелые и дорогостоящие проекты [4, с. 165]. Однако именно принадлежность к вышедшему из моды стилю рококо и дворца, и окружающего его парка станет причиной потери императрицей интереса к Ораниенбауму, после чего Ринальди станет выполнять её многочисленные заказы уже в Царском Селе. Дворянское происхождение Антонио Ринальди побуждало его придерживаться во всех своих работах не только изящества форм и оригинальности исполнения проектов, но и осуществлять отделку зданий дорогим поделочным камнем и ценными породами дерева. В ряде случаев это не могло не возмущать его современников, которые понимали, какие потери при этом несет российская казна. Однако главная заказчица этих проектов полностью отдавала себе отчет в том, насколько их осуществление повышает престиж императорской власти и страны в целом [3, с. 118].

Следование стилю шинуазри, название которого с французского переводится буквально как «китайщина», побуждало Ринальди использовать мотивы китайского искусства таким образом, чтобы они вызывали интерес у европейцев и при этом не порождали отчуждения.

Традиционные для Китая стилевые приёмы Ринальди применяет в оформлении архитектурных интерьеров Китайского дворца, следуя европейской моде своего времени. При этом его строгий внешний облик звучит в значимом контрасте с роскошными, изысканными и достаточно разнообразными авторскими проектами внутреннего убранства помещений различного функционального назначения.

По мнению И. Грабаря, Ринальди превосходил всех своих современников в умении за внешне неброским фасадом спрятать настоящие сокровища [2, с. 48]. Однако и собственно фасады в ряде случаев поражают воображение своей изысканностью, достаточно вспомнить Мраморный дворец авторства Ринальди в самом Санкт-Петербурге.

Следуя идее подчинения звучания интерьера Китайского дворца настроению окружающего его обширного изящного парка, Ринальди вооружался при этом хорошо испытанным приёмом единства внутреннего убранства дворца и природы, характерным для стиля рококо.

От катальной горки, предшествовавшей по времени создания аналогичной затейливой конструкции для царской забавы в Царском Селе, остался только

павильон, обращенный в сторону просеки, ранее практически полностью занимаемой горкой.

Если в Ораниенбауме Екатерина II при помощи катальной горки только развлекала гостей, то в Царском Селе протяженный пандус со стороны Камероновой галереи и Агатовых комнат помогал императрице спускаться на коляске для прогулок в парк, который и сейчас называется Екатерининским, когда избыточная тучность её тела и сопутствующие этому недомогания не позволяли ей самостоятельно передвигаться.

Несмотря на то что от следования приемам стиля рококо, непревзойденным мастером которого в России собственно и являлся Ринальди, архитектору в Царском Селе уже пришлось отказаться, тем не менее, принятое в эпоху господства данного стиля пристрастие к «китайщине» у российской императрицы не ослабевало. Это позволило зодчему продвигать идеи рококо косвенным образом. Так, в период с 1778 по 1779 гг. Ринальди вместе с Ильёй Васильевичем Неёловым сооружает в Царском Селе, у входа в Александровский парк, здание придворного летнего (китайского) театра, ранее носившего название «Каменной оперы» [7, с. 119].

Предавая забвению Ораниенбаум как воплощение стиля рококо, Екатерина II в то же время активно поощряла проекты Ринальди в производном от этого же стиля шинуазри. Так, уже в самом Александровском парке она приказала Ринальди и Чарльзу Камерону соорудить уже целую Китайскую деревню. У своего дяди, шведского короля Адольфа Фредерика, Екатерина II увидела в Дроттнингхольме Китайскую деревню, входивший в которую Китайский павильон и в настоящий момент является украшением данного дворцово-паркового ансамбля.

И хотя в Царском Селе подобный проект в полной мере не получил своей реализации, тем не менее, из восемнадцати запланированных к возведению строений десять оригинальных построек сохранились и по сей день, поражая своим разнообразием и утонченностью исполнения каждого посетителя Александровского парка. Одной китайской темой творчество Ринальди в Царском Селе совершенно не ограничивалось. Ещё одним немаловажным направлением, в котором Екатерина II поощряла развитие талантов своего любимого архитектора, было создание так называемой «каменной летописи», призванной в виде ворот, колонн и обелисков увековечить победы русского оружия и наиболее выдающиеся свершения в гражданской сфере.

Чесменская колонна, также называемая Орловской, представляет собой памятник, с 1770-х гг. возвышающийся над гладью пруда в царскосельском Екатерининском парке. Колонна была призвана увековечить память о победе русского флота под командованием Алексея Григорьевича Орлова над турецким флотом во время сражения при Чесме, имевшем место 24–26 июня (5–7 июля) 1770 г.

Ринальди, умело использовавший мрамор при отделке своих дворцов, в данном случае выполнил роstralную колонну из мрамора с применением бронзового литья, которое должно было приобщить к композиции скульптур-

ные элементы работы скульптора Иоганна (Иосифа) Готлиба Шварца, академика орнаментальной скульптуры Императорской Академии художеств. Они изображают ростры – носовые части неприятельских кораблей, которые было принято демонстрировать народу как свидетельство значительности одержанной победы. Стилобат Чесменской колонны был выполнен из гранита. Монумент выдержан в классицистической традиции, среди приверженцев которой находилась и российская императрица Екатерина II. Отрицая елизаветинское барокко как один из ярких символов предшествующей эпохи, она стремилась одновременно возвысить свое имя в каждой новой постройке в стиле классицизма. Практически синхронно с этим Ринальди сооружает в честь вышеупомянутой победы ещё и мраморный Чесменский обелиск, представляющий собой памятник, который расположен на берегу Белого озера в Дворцовом парке Гатчины. Таким образом, в имени, дарованном Екатериной II своему фавориту Григорию Григорьевичу Орлову, была почтена память о ратном свершении его родного брата.

Кроме Чесменской колонны, Ринальди воздвигает в Царском Селе ещё две – Морейскую и, предположительно, Крымскую. В отличие от Чесменской, Морейская колонна возвышается уже не над прудом, а над самим Екатерининским парком вблизи павильона Эрмитаж. Её сооружение в 1771 г. посвящено победе, одержанной русскими над турками на полуострове Морея, также носящем название Пелопоннес. Как и Чесменское сражение, оно тоже состоялось в 1770 г. в ходе Русско-турецкой войны, продолжавшейся на протяжении 1768–1774 гг.

Это сражение явилось органичной составляющей так называемой Первой Архипелагской экспедиции русского флота. Подобно Чесменской колонне, Морейская также является ростральной, мраморной и выдержана всё в тех же традициях классицизма. Крымская колонна, которая предположительно тоже относится к наследию Ринальди, также носит название Сибирской. Оно появилось у данного монумента благодаря так называемому «сибирскому» мрамору, из монолитного блока которого она и была сооружена. Но добыт он был не в Сибири, а на Урале, вблизи Екатеринбурга. В отличие от Чесменской и Морейской колонн, Крымская колонна воздвигнута на гранитном основании уже не в Екатерининском парке, а за его границей, рядом с комплексом зданий Запасного двора и кордегардий. В настоящий момент данный участок относится к Баболовскому парку. Крымская колонна по воле Екатерины II появилась здесь в память о заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора, и призвана служить напоминанием благодарным потомкам о покорении Крыма, которое состоялось в годы неоднократно упоминавшейся выше русско-турецкой войны 1768–1774 гг. В 1783 г., в честь присоединения Крыма к Российской империи Крымская колонна получила органичное завершающее дополнение в качестве скульптурной композиции, состоящей из бронзовых трофеев. Основой для данной композиции послужил рисунок академика и старшего профессора Императорской Академии художеств Гавриила Игнатьевича Козлова.

Также в период с 1771 по 1772 г. [6, с. 72] (по иным данным – в декабре 1771 г. [7, с. 83]) Ринальди воздвигает Кагульский обелиск, одновременно называемый Румянцевским в честь графа Петра Александровича Румянцева-

Задунайского. Именно под его командованием русскими войсками была одержана победа над турецкими войсками во время сражения 21 июля (1 августа) 1770 г. у реки Кагул на юге современной Республики Молдова. Мраморный Кагульский обелиск имеет памятную надпись, нанесённую на бронзовую доску. Он сооружён вблизи Большого Екатерининского дворца со стороны Зубовского флигеля. Здесь же, в Екатерининском парке, в 1773 г. Ринальди воздвиг ещё один монумент, чья адресация конкретизировалась постепенно. В настоящий момент он носит название «Памятник Александру Дмитриевичу Ланскому», или же «Пьедестал мраморный в честь добродетели и заслуг». Согласно наименованию, приведённому первым, он посвящается памяти фаворита Екатерины II Александра Дмитриевича Ланского.

Изначально по воле императрицы данный монумент был призван играть роль абстрактной архитектурной аллегии «добродетели и заслуг» и с именем какого бы то ни было конкретного человека, равно как и с памятным событием, не связывался. И только год спустя после возведения, когда умер Александр Дмитриевич Ланской, вышеупомянутая аллегорическая композиция была переведена в разряд памятника данной персоне. Тогда на его мраморный пьедестал под фигурной вазой были прикреплены барельефы и бронзовая доска с посвятельной надписью. Заключительной работой царскосельского периода творчества Ринальди 1777–1782 гг. стали Орловские ворота на границе Екатерининского парка, также называемые ещё и Гатчинскими, поскольку дорога от них ведёт в Гатчину. Символично, что они демонстрируют направление, в котором должен был по воле императрицы удалиться в своё имение генерал-фельдцейхмейстер Григорий Григорьевич Орлов, чьи многочисленные высказывания приобретали всё более императивный характер, с чем ни при каких обстоятельствах не могла смириться Екатерина II. Но официально данный прижизненный монумент воздвигался в ознаменование успеха в борьбе с эпидемией чумы 1771 г. в Москве, которую и возглавил этот бывший фаворит императрицы.

Во фризе фасада Орловских ворот, которые обращены к выходу из Екатерининского парка, а также собственно к Гатчине, помещается цитата из стихотворного послания к Григорию Григорьевичу Орлову его современника, выдающегося русского поэта и драматурга Василия Ивановича Майкова: «Орловым от беды избавлена Москва» [2, с. 16]. Во фризе фасада, обращённого к Екатерининскому парку, содержится подробное повествование о борьбе Орлова с московской чумой.

Строительные работы на Орловских воротах велись под наблюдением архитектора Ильи Васильевича Неёлова, с которым, как уже сообщалось выше, Ринальди строил придворный китайский театр. Участвовал в этом и каменных дел мастер И. Пинкетти, с которым Ринальди соорудил Чесменскую колонну. Розовый тивдийский мрамор, который Ринальди использовал для колонн и филенок, хорошо обыгрывается серым мрамором, применённым для облицовки основного массива Орловских ворот. Аналогичное сочетание будет использовано Ринальди и при оформлении фасада Мраморного дворца близ Летнего са-

да в Санкт-Петербурге, что символически прочертит «орловскую» линию в творчестве архитектора. За год до завершения работы над Орловскими воротами Ринальди построит для Орлова Большой Гатчинский дворец. Но ни им, ни Мраморным дворцом по-настоящему адресат воспользоваться не успеет. Так же, как не успеет увидеть дальнейшей судьбы всех вышеупомянутых сооружений и вернувшийся на Родину, в Италию, их замечательный автор.

Библиографический список

1. Власов В. Г. Элективный метод архитектуры раннего русского классицизма второй половины XVIII века // Искусство России в пространстве Евразии: в 3 т. Т. 2. СПб.: Дмитрий Буланин, 2012. С. 110–117.
2. Кючарианц Д. А. Антонио Ринальди. Л.: Лениздат, 1976. 200 с.
3. Кючарианц Д. А. Антонио Ринальди. Л.: Стройиздат, 1984. 176 с.
4. Кючарианц Д. А. Антонио Ринальди. СПб.: Стройиздат-СПБ, 1994. 192 с.
5. Латышев О. Ю. Духовно-нравственное воспитание на казачьих традициях в социализации учащихся, студентов и учёных / О. Ю. Латышев, Е. В. Петрова, Н. А. Шамшеева. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 2016. 260 с.
6. Латышев О. Ю. Вопросы архитектуры и искусства в социализации учащихся, студентов и учёных / О. Ю. Латышев, В. Н. Ильин, Л. Н. Макарова, В. А. Подкопаева. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic publishing, 2018. 109 с.
7. Латышев О. Ю. Историко-художественное краеведение в социализации учащихся, студентов и учёных / О. Ю. Латышев, В. Н. Ильин, Л. Н. Макарова, В. А. Подкопаева. Саарбрюккен: LAP Lambert Academic publishing, 2016. 140 с.
8. Спащанский А.Н. Григорий Орлов и Гатчина. СПб.: КОЛО, 2010. 255 с.

Н. М. Петухова, Д. Г. Жоркина

Анализ исторических построек начала XX в. с замкнутыми дворовыми пространствами в г. Тамбове

В статье описывается процесс формирования нового элемента городской планировочной структуры, закрытого двора, сформировавшегося в конце XIX – начале XX в. Проводится анализ трех исторических построек с замкнутыми дворовыми пространствами, расположенных в г. Тамбове, среди них: доходные дома В. В. Галкина, М. В. Асеева и К. И. Турчанинова.

Доказывается схожесть их конфигураций с жилыми домами Санкт-Петербурга: доходных домов Ф. И. Лидваля, Г. Г. фон Голи и А. Н. Перцова, возведенными в тот же временной период, выявляются причины и предпосылки для формирования дворовых пространств единого типа в конце XIX – начале XX в.

Поднимается вопрос о необходимости внесения комплекса построек доходного дома М. В. Асеева, расположенных по адресу г. Тамбов, ул. М. Горького, 49, в реестр ОКН. В качестве доказательства о необходимости внесения объектов в реестр описываются ценностные характеристики ансамбля доходного дома М. В. Асеева.

This article describes the process of forming a new element of the urban planning structure, the closed courtyard, which was formed in the late 19th – early 20th century. To study this topic, an analysis is made of three historical buildings with closed courtyard spaces located in the city of Tambov, among them: V. V. Galkin's tenement house, M. V. Aseev's tenement house and K. I. Turchaninov's tenement house.

The article also proves the similarity of their configurations with the tenement houses of St. Petersburg: the tenement house of F. I. Lidval, the tenement house of G.G. von Goli and the tenement house of A. N. Pertsov, built in the same time period, the reasons and prerequisites are revealed for the formation of courtyard spaces of a single type in the late 19th – early 20th century.

In addition, the article raises the question of the need to introduce a complex of buildings for the tenement house of M. V. Aseev, located at Tambov, str. M. Gorky, 49, in the register of OKN. As evidence of the need to include objects in the register, the value characteristics of the ensemble of the tenement house of M. V. Aseev are described.

Ключевые слова: двор, дворовое пространство, объект культурного наследия, доходный дом, Тамбов.

Key words: yard, yard space, object of cultural heritage, tenement house, Tambov.

Возникновение закрытых дворов в России связано с появлением в конце XIX в. в Петербурге и Москве специфического типа доходного дома с затемненными дворами-колодцами, рассчитанного на плотную периметральную застройку квартала. Постепенно данная тенденция в строительстве стала распространяться в провинциальных городах, Тамбов был не исключением [10].

Так, к XIX в. на Тамбовщине стал преобладать «круглый двор», который замыкал внутри себя все строения [12].

В дальнейшем такой тип планировки стал активно использоваться во времена развития строительства доходных домов с целью максимальной капитализации владельцами земельного участка. В России доходные дома появились в начале XIX в., а уже к началу XX в. на долю доходных домов, к примеру в Петербурге, приходилось до 80 % от построенных жилых зданий, в Москве – до 40 % жилой недвижимости. Доходные дома представляли собой многоквартирные жилые здания, находящиеся в частной собственности владельца. Квартиры в них сдавались внаем. Помимо квартир, на первых этажах доходных домов зачастую располагались магазины и конторы [4].

Налог с такого бизнеса приносил большую прибыль в городские бюджеты. В связи с процессами урбанизации, появлением свободных капиталов доходные дома получили распространение по всей России. В Тамбове же в начале XX в. крупными домовладельцами были: Аносовы, Асеевы, Можаров, Толмачевы, некоторым из них принадлежали сразу несколько доходных домов. Планировочная структура таких домов, их этажность, стилистика изменялись в зависимости от расположения в городской структуре (центр, окраины), назначения (доходный, ночлежный дом), расположения в квартале (рядовое, угловое), градостроительной формы участка (прямоугольная, колодцевая, Н-, Г-, П-образная).

В некоторых районах Тамбова такие дома сохранились и на сегодняшний день формируют кварталы исторического центра города, отражают передовые тенденции архитектуры периода конца XIX – начала XX в.

В Тамбове существует проблема сохранения и поддержания исторических зданий в надлежащем состоянии. В мировой реставрационной практике существует множество примеров, олицетворяющих некомпетентный подход к вопросу сохранения исторического фонда.

Одним из факторов, способствующих успешному решению вопроса сохранения исторической застройки, является комплексный подход, подразумевающий предпроектный градостроительный анализ, а также обзор формирования исторической среды. Изучение градостроительных тенденций различных исторических периодов позволяет выявить принадлежность того или иного объекта к комплексу построек и, как следствие, избежать неточностей в создании реставрационных решений, а также доказывает необходимость сохранения исторического объекта, возведенного в комплексе с соседствующими зданиями.

Проанализируем сохранившиеся постройки в г. Тамбове с замкнутыми внутренними дворами. Так, были рассмотрены три объекта, которые играют большую роль в формировании исторического облика г. Тамбова, являясь отражением целого периода в истории архитектуры: в них заложены тенденции строительства первого десятилетия XX в.

1. Доходный дом инженера-строителя В. В. Галкина, который служил старшим штатным контролером первого окружного акцизного управления Тамбовской губернии. Дом расположен на улице Августа Бебеля (Киркинской), 28, был построен его же владельцем в конце первого десятилетия XX в. [3].

В плане дом представляет собой замкнутый прямоугольник. Двор сформирован двух- и одноэтажными зданиями, примыкающими друг к другу в торцах. С северной и южной стороны двор имеет сквозные арочные проезды. Со стороны главного, асимметричного, согласно канонам стиля модерн, фасада въезд во двор закрывался коваными воротами [5].

Пройдя через арку, обыватель попадает во внутренний двор, он визуально напоминает архитектуру западноевропейского города: крутые скаты крыш, обилие красного кирпича в сочетании со штукатуркой [6; 7].

Вероятно, такая архитектура обусловлена тем, что улица Киркинская всегда была связана с немецкой диаспорой: здесь располагалась лютеранская церковь, а также на месте современного завода «Комсомолец» находилось производство газированных фруктовых вод и пива «Новая Бавария», принадлежавшее немке Маргарите Фёдоровне Леймер.

В правом крыле располагалось жильё, сдаваемое в наем, а в левом – комплекс амбаров для нужд дворника и квартирантов. В них хранили повозки и сани. Под окнами устроены палисадники [8; 9].

На сегодняшний день объект сохранил свою жилую функцию [11]. Он внесен в список объектов культурного наследия регионального значения как «Жилой комплекс: три жилых дома; сарай; ворота» решением Тамбовского облисполкома от 03.11.1989 г. № 293 [13].

Дома с подобной планировкой дворового пространства располагаются на улице Максима Горького (Араповская) [2; 15]. Они были построены в то же время, что и доходный дом Галкина.

2. Рассмотрим доходные дома М. В. Асеева, расположенные по адресу ул. М. Горького, 49. В 1909 г. известный тамбовский фабрикант М. В. Асеев приобрел участок на ул. Араповской (нынешней ул. Максима Горького), на которой вскоре начал строительство трех деревянных двухэтажных домов, обложенных кирпичом, формирующих в плане внутренний двор в виде замкнутого «каре» (периметральная застройка). Первые два дома были построены в том же, 1909 г., а третий был достроен лишь к 1911 г. Дома были снабжены водопроводом, канализацией, электроосвещением. В каждой из восьми квартир были оборудованы ваннные комнаты, что говорит о том, что здесь могли позволить себе проживание лишь состоятельные люди [17].

После национализации доходных домов была изменена планировка. В результате изменений дома были разбиты на 28 квартир и лишены прежних удобств.

Дома не признаны объектами культурного наследия, однако по своей исторической и архитектурной ценности могли бы претендовать на статус ОКН.

На сегодняшний день дома заселены.

3. Следующий пример организации замкнутого дворового пространства – доходный дом К. И. Турчанинова находится по адресу ул. М. Горького, 41 [16].

Дворовое пространство организовано следующим образом: два деревянных дома, обложенные красным кирпичом, выходят фасадами на улицу, а третий стоит в глубине двора. Его нижний этаж выполнен из кирпича, а верхний – из дерева. Фасад украшен резными элементами. Доходный дом был поделен более чем на 40 квартир. Въезд во двор оформлялся воротами с ажурной металлической решеткой.

В доходном доме были обеспечены все удобства для постояльцев: в строении, расположенном с левой стороны от въезда во двор, была расположена баня, в подвальном помещении – общая кухня. За домами, далеко в глубь квартала был высажен яблоневый сад. Во времена своего существования этот доходный дом был особенно привлекателен для арендаторов по качеству удобств, предоставляемых жильцам [14].

В 1951 г. был проведен ремонт данных построек. Дата проведения ремонта была нанесена на фасад одного из домов и до сегодняшнего дня провоцирует споры о дате строительства объекта [2].

На сегодняшний день все постройки усадебного комплекса являются жилыми, они внесены в реестр ОКН в составе объекта культурного наследия регионального значения «Усадьба М. А. Турчаниновой: главный усадебный дом; дворовый флигель; домик привратника; каретный сарай и конюшня», г. Тамбов, ул. М. Горького, 41 (Постановление Администрации Тамбовской области от 10.08.1993 г. № 280) [1].

На сегодняшний день все перечисленные объекты нуждаются в проведении реставрационных работ. Однако стоит учитывать, что для создания проекта

их реставрации необходим комплексный подход. Важна работа не с отдельным историческим зданием, а с градостроительным контекстом, в котором возводился объект.

Выводы

1. Все три объекта построены в один и тот же временной период, они имеют схожее градостроительное планировочное и объемно-пространственное решение, что вызвано схожей градостроительной ситуацией – делением на владельческие участки, которые застраивались наиболее плотно, чтобы максимально капитализировать землю.

2. Сравнительный анализ доходных домов начала XX в. Тамбовской губернии и Санкт-Петербурга показал, что в основе градостроительной структуры лежит базовый модуль – владельческий участок, что, с учетом создания условий для максимальной монетизации выделенных под застройку участков, привело к схожим градостроительным планировочным решениям.

3. Анализируемые доходные дома имеют схожие конструктивные особенности: здания преимущественно двухэтажные с несущими стенами из глиняного кирпича, перекрытия деревянные, торцевые стены глухие, выполненные из огнеупорного кирпича (такое решение позволяло делать сплошную застройку улиц), крыша у всех объектов двускатная с деревянной стропильной системой.

4. Анализ архитектурных решений объектов показывает, что преимущественно доходные дома того времени строились в стиле модерн с учетом региональных особенностей. В процессе строительства использовались схожие материалы: дерево, красный глиняный кирпич. В качестве материала для создания декора на всех трех объектах используется штукатурка, покрывающая кирпичные орнаменты. В облицовке каждого из объектов используется ритмический ряд горизонтальных и вертикальных членений, наблюдаются схожие метрические и масштабные признаки. Обильное использование дерева в строительстве обусловлено региональными особенностями: Тамбовская область всегда имела богатые леса. По этой причине город долгое время состоял лишь из деревянных построек. Однако страшные пожары, происходившие на Тамбовщине с 1860–1864 гг., во время которых сгорел 207 531 двор, изменили существующие долгие годы тенденции в строительстве. Начали возводить каменные здания, а дерево стали обкладывать кирпичом.

5. Необходимо внесение комплекса построек доходных домов М.В. Асеева в реестр ОКН регионального значения, так как объект обладает рядом ценностных характеристик, учитывающихся при постановке памятника на государственную охрану, согласно ФЗ от 25.06.2002 г. № 73-ФЗ (ред. от 20.10.2022 г.) «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 11.01.2023 г.).

Ансамбль доходных домов М. В. Асеева является объектом, обладающим историко-архитектурной, художественной, научной и мемориальной ценностью, имеющим особое значение для истории и культуры Тамбова.

Библиографический список

1. Акт государственной историко-культурной экспертизы проектов зон охраны объектов культурного наследия регионального значения «Усадьба М. А. Турчаниновой: главный усадебный дом, дворовый флигель, домик привратника, каретный сарай и конюшня» (г. Тамбов, ул. М. Горького, 41), 214 «Усадьба городская: главный дом; флигель» (г. Тамбов, ул. Интернациональная, 30) [Электронный ресурс]. URL: https://pam.tmbreg.ru/assets/files/Ekspertiza/Akt_GIKE_PZO_Tambov_M_Gorkogo_41.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
2. Горелов А. А., Щукин Ю. К. Тамбов: Справочник-путеводитель (центральная часть). Тамбов: Пролетар. светоч, 1999. 193 с.
3. Горелов А. А., Щукин Ю. К. Тамбов: Справочник-путеводитель (южная часть). Тамбов: Пролетар. светоч, 2000. 245 с.
4. Даняева Л. Н. Архитектурно-композиционное и типологическое формирование жилых зданий на примере доходных домов середины XIX–XX вв. Новгород: ННГАСУ, 2020. 182 с.
5. Дом инженера Галкина [Электронный ресурс]. URL: <https://top68.ru/articles/society/2015-07-15/dom-inzhenera-galkina-80667> (дата обращения: 12.01.2023).
6. Ильин А. Ю. Тамбовская энциклопедия. Тамбов: Центр поддержки музейного дела «Провинциальные усадьбы», 2020. 1016 с.
7. Кученкова В. А. Неизвестный Тамбов. Тамбов, 1993. 222 с.
8. Леденева Г. Л. Гражданская архитектура российской провинции конца XIX – начала XX столетий (на примере застройки г. Тамбова). Тамбов: Изд-во ФГБОУ ВПО «ТГТУ», 2015. 92 с.
9. Муравьев Н. В. Улицы и площади Тамбова. Тамбов: Взгляд, 1994. 376 с.
10. Панков С. В. Исторические особенности дворовой планировки на Тамбовщине // Проблемы стратегии регионального развития: материалы II Всеросс. науч. конф. Тамбов: Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2007. С. 83–87.
11. Прогулки по старому Тамбову: иллюстрированный путеводитель. Тамбов: Тип. Пролетарский светоч, 2011. 114 с.
12. Соловьев А. В. Социокультурная эволюция городского двора как общественного пространства // Вестник Рязанского государственного университета им. С. А. Есенина. 2018. № 2. С. 32–39.
13. Список объектов культурного наследия регионального значения, расположенных на территории Тамбовской области [Электронный ресурс]. Систем. требования: AdobeAcrobatReader. URL: https://pam.tmbreg.ru/assets/files/ReestrOKN/Regional_OKN.pdf (дата обращения: 15.01.2023).
14. Старинный дом Турчаниновых обследуют следователи [Электронный ресурс]. URL: <https://tamlife.ru/informaciya/obshhestvo/2019061911121230528.html/starinnyj-dom-turchaninovyh-obsleduyut-sledovateli/> (дата обращения: 15.01.2023).
15. Улицы Тамбова: Максима Горького (бывшая Араповская) [Электронный ресурс]. URL: http://patriot.taminfo.ru/spravka/ulici_tambova/395-maksima-gorkogo-byvshaya-arapovskaya.html (дата обращения: 15.01.2023).
16. Усадьба М. А. Турчаниновой [Электронный ресурс]. URL: <https://ruskontur.com/usadba-m-a-turchaninovoj/> (дата обращения: 15.01.2023).
17. Юстова Е. И., Максимов М. М. Тамбов. Памятники архитектуры. Воронеж: Центр.-Черноземное кн. изд-во, 1979. С. 83–112.

Ефросинья Старицкая как пример провинциальной святой (по материалам русских летописей)

В данной статье по материалам русских летописей исследуется судьба Ефросиньи Старицкой, являющейся родственницей Ивана Грозного. На основе летописных источников показывается, какое внимание уделяли летописцы Ефросинье Старицкой, и в каком контексте о ней ведутся упоминания. Освещается не только биография Евфросинии Старицкой, проводится контент-анализ, основанный на количестве упоминаний в летописях.

This article examines Efrosinya Staritskaya, who was a relative of Ivan the Terrible, as the materials of Russian chronicles tell. The author of this article, on the basis of chronicle sources, calculates what attention was paid to Euphrosyne Staritskaya by the chroniclers and in what context she is mentioned. Based on the sources, the author piecemeal collects not only the biography of Euphrosyne Staritskaya, but also conducts a content analysis based on the number of mentions in the chronicles.

Ключевые слова: Ефросинья Старицкая, русские летописи, летописные источники, Иван IV Грозный, Московское государство, род Старицких.

Key words: Euphrosyne Staritskaya, Russian annals, chronicle sources, Ivan IV the Terrible, Moscow State, the Staritsky family.

В средневековой России важную роль в отношениях между столицей и провинцией играли местные святые, особенно среди провинциальной знати. Кроме аристократок, в Москве существовали княгини провинциальные. Если русская княгиня достойно прожила свою жизнь и отличилась богоугодными поступками, её причисляли к святым. Соответственно, были святые столичные, а были святые провинциальные. Ефросинья Старицкая – это типичный пример провинциальной русской святой. Статус ее отразился как в письменных документах, так и в личных вещах [14, с. 427].

Род Старицких – ближайшая кровная родня Ивана Грозного. Это были приближенные к царю люди, и летописцы уделяли немаловажное внимание личностям данной семьи. В частности, это были мужчины: Андрей и Владимир Старицкие. Женским личностям уделялось не такое большое внимание в исторических источниках, особенно в русских летописях XVI в.

В предложенной статье, основываясь на материалах русских летописей, был проведен анализ судьбы и характеристика провинциальной русской святой Ефросиньи Старицкой. Также было показано, какое внимание уделяли летописцы этой исторической личности.

Основателем рода Старицких считается Андрей Старицкий – родной брат Василия III. Он женился на Ефросинии Андреевне, в девичестве носившей фа-

милию Хованская. Ефросинья Старицкая родила сына Владимира, сыгравшего ключевую роль в исследуемом периоде [6, с. 107].

Первое упоминание о Ефросинье, тогда еще Хованской, приходится на год 7041. Постниковский летописец сообщает нам сведения о том, что великий князь женил своего брата Андрея на дочери князя Андрея Ивановича Хованского, произошло это зимой 1533 г. [8, с. 17].

Пискаревский же летописец не упоминает происхождение и женитьбу князя Андрея на Ефросинье. Данная летопись уделяет больше внимания самому князю Андрею, нежели его жене, из чего мы делаем вывод, что она была не так важна для летописца [7, с. 171–172].

Летописи не уделяют должного внимания роду Старицких, скорее всего из-за того, что они «враги» царского рода. Мужчины являются претендентами на русский престол, а их женщины, как верные жены, поддерживали их. О том, что Евфросиния Старицкая была выдающейся личностью своего времени, мы узнаём из других источников, а не из летописей.

Из летописей мы узнаем, что великая княгиня Елена Глинская и князь Иван Васильевич приказали схватить Андрея Старицкого и разделили его с женой и детьми. Таким образом автор сообщает читателям, что Ефросинью отправляют в Берсеневский двор, где уже находилась княгиня Шемячичевская вместе с дочерьми [8, с. 25]. У Ефросиньи Старицкой отнимают ее сына Владимира, которому на тот момент было около двух лет от роду. Его отдают на попечение Федору Карпову, однако, спустя недолгое время, Владимира возвращают матери в Берсеневский двор [8, с. 26]. Если изучать летопись пискаревского летописца, то в ней, в том же 7045 г., нет ни одного упоминания о Ефросинье Старицкой и её судьбе.

Обратимся к летописному сборнику Патриаршей или Никоновской летописи, где автор также уделяет внимание лишь фактическим сведениям, не высказывая собственного мнения. Сообщается, что Иван Васильевич IV по сговору своих бояр, а также митрополита Иоасафа, выпустил из нятства, т.е. плена, Владимира Старицкого и его мать Ефросинью и повелел вернуть им двор, чтобы Владимир был там вместе с матерью [5, с. 135].

Далее судьба Ефросиньи развивается более благоприятным образом. Например, на свадебном торжестве царя Ивана Грозного и Анастасии Романовны она, согласно свадебному разряду, сидела в «материно место», как сообщает нам свадебный разряд царя Ивана Грозного и Анастасии Романовны [9].

Но благополучное время для княгини длилось недолго. В ее сыне Владимире увидели угрозу для престола. В так называемой Царственной книге сообщается о том, что была составлена крестоцеловальная запись, чтобы Владимир Андреевич присягнул на верность самому Ивану IV и его сыну Дмитрию. Ефросинья была против этого действия и, как сообщает летописец, произнесла фразу: «Что же это за целование, если по неволе?» [15, с. 526]. А также «говорила много бранных слов» [15, с. 526]. Векописец уделил внимание мнению матери Владимира, не обошел его стороной, несмотря на то что в нем не было поддержки царской власти.

В 1563 г. Старицких снова обвиняют в злом умысле для царской семьи. Некоторые исследователи пишут, что это был донос на всю семью [1, с. 60]. Духовенство и митрополит Макарий просили прощения для семьи Старицких. Князь Владимир был прощен, но весь его дворовой состав был заменен новыми людьми, выбранными государем. Его удельные права были сокращены. Княгине Ефросинье была возложена опала – 5 августа она приняла постриг и выбрала Горицкий монастырь в качестве места своего пребывания, приняв имя Евдокии [13, с. 128]. Род Старицких потерял привилегии царского двора и своего происхождения, но на тот момент все члены семьи еще были живы.

Других источников о конфликте рода Старицких и Ивана Грозного, кроме летописей, мы не имеем. Некоторые исследователи рассматриваемого периода говорят о том, что Ефросинья Старицкая с почетом была отправлена в монастырь. А Иван IV даже разрешил по её позволению устраивать все её прихоти, в том числе в еде и питье, для безопасности отправил с ней людей: Михаила Ивановича Колычева, Андрея Федоровича Щепотьева и подьячего Андрея Шулепникова [2].

Р.Г. Скрынников также утверждает, что ссылка не была полной тюрьмой для Ефросиньи Старицкой. Ей было разрешено оставить при себе советниц и прислугу. Те из них, кто выбрал последовать за хозяйкой, получили некоторую часть земель вблизи монастыря. Княгине позволялось отправляться на богомолье по окрестностям [12, с. 79].

Под своей обителью Ефросинья Старицкая, она же Евдокия, собрала искусных вышивальщиц. Её мастерская славилась высоким уровнем художественного мастерства. К сожалению, летописи не дают нам сведений об искуснице Ефросинье, о ней мы узнаем преимущественно из сохранившихся работ, некоторые из которых хранятся в Русском музее [10, с. 20].

Ранней осенью 1569 г. Иван Грозный, преследуемый страхом, что кто-то посягнет на его престол, отравил семью Старицких. Сначала Владимира, затем его жену и дочерей. Позднее и свою тетку – Евдокию (Ефросинью). Пискаревский летописец выделяет отдельно эпизод смерти князя Владимира Андреевича и княгини Ефросиньи Старицкой: «И положил Иван Грозный свой гнев на Владимира Старицкого и на мать его». Как только сын Владимир приехал к царю, тот «опоил зельем», т.е. ядом, его и всю его семью, пощадив только самую младшую дочь и сына [7, с. 191]. В это время Ефросинья находилась у себя в горах на Белоозере, в монастыре. Иван Васильевич велел послать за ней, при этом по дороге в Москву либо утопить ее в судне, либо в избе в дыму, т.е. сжечь её [7, с. 191]. Далее летописец ничего не сообщает о судьбе Ефросиньи Старицкой, из чего следует, что княгиня умерла по приказу Ивана Грозного.

Существует версия, что когда был отдан приказ жестоко убить Ефросинью, путем утопления или сожжения в избе, она прокляла царя, сказав, что его настигнет небесная кара в день страшного суда, поэтому Иван Грозный пощадил младших девочек и не стал их убивать [13, с. 132].

Иван Грозный в своем синодике опальных написал имена рода Старицких. Там есть сам Владимир Старицкий, его мать Ефросинья, жена Евдокия и их дети [11, с. 533].

Приближенный Ивана Грозного Андрей Курбский в своем труде рассказал о смерти княгини и её сына. Он говорит о том, что Иван Грозный убил княгиню Ефросинью, которая происходила из очень древнего рода, самого великого литовского князя Ольгерда. Это была женщина святая, великая постница, вдова и монахиня [4, с. 30].

Тело Ефросиньи Старицкой было отправлено в монастырь и там захоронено с честью и почестями. С того времени память о достопочтенной монахини Евдокии хранится в монастыре свято [3].

Ефросинья Старицкая была близкой родственницей Ивана Грозного, его теткой. Но, несмотря на столь близкое родство, летописи не уделяют ей должного внимания. Возможно из-за того, что она была женщиной, а возможно, потому что являлась «врагом» царского престола. В целом женщины рода Старицких в летописях упоминаются очень редко.

В русских летописях имя Ефросиньи, матери Владимира, упоминается четыре раза: три раза в Пискаревской летописи и один раз в Постниковской. В Патриаршей или Никоновской летописи Ефросинья упоминается пять раз, а в Царственной книге три раза. Сравнивая слог летописцев и то, в каком контексте упоминается княгиня Ефросинья Старицкая, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, чаще всего княгиня упоминается как жена князя Андрея и мать князя Владимира, т. е. стоит за мужчинами. При этом она имеет свою власть и влияние. Летописцы сообщают, что её мнение не всегда совпадало с мнением её мужа или сына, и она открыто высказывала его.

Во-вторых, Ефросинья упоминается в разных контекстах: не только в связи с тем, что она стала женой и родила наследника рода, но и в различных политических интригах, участии в личной жизни царя, например свадьбе.

В-третьих, в каждой летописи по фрагментам можно собрать краткую биографию Ефросиньи Старицкой. Не все летописцы упоминают то или иное событие. Но благодаря объединению летописей можно узнать, что Ефросинья Старицкая была мудрой и сильной женщиной, которая имела определенное влияние среди современников. Из Постниковского летописца известно её происхождение [8, с. 17]. Из Царственной книги узнаем о её отношении к Ивану Грозному и недовольстве поступком своего сына [15, с. 526]. Патриаршая или Никоновская летопись сообщает об освобождении из опалы [5, с. 135]. Векописец Пискаревской летописи рассказывает о заключении в монастырь и о её мучительной смерти [7, с. 191].

Летописцы хоть и уделяли мало внимания Ефросинье Старицкой, родственнице Ивана Грозного, но все же запечатлели её в истории.

В русской истории существовали не только святые княгини из Москвы, но и провинциальные княгини, которые также могли быть признаны святыми, если они прожили достойную жизнь и совершили поступки, угодные Богу. Приме-

ром провинциальной русской святой является Ефросинья Старицкая. Это свидетельствует о том, что вера и почитание святых были распространены не только в столичном регионе, но и в провинции, и имели большое значение для средневекового русского общества.

Библиографический список

1. Вернадский Г. В. Московское царство. М.: АГРАФ, 2001. 512 с.
2. Веселовский С. Б. Последние уделы в Северо-Восточной Руси. URL: [C \(vostlit.info\)](http://vostlit.info) (дата обращения: 12.09.2023).
3. Иванова Г. О. Летопись Горицкого монастыря. // Кирилло-Белозерский музей-заповедник. URL: <http://www.kirmuseum.ru/issue/article.php?ID=2161> (дата обращения: 14.09.2023).
4. Курбский А. М. История о Великом князе Московском. М.: УРАО, 2001. 44 с.
5. Летописный сборник, именуемый патриаршею или Никоновскою летописью // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 13. Ч. 1 / А.Ф. Бычков и [др.]. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1904. 302 с.
6. Панова Т. Д. Состав семей старицкого князя Владимира Андреевича // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2018. № 4 (37). С. 98–108.
7. Пискаревская летопись // Полное собрание русских летописей. Т. 34 / А. Ф. Бычков и [др.]. М.: Дмитрий Буланин, 1978. 304 с.
8. Постниковский летописец // Полное собрание русских летописей. Т. 34 / А. Ф. Бычков и [др.]. М.: Дмитрий Буланин, 1978. 304 с.
9. Разряд свадьбы царя Ивана IV и Анастасии Романовны. URL: https://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Russ/XVI/1540-1560/Razrjad_svadby_1547/text.htm (дата обращения: 10.09.2023).
10. Раков Э. Монастырь опальных княгинь. СПб.: Концепт, 1995. 72 с.
11. Синодик опальных // Скрынников Р.Г. Царство террора. М.: Наука, 1992. 578 с.
12. Скрынников Р. Г. Иван Грозный. М.: Наука, 1983. 250 с.
13. Таймасова Л. Ю. Князь Владимир Старицкий: в шаге от престола // Новый исторический вестник. 2010. № 23. С. 115–137.
14. Травкин С. Н. Некоторые особенности использования монет в ювелирном искусстве в средние века // На одно крыло серебряная, на другое золотая... Сборник статей памяти Светланы Рябцевой. «Библиотека «Stratum»». Кишинев: Stratum, 2020. С. 427–431.
15. Царственная книга // Полное собрание русских летописей, изданное по высочайшему повелению Археографическою комиссиею. Т. 13. Ч. 2 / А. Ф. Бычков и [др.]. СПб.: Тип. Эдуарда Праца, 1904. 533 с.

И. Ф. Миненко

Вклад Н. Д. Диковского в становление и развитие агробиологической промышленности Курского края: конец XIX – начало XX в.

В данной статье, основанной на документах Государственного архива Курской области и материалах музея ФКП «Курская биофабрика» показан вклад Н. Д. Диковского – ветеринарного врача, учёного-бактериолога, общественного деятеля и, наконец, организатора промышленного производства биопрепаратов в России, в становление и развитие агробиологической промышленности Курского края.

This article, based on documents from the State Archive of the Kursk Region and materials from the Kursk Biofactory Museum, shows the contribution of N. D. Dikovsky, a veterinarian, bacteriologist, public figure and, finally, the organizer of industrial production of biological products in Russia, to the formation and development of the agrobiological industry of the Kursk Region.

Ключевые слова: ветеринарно-бактериологическая лаборатория, институт, эпизоотии, биопрепараты, вакцина, Курская губерния.

Key words: veterinary and bacteriological laboratory, Institute, epizootics, biologics, vaccine, Kursk province.

У истоков агrobiологической науки стояли многие выдающиеся ученые и ветеринарные врачи, среди которых достойное место занимает Николай Данилович Диковский. Он родился 26 мая 1859 г. в д. Петроострова Херсонской губернии. После окончания Харьковского ветеринарного института в 1881 г. он прибыл в Курскую губернию на должность уездного земского ветеринарного врача для проведения мероприятий по ликвидации чумы крупного рогатого скота, которая в это время свирепствовала в исследуемом регионе. С 1884 г. по месту службы он организовал борьбу с сибирской язвой, ящуром, бешенством, туберкулезом крупного рогатого скота. В 1886 г. на средства уездного земства в административном здании Н.Д. Диковский открыл бактериологический кабинет для проведения исследований. В 1891 г. он первым из курских ветеринарных врачей окончил курсы бактериологов при Харьковском ветеринарном институте, где получил необходимые знания по вакцинопрофилактике сибирской язвы. Спустя два года, в 1893 г., этой же вакциной он впервые в Курской губернии успешно провел вакцинацию животных. При его непосредственном участии были разработаны и правила борьбы с чумой скота, а также «Обязательные правила о предупреждении и пресечении сапа на лошадях в Курском уезде» (1894) и «Условия для ветеринарных лечебниц» (1904) [9, с. 80].

Успехи ветеринарных врачей Курской губернии в области прививания животных показали необходимость устройства ветеринарно-бактериологической лаборатории в данном регионе. Вопрос об этом был поставлен на проходившем 13 сентября 1894 г. в Курске Первом съезде ветеринарных врачей и представителей земств губернии. А спустя полтора года в журнале «Архив ветеринарных наук» появилась информация о том, что «6 апреля 1896 г. состоялось освящение и открытие бактериологической лаборатории Курского губернского земства в присутствии земской администрации, губернского ветеринарного инспектора и местных ветеринаров и медиков» [15, с. 142]. Ее первым заведующим был назначен М. П. Борисов, а через 15 месяцев эту должность занял Н. Д. Диковский. Его также неоднократно избирали председателем Курского ветеринарного общества и председателем Всероссийского общества покровительства животных, где он заведовал лечебницей [11, с. 3].

Первые четыре года деятельность лаборатории заключалась в приготовлении вакцин антракса и проведении диагностических исследований. Позже здесь начали разрабатывать препараты для борьбы с бешенством, мытом и сапом лошадей, холерой свиней и птиц, туберкулезом крупного рогатого скота, чумой

собак и др. Заметим, что вакцинами, изготовленными в этой лаборатории, в 1897 г. было привито против сибирской язвы 17166 животных, из них в Курской губернии – 15897, Воронежской – 1128 и в Орловской – 141 животное [8, с. 71].

В 1908 г. лаборатория продавала биопрепараты уже в 45 губерний России на сумму 4912 р. 40 к., а в 1916 г. – в 48 губерний на сумму 22733 р. 24 к. [8, с. 68].

В 1913 г. бактериологическая лаборатория принимала участие во всероссийских выставках: гигиенической выставке в Санкт-Петербурге, научно-промышленной выставке в Киеве и в губернской выставке в Хабаровске. На одной из них она была награждена Малой золотой медалью «за полезную деятельность по изготовлению лечебных препаратов, представленную в диаграммах и картограммах», а Н. Д. Диковский был удостоен Большой золотой медали – «за руководство научно-практической деятельностью ветеринарно-бактериологической лаборатории Курского земства» и награжден похвальным листом за коллекцию патологоанатомических препаратов по чуме свиней [12, с. 229].

В 1913 г. Курская ветеринарно-бактериологическая лаборатория достигла своей вершины. В это время она обеспечивала десятью видами биопрепаратов 46 губерний России, однако в следующем году Диковский планировал расширить ее другое направление – научно-исследовательское. «При правильной постановке этого дела для лаборатории могут открыться новые задачи, выполнению которых она посвятит свои силы», – писал он в одном из своих отчетов [6, с. 2–9].

Но началась Первая мировая война, которая нанесла существенный ущерб ветеринарно-бактериологической лаборатории. Прежде всего уменьшилось количество выработанных ею препаратов, так как большая часть ветеринарных врачей была призвана на фронт. Сам Н. Д. Диковский работал в воинских частях, одновременно исполняя обязанности заведующего лабораторией. Позже он вспоминал о том времени: «не было ни рабочих, ни материалов – все поглотила война. В это же время в некоторых районах Курской губернии вспыхнула азиатская холера, в связи с чем в июле 1918 г. при лаборатории было открыто медицинское отделение, заведующим которого был назначен Н. Д. Диковский» [5, с. 9].

В 1919 г. территория губернии была оккупирована белогвардейскими войсками. Новая власть в лице губернской земской управы не признала необходимости существования медицинского отделения лаборатории, хотя потребность в вакцинах и диагностических исследованиях продолжала возрастать. И несмотря на то что отделение лаборатории не получало не только денежных средств на жалованье служащим, но и никаких материалов для выработки вакцины, жизнь в медицинском отделении не замирала. Его сотрудникам удалось приготовить разного рода вакцин больше, чем в 1918 г., а именно: вакцин против азиатской холеры – 104700 г, против брюшного тифа – 110000 г и паратифозных – 6000 г. Всего разного рода вакцин было приготовлено 220700 г

против 88800 г в 1918 г. Диагностических исследований произведено в 1919 году 379, из них на азиатскую холеру – 54.

По этому поводу Н.Д. Диковский отмечал, что «... если 1918 год был годом организационным в жизни медицинского отделения лаборатории, а в 1919 году оно не могло правильно функционировать по политическим причинам», то в 1920 г., благодаря заботливому отношению губернского отдела здравоохранения «в деле снабжения его всем необходимым для специальных работ, деятельность Отделения, принимая во внимание тяжесть условий хозяйственной жизни страны, можно признать довольно удовлетворительной» [4, с. 14–17].

И далее он указывал на то, что в 1920 г. «для удовлетворения нужд гражданского и военного населения Курской губернии было изготовлено: вакцин против азиатской холеры – 103285 грамм, вакцин против брюшного тифа – 26305 грамм, тетравакцины – 5400 грамм и дивакцины – 102632 грамма. Кроме того, по просьбе санитарного отдела Орловского военного округа отпущено: вакцин против азиатской холеры – 3000 грамм и дивакцины – 75000 грамм». Продолжали проводиться и диагностические исследования. По данным Диковского в 1920 г. их было проведено более 1000, при этом половину из них составляли «холерные исследования» [4, с. 31–32].

Нужно отметить личное мужество Н.Д. Диковского, проявленное им при изготовлении вакцины против азиатской холеры. Безвредность вакцины он сначала проверил на себе, а затем на членах своей семьи и на сотрудниках лаборатории. Препараторами при изготовлении вакцины были 17-летние девушки: старшая дочь Николая Даниловича – Анна и ее подруга Нина Маркович, о чем позже она писала в своих воспоминаниях [13].

Так, 5 апреля 1921 г. коллегия Курского губземотдела утвердила решение губернского съезда ветеринарных работников о присвоении лаборатории имени Н.Д. Диковского, признавая его труд «высокополезным в деле охраны животноводства и народного здоровья, не только в Курской губернии, но и во всей республике как безупречного и неустанного работника по изготовлению прививочного материала». А в марте 1922 г. из Цветотдела НКЗ РСФСР пришло официальное сообщение, что лаборатория преобразуется в Курский ветеринарно-бактериологический институт имени ветврача Н. Д. Диковского [1, л. 22].

Примечательно, что в 1921 г. «Губернский Профессиональный Совет избрал Н. Д. Диковского Героем Труда. Его имя было занесено на Красную доску в Курском Рабочем Дворце» [7; 10].

С первых же шагов на посту директора ветбакинститута Н. Д. Диковский столкнулся с огромными трудностями. Положение о ветбакинститутах, принятое центральным органом, местные власти выполнять не спешили. Н. Д. Диковский добивался увеличения штата института, пытался наладить нормальную работу по приготовлению биопрепаратов. Однако все закончилось тем, что от ветбакинститута отделили медицинское отделение, в которое он вложил немало сил и времени, а штат оставили меньше прежнего.

Вскоре после проведения опытных прививок против чумы рогатого скота Н. Д. Диковский и заведующий губветотделом В. А. Чистяков были вызваны в Москву. На заседании противочумной комиссии при Цеветупре было решено «существующую противочумную станцию считать временным противочумным отделением Курского ветбакинститута им. Диковского, возложив ответственность за качество вырабатываемого препарата на тов. Диковского» [3, л. 2].

В это время Николай Данилович ставил перед советскими органами вопрос о расширении производства биопрепаратов. Он делал заявки на новейшее оборудование, просил укомплектовать штат института специалистами и служащими, а также закупить 25–30 лошадей-продуцентов. Всегда в проблему выливалось обеспечение животных кормами. Для того чтобы проводить научные исследования по разработке новых технологий, необходимы были средства, а их не хватало даже на командировки. Однако Н. Д. Диковский и его сотрудники постоянно стремились вести научно-исследовательские работы.

В отчете за 1926 г. Н. Д. Диковский писал: «Главная научно-исследовательская работа, которую поставил себе Курский ветбакинститут выполнить в ближайшие пять лет – это пироплазмоз лошадей и рогатого скота, попутно и других животных, по программе, разработанной 27 декабря 1924 г. техническим совещанием губветотдела Курского ГЗУ Затем – изучение болезней поросят и птиц» [2, л. 11–12].

В 1927 г. при Курском ветбакинституте были проведены курсы усовершенствования для ветврачей, серологов, а затем и фельдшеров, на которых он выступал перед врачами с лекциями по вопросам приготовления вакцин и сывороток. Кстати, программу курсов также подготовил Н. Д. Диковский.

Зимой следующего года ветбакинститут понес невосполнимую утрату – 10 февраля 1928 г. ушел из жизни Н. Д. Диковский. В некрологе по этому поводу говорилось о его неутомимой энергии, чрезвычайной работоспособности, жажде знаний, новых работ и начинаний», а также о его бескорыстности и «верности делу борьбы с заболеваниями животных» [14, с. 168]. «Заграничные биопрепараты для ветнужд, можно сказать с уверенностью, были вытеснены с русского рынка предприимчивостью и энергией Н. Д. Диковского, работавшего в этом направлении вполне бескорыстно, так как он лично от продажи препаратов материально ничем не пользовался. Все средства, вырученные от продажи, ушли на улучшение лабораторного дела, а затем и на устройство нового здания лаборатории, которое в настоящее время переименовано в институт» [7, с. 38–40].

Продолжением его дела стало создание в 1931 г. на базе ветеринарно-бактериологического института Курской маллеиново-туберкулиновой биофабрики, ставшей в ближайшие годы одним из передовых предприятий в агробиологической промышленности страны. На административном здании биофабрики в 2008 г. была установлена мемориальная доска в память о ветеринарном враче Николае Диковском, который первым в стране организовал промышленное производство вакцины против сибирской язвы.

В музее предприятия сохранились его личные вещи, а также книги и рукописи из его библиотеки, воспоминания дочери – Г. Н. Диковской. Центральное место в музее занимает «Мемориальный кабинет Н. Д. Диковского», который с помощью дизайнеров удалось воссоздать до мельчайших подробностей. К столетию биофабрики был изготовлен бюст Н. Д. Диковского (скульпторы И. Минин и В. Бартене) и памятная медаль с его изображением. Его имя также занесено в Памятную книгу предприятия, а портрет помещен в галерею Славы биофабрики.

С целью увековечивания памяти о родоначальнике агробиологической промышленности, руководство Курской биофабрики обратилось к администрации города с просьбой о присвоении звания «Почетный гражданин г. Курска» Н. Д. Диковскому (посмертно). Чтобы помнили потомки...

Библиографический список

1. Государственный архив Курской области (далее – ГАКО). Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 1959.
2. ГАКО. Ф. Р-313. Оп. 1. Д. 3325.
3. ГАКО. Ф. Р-380. Оп. 1. Д. 12.
4. Диковский Н. Д. К истории возникновения и деятельности медицинского отделения Курской губернской бактериологической лаборатории // Вестник Курского губернского отдела здравоохранения. 1921. № 1.
5. Диковский Н. Д. Курская губернская ветеринарная бактериологическая лаборатория: История и современное ее состояние (1896–1921) / Речь, произнесенная на торжественном заседании 25-летнего юбилея ветеринарно-биологической лаборатории и 40-летия научной и общественной деятельности Н. Д. Диковского // Вестник губернского отдела здравоохранения. 1921. № 4–5. С. 2–9.
6. Диковский Н.Д. Отчет о деятельности ветеринарной бактериологической лаборатории Курского губернского земства за 1914 год. Курск: Тип. Губернского земства, 1915. 29 с.
7. Ефременко А. И. Некролог Н. Д. Диковского // Ветеринарный труженик. Омск. 1928. № 7–8.
8. Как это было. К 120-летию Российской агробиологической промышленности и курской биофабрики: факты, события, воспоминания: учеб. пособие. Курск: Изд-во КГСХА, 2016. 744 с.
9. Курская биофабрика. 100 лет (1896–1996) / В. М. Безгин, В. И. Гольцов, Б. Е. Григорьев и др. Курск: УИПП «Курск», 1996. 608 с.
10. Курская правда. 1921. 6 апреля.
11. Отчет Курского отдела Российского общества покровительства животным за 1907 и 1908 гг. / сост. вице-председатель Курского отдела Н. Д. Диковский. Курск: Тип. Курского губ. земства, 1909. 30 с.
12. Отчет по устройству Всероссийской гигиенической выставки в Петрограде в 1913 году. Петроград, 1915. [1], IV, 248, 254 с.
13. Пересекая рубежи веков. 1896–2016. 120 лет Курской биофабрике. Буклет // Музей Курской биофабрики.
14. Соколов Н. Бактериолог Н. Д. Диковский (некролог) // Вестник современной ветеринарии. 1928. № 5.
15. Хроника // Архив ветеринарных наук. 1896. Отдел IV.

**Человек-самолет, человек-пароход и человек-аэропорт:
Ф. К. Салманов, В. И. Муравленко и Ю. Г. Эрвье
в роли мест памяти нефтяной целины**

В 1960-х гг. началось освоение нефтяной целины, расположенной на севере Западной Сибири. Сегодня большая нефть и ее первопроходцы являются местом памяти региона. Среди фигур первооткрывателей нефтяной целины выделяются несколько человек – Ф. К. Салманов, В. И. Муравленко и Ю. Г. Эрвье. В честь них не только называли и называют нефтяные и газовые месторождения, устанавливают памятники и мемориальные таблички, дают их имена самолетам, кораблям и улицам и даже городам. Эти люди стали важными символами памяти для пространства нефтяной целины, но путь к этому был разным.

In the 1960s the development of virgin oil lands located in northern Siberia began. Today, Big Oil and its pioneers represent the region's memory. Among the pioneers of virgin oil, several people stand out – F. K. Salmanov, V. I. Muravlenko and Yu. G. Hervieu. Oil and gas fields are not only named after them, monuments and plaques are erected, planes, ships, streets and even cities are named after them. These people began to demand space in memory for oil target spaces, but the path to this was different.

Ключевые слова: нефть, нефтяная целина, Салманов, Муравленко, Эрвье, память.

Key words: oil, virgin oil, Salmanov, Muravlenko, Hervieu, memory.

Север Западной Сибири начал осваиваться в XVI в., при этом, следует отметить, что актуализированным прошлым для региона стал не Ермак Тимофеевич и его казаки, а геологи, нефтяники и газовики, укротившие природу и отвоевавшие у нее полезные ресурсы. Первопроходцы нефтяной целины сохраняют доминирующее место в исторической памяти региона, поддерживая память об освоении пространства и самой успешной социалистической стройке [15].

В данной статье мы обращаемся к проблеме мест памяти нефтяной целины. Следует отметить, что в контексте всемирного торжества памяти, становится все более актуальным изучение того, как происходит изменение отношения к прошлому.

В качестве главных героев выступают Ф. К. Салманов, В. И. Муравленко и Ю. Г. Эрвье. Следует отметить, что список имен тех, кого можно перечислить к местам памяти нефтяной целины, шире. Но именно эти имена первопроходцев в 2018 г. были названы во время конкурса «Великие имена России», поэтому выбор героев обусловлен актуальностью памяти о них и их работе.

В 2018 г. в рамках конкурса «Великие имена России», целью которого было присвоение имен выдающихся соотечественников российским аэропортам [5], имена Салманова, Муравленко и Эрвье прозвучали в качестве претендентов на название воздушных гаваней Сургута, Нижневартовска и Тюмени. В первом туре имя Салманова попало в первичные списки Сургута и Нижневартовска, а Муравленко оказался в списке Нижневартовска и Тюмени. Также тюменскому

аэропорту было предложено имя Эрвье. В ходе голосования имя Салманова победило как в Сургуте, так и в Нижневартовске, и было решено присвоить победу сургутскому международному аэропорту. Для второго тура для нижневартовского аэропорта в список было добавлено имя В. И. Муравленко. По результатам голосования Нижневартовскому аэропорту было присвоено имя Муравленко [14]. Заметим, что Муравленко вошел в тройку лидеров в голосовании за новое имя тюменского аэропорта, но проиграл Д. И. Менделееву и П. П. Ершову. Хотя имя Эрвье было вынесено на голосование в первый тур, но дальше не прошло.

Кто же эти люди, в честь которых названы международные аэропорты на севере Западной Сибири? Их всех объединяет нефтяная целина, над освоением которой они активно трудились. Салманова и Эрвье чаще всего называют первопроходцами нефтяной целины, В.И. Муравленко же в свою очередь стал одним из организаторов советской нефтяной промышленности и руководителем крупнейшего в нефтяной промышленности СССР предприятия «Главтюмень-нефтегаз» [3; 12].

Рассматривая коммеморации, связанные с данными именами, наиболее «раскрученным» следует считать Фармана Курбан оглы (или Фармана Курбановича) Салманова. Талантливый геолог и организатор руководил разведкой и организацией добычи нефти в регионе в качестве начальника сургутской нефтеразведочной экспедиции. В 1961 г. под его руководством в Мегионе было открыто одно из крупнейших месторождений. За время своей работы он был участником открытия более 130 нефтяных месторождений. В период с 1987 по 1991 гг. он был начальником «Главтюменьгеологии», первым заместителем министра геологии СССР. Салманов выступал в качестве народного депутата РСФСР от Азербайджана. Скончался Фарман Курбанович в 2007 г. в Москве [6].

Оформление образа Салманова – первопроходца нефтяной целины – началось еще при жизни геолога. В 1972 г. Высоцкий написал песню «Тюменская нефть», герой которой – геолог, преодолевающий скепсис начальства и коллег в поиске нефти. Прототипом для Высоцкого по разным версиям выступил или Салманов, или Эрвье [4, с. 162]. Салманов в своих воспоминаниях описал встречу с Высоцким, на которой и была впервые исполнена песня [4].

За этим последовала «Сибириада» А. Кончаловского, которая первоначально должна была быть фильмом о нефтяниках. В ходе подготовки сценария Кончаловский познакомился с биографиями первооткрывателей тюменской нефти Ровниным, Эрвье и Салмановым. И именно фигура последнего была использована в фильме [2]. Чуть позже, в 1978 г., вышел телефильм «Стратегия риска» А. Прошкина о нефтянике-новаторе Фариде Керимовиче Аскерове, чьим прототипом был Ф. Салманов.

Следует отметить, что Салманов принял активное участие в создании мифа вокруг себя [10], публикуя воспоминания «Сибирь – судьба моя» (1988) [7], «Жизнь как открытие» (2003) [6] и «Я – политик: раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны» (2006) [8].

После кончины Салманова в 2007 г. начался новый виток коммеморации. Отметим, что большая часть мероприятий была приурочена к юбилеям. Так, в 2007 г. в Сургуте был открыт музей «Дом Ф. Салманова». В 2009 г. на его территории были установлены памятник, мемориальная доска и памятный знак в честь Салманова. Памятники Салманову установлены также в Салехарде (2009), Ханты-Мансийске (2010), Горноправдинске (2014). Также имя первопроходца увековечено в названиях улиц в Тюмени, Сургуте, Нижневартовске и Пыть-Яхе.

Компания «UTair» в 2008 г. присвоила имя Салманова своему самолету Ту-154М. С обновлением парка самолетов имя Салманова получил Boeing 737-800 [13]. Имя Салманова носит и Airbus A321 компании Аэрофлот [9]. В честь первопроходца был назван пассажирский теплоход, курсирующий с 2008 г. по Оби и Обской губе. Судно задействовано по линии Салехард – Аксарка – Салемал – Панаевск – Яр-Сале – Кутопьюган – Ныда.

Виктор Иванович Муравленко, имя которого получил аэропорт Нижневартовска, был руководителем «Главтюменьнефтегаз» и стоял у основания нефтяной и газовой промышленности СССР [1; 12]. И хотя биография Муравленко не вдохновила ни одного советского режиссёра на создание фильма о нем, зато в его честь назвали город в Тюменской области, где также ему установлен памятник, горный перевал через хребет Сурнта-Хаята, среднюю школу в поселке Парфеново в Тюменской области, а также улицы в Тюмени, Ноябрьске и Жигулевске. В Тюмени также установлено шесть мемориальных досок. Еще один памятник Муравленко установлен в станице Незамаевской.

Авиакомпания «UTair» в 2007 г. присвоила имя «Виктор Муравленко» своему самолету Ту-154М, а затем Boeing 737-800. Следует отметить, что «UTair» таким образом отдала дань памяти не столько организатору нефтяной промышленности, сколько руководителю предприятия, которое финансировало строительство первых взлетных полос в регионе и по сути создавало наземные объекты для обеспечения воздушного сообщения в регионе [13]. Имя Муравленко было дано и буровому судну.

Как мы видели в истории с оформлением образа Салманова в качестве первооткрывателя нефти на севере Западной Сибири, рядом с его именем всегда присутствует имя Рауля-Юрия Георгиевича Эрвье. Он был начальником Главного Тюменского производственного геологического управления («Главтюменьгеология»), под чьим руководством были организованы геолого-разведочные работы по поиску нефти [11].

Имя Эрвье увековечено очень слабо, по сравнению с Салмановым и Муравленко. В честь него названа улица в Тюмени и там же установлено несколько мемориальных досок. В 2006 г. в Тюмени был установлен памятник с надписью: «Эрвье Юрию Георгиевичу – благодарная Тюмень». Отметим, что у компании «UTair» нет самолета, носящего имя Эрвье, но есть такой у «Ямала» (Airbus A320-232).

Можно предположить, что доминирование Салманова в памяти об освоении нефтяной целины стало возможным, во-первых, из-за саморекламы Салманова, а во-вторых, благодаря особенностям политики памяти Сургута. Хотя город был основан еще в XVI в., но нефть сегодня является основой городской памяти. Салманов стал удобной фигурой для коммеморации. Более того, у него нет конкуренции в масштабах города. А так как Сургут, хоть это и не административная столица Югры, а фактически самый крупный город региона, то большинство прибывающих сталкиваются с коммеморацией о Салманове. Коммеморации об Эрвье оказались сосредоточены в Тюмени, городе, где нефть – это только один из сюжетов городской памяти. У Эрвье оказалось гораздо больше конкурентов, чем у Салманова.

Для севера Западной Сибири и пространства нефтяной целины важнейшими местами памяти стали первооткрыватели или первопроходцы Большой нефти. Эти люди были представителями разных профессий, но их объединяла работа по покорению природы и отвоеванию у нее ресурса – нефти.

Библиографический список

1. Грозова Н. В. Виктор Муравленко: запомните меня таким. М.: Олма-Пресс, 2002. 224 с.
2. Кончаловский А. Возвышающий обман. М.: Совершенно секретно, 1999.
3. Копылов В. Е. Окрик памяти (История Тюменского края глазами инженера). Кн. 2. Тюмень, 2001. С. 204–220.
4. Кулагин А.В. Песня Высоцкого «Тюменская нефть»: поэтика и контекст // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Филологические науки. 2018. № 7 (130). С. 161–166.
5. Общенациональный конкурс «Великие имена России». [Электронный ресурс]: <https://historyrussia.org/proekty/obshchenatsionalnyj-konkurs-velikie-imena-rossii.html>.
6. Салманов Ф.К. Жизнь как открытие. М.: РТК-Регион, 2003. 410 с.
7. Салманов Ф. Сибирь – судьба моя. М.: Советская Россия, 1988. 318 с.
8. Салманов Ф. Я – политик: раздумья одного из создателей топливно-энергетической мощи страны. М.: РТК-регион, 2006. 527 с.
9. Самолетный парк. [Электронный ресурс]. URL: https://www.aeroflot.ru/ru-ru/about/plane_park
10. Стафеев О. Н. Воспоминания Ф. К. Салманова как исторический источник развития нефтегазового комплекса Западной Сибири 1960-е – 1980-е гг. // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 294. С. 166–169.
11. Токарев В. Д., Лидов А. П. Эпоха Эрвье. М.: Сибургео, 2009. 366 с.
12. Трапезников А. А. Виктор Муравленко. М.: Молодая гвардия, 2007. 317 с.
13. УТное небо UTair // Официальный бортовой журнал авиакомпании «ЮТэйр», 2015. Апрель.
14. Указ Президента Российской Федерации от 31.05.2019 г. № 24 «О присвоении аэропортам имен лиц, имеющих особые заслуги перед Отечеством». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44289>
15. Varabanova K. Virgin Oil Lands Conquered? The Project of Historical Memory on the Territory of Yugra // Sibirica Vol. 22. No. 3, Winter 2023: 22–36.

Культ пригородов Петербурга в частной и творческой жизни Александра Николаевича Бенуа

В статье подчеркивается влияние окрестностей Петербурга на творчество известного художественного деятеля из династии Бенуа – Александра Николаевича. Для А. Н. Бенуа Петербург и его пригороды являлись не только родовым гнездом, но и источником вдохновения для творчества.

The article emphasizes the influence of the surrounding areas of St. Petersburg on the work of the famous artistic figure from the Benois dynasty, Alexander Nikolaevich. For A. N. Benois Petersburg and its suburbs were not only a family nest, but also a source of inspiration for creativity.

Ключевые слова: А. Н. Бенуа, Петербург, воспоминания, окрестности, культ.

Key words: A. N. Benois, St. Petersburg, memories, surroundings, cult.

Тема Петербурга и его окрестностей является ключевой для многих писателей, художников и архитекторов. Изучение города как органического целого дает опыт постижения историко-культурного организма в его видоизменениях [1, с. 41]. Город мы воспринимаем в связи с природой, которая накладывает свой отпечаток, город доступен нам не только в частях, фрагментах, как каждый исторический памятник, но во всей своей цельности; наконец, он не только прошлое, он живет с нами своей современной жизнью, будет жить и после нас, служа приютом, источником вдохновения во всех сферах деятельности наших потомков [1, с. 18].

Изучением Петербурга и его пригородов занимались как искусствоведы, так и историки города, в краеведческих исследованиях активно используют мемуары А. Н. Бенуа [8, с. 120]. В статье затронута тема влияния отдыха и познавательного туризма представителя культуры Серебряного века А. Н. Бенуа на создание увиденных в дворцовых пригородах произведений искусства – живописи и графики. В настоящее время интерес к семье не угасает и привлекает внимание не только специалистов, но и экскурсантов, посещающих Петергоф, так как там был открыт Музей семьи Бенуа [3, с. 49].

Многие вдохновлялись образом города, созданным в литературе А. С. Пушкиным, Н. В. Гоголем, Ф. М. Достоевским. В 1902 г. А. Н. Бенуа в своей статье «Живописный Петербург» призывал художников обратить внимание на этот «удивительный город, имеющий себе мало подобных по красоте» [6, с. 476].

Александр Николаевич Бенуа (1870–1960) – художник и писатель, один из важнейших творческих деятелей Серебряного века; живописец, график, сценограф, историк искусства, музейный работник, художественный критик и мемуарист. Он был выходцем из петербургской творческой интеллигенции, сыном и внуком известных архитекторов. Заполненный редкими книгами и известными картинами его отчий дом находился в историческом районе Петербурга, очень

ценимом истинными любителями искусства. Красоту парадного Петербурга Александр Бенуа впитывал в себя с самого детства [4, с. 217].

Ценность работ А. Н. Бенуа, посвященных Петербургу, заключается в том, что он первым обратил внимание на эстетическое совершенство архитектурных строений, подняв проблему соотношения старинной архитектуры и современной городской застройки [7, с. 96].

Петербург стал музой А. Н. Бенуа, город как нельзя лучше вписался в систему его мироощущений. Причиной этого была театральность и музыкальность, присущие Петербургу. Александр Бенуа считал насущной необходимостью для современного ему поколения петербуржцев осознать свою петербургскую идентичность путем осмысления того факта, что у Петербурга есть прошлое, и возникновения интереса к этому прошлому [5, с. 24].

Однако не только Петербург привлекал внимание художника, но и окрестности города. Еще с детства юный Александр был пленен такими местами, как Петергоф, Павловск, Царское Село, Ораниенбаум. Впечатления детства и юности повлияли и на художественное творчество.

К примеру, к Петергофу, как сам признавался художник, он питал наиболее нежное и глубокое чувство. С самого рождения Александра семья Бенуа часто проводила время на своей даче. По мере своего взросления Александр Николаевич подчеркивал, что Петергоф не переставал быть «родным» местом для всей семьи Бенуа: «В нем всегда проводили лето мои братья, в Петергофе начался мой "роман жизни", в Петергофе же жил не раз и я с собственной своей семьей. Но есть и вообще в Петергофе что-то настолько чарующее, милое, поэтичное и сладко меланхоличное, что почти все, кто знакомятся с ним, поддаются под его чары» [2, с. 23].

По мере увлечения живописью Александр Николаевич присматривался к архитектурным особенностям дворцов, парков, улочек: «Волновали меня два купольных здания, стоявшие на концах большого дворца, один одноглавый, носивший название "Корпус под гербом", другой, служивший церковью и сверкавший своими пятью куполами, роскошно убранными густо позолоченными орнаментами. Перед первым на разводной площадке я не раз видел смотры войск, и тогда казалось, что как-то особенно гордо парит в небе, расправляя и вздымая свои крылья, гигантский золотой геральдический орел, венчающий купол этого павильона» [2, с. 25].

Художник с особым трепетом вспоминал, как прогулки и новые места Петергофа открывали новые грани творческого вдохновения: «Постоянно возвращаясь к тем же местам в разные эпохи моей жизни, я часто находил то, что некогда мне представлялось грандиозным и роскошным, съезжившимся, измельчавшим и "обедневшим". Но и тогда душа всех этих мест заговаривала с моей душой – и не только потому это происходило, что вспоминались трогательные подробности, детские игры или первые вздыхания любви, а потому, что самому Петергофу действительно свойственна особенная и единственная пленительность. В самом петергофском воздухе есть нечто нежное и печальное, в этой атмосфере все кажется легким и ласковым» [2, с. 23].

Личные воспоминания и причастность членов семьи к этим местам были для художника особенно трепетными: «Многие члены семьи Бенуа родились в Петергофе, два моих дяди и три брата всегда в нем проводили свой летний отдых. Пожалуй, сам царь не обладал таким ощущением собственности в отношении Петергофа, каким обладал я. Для меня Петергоф был одним громадным поместьем, во всех своих частях абсолютно для меня доступным и близким». А отец художника архитектор Н. Л. Бенуа (1813–1898) являлся автором ряда архитектурных петергофских шедевров: «Как раз в Петергофе имеется ряд строений, созданных моим отцом, и эти постройки служат к немалому его украшению: грандиозные, имеющие вид целого города, придворные конюшни; два элегантных, связанных мостиком дворца для придворных дам, составляющие гармоничное и роскошное продолжение Большого петергофского дворца; наконец, – первое, что видишь, прибывая в Петергоф, – вокзал "Нового" Петергофа с его готическими залами и своей узорчатой башней. Факт, что все эти здания были произведениями папы, это способствовало тому, что я Петергоф мог считать своим родным местом» [2, с. 24].

В Ораниенбауме ни сам художник, ни члены его семьи не проживали, но это не препятствовало тому, что у Александра Николаевича сложилось к нему какое-то «родственное» чувство и что он оказывал на него большую притягательную силу [2, с. 25]. В дальнейшем первое же лето своей самостоятельной жизни художник с женой проводили под Ораниенбаумом, да и впоследствии два раза жили в этом чарующем месте. А в детстве художника привлекали специальные приманки в Ораниенбауме в виде разнообразных сладостей и дворца, который широкой дугой раскинулся на холме с двумя грузными павильонами на концах. Семья художника устраивала пикники, прогулки, сбор ягод и грибов.

С Царским Селом живописец познакомился гораздо позже, в возрасте 21 года, так как родственники семьи Бенуа проживали там, и приходилось делать частые визиты. И оно производило на Александра Николаевича совершенно фантастическое впечатление.

Павловск, по признанию художника, был наиболее любимым местом детства: «Благородные классические дворцы, киоски, надгробия, мавзолеи, храм Дружбы и храм Аполлона. В детстве же вся эта поэзия, типичная для позднего XVIII в., наводила на меня уныние... Однако несколько уголков пленили меня и тогда, а именно знаменитый Павильон роз и не менее знаменитая Сетка. В Павловске всюду живет настроение чего-то насторожившегося и замороженного. Это мрачное настроение, чему особенно способствует преобладание в парке черных и густых елей, царит в Павловске рядом с чем-то уютным и приветливым, и это соединение как-то по-особенному манит и пугает, куда бы ни направить свои шаги» [2, с. 27].

Воспоминания детства и юности проявились в художественном творчестве. Александр Николаевич – автор цикла композиций на исторические темы, пейзажей Петербурга и окрестностей. Среди них такие полотна, как «У Монплезира в Петергофе» (1900), «Петергоф. Фрейлинские дома» (1900), «Ораниенбаум. Кабинет в павильоне Каталая гора» (1900), «Вид Монплезира

и Екатерининского корпуса в Петергофе» (1896), «Петергоф. Купеческая лестница в Большом дворце» (1900), «Петергоф. Львиный каскад и колоннада» (1900).

Жизнь и творчество Александра Николаевича Бенуа были тесно связаны с Петербургом и его окрестностями. Вклад династии Бенуа для российской и петербургской культуры имеет огромную важность. Блестяще образованный, владевший несколькими европейскими языками, он выступил проводником новых подходов в культуре. Вся биография Бенуа – пример настоящего служения своему делу. Он известен не только как художник, но и как превосходный историк искусства, прекрасный книжный иллюстратор, выдающийся театральный декоратор и страстный любитель города на Неве.

Библиографический список

1. Анциферов Н. П. Душа Петербурга. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1922. 226 с.
2. Бенуа А. Н. Мои воспоминания. В пяти книгах. М.: Наука, 1980. 749 с.
3. Долгих Е. Феномен Бенуа // Мир музея. 1999. № 1/2. С. 47–51.
4. Коротя Е. В. Образ Петербурга в мемуарах Александра Бенуа и Мстислава Добужинского (сравнительный аспект) // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 4 (31). С. 217–220.
5. Коротя Е. В. Личность в культуре Серебряного века: Александр Бенуа.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2009. 28 с.
6. Манучарова Д. А. Ночные городские пейзажи в творчестве русских художников конца XIX – начала XX века. Иконографические заметки // Журнал об искусстве и истории искусства. 2023. № 4. С. 468–485.
7. Хазова Н. В. Санкт-Петербург как архитектурный ансамбль в статьях Александра Бенуа 1899–1902 гг. // Вестник славянских культур. 2013. № 3 (29). С. 93–96.
8. Хазова Н. В. Санкт-Петербург как город-театр в ретроспективных работах Александра Бенуа 1900-х годов // Собрание шедевров: наследие и современность. 2014. № 3. С. 116–121.

Е. В. Фальков, Р. А. Яковец

История церкви Алексея человека Божьего в начале XX в.

Данная статья раскрывает тему реализации мечты священника Алексея Колоколова по строительству церкви рядом с островом Милосердия в начале XX в. Рассматриваются проблемы, связанные с созданием храма, судьбой его священников и значением постройки в контексте истории острова Октября. Историю воплощения желания отца Алексея удалось реконструировать, прибегая к использованию документов федеральных и региональных архивов, воспоминаний очевидцев и публикаций в периодической печати. Проведённая работа позволила не только восстановить хронологию постройки и существования храма Алексея человека Божьего, но и узнать о настоятелях обители, проследить их вклад в сохранении церкви, оценить влияние событий, происходящих на острове Октября, и выявить основные проблемы в изучении судьбы этого храма.

This article reveals the topic of realizing the dream of priest Alexei Kolokolov to build a church near Mercy Island at the beginning of the 20th century. The text of the publication examines the problems associated with the creation of the temple, the fate of its priests and the significance of the building in the context of the history of the island of October. The story of Father Alexy's wish

was reconstructed using documents from federal and regional archives, eyewitness memoirs and publications in the periodical press. The work carried out made it possible not only to restore the chronology of the construction and existence of the temple of Alexy the man of God, but also to learn about the abbots of the monastery, trace their contribution to the preservation of the church, assess the impact of events taking place on October Island, and identify the main problems in studying the fate of this temple.

Ключевые слова: церковь, остров, священник, скит, XX век, Новолодожский уезд.

Key words: church, island, priest, hermitage, 20th century, Novoladozhsky district.

По прошествии времени народ порой забывает не только облик архитектурных творений, построенных их предками, но и места захоронения людей, вносивших вклад в создание этого памятника культуры. Подобное забытое место находится недалеко от трассы Новая Ладога – Кириши. В центре Сиглинского кладбища стоит деревянный крест, вокруг которого разбросаны кирпичи. Сейчас трудно представить, что в начале XX в. здесь находилась церковь преподобного Алексия человека Божьего. Ранее этот участок земли был приписан к церкви Успения Божьей Матери [13, л. 61], находившейся на Успенском острове (Новолодожский уезд), на котором, благодаря усилиям отца Алексия, появился целый ряд благотворительных учреждений. Именно с именем Алексея Колоколова связывают идею создания церкви Алексия человека Божьего.

Историография вопроса развития острова Октября и прилежащих к нему территорий берёт своё начало в 2000-е гг., когда выпускаются работы краеведческого характера о судьбе острова Милосердия. Среди них можно особо выделить труды В. С. Фонькина и Р. А. Левшина, Н. И. Власовой, В. В. Астафьева. Большинство авторов занимались вопросом дореволюционной истории острова. В этих исследованиях нет упоминания о церкви Алексия человека Божьего. Однако они есть в большом количестве исторических документов. Среди архивных источников особо выделяются клировые ведомости и отчёты о деятельности на острове, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве, Центральном государственном историческом архиве Санкт-Петербурга и Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга. Помимо них, в статье представлены материалы периодической печати и мемуаристика.

Родился Алексей Колоколов 20 февраля 1836 г. в деревне Прусынская Горка Новолодожского уезда в семье Петра Колоколова, настоятеля местной церкви [3, с. 55]. Будущий протоиерей окончил в 1857 г. Санкт-Петербургскую духовную семинарию и был направлен в родной уезд священником церкви в селе Хотово. Главным желанием отца Алексия было создание такого места, куда, как он говорил, «придёт и страждущий телом, и страждущий духом, и немущий, и обиженный судьбою, и старики, и дети, все жаждущие света для ума, тепла для сердца, помощи в бедствии, труда в безработице» [11, с. 27].

Таким местом оказался небольшой островок на Волхове при впадении в него речки Прусыня. В середине XIX в. необитаемый, покрытый лесом остров, площадью чуть больше четырёх гектаров, назывался Прусынским. Отец Алек-

сий смог выкупить островок у государства и приступить к осуществлению своего плана [3, с. 58].

На острове сначала построили дом, а в 1876 г. возвели каменную церковь Успения с приделом во имя Тихона Задонского. С той поры островок посреди реки Волхов стали называть Успенским. Вскоре при этом храме открылись богадельня, детский сиротский приют и церковно-приходская школа.

Одной из важных задумок Алексея Колоколова была постройка нового храма близ деревни Прусынская Горка. Протоиерей подал ходатайство о получении участка земли из Олешенской казённой лесной дачи под устройство церкви, кладбища и причтовых помещений [9]. Отец Алексей объяснил свою просьбу следующим образом: «...в соседних приходах все кладбища переполнены, предполагаем построение церкви весьма желательно в целях удовлетворения религиозных нужд крестьян ближайших деревень, далеко отстоящих от своих церквей» [8, с. 6]. Довольно скоро протоиерей получил ответ от обер-прокурора с удовлетворением просьбы, и уже 17 июля 1900 г., согласно докладу министра земледелия и государственных имуществ, был выделен участок площадью 4 дес. 810 кв. сажень (4,74 га). По неизвестным обстоятельствам воплощение мечты отца Алексея задержалось.

29 января 1902 г. волховского подвижника не стало в Петербурге. 31 января 1902 г. тело вернули на Успенский остров, в склеп под церковь [14, л. 369 об. – 370].

Через год после смерти отца Алексея на острове было создано Алексеевское общество милосердия. Ему были переданы в ведение больница, богадельня и приют [17]. Возведение нового храма Алексея человека Божьего, который стал последней мечтой Алексея Колоколова, было отложено, так как «на первых порах своего существования напрягать все усилия на поддержание основных почившим благотворительных и богоугодных учреждений общество не могло уделить ничего на постройку означенного храма из своих скромных, с великим трудом собираемых средств» [8, с. 6].

Только в 1911 г. Алексеевскому обществу удалось приступить к осуществлению мечты незабвенного отца Алексея. При финансовой поддержке потомственного почётного гражданина В. Г. Александрова и его брата Александра в память о протоиерее Колоколове и о бывшем члене Алексеевского общества, потомственном почётном гражданине Г. А. Александрове, стало возможным сооружение новой церкви. Церковь Алексея человека Божьего строилась по проекту А. Д. Донченко – русского архитектора, военного инженера, начальника Санкт-Петербургской 2-й инженерной дистанции и члена Алексеевского общества дел милосердия [6]. По смете строительства кладбищенского храма в Олешенской лесной даче, составленной Донченко, требовалось 20 тыс. р., в этом же году В. Г. Александров внес 14 тыс. р.

28 июля священниками Успенского острова отцом Петром (Расцветовым) и отцом Александром (Касаткиным) была совершена закладка храма во имя Алексея человека Божьего. Работы продолжались до наступления морозов. За

непродолжительный срок удалось довести каменную кладку до крыши, вырыть два колодца и выстроить деревянный дом сторожа на каменном фундаменте.

Наблюдение за постройкой нового храма осуществлял настоятель Успенской церкви отец Пётр (Расцветов). По плану сооружение церкви Алексея человека Божьего должно было продолжиться весной 1912 г.

В отчёте Алексеевского общества дел милосердия на Успенском острове за 1912 г. говорится о том, что строительство нового храма близилось к завершению [8, с. 6]. В этом же документе рассказывается о готовности церкви к освящению.

3 октября 1915 г. произошло освящение храма Алексея человека Божьего епископом Гдовским Вениамином. При этом историческом событии присутствовало духовенство Успенской церкви – отец Николай с диаконом отцом Павлом. В тот же день в открывшейся церкви в сан иерея рукоположили Чеснокова Петра Васильевича (1883–1963), первого священника храма. На эту должность его пригласила вице-представительница Алексеевского общества дел милосердия – М. В. Бельгард (1857–1941). В дневниках отца Петра сохранилось описание процесса освящения церкви [7, с. 154].

Сам священник не считал, что он служил в скиту, поскольку не проходил путь монаха, однако называл своё место пребывания «скитиком». Настоятель освящённой церкви жил на Успенском острове, периодически появляясь в «скитике», а иногда оставаясь жить там несколько месяцев. Помимо дома самого священника в скиту имела баня. 15 октября 1915 г. он получил антиминс (атрибут православного богослужения) на храм. По замечанию самого священника, самое большое количество молящихся за время его служения составляло до пятидесяти человек. К обязанностям Петра Васильевича также относилось преподавание катехизиса для сестёр милосердия на Успенском острове. О качестве обучения судить не приходится, поскольку сам иерей не знал этой богословской науки [7].

Существование кладбища до 1917 г. около церкви Алексея человека Божьего ставится под вопрос, так как упоминаний о нём не встречается в метрических книгах 1910-х гг. ближайших храмов (Введенской церкви в Хотове [16], церкви Успения Божьей Матери на острове Октября, Троицкой церкви в Помялове, церкви Иоанна Предтечи в Прусинской Горке [15]). Со слов старожилов известно, что «на Скиту» до Второй мировой войны хоронили своих умерших жители деревень Теробочево, Чажешно, Любыни и Болотово. Болотовских также хоронили на Помяловском кладбище, а после войны у теробочевских, чажешных и любыньских жителей появилось новое кладбище у дороги между Чажешном и Теробочевским железнодорожным переездом, где хоронят и сейчас. В своём дневнике Чесноков упоминал об интересной практике: «Она – первая усопшая – возлегла в нашем скиту!» Из этого замечания следует, что захоронение умерших в скиту всё-таки происходило до 1917 г.

Отец Пётр Чесноков служил в храме до 19 января 1919 года [1]. Затем его перевели в село Черенцово, в церковь Рождества Пресвятой Богородицы. К концу своей жизни отец Пётр принял монашество с именем Никита, став впо-

следствии архимандритом и старцем Свято-Успенского Псково-Печерского монастыря. Символично, что путь будущего монаха начинался именно в «ски-тике», где он, по своим же воспоминаниям, получил бесценный опыт служения Богу.

Из данных, представленных в документах, хранящихся в Центральном государственном архиве Санкт-Петербурга, становится ясным, что Новосёлковское поселение включало в себя не только церковь, но и дома прихожан. Из этих же документов выясняются имя и фамилия преемника Петра Чеснокова, священника – Александра Касаткина [12]. Фамилия Касаткина уже встречалась ранее, когда говорилось о закладке храма. В тех же документах приводились интересные факты. Одним из них была кража, совершённая в Новосёлковской Алексеевской церкви в 1925 году. Другим фактом стало примыкание Успенской-Новосёлковской Алексеевской церкви в местечке Новосёлок к раскольническому движению «Живая церковь» (обновленчеству). Помимо исследуемой церкви, к этому движению примыкали и следующие храмы: Староладожская Георгиевская, Креницкая Петропавловская церковь, Песоцкая Фёдоровская церковь. Остальные церкви, относившиеся к Тихоновскому течению, от ведения Уездного Церковного управления отошли.

О существовании церкви Алексея человека Божьего в 20–30-е гг. XX в. сказано в воспоминаниях Е. Ф. Снагиной, 1916 года рождения, уроженки деревни Болотово. О них в 2004 г. упоминает в своих записях краевед Павел Самокрасов [2]. Однако о дальнейшей судьбе храма информацию пока найти не удалось. В ходе исследования встречался лишь условный знак «церковь» на месте храма Алексея человека Божьего.

Последним священником, по данным Санкт-Петербургских епархиальных ведомостей, стал И. А. Лебедев. Он служил в Успенской церкви и храме Алексея человека Божьего до своего расстрела 4 октября 1937 года [10, с. 61].

В 1935 г. отца Алексея перезахоронили в склеп под церковью Святого Алексея человека Божьего в лесном скиту Сиглинка. Со временем информация о месте захоронения была потеряна. Вновь оно было обнаружено только 15 июня 2001 г. на месте расположения храма Алексея человека Божьего, и 6 ноября 2001 г. останки отца Алексея перезахоронили на Пруссыногорское сельское кладбище [5].

В ходе исследования истории церкви Алексея человека Божия были выявлены проблемные вопросы. Во-первых, в самом начале нашей работы над историей этой церкви стали заметны расхождения в названии места, где находился храм. В отчётах Алексеевского общества дел милосердия встречается упоминание об Олешенской лесной даче, а среди местных жителей – о Сиглинском погосте, Сиглинке и Ските. Разница в названиях одного и того же места объясняется его развитием с течением времени: до создания храма на этом месте находилась Олешенская дача, которая после строительства церкви уже стала называться Алексеевским скитом. Данную преемственность наименования подтверждает и тот факт, что сейчас территория заброшенного кладбища, некогда принадлежавшего церкви, обозначается на картах как урочище Сиглинка.

Во-вторых, как уже было сказано ранее, к началу Великой Отечественной войны упоминаний о храме в источниках не встречается, в связи с чем появляется проблема в определении года разрушения церкви Алексия человека Божьего.

Сейчас описываемое место в запустении. Кладбище и остатки церкви находятся на большом песчаном бугре, поросшем густым лесом. С западной стороны – крутой спуск, образовавшийся при рытье карьера. Церковь Алексия человека Божьего располагалась на том месте, где сейчас установлен деревянный крест. Кладбище включает в себя множество могил, за некоторыми из которых продолжают ухаживать, но большинство захоронений стали заброшенными и безымянными.

26 июля 2023 г. по инициативе Волховского районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры были установлены информационный стенд и поклонный крест на месте разрушенного храма Алексия человека Божьего [4]. Мероприятие стало очень важным шагом к увековечиванию памяти о храме в истории Волховского района.

Библиографический список

1. Архимандрит Никита (Чесноков). [Электронный ресурс]. URL: <https://ppmon.ru/omonastyre/paterik/arhimandrit-nikita-chesnokov/> (дата обращения: 10.12.2023).
2. Беседы со Е. Ф. Снагиной, 1916 г.р., уроженкой д. Болотово Волховского р-на, жительницей д. Бережки. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/topic-75646142_47587618.
3. Власова Н. И. Остров Октября – остров милосердия // История. События. Люди: материалы район. краев. конф., посвящ. истории Волхов. р-на. Волхов: Администрация Волховского муниципального р-на, 2011. С. 55–76.
4. Волховское отделение ВООПИК. [Электронный ресурс]. URL: https://vk.com/volhovvoorik?w=wall-43285704_104%2Fall (дата обращения: 10.12.2023).
5. Глезеров С. Е. Петербургские окрестности. Быт и нравы начала XX века. СПб.: Центрполиграф, 2013. 450 с.
6. Донченко Александр Дмитриевич. [Электронный ресурс]. URL: <http://персоналии-ленинградской-области.рф/ru/personalia/233> (дата обращения: 10.12.2023).
7. Малков П. Ю. «Укрепи меня Духом Твоим Святым...»: Жизнеописание, дневники, письма старца архимандрита Никиты (Чеснокова). М.: Вольный Странник, 2020. 608 с.
8. Отчёт Алексеевского общества дел милосердия на Успенском острове. СПб.: б.и., 1904-14. 24 с.
9. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 797. Оп. 70. Отд. II. Ст. 3. Д. 178.
10. Санкт-Петербургские епархиальные ведомости. СПб.: Петербургская митрополия, 2009. Вып. 39.
11. Фонькин В. С., Левшин Р. А. Остров Милосердия. СПб.: Алаборг, 2007. 70 с.
12. Центральный государственный архив Санкт-Петербурга (ЦГА СПб). Ф. Р-638. Оп. 21. Д. 3.
13. Центральный государственный исторический архив Санкт-Петербурга (далее – ЦГИА СПб). Ф. 19. Оп. 113. Д. 4352.
14. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 1290.
15. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3438.
16. ЦГИА СПб. Ф. 19. Оп. 127. Д. 3439.
17. ЦГИА СПб. Ф. 254. Оп. 1. Д. 17045.

Вечные социальные смыслы гражданской лирики Пушкина

В статье рассматривается проблема взаимоотношения поэта и толпы в качестве примера непреходящей актуальности гражданской лирики Пушкина. Выявляя неочевидные смыслы употребляемых поэтом понятий «народ», «толпа», «чернь», показывается полисемантическая и метафоричность пушкинского словоупотребления, требующие всестороннего анализа контекста произведения в каждом конкретном случае.

The problem of relations between the Poet and the Crowd is examined and appreciated here as a confirmation of present-day urgency of Pushkin civic lyrics. Revealing non-apparent senses in the concepts of “people”, “crowd”, “mob” (“rabble”), the author demonstrates polysemantical and metaphorical manner of Pushkin's word using, thus arguing the need of complex context investigation in every specific case.

Ключевые слова: Пушкин, социальные смыслы, гражданская лирика Пушкина, поэт и народ, поэт и толпа, поэт и чернь.

Key words: Pushkin, social senses, Pushkin civic lyrics, poet and people, poet and crowd, poet and mob (rabble).

Гений пишет о Вечности и для Вечности. Его прозрения адресованы всем грядущим поколениям, открытые им духовно-нравственные законы бытия актуальны во все времена. Более того, на новых витках истории эти законы раскрываются во всей своей полноте. Именно так происходит сегодня с пушкинским наследием, становящимся ключом к пониманию многих реалий XXI в. На Пушкина ссылаются, его призывают в свидетели и адвокаты [6]. Однако чем дальше отстоим мы от классического, идущего от Гоголя и Белинского пушкиноведения, тем, к сожалению, всё реальней становится опасность искажения пушкинских смыслов – как произвольного, в силу полисемантической и метафоричности пушкинского языка, так и целенаправленного, обусловленного литературной и политической конъюнктурой.

Примером может служить тема взаимоотношений художника-творца и народа, актуализированная в последнее время в связи с агрессивным антиэгалитаризмом творцов «нового мирового порядка». Ницшеанское оправдание безграничной власти «элиты» над незаслуживающей снисхождения «массой» сегодня вновь принимает форму фашизации – от идей трансгуманизма и обоснования необходимости сокращения «ненужного» населения Земли до стремительно расширяющихся национально-государственных «ловушек бедности» и тотального социального контроля.

В российском литературном процессе эта нардофобия проявилась в форме нескрываемого презрения некоторых новоявленных авторов и ангажированных критиков к массовому читателю [2]. При этом оправданием снобизма самопровозглашённой «культурной элиты» зачастую служит известное стихотворение Пушкина «Поэт и толпа».

На первый взгляд, стихотворение действительно не оставляет сомнений в авторской «народофобии». Это, казалось бы, подтверждает уже сам «антиэгалитарный» эпиграф – восклицание жреца из «Энеиды» Вергилия: «*Procul este, profani*» («Отойдите, непосвящённые») [5, с. 85]. Лексика текста соответствует эпиграфу: «бессмысленный народ», «чернь тупая», «червь земли», «безумные рабы», «неспособные по достоинству оценить «кумир Бельведерский» (статую Аполлона работы древнегреческого скульптора Леохара). Эти люди противны душе поэта: «Подите прочь!» – с нескрываемым отвращением бросает он им.

Однако у любого человека, знакомого с творчеством Пушкина, буквальное прочтение текста не может не вызвать недоумение. Ведь поэт никогда не презирал свой народ, не превозносил себя над ним. Напротив, он мечтал стать «любезным» ему и потому служил, пробуждая лирой «чувства добрые». Невозможно представить, чтобы Пушкин принялся клеймить позором неграмотных крестьян за их непонимание высокой культуры. И трудно не согласиться с Блоком, считавшим, что «нужно быть тупым или злым человеком, чтобы думать, что под чернью Пушкин мог разуметь простой народ» [1, с. 416].

В самом деле, мог ли этот народ, удивлявший поэта своей мудростью и талантами, быть назван «бессмысленным»? Мог ли он быть «хладным» и «надменным»? Мог ли, не ведая о существовании «кумира Бельведерского», ценить его «на вес»? Да и зачем простым труженикам, в поте лица добывающим хлеб свой, окружать праздной толпой «бряцающего на лире» поэта? Праздность (как и «хладность», и «надменность») была присуща лишь представителям «света». Но почему тогда этот праздный люд именуется «подёнщиком», «рабом нужды, забот»? Какая «нужда», какие «заботы» могли «поработить» порхающего по жизни Евгения Онегина?..

К тому же Пушкина никогда не волновало мнение толпы, о чём свидетельствует сонет «Поэту», написанный почти одновременно с «Поэтом и толпой». *«Ты сам свой высший суд, / Всех строже оценить умеешь ты свой труд. / Ты им доволен ли, взыскательный художник? / Доволен? Так пускай толпа его бранит / И плюет на алтарь, где твой огонь горит, / И в детской резвости колеблет твой треножник»* [4]. Пушкин полагал, что этот огонь неугасим, а пафосное обличение «профанов» – удел тщеславных Сальери [6].

Однако столь же очевидно, что в двух вышеуказанных произведениях речь идёт о разной толпе. «Резвость» глупого ребёнка вряд ли способна вызвать столь гневные, эмоциональные обличения, какие звучат в «Поэте и толпе», – для этого нужна более серьёзная причина. Её можно обнаружить, если обратить внимание на циничную, с явным вызовом брошенную в лицо поэту самохарактеристику окружившей его публики: *«Мы малодушны, мы коварны, / Бесстыдны, злы, неблагодарны; / Мы сердцем хладные скопцы, клеветники, рабы, глупцы; / Гнездятся клубом в нас пороки»* [5, с. 86]. Это не самообличение – это самооправдание («не мы такие – жизнь такая»), это самодовольная демонстрация своей власти, безнаказанности, пресыщенности, презрения к тем, кто не принадлежит к данному могущественному кругу («в отличие от всех вас, мы можем позволить себе быть самими собой и не скрывать этого»). Эти «хозяева жизни» могут разрешить поэту давать им «смелые уроки» («... *А мы послушаем*

тебя»), но лишь при условии совпадения его «песни» с их групповыми интересами, некой корпоративной «повесткой» (иначе «какая польза нам от ней?»).

Перед нами знакомое поведение современных буржуазных «элит» с их презрением к социально униженному народу, ненавистью к творцам и созидателям, не желающим забывать о своём предназначении («мы рождены для вдохновенья, для звуков сладких и молитв»), с их эстетической и душевной тупостью. «... Дельцы и пошляки, духовная глубина которых безнадежно и прочно заслонена “заботами суетного света”», – так идентифицировал пушкинскую «чернь» Александр Блок [1, с. 417]. Это не рядовые обыватели, погружённые в каждодневные труды и простодушно потребляющие эрзацы массовой культуры. Это именно дельцы – стяжатели, торговцы, толстосумы, знающие цену всего (в том числе и «кумира Бельведерского»), стремящиеся купить всё, что возможно, и прежде всего – власть. К тому времени (статья Блока написана в 1921 г.) буржуазно-стяжательский «дух капитализма» стал темой фундаментальных трудов М. Вебера, В. Зомбарта, К. Леонтьева, а «люди пользы» – хрестоматийными литературными героями. Но нужно обладать пушкинским гением, чтобы разглядеть среди «рабов нужды» (рабов своих потребительских страстей, жадности, корысти, рабов собственной власти) среди тогдашней придворной знати, чтобы заметить начало процесса вытеснения родового, заслуженного дворянства «аристократией богатств» (Пушкин), чтобы уловить в воздухе «золотого века русской культуры» микробы будущего культурного политиканства.

Гнев Поэта, обрушиваемый на ненавистную Чернь, обусловлен провидческим даром автора, позволившим ему осознать опасность этого явления для культуры как таковой. В отличие от «прекрасных» вольных союзов, основанных на общем служении идеалам Гармонии, Правды, Созидания, «людей пользы» объединяет взаимовыгодный интерес. Любой обладатель независимого творческого нрава и внутренней свободы представляет потенциальную угрозу их власти и поэтому вызывает беспокойство: «Зачем так звучно он поёт? Напрасно ухо поражая, к какой он цели нас ведёт? / О чём бренчит? Чему нас учит? / Зачем сердца волнует, мучит, / Как своенравный чародей? / Как ветер песнь его свободна, / Зато как ветер и бесплодна: / Какая польза нам от ней?» [5, с. 85] («Что пользы, если Моцарт будет жив?..» – невольно вспоминается тут) [6, с. 310]. «Избранника небес» необходимо заставить служить корпоративным интересам власть имущей Черни, прикрываемым рассуждениями об «общественном благе». В случае неподчинения она может пустить в ход «бичи, темницы, топоры» – в соответствии с аргументацией Сальери: «... Я избран, чтоб его / Остановить – не то мы все погибли, / Мы все... » [6, с. 310].

По сути дела, Пушкин предвидел ситуацию, когда искусство превращается в товар, творец – в полноправного субъекта рыночных отношений, а делец – в ценителя прекрасного. Подчинив себе Поэта, всевластная Чернь навязывает публике свои вкусы, определяя тем самым дальнейшее развитие культуры. Ориентированная на социальный заказ «хозяев дискурса» («свой дар, божественный посланник, во благо нам употребляй»), культура отказывается от высших ценностей (достижения внутреннего совершенства, гармонии с окру-

жающим миром, Богом, творческого преобразования действительности) и приобретает «прикладной» характер, погружаясь в развлекательность и политиканство.

Именно против такой перспективы и восстаёт Пушкин, бросая дерзкий вызов кичливым носителям «новых ценностей» и тем самым вызывая на себя их злобный, мстительный «огонь». Вечный, неизбежный, объективно обусловленный характер противостояния служителей Гармонии и Хаоса аргументировал Блок. «Принятые в душу и приведённые в гармонию звуки надлежит внести в мир, – пишет он в цитируемой статье. – Здесь происходит знаменитое столкновение поэта с чернью. < ... > Чернь требует от поэта служения тому же, чему служит она: служения внешнему миру; она требует от него «пользы»... < ... > Со своей точки зрения, чернь в своих требованиях права. < ... > *Испытание сердец гармонией не есть занятие спокойное и обеспечивающее ровное и желательное для черни течение событий внешнего мира*» (курсив мой. – С. Г.) [1, с. 416, 417].

Трагическая гибель Пушкина от рук мстительной черни подтвердила правоту Блока, но вечная всенародная слава русского поэтического гения убеждает нас в ущербности «духовного сальеризма» и неизбежности торжества Поэта над Толпой.

Библиографический список

1. Блок А. О назначении поэта // Собр. соч.: в 6 т. Т. 4. Л.: Худ. лит., 1982. С. 413–420.
2. Поляков Ю. Новое платье отечественной литературы // Проклятые критики. Новый взгляд на современную отечественную словесность. М.: Прометей, 2021. С. 12–18.
3. Пушкин А. С. Поэт // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. III. Л.: Наука, 1977. С. 23.
4. Пушкин А. С. Поэту // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. III. Л.: Наука, 1977. С. 165.
5. Пушкин А. С. Поэт и толпа // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. III. Л.: Наука, 1977. С. 85–86.
6. Пушкин А. С. Моцарт и Сальери // Полн. собр. соч.: в 10 т. Т. V. Л.: Наука, 1977. С. 306–315.
7. Rouchkine “notre tout”, mais pour qui? Интервью с французским славистом, почётным профессором Женевского университета Жоржем Нива (Georges Nivat). URL: <https://nashgazeta.ch/news/culture/pushkin-nashe-vsyo-no-dlya-kogo> (дата обращения: 10.12.2023).

А. В. Трунцева

Семиотический модус балета в химкинском тексте провинциальной культуры

В статье анализируется влияние символа балета на компоненты семиотической системы провинциального текста культуры. Особое внимание уделяется биографическим, мемориальным знакам, связанным с балетом.

The article analyzes the influence of the ballet symbol on the components of the semiotic system of the provincial cultural text. Special attention is paid to biographical, memorial signs related to ballet.

Ключевые слова: балет, провинциальный текст культуры, семиотика, символ, знак.

Key words: ballet, provincial cultural text, semiotics, symbol, sign.

В современной гуманитаристике всё больше внимания уделяется провинциальному тексту культуры. Именно этот текст характеризует стабильность внутри большой семиотической системы. Чаще всего балету отводится роль отсутствующего знака, поскольку он ассоциативно связан с московским и петербургским текстами культуры. Однако балет как символ обладает текстообразующей функцией, может свободно проникать в разные семиотические системы. В качестве модельного текста для семиотического анализа выбран химкинский текст провинциальной культуры.

Рабочая формулировка провинциального текста культуры – совокупность сообщений в виде последовательности знаков, обладающих смысловой цельностью. В структуре провинциального текста культуры отражается универсальная бинарная оппозиция «центр-границы». Прямой порядок кода прочтения – тот, в котором текст воспроизводит историю провинциального города, населённого пункта. Обратный порядок кода прочтения – тот, в котором движение происходит от готового текста к его замыслу. Таким образом, обратный порядок кода прочтения провинциального текста культуры есть его повторение в иной последовательности. Конечным итогом является интерпретация этого текста, свободная от негативных коннотаций. Балет представляет в нём текст меньшего объёма или текстовые вставки.

Провинциальный текст культуры имеет знаки-маркёры, которые хорошо известны: размеренный образ жизни, настороженное отношение к новому. Эти знаки характеризуют людей, живущих в провинции, т. е. их истории жизни, биографии участвуют в сборке провинциального текста культуры. Присутствие символа балета повышает статус провинциального текста культуры, на этом основан культ знаменитых земляков.

Знак 1. Царь Алексей Михайлович разрывался между старыми и новыми увлечениями. Он любил соколиную охоту, приезжал в Соколово (Новогорск). Другое увлечение – танцевальные сценки. В 1675 г. он присутствовал на балете об Орфее [8, с. 7; 5, с. 70].

Знак 2. Село Хлебников в XVIII в. принадлежало графу П. Б. Шереметьеву, а затем его сыну Н. П. Шереметьеву [5, с. 84]. Граф обучался танцу, принимал участие в любительских балетных спектаклях. В 14 лет исполнил партию Гименея в балете «Ацис и Галатея». В конце XVIII в. крепостная балетная труппа Шереметьева насчитывала 40 танцовщиков и танцовщиц [8, с. 513].

Знак 3. Имя А.С. Пушкина и балет неразрывно связаны и достаточно исследованы. Первый балет по произведению Пушкина «Руслан и Людмила» А. П. Глушковский поставил ещё в 1821 г. Известны отклики поэта на творчество балерин А. И. Истоминой, А. А. Лихутиной, Е. И. Колосовой [2, с. 420]. В мае 1836 г. Пушкин посетил село Соколово на реке Сходня (ныне Новогорск) недалеко от станции Химки. Более 20 раз он останавливался в селе Чёрная Грязь на пути в Москву из Петербурга и обратно [5, с. 64–65]. Многие произведения Пушкина отразили его дорожные впечатления. По повести «Станционный смотритель» был поставлен балет.

Знак 4. На сюжеты и произведения М. Ю. Лермонтова созданы балеты: «Бэла», «Маскарад», «Демон», «Мцыри», «Герой нашего времени» и др. [2, с. 313]. Летом 1829–1832 гг. Лермонтов жил с бабушкой Е. А. Арсеньевой в селе Средниково. Здесь были созданы многие его юношеские произведения [5, с. 45–46]. В Средниково сохранился дом с четырьмя флигелями в стиле классицизма. Имеется пейзажный парк с прудами и мостами. Именно в Средниково поэт написал знаменитое стихотворение «Предсказание». Во многих поэтических зарисовках Лермонтова встречается описание Химкинского края: «Русалка» – река Горетовка, «Завещание» – уголок Средниковского парка. Ныне усадьба восстановлена потомками из рода Лермонтовых.

Знак 5. В 1842 г. Н. В. Гоголь сделал остановку на первой почтовой станции вблизи Химок, находящейся возле Петербургского тракта [1, с. 69, 76; 3, с. 334–335]. Его провожали знакомые актёры [5, с. 17]. Гоголь увлекался не только драматическим, но и балетным театром, которому посвятил заметки в статье «Петербургские записки» (1836), в варианте статьи «Петербургская сцена» и другие работы. По сюжетам произведений Гоголя поставлено несколько балетов [2, с. 150].

Знак 6. Статьи на темы эстетического воспитания, балета, рецензии на спектакли публиковались в журналах «Современник», «Отечественные записки». Издатели, редактора журналов неоднократно посещали Химки. В. Г. Белинский жил летом 1839 года в селе Петровское-Лобаново, ныне город Химки. В Химках бывали Н. А. Некрасов, А. И. Герцен [5, с. 6, 15; 4, с. 498–499].

Знак 7. Живописные окрестности Химок привлекали М. И. Глинку [5, с. 75]. Местные пейзажи отражались в мелодике его произведений. Танец у Глинки впервые стал одним из средств создания образа героя, хотя композитор не сочинил ни одного балета. В «Вальсе-симфонии» Глинка явился предтечей балетной реформы П. И. Чайковского [2, с. 148].

Знак 8. Е. И. Андреевна исполнила славянскую пляску в опере «Аскольдова могила» по известному роману М. Н. Загоскина. Оперу написал А. Н. Верстовский, более 10 лет проживший в усадьбе Киреево, на территории современных Химок [5, с. 12]. В настоящее время там открыта школа искусств, названная в честь композитора-земляка.

Знак 9. Комбинация знаков по истории и краеведению Химок своим содержанием открывает новые страницы истории отечественного балета. С. Т. Аксаков любил живописные окрестности Химок на границе с Москвой. В окружающей природе, народном быте он искал основы пластических образов в балете. Именно в этот период Аксаков открывает драматические способности балерины Т.С. Лопухиной. Обращает внимание на поэтическую выразительность танца балерины Т.С. Карпаковой [5, с. 3; 8, с. 213, 270].

Знак 10. История семьи фон Мекк связана с творчеством П. И. Чайковского. Н.Ф. фон Мекк 14 лет вела переписку с композитором, помогала ему материально, вдохновляла на написание музыки к балетам. Именно ей Чайковский посвятил 4-ю симфонию. Сын Надежды Филаретовны и его семья некоторое время проживали на Сходне [5, с. 48].

Знак 11. В деревня Чёрная Грязь в 1830 г. квартировался отряд Д. В. Давыдова, героя войны 1812 г. Он был известным балетоманом. Балерине Т. Ивановой поэт посвятил пять элегий [5, с. 20].

Знак 12. На территории Химок находилась деревня Лигачёво, а рядом с ней имение действительного статского советника В.А. Всеволожского. Один из представителей этой фамилии И. А. Всеволожский был директором императорских театров. По его инициативе П. И. Чайковскому была заказана музыка к балету «Спящая красавица». Либретто Всеволожский написал вместе с М. Петипа [5, с. 46; 8, с. 117].

Знак 13. Среди первых семиотиков России был В. С. Соловьёв – выдающийся российский философ. Он снимал дачу на Сходне, постоянного жилья в столице не имел. Философ интересовался танцем в мистическом смысле. Он хорошо знал Библию, где описывается танец Давида.

Знак 14. Портрет известной балерины Иды Рубинштейн писал В. А. Серов [8, с. 389]. Сам художник неоднократно бывал в окрестностях Химок, делал зарисовки [5, с. 70].

Знак 15. К. С. Станиславский проявлял живой интерес к концертам А. Дункан в России. Он выступал за использование методов свободного танца в балете и театральном искусстве. Он не прерывал работу над этой темой и в Химках, где снимал дачу.

Знак 16. В Химках находилась дача писателя А. И. Куприна. По его произведению был поставлен балет «Подпоручик Ромашов» в 1985 г. Б. Я. Эйфманом.

Знак 17. Художник К. А. Горбунов, начиная с 1908 г., писал несколько картин по мотивам характерных танцев: «Пляска свах», «Девичник» [5, с. 31].

Знак 18. Г. Г. Шпет (1879–1937) стажировался в Гёттингенском университете у Э. Гуссерля. Одним из первых употребил термин «семиотика» в 1916 г. [7, с. 204–206]. Летом семья Шпетов снимала дачу в Химках в Хлебниково [6, с. 14]. Внучка Шпета Е. С. Максимова танцевала в Большом театре в период с 1958 по 1988 гг. Ученица Е. П. Гердт, идеально сложенная балерина обладала лёгким прыжком, стремительным вращением. Она отличалась, особенным, «максимовским» стилем исполнения. Балерина умела полностью раствориться в лирическом адажио. В дуэтном танце она сохраняла своё неповторимое «Я». Максимовой были подвластны и драматические роли. Именно такой она предстала в партии Татьяны («Онегин», 1989 г. Дж. Крэнко). Специально для Максимовой создавались сольные хореографические миниатюры [8, с. 280–282]. В балетном искусстве танцовщица воплощала вечные человеческие идеалы: любовь, верность, стойкость. Языку классического танца она придавала праздничность.

Знак 19. В 1936 г. Московский библиотечный институт им. В. М. Молотова был переведён в район Левого Заречья (ныне микрорайон Левобережный). В годы Второй мировой войны здесь размещался госпиталь [5, с. 51–52]. В послевоенные годы во МГИК`е была создана кафедра классического танца. Начала осуществляться подготовка специалистов в области педагогики балета. Большую роль в этом процессе играла и продолжает играть Е. Л. Рябинкина (р. 1941) – представительница московской школы классического танца, педагог

В. П. Васильева. С 1959 по 1981 г. она танцевала в Большом театре, стала первой исполнительницей партии Ванины Ванини (1962). Другие партии: Одетта, Раймонда, Зарема, Игина, Бетси. Она написала книгу «Глазами современной балерины» [8, с. 397].

Знак 20. На территории Химкинского округа находится Московский Губернский колледж искусств, в котором готовят педагогов-хореографов для системы дополнительного образования. В 1980-е гг. классический танец в училище (старое название) преподавал Ю. Н. Гербер – бывший артист Большого театра, представитель московской школы, в театре исполнял, в основном, характерные партии. Обрусевшие немцы Герберы известны в истории балета с XIX в.

Знак 21. В 70-х гг. прошлого века в Химках появилась детская хореографическая студия. Многие годы её возглавляла заслуженный работник культуры РФ Е. Гассиева [5, с. 67].

Знак 22. В районе Левобережный неоднократно проводил творческие встречи Н. М. Цискаридзе (р. 1973) – представитель московской школы, педагог П. А. Пестов. Артист делился своим видением романтических образов, приёмами пластической выразительности.

Балет в провинциальном тексте культуры носит характер текстового знака. Он играет решающую роль в понимании, истолковании текста. Такой знак самопонятен и семантически обоснован. Смысловая оппозиция «балет-Химки» определяет композицию собранного текста. Смысловые контрапункты выступают как выразители некоего общего смысла. Они свёртывают смысловое содержание, поскольку понимание всегда есть сокращение-редукция. Представленный набор знаков достаточен для сборки химкинского текста провинциальной культуры за период XIX–XX вв. Знаки, непосредственно связанные с балетом, образуют внутреннюю композицию текста. Другие знаки, имеющие опосредованное отношение к балету, демонстрируют взаимодействие разных семиотических систем. Собранный текст нетипичен, учитывая близость Химок к столице. Использование семиотической методологии позволяет по-новому взглянуть на историю Химкинского края, некогда дачного центра, а теперь культурного и инновационного центра Московской области.

Библиографический список

1. Аксаков С. Т. История моего знакомства с Гоголем: (описание проводов Гоголя) // Собрание сочинений: в 3 т. М.: Художественная литература, 1988. Т. 3. С. 69–76.
2. Балет: Энциклопедия / гл. ред. Ю. Н. Григорович. М.: Сов. энциклопедия, 1981. 623 с.
3. Верисаев В. В. Гоголь в жизни. М.: Московский рабочий, 1990. 840 с.
4. Герцен А. И. Былое и думы. М.: Детгиз., 1976. 575 с.
5. Край мой Химкинский: Краткий энциклопедический словарь / сост. О. Н. Васильева. М.: 2001. 93 с.
6. Максимова Е. С. Мадам «Нет». М.: Аст, 2020. 352 с.
7. Почепцев Г. Г. Русская семиотика. М.: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2001. 768 с.
8. Русский балет: Энциклопедия / ред. кол. Е. П. Белова, Д. Н. Добровольская, В. М. Красовская, Е. Я. Суриц, Н. Ю. Чернова. М.: Большая Российская энциклопедия; С согласия, 1997. 632 с.

Артист Иван Пустошкин-Борецкий

В статье рассказывается о театральной карьере и судьбе артиста российских Императорских театров Ивана Петровича Пустошкина-Борецкого. Материал основан на архивных источниках и воспоминаниях современников.

The article is about theatrical career and fate of the actor of Russian Imperial theaters Ivan Pustoshkin-Boretsky. The material is based on archival sources and memoirs of contemporaries.

Ключевые слова: дворянство, усадьба, Российская империя, Санкт-Петербургская губерния, Новолодожский уезд, русский театр, Борецкий, Пустошкин, русский актер.

Key words: nobility, manor, Russian Empire, St. Petersburg province, Novoladozhsky uyezd, Russian theater, Boretsky, Pustoshkin, Russian actor.

В ныне исчезнувшей д. Панихино на территории современного Киришского района Ленинградской области располагалось имение дворян Пустошкиных. В данной статье речь пойдет об одном из самых известных представителей этого древнего дворянского рода. Иван Петрович Пустошкин родился 5 февраля 1795 г. в д. Панихино Городищенской волости Новолодожского уезда Санкт-Петербургской губернии в семье помещика Петра Дмитриевича Пустошкина. Воспитывался Иван Петрович в Горном кадетском корпусе, куда был определен по протекции Александра Федосеевича Бестужева, имение которого также располагалось на территории Новолодожского уезда. Затем Иван Петрович служил прапорщиком Литовского полка, был уволен к статским делам. С 13 июня 1817 г. он служил в правлении Государственного заемного банка Правительствующего Сената, был произведён в 13-й класс. Некоторое время он являлся секретарем князя А. А. Шаховского, одной из влиятельных фигур в русском театре (тот был главой Императорских театров в 1802–1826 гг.). В 1818 г. под псевдонимом Борецкий Иван Петрович вошел в состав Императорской драматической труппы. С 1818 по 1841 г. он служил драматическим актером в Александринском театре и Большом театре Санкт-Петербурга. Когда Положением 1825 г. был установлен Комитет для «чтения и суждения» поступающих в Дирекцию Императорских театров пьес, Борецкий вошёл в него в качестве чтеца.

Михаил Александрович Бестужев так отзывался о нем в своих воспоминаниях: «Борецкий, как тебе известно, актёр по страсти. <...> Он новгородский дворянин и наш дальний родственник; человек простой, но безупречно честный. Любит он наше семейство более, нежели театр, для которого он променял будущность военного офицера на славу: со временем сделаться Яковлевым, — его идолом» [2, с. 129].

«...Прекраснейший человек был этот Борецкий, в прозаической оболочке вмещавший поэтическую душу. Он весь был соткан из доброты и простоты. Отец мой определил его в Горный корпус за несколько годов прежде определе-

ния брата Александра. Но его душа не симпатизировала с подземною мрачною жизнью рудокопа, – его увлекла сценическая слава знаменитых в то время жрецов Мельпомены: Дмитревского, Яковлева, Самойлова и других, и он предался этой богине душой и телом. Употребляя различные хитрости, он в классное время убегал без спроса в театр, пренебрегая опасностью быть выключенным из корпуса за подобные проделки, и, подкупив капельдинера райка, просиживал часто в темноте и голодал чуть ли не с полудня до времени начала представления, чтобы насладиться лицедейством своего кумира Яковлева. В двенадцатом году он воспользовался послаблением начальства, допускавшего молодых людей в ряды защитников отечества, перешел в военную службу, по окончании кампании вышел в отставку и, переименовав фамилию Пустошкина на кличку Борецкого, дебютировал на сцене довольно удачно в роли Эдипа Озерова и потом погряз в счастливой посредственности второстепенных актеров» [2, с. 134–135].

А. С. Пушкин так пишет о Пустошкине в «Моих замечаниях об русском театре»: «Любовь, иные думают, несчастная, к своему искусству увлекла его на трагическую сцену. Он не имеет величественной осанки Яковлева, ни даже довольно приятной фигуры Брянского, его напев ещё однообразнее и томительнее, вообще играет он хуже его. <...> Со всем тем я Борецкого предпочитаю Брянскому. Борецкий имеет чувство; мы слышали порывы души его в роли Эдипа и старого Горация. Надежда в нём не пропала. Искоренение всех привычек, совершенная перемена методы, новый образ выражаться могут сделать из Борецкого, одарённого средствами душевными и физическими, актера с великим достоинством» [4, с. 11].

И. П. Пустошкин-Борецкий играл «в комедиях, трагедиях и драмах роли благородных отцов, резонеров и другие роли приличные <...> средствам и способностям» [6, л. 4]. 25 января 1818 г. артист дебютировал в роли Эдипа в «Эдипе в Афинах». В репертуаре артиста было много ролей: Мардохей («Эсфирь»), Публий Гораций («Гораций») Здравомысл («Школа мужей»), философ Ксанф («Притчи, или Эзоп у Ксанфа»), злодей-оруженосец Конрад («Замок Нейгаузен»), министр Сюлли («Генрих IV»), пастор («Сын любви»), Паулет («Мария Стюарт»), Креон («Медея»), Бранбанцио («Отелло»), Бартоло («Свадьба Фигаро»), Минин («Рука Всевышнего Отечество спасла»), боярин («Димитрий Донской»), маркиз Поза («Дон Карлос, инфант испанский»), Митя («Юрий Милославский»), герцог Албанский («Король Лир»), шаман («Ермак») и др. [5]. Но современники отмечали, что ярче всего дарование его проявилось в роли Эдипа.

11 ноября 1825 г. Иван Петрович Пустошкин венчался с Александрой Федоровной Воробьевой, воспитанницей лужского помещика гвардии штабс-капитана Татищева, участника войны 1812 г., в церкви Святого Благоверного и Великого князя Александра Невского в Санкт-Петербурге [6, л. 167]. В этом браке у супругов родилось девять детей: сыновья Петр (род. 10 июня 1825 г.), Павел (род. 5 ноября 1826 г.), Андрей (род. 23 июня 1830 г.), Александр (род. 14 ноября 1831 г.), Василий (род. 1834 г.) и дочери Мария (род. 26 марта 1833 г.), Анна (род. 4 января 1834 г.), Любовь (род. 24 августа 1838 г.) и Евгения (род. 4 января 1841 г.) [6, л. 171].

Восстание 14 декабря 1825 г. не обошло стороной и И. П. Пустошкина-Борецкого. В воспоминаниях Михаила Бестужева приводится рассказ о том трагическом дне [2, с. 131–132]. После восстания, по всей видимости, Пустошкин укрывал Михаила Бестужева и даже снабдил его одеждой: «В доме актера И. П. Борецкого после восстания на Сенатской площади скрывался М. А. Бестужев, после его ареста Борецкий был задержан и допрошен В. В. Левашовым. 17 декабря Комитет на первом своем заседании рассматривал бумаги арестантов, в том числе и Борецкого, 23 декабря была зачитана запись допроса Левашова. Вскоре после этого Борецкий был по высочайшему повелению освобождён, а 1 января ему были возвращены изъятые бумаги» [7].

«Вся беззаботная, спокойная личность подсудимого, все ответы – дышали такой безмятежной невинностью, что его отпустили с миром домой, снабдив душеспасительным наставлением: прятать родственные чувства в карман, когда должно руководиться единственно чувствами верноподданности» [2, с. 144].

Со временем у актера стало проявляться душевное расстройство (одержимость белой горячкой или начало сумасшествия) [6, л. 75]. В октябре 1833 г. в ходатайстве инспектору российской труппы Александру Ивановичу Храповицкому Пустошкин писал: «Жизнь без здоровья – скучная жизнь. Служака без него – плохой служака. А потому и осмеливаюсь представить на суд Дирекции следующее: Болезненные припадки мои происходят от сильного расслабления нервов, которым (по словам доктора) не иначе может быть возвращена прежняя их упругость и сила, как совершенным спокойствием духа, возможно во всем умеренностью, моционом в летнее время на чистом воздухе и купанием. А потому я и решился всенижайше просить Дирекцию о милостивом назначении мне ежегодного увольнения с 1-го числа июля по 15-е августа, дабы я мог во время отпуска проводить с несомненною пользою для моего здоровья в поместье своем, отстоящем не очень далеко от Петербурга и расположенном на возвышенном и сухом месте. Мне кажется, что желание мое – позволительно, справедливо, законно, – и не представляет Дирекции больших затруднений, потому что в июльском репертуаре я никогда почти не бываю занят более как в пяти или шести спектаклях, а иногда даже и меньше сего, и удобно могу быть заменен, по причинам малого количества даваемых в сем месяце спектаклей. <...> Не мудрено даже, что отпуска сии, поддерживая упавшее мое здоровье, прибавят несколько годов самой жизни моей, в которой, может быть, дарования мои не будут излишними и для самой Дирекции и слишком нужны для устройства многочисленного моего семейства. В шестнадцать лет службы я не просил подобных отпусков и не прежде на сие решился, как совершенно почувствовав необходимость оных для восстановления своего здоровья» [6, л. 82–83].

Существуют свидетельства о том, что для поправки здоровья и по хозяйственным делам актер отправлялся в имение, например летом 1834, 1837 и 1838 г. Иван Петрович любил проводить время в имении. В архивных документах встречаются многочисленные упоминания об его отпусках (в январе 1826 г., ноябре-декабре 1827 г., феврале 1830 г., марте 1831 г., феврале-марте 1832 г.,

феврале-марте 1833 г., феврале-марте 1836 г., феврале-марте 1838 г., феврале 1839 г., феврале-марте 1840 г., в марте 1841 г. и др.) [6].

По прошествии 20 лет службы в Императорских театрах Пустошкину-Борецкому была назначена пенсия. В сентябре 1839 г. он обратился в Дирекцию Императорских театров с просьбой пояснить, оставят ли его на службе на том же жаловании. С актером был заключен контракт на три года с выплатой 28 р. 55 к. за каждое сданное представление и ежегодным бенефисом на собственных расходах [6, л. 82–83].

Со временем болезнь все чаще давала о себе знать, а артист становился все менее востребованным в театре. В начале 1841 г. он напишет прошение его превосходительству господину Директору Императорских Санкт-Петербургских театров: «Не по заслугам, а единственно по благосклонному и милостивому расположению Вашего Превосходительства, в прошедшем году законтракован я на службу Дирекции впредь на три года за почетную поспектакльную плату, до истечения срока контракта остается еще ровно два года; но ныне я чувствую решительный упадок сил своих и совершеннейшую расстроенность здоровья; нахожу себя для службы в Дирекции совершенно бесполезным и излишним, что ясно можно усмотреть из приложенного при сем годовичного моего репертуара, по которому нет почти ни одной роли из текущих пьес собственно мне принадлежащей, все они сдублированы или уже и вовсе от меня взяты; посему смею надеяться, что Ваше Превосходительство, продолжая свои ко мне милости, благосклонно примите мое покорнейшее прошение о нарушении со мной контракта и об увольнении меня вовсе со службы Дирекции, через что, по крайнему моему разумению, соблюдется обоюдная польза; дальнейшее же удержание меня на службе, без пользы для Дирекции, может расстроить мое хозяйство и причинить неисправимый вред моему здоровью» [6, л. 139]. В приложенном к прошению списке действительно значатся только четыре роли, которые числились за актером к тому времени: графа Валье в драме «Заколдованный дом», Яши в драме «Скопин-Шуйский», Мити в драме «Милославский» и Индрика в трагедии «Гризельда».

Прошение было удовлетворено. Через некоторое время в «покорнейшем» прошении вдовы умершего артиста Директору Императорских театров о получении пенсии мужа значится, что «что получив увольнение в начале 1841 года от службы Театральной Дирекции, неоднократно подвергался болезни, которая с течением времени превратилась в безумие» [6, л. 163].

7 августа 1842 г. главный доктор, действительный статский советник Витте направил от лица Конторы Главного придворного госпиталя в Контору Императорских театров прошение следующего содержания: «Актер Борецкий поступил в оный госпиталь 22 июля сего 1842 года, будучи одержим белою горячкою, от которой болезни и излечен; но вместо оной обнаружено было в нем умопомешательство с довольно сильным умножением беспокоительных припадков. А как в Главном Придворном госпитале для такого рода больных вовсе не имеется места, то и необходимо его отправить в существующую для оного загородную больницу Приказа Общественного Призрения. По сей причине

Контора Главного Придворного госпиталя покорнейше просит распорядиться присылкою завтрашнего числа в оный госпиталь кареты <...>, в которой Борецкий и будет немедленно отправлен в вышеупомянутую больницу» [6, л. 147].

Умер артист 15 декабря 1842 г. в возрасте 47 лет в больнице Всех скорбящих, куда поступил 23 августа 1842 г. Он был похоронен в с. Мотохове Новоладожского уезда. Надпись на могильной плите гласила: «Товарищъ, мужъ, отецъ, ты жилъ безъ укоризны, былъ воинъ, былъ артистъ, былъ честный человекъ. Господь воззвалъ тебя—тамъ отдохнешь отъ жизни» [8, с. 718].

6 января 1843 г. высочайшим повелением вдове умершего актера, получавшего пенсион по четыре тысячи рублей ассигнациями в год, и его детям была назначена пенсия (половину пенсии умершего мужа получала вдова, а другая половина выделялась восьмерым малолетним детям в равных долях) [6, л. 170]. К тому времени Павлу было 17 лет 2 месяца, Андрею – 12 лет 6 месяцев, Александру – 11 лет 2 месяца, Василию – 8 лет, Марии – 9 лет 9 месяцев, Анне – 6 лет, Любви – 4 года 4 месяца и Евгении – 2 года. Лишь Петр достиг восемнадцатилетнего возраста.

Библиографический список

1. Гурьянова Т. В. Он былъ артистъ... // Киришский факел. 2020. № 5 (30 января). С. 12–13.
2. Декабристы. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2 / сост. и прим. А. С. Немзера и О. А. Проскурина. М.: Изд-во «Правда», 1987. 560 с.
3. Майданова М., Борецкий И. П. // Национальный драматический театр России. Александринский театр. Актеры, режиссеры: энциклопедия. СПб.: Балтийские сезоны, 2020. 879 с.
4. Пушкин А. С. Мои замечания об русском театре // Пушкин А. С. Полное собрание сочинений: в 10 т. Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1977–1979. Т. 7. Критика и публицистика. 1978. 515 с.
5. Репертуар русского театра на 1840 год / издаваемый И. Песоцким: [в 2 т., 12 кн.]. СПб.: Тип. И. Глазунова и Ко, 1840. Т. 2. Кн. 7-12. [580] с.
6. Российский государственный исторический архив. Ф. 497. Оп. 1. Д. 1697.
7. Справки-комментарии к следственным делам. «О следственном деле И. П. Борецкого». [Электронный ресурс]. URL: <https://statearchive.ru/assets/files/Decabristy/02-spr.pdf>
8. Шереметевский В. В. Русский Провинциальный Некрополь: Т. 1. М.: Типо-лит. т-ва И. Н. Кушнерев и К°, 1914. 1008 с.

Е. М. Дележа

Культурная жизнь Забайкалья в начале XIX в.

В данной статье освещаются вопросы изучения культурной жизни городов Забайкальского края начала XIX в. Культура является неотъемлемой частью жизни общества. Особенно это касается истории региональной культуры, которая, противоречиво и сложно существуя, являлась органичной частью общероссийской. И в то же время она сохраняла свою самобытность. Исследование культурной жизни города Забайкалья представлено на примере таких городов, как: Верхнеудинск, Иркутск, Кяхта, Чита, Нерчинский Завод, Нерчинск.

This article is devoted to the study of the cultural life of cities of the Trans-Baikal Territory at the beginning of the 19th century. Culture is an integral part of society. This is especially true for the history of regional culture, which is contradictory and difficult to exist, but it was an organic part of the all-Russian one. And at the same time, it maintained its identity. The study of the cultural life of the city of Transbaikalia is presented on the example of such cities as: Verkhneudinsk, Irkutsk, Kuybyshevsk, Chita, Nerchinsky Zavod, Nerchinsk.

Ключевые слова: Забайкалье, история, сибирская реформа, культурная жизнь, само-бытность, рукописный журнал, салон, литературный кружок.

Key words: Transbaikalia, history, Siberian reform, cultural life, identity, handwritten magazine, salon, literary circle.

Культурные трансформации городов Забайкальского края в начале XIX в. определялись изменениями, характерными для социально-экономической жизни всей страны. Важную роль в культурной трансформации края сыграли социокультурные связи с Европейской Россией. Хотя в целом культурные изменения Забайкалья были наделены общими чертами, присущими общей российской культуре, наблюдается и ряд особенностей, на что и обращает свое внимание исследователь.

В первое двадцатилетие XIX в. обширные земли Забайкалья оставались малозаселёнными. О крае в российской периодической печати по традиции писали, как о загадочном и далёком крае. По пути в Китай российские и иностранные дипломаты, путешественники, писатели, художники останавливались в Забайкалье, для того чтобы познакомиться с краем и отдохнуть перед дорогой. Они, как правило, вели записи, в которых можно было найти немало интересного из жизни этой «таинственной земли». Все сходились в одном – время перемен для Забайкалья ещё не наступило. Жизнь в городах, которые уединились «не по своей воле от сколько-нибудь просвещённого мира, была неподвижна», – писал путешественник Е. И. Спиридонов [12].

Но уже в высших кругах Москвы и Петербурга зарождались проекты по реформированию Сибири. Смелые планы о преобразовании далёкого края импонировали и Александру I, который слыл либералом и просвещённым монархом. Неслучайно он предложил подготовить проект реформ видному общественному деятелю, своему приближённому М. М. Сперанскому. В марте 1819 г. генерал-губернатором сибирского края был назначен Сперанский. Во время его пребывания в Сибири главной резиденцией стал Иркутск.

В феврале-марте 1820 г. сибирский реформатор выехал в Забайкалье. Им были проинспектированы города Верхнеудинск, Кяхта, Нерчинск и Нерчинский Завод. Его чиновниками были составлены официальные справки об экономическом и демографическом состоянии Забайкалья.

Забайкальская жизнь показалась Сперанскому печальной. О культурных запросах местных жителей он писал, что библиотеки в крае – редкость, театры отсутствуют, больших развлечений (балы, маскарады) не было. В обычаях и нравах господствовала дикость, «свет просвещения ещё слабо озарял Забайкалье» [6, с. 122]. О селениях Нерчинских заводов М. М. Сперанский писал:

«Вчерашний день я возвратился <...> из Нерчинских заводов. Я видел своими глазами <...> каждое заводское селение было соединением хижин и вездесущей бедности. Строения развалены» [2]. В результате Сперанский пришёл к твёрдому убеждению в необходимости немедленных реформ во вверенном ему крае.

В 1821 г. по специальному предписанию Сперанского в составе кабинета министров был учреждён Сибирский комитет, призванный заниматься организацией управления Сибирью, её экономической, политической и общественной жизнью. Под руководством М. М. Сперанского был разработан и ряд законодательных актов, которые касались вопросов развития сибирских регионов, их административного переустройства. Сибирь разделилась на два генерал-губернаторства: Западное – со столицей в Тобольске и Восточное – с Иркутском.

Сибирская реформа М. М. Сперанского изменила привычный строй жизни забайкальцев. В 1820–1830-е гг. разрабатываются планы застройки главных административных частей городов Верхнеудинска, Троицкосавска, Нерчинска. На смену деревянным административным зданиям и учреждениям строятся по индивидуальным проектам российских и местных архитекторов (землеустроителей) каменные здания. В Верхнеудинске, Троицкосавске, Кяхте строятся гостиные дворы, возводятся каменные храмы, училища. Местное купечество, стараясь попасть в престижные центры, возводит собственные жилые и торговые каменные здания. Примерами этого служат построенные в 1824–1825 гг. в Верхнеудинске купцами Курбатовым, Шевелевым торговые ряды, магазины с гостиницей, двухэтажные жилые дома. В забайкальских городах зарождалась городская культура, включавшая в себя два центра: «торговый» (гостинные и торговые ряды) и «духовный» (каменное строительство жилых домов, общественных учреждений вокруг церквей и храмов).

Забайкальское купечество, ставшее главенствующим социальным сословием в крае, с уважением называли негоциантами, а «негоциант ищет удовольствие в чтении книг, в беседах с учёными, путешествии с просветительскими целями» [3, с. 53].

Наряду с купечеством в области просвещения активно работали местная интеллигенция и политические ссыльные – декабристы. Немаловажным было влияние «наезших» чиновников из Европейской России. Назначенный в 1830-е гг. начальником Верхнеудинского округа В. С. Шапошников в меру своих сил пытался привить европейский стиль жизни горожанам. Он завёл в Верхнеудинске традиции торжественных обедов, балов и маскарадов. Шапошников поощрял и доброе начинание местной интеллигенции в области просвещения и культуры, в частности создание литературных кружков.

Предтечей литературных кружков в Восточной Сибири был Иркутск. Литературные объединения в губернском городе распространились в конце XVIII – первой половине XIX в. На рубеже 1820–1830-х гг. преподаватель Иркутской гимназии Н. Виноградский выпускал рукописную газету «Домашний собеседник», сотрудниками которой были многие учителя гимназии. В конце 1840-х гг.

иркутскими гимназистами предпринимались попытки издать рукописный журнал «Звёздочка».

Возникшая рукописная литература носила преимущественно обличительно-сатирический характер. Эпиграммы, стихотворные и прозаические памфлеты, драматические произведения – таковы её жанровые формы. Историк Г. Ф. Кунгуров отмечал, что «в рукописях ходили по рукам сатирические стихи, драмы, трагедии, водевили, комедии (например, "Золотая пшеничка" в 4-х действиях. Это редкая сатира на известное в Иркутске дело наследников Трапезниковых)» [7, с. 25]. Подобные пьесы ставились в домашних театрах, что считалось признаком «хорошего тона».

Все эти факты свидетельствуют прежде всего об определённой культурной среде, формировавшейся в то время в Иркутске и способствовавшей развитию театрального дела. Выход она находила в устройстве городских любительских и домашних спектаклей, шедших в 1820–1830-х гг. в губернском городе.

В городах Забайкалья развиваются те же формы культурного общения, что и в столичном сибирском городе. Этот процесс был закономерным, так как большинство представителей забайкальской интеллигенции получали своё образование в Иркутске и ещё в период ученичества вобрали в себя лучшие черты зарождавшейся там европейской жизни.

Литературные кружки стали формой интеллектуального общения во всех городах Забайкалья. Этнограф Г. Н. Потанин справедливо называл их «первыми приступами сибирской мысли к работе» [8, с. 276]. Литературные объединения собирали на своих заседаниях представителей разных слоёв населения города, среди них были купцы, чиновничество, малочисленное дворянство. В деятельности кружков концентрировалась общественная жизнь края, являвшаяся лишь отголоском событий, происходивших в Центральной России и столице Восточной Сибири – Иркутске.

О «просвещённых литераторах» города Верхнеудинска (1820–1840-е гг.) сообщал поэт Д. П. Давыдов, автор прославленной песни «Славное море, священный Байкал» [4, с. 28]. Купец Аполлон Митрофанович Курбатов при участии местной интеллигенции создал литературное объединение, которое располагалось в гостеприимном доме купца. Недаром его дом называли литературным домом. На Большой улице собирались местные литераторы: купец А. А. Налетов, городской голова В. С. Шапошников, врач О. Г. Юрчевский. Гостями «литературного» дома были декабристы братья Н. А. и М. А. Бестужевы, В. К. Кюхельбекер и др.

Атмосфера же общественной жизни торговой слободы (Кяхта) в корне отличалась от провинциальных купеческих городов России центральной ее части. Ключевые позиции в коммерческих делах занимали семейные фирмы, в которых первенство брала молодежь – сыновья М. Сабашникова, Х. Кандинского, К. Трапезникова.

Удаление от столиц и присутствие политических ссыльных влияло на формирование взглядов молодой плеяды кяхтинских купцов на культуру и общее развитие Сибири. В Кяхте функционировали войсковая русско-

монгольская школа, школа переводчиков с китайского языка, мужское реальное училище. Купечество, обосновавшись в собственных домах, сделало их открытыми для друзей-декабристов и деятелей науки и искусства, посещавших в разные годы Кяхту. Непременным атрибутом в кяхтинских семьях с культурными запросами становится книга. Еще одним компонентом домашнего досуга являлось чтение литературных произведений вслух. Первые литературные салоны в начале XIX в. появились в Кяхте в домах директора таможни и начальника пограничной канцелярии [1, с. 86].

Здесь преобладали салонные формы дворянской культуры: литературные и музыкальные гостиные, вечера, салоны.

В тридцатые годы кяхтинская интеллигенция, увлекавшаяся поэзией и литературой, издавала рукописный журнал «Кяхтинская стрекоза». Руководил литературным кружком штаб-лекарь Кяхтинской таможни Александр Иванович Орлов.

В городе Нерчинский Завод тоже увлекались поэзией и литературой. Заслуживал внимания дом купцов братьев Кандинских. Здесь собирались инженеры, врачи, учителя и даже политические ссыльные – поляки (А. Бопре, А. Боровский, А. Венжик). В доме имелось два фортепиано, устраивались музыкально-литературные вечера, обсуждали литературные новинки. Гордостью литературного объединения были поэты Ф. Ф. Бальдауф и А. Н. Таскин. Оба обучались в Горном кадетском корпусе в Петербурге. В корпусе введено было преподавание музыки. Любимым увлечением питомцев становились театральные представления. Администрация учебного заведения полагала, что в отдалённых местах Сибири, «...куда будущие инженеры службой предназначаются, занятия музыкой и театром могут отвлечь их от вредных привычек, кои при праздности своей, бывают губительными» [11, с. 417].

Но наиболее интересным является опыт нерчинского кружка. В 1820-х гг. здесь сложилось небольшое литературное объединение. Его составили учителя – выпускники Иркутской гимназии – И. И. Голубцов, В. И. Седаков, В. П. Паршин; сын чиновника, в будущем известный литератор Н. И. Бобылев; преподаватель духовного училища К. К. Стуков. Кружок был небольшим, имел значительное воздействие на культурную жизнь города. В Нерчинске «с 1820-х годов основана библиотека, получают целые груды журналов, существует обычай собираться друг у друга для чтения и проч.» – писал нерчинский литератор М. А. Зензинов [5, с. 236]. Кружковцы изучали край, интересовались его историей, создавали местный архив, вели этнографические и фольклорные «полевые работы». Результатом их деятельности были некоторые «литературные опыты» в стихах и прозе на местные историко-бытовые темы, а также естественно-научные статьи и заметки о природе края. Своими литературно-краеведческими трудами участники кружка впервые начали знакомить русское общество с природой, историей, жизнью и бытом населения Восточного Забайкалья.

В числе основателей и активных деятелей нерчинского кружка в 1820–1830-х гг. были Иван Иванович Голубцов и Николай Иванович Бобылев – пре-

подаватели местного уездного училища. Задачи чисто учебные сочетались с задачами эстетическими. Регулярные, тщательно продуманные программы литературных бесед и драматических вечеров развивали у молодых людей вкус не только к литературе, но и к театру. Открытые ученические выступления в Нерчинске, в сущности, являлись первым опытом театрального любительства в крае и предназначались для «развлечения и поучения публики» [13].

В конце 30-х гг. XIX в. литературный кружок в Нерчинске значительно вырос. Он уже насчитывал более 60 человек. Активным участником литературного кружка был А. А. Мордвинов, преподаватель Нерчинского уездного училища. Он продолжил традиции драматических вечеров при училище. По сведениям краеведа Е. Д. Петряева, А. А. Мордвинов привлёк к драматическим вечерам купца М. А. Зензинова, который написал свыше десятка пьес из местной жизни для любительских спектаклей. Они ставились учащимися и членами литературного кружка в зале уездного училища. Организатором постановок чаще всего выступал сам Мордвинов. Иногда в спектаклях принимал участие и автор пьес. С 1862 г. А. А. Мордвинов назначен вице-губернатором Читы. Здесь он также стремился поддерживать театральное любительство учащихся [9, с. 38].

В конце 1830-х гг. литературные кружки в Забайкалье получили новый импульс в лице декабристов, волей судьбы поселившихся в этом крае. Гостями кружков в Кяхте, Верхнеудинске были братья Н. А. и М. А. Бестужевы, В. К. и М. К. Кюхельбекеры [10, с. 47].

С именами декабристов связана вся культура Забайкалья в 1840–1850-е гг., в том числе и формирующаяся художественная и театральная.

В целом необходимо отметить, что культурная жизнь Забайкалья начала XIX в. была отмечена общими чертами русской культуры, однако имела свои особенности. Географическая удаленность и отставание в социально-экономическом развитии от центра России, место каторги и ссылки, а также национально-региональные традиции, свойственные этому региону, определили специфику развития культурной жизни в городах Забайкалья.

Несмотря на отставание от центра России, культурная жизнь в городах Забайкалья постепенно развивалась. В крупных центрах края формируется местное культурное движение, в основном состоящее из городской интеллектуальной элиты. Одним из важных событий в становлении культурной жизни региона стало зарождение местной печати, создание частных библиотек, учебных заведений. А появление камерных форм общения, таких как литературные и музыкальные салоны, кружки, говорило пока о коммуникативной замкнутости региональной культуры, но именно эти формы постепенно продвигали идеи просвещения, порождая новые демократические направления, раздвигая границы социальной замкнутости в далеком крае.

Библиографический список

1. Белокрыс М. А. Из музыкальной жизни Кяхты-Троицкосавска XVIII – начало XX вв. // Локальные культурно-исторические исследования-теория и практика: сб. ст. / Омский гос. ун-т. Омск, 1998. С. 86.
2. Государственный архив Иркутской области (ГАИО). Ф. 2704. Оп. 1. Д. 3. Л. 4 (фонд П. Г. Маляревского).

3. Гольдфарб С. И. Весь Иркутск: Рассказы из истории города. Иркутск: Вост. Сиб. кн. изд-во, 1992. С. 53.
4. Давыдов Д. П. Поэтические картины: [Стихотворения]. Иркутск: Тип. Н. Н. Сеницына, 1871. С. 28.
5. Зензинов М. Письмо из Нерчинска // Иллюстрация. 1848. № 18. С. 236.
6. Исторические сведения о деятельности графа М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год / собр. В. Вагиным. СПб.: [Тип. Второго Отделения Собственной Е. И. Канцелярии], 1872. Т. 1. 1872. С. 122.
7. Кунгуров Г. Сибирь и литература. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1965. С. 25.
8. Потанин Г. Н. Нужды Сибири // Сибирь, её современные состояния и нужды: сб. ст. / ред. И. С. Мельник. СПб.: Изд. А. Ф. Девриева, 1908. С. 276.
9. Петряев Е. Д. Люди и судьбы. Очерки из истории культуры Забайкалья. Чита: Кн. изд-во, 1957. С. 38.
10. Петряев Е. Д. Впереди огни. Очерк культурного прошлого Забайкалья. Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1968. С. 47.
11. Сибиряк. Судьба сибирской поэзии и старинные поэты Сибири // Литературный сборник: собрание научных собрание и литературных статей о Сибири и Азиатском Востоке / ред. «Вост.обозрение»; ред. Н. М. Ядринцев. СПб.: Изд.ред. «Восточное обозрение», 1885. С. 417.
12. Спиридонов Е.И. Забайкальский край в начале века // Нерчинский вестник. 1907. 15 ноября.
13. ЧОКМ. Ф. 7. Д. 1. Л. 2 (Материалы И. А. Юренского 1840–1850 гг.).

Т. Е. Лямина

Деятельность Пролеткульта в Смоленске в первые годы советской власти

В статье на основе архивных источников рассматривается деятельность смоленского Пролеткульта в первые годы советской власти. Прослеживается влияние концепции пролетарской культуры А. А. Богданова в деятельности органов власти Западной области.

The article on the base of archival sources reveals the activities of the Smolensk Proletkult in the early years of Soviet power. The influence of the ideas of proletarian culture of A. A. Bogdanov in the activity of authorities of the Western region is traced.

Ключевые слова: Пролеткульт, марксизм, тектология, пролетарская культура, Пролетарский университет, Смоленский государственный университет.

Key words: Proletkult, Marxism, tectology, proletarian culture, Proletarian University, Smolensk State University.

Октябрьская революция победила в стране среднего уровня развития капитализма, большую часть населения которой составляло крестьянство. Для решения задач построения социалистического общества необходимо было ликвидировать неграмотность, в короткие сроки дать образование большому количеству взрослых малограмотных людей, воспитать их в социалистическом духе.

Идея культурной революции принадлежит А. А. Богданову, который был единственным русским марксистом, серьезно интересовавшимся проблемами культуры. Концепция пролетарской культуры была создана мыслителем после революции 1905–1907 гг., когда он становится одним из руководителей группы левых большевиков «Вперед». Окончательно эти идеи А. А. Богданова складываются в годы Первой мировой войны.

По мнению философа, пролетарская культура зарождается уже в недрах капиталистического общества на основе новых явлений в развитии производительных сил. Это проявляется в тенденциях объединения научного знания, автоматизации производства, на основе которой будут преодолены недостатки разделения труда. Носителем новых идей монистического мировоззрения и коллективизма А. А. Богданов считал пролетариат.

Окончательным оформлением пролетарской культуры, инструментом строительства социализма, по его мнению, должна выступить тектология, которую он создавал в период с 1913 по 1922 годы. Идея социализации науки, пересмотр ее достижений с пролетарской точки зрения, выдвинутая мыслителем, означала внедрение системного подхода как в научное познание, так и в массовое сознание пролетариата.

Реализуя свои идеи развития классового самосознания рабочих, А. А. Богданов после Февральской революции занимается созданием Пролеткульта. В первые годы советской власти эта организация бурно развивалась: распространялась по всей России, увеличивала свою численность и вышла на международный уровень. А. В. Луначарский и М. Н. Покровский, видные деятели группы «Вперед», во многом единомышленники А. А. Богданова, возглавили Наркомпрос.

Уже в первые месяцы советской власти в Наркомпросе был основан Отдел внешкольного образования, задачей которого было создание в стране инновационной системы учреждений внешкольного образования. В нее входили народные дома как центры социалистической культуры, библиотеки и избы-читальни, лектории, школы и курсы для взрослых и подростков, народные университеты.

Наркомпрос определял порядок финансирования этих учреждений, занимался методической работой, обобщением передового педагогического опыта обучения взрослых, издательской деятельностью. При местных отделах народного образования были созданы подотделы внешкольного образования, которые руководили работой на местах. Деятельность этих учреждений опиралась на инициативу снизу, осуществлялась с участием рабочих организаций, прежде всего Пролеткульта.

В Смоленске внешкольный подотдел отдела народного образования Западной области в июне 1918 г. возглавил Н. И. Кибовский. Главными направлениями деятельности внешкольного подотдела были: создание лекторского бюро с привлечением как местных сил, так и видных ученых из Москвы и Петрограда и подготовка кадров для внешкольной работы.

Больших усилий, особенно в плане изыскания финансовых средств и привлечения компетентных преподавателей, потребовала организация инструкторских курсов, которые работали в Смоленске в сентябре-октябре 1918 г.

По окончании курсов их выпускники были включены в состав коллегии внешкольного подотдела, приняты на работу в качестве инструкторов внешкольного подотдела, уездных инструкторов, инструкторов-практикантов, библиотекарей, заведующих Народными домами, преподавателей курсов для взрослых.

Внешкольный подотдел проводил учет и регистрацию культурно-просветительских организаций Западной области, в декабре 1918 г. состоялся областной съезд по внешкольному образованию.

В 1919 г. внешкольный подотдел отдела народного образования Западной области возглавлял И. В. Егоров (1887–1971) – общественный деятель, ученый, первый комиссар Академии наук, принимавший участие в перестройке высшего образования в 20-х гг. XX в.

В конце 1918 г. И. В. Егоров приезжает в Смоленск и активно включается в культурно-просветительскую и литературную жизнь города. Он был преподавателем и библиотекарем Смоленского государственного университета, выступал организатором комячейки университета, работал в отделе образования Западной области и Пролеткульте.

Смоленский Пролеткульт организовывался при непосредственном внимании смоленских коммунистов, работников городского и областного внешкольных подотделов. В июле 1918 г. ими была проведена конференция Пролеткульта, в которой принимали участие представители местных органов власти, делегаты профсоюзов и фабзавкомов, культурно-просветительских комиссий фабрик и заводов, частей Красной армии, союзов молодежи, деятели Общества смоленских художников, представители партий коммунистов, левых эсеров, еврейской социалистической партии [2, л. 46–47].

На конференции обсуждались проблемы пролетарской науки и пролетарского искусства, вопросы обучения рабочих, создания рабочих клубов и Народных домов, издательской деятельности. Еще несколько подобных конференций было проведено в 1919 г., создан и активно работал Совет пролеткульта, были налажены контакты с Московским советом Пролеткульта и руководящими органами всероссийского уровня. Финансовую основу деятельности организации, наряду с членскими взносами, составляли субсидии местных органов власти.

В начале 1919 г. смоленским Пролеткультом были созданы студия изобразительных искусств, студия драматического искусства и научно-литературная студия. Ее возглавлял И. В. Егоров. Заметка о деятельности этой студии была помещена в центральном органе Пролеткульта, журнале «Пролетарская культура» [6, с. 58]. Он занимался редактированием журнала «Труд и творчество», являющимся органом смоленского Пролеткульта.

Жена И. В. Егорова, Т. И. Немчинова-Егорова, дочь известного писателя И. И. Ясинского, также работала в Смоленском университете, принимала уча-

стие в деятельности литературной студии Пролеткульта, активно занималась литературной работой.

В период обсуждения местными органами власти проблемы создания университета Западной области летом и осенью 1918 г. смоленским Пролеткультом была выдвинута идея организации в Смоленске пролетарского университета.

Проект Пролетарского университета – одна из главных педагогических идей А. А. Богданова, которая не получила полного развития. Этот термин употреблялся мыслителем в широком и в узком значении. В широком понимании Пролетарский университет – оригинальная система образования, «совокупность образовательных и научных учреждений различных ступеней в их общей связи, в единстве их цели» [1, с. 9]. В узком значении имелась в виду новая форма высшего учебного заведения.

Пролетарский университет включал три ступени образования. Первая – подготовительная, вторая – ускоренный курс средней школы, где более быстрое изучение школьной программы достигалось в результате применения системного подхода к содержанию образования. На этой стадии большое внимание должно было уделяться социалистическому воспитанию, развитию коллективизма, пропаганде идей тектологии.

Третья ступень соответствовала вузовскому уровню, на котором происходит профессиональная специализация. При пролетарских университетах А. А. Богданов планировал создание разного рода дополнительных курсов как общеобразовательного, так и профессионального характера, чтобы каждый обучающийся мог формировать свою индивидуальную траекторию обучения.

Проект Смоленского Пролеткульта отличался от богдановского и характеризовался значительной неопределенностью. Прежде всего планировалось создание образовательных учреждений первой и второй ступени, организация высшей школы отодвигалась в будущее. Не было четкого понимания содержания программы обучения, утверждалось, что «установка учебного плана дело учащихся и лекторов» [4, л. 6]. В целом местные деятели возлагали надежды на знающих московских лекторов, идеи тектологии не упоминались.

В результате длительных обсуждений местные власти пришли к решению, что Смоленский университет будет организован как общегосударственное учреждение на основе «Положения о российских университетах» 1918 г.

Вместе с тем, по замыслам смоленских коммунистов, Смоленский государственный университет рассматривался как революционный университет нового типа, они задумывались «о создании в крае высшего культурного центра, который собрал бы как в фокусе все достижения в области пролетарской мысли, в области научного обоснования всех социально-экономических завоеваний рабочих и крестьян» [5, с. 1]. Университет активно взаимодействовал с Пролеткультом, представители этой организации входили в Совет профессоров, а после принятия Устава в августе 1919 г. в Объединенный совет и Совет Просветительной ассоциации.

Местные власти уделяли большое внимание привлечению в университет рабочих и крестьян, которым не хватало общеобразовательной подготовки. В

январе 1919 г. при внешкольном подотделе были организованы общеобразовательные курсы для взрослых, соответствующие программе школы 1-й и 2-й ступени. Летом 1919 г. подготовительные курсы были созданы при университете. Когда в сентябре 1919 г. в соответствии с постановлением Наркомпроса начал создаваться рабочий факультет, слушатели этих курсов стали студентами рабочего факультета [3, л. 27–30].

Таким образом, в деятельности Пролеткульта, органов власти Западной области, организаторов Смоленского государственного университета прослеживается влияние концепции пролетарской культуры А. А. Богданова.

Библиографический список

1. Богданов А. А. Пролетарский университет // Пролетарская культура. 1918. № 5. С. 2–22.
2. Государственный архив Смоленской области (далее – ГАСО). Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 168.
3. ГАСО. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 356.
4. ГАСО. Ф. Р-139. Оп. 1. Д. 3.
5. Левыкин И.Г. К истории Смоленского университета // Известия Смоленского Губернского Исполнительного Комитета и Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских депутатов. 1919. 9 февраля. № 29. С. 1.
6. Хроника «Пролеткульта» // Пролетарская культура. 1919. № 11–12. С. 58–67.

Р. А. Жумаев

Лекционная работа в Саратовском государственном художественном музее им. А. Н. Радищева в 1945–1960-е гг.

В статье анализируются формы лекционной работы в Радищевском музее в 1945–1960-е гг., рассматривается тематическое разнообразие лекционного материала и устанавливается целевая аудитория музейных лекций. Исследование основано на архивных материалах Радищевского музея в Саратове.

The article analyzes the forms of lecture work in the Radishchev Museum in the 1945–1960s, the paper examines the thematic diversity of lecture material and establishes the target audience of museum lectures. The research is based on archival materials of the Radishchev Museum in Saratov.

Ключевые слова: лекционная работа, Радищевский музей, Саратов, популяризация искусства.

Key words: lecture work, Radishchev Museum, Saratov, popularization of art.

Вторая половина 1940-х гг. в истории музейного дела в СССР ознаменована началом нового этапа, обусловленного ростом значимости просветительской работы. О важности просвещения, популяризации отечественной культуры свидетельствуют как нормативные документы данного времени, так и дискуссии в научном сообществе. Так, в приказе председателя Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР от 10 мая 1947 г. отмечается, что «Массовая культурно-просветительная работа музеев отстает от

возросших запросов населения» [2, с. 83], в приказе также говорится о важности преодоления данного отставания посредством улучшения экспозиций, экскурсионной работы и т. д. Данный документ посвящен проблеме краеведческих музеев, однако можно предположить, что представления о важности развития просветительской работы и пропаганды отечественной культуры в означенный период свойственны музейной политике в целом. Стоит также упомянуть о первой сессии ученого совета НИИ краеведческой и музейной работы (ныне Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия им. Д. С. Лихачёва), прошедшей в 1948 г. Так, Т. П. Поляков отмечает, что: «...именно в результате этой сессии музеи перестали восприниматься как политикопросветительские организации и стали рассматриваться как научно-просветительские учреждения культуры» [1].

Говоря о 1950-х и первой половине 1960-х гг. в советской истории нельзя не отметить такое явление как «хрущевская оттепель» или просто «оттепель». Общая демократизация советской культуры хрущевского периода, ослабление цензурного контроля в художественной литературе, рост международных связей в области науки и искусства, расцвет художественного кинематографа и т. д. создавали атмосферу культурного подъема в целом, что не могло не способствовать развитию новых форм массовой музейной работы.

В рассматриваемый период популяризация искусства бурно развивается в музеях страны и, в том числе, в Саратовском государственном художественном музее им. А. Н. Радищева (далее СГХМ им. А. Н. Радищева).

Невозможно переоценить значимость «живого слова» в просветительской деятельности музеев. Важность лекторской работы подчеркивалась еще на Первой всероссийской конференции по делам музеев 1919 г. и на Первом Всероссийском музейном съезде в 1930 г. [15, с. 18; 16, с. 233]. В связи с этим особый интерес представляет исследование развития лекционной работы в провинциальном музее.

Музейная лекционная работа может вестись по различным направлениям и принимать различные формы. Для анализа развития лекционной работы мы предлагаем следующие критерии: 1) форма лекционной работы (например, выездная лекция, радиопередача, лекция в музейном лектории и т.д.); 2) целевая аудитория лекционной работы (социальные страты, на которые направлена популяризаторская деятельность музея); 3) тематическое разнообразие лекционного материала.

Рассмотрим историю развития лекционной популяризаторской работы в СГХМ им. А. Н. Радищева в 1945–1960-е гг. Одним из основных видов лекции в данный период была *выездная лекция*. Особое внимание, уделяемое внемузейной деятельности, объясняется, во-первых, ремонтными работами, проводившимися в СГХМ им. А. Н. Радищева во второй половине 1940-х гг. Во-вторых, общее направление политпросветработы, нацеленное на «выход коллекций музеев за их стены», было артикулировано еще в резолюциях упомянутого выше Первого музейного съезда и не теряло актуальности [13, с. 172].

Важно отметить широкий охват организаций, в которых проводились мероприятия. В различные годы рассматриваемого периода лекции читались в учебных заведениях, пионерской и комсомольской организациях, районах области, парках культуры и отдыха, госпиталях, на избирательных участках, в воинских частях и т. д. [3, л. 1; 6, л. 4; 7, л. 1–11; 10, л. 5].

Из «Докладной записки директора музея о проделанной работе по шефству над сельскими районами области и содружестве музея с промышленными предприятиями г. Саратова за 1950 г.» известно, что в данный год лекции читались в Воскресенском районе области и в совхозах, на Саратовском судоремонтном заводе, в артелях «Победа» и «Прогресс» [3, л. 1]. О постоянном сотрудничестве музея с организациями известно также из результатов проверки научно-просветительной музейной работы, прошедшей в СГХМ им. А. Н. Радищева в 1957 г. [6, л. 4], и кроме того, из ежегодных отчетов о работе музея.

Помимо выездных лекций, сотрудники музея также осуществляли лекционную работу в музейном лектории. О важности устройства «...при всех музеях аудиторий, публичных чтений...» в годы советской власти высказывались еще на Первой всероссийской конференции по делам музеев [16, с. 233]. Составители ежегодных отчетов СГХМ им. А. Н. Радищева уделяли немного внимания раскрытию деталей работы лектория, тем не менее, известно, что в 1950 г. лекторий был организован, о возобновлении работы студенческого лектория отмечалось в 1953 году [4, л. 3]. В 1955 г. в лектории работали два отделения: школьное и студенческое, занятия были организованы в два потока (1-е и 2-е полугодия). К каждому потоку для посетителей оформлялись абонементы, в которых указывался тематический список лекций [5, л. 6].

Лекционные занятия в музее не ограничивались лекторием. Известно, что в СГХМ им. А. Н. Радищева практиковались сборы пионерских отрядов, для учащихся и преподавателей истории, русского языка и литературы в музейных стенах читались лекции и давались консультации, также проводились встречи с местными художниками.

Во второй половине 1950-х гг. в музее набирает обороты чтение лекций на радио и телевидении. Данная форма популяризации искусства была не нова. «Агитацию за музей» посредством радио описывали на уже неоднократно упомянутом Первом музейном съезде [14, с. 143]. На рубеже десятилетий работа Радищевского музея с телевидением преобладала над сотрудничеством с радио. Так, в 1960–61 гг. на 47 подготовленных телепередач приходилось лишь шесть радиопередач [7, л. 11], подобная тенденция сохранялась на протяжении 1960-х гг. Телевизионная работа музея заключалась в чтении, как большого количества отдельных лекций на различные темы, так и лекционных циклов. В разные годы на местном телевидении читались следующие циклы лекций: в 1962 г. – «Как понимать произведения живописи», «Творчество художников Саратова», отдельные передачи о художниках – соискателях Ленинской премии и юбилейные передачи о художниках [9, л. 12]; в 1967 г. – «Этапы большого пути» (цикл, посвященный истории революции в России и истории Великой Отечественной

войны), «Как смотреть произведения искусства», «Художники – наши земляки и современники», «Знаменательные даты» [12, л. 20–21]; в 1968 г. – «Для вас, любители искусства» – набор разнородных лекций о разных художниках и произведениях искусства, «Художники – наши земляки и современники», «Знаменательные даты» [13, л. 22]. Кроме лекционной работы в СМИ, по радио передавалась также актуальная информация о работе музея: открытие выставок, новые поступления и т.д. В здании музея киностудией «Нижнее Поволжье» в 1957 г. был снят короткометражный фильм о музее «Сокровищница Поволжья».

В начале 1960-х гг. в музее появилась новая форма лекционной работы – *лекция-концерт*, лекции данного вида читались сотрудниками музея в сотрудничестве с работниками Саратовской филармонии. Так, лекция-концерт 1961 г. о русском искусстве второй половины XIX в. соединяла в себе рассказ искусствоведа о художниках и доклад музыковеда, сопровождаемый звучанием произведений композиторов – представителей «Могучей кучки» [8, л. 10]. В 1965 г. сотрудником музея Т. В. Петровой была подготовлена искусствоведческая часть лекции-концерта «Импрессионизм в живописи и музыке» [11, л. 5].

Начиная со второй половины 1960-х гг. в музейной работе появилась такая форма популяризации искусства, как *агитпоезд*. Как известно, агитпоезда ранее массово применялись во время Гражданской войны в начале прошлого столетия. В 1960-е гг. данная форма стала применяться в деле просвещения масс и в музейной лекционной работе. Так, агитпоезд «Навстречу 50-летию Советской власти» в 1967 г. останавливался в 52 пунктах, за время пути поезда сотрудники музея прочли 238 лекций. Агитпоезд «Советское искусство за 50 лет» того же года останавливался в четырех пунктах, где было прочитано 12 лекций [12, л. 19]. Работа агитпоездов с лекциями и выставками осуществлялась также в 1968, 1969 годах.

В разные годы сотрудниками Радищевского музея читалось различное количество лекций (среднее арифметическое количество музейных лекций составляло в рассматриваемый период приблизительно 263 лекции в год). Важно отметить, что форма годовой отчетности менялась на протяжении всего периода. Так, до конца 1950-х гг. в отчетных документах указывалось количество людей, прослушавших лекции. В период конца 1940 – конца 1950-х гг. львиную долю людей, охваченных лекциями, составляли жители районов области, работники колхозов / совхозов. Проводя популяризаторскую работу в сельских районах, за одно мероприятие сотрудник музея читал лекцию большому количеству людей. Так, из упомянутой ранее докладной записки 1950 г. известно, что в Воскресенском районе четыре лекции прослушали 1200 чел. [3, л. 1]. С конца 1950-х гг. ситуация меняется – исследователям становится доступна статистика по количеству прочитанных лекций в различных учреждениях (общее количество музейных лекций за год упоминалось и ранее), в то время, как количество обслуженных людей из разных социальных страт перестает упоминаться в отчетах. В период с 1960 г. по 1968 г. около 51 % лекций читалось в учебных заведениях разного уровня образования, примерно 34 % – в районах области, и лишь 15 % – на предприятиях для рабочих и служащих.

Говоря о тематике музейных лекций, отметим, что массовая музейная работа в рассматриваемый период была направлена главным образом на популяризацию отечественного искусства. Перечислим направления лекционной работы в СГХМ им. А. Н. Радищева: 1) образы коммунистических вождей в искусстве (к ним же отнесем лекции о художниках-лауреатах Ленинской и Сталинской премий); 2) творчество отдельных русских и советских художников, а также отечественное искусство отдельных эпох; 3) образ Родины в искусстве (сюда же отнесем лекции, связанные с образами родного края, например «Волга в живописи» и творчество художников-земляков). Искусство зарубежных стран редко становилось темой лекций в Радищевском музее, чаще всего, говоря об иностранной художественной культуре, лекторы рассказывали слушателям о классическом западном искусстве (Античность, Ренессанс, живопись XVII, XVIII, XIX вв.). Исключением в работе по составлению лекций является 1961 г., отмеченный особым вниманием со стороны сотрудников музея к искусству стран социалистического лагеря: Китай, ГДР, Болгарская народная республика и т.д.

Таким образом, в период 1945–1960-е гг. в Радищевском музее можно говорить о бурном развитии просветительской деятельности. В музее актуализировались старые формы лекционной работы, такие как выездная лекция, лекция в музейном лектории, радио и телепередача, агитпоезд, а также возник новый лекционный формат – лекция-концерт. Основной целевой аудиторией массовой работы музея в рассматриваемые годы были школьники, студенты и жители сельских районов области. Популяризаторская работа была направлена главным образом на распространение знаний об отечественном искусстве.

Библиографический список

1. Поляков Т. П. Из истории Российского института культурологии: музееведение как одно из приоритетных направлений деятельности // Культурологический журнал. 2018. № 1 (31). С. 6.
2. Сборник руководящих материалов по культурно-просветительной работе. М.: Гос. изд-во культ.-просвет. лит., 1948. 290 с.
3. Саратовский государственный художественный музей имени А. Н. Радищева. Отдел хранения архивных материалов. Фонд «Боголюбовское рисовальное училище и Радищевский музей» (далее – СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ). Оп. 2. Д. 227.
4. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 2. Д. 269.
5. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 2. Д. 290.
6. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 2. Д. 317.
7. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 2. Д. 365.
8. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 2. Д. 376.
9. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 2. Д. 391.
10. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 2. Д. 418.
11. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 3. Д. 6.
12. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 3. Д. 19.
13. СГХМ. ОХАМ. Ф. БРУ и РМ. Оп. 3. Д. 35.
14. Труды Первого Всероссийского музейного съезда: в 2 т. М.-Л.: Наркомпрос РСФСР. Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. Т. 1. 240 с.
15. Труды Первого Всероссийского музейного съезда: в 2 т. М.-Л.: Наркомпрос РСФСР. Гос. учеб.-пед. изд-во, 1931. Т. 2. 164 с.
16. Шулепова Э. и др. (ред.). Музееведческая мысль в России XVIII–XX веков: сборник документов и материалов. М.: Этерна, 2010.

Жизненный путь выдающегося металлурга И. П. Бардина

Данная статья расскажет читателям о выдающемся инженере-металлурге И. П. Бардине. Советский металлург активно участвовал в решениях крупных хозяйственных задач. Пройдя нелёгкий и тернистый путь от простого рабочего до главного инженера металлургического завода, он навсегда остался предан своим патриотическим убеждениям, работая на благо России, будь она императорской или советской. «Ставить целью своей жизни счастье – это вполне правильно, но только с тем, чтобы оно было не для одного человека, например, для Вас, а для всех людей», – говорил он.

This article will tell readers about the outstanding metallurgist engineer Bardin I.P. Soviet metallurgist actively participated in solving the main engineering issues in ferrous metallurgy. Having passed a difficult and thorny path from a simple worker to the chief engineer of a metallurgical plant, he remained forever devoted to his patriotic beliefs, working for the benefit of Russia. “It is quite right to set happiness as the goal of your life, but only so that it is not for one person, for example, for you, but for all people”, he said. We are proud of people like I.P. Bardin.

Ключевые слова: металлургия, инженер, завод, труд, академик.

Key words: metallurgy, engineer, plant, labour, Academic.

История отечественной металлургии, начиная с XVIII в., с модернизации Петра I, была связана с многочисленными открытиями, масштабными строительными проектами и именами крупных специалистов [1, с. 583–597; 2, с. 4–13; 15, с. 5–14; 16, с. 810–830].

И. П. Бардин родился в селе Широкий Уступ, Аткарского уезда, Саратовской губернии 1 ноября 1883 г. [6]. Воспитывали мальчика в основном не родители, а дедушка, бабушка и тетя. Мальчик сначала ходил в сельскую школу, но после переезда в Саратов учился в городском училище. Тетя настаивала на том, что мальчик должен учиться в гимназии, после которой должен поступить в университет. Но когда после трех лет училища мать отвела молодого человека в гимназию, там сказали: «Что делать сыну сельского портного в гимназии?». Именно эти слова Иван Павлович запомнил на всю жизнь [6, с. 6–7]. Для него это было еще одним испытанием в жизни. Ведь сначала он готовился поступить в гимназию во второй класс, но потом поступил в первый класс Александровского ремесленного училища, позже в Мариинское земледельческое училище, которое и закончил. Даже учеба в ранние годы для Вани была большой работой, ведь пришлось поступать в три училища, но разного профиля. Также приходилось привыкать к тому, что работы при учении в Мариинском училище было много, даже летом выезжали на фермы.

После окончания училища Иван Павлович понимал, что останавливаться на достигнутом в обучении нельзя, нужно идти дальше – в институт. Его мечтой был Ново-Александровский сельскохозяйственный институт. Туда будущий инженер поступил со второго раза, проявив настойчивость, работоспособность и упорство в достижении своих целей. Но на этом испыта-

ния в получении высшего образования не закончились. Его отчислили из института из-за сочувствия к революционному движению. Скорее всего, именно из-за этого Иван Павлович Бардин стал инженером, а не садоводом. Ведь после Ново-Александровского института, Иван Павлович поступил в Киевский политехнический институт [21, с. 693]. В киевском политехе Иван Павлович познакомился с преподавателем, который определил дальнейший путь молодого человека. Это был профессор-металлург Василий Петрович Ижевский (1863–1926). Он не только увидел талант в студенте, но и помог ему не отчислиться, заплатив за его обучение [7, с. 38].

Даже после окончания института и, получив звание инженер-технолог, трудности в жизни И.П. Бардина не закончились. Ему было тяжело найти работу. Молодой инженер не поехал в Санкт-Петербургскую губернию, где была высочайшая концентрация производства, и трудилось почти 250 тыс. рабочих [20, с. 337], а попытал счастья за океаном – в Соединенных Штатах в 1910–1911 гг. Он устроился на завод «Deere and Company», что не было сложностью. Предприятие выпускало продукцию для сельскохозяйственных машин. Работа была несложной, но очень трудоемкой, приходилось работать по 10 часов. Когда же Иван Павлович перевелся в кузницу, он был вынужден работать еще больше. Но мечта не давала покоя, и у Ивана Павловича появился шанс устроиться на металлургический завод в Гэри (Gary Works) [10, с. 200]. На этот новый завод, основанный компаньоном «Моргана Великолепного» – Дж. П. Моргана, стального короля Соединенных Штатов, крупным юристом Генри Элбертом Гэри (1846–1927), было тяжело попасть. Город с 50-тысячным населением и завод были названы в честь основателя [17, с. 178; 22, с. 302]. Чтобы там трудиться, надо было обладать хорошим физическим здоровьем. И вот летом 1911 г. удача была на стороне русского инженера, его взяли на прокатный цех, но обычным рабочим. Это никак не смущало Ивана Павловича, ведь, наконец, он работал там, где и хотел. Работа простым рабочим была очень сложной и низкооплачиваемой. Через некоторое время И.П. Бардин получил повышение, зарплату тоже повышали, но трудиться пришлось еще больше. Как писал биограф И. П. Бардина: «Металлургический процесс здесь был построен на принципе непрерывного потока... Механизмы опрокидывали уголь в огромные коксовые печи, неизвестные в Европе... Металлу не давали остыть до превращения в готовое изделие: рельсы, балки, трубы» [10, с. 201]. Работа была настолько сложной, что уже через две недели не было сил работать дальше. Бардин обратился к врачу, и оказалось, что случилось что-то с сердцем. После этого его уволили. Условия работы на американских предприятиях были тяжелыми, что отмечали советские инженеры, приезжавшие на стажировки в середине 1930-х гг. [25]. Но, думается, что большой удачей было то, что такой великий в будущем инженер по случаю не остался за границей, а вернулся на Родину [11, с. 35–41]. Во время пребывания И. П. Бардина в Америке он научился не сдаваться, прошел школу закалки, поработал с иностранным оборудованием и очень близко узнал устройство американских заводов. Это помогло в дальнейшем при строительстве мощнейшего советского Кузнецкого

металлургического завода. Кстати, Магнитогорский металлургический комбинат, возводимый недалеко, был копией завода в Гэри, и помогали строить его американцы [13, с. 12].

Вернувшись на родину, Иван Павлович нашел работу на Юзовском металлургическом заводе, где произошел перелом в карьере. Там он познакомился с выдающимся русским мастером доменного дела – Михаилом Константиновичем Курако (1872–1920). Этот мастер, как его называл сам Иван Павлович, был его учителем, который много вложил в будущее молодого инженера. И. П. Бардин работал на южных заводах, повышая свою квалификацию. Южно-русские города были старинными центрами культуры и технических знаний [18, с. 876–885]. В 1917 г. его избрали главным инженером Енакиевского металлургического завода. Затем он перешел в Макеевку, где ему предстояло восстановить все оборудование и запустить получение металла. Дальше был самый крупный завод Юга в Каменском, где предстояло не только восстановить мощности, но и увеличить производительность. Иван Павлович был максималистом и всегда хотел добиться высоких результатов [21, с. 693–694]. В отношении советской власти И. П. Бардин, как и многие ученые-технари, преодолел скептицизм, проникся к ней доверием в отличие от многих представителей гуманитарных наук [19, с. 122–127].

Но мечтой инженера оставалось создание нового завода-гиганта, который был бы лучше иностранных предприятий. В конце 1920-х гг. был составлен первый пятилетний план, по которому усилился акцент на развитие металлургии. И в 1929 г. И. П. Бардину высшее руководство поручило строительство Кузнецкого металлургического комбината (КМК). Это было строительство нового завода с нуля в неосвоенной Сибири. Иван Павлович по дороге в Сибирь уже представлял, какой будет завод, город рядом с ним и будущее металлургии России. Строительство КМК имело прямое отношение к созданию второй металлургической базы на востоке страны. Идея о соединении угольного Кузбасса и рудного Урала в один промышленный комбинат высказывалась В. И. Лениным еще в годы Гражданской войны и в начале НЭПа. Весьма разумным казался принцип, по которому составы, везущие на Урал кузнецкий уголь, обратно возвращались с уральской рудой [24, с. 203–204]. В 1926–1927 гг. происходили важные подготовительные работы: «осуществлялись в особенности значительные затраты на энергетическое хозяйство в Кузнецком бассейне». Появилась мощная электростанция в Кемеровском районе [5, с. 163–164]. Урало-сибирское направление стройки соответствовало плану размещения производственных мощностей в глубоком тылу в случае войны [4, с. 354–369]. Отметим также, что на Урале в 1928 г. обнаружилась нехватка энергоносителей, план по такому сырью, как торф был выполнен только на 50 % [8, с. 51]. Работа закипела, сроки были сжатые, поэтому работали круглыми сутками и зимой в мороз, и летом в жару. Иван Павлович всегда наблюдал за строительством, был в курсе каждой проблемы [10, с. 204–205]. Большую помощь при строительстве КМК оказали американские консультанты, которые разрабатывали эскизы и проекты, передаваемые в собственность советского заказчика,

помогали при монтаже оборудования. Некоторые советские ИТР и рабочие были командированы в США для получения нового опыта [25, с. 226–227].

Но в строительстве КМК мы видим не только триумф советского труда, но и трагедию народа. КМК начинал строиться как завод для выпуска 320 тыс. тонн чугуна в годы НЭПа, что представлялось разумным, в частности И. П. Бардину. Но строительство завода осуществлялось по эскизным чертежам, без проектов, поэтому были неоднократные перестройки. В годы форсированной индустриализации стройка передавалась от одного ведомства к другому, и каждое из них увеличивало капиталовложения. В итоге мощности завода постоянно увеличивались: до полумиллиона тонн, затем 1,2 млн т, а в конце 2,5 млн т ежегодно [5, с. 53]. На стройку хлынул приток большой массы низкоквалифицированной рабочей силы, в частности из крестьян близлежащих деревень. Резко обострилась жилищная проблема. В Кузнецке на одного рядового местного жителя в 1932 г. приходилось не более 2 кв. м площади. Ситуацию, сложившуюся с жильем в регионе, остро критиковал народный комиссар тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе. Побывав в Магнитогорске, он высказался, что «назвали какую-то дрянь "соцгородом". Социалистический город, а в нем жить нельзя» [5, с. 225]. Жилищные условия простых рабочих улучшались очень медленно: ютились в общежитиях, бригадных или семейных бараках, в палатках, землянках, шатрах, балаганах, юртах, списанных железнодорожных вагонах [5, с. 226]. Но для высокого начальства главной задачей было получение сибирского чугуна, а не быт народа.

Г.К. Орджоникидзе часто приезжал на помощь И. П. Бардину. Иван Павлович вспоминал о наркоме: «он знает в лицо уйму людей, с бесчисленным количеством металлургов переписывается. Любой мастер или инженер, приехавший в Москву с новостройки, может побеседовать с наркомом. Доступ всегда открыт» [6, с. 20]. Чугун в Магнитогорске был получен 31 марта 1932 г. [10, с. 206]. Это была победа И. П. Бардина! В апреле этого же года Бардин получил звание академика. Он получил это звание не за научные открытия или научный вклад, а за практическое применение знаний, которые были накоплены в течение всей жизни.

В годы войны И. П. Бардин участвовал в разворачивании эвакуированных металлургических мощностей и строительстве новых производств на Урале, в Сибири, Средней Азии и в Закавказье. Бардин в самые тяжелые месяцы войны 1941–1943 гг. участвовал в экспедициях по поиску новых резервов топлива, руд, других полезных ископаемых на Урале, на территории Западной Сибири и Казахстана. Крайне важной работой была организация выплавки в доменных печах Магнитогорского, Нижне-Тагильского и Серовского комбинатов ферросплавов [21, с. 698]. Без них не состоялось бы производство высококачественной брони, благодаря которой на одном только Челябинском танковом заводе было произведено за 1942 г. 3608 танков KB и Т-34 [14, с. 8]. Бардина часто направляли на осмотр освобожденных, но разрушенных захватчиками заводов у самой передовой. В 1943–1944 гг. он участвовал в восстановлении Ново-Туйского, Сталинградского, Луганского заводов, предприятий Донбасса, Кри-

ворожья, Приднепровья и Днепровской ГЭС. Успехи науки и техники в годы войны укрепляли уверенность народа в приближении Победы [11, с. 139–141].

И. П. Бардин понимал, что развитие металлургии без науки невозможно, поэтому он поддерживал активные научные разработки в металлургической сфере. Сам Иван Павлович активно работал над внедрением использования кислорода в доменном и сталеплавильном производстве. Иван Павлович был в курсе работ АН союзных ССР [8, с. 41].

И. П. Бардин анализировал работу многочисленных предприятий за рубежом. В США были поражены, когда в октябре 1957 г. академик рассказал, как можно получить на доменной печи одного из заводов в Чикаго 75 тыс. тонн металла, и американские металлурги сумели произвести 74 592 тонны. В конце 1950-х гг. произошел интересный случай, когда академик Бардин возглавлял делегацию металлургов, приехавшую в Восточный Берлин. Тогда представители ФРГ пытались изобразить наших производителей некомпетентными в глазах рабочих ГДР. Но токарь из Ленинграда, первоклассный мастер Генрих Станиславович Борткевич (1922–1994) выиграл неформальное соревнование с немецким коллегой по скоростному вытачиванию деталей на одном из заводов еще не разделенного стеной Берлина. В итоге газеты Западного Берлина и ФРГ признали лидерство советских металлургов и токарей [3, с. 110–112]. И. П. Бардин, несмотря на заботы крупного ученого и общественного деятеля, всегда отвечал на письма, которые приходили к нему, хотя времени у него было очень немного, но он умел правильно распределять его. Умер Бардин Иван Павлович 7 января 1960 г. во время заседания в Госплане СССР, неожиданно остановилось сердце.

За свою насыщенную жизнь академик И. П. Бардин был награжден многими государственными наградами, в том числе Золотой Звездой Героя Социалистического Труда [23]. Иван Павлович был настоящим патриотом своей страны. Он делал великие дела не для собственного благополучия и своей знаменитости, а ради русского человека. Как он писал в одном из своих писем: «Ставить целью своей жизни счастье – это вполне правильно, но только с тем, чтобы оно было не для одного человека, например, для Вас, а для всех людей» [11, с. 176].

Библиографический список

1. Бричкин В. Н., Васильев В. В., Максимова Р. И. Производство глинозема: исторические этапы развития, проблемы и пути их решения. Ч. I // IPOLYTECH JOURNAL. 2023. Т. 27. № 3. С. 583–597.
2. Бричкин В. Н., Воробьев А. Г., Бажин В. Ю. Металлурги Горного института: традиции на службе Отечеству, науке и производству // Цветные металлы. 2020. № 10. С. 4–13.
3. Гостомыслов А. П. Токарное художество. Л.: Детская литература, 1989. 165 с.
4. Давыдов А. Ю. Территориальное размещение советской промышленности в контексте подготовки СССР к большой войне (1920-е – начало 1940-х годов) // Научный диалог. 2022. Т. 11. № 8. С. 354–369.
5. Давыдов А. Ю. «Социалистическая реконструкция» 1930-х годов. СССР идет к большой войне. СПб.: Евразия, 2023. 384 с.
6. Замостьянов А. А. Товарищ Серго // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2019. № 10 (58). С. 18–21.

7. Иван Павлович Бардин // Юный техник: популярный научно-технический журнал. 1972. № 7. С. 37–41.
8. Иванов С. Л., Фадеев Д. В., Кудрявцева Р.-Е.А. Добыча торфа: взгляд сквозь столетия // Вопросы истории. 2022. № 7-2. С. 45–63.
9. Кудрявцева Р. Е. А. Советская пропаганда на территории Северо-Запада России в период Великой Отечественной войны (1941–1943 гг.) // СССР во Второй мировой войне (1939–1945): проблемы исторической памяти. Санкт-Петербург, 15–16 октября 2020 г. СПб.: Свое издательство, 2020. С. 273–279.
10. Мезенин Н. А. Бардин // Повесть о мастерах железного дела. М.: Знание, 1973. С. 200–212.
11. Мезенцев В. А. Бардин. М.: Молодая гвардия, 1970. 208 с.
12. Микешин М. И. Андрей Федорович Дерябин // Во главе Горного института. Директора учебного заведения (1773–1918) / Афанасьев В. Г., Волошинова И. В., Друзин М. В., Лейберов А. И., Микешин М. И., Мокеев А. Б., Подольский С. И., Позина Л. Т., Рудник С. Н., Шайдунов В. Н. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2017. С. 76–87.
13. Орлов И. Б. Сталинская модернизация. Беседовал О. Н. Назаров // Историк. Журнал об актуальном прошлом. 2019. № 10 (58). С. 6–17.
14. Рудник С. Н., Хайкин М. М. Экономические истоки великой победы СССР во Второй мировой войне или «Почему Магнитогорск победил Рур» // Современное общество: проблемы, противоречия, решения: сб. науч. трудов Межвузовского научного семинара 29 мая 2020 г. СПб.: Санкт-Петербургский горный университет, 2020. С. 6–10.
15. Рудник С. Н., Самыловская Е. А. Петр I и развитие металлургии в России // Цветная металлургия. 2022. № 7. С. 5–14.
16. Рудник С. Н., Афанасьев В. Г., Самыловская Е. А. 250 лет на службе Отечеству: Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II в цифрах и фактах // Записки Горного института. 2023. Т. 263. С. 810–830.
17. Словарь американской истории с колониальных времен до Первой мировой войны / Исаев С. А., Каганович Б. С. Корсакова Н. Л., Носков В. В., Плешков В. Н., Ушаков В. А., Фурсенко А. А. (отв. ред.). СПб.: Дмитрий Буланин, 1997. 730 с.
18. Степанов С. В. Концепция «культурных гнезд» литературоведа Н. К. Пиксанова (1878–1969): к истории создания и обсуждения в научных кругах в 1920-е гг. // GLORIA BIBLIOSPHERAЕ (Нишката на Ариадна). София, 2016. С. 876–885.
19. Наркевич И. А., Степанов С. В., Звягин Ю. Ю. Преподавание гуманитарных и социальных наук в Петроградском (Ленинградском) химико-фармацевтическом институте в 1920-е годы // Формулы фармации. 2020. Т. 2. № 3. С. 122–127.
20. Тропов И. А. Женщины-работницы Санкт-Петербурга в конце XIX – начале XX века / Тропов И. А., Федькин А. В., Конкин А. А. // Научный диалог. 2020. № 12. С. 335–348.
21. Федоров А. С. Иван Павлович Бардин // Люди русской науки: очерки о выдающихся деятелях естествознания и техники. Т. 4. Техника / под ред. И. В. Кузнецова. М.: Наука, 1965. С. 692–703.
22. Фурсенко А. А. Династия Рокфеллеров. Нефтяные войны (конец XIX – начало XX века). М.: ИД «Дело» РАНХиГС, 2016. 704 с.
23. Чекалов В. Я. Бардин Иван Павлович – выдающийся ученый-металлург XX века // Енакиево как на ладони. Енакиево, 2010–2015. [Электронный ресурс]. URL: http://enakievets.info/publ/enakievo_kak_na_ladoni/zhiteli_enakievo/ivan_pavlovich_bardin/5-1-0-18 (дата обращения: 10.03.2023).
24. Чунтулов В. Т., Кривцова Н. С., Чунтулов А. В., Тюшев В. А. Экономическая история СССР. М.: Высшая школа, 1987. 368 с.
25. Шпотов Б. М. Американский бизнес и Советский Союз в 1920-е – 1930-е годы: лабиринты сотрудничества. М.: Кн. дом «Либроком», 2020. 320 с.

**Языковед В. И. Лыткин (1895–1981): между Москвой и Сыктывкаром
(по документам личного архивного фонда А. Е. Ванеева)**

В данной работе на основе документов личного архивного фонда коми-литературоведа А. Е. Ванеева представлены профессиональные связи известного лингвиста, финно-угроведа В. И. Лыткина с Коми филиалом АН СССР в 1950–1970-е гг. Сделан вывод о роли В. И. Лыткина в развитии филологической науки в Коми АССР.

In this work, based on the documents of the personal archival fund of literary critic A. E. Vaneev, the professional relations of the famous linguist, Finno-Ugric scholar V. I. Lytkin with the Komi branch of the USSR Academy of Sciences in the 1950s – 1970s are presented, the conclusion is made about the role of V. I. Lytkin in the development of philological science in the Komi ASSR.

Ключевые слова: В. И. Лыткин, А. Е. Ванеев, языковедение, куратороведение, Коми филиал АН СССР.

Key words: V. I. Lytkin, A. E. Vaneev, linguistics, curatorial studies, Komi branch of the USSR Academy of Sciences.

Василий Ильич Лыткин известен в профессиональной среде финно-угроведов как ученый-лингвист, поэт, один из основоположников коми советской литературы и филологической науки. Уроженец Коми края после учебы в городском высшем начальном училище Усть-Сысольска (1910–1912), учительской семинарии г. Тотьмы (1912–1916) работал школьным учителем, одновременно пробуя себя в общественной и литературной работе. Высшее образование он получил в I Московском государственном университете (1922–1925), стал аспирантом Института народов Востока РАНИОН (1926–1929). В аспирантские годы состоялись так необходимые ему для дальнейшей работы зарубежные стажировки в Финляндии и Венгрии – центрах финно-угорского сравнительно-исторического языковедения того времени. В 1927 г., сдав экстерном экзамены за курс Будапештского университета и представив свою работу «С-овые суффиксы в пермских языках» (на венгер. яз.), В. И. Лыткин был удостоен ученой степени доктора философии Будапештского университета. 1930-е гг. стали годами испытаний: арест Лыткина, отбывание трехлетнего срока в Дальлаге НКВД (Хабаровский край), утрата многих книг и рукописей из домашней библиотеки, обвинения на страницах печати в национализме. Возвращение Лыткина к научной работе состоялось лишь в 1940-е гг. В 1943 г. он защитил кандидатскую диссертацию («Древнепермская графика»), а в 1946 г. – докторскую («Древнепермский язык и историческая грамматика пермских языков»). Получив звание профессора (1947), он работал в разные годы в Московском областном пединституте, педагогическом институте Рязани, Институте языковедения АН СССР. После реабилитации 1956 г. Лыткин стал членом Союза писателей СССР (1958), заведующим сектором финно-угорских языков Института языковедения АН СССР (1961–1972), почетным членом Финно-

угорского общества (Хельсинки, 1969), почетным членом Общества родного языка АН Эстонской ССР (Таллин, 1974) [1; 3].

С конца 1940-х гг. и до своего ухода из жизни В. И. Лыткин не прерывал связь с Коми АССР: занимался вопросами финно-угорского языкознания, консультировал ученых, откликался своими рецензиями на их работы.

Оценивая степень изученности жизненного пути, научной и литературной деятельности В. И. Лыткина, отметим издание в 1990–2000-е гг. множества статей в газетах, журналах, сборниках материалов конференций Республики Коми, Удмуртской Республики, Ханты-Мансийского АО, Эстонии, Финляндии, Германии. К 100-летию со дня рождения В. И. Лыткина был издан в Гамбурге биобиблиографический указатель (1995) [1, с. 418–427]. А в 2013 г. в Сыктывкаре вышла книга М. И. Бурлыкиной «Финно-угровед Василий Лыткин (Илля Вась). Жизнь и творчество». В одном из ее параграфов на основе опубликованных источников освещаются творческие связи Лыткина с Коми филиалом АН СССР [1, с. 345–357]. Уже написанное о В. И. Лыткине по этому вопросу можно дополнить интересными данными из архивных документов.

Цель работы – охарактеризовать профессиональные контакты В. И. Лыткина с Коми филиалом АН СССР в 1950–1970-е гг.

В качестве источников использованы документы личного фонда А. Е. Ванеева (1933–2001) в Научном архиве ФИЦ «Коми НЦ УрО РАН»: письма В. И. Лыткина сотрудникам Коми филиала АН СССР А. Е. Ванееву (1961, 1962, 1964, 1966–1970, 1973, 1976 гг.), И. М. Ванеевой (1974), Е. А. Игушеву (1969); письма А. Е. Ванеева И. М. Ванеевой с упоминаниями о встречах с Лыткиным (1958, 1961), отзыв В. И. Лыткина о диссертации А. Е. Ванеева (1963), дневниковая запись И. М. Ванеевой о пребывании в гостях у В. И. Лыткина в Москве (1971); сценарий телепередачи Ухтинской студии телевидения (авторы А. Е. Ванеев, Е. С. Гуляев) «Ученый и поэт. К 75-летию со дня рождения В. И. Лыткина» (1970); сценарий телепередачи «Крупный коми ученый и писатель (К 80-летию со дня рождения Василия Ильича Лыткина)» (автор – А. Е. Ванеев) (1975); машинопись статьи А. Е. Ванеева «Ыджыд коми ученый да писатель» («Большой коми ученый и писатель») (1980) [5–10].

Для представления информационных возможностей названных источников необходимо обозначить характер отношений В.И. Лыткина и А.Е. Ванеева. Когда профессор В. И. Лыткин после реабилитации работал в секторе финно-угорских языков Института языкознания АН СССР, Альберт Ванеев только входил в науку, обучался в аспирантуре Коми филиала АН СССР по специальности «Теория литературы». В этот период началось профессиональное общение Лыткина и Ванеева.

К этому времени Василий Ильич состоял в комиссии по обследованию и оказанию научной помощи Коми филиалу АН СССР. Комиссия (в нее вошли специалисты разных наук) была создана в 1955 г. по распоряжению Президиума АН СССР в связи с просьбой Коми филиала и Коми обкома КПСС [2, с. 162]. Это была не первая комиссия, связавшая Москву и Сыктывкар. В Президиуме АН СССР с начала 1950-х гг. обращали внимание на развитие языко-

знания в республиках СССР. В 1951 г. приняли решение о проведении Институтом языкознания АН СССР и Коми филиалом совместного совещания по вопросам теории и истории коми языка. Для подготовки совещания была создана комиссия, куда вошел и В. И. Лыткин. Масштабное научное совещание состоялось в Сыктывкаре в феврале 1952 г. [1, с. 346].

В мае 1958 г. В.И. Лыткин читал в Коми филиале АН СССР трехчасовую лекцию о древнейшей истории народа коми. «Понравилось здорово! – писал об этом А. Е. Ванеев. – У него кристально чистый коми язык. Я был в восторге!» [9, л. 4]. В феврале 1961 г. аспирант А. Е. Ванеев был командирован в Москву для консультации с научным руководителем кандидатского исследования профессором В. М. Сидельниковым. В ту поездку настоящей удачей стала личная встреча Ванеева с В. И. Лыткиным. Удалось не только побывать в гостях у профессора, но и неспешно поговорить с ним. В. И. Лыткин, «душой болевший за аспирантов» из Коми, согласился прочесть диссертацию и написать подробную рецензию как возможный официальный оппонент на защите. Альберт Ванеев был этому несказанно рад.

В. И. Лыткин с особым тщанием прочел текст. Его отзыв на диссертацию молодого литературоведа был самым подробным (почти 10 листов) и наиболее критичным (в сравнении с отзывами иных рецензентов). Носитель коми языка и знаток национальной литературы Василий Ильич, как никто другой, смог обнаружить успехи и промахи в исследовании. Он видел в авторе талантливого поэта, вдумчивого человека и ожидал от него большей критичности в оценке слабых сторон стихотворной продукции современных коми поэтов: «Там, где не соблюдаются элементарные требования общей поэтики, нельзя говорить о мастерстве – независимо от идейной стороны произведения» [6, л. 37].

На примере этой диссертации В. И. Лыткин сформулировал важную задачу для литературоведов-современников родной республики: выявить специфические средства художественного выражения, которыми располагает коми язык, разобраться, как используются эти средства поэтами, какие новые приемы образной речи появились за десятилетия жизни коми советской поэзии, все это рассмотреть в движении, в развитии, «тем более, что в этом плане мастерство коми поэтов совершенно не изучалось» [6, л. 38].

Диссертация А. Е. Ванеева стала первой и единственной на тот момент работой, посвященной коми-поэтике, официальным оппонентом на ее защите выступил В. И. Лыткин. Так укрепилась связь между зрелым и начинающим учеными и уже больше не обрывалась. Василий Ильич следил за научным и поэтическим творчеством Альберта Ванеева, интересовался литературным процессом в Коми АССР, принимал земляков у себя в Москве. Одна из таких встреч состоялась 4 декабря 1971 г., когда супруги Ванеевы, находясь в столице, побывали в гостях у профессора В. И. Лыткина. В коротких дневниковых записях И. М. Ванеевой читаем: «В 7 час. приглашены в гости к В. И. Лыткину. <...>. Василий Ильич с Альбертом в кабинете ведут беседу о рукописи Альберта "Эстетика Куратова". Впоследствии он говорил о ней тепло. За столом говорили о Коми Земле, о поэтах и коми прозаиках. Когда садились за стол, он со

смехом объявил, что они с Альбертом заключили обязательство: Альберт напишет докторскую диссертацию, пока он [Лыткин] жив, а он, в свою очередь, не умрет, пока Альберт не напишет докторской диссертации, а то оппонировать некому будет». Впоследствии он несколько раз со смехом обращался к этой шутке [7, л. 1, 2].

Под руководством профессора В. И. Лыткина защитили кандидатские диссертации свыше двадцати аспирантов, ставшие специалистами по коми, русскому, удмуртскому, марийскому, мордовскому, финскому языкам. Среди них Е. А. Игушев. В архивном фонде Ванеева сохранилось письмо 1969 г. В. И. Лыткина Е. А. Игушеву (будущему профессору) с предложением взять тему кандидатского исследования «Русские заимствования в ижемском диалекте коми языка» (В. И. Лыткин стал научным руководителем Е. А. Игушева) [10, л. 1]. Диссертация состоялась, защита прошла в 1973 г.

Личные приезды В. И. Лыткина в Сыктывкар нередко были связаны с собственной научно-исследовательской работой: во второй половине 1960-х он трудился над составлением этимологического словаря коми языка [4] и искал встреч с людьми, хорошо знавшими удорский диалект, с вишерцами (жителями сел, расположенных на берегах р. Вишера Корткеросского района Коми АССР). Об этом он писал А. Е. Ванееву.

Находясь в Москве или навещая родные края, Василий Ильич был участником и консультантом в развитии одного из центральных направлений коми-литературоведения – куратоведения (изучение жизни и творчества основоположника коми-литературы И. А. Куратова (1839–1875)). Когда в 1964 г. культурная общественность Коми АССР отмечала 125-летие со дня рождения коми поэта, было решено поддержать предложение профессора В. И. Лыткина о ежегодном проведении в Сыктывкаре научных заседаний – «Куратовских чтений» с последующим выпуском материалов конференции. Призванные привлечь научное и общественное внимание к жизни и творчеству И. А. Куратова, «Чтения» стали площадкой для встреч литераторов и ученых, мотивировали научный поиск и публикации материалов о поэте, издание его трудов. Василий Ильич следил и за проходившими конференциями, сам в них участвовал в качестве председателя оргкомитета и докладчика («Как Куратов переводил на коми язык стихотворения Пушкина», «Рифма в поэзии Куратова», «Стихи Шиллера в поэзии Куратова» и др.). Собираясь в Сыктывкар летом 1969 г., чтобы представить доклад «Из истории изучения Куратова», он вновь предварительно связался с Альбертом Ванеевым и обозначил очередную задачу для литературоведов республики – приступить к публикации материалов «Куратовских чтений», просить об этом руководство Коми АССР [8]. Эта задача была решена.

К юбилеям В. И. Лыткина в Республике Коми издавались статьи, посвященные профессору, выходили телепередачи, в которых знакомили зрителей с основными вехами биографии ученого, отмечали чрезвычайную многогранность его научной деятельности, стойкий интерес к вопросам языкознания: «Пожалуй, мало таких вопросов по пермским языкам и, прежде всего, по коми

языку, которые в той или иной степени не были бы затронуты в научных трудах В. И. Лыткина» [5, л. 4].

В 1970-е гг. профессиональные контакты В. И. Лыткина с учеными Коми АССР стали еще более тесными: в 1972–1973 гг. он исполнял должность научного консультанта сектора языка Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, в 1976 г. – старшего научного сотрудника этого же сектора, в 1972–1981 гг. сотрудничал с Сыктывкарским университетом.

Уроженец Зырянского края В. И. Лыткин получил признание в Европе и СССР как ученый-языковед, исследователь истории формирования лексики коми языка, коми-русских языковых контактов, автор учебников по исторической грамматике. Как литературовед, он представил свою концепцию развития коми-литературы, углубил представление об особенностях духовной культуры народа коми. Состоялся В. И. Лыткин и как поэт, переводчик произведений финно-угорской и европейской поэзии. Неразрывная связь с республикой, деятелями науки и культуры Коми, внимание к молодым ученым представляют В. И. Лыткина также как педагога, наставника, куратора.

Сложившиеся во второй половине XX в. профессиональные контакты между Институтом языкознания АН СССР и Коми филиалом, в том числе благодаря деятельности В. И. Лыткина, обеспечивало научную поддержку ученых столицы исследователям национальной республики.

Библиографический список

1. Бурлыкина М.И. Финно-угровед Василий Лыткин (Илля Вась). Жизнь и творчество. Сыктывкар, 2013. 432 с.
2. Документальная история Коми научного центра УрО РАН. Коми филиал АН СССР в 1944–1964 гг. Сыктывкар, 2009. 456 с.
3. Жеребцов И. Л., Некрасова Г. А., Демин В. Н. В. И. Лыткин: жизнь и творчество. Сыктывкар, 1997. 58 с.
4. Краткий этимологический словарь коми языка / В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев. М., 1970. 386 с.
5. Научный архив Коми НЦ УрО РАН (НА КНЦ УрО РАН). Ф. 54. Оп. 1. Д. 274.
6. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 54. Оп. 2. Д. 2.
7. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 54. Оп. 2. Д. 34.
8. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 54. Оп. 3. Д. 61.
9. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 54. Оп. 3. Д. 118.
10. НА КНЦ УрО РАН. Ф. 54. Оп. 3. Д. 165.

Л. Н. Семенова, С. Д. Лабонина

Деятельность учреждений культурно-досугового типа в г. Гатчине Ленинградской области (1970–1980-е гг.)

В малых городах и районных центрах, которым в 1970–1980-е гг. являлся г. Гатчина Ленинградской области, учреждения культуры традиционно определяли уклад и повседневную жизнь местного населения. Они же оказывали влияние на формирование общественного сознания, виды социальной активности граждан и местных сообществ. Несмотря на отсутствие необходимых ресурсов, органы местного самоуправления в прошлом и настоящем

способствуют продвижению культуры в районных городах и их окрестностях, открывают всё новые культурные и досуговые объекты, совершенствуя деятельность традиционных учреждений культурно-досугового типа в соответствии с требованиями времени.

In small towns and regional centers, which in the 1970s and 1980s was the city of Gatchina in the Leningrad Region, cultural institutions traditionally determined the way of life and everyday life of the local population. They also influenced the formation of public consciousness, the types of social activity of citizens and local communities. Despite the lack of necessary resources, local self-government bodies in the past and present contribute to the promotion of culture in regional cities and their environs, open new cultural and leisure facilities, improving the activities of traditional cultural and leisure institutions in accordance with the requirements of the time.

Ключевые слова: малые города, районные центры, Ленинградская область, массовая культура, культурно-досуговые центры, Дом культуры, библиотека.

Key words: small towns, district centers, Leningrad region, mass culture, cultural and leisure centers, House of Culture, library.

Гатчина – один из исторических центров Ленинградской области – сегодня является быстрорастущим и развивающимся современным городом.

В 1970 г. Гатчина была включена в список исторических городов РСФСР, имеющих архитектурные памятники, градостроительные ансамбли и комплексы, являющиеся памятниками национальной культуры [9, с. 12]. В последующие годы были проведены работы по реставрации и восстановлению исторических памятников архитектуры. С появлением новых транспортных маршрутов и возможности путешествовать Гатчина стала больше привлекать туристов. Одним из наиболее значимых событий было восстановление первых залов Гатчинского дворца – резиденции российских императоров. Дворец был открыт для посетителей 8 мая 1985 г. [1, л. 155].

В 1970–1980-х гг. развитие массовой культуры в СССР проходило так же поступательно, как и в предшествующие десятилетия в соответствии с партийными и государственными решениями. В решениях XXIV–XXVII партийных съездов, прошедших с 1971 по 1981 гг., задачи формирования нового человека, повышения культурного уровня населения и благосостояния народа, в том числе культуры и отдыха, развитие библиотечного дела, являлись главными направлениями социально-политического и духовного развития советского общества и задачами партии [8].

Важную роль в формировании культуры и развлечений городов и сёл страны традиционно играло кино. Самые крупные кинотеатры Ленинградской области находились в Сосновом Бору («Современник»), Выборге («Пограничник»), в Тосно («Космонавт») [11, с. 161]. В Гатчине уже с начала 1950-х гг. кинотеатр «Победа» занял особое место в жизни горожан. Он располагался в пристроенном к ДК зданию (1949 г.) на 300 мест. В кинотеатре, в котором было два зала: большой и малый, на протяжении десятилетий проходили кинопремьеры, детские утренники и новогодние ёлки, праздники для ветеранов войны и труда. Летний кинотеатр «Зелёный», находившийся на территории Приоратско-

го парка, действовал только в тёплое время года. Существовали кинозалы и в клубах промышленных предприятий города.

8 мая 1985 г. в год 40-летия со дня Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг., в центре города было открыто новое здание городского кинотеатра «Победа». Оно стало центром рождения творческих инициатив, среди которых до настоящего времени особое место в городском календаре мероприятий занимает Всероссийский кинофестиваль «Литература и кино» (проводится с 1995 г.).

Кинофестиваль возник благодаря тем, кто стоял у его истоков. Среди них гатчинцы: Валентина Иванова (1937–2008), которая много лет возглавляла комиссию по отбору фильмов для участия в кинофестивале; Генриэтта Ягибекова (1942–2022) на протяжении тринадцати лет – с 1995 по 2007 г. – была директором кинофестиваля «Литература и кино». Почетными гостями фестиваля и членами жюри были: Лев Аннинский, Рустам Хамдамов, Станислав Говорухин, Ежи Гофман, Кшиштоф Занусси, Катрин Денёв, Алиса Фрейндлих, Олег Басилашвили, Александра Маринина и др. [11, с. 152].

В целом кино способствовало сохранению культурного наследия и национального кода страны. В 1970–1980-е гг. советские фильмы посвящались трудовым будням, народным героям, отражали культурные ценности и идеалы советского общества, не только выявляли, но и вели борьбу с его недостатками [2, с. 42].

Органы местного самоуправления в Гатчине в 1970–80-е гг. были ответственны за организацию культурно-развлекательных мероприятий и обеспечение досуга горожан. Они заботились о создании и поддержке культурных учреждений, спортивных объектов, парков и других мест для отдыха и развлечений. Согласно планам отдела культуры исполнительного комитета Гатчинского городского Совета народных депутатов Ленинградской области в год для жителей города осуществлялось более 200 мероприятий, на что выделялось не менее 45 % от общего бюджета города [4, л. 10]. В своих воспоминаниях жители города высоко оценивают деятельность органов местного самоуправления того времени, которые предпринимали значительные усилия для создания и продвижения культурных и развлекательных услуг для жителей Гатчины и её гостей [6, л. 48].

Гатчина в 1970–1980-х гг. была одним из главных культурных центров Ленинградской области. Это было связано с географическим положением города, его богатым историческим наследием и развитой инфраструктурой [10, с. 56]. Большинство крупномасштабных мероприятий Ленинградской области проводилось именно в Гатчине и, в первую очередь, в городском Доме культуры, который был одним из главных культурных центров Гатчины и всего района. Его здание было построено в начале XX в. и являлось крупнейшим учреждением культуры в Ленинградской области.

Уже в 1946 г. Дом культуры стал центром отдыха и досуга. Здесь действовали кружки: хореографический, драматический, хоровой, проводились концерты, театральные постановки. Многие из них в дальнейшем выросли в

«народные» коллективы: народный академический хор «Акварель», образцовый фольклорный ансамбль «Коляды», театр «Встречи» и театр-студия «За углом», ансамбль бального танца, цирк «Гротеск» и многие другие [6, л. 10]. В конце 1960-х гг. появился и эстрадный оркестр, который позже стал джазовым (рук. В. В. Моисеев).

Гатчинский городской Дом культуры был известен как организатор эффективной массовой работы. В его арсенале было всё необходимое для проведения тематических концертных программ, профессиональных и государственных праздников, вечеров. По воскресеньям и в праздничные дни на площади у дворца и в Гатчинском парке на открытой эстраде музыкальные коллективы Дома культуры проводили концерты.

В Доме культуры начинал свою деятельность и один из старейших театров Ленинградской области – Гатчинский драматический театр. Первая постановка в нём прошла ещё перед войной в 1936 г. В 1961 г. Гатчинский драматический театр «Встречи» получил звание «народного». Театр являлся и является основным театральным коллективом в городе, в котором ставились драматические постановки, включая классические и современные пьесы: «Мастер и Маргарита» М. А. Булгакова (1971–1972), «Одиночество длиною в жизнь» В. И. Шухевича (1979) и др. Первым режиссёром театра был Александр Александрович Жуков [11, с. 204].

В конце 1970-х гг. новым режиссёром театра становится Сергей Алексеевич Рытов. В 1988 г. на основе Гатчинского театра «Встречи» создаются две театральные труппы. Сохранив своё название, театр «Встречи» приобретает профессиональный статус, а вторая труппа, объединённая в театр-студию «За углом», сохраняет статус народного театра и продолжает традиции именно народного театра. Своё название театр «За углом» получил благодаря месту расположения. Он до сих пор находится за углом тыльной стороны здания городского Дома культуры.

О работе в Доме культуры во второй половине 1970-х – 1980-е гг. вспоминает бывший директор Александра Кирилловна Козлова: «Работы было много... У нас здесь всё кипело и вертелось. Проходили возможные встречи, слёты, фестивали. Мы разъезжали с коллективами по всей Ленинградской области. Это было состояние необычайного творческого подъёма оттого, что наша деятельность была нужна людям» [13, с. 5]. Именно в Доме культуры состоялась первая безалкогольная свадьба. В голубой гостиной собирался клуб молодожёнов, проходили встречи с поэтами [12, с. 128–129].

По выходным дням в Доме культуры проводились вечера танцев для молодёжи, хотя публика была разновозрастной и достаточно пёстрой. Несмотря на то что зачастую здесь случались инциденты (драки и потасовки среди молодых людей, а порой и девушек), танцы были главным местом знакомств и проведения досуга молодёжи. Традиционными были тематические вечера, посвящённые празднованию 1 мая, Дню Победы, Новому году. Для поддержания порядка на вечерах всегда дежурили дружинники и милиция [7, л. 3].

В 1970–1980-е гг., несмотря на стремление населения к развлечениям более лёгкого порядка, в Гатчине большое внимание уделялось просвещению и чтению. Тогда в стране действовала масштабная система общественных библиотек, что позволяло жителям страны иметь свободный доступ к книгам [3, с. 25]. Для обеспечения доступа населения к духовным ценностям Гатчинский городской комитет народного контроля на заседании от 3 июня 1971 г. принял решение о создании новых действующих городских библиотек [1, л. 34].

В закрытом режиме на предприятиях Гатчины в начале 1970-х гг. работали профсоюзные и ведомственные библиотеки. Три производственных коллектива завода «Буревестник», имени Рошала, «Гатчинсельмаш» открыли свои библиотеки для населения своих микрорайонов. Всего в 1970-е гг. в Гатчине действовали 40 библиотек-передвижек, четыре народные библиотеки, работавшие на общественных началах [9, с. 37].

22 апреля 1973 г. в Гатчине открылось новое здание библиотеки им. А. И. Куприна на ул. Володарского, дом 17. В момент открытия фонд библиотеки составил 405 названий в 580 томах [5, с. 78]. За первый год работы библиотеки её посетило около 8 тыс. человек [3, с. 120]. Силами органов местного самоуправления и при активном участии населения в Гатчине удалось открыть не только новое здание Центральной городской библиотеки им. А. И. Куприна, но и три её филиала, физкультурно-оздоровительный комплекс «Маяк» и ряд других общественных зданий.

Доступность книг для трудящихся в 1970–1980-е гг. была гораздо выше, чем в предшествующие годы. По воспоминаниям большинства опрошенных гатчинцев в тот период в Гатчине активно проводились различные мероприятия, направленные на популяризацию чтения: книжные ярмарки, литературные чтения и литературно-музыкальные композиции, обзоры книг, лектории. В дни праздников библиотека проводила выставки книг в Доме культуры, гатчинском парке, на площадке «Юность» [6, л. 20].

На базе библиотеки имени А.И. Куприна с 1975 г. действовало общество книголюбов «Факел», осуществлялась книгоиздательская деятельность просветительского характера, 8 декабря 1979 г. библиотекой совместно с отделом культуры города был организован и проведён первый городской праздник «Литературная Гатчина» [2, с. 8].

Таким образом, в 70–80-х гг. XX в. в районных центрах страны, таких как Гатчина, расширялась база осуществления социально-культурной деятельности государственных и местных органов управления, которая способствовала удовлетворению потребностей населения в культуре и досуге. Гатчина была тем городом, которому исторически было суждено стать одним из центров культурно-досуговой жизни Ленинградской области. За многие годы существования творческие коллективы Гатчины выступали не только в своем городе, но и за его пределами, добиваясь значительных успехов в смотрах, фестивалях и конкурсах.

Библиографический список

1. Архивный отдел администрации муниципального образования «Гатчинский муниципальный район Ленинградской области» (Гатчинский архив). Ф. 7. Оп. 1. Д. 183. 191 л.
2. Библиотека во времени. Время в библиотеке. 120-летию Центральной городской библиотеке им. А. И. Куприна посвящается. Гатчина, 2019. 52 с.
3. Гаврилова Е. А. Развитие библиотечных сетей Ленинграда и Ленинградской области. М.: Наука, 1981. 159 с.
4. Государственное казённое учреждение «Ленинградский областной государственный архив в городе Выборге» (ГКУ ЛОГАВ) Ф. 4595. Оп. 1. Д. 20.
5. Иващенко Е. А. Кружковое движение в Гатчине: история и современность. Гатчина: Гатчинская городская библиотека, 2008. 108 с.
6. Личный архив С. Д. Лабониной. Ф. 1. Оп. 1. Гатчина и гатчинцы 1970–1980-х гг. Д. 1-3.
7. Личный архив Семеновой Л.Н. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3. Воспоминания.
8. Материалы XXIV съезда КПСС. М.: Политиздат, 1971. 320 с.; Материалы XXVI съезда КПСС. М.: Политиздат, 1981. 223 с.
9. Памяти достойны. Гатчина 1945–1975 годы. Гатчина, 2011. 76 с.
10. Пирютко Ю. М. Гатчина. Л.: Лениздат, 1975. 136 с.
11. Родионова Т. Ф. Гатчина: страницы истории. Гатчина: Изд. СЦДБ, 2006. 240 с.
12. Семенова Л. Н. Женский взгляд на молодую семью 1980-х гг. (по материалам воспоминаний и анкетирования современниц) // Домашняя повседневность населения России: история и современность: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. В. А. Верemenko. СПб.: Медиапaпир, 2022. Т. 2. С. 125–131.
13. Скорнякова З. Двери здесь всегда открыты // Гатчинская правда. 2000. 15 янв.

ВОЕННОЕ ДЕЛО И ВОЕННОЕ ИСКУССТВО

Н. Д. Чекулаев, М.-П. Б. Абдусаламов

К вопросу об историографии Терского казачества на Северном Кавказе (XVIII – нач. XX в.)

В статье рассматривается историография Терского казачества на Северном Кавказе в XVIII – нач. XX в. Подчеркивается, что особый научный интерес к казачеству проявился еще в XVIII в. Констатируется, что в отечественной историографии дореволюционного периода существовало два направления в исследовании истории казачества. Первое направление было представлено работами, где рассматривалась история казачества в контексте истории России в целом, как ее составляющий элемент. Второе направление включало труды, в которых исследователи рассматривали казачество как самостоятельный субъект истории.

The article examines the historiography of the Terek Cossacks in the North Caucasus in the 18th – early 20th century. It is emphasized that a special scientific interest in the Cossacks manifested itself in the 18th century. It is stated that in the Russian historiography of the pre-revolutionary period there were two directions in the study of the history of the Cossacks. The first direction was represented by works that examined the history of the Cossacks in the context of the history of Russia as a whole, as its constituent element. The second direction included works in which researchers considered the Cossacks as an independent subject of history.

Ключевые слова: Северный Кавказ, Терское казачество, историография, полк, кордонная линия, линейные войска, офицеры.

Key words: North Caucasus, Terek Cossacks, historiography, regiment, cordon line, line troops, officers.

Интерес отечественных исследователей к истории казачества возник еще в XVIII столетии. До 1917 г. в отечественной историографии можно выделить два вектора изучения казачества. Первое направление включает в себя труды историков, которые затрагивали эту проблему лишь в контексте рассмотрения российской истории, как ее составляющий элемент. Среди первых ученых, интересующихся историей казачества, были яркие представители отечественной исторической науки: В. Н. Татищев [25], Н. М. Карамзин [8], С. М. Соловьев [24], Н. И. Костомаров [11], В. О. Ключевский [10] и др. В их трудах были подняты вопросы, связанные со временем появления казачества, с исследованием его этнических корней. Здесь следует указать, что работы вышеназванных авторов до настоящего времени служат фундаментом разных концепций относительно начальной истории казачества.

Второе направление в изучении казачества представлено сочинениями, где казачество рассматривается как автономный субъект истории. В XVIII столетии у представителей отечественной историографии возникла заинтересованность в исследовании терского, гребенского, линейного и черноморского кавказского казачеств. В работах этих авторов было уделено внимание истории, генезису и описанию быта казачества, участию казаков в боевых акциях русских войск.

Одно из первых крупных научных исследований о казачестве – это работа, подготовленная военным инженером, ген.-майором А. И. Ригельманом [23], в которой были задействованы весьма ценные источники по этнографии и истории российского казачества на Северном Кавказе в XVIII столетии. Ригельман описал историю появления казаков на Днепре, откуда часть их переместилась на Дон, а они, в свою очередь, дали импульс формированию уральских, сибирских, некрасовских, терских семейных, гребенских, моздокских и волжских казаков.

Представителями дореволюционной историографии была внесена большая лепта в изучение казачества Северного Кавказа. Монографии по истории Кубанского, Черноморского, Терского и Гребенского казачеств не теряют своей актуальности и, по настоящее время, являются фундаментальными. Так, И. Л. Дебу подготовил труд, куда вошли материалы, собранные им в период с 1816 г. по 1826 гг. по истории казачьих станиц и казачества в целом на Кавказе [7].

В плане изучения истории казачества не остались в стороне и известные ученые-историки: П. Г. Бутков [3], С. М. Броневский [2], Н. Ф. Дубровин [10], А. А. Гордеев [6], М. А. Караулов [9], Г. Михайловский [14], С. Ф. Платонов [16], Ф. П. Пономарев [17], А. П. Пронштейн [20], И. В. Равинский [21], А. А. Ржевуский [22] и др.

И. Д. Попко – исследователь казачества внес весомый вклад в изучении данного вопроса. Два историко-этнографических исследования по терским и черноморским казакам – результаты многолетнего кропотливого труда И. Д. Попко [18]. Первая работа была посвящена появлению на Северном Кавказе для охраны южных границ империи нового казачьего войска – черноморских казаков. В работах И. Д. Попко значительное внимание отведено этнографии и истории казачества, предложена авторская версия генезиса казачества.

Исследователь Е. Д. Максимов, уделив немалое внимание проблеме происхождения казачества, выявил, что терские казаки появились раньше гребенских казаков [12]. По мнению автора, данный факт связан с важным историческим событием – основанием Иваном Грозным Терского городка, послужившего началом для создания Терского казачьего войска. Стоит отметить, что автором значительное внимание уделено и истории Гребенского казачьего войска, а также исследованию вопроса формирования моздокского, терско-кизлярского, терско-семейного, волжского войска. Кроме того, Е. Максимов в своем труде рассмотрел повинности и быт казаков.

Значимой фигурой в отечественной историографии в плане исследования проблемы казачества стал дореволюционный военный историк – академик В. А. Потто. Будучи крупным специалистом по истории военных действий русских войск на Кавказе, он подготовил двухтомную фундаментальную работу по Терскому казачеству [19]. Посвящена данная монография боевым действиям российской армии на Кавказе и роли в них казачьих войска. Вне поля зрения историка В. А. Потто не осталась и проблема генезиса казачества. При подготовке своих работ В. А. Потто опирался на народный фольклор казаков и горцев, архивные документы. В исследованиях В. А. Потто большое внимание уделено

черноморским и линейным казакам. В них рассмотрены также проблемы формирования линейных казачьих войск вследствие переселения казаков на Кубань, несение ими кордонной службы. Кроме того, В. А. Потто использовал большой статистический материал, иллюстрировавший число российского казачества в тот или иной период.

Весомую роль в ходе исследования истории Терского казачества играли такие издания, как «Записки Терского общества любителей казачьей старины», где публиковали свои сочинения Г. А. Ткачев [26], Н. П. Востоков [4], и «Сборник общества любителей казачьей старины», выпустивший работу И. Бирюкова о переселении на терское побережье Волжского казачьего войска [1].

Материалы по истории терского казачества публиковали также во Владикавказе в издававшемся там «Терском календаре». Рассмотрение краткого исторического очерка по истории Терского казачьего войска было обязательным при подаче публикации. При исследовании вопроса о составе войска отразилась правительственная точка зрения на казачество, «племенной состав» которого определялся не иначе как русские, а сословный – казаки.

К трехсотлетию Терского казачьего войска была опубликована монография, написанная С. Писаревым. На наш взгляд, ценность монографии и в том, что автор провел глубокое исследование, провел анализ состава пяти полков Терского войска: Сунженского, Владикавказского, Горско-Моздокского, Кизлярско-Гребенского, Волжского. Не оставил С. Писарев без своего внимания и проблему инородческого элемента в Терском войске [15].

В исследовании истории казачества весомый вклад внес П. Л. Юдин, опубликовавший документы Кизлярского комендантского архива [32]. П. Л. Юдин, как и другие исследователи, занимавшиеся историей казачества, уделил свое внимание вопросу генезиса казаков. Обнаруженные П. Л. Юдиным архивные документы показали состав казачьих войск на Кавказе в 1767 г., что позволило их разделить на три основные части – гребенских казаков, Терско-Семейное войско и Терское войско. П. Л. Юдин одним из первых среди исследователей истории казачества изучил неудавшийся опыт объединения гребенских и терско-семейных казаков в 1745 г.

В дореволюционной историографии к 30-м гг. XIX столетия появились две основные концепции о генезисе казачества: автохтонная и официальная. Сторонниками официальной теории являлись: С. М. Соловьев, В. Д. Сухоруков, Д. И. Иловайский, В. О. Ключевский и др. Автохтонной теории придерживались: О. А. Фотинский [27] и П. Голобуцкий [5]. По-иному эту проблему рассматривал М. И. Шаяков [29].

Работы Л. М. Мельникова [13], В. С. Шамрая [28], и А. И. Шершенко [30] посвящены вопросам обустройства иногородних и их взаимоотношениям с властью и казаками, отдельным аспектам социально-экономического положения иногородних.

Весомый вклад в исследование линейного и кубанского кавказского казачества внес член-корреспондент Императорской Академии наук Федор Андреевич Щербина [31]. Автор, затрагивая многовековую историю казачества,

предлагает свою версию об их происхождении, рассматривает проблему переселения казаков и последующего освоения ими Северного Кавказа. Кроме того, исследователь в своих трудах касается вопросов внутренней структуры кавказского казачества и их взаимоотношений с российским правительством. Ф. А. Щербина также дает богатую информацию о духовной культуре казаков, об их социальном устройстве.

Таким образом, вышеприведенный обзор историографии Терского казачества на Северном Кавказе дореволюционного периода показывает, что до 1917 г. преимущественно первыми исследователями терского и кубанского казачества являлись гражданские служащие, ученые-путешественники, офицеры, которые были достаточно хорошо знакомы с жизнью казачьих станиц, казачьим бытом и т. д. Их труды значительно обогатили отечественную историографию о казачестве в целом, позволили ознакомиться с историей и происхождением казачества, их бытом, духовной и материальной культурой, социальным устройством и т. д. Кроме того, следует отметить, что исследование истории казачества стало одним из важных направлений в отечественной историографии уже в дореволюционный период.

Библиографический список

1. Бирюков И. А. Несколько глав из истории Волжского казачьего войска // Сборник общества любителей казачьей старины. 1912. № 4. С. 326.
2. Броневский С. М. Новейшие географические и исторические известия о Кавказе: в 2 ч. / С. М. Броневский. М.: Тип. С. Селивановского, 1823. Ч. 1. 361 с.; Ч. 2. 471 с.
3. Бутков П. Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 год: в 3 ч. СПб.: Тип. имп. АН, 1869. Ч. 1. 648 с. Ч. 3. 620 с.
4. Востоков Н. П. Казачьи войска // ЗТОЖС. 1914. № 1. С. 71–77.
5. Голобуцкий П. Печенеги, торки, половцы до нашествия татар. История южно-русских степей IX–XI вв. Киев, 1884. 254 с.
6. Гордеев А. А. История казаков. Париж, 1968. Ч. 1: Золотая Орда и зарождение казачества. Ч. 1 145, [2] с.
7. Дебу И. Л. О Кавказской линии и присоединенном к ней Черноморском войске, или Общие замечания о поселенных полках, ограждающих Кавказскую линию, и о соседственных горских народах, собранные действительным статским советником и кавалером Иосифом Дебу с 1816 по 1826 год. СПб.: Тип. К. Крайя, 1829. XVI, XVI–XXXV, 463 с., 3 л. табл.
8. Карамзин Н. М. История государства Российского. М.: Изд-во Эксмо, 2006. 1024 с.
9. Караулов М. А. Очерки казачьей старины. Владикавказ: Типография Терского Областного Правления, 1910. 60 с. (Труды Терского О-ва любителей казачьей старины; Вып. 1).
10. Ключевский В. О. Курс русской истории в 5 ч. // Сочинения: в 9 т. М.: Наука, 1987. Т. 1. 430, [1] с.
11. Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. СПб.: Лениздат, 2007. Т. 1. 541, [2] с.
12. Максимов Е. Д. Терское казачье войско: Ист.-стат. Очерк. Владикавказ: Тип. Обл. правл. Тер. обл., 1890. 167 с.: табл.
13. Мельников Л. М. Иногородние в Кубанской области. Екатеринодар, 1900.
14. Михайловский Г. П. Исторические сведения о расколе среди терских (гребенских) казаков в XVIII столетии. Ставрополь: Тип. Губ. правл., ценз. 1877. 27 с.
15. Писарев С. И. Трехсотлетие Терскаго казачьяго войска 1577–1877: ко дню юбилейнаго празднования 3-го октября 1881 г. Владикавказ: Тип. Терскаго обл. правления, 1881. 52 с.
16. Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. М.: Астрель: АСТ, 2006. 703 с.

17. Пономарев О. П. Материалы к истории терских казаков: 1-й Малороссийский казачий полк. [Б.м.]: Тип. обл. правления Терской обл., 1902. 22 с.
18. Попко И. Д. Черноморские казаки в их гражданском и военном быту: Очерки края, о-ва, вооруж. силы и службы: в 17 рассказах, с эпилогом, карт. и 4 рис. с натуры: в 2 ч. СПб.: Тип. П. А. Кулиша, 1858. XIV, [2], 292, II, [2] с.
19. Потто В. А. Два века Терского Казачества (1577–1801). Владикавказ: Тип. Терского Областного правления, 1912. Т. 1: 117 с.; Т. 2. 247 с.
20. Пронштейн А. П. О воинской службе донских казаков в XVIII в. // Археографический ежегодник за 1965 год. М.: Наука, 1966. С. 369–375.
21. Равинский И. В. Хозяйственное описание Астраханской и Кавказской губерний: по гражданскому и естественному их состоянию в отношении к земледелию, промышленности и домоводству / сочиненное по начертанию Императорского Вольного Экономического Общества Высочайше одобренному и тщанием и иждивением оногo Общества изданное. СПб.: Императорская типография, 1809. 597 с.
22. Ржевуский Л. А. Терцы: Сборник исторических, бытовых и географически-статистических сведений о Терском казачьем войске. Владикавказ: Тип. Областного Правления Терской области, 1888. 287 с.
23. Ригельман А. И. История о донских казаках. Ростов н/Д.: Кн. изд-во, 1992. 220 с.
24. Соловьев С. М. История России с древнейших времен. М.: Эксмо, 2007. 1024 с.
25. Татищев В. Н. Собрание сочинений: в 8 т. М.: Науч.-изд. центр "Ладомир", 1996. Т. 7–8: История российская. Т. 7– 8: Окончание; Работы разных. 462 с.
26. Ткачев Г. А. Гребенские, терские и кизлярские казаки: книга для чтения в станичных и полковых школах, библиотеках и командах. Владикавказ: издание Войскового штаба Терского казачьего войска, 1911. 238 с.
27. Фотинский О. А. О происхождении южно-русского козачества. Житомир: Волынская губернская типография, 1903. 94 с.
28. Шамрай В. Историческая справка об иногородних в кубанской области по документам, извлеченным из дел Кубанского войскового архива // Кубанский сборник. Екатеринодар, 1900. Т. 7. С. 71–89.
29. Шаяков И. Начало казачества в России. Харьков, 1906. 16 с.
30. Шершенко А. И. Правовое и экономическое положение иногородних на Северном Кавказе в связи с хозяйственным развитием края. Екатеринодар, 1906. Вып. 1. Кубанская область. Статистический очерк. 131, [8] с.
31. Щербина Ф. А. История Кубанского казачьего войска. Екатеринодар, 1913. Т. 2. (Репринтное воспроизводство). 848 с.
32. Юдин П. Л. Материалы Кизлярского архива // Сборник общества любителей казачьей старины. 1912. № 6. С. 3–19.

Р. А. Адам

Русский флот: переход от парусного к паровому

В статье анализируется смена технологической парадигмы в русском флоте XIX в. – переход от парусных к паровым судам. Определены ключевые факторы, которые побудили к этой трансформации, а также разнообразные стратегии и методы, примененные в этом процессе: обучение морского персонала, интеграция международного опыта и внедрение новых технологий в судостроительной индустрии. Переход к паровому судоходству был длительным и сложным, однако он имел существенное значение для укрепления морской мощи России. В заключение подчеркивается актуальность извлеченных уроков и их применимость в современной эпохе, где технологические инновации в морской сфере остаются важной стратегической задачей.

The article analyzes the shift in technological paradigm in the Russian fleet of the 19th century - the transition from sailing ships to steamships. The study identifies key factors that prompted this transformation, as well as various strategies and methods employed in this process. It discusses the training of maritime personnel, the integration of international experience, and the implementation of new technologies in the shipbuilding industry. The transition to steam navigation was lengthy and complex, yet it held significant importance in strengthening Russia's maritime power. In conclusion, the relevance of the lessons learned and their applicability in the modern era, where technological innovations in the maritime sphere remain a crucial strategic task, is emphasized.

Ключевые слова: парусные суда, паровые суда, судостроение, русский флот, российский императорский флот.

Key words: sailing ships, steamships, shipbuilding, Russian fleet, Russian Imperial Navy.

К середине XIX в. отмечен значительный технологический прогресс в морском транспорте. С постепенным увеличением числа паровых судов в составе военных и торговых флотов мира произошло кардинальное изменение стратегии ведения боевых действий на море, что ярко проявилось во время Крымской войны [7, с. 264].

Крымская война началась в 1853 г. и была вызвана конфликтом интересов между Россией, Англией и Францией, связанным с восточным вопросом, главным образом с участием Турции. На момент начала войны противники имели явное превосходство в морских силах в три-четыре раза и в паровых кораблях в девять раз. Российский флот же продолжал оставаться преимущественно парусным, насчитывая 40 линейных кораблей, 15 парусных фрегатов и всего 16 пароходофрегатов [8, с. 26].

Именно техническая отсталость русского флота и стала причиной поражения в Крымской войне. В битвах с противниками, у которых были винтовые корабли, русский флот, состоявший главным образом из парусников, не мог соперничать в маневренности. В результате в 1854–1855 гг. русские моряки были вынуждены сами затопить Черноморский флот, понимая безнадежность сражения [7, с. 265].

Крымская война стала революционной, так как паровой флот впервые господствовал на морях и океанах. Изобретение винтового движителя сделало возможным создание более мощных и эффективных военных судов, что оказало значительное влияние на исход войн и конфликтов на море [2, с. 14].

Стало очевидно, что Российский императорский флот к 1856 г. устарел и требовал полной модернизации и перестройки. Великий князь Константин Николаевич писал «...Мне предоставлено доверием Государя создать России флот, ибо у нас нет флота» [4, с. 248].

В условиях изменений в кораблестроении, Морское министерство столкнулось с проблемой необходимости создания паровых судов, вооруженных мощной артиллерией, чтобы обеспечить флот «мощными орудиями морской войны» [14, с. 166]. Но экономические и политические факторы затрудняли процесс обновления флота [13, с. 157–158]. Великий князь Константин Николаевич в 1858 г. обратился в Государственный совет с просьбой выделить сред-

ства на строительство броненосцев, предупреждая, что без них русский флот превратится в «абсолютное ничтожество» [9, с. 125]. Однако деньги так и не были получены [13, с. 158].

В связи с отсутствием финансирования на новые корабли, наши кораблестроители были вынуждены ограничиться постройкой деревянных винтовых кораблей, копируя технологии Европы с отставанием в пять лет. Морское ведомство понимало ситуацию, но из-за тяжелого финансового положения страны не оставалось иного выхода [13, с. 159].

У русского флота после окончания Крымской войны также возникла проблема с ранее построенными деревянными винтовыми судами. Часть из них была переделана в броненосцы, однако это оказалось слишком дорогим, поэтому переделали только некоторые фрегаты. Реконструкция этих кораблей была примером недалекости и неэффективности бюрократического руководства и отсутствия технических знаний [16, с. 38]. Это было связано с тем, что корабли не были способны выйти в море из-за своих технических ограничений, а их броневая защита, калибр бортовых орудий, углы обстрела были несовершенными, что делало их неспособными сражаться с броненосными кораблями западных стран [5, с. 18–19].

Большинство парусных кораблей оставалось в составе флота до 1863 г. Некоторые из них были переоборудованы с паровыми машинами, но они не имели боевой ценности и продолжали использоваться еще 10–15 лет [16, с. 16]. Парусные суда, которые не были подходящими для боевых действий, использовались в качестве учебных кораблей, пока они не стали непригодными для эксплуатации. После этого они были проданы частным лицам [11, с. 95].

Несмотря на все сложности, русский флот в 1850-х гг. впервые вышел в Мировой океан. Константин Николаевич считал, что плавания за границу стоят дорого, но они очень важны для развития будущего флота. Чтобы извлечь максимальную пользу из этих плаваний, была создана специальная система отчетности и разбора. Она печаталась в «Морском сборнике» – официальном издании Морского министерства [10, с. 15].

Докладывая императору, генерал-адмирал Константин Николаевич писал, что корветы и клиперы плавали в океане «особенно тягостно», однако все сложности лишь воодушевляли офицеров, которых назначали в плавания. Регулярное нахождение русских эскадр в океане не только способствовало подготовке будущих моряков броненосного флота, но и было значимым фактором военного и дипломатического влияния на тихоокеанском регионе [12, с. 212–213].

В 1860–1870-х гг. Российский флот переживал следующий этап преобразований, который связывался с переходом страны к промышленному капитализму. Этот процесс был логически связан с отменой крепостного права в 1861 г., ставшей важным условием для дальнейшего экономического развития страны. Великие реформы 1860-х гг. привели к значительным преобразованиям в различных областях, включая военное дело [7, с. 415].

В 1860 г. Морское ведомство инициировало создание нового современного флота, основанного на идее о необходимости морской силы для защиты мор-

ских рубежей и проведения активной внешней политики. С этой целью была составлена вторая судостроительная программа, в первую очередь направленная на производство паровых и броненосных кораблей [6, с. 14].

Для создания парового и броненосного флота Россия вынуждена была провести масштабную перестройку кораблестроительной промышленности. Под этим подразумевалось создание частных судостроительных и механических заводов, которые были способны производить паровые и броненосные корабли. Этот процесс требовал значительных экономических и финансовых затрат, но был необходим для обеспечения безопасности морских границ [6, с. 15–16].

Для производства машин и станков, необходимых для крупномасштабного производства, для строительства железных дорог, паровозов, военных кораблей и судов, необходимы значительные запасы металла и энергии. В результате этого в России с 1860-х гг. начался быстрый рост металлургической промышленности [7, с. 419].

С 1860-х гг. и до конца столетия объем выплавки чугуна в России увеличился в почти десять раз (с 325 до 2922 тыс. т), а производство стали и железа выросло в 13 раз (с 206 до 2708 тыс. т). В начале этого периода основное внимание в металлургической промышленности уделялось производству железа, но к концу столетия выплавка стали составляла 83,3 % от общего объема произведенного металла [7, с. 422].

Хотя кораблестроительная промышленность была значительно расширена и модернизирована, она не смогла полностью удовлетворить потребности российского военно-морского флота в новых паровых судах и современном оборудовании. Поэтому правительство России часто заказывало за границей строительство военных кораблей, даже если это было не совсем необходимо [1, с. 522].

В 1879 г. Морское министерство представило Государственному совету свою точку зрения, согласно которой следует уменьшить приоритет производства всего необходимого для флота в России из отечественных материалов. В частности, при заказе корпусов и машин у местных заводов не следует ограничивать их использование российских материалов и разрешать им закупать необходимые материалы из-за рубежа [15, с. 301].

Наиболее острой проблемой, вставшей перед Российским флотом на этапе его модернизации, стала нехватка квалифицированного личного состава [7, с. 422].

В 1860–1870-е гг. в русском флоте существовала практика отбора офицеров, назначаемых на корабли, предназначенные для дальних походов. Отбор кандидатов осуществлялся на основе связей или протекции, а также за счет прежних заслуг. В результате, на таких кораблях служили офицеры, которые могли не иметь реального опыта военно-морского дела [3, с. 72].

Чтобы построить и управлять кораблями, необходимо было привлечь в военно-морской флот высококвалифицированных и технически грамотных людей, способных обеспечивать надлежащий уровень обслуживания новой боевой техники.

В 1860–1870-е гг. были созданы новые военно-морские учебные заведения, включая артиллерийские и минные офицерские классы, а Морской корпус был преобразован в Морское училище. Программы обучения были пересмотрены, время на практическую подготовку офицеров было значительно увеличено. Закон о всеобщей воинской повинности, принятый в 1874 г., заменил прежние рекрутские наборы. Эти изменения привели к сокращению численности личного состава флота и снижению срока службы на кораблях. Социальный состав флота изменился, поскольку стали призываться более подготовленные люди, включая рабочих из фабрик и заводов [15, с. 181].

Технологические и структурные преобразования второй половины XIX в. позволили перейти от индивидуального строительства паровых судов к серийному проектированию, обеспечивая эффективное развитие флота. Восстановление Черноморского флота и активные преобразования Балтийского флота явились важными стратегическими приоритетами, поддерживавшими морскую мощь Российской империи. Данный переходный период оказался важным этапом в истории развития русского флота и его способности адаптироваться к современным технологическим вызовам.

Библиографический список

1. Бескровный Л. Г. Русская армия и флот в XIX в. Военно-экономический потенциал России. М.: Наука, 1973. 616 с.
2. Броненосные фрегаты и тараны // Морской сборник. 1862. № 2. С. 12–19.
3. Вердеревский Д. Причины упадка личного состава нашего флота и пути к его возрождению // Морской сборник. 1906. № 1. С. 72.
4. Головин А. В. Великий князь Константин Николаевич. СПб.: Д.А.Р.К., 2006. 248 с.
5. Грибовский В. Ю. Русские броненосные корабли переходного периода. СПб.: Б.и., 1999. 33 с.
6. Губер К. Броненосцы Российского флота. СПб.: Галерея Принт, 2000. 200 с.
7. Золотарев В. А. Три столетия Российского флота, XIX – начало XX века / В.А. Золотарев, И. А. Козлов. М.: АСТ, 2004. 685 с.
8. Исаков И. Адмирал Нахимов // Новый мир. 1952. № 7. С. 26–32.
9. Коршунов Ю. Л. Генерал-адмиралы Российского императорского флота. СПб.: Нева, 2003. 320 с.
10. Лагутина Е. И. Журнал «Морской сборник» как источник по истории русского военно-морского флота (1848–1905 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1982. 26 с.
11. Мордовин П. А. Русское судостроение в течение последних 25 лет. 1855–1880 гг. // Морской сборник. 1881. № 8. С. 95–113.
12. Обзор деятельности морского управления в России в первое двадцатипятилетие благополучного царствования Государя Императора Александра Николаевича. 1855–1880 гг. СПб.: Тип. Мор. М-ва, 1880. Ч. 1. 995 с.
13. Огородников С. Ф. Исторический обзор развития и деятельности Морского министерства за сто лет его существования (1802–1902 гг.). СПб.: Тип. Морс. М-ва, 1902. 263 с.
14. Русский военный флот в 1862 году // Русское военное обозрение. 1864. № 4. С. 161–175.
15. Шершов А. П. К истории военного кораблестроения. М.: Военмориздат ВММ СССР, 1952. 357 с.
16. Широкоград А. Б. Россия-Англия: неизвестная война, 1855–1907. М.: АСТ, 2003. 512 с.

Взаимодействие центральных и местных органов власти по жизнеобеспечению населения блокадного Ленинграда

В данной статье освещена одна из очень важных проблем, решаемых в годы блокады города Ленинграда – взаимодействие государственных и местных органов власти по жизнеобеспечению его населения. В частности, речь идет об организации эвакуации нетрудоспособного населения (стариков, детей, тяжелобольных и тяжелораненых), организации их питания, медицинского обслуживания по пути следования и размещения в местах их постоянного проживания.

This article highlights one of the very important problems solved during the years of the siege of the city of Leningrad – the interaction of state and local authorities on the life support of its population. In particular, we are talking about organizing the evacuation of the disabled population (the elderly, children, seriously ill and seriously injured), organizing their meals, medical care along the way and accommodation in their places of permanent residence.

Ключевые слова: Ленинград, блокада, эвакуация, жители блокадного Ленинграда, государственные и местные органы власти.

Key words: Leningrad, blockade, evacuation, residents of besieged Leningrad, state and local authorities.

В этом году все прогрессивные люди мира, народы бывшего Советского Союза отмечают событие мирового значения – 80 лет с тех пор, как Ленинград был полностью освобожден от вражеской блокады.

Однако, к нашему большому сожалению, в исторических публикациях конца 1980-х и до нулевых годов военные операции Советской армии и деятельность национальных и местных властей по защите населения осажденных городов и их жизнеобеспечению не освещались.

Мы все очень хорошо знаем, что в боевых ситуациях менталитет солдат очень важен. Именно это душевное состояние является источником боевого упорства людей в тяжелой вооруженной борьбе с коварным и могущественным противником.

Поддержание духовной силы воинов-защитников Ленинграда является предметом постоянного внимания Советского государства, его национальных и местных институтов и их взаимодействия. Это особенно важно в экстремальных условиях блокады города. Фактически 900 бойцов находились в прифронтовых условиях под постоянным огнем противника.

Поддержание высокого морального духа военнослужащих Ленфронта и Краснознаменного Балтийского флота (КБФ), а также различные формы политической и воспитательной работы осуществлялись с помощью различных аспектов, в том числе посредством защиты семей военнослужащих.

Это было особенно важно для оборонительной стабильности блокадного Ленинграда. Дело в том, что среди солдат Ленинградского фронта и КБФ есть важный класс, состоящий из ленинцев, чьи семьи остались в городе после сня-

тия блокады. Только за первые три месяца войны по линии Ленинградской армии народного ополчения на защиту города было направлено 135 400 солдат и командиров [3, с. 31]. Всего за время битвы за Ленинград город отправил на фронт 238 тыс. бойцов народного ополчения. Из них было сформировано десять дивизий народного ополчения. Впоследствии они составили костяк 7-й пехотной дивизии, оборонявшей город на протяжении всей блокады, участвовавшей в его прорыве и освобождении.

В первые несколько месяцев войны 20 тыс. ленинградцев были мобилизованы на Балтийский флот. На флоте есть войска, состоящие на 90 % из ленинградцев [6, л. 55]. Поэтому население осажденного города, солдаты на передовой и флот связаны кровными узами. Защитники города и их семьи оказались в едином кольце блокады, и вместе они переносили невероятные лишения в условиях осажденного города. Поэтому успех его обороны напрямую зависел от степени защищенности населения Ленинграда.

В этих условиях центральные и местные власти сотрудничали друг с другом и с военными комитетами Ленинградского фронта и КБФ, чтобы постоянно оказывать посильную помощь населению, находящемуся в блокаде. В этой работе было подчеркнуто важное направление: организация эвакуации части населения из осажденных городов.

Было два периода эвакуации населения из Ленинграда. Первый период был до начала блокады города, с 29 июня по 27 августа 1941 г. За это время из Ленинграда было эвакуировано около 400 тыс. детей [1, с. 22]. Большинство из них были доставлены в неоккупированные районы для того, чтобы вывести их из-под авиаударов по городу.

Второй период – это эвакуация во время блокады. С одной стороны, она характеризуется большими масштабами, с другой стороны, эвакуация происходила в условиях голода, болезней, вызванных истощением, и сильных морозов. Поэтому это требовало больших усилий со стороны центральных и местных властей, Военного комитета Ленинградского фронта.

Заместитель председателя Совнаркома Советского Союза А. Н. Косыгин постоянно участвовал в эвакуации населения из Ленинграда. В городе был основан эвакуационный комитет во главе с П. С. Попковым.

Военный комитет фронта 6 декабря 1941 г. принял специальное постановление «Об эвакуации людей из Ленинграда» [2, с. 286]. В этой резолюции задача состояла в том, чтобы довести количество экспортируемых товаров до 5 тыс. в день с 20 декабря 1941 г. Предусматривался ряд важных мер по обеспечению организации эвакуации персонала и поддержания его здоровья: выделение крытых транспортных средств, создание оборотного фонда теплой одежды – одеял, валенок, шапок, варежек на каждую тысячу человек, создание транзитных пунктов и пунктов питания и т.д. В постановлении указаны технические характеристики продуктов пунктов питания: хлеб – по 400 г, детям до 14 лет – горячие блюда два раза в день. Эвакуация должна проходить по маршруту железной дороги до станции Ваганово, затем по ледовой дороге на автомобиле и далее до станции Заборье.

Постановлением Военного комитета Ленинградского фронта от 21 января 1942 г. был предусмотрен подробный план эвакуации населения из Ленинграда. Он обеспечивал эвакуацию по маршруту Финляндский вокзал – ст. Железная дорога Ваганово, станция Ваганово – станция Жихарево – автодорога и от станции Жихарево до Вологды, Ярославля – железная дорога. Постановление предусматривало выделение 50 автобусов не только для создания пунктов питания вдоль шоссе, но и для создания медицинских учреждений. В нем устанавливалось четкое расписание железнодорожных и автомобильных перевозок. Кроме того, была введена штатная должность заместителя начальника прифронтовых дорог по эвакуации населения из Ленинграда.

Стандарты питания для эвакуированных улучшались. На станции Жихарево планировалось выдавать по 800 г хлеба и 200 г мясных продуктов на человека сроком на 2 дня, а детям в возрасте до 16 лет – по плитке шоколада. В Волхове, Тихвине, Бабаеве или Череповце (на одной из станций) предлагался горячий обед из двух блюд с расстановкой: мясо – 75 г, жир – 40 г, крупы – 50 г, сушеные овощи – 20 г, хлеб – 150 г, мука – 20 г.

Были приняты меры по улучшению условий содержания эвакуированных эшелонами. Особое внимание уделялось улучшению медицинского обслуживания эвакуируемых в пути.

20 января 1942 г. Ленинградский областной исполнительный комитет передал услуги эвакуированных ленинградцев исполнительному комитету городского совета.

Муниципальный департамент здравоохранения реорганизовал медицинский центр для эвакуированных с Финляндского вокзала. Он состоял из персонала скорой помощи. В медицинском центре круглосуточно дежурила бригада из одного врача и четырех медсестер. С начала февраля по 13 апреля 1942 г. через медицинский центр прошло 2564 пациента. Медицинский блок Борисовой Гривы был расширен. Здесь развернуто отделение неотложной помощи на 7 коек и изолятор на 25 коек. С февраля по апрель медицинское подразделение оказало услуги 13 тыс. пациентам [2, с. 130].

Особое внимание уделялось укреплению медсанчасти Жихарева, которая являлась местом с наибольшей концентрацией населения. Медсанчасть Жихарева пополнилась медицинским персоналом. Под ее руководством были созданы больница на 25 коек и изолятор на 3 койки. С февраля по апрель его прошли 8918 пациентов [2, с. 311]. В самом густонаселенном месте был создан медицинский центр, где круглосуточно дежурили врач, медсестра и две сиделки. Медицинские центры были развернуты по мере необходимости. Иногда их было целых пять.

Кроме того, 25 февраля 1942 г. в эвакуационных центрах Лаврова и Кабона были открыты медицинские пункты, каждый на 25 коек; были созданы контрольные пункты для выявления инфекционных больных в Жихарево, Кабоне и Лаврове.

Все эти меры значительно улучшили медицинское обслуживание эвакуированных и работу эвакуационных центров со второй половины февраля.

Несмотря на трудности и недостатки, с 22 января по 15 апреля 1942 г. по ледовой дороге было эвакуировано 554 186 человек, в том числе 35 713 раненых красноармейцев, 7343 раненых в Великой Отечественной войне и 12 639 детей из детских домов.

Всего с 22 июня 1941 г. по 15 апреля 1942 г. из Ленинграда было эвакуировано 1 295 100 чел., в том числе 970 718 местных жителей и 324 382 солдата Красной армии, которые ранее эвакуировались в Ленинград и были ранены [2, с. 302].

Поэтому, несмотря на огромные трудности, с которыми пришлось столкнуться первой зимой блокады, важнейшая общегосударственная задача – эвакуация населения из блокированных городов, была решена. Из города было эвакуировано более миллиона человек. В результате были спасены жизни сотен тысяч ленинградцев и значительно облегчена продовольственная ситуация в осажденном городе.

Постановлением Военного комитета Ленинградского фронта «О необходимых мерах для Ленинграда» 5 июля 1942 г. было принято решение эвакуировать из города всех инвалидов и часть высококвалифицированных рабочих. На расширенном заседании Президиума городского совета 6 июля было принято решение эвакуировать не менее 300 тыс. человек [1, с. 129]. Эвакуация через Ладогу летом 1942 г. была проведена более организованно, полностью по плану. Эвакуированные работники подписали трудовые договоры с предприятием и получили выплаты при увольнении.

С мая по ноябрь 1942 г. через Ладогу было эвакуировано 448 694 человека; в 1943 г. – 15 тыс. чел. [4, с. 535]. 25 августа 1942 г. в городе все еще проживало 790 024 чел., в том числе 4877 в Колпино и 9149 в Кронштадте [2, с. 313].

Ситуация с оказанием помощи эвакуированным ГКО, Политбюро ЦК ВКП(б) и Народному Комитету Советского Союза давала характеристики важных общенациональных мероприятий, проводимых с участием народных масс. В специальном постановлении Совнаркома от 31 января 1942 г. этот вопрос специально рассматривался. Исходя из этого, Наркомат республики, исполкомы краев и областей страны создавали специальные отделы по экономической структуре эвакуированного населения [5, с. 213].

По прибытии эвакуированным была оказана помощь в размещении, питании и трудоустройстве.

Дети, эвакуированные из Ленинграда, а также детские дома, ясли-сады и комнаты малютки были окружены особой заботой. Только в Ярославской области 15 мая 1942 г. 35 087 детей были тепло приняты, по-родственному. Их заселяли в дома отдыха, детские дома и дома престарелых. В 1942 г. 42 ленинградских детских дома были эвакуированы в 18-й район Горьковской области.

Формы помощи осажденному населению Ленинграда, в том числе семьям военнослужащих, очень разнообразны. Они характеризуются тем, что все они полностью поддерживаются взаимодействием национальных и местных органов власти и реализуются в условиях широкого участия общественности.

Библиографический список

1. Ленинград в борьбе: Месяц за месяцем (1941–1945) / [А. Е. Алексеенков, Н. И. Барышников, Б. П. Белозеров и др.; редкол.: А. Р. Дзенискевич (отв. ред.) и др.]; Ассоц. историков блокады и битвы за Ленинград в годы второй мировой войны, Гос. мемор. музей обороны и блокады Ленинграда. СПб.: Ланс, 1994. 349 с.
2. Ленинград в осаде: сборник документов о героической обороне Ленинграда в годы Великой Отечественной войны, 1941–1944 / [отв. ред. – А. Р. Дзенискевич]. СПб.: Лики России, 1995. 639 с.
3. Непокоренный Ленинград: Крат. очерк истории города в период Великой Отеч. войны / А. Р. Дзенискевич, В. М. Ковальчук, Г. Л. Соболев и др. Л.: Наука: Ленингр. отд-ние, 1985. 327 с.
4. Солсбери Г. 900 дней. М.: Прогресс-Литера, 1994.
5. Худякова Н. Д. Вся страна с Ленинградом. Л.: Лениздат, 1960. 234 с.
6. Центральный государственный архив историко-политических документов СПб (ЦГАИПД СПб). Ф. 25. Оп. 12. Д. 13.

В. О. Левашко

Демобилизация 1945–1948 гг. в Ленинградской области: проблемы и решения

В статье на примере Ленинградской области рассматривается проведение демобилизации Красной армии и рабоче-крестьянского Красного флота по завершении Великой Отечественной войны и решение связанных с ней проблем.

The article is devoted to the demobilization of the Red Army and the Red Fleet after the end of the Great Patriotic War and the solution of related problems. The article is based on the example of the Leningrad region (Leningrad Oblast).

Ключевые слова: демобилизация, Ленинградская область, послевоенное время, солдаты, офицеры, женщины, жильё, квартиры, работы.

Key words: demobilization, Leningrad region (Leningrad Oblast), post-war period, soldiers, officers, women, housing, apartments, jobs.

Первое послевоенное десятилетие в отечественной истории, бесспорно, было исследовано специалистами самых разных направлений, но до сих пор ряд вопросов требует беспристрастного рассмотрения [4; 9]. Одним из таких вопросов является история послевоенной демобилизации Красной армии и Рабоче-крестьянского Красного флота. В настоящее время, в связи с проведением СВО и частичной мобилизацией в 2022 г., эта тема приобретает особую актуальность. Целью работы является анализ проблем, с которыми столкнулись демобилизованные Ленинградской области, и варианты их решений.

Так, 10 июля 1945 г. в соответствии с законом «О демобилизации старших возрастов личного состава действующей армии», принятым Верховным Советом (ВС) СССР 23 июня 1945 г., в Красной армии началась демобилизация. Всего предстояло уволить в запас 13 возрастов, в том числе более 8,5 млн воен-

нослужащих. Демобилизация после Великой Отечественной войны не была одномоментной и проходила в несколько этапов. Так, вслед за первой волной, когда были демобилизованы самые возрастные военнослужащие, 25 сентября 1945 г. в соответствии с указом Президиума ВС СССР «О демобилизации второй очереди личного состава Красной армии», началась демобилизация следующих десяти возрастов рядового и сержантского состава, а также выпускников вузов и средних технических или сельскохозяйственных училищ, работавших до призыва учителями или преподавателями, студентов вузов, не закончивших образование в связи с призывом, получивших по три или более ранений, отслуживших в Красной армии от 7 лет, а также женщин.

Вторая очередь была демобилизована до конца 1945 г. В ходе последующих волн последними были демобилизованы те, кто был призван на службу в последние дни войны. В целом демобилизация Красной армии и Красного военно-морского флота завершилась к концу 1948 г. Всего было демобилизовано 8 млн 491 тыс. чел., из них 1 237 334 офицеров и генералов [3, с. 42].

В Ленинград в 1945 г. вернулись 128 516 чел., в 1946 г. – 60 613, а в первое полугодие 1947 г. – 7721 человек [6, с. 471]. В Ленинградскую область на 15 января 1946 г. вернулись 34 236 демобилизованных, в том числе в города Ленинградской области 6447 демобилизованных воинов [12, л. 65].

Города и сёла области старались организовать воинам-победителям торжественную встречу. Планировались митинги и торжественные шествия, развешивались транспаранты. Но провести официальное торжество удалось не везде. Так, руководство Тосненского района Ленинградской области отмечало, что торжественный митинг не состоялся, потому что демобилизованные прибывали малыми группами и буквально рвались домой, к своим [12, л. 80].

Возвращение выживших и победивших было огромной радостью как для них самих, так и для их близких. Но реальности недавней войны продолжали напоминать о себе. Прежде всего следует отметить появление большого числа искалеченных воинов. Всего из Красной армии было уволено в ходе войны 2 млн 576 тыс. инвалидов. Большинство из них прибывало в крупные города Советского Союза, где, как им казалось, было легче найти пропитание. Современник вспоминал: «...Инвалиды выстаивали в долгих очередях за протезами, наподобие деревяшек, на которых ковыляли потерявшие ногу под Бородино. Самых изувеченных собирали в колониях, размещенных в глухих, дальних углах. Дабы не портили картину общего процветания...» [7, с. 383].

Властями Ленинградской области был принят целый ряд мер, чтобы облегчить положение инвалидов, привлечь их к трудовой деятельности и тем самым позволить вернуться к полноценной жизни. Прежде всего инвалидов снабжали предметами первой необходимости, одеждой, обувью, но всем не хватало. В Кексгольме на 1 января 1946 г. было зарегистрировано 63 инвалида Отечественной войны. В течение 1945 г. им всем ежемесячно выплачивалось 20 тыс. р. – по 317 р. на человека. Ещё 4,5 тыс. р. было выплачено в рамках единовременной помощи [12, л. 50].

Остро встал вопрос о трудоустройстве искалеченных, иначе огромная волна нищих грозила захлестнуть и Ленинград, и областные города. Партийным и государственным органам предлагалось создавать из увечных воинов кооперативы – артели для удовлетворения повседневных нужд населения.

Вообще, проблема трудоустройства была основной и главной для всех категорий демобилизованных, хотя и в разной степени. Менее всего с ней столкнулись демобилизованные генералы, которые были назначены на различные должности в партийно-государственном аппарате, на предприятиях и других хозяйственных организациях. В целом по СССР 1067 генералов и старших офицеров стали начальниками главных управлений, 5691 – секретарями отделов городских и районных комитетов ВКП(б), 4975 – директорами заводов и фабрик, 4908 – главными инженерами заводов и фабрик, 15 651 – начальниками цехов предприятий, 12 627 – председателями колхозов [3, с. 442].

Рядовой и сержантский состав могли пополнить ряды рабочих и колхозного крестьянства, но тут тоже возникали проблемы. Далеко не все демобилизованные воины были согласны вернуться к той работе, на которой они трудились до войны, многие предполагали, что для них – героев-победителей, должны быть созданы отдельные условия и что они должны стать «начальниками» [11, с. 6].

Зачастую демобилизованные колхозники, а на 15 февраля 1946 г. было демобилизовано 3543,2 тыс. колхозников, не хотели возвращаться в деревню и надеялись остаться в городах, куда рассчитывали в дальнейшем перевести и свои семьи [11, с. 7]. Так, во Мгинском районе Ленинградской области 138 (11 % демобилизованных) бывших колхозников перебралось в город [12, л. 71]. Из 1729 демобилизованных в Тосненском районе к январю 1946 г. на селе работало только 56 человек.

Кроме того, часто не хватало и рабочих мест, в стране шла перестройка экономики с военных рельс на мирные, ранее эвакуированные предприятия возвращались в европейскую часть, часто бывшие рабочие завода оказывались «не нужны ни там, ни здесь». Особо сложная ситуация сложилась в Воронежской, Ростовской Тамбовской, Горьковской областях.

Нельзя не учитывать и тот факт, что за годы войны было проведено несколько призывов 17-летних юношей, которые успели похвастаться и победить, но не успели получить гражданскую специальность, поэтому не могли рассчитывать на сколь бы то ни было прилично оплачиваемую работу. Естественно, подобная ситуация у орденосных воинов вызывала, мягко говоря, раздражение.

Е. С. Синявская отмечала в этой связи: «В этот же период особые трудности возвращения к мирной жизни испытали те, кто до войны не имели никакой гражданской профессии и, вернувшись с фронта, почувствовали себя „лишними“, никому не нужными, чужими. Пройдя суровую школу жизни, имея боевые заслуги, вдруг оказаться ни на что не годным, учиться заново с теми, кто значительно младше по возрасту, а главное – жизненному опыту, – болезненный удар по самолюбию. Еще обиднее было обнаружить, что твое место занято „тыловой

крысой“, отлично устроившейся в жизни, пока солдат на фронте проливал свою кровь» [7, с. 46].

Однако надо отдать должное Советскому государству, все эти проблемы в большей или в меньшей степени решались. Так, на 15 февраля 1946 г. из 1771,5 тыс. демобилизованных, прибывших в города, были трудоустроены 1286,5 тыс. чел., что составляло примерно 75 % демобилизованных [11, с. 7].

Схожая картина фиксируется и в Ленинградской области. На 1 января 1946 г. в область прибыли 32 942 чел., в том числе в города области – 6145. Из них к концу года было трудоустроено 28 250 чел., в том числе в городах 5407. Абсолютно большинство, 21 764 чел., устроились на работу через аппарат заведующего мобилизацией. Не нашли работу к концу 1945 г. по области 2865 чел., из них по городам 510 чел., соответственно 8,7 и 8,3 % [12, л. 2–3].

Как решалась эта проблема наглядно, показывает доклад руководства Тосненского района Ленинградской области. Сперва районное начальство не уделило должного внимания вопросам трудоустройства, полностью положившись на совесть воинов-победителей. Но возникли проблемы! Получив на три месяца продовольственные карточки демобилизованного, бывшие воины начинали «гулять», а через три месяца приходили за новыми продовольственными документами, оправдываясь тем, что они строили и ремонтировали свою жилплощадь. В результате из 650 первых прибывших в октябре сразу на работу устроились только 300 чел. [12, л. 81].

Работу пришлось перестраивать, продуктовую карточку демобилизованного выдавали теперь только на 10 дней, по истечении которых бывшие воины должны были получить наряд на работу. Злостных лентяев вызывали в военкомат, при беседе присутствовал представитель НКВД. Особенно часто эта практика применялась в Тосно, Любани, Ульяновке. В результате, на 15 января 1946 г. из 1729 демобилизованных тосненцев работало уже 1410 чел.

Но самые большие проблемы возникли у демобилизованного среднего и младшего офицерского состава. Многие из них не хотели демобилизации, рассчитывали на продолжение службы. Командиры взводов, рот и батальонов обоснованно полагали, что их боевой опыт обеспечит им карьеру и в мирное время. В соответствии с директивами кадровых служб армии и флота, так и должно было быть. В войсках и на флотах должны были остаться молодые, подготовленные офицеры. Кадровое управление Красной Армии рапортовало что из числа офицеров, имевших высшее военное образование, были демобилизованы только 2,5 % [3, с. 437].

Но предписанное директивами исполнялось далеко не всегда. Зачастую командиры частей и соединений решали вопрос продолжения службы кумовством, личными связями, взаимной симпатией или неприязнью. В итоге те, кто остался в армии вынуждены соглашаться с переводом на низшие должности, по сравнению с теми, которые они занимали во время войны. Вот так и становились майоры командирами рот, а орденосные комэски – рядовыми лётчиками, но для большинства это был ещё наилучший выход. Те, же кого «уволители из рядов», вынуждены были искать для себя место «на гражданке».

По данным военкоматов Ленинградской области, на 1 января 1946 г. было зарегистрировано 889 демобилизованных офицеров, в том числе один подполковник, 32 майора, 95 капитанов, 46 офицеров, один капитан, девять старших лейтенантов, 17 лейтенантов и 19 младших лейтенантов были женщинами [12, л. 40]. Как вспоминают очевидцы, сначала они добивались и требовали, но затем вынуждены были соглашаться на любую должность, обеспечивающую хотя бы пропитание [13, с. 53].

Тем не менее, по данным Ленинградского горкома ВКП(б), к концу 1946 г. в Ленинграде были трудоустроены 86 % демобилизованных офицеров [1, с. 478].

Из числа демобилизованных офицеров государство в этот период получило около 287 тыс. специалистов, из них более 100 тыс. медицинских работников и 46 тыс. учителей [3, с. 441].

Одной из главных проблем, с которой столкнулись все, без исключения, демобилизованные, был пресловутый «квартирный вопрос». Властям, как центральным, так и местным, предстояло предпринять титанические усилия, чтобы в послевоенной стране создать для демобилизованных воинов хотя бы минимальные условия для проживания, с учётом тех ужасных разрушений, которых оставили после себя оккупанты [10, с. 35]. В Ленинградской области можно в качестве примера привести посёлок Саблино, где уцелело пять домов на 20 квартир, куда и поселили демобилизованных. При этом район не смог ни остеклить дома, ни починить крыши [12, л. 80]. В целях оказания помощи демобилизованным в жилищном обеспечении СНК СССР 21 сентября 1945 г. принял постановление № 2436, согласно которому министерства и ведомства, осуществляющие жилищное строительство, были обязаны предоставлять 10 % всей жилой площади во вновь выстроенных и восстановленных домах для заселения ее исключительно нуждающимися в жилье демобилизованными, семьями военнослужащих, инвалидами Отечественной войны и семьями погибших воинов. Кроме того, для лиц, уволенных из армии и поступивших на работу в народное хозяйство, был предусмотрен порядок зачета в трудовой стаж времени службы в Вооруженных силах, партизанских отрядах и народном ополчении при решении вопросов о выплате единовременных вознаграждений, различных надбавок в заработной плате и т. д. [3, с. 443].

По данным Ленинградской областной прокуратуры, в Гатчине, Павловске, Луге была занята даже та жилплощадь, которую демобилизованные занимали до войны, а у бывших воинов не было документов, подтверждающих их права на жильё. С этой проблемой столкнулись в СССР многие демобилизованные и эвакуированные. Из 200 жалоб от недавних воинов в Ленинградскую прокуратуру к декабрю 1945 г. 182 жалобы касались именно жилищного вопроса. Прокуратурой области было проведено девять проверок, подтвердивших претензии жалобщиков [12, л. 7].

Вопрос с жильём в области надо было решать срочно. Задача была возложена на районные партийные и государственные органы. В Павловском районе (1703 демобилизованных) было отремонтировано и предоставлено демобилизо-

ванными 145 квартир. В Гатчинском районе (1585 демобилизованных) отремонтировано 15 домов и 86 квартир. В Волховском районе (1811 демобилизованных) выстроено 106 новых домов и отремонтировано 666 квартир. Получила распространение выдача ссуд на индивидуальное строительство – в Павловском районе 120 чел. получили 1025 тыс. р. и строительные материалы, в Гатчинском районе – 542 тыс. р. и строительные материалы, в Волховском районе – 49 500 р. на строительство домов предоставлены 92 демобилизованным [12, л. 52–56, 58].

Во всех районах, насколько это было возможно, привели в порядок общежития и приспособили для первоначального проживания воинов нежилые здания. Для этого, по данным Ленинградского областного жилищного управления, с огромным трудом было выделено 500 кв. м. стекла, 2 тыс. кусков обоев, 3 т краски, 300 кроватей и тумбочек и т. д. Это при том, что реальные потребности были в разы больше – 6 тыс. кв. метров стекла, 25 тыс. кусков обоев, 15 т краски и т. д. [12, л. 5–6].

А вот практика подселения демобилизованных к жителям путём уплотнения себя не оправдывала и часто приводила к скандалам, вроде того, что произошёл в городе Тосно, где хозяин дома Яшкевич выкинул из дома вещи провоевавшего 4 года красноармейца Герасимова и ни при каких обстоятельствах не пускал его обратно! [12, л. 80]. О причинах подобного поступка можно только догадываться!

С значительными проблемами столкнулись после демобилизации бывшие студенты. На начало войны в СССР числилось 811 тыс. студентов в 817 высших учебных заведениях, из них в первый год войны на фронт ушли почти 600 тыс., еще 100 тыс. – в 1942 г. Число аспирантов уменьшилось с 13 169 чел. в июне 1941 г. до 800 чел. в феврале 1942 г. Как уже сказано выше, они вернулись на гражданку одними из первых и стремились продолжить обучение. К февралю 1946 г. к занятиям приступили 41 900 чел. студентов-фронтовиков. Годы фронта не прошли для них бесследно, зачастую были утеряны самые необходимые основы знаний. Приходилось всё начинать сначала и на экзаменах и зачётах прежде всего выпячивать орденосную грудь! [11, с. 7].

Ну, и наконец, фронтовики зачастую просто не могли найти для себя место в мирной жизни, не представляли, как можно жить без каждодневного риска. Это было следствием многолетнего нахождения на фронте, боевых психологических травм. «Четыре года нечеловеческого напряжения всех физических и духовных сил, жизнь, когда „до смерти четыре шага“. Естественная, обычная реакция организма – усталость, апатия, надрыв, слом... Это бывает у людей и не в экстремальных ситуациях, а в обыкновенной жизни – после напряженной работы наступает спад, а здесь – война...» [7, с. 46]. Многие испытывали угнетение, осознавая истинные потери страны на войне, своеобразное чувство вины живых перед павшими. Недаром именно в 1946 г. поэт-фронтовик Александр Твардовский написал ставшие легендарными слова:

«...И никто пред нами, из живых не в долгу,
Кто из рук наших знамя подхватил на бегу!..» [5, с. 672]

Темой отдельного исследования являются проблемы, с которыми в новой, мирной жизни столкнулись демобилизованные женщины-военнослужащие. В первой волне было демобилизовано 224 462 женщины-военнослужащие, ещё 73 425 женщин были демобилизованы во второй волне. Вернувшись домой, они часто сталкивались с непониманием, а то и откровенной враждебностью тех, кто оставался в тылу. Многие были уверены, что на фронте женщины занимались исключительно удовлетворением мужских сексуальных запросов, и что их боевые награды – не более чем плата за услуги такого рода.

Демобилизованные женщины вызывали настроенность и непонимание не только в столицах, но и в провинции. Об этом вспоминала, в частности, Прасковья Николаевна Мошенцова – врач Кремлёвской больницы: «...Однако заметила, что все пассажиры смотрят на меня не то встревоженно, не то недоуменно... Может быть, потому, что одета я была в полувоенную форму: плащ палатка, шапка и сапоги» [6, с. 27].

В воспоминаниях бывшего военврача Веры Малаховой упоминается факт, как она по просьбе мужа надела фронтовые награды: какой-то прохожий, когда муж немного отстал, отпустил реплику: «а, фронтовая б...» [2, с. 421].

Не в пример сложнее было бывшим походно-полевым жёнам, которые действительно были весьма распространённым явлением в армии и на флоте во второй половине войны. Те, кто был с ними в страшные дни войны, кого они выхаживали и в прямом, и в переносном смысле, вернулись к своим семьям, забыли о них, а они остались со своей бедой, со своей памятью и часто со своими детьми, которые даже не могли носить фамилию своих отцов! В этой связи замечательные слова сказал Константин Симонов, проблему ППЖ, знавший не понаслышке:

«...Не забывшая, не замужняя
Никому другому не нужная,
Она честно несёт свою муку!
Поцелуй, если встретишь, ей руку!» [8, с. 271]

Подводя итог, надо сказать, что Ленинградская область в период послевоенной демобилизации испытала такие же проблемы, как и другие центральные регионы страны. Понятно, что решить их в полной мере область была не в состоянии, хотя предпринимались самые решительные меры. Можно с полным правом сказать – что могли, то делали! Контроль над ситуацией с демобилизованными был под постоянным контролем областного руководства. Этот опыт, несомненно будет востребован в нашей стране и в нашем регионе по завершению специальной военной операции.

Библиографический список

1. Барышников Н. И., Саунин О. И., Паршиков А. М. Ордена Ленина Ленинградский военный округ. Исторический очерк. Л.: Лениздат, 1968. 566 с.
2. Будницкий О. Мужчины и женщины в Красной Армии 1941–1945 // Cahiers du monde russe. Russie – Empire russe – Union soviétique et États indépendants. 2011. № 52/2-3. С. 405–422.
3. Военные кадры Советского государства в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. / под общ. ред. А. П. Белобородова. М.: Воениздат, 1963. 624 с.

4. Данилов А. А., Пыжиков А. В. Рождение сверхдержавы: СССР в первые послевоенные годы. М.: Концептуал, 2021. 384 с.
5. Лирика 40-х. Фрунзе: Кыргызстан, 1977. 768 с.
6. Мошенцова П. Н. Тайны Кремлевской больницы. М.: Алгоритм, 2012. 256 с.
7. Сенявская Е. С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1999. 383 с.
8. Симонов К. Сын. Стихи и поэмы 1936–1954. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1955. 578 с.
9. Социальная политика СССР в послевоенные годы. 1947–1953. М.: РОСПЭН, 2020. 718 с.
10. Хлынина Т. П. Жилищный вопрос и практики его разрешения в годы Великой Отечественной войны // Научный диалог. 2014. № 5 (29): История. Социология. С. 17–35.
11. Хрестоматия по отечественной истории / под ред. А. Ф. Киселёва, Э. М. Щагина. М.: ВЛАДОС, 1996. 602 с.
12. Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб). Ф. 24. Оп. 12. Д. 7.
13. Шуняков Д. В. Послевоенная демобилизация офицерских кадров Вооружённых сил СССР и связанные с ней проблемы // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. С. 53–59.

Сведения об авторах

Абдусаламов Магомед-Паша Балашович, доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры фундаментальной медицины, Научно-клинический центр имени Башларова; e-mail: vikingpasha@mail.ru

Аганов Андрей Анатольевич, аспирант, Южный федеральный университет, г. Ростов-на-Дону; e-mail: aganoff.a@yandex.ru

Адам Роман Анатольевич, студент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: roma-adam@mail.ru

Андреева Мария Павловна, зав. отделом краеведения, Лужская городская библиотека (г. Луга, ленинградская область); e-mail: marand_mae@mail.ru

Асанидзе Ольга Алексеевна, магистрант 3 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: oasanidze05@gmail.com

Бабуков Камилль Наилевич, студент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: heloom@mail.ru

Багрова Ольга Сергеевна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: olya.bagrova@mail.ru

Барабанова Ксения Сергеевна, кандидат исторических наук, независимый исследователь; e-mail: barabanova13@gmail.com

Баша Софья Аркадьевна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: sunsonya17@gmail.com

Богдашина Ирина Владимировна, кандидат исторических наук, ассистент кафедры истории и международных отношений, Волгоградский государственный университет; e-mail: i.bogdashina@volsu.ru

Бурканова Марина Евгеньевна, студентка 4 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; marina.burkanova.02@mail.ru

Бычкова Валентина Сергеевна, старший преподаватель кафедры «Русский язык, литература и лингвокриминалистика», Тольяттинский государственный университет; e-mail: valciria96@outlook.com

Вайнгорт Владимир Леонтьевич, доктор экономических наук, член правления, Балтийский институт жилищной экономики и политики (г. Таллин, Эстония); e-mail: kardis@kardis.ee

Веденёв Лев Алексеевич, студент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: vedenev.2002@mail.ru

Веремёнко Валентина Александровна, доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: v.a.veremenko@yandex.ru

Власов Тимофей Викторович, аспирант, Псковский государственный университет; e-mail: timafey13@gmail.com

Волгушева Алла Олеговна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин, Российский государственный гидрометеорологический университет; e-mail: volgusheva_irbis@mail.ru

Галаганова Светлана Георгиевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры «Информационная аналитика и политические технологии», Московский государственный технический университет им. Н. Э. Баумана; e-mail: 23_polecat@mail.ru

Горелов Илья Павлович, доктор военных наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры организации работы полиции, Санкт-Петербургский государственный университет МВД России; e-mail: grey-2@yandex.ru

Гребенкин Алексей Николаевич, доктор исторических наук, доцент, сотрудник Академии Федеральной службы охраны Российской Федерации; e-mail: angrebyonkin@mail.ru

Губарева Наталья Романовна, учитель истории, школа № 552 Пушкинского района Санкт-Петербурга; e-mail: nataly-1992@mail.ru

Дашкевич Никита Германович, магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: dashkevich0801@gmail.com

Дележа Елена Мироновна, кандидат искусствоведения, доцент, профессор кафедры РЦМиАФ, член СТД России, Санкт-Петербургский государственный институт кино и телевидения; e-mail: delezha@mail.ru

Дорджиева Елена Валериевна, доктор исторических наук, профессор кафедры социальных и гуманитарных наук, Российский технологический университет (РТУ МИРЭА); e-mail: evdord@yandex.ru

Евпалов Виктор Владиславович, аспирант кафедры российской истории, Самарский национальный исследовательский университет им. академика С. П. Королева, г. Самара; e-mail: Victor.evpalov@gmail.com

Евстигнеев Алексей Владимирович, студент 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: voring61@gmail.com

Егорова Светлана Львовна, кандидат исторических наук, научный сотрудник отдела гуманитарных междисциплинарных исследований, Федеральный исследовательский центр «Коми НЦ УрО РАН»; e-mail: svsv77@yandex.ru

Емельянов Алексей Юрьевич, экскурсовод, Коневский Рождество-Богородичный мужской монастырь; e-mail: orlitsky@inbox.ru

Ершова Ольга Васильевна, зав. Киришским филиалом ГБУК ЛО «Музейное агентство» Киришский историко-краеведческий музей; e-mail: kovalenko.olga@mail.ru

Жоркина Дарья Григорьевна, магистрант кафедры «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия», Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет; e-mail: dzhorkina@mail.ru

Жумаев Роман Анверович, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет им. Н. Г. Чернышевского; e-mail: razhumaev@yandex.ru

Зайцев Игнатий Васильевич, студент 1 курса, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II; e-mail: ignatijzajcev@gmail.com

Зайцева Светлана Валентиновна, кандидат исторических наук, научный сотрудник Научно-образовательного центра краеведческих исследований, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: svlanaz@yandex.ru

Карпова Вероника Викторовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: nika7676@mail.ru

Кондалова Наталья Алексеевна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры документоведения, истории государства и права, МИРЭА – Российский технологический университет; e-mail: natalja-kondalova@rambler.ru

Косоротов Дмитрий Сергеевич, студент факультета истории и социальных наук, секретарь деканата факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: d.kosorotov@gmail.com

Кугай Виктория Вадимовна, младший научный сотрудник, Киришский историко-краеведческий музей (филиал ГБУК ЛО «Музейное агентство»); e-mail: viktoriya.kugai@mail.ru

Кузнецова Анастасия Александровна, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России, Сургутский государственный университет; e-mail: smirnova_aa@list.ru

Лабонина Светлана Дмитриевна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: labonina2018@mail.ru

Ланда Мария Алексеевна, магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: catroma@yandex.ru

Лапина Анна Александровна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: anna.lapina01@list.ru

Ларин Артем Александрович, аспирант кафедры истории, политологии и государственной политики, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации; e-mail: larin-sm333@mail.ru

Латышев Олег Юрьевич, кандидат филологических наук, член-корреспондент Международной академии психологических наук, президент Международной Мариинской академии им. М. Д. Шаповаленко; e-mail: Para888@list.ru

Латышева Полина Александровна, исполнительный директор, Международная Мариинская академия имени М. Д. Шаповаленко, Москва, Россия; e-mail: para888@list.ru

Левашко Вадим Олегович, кандидат исторических наук, доцент, декан факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: v.levashko@lengu.ru

Луизетто Мауро, доктор филологических наук, почетный вице-президент, Международная Мариинская академия имени М. Д. Шаповаленко, г. Пьяченца, Италия; e-mail: mauro65@gmail.com

Лямина Татьяна Евгеньевна, кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии, биоэтики, истории медицины и социальных наук, Смоленский государственный медицинский университет; e-mail: t-lyamina@mail.ru

Матвиенко Кристина Максимовна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: kriss.matvi@mail.ru

Меркулова Елена Алексеевна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: merkulovaelena629@gmail.com

Миненко Илья Федорович, соискатель кафедры истории России, Курский государственный университет; e-mail: mif1991@yandex.ru

Молодцова Ольга Владимировна, руководитель проектов Ассоциации краеведов Ленинградской области, многолетний член жюри региональных этапов федеральных историко-краеведческих конкурсов для школьников; e-mail: olavm@yandex.ru

Морозова Ольга Георгиевна, магистрант 2 курса, Смоленский государственный университет; e-mail: N-030168@yandex.ru

Муренкова Юлия Сергеевна, магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: juliamurenkova@yandex.ru

Нечаев Александр Геннадьевич, аспирант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: nechaev.ng@gmail.com

Низов Станислав Александрович, исполнительный директор, Ассоциация краеведов Ленинградской области, общественный деятель; e-mail: nizoff@gmail.com

Никитина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Смоленский государственный университет; e-mail: N-030168@yandex.ru

Никифоров Анатолий Леонидович, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: ratibor76@mail.ru

Николаенко Кристина Евгеньевна, студентка 5 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: kristinaninikolaenko@yandex.ru

Петухова Нина Михайловна, доцент кафедры «Реконструкция и реставрация архитектурного наследия», Санкт-Петербургский государственный университет искусствоведения; e-mail: Petukhova.n.m@lan.spbgasu.ru

Подольский Сергей Игоревич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, Санкт-Петербургский горный университет императрицы Екатерины II; e-mail: octet@yandex.ru

Подольянец Лада Авенировна, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный лесотехнический университет, филиал Санкт-Петербургского Финансового университета при Правительстве РФ; e-mail: podolyanets@mail.ru

Полудень Владимир Андреевич, магистрант 2 курса, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: poludenvladimir@gmail.com

Похилюк Анатолий Викторович, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: viktorovich_1948@mail.ru

Радаэлли Массимо Энрико, доктор медицинских наук, вице-президент, Международная Мариинская академия имени М. Д. Шаповаленко, г. Милан, Италия; e-mail: radamass1@gmail.com

Рогозина Анастасия Сергеевна, лейтенант полиции инспектор группы по исполнению административного законодательства ОБ ДПС ГИБДД УМВД России по Ярославской области; e-mail: teatr 9795@gmail.com

Семенова Людмила Николаевна, кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры истории России, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: ln.semenova@mail.ru

Смурова Анна Анатольевна, студентка, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: anechka.smurova@yandex.ru

Соболев Артур Юрьевич, младший научный сотрудник, музей-усадьба «Суйда»; e-mail: artur.soboliev@mail.ru

Соловьева Надежда Константиновна, зав. отделом библиотечного маркетинга и пиара, Ленинградская областная универсальная научная библиотека; e-mail: lounb.nmo@mail.ru

Степанов Станислав Вячеславович, кандидат филологических наук, доцент кафедры истории России, зав. Научно-образовательным центром краеведческих исследований; Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: kptloorg@yandex.ru

Султангулов Владик Робертович, аспирант, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН; e-mail: Su.vladik@yandex.ru

Суровцева Екатерина Владимировна, старший научный сотрудник, кандидат филологических наук, Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; e-mail: surovceva-ekaterina@yandex.ru

Сутула Юлия Викторовна, младший научный сотрудник Научно-образовательного центра краеведческих исследований; аспирант факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: jmitlina@gmail.com

Трегубова Марина Сергеевна, лаборант, Научно-образовательный центр краеведческих исследований, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: marina_tregubova@mail.ru

Трунцева Анастасия Владимировна, преподаватель, Сходненская детская школа искусств (Московская область, г. Химки, мкр Сходня); e-mail: truntsova_a@mail.ru

Фальков Егор Вадимович, студент, Петербургский государственный университет путей сообщения Императора Александра I; председатель, Волховское районное отделение Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры; e-mail: falkov.egor@mail.ru

Фокин Фёдор Александрович, аспирант, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: Fedor.fokin.1997@mail.ru

Хангалова Марина Сергеевна, независимый исследователь, магистр истории искусств, член Союза Фотохудожников РФ; e-mail: marinakhangalova@gmail.com

Цупка Иван Иванович, студент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: tsupka_ivan@mail.ru

Цыганова Яна Михайловна, кандидат исторических наук, ученый секретарь, Самарская областная универсальная научная библиотека; e-mail: tym90@mail.ru

Чекулаев Николай Дмитриевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук; e-mail: bratzikow1974@mail.ru

Чернышов Сергей Андреевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник факультета исторических и политических наук, Национальный исследовательский Томский государственный университет; e-mail: 1502911@mail.ru

Шашкина Елена Андреевна, магистрант 2 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: shashkina.lena@mail.ru

Шишелова Валерия Вячеславовна, студентка 4 курса факультета истории и социальных наук, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина; e-mail: st000010721@lgumail.ru

Яковец Руслан Александрович, студент, Ленинградский государственный университет им. А. С. Пушкина, член Волховского районного отделения Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры; e-mail: yakovets.ruslan@mail.ru

Электронное научное издание

**СТОЛИЦА И ПРОВИНЦИИ:
ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЦЕНТРА И РЕГИОНОВ
В ИСТОРИИ РОССИИ**

**Материалы XV Всероссийской научной конференции,
15 марта 2024 г.**

Выпуск 15

Ответственный редактор
Степанов Станислав Вячеславович

Редакторы: *И. С. Воробьева, Т. Г. Захарова,
А. А. Титова, Д. В. Шабентова*
Технический редактор *Н. П. Никитина*
Техническая обработка *Н. П. Никитина*

Подписано к использованию: 22.03.2024
Заказ № 1945
Тираж 100 экз.
Объем издания: 300 Кб
1 CD-ROM

Минимальные системные требования
ПК (AMD, Intel, 1,5 ГГц); Windows 7/8/10; 2 Гб; 500 Мб; CD-ROM;
Adobe Acrobat Reader

Программное обеспечение, использованное для подготовки издания:
MS Office, Adobe Acrobat DC

Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина
196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское шоссе, 10
www.lengu.ru; pushkin@lengu.ru; тел. +7 (812) 451-91-76